

В.Е. Ронкин

СОЧИНЕНИЯ

**НАБЛЮДЕНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ,
РАЗМЫШЛЕНИЯ**

Книга 2

Под ред. А.Н. Алексеева и И.Т. Ронкиной

НОРМА

Санкт-Петербург
2012

УДК 330.837
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Р71

Р71 В.Е. Ронкин
Сочинения. Наблюдения, исследования, размышления. Книга 2 / под ред. А.Н. Алексеева и И.Т. Ронкиной. — СПб.: Норма, 2012. — 592 с.

ISBN 978-5-87857-205-7

«Воспоминания бывшего бригадмилыца и подпольщика, а позже — политзаключенного и диссидента» — так Валерий Ефимович Ронкин подзаглавил свою книгу «На смену декаблям приходят январь...», вышедшую в издательстве «Звенья» в 2003 г.

Сейчас в руках у читателя — книга сочинений В.Е. Ронкина (1936–2010), которая никогда не задумывалась автором как книга. Это именно сочинения, составлявшие лишь часть его плотно насыщенной творчеством, познанием и общением жизни, своего рода дневник приключений духа, воплотившийся в трактаты, статьи, заметки, как правило, писанные «для уяснения самому себе» и для друзей, но и для оппонентов тоже, а среди последних — современная автору власть и казенная наука.

Тем не менее к середине 2000-х пришло осознание того, что все эти создававшиеся на протяжении жизни разнообразные и автономные произведения, принадлежащие перу химика-технолога по образованию и профессии и социального мыслителя и деятеля по жизненной сути, составляют некую целостность. По счастью, сам Валерий успел собрать свои литературные труды на сайте, а потом на диске, который раздаривал. Структура этого любительского (как все, что ни делал Валерий) собрания сочинений в основном воспроизведена в настоящем двухтомнике.

Здесь эта структура представлена в виде четырех крупных разделов: СОЦИОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ; ФИЛОСОФИЯ; КУЛЬТУРОЛОГИЯ; РАЗНОЕ. Первые два раздела занимают первую книгу «Сочинений»; последние два — их вторую книгу.

Среди трудов, вошедших во вторую книгу «Сочинений» В.Е. Ронкина: цикл изысканий в области мифологии, ронкинская пушкиниана, публицистика, написанный в 1962–1963 гг., в соавторстве с С.Д. Хахаевым, трактат «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата», а также стихи.

ISBN 978-5-87857-205-7

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© В.Е. Ронкин, 2012
© Норма, оформление, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов-составителей	7

КУЛЬТУРОЛОГИЯ	15

1. Архетипы	16
Город-сад	16
Размышления о символах	38
«Падший ангел»	41
Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...	44
Занимательный пройдоха (Трикстер)	67

2. Над текстами Пушкина	77
«Сказка о царе Салтане»: архетипическое и актуальное.	77
Еще о посвящении «Полтавы»	87
«Медный всадник»: ассоциации и размышления	92
Сюжетная квинтэссенция прозы («Повести Белкина»)	109
Преданья старины глубокой («Капитанская дочка»)	123
Предыстория «Памятника»	134

3. Мифология	142
Гуси-лебеди.	142
За сказочным образом	198
Лиса-кума (Славянский зодиак)	203
Читая Ветхий Завет	205
1. Грехопадение	205
2. Братоубийство	212
3. Мифы о Луне	221
4. Дан – божество смерти?	224
Предания об амазонках	227
Записи по памяти	248

4. Эссе.	250

Многоликая метафора	250
Имя в культуре	253
Магнитофонный самиздат	261
Иностранцы в России (Лесков и Платонов)	272
Аркадий Гайдар	283
 5. Взгляд и нечто	 291
Собака в фольклоре и истории (автореферат диссертации на соискание очень ученой степени)	 291
Перевод с древнегреческого	294
Биография О. Бендера (До «12 стульев» и после «Золотого тельца»)	 295
 6. Кинорецензии	 307
Терпит ли Поражаев поражение?	307
Опасная игра	309
«Дорогая Елена Сергеевна»*.	311
Трилогия Тенгиза Абуладзе	312
Жертва?	317
 РАЗНОЕ	 321
 1. Публицистика	 322
Должна ли страна знать своих «стукачей»?	322
Не рой яму другому.. . . .	323
Рецидив отжившего жанра*	326
Кто управляет таксомотором?	328
Феномен Горбачева	331
Проблемы русского меньшинства в государствах бывшей империи (На собрании эстонских политзеков)	 336
Зачем «Нашим» «не наши»?	339
Что такое история?	342
Россия и психиатрия	345
Мы все «заединчики»!	347

Статьи, отмеченные *, написаны в соавторстве с Сергеем Дмитриевичем Хахаевым.
Статья, отмеченная **, написана в соавторстве с Михаилом Михайловичем Моло-
стовым и Сергеем Дмитриевичем Хахаевым.

К программе «лейбористской» партии России*	348
Правая — левая, где сторона? (Россия в системе Зазеркалья)	351
Русофобия («Наших бьют!»)	356
Лекция, прочитанная школьникам в Сахаровском центре (ч. I)	358
Обучаемы ли мы? (Лекция, ч. II)	365
Ленин и Сталин	370
О программе РОСДП**	373
Политические партии современной России*	374
Письмо президенту	378
Какие и кому нужны реформы юстиции?	380
Мачехи демократии	383
Кто о чем думает (Старый анекдот).	386
Свобода и справедливость	388
О «Другой России»	390
Мачехи демократии-2	391
2. Рецензии и письма	393
Автопортрет на фоне органов	393
Тоска по себе самому	407
Что такое социал-демократы	
и как они воюют против «друзей народа»	411
Монахову Н.А. по поводу его книги «Плоды подсознания»	415
Письмо Д.Я. Травину по поводу его книги	418
3. О друзьях.	438
Юлий Даниэль на фоне зоны (Воспоминания).	438
Михаил Молоствов	455
4. Стихи.	458
1. Школьное	458
2. Институт	458
3. Следственная тюрьма на Шпалерной	460
4. Лагерное	463
5. Владимирская тюрьма	469
6. Переводы	473
7. Луга	476
5. От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата	478
От авторов	478

«От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата»	
(Пути построения коммунизма в СССР)*	480
Предисловие	480
Глава 1	482
Глава 2	487
Глава 3	496
Глава 4	516
Глава 5	549
Глава 6	558
Глава 7	571
6. «Колокол»	581
Из цикла «Кто управляет страной»	581
«Колокол». Апрель. 1965. Косыгин А.Н.	581
«Колокол». Май. 1965. Сулов М.А.	583
«Колокол» (Выступление В. Ронкина на конференции) . . .	585

ОТ РЕДАКТОРОВ-СОСТАВИТЕЛЕЙ

Перед тобой, читатель, — книга сочинений Валерия Ефимовича Ронкина (1936—2010), которая никогда не задумывалась автором как книга. Это именно **сочинения**, составлявшие лишь часть его плотно насыщенной творчеством, познанием и общением жизни, своего рода дневник приключений духа, воплотившийся в трактаты, статьи, заметки, как правило, писанные «для уяснения самому себе» и для друзей, но и для оппонентов тоже, а среди последних — современная автору власть и казенная наука.

Все же к середине 2000-х пришло осознание того, что все эти создававшиеся на протяжении всей жизни разнообразные и автономные произведения, принадлежащие перу химика-технолога по образованию и профессии и социального мыслителя и деятеля по жизненной сути, составляют некую целостность. По счастью, сам Валерий успел собрать свои литературные труды на сайте, а потом на диске, который раздавал. Структура этого любительского (как все, что ни делал Валерий) собрания сочинений в основном воспроизведена в настоящем двухтомнике.

Здесь эта структура представлена в виде четырех крупных разделов: СОЦИОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ и РАЗНОЕ.

Раздел **«Социология и история»**, которым открывается том 1 «Сочинений», включает в себя подразделы, иногда совпадающие с относительно крупными произведениями (их жанр уместнее всего определить как **трактаты**), а иногда составлены из тематически близких статей. В частности, начинается этот раздел работой «Системный взгляд на историю», которая писалась, можно сказать, всю жизнь. Валерий предваряет ее современную публикацию следующим замечанием:

«Этот опус я начал обдумывать еще во Владимирской тюрьме, примерно в 1970 году. Окончательно оформлен он был в конце 1970-х годов. За эти 30 лет многое изменилось. Изменились и мои представления.

Сейчас (в 2008 г.), перенося на компьютер свои тогдашние размышления, я кое-где вношу некоторые поправки-комментарии. Эти современные вставки я выделяю курсивом. В.Р.».

Так обычно поступает Валерий и с другими своими давними сочинениями. И обращаясь сегодня к «опусам» еще советских времен, поражаешься тому, как усматриваемая порой самим автором историческая наивность сочетается с усматриваемыми ныне нами прозрениями. Ибо, будучи абсолютно независим от догм тогдашней (да и нынешней) официальной науки, автор, начинавший как правоверный марксист, уже тогда (70-е гг.) уверенно ревизует, например, «учение об общественно-экономических формациях» (первобытно-общинный строй, рабовладельческий, феодальный, капитализм, коммунизм). В противовес марксовой пятичленке, В. Ронкин обосновывает свою четырехчленку, в которой центральным и сквозным понятием оказывается «саморазвивающаяся система» (СРС). Такими системами выступают и общество в целом, и отдельные его части, и личность.

Не углубляясь здесь в различия сменяющих друг друга на протяжении всемирной истории основных сфер деятельности и типов хозяйства (марксизм, как известно, именно экономику кладет в основу общественного устройства), укажем на ронкинское различие и эволюцию типов саморазвивающихся систем:

1) примитивно-конкурентный (интегративный) с биологической точки зрения;

2) формально-централизованный (объемлющий и рабовладельческую формацию, и «азиатский способ производства», и феодальный строй);

3) организованно-конкурентный (капитализм);

4) интегративный (неформально-централизованный).

Этому соответствует и историческая смена преобладающих форм управления:

1) традиция;

2) приказ, повеление;

3) договор;

4) совет, рекомендация.

Будущее, посткапиталистическое общество предстает у В. Ронкина «обществом знания», в котором «интеллигенция становится ведущей социальной силой».

Мы обратились к содержанию социально-философских идей Валерия Ронкина лишь на одном примере и никак не претендуем на их обзор и аналитическое рассмотрение.

Следующий подраздел раздела «Социология и история» включает в себя другой трактат — «Размышления о социальной роли государства» (это уже работа периода середины 2000-х гг.), после чего — подразделы «Теория социума», «Путь России» и «Национальный вопрос», охватывающие статьи разных лет — от 1970-х до 2000-х.

Приведем здесь названия лишь некоторых статей, характеризующих диапазон интересов Валерия Ронкина как социального исследователя: «Прошлое и будущее социализма» (1978); «Общественные формации: реальность или фикция?» (1988); «Проблемы диалогичности в социально-культурном развитии» (1988); «Чем государство богатеет...? В чем ошибался Карл Маркс?» (2010); «От Утопии до ГУЛАГа» (2009); «Российская антиутопия (Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин и другие)» (1999); «Лев Троцкий (Попытка психологического портрета)» (2008); «Предыстория национализма» (1996); «Рецензия на книгу Л.Н. Гумилева "Этногенез и биосфера Земли"» (1992).

Некоторые из этих работ публиковались, но большинство впервые выходят в свет в печатном издании.

Второй раздел «Сочинений», замыкающий собой том 1, — это «Философия», где Валерий Ронкин представлен своим, пожалуй, opus magnum — «Апология рационального». Воспроизведем здесь начало авторского предисловия:

«Эти свои размышления я начал приводить в порядок в начале 1980-х годов. Полностью закончена работа была к концу 1986 года.

Вопрос — почему массу людей так легко удается водить за нос всякому, кто за это всерьез возьмется, от «великих вождей» до мелких мошенников, — интересовал меня давно. Может быть, поэтому мифология стала моим хобби. Постепенно я стал обращаться и к книгам, посвященным теории мифа. После прочтения одной из них я вдруг захотел перечитать «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, а перечитав, понял, что это, по сути, хорошо написанная инструкция по созданию мифа.

Первоначально я планировал заняться анализом этого ленинского труда, а равно и анализом (в этом же ключе) советской идеологии. Но и то, и другое считалось в те поры у нас государственным преступлением. Не желая вторично отправляться в места не столь отдаленные, я решил использовать эзопов язык и вообще нигде прямо не упоминать ни о Ленине, ни о Советском Союзе.

Это, на мой взгляд, оказалось даже к лучшему, т.к. вместо политической полемики мне пришлось заняться неким теоретическим анализом процессов взаимодействия психики человека и его среды.

Намеки, коими я обильно оснастил свои размышления, по прошествии времени превратились просто в примеры иррационального мышления. В то же время они хорошо иллюстрируют государственную идеологию нашего недавнего прошлого. Этой же цели служили и некоторые непосредственно не цитируемые в тексте ссылки».

Не менее ярко характеризуют авторскую позицию и два эпитафия:

*Господа! Если к правде святой
Мир дорогу найти не умеет,
Честь безумцу, который навевет
Человечеству сон золотой!*

П. Беранже

Сон разума порождает чудовищ.

Ф. Гойя

А вот оглавление: 1. Особая реальность; 2. Интерпретация; 3. Рефлексивность; 4. Образ и понятие; 5. Приспособление к среде и приспособление среды; 6. Психологическая защита; 7. Символ и дескриптор; 8. Законы логики и закономерности мифа; 9. Мир символов и прагматический мир; 10. Концепции личности — рациональная и иррациональная; 11. Символы в рациональной культуре; 12. Иррациональная культура; Приложение I. Очерк эволюции сознания; Приложение II. Межполушарная асимметрия мозга; Глоссарий.

Примечательно, как сложнейшие философские, психологические и семиотические материи сопрягаются у автора с гражданственным, антигиталитарным пафосом, как сочетаются «апология рационального» и «апология сотрудничества» (в той и другой автор выступает, пожалуй, с максималистских позиций). Проиллюстрируем это публицистической цитатой, завершающей данный трактат, который сам по себе, однако, напоминает стилем изложения скорее «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна:

«Пяти-шестилетние дети обычно считают, что когда они куда-нибудь идут, луна сопровождает их.

К семи-восьми годам дети начинают осознавать, что такое движение луны — иллюзия.

“Я раньше тоже думал, что луна всегда идет за мной, — рассказывал семилетний швейцарец Жан Пиаже. — Но теперь думаю иначе. У меня в школе есть друзья, и я понял, что луна не может идти за всеми нами сразу, если мы идем в разные стороны. Это только кажется, что она следует за нами, но это неправда”.

Рациональное мышление начинается тогда, когда “другой”, тот, кто идет в “другую сторону”, перестает быть “чужим”, становится другом.

Если истина дана только тем, кто идет вместе со мной, а всякий, кто идет в другую сторону (“шаг в сторону...”), либо заблуждается, либо лжет, — луна всегда будет следовать за мной, и я могу чувствовать себя повелителем Вселенной.

Но для того, чтобы луна стала доступной, ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ необходимо мыслить иначе.

“Уважение к человеку! Уважение к человеку!.. Вот он, пробный камень! Нацист уважает лишь себе подобных, а значит, он уважает только себя...

Никто из нас не вправе себе одному приписать чистоту помыслов. Во имя пути, который я избрал, я могу отвергнуть путь, избранный другим. Я могу оспаривать ход его мысли. Ход мысли не всегда верен. Но если человек стремится к той же звезде, мой долг — его уважать, ибо мы братья по Духу.

Уважение к Человеку! Уважение к Человеку!.. Если в сердцах людей заложено уважение к человеку, люди в конце концов создадут такой общественный, политический или экономический строй, который вознесет это уважение превыше всего” (Антуан де Сент-Экзюпери. “Письмо к заложнику”).

Свою собственную психику можно приспособить ко всему, но, если высшей ценностью считать сохранение и развитие вида “Homo sapiens”, следует научиться мыслить рационально.

Возможно ли это? Можно ли волевым решением принять иную систему мышления?

Попробуйте.

Осознайте ранг интерпретации знаков, которые вы воспринимаете, повысьте ранг интерпретации.

Отделите символы от дескрипторов.

За планом выражения определите план содержания.

Постарайтесь встать на точку зрения другого. Не бойтесь посмотреть на себя со стороны. Не бойтесь зеркала! Не бойтесь посмотреть на себя с юмором. УЧИТЕСЬ СОТРУДНИЧАТЬ!»

В предисловии к «Апологии рационального» Валерий отмечает, что мифология стала для него хобби. И в самом деле, раздел **«Культурология»**, открывающий собой том 2 «Сочинений», насыщен богатейшим аналитическим материалом, относящимся к мифологии всех времен и народов.

В основном это работы последнего 20-летия — от «Города-сада» (опубликован в журнале «Звезда» в 1994 г.) до «Занимательного пройдохи (Трикстера)» (2009) — два эти очерка обрамляют подраздел «Архетипы». Затем следует оригинальная ронкинская пушкиниана: подраздел «Над текстами Пушкина», в котором — и «Сказка о царе Салтане»: архетипическое и актуальное» (1987), и «Медный всадник»: ассоциации и размышления» (1998), и «Преданья старины глубокой («Капитанская дочка»)» (2006), и «Предыстория «Памятника»» (2008). Отметим, что некоторые из работ этого цикла нашли свое место в профессиональных пушкиноведческих изданиях.

Далее, подраздел, озаглавленный «Мифология», куда вошли объемное сравнительно-историческое исследование мирового сказочного фольклора: «Гуси-лебеди» (1979–1986), а также «Читая Ветхий Завет» (1992–2003), «Предания об амазонках» (1998) и др.

Еще два культурологических подраздела: «Эссе» и «Взгляд и нечто». В последнем, например, шуточный текст: «Собака в фольклоре и истории (автореферат диссертации на соискание очень ученой степени)».

Фольклор в связи с историей — не в шутку, а в серьез — предмет многолетнего пристального интереса Валерия Ронкина. И мифологическое сознание в его сочинениях предстает отнюдь не только рудиментом детства человечества, но и актуальной чертой современности.

Во всех своих культурологических изысканиях автор опирается на обширную и добротную фактографическую базу. А исследование у него зачастую приобретает характер **расследования**. Вот, например: откуда пошло понятие-термин **ВРЕДИТЕЛЬ** в советском общественно-политическом лексиконе? Кто употребил это слово применительно к человеку раньше — советский Агитпроп или... В. Пропп, знаменитый филолог и автор «Морфологии «волшебной» сказки»? См. разыскание В. Ронкина на сей счет: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» (2009).

Неожиданные параллели, резонансы, парадоксальные повороты мысли — вообще примета ронкинской культурологии. Так, например, ему удастся убедительно показать, что пушкинская «Капитанская дочка» построена по «канону» волшебной сказки (см. того же В. Проппа).

И последний раздел (вторая половина тома 2 «Сочинений») — «**Разное**». Сюда вошли подразделы: «Публицистика» (в основном газетные статьи 1990–2000-х гг.), «Рецензии и письма», «О друзьях», «Стихи», а также извлеченные из «дальнего архива» — крамольный труд начала 1960-х гг. «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата» (в соавторстве с Сергеем Хахаевым) и несколько публикаций знаменитого «Колокола».

Мы постарались дать читателю представление о том, что именно он найдет, открыв эти два тома. Есть в «Сочинениях» В. Ронкина некое единство содержания и стиля, при значительном разнообразии тематики. А еще есть такая общая черта — **любительство**, что дало основание Александру Даниэлю (да и не только ему) говорить о Валерии Ронкине как о «Великом Дилетанте» (см. статью А. Даниэля о В. Ронкине в Книге 1).

Принято противопоставлять любительство и профессионализм в пользу последнего. На примере Валерия Ронкина мы возьмем на себя смелость совсем иного толкования того и другого: любитель — это человек, делающий в соответствующей сфере деятельности то и только то, что ему интересно. Это человек, не связанный нормами и ритуалами профессионализма. Это, в частности, человек, занимающийся наукой ВНЕ социального института науки. Гениальным дилетантом в области гуманитарных наук был, например, выдающийся российский биолог и энциклопедист А.А. Любищев.

Несколько слов о том, чем в основном занимались и с какими проблемами столкнулись редакторы-составители, готовя эту книгу к печати. Проблемы оказались далеко не простыми.

Дело в том, что при всем своем «любительстве» Валерий в обосновании всякого положения стремился опереться на «Монблан фактов». Его труды — свидетельства широчайшей общекультурной эрудиции и результат творческой переработки множества литературных источников. Научный аппарат в «Сочинениях» исчисляется сотнями названий. При этом в условиях работы урывками, при наездах в библиотеку из другого города, при несистематизированных конспектах, при необходимости сплошь и рядом цитировать по памяти, да и при не слишком хорошем знании правил библиографии, — оказалось, что все ссылки и цитаты требуют тщательной сверки и выверки, без чего публиковать никак нельзя.

На помощь пришел интернет с его поисковыми системами. В именах, в датах, в географических названиях, в упоминаниях источников,

в цитатах пришлось внести на тысячу страниц не одну тысячу исправлений. Но возникали и ситуации, когда соответствующая цитата или библиографическое наименование, либо за давностью источника, либо в силу малоизвестности, еще не успели проникнуть в интернет.

Строго говоря, надо бы в таких случаях идти в Национальную публичную библиотеку для ознакомления с печатным источником *de visu*. Но на такую работу у редакторов-составителей физической возможности не было. И памятуя, что наше издание все же не академическое, было решено пойти на компромисс: те относительно немногие цитаты, которые сверить с первоисточником не удалось, сохранены «как у автора» (т.е. с достаточно вероятными, по опыту остальных цитирований, искажениями), однако с пометкой – (*). Таких случаев в томе 1 оказалось около 150 и в томе 2 – около 100.

Указанное обстоятельство заинтересованному читателю следует иметь в виду и, по крайней мере, вторичного цитирования (цит. по: Ронкин В.Е. Сочинения) в отмеченных случаях избегать.

Подводя итог настоящей презентации «Сочинений» Валерия Ронкина, мы обещаем читателю порой нелегкое, но увлекательное чтение, соучастие в работе и полете мысли, творческих поисках и приключениях духа нашего замечательного современника.

А. Алексеев, И. Ронкина
1 мая 2012 г.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1. АРХЕТИПЫ

Город-сад¹

Сидят
 в грязи
 рабочие,
 сидят,
 лучину жгут.
 Сливеют губы
 с холода,
 но губы
 шепчут в лад:
 «Через четыре
 года
 здесь
 будет
 город-сад!»

В. Маяковский

Стихотворение Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецкстроя» было написано в 1929 году. Город Кузнецк (в 1932–1961 гг. – Сталинск, ныне Новокузнецк) за прошедшие более чем полвека в город-сад так и не превратился. Нынешняя экологическая обстановка такова, что город и его окрестности превращаются, говоря словами Владимира Высоцкого, в «неродящий пустырь и сплошное ничто – беспредел» (на лагерном жаргоне слово «беспредел», кстати, означает неприкрытый произвол).

Идея города-сада, земного рая, имеет многовековую историю. Возникшие в самой глубокой древности представления и мечты о мире, лишенном каких бы то ни было противоречий, как социальных, так и экологических, прошли сложный путь эволюции.

¹ Ранняя версия этого текста опубликована в: Звезда, 1994, № 11. (Ред.).

Острова блаженных

В истоке представлений об идеальном мире лежит связь, которую, по воззрениям древних, наш мир имел, во-первых, с миром умерших (в шаманской мифологии — миром предков), во-вторых, с изначальным временем существования человечества, Золотым веком («временем сновидений» в мифологии австралийских аборигенов).

В прежнее время людей племена на земле обитали...

...

*Был еще Крон-повелитель, в то время владыкою неба.
Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою,
Горя, не зная, не зная трудов. И печальная старость
К ним приближаться не смела.*

(Гесиод. «Труды и дни» — земледельческая поэма / Эллинские поэты.
Серия «Библиотека античной литературы». М., 1963)

Или Овидий «Метаморфозы» (М., 1977): «Первым век золотой народился, не знавший возмездий...» Следующие поколения людей жили уже иначе, они знали и тяжкий труд, и войны. «Блаженные земли» передвинулись на периферию обитаемого мира:

*Многих в кровавых боях исполнение смерти покрывло;
Прочих к границам земли перенес громовержец Кронион,
Дав пропитание им и жилища отдельно от смертных.
Близ океанских пучин острова населяют блаженных.
Трижды в году хлебодарная почва героям счастливым
Сладостью равные меду плоды в изобилие приносит.*

(Гесиод, «Труды и дни» — земледельческая поэма)

«Острова блаженных» — твердыня Крона. Это и реликт Золотого века, и вариант Елисейских полей (элизиума), куда можно попасть, не пройдя через смерть.

Гораций предлагает римлянам, измученным войнами и междоусобицами, отправиться на поиски этих островов:

*Манит нас всех Океан, омывающий землю блаженных,
Найдем же землю, острова богатые,
Где урожаяи дает ежегодно земля без распахи.*

Насколько всерьез принимали древние эти самые «острова блаженных», можно прочесть у Плутарха: «Там (*в южной Испании. — В.Р.*) ему (*Серторию. — В.Р.*) повстречались какие-то моряки, которые недавно приплыли с Атлантических островов... имя их — Острова блаженных... Народ там, не обременяя себя ни трудами, ни хлопотами, в изобилии собирает сладкие плоды, растущие сами по себе». Плутарх дает тому даже рациональное объяснение: «Северные и восточные вихри, рожденные в наших пределах, из-за дальности расстояния слабеют». Серторий мечтал поселиться там и жить безмятежно, не ведая ни тирании, ни бесконечных войн. «Среди варваров укрепилось убеждение, что там — Елисейские поля и обиталище блаженных, воспетое Гомером».

Варвары упомянуты Плутархом не случайно. Кельтская мифология, а кельты тогда населяли почти всю Европу, знает такие «блаженные» земли. На один из таких островов («Остров плодов, который еще именуют счастливым») был перенесен раненый король Артур.

Во всех мифологических традициях «страна Блаженных» отделяется от остального мира либо бурным океаном, либо непроходимыми горами. Точное ее расположение неизвестно, и попасть туда можно только по воле богов или случая.

«Ужас перед неведомым породил желание постоянства, устоя, несокрушимости, т.е. вечности и бессмертия, как непреходящего счастья или вечного блаженства. Так возникли элизиум теней, Острова Блаженства, Страны Блаженства, Золотой век, рай, эдем и т.п. Так стал обнаруживать себя высший инстинкт культуры: имажинативный (*образный. — В.Р.*) абсолют воображения» (Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987).

В индуистской мифологии кальпа — это сутки Брахмы. Утром он творит мир, который к вечеру уничтожает, а наутро создает снова.

Согласно Платону, мир, созданный Единым Творцом и приведенный им в движение, постепенно стареет, портится. Творец, недовольный миром, в какой-то момент разрушает его и затем создает заново.

В скандинавской мифологии (Старшая Эдда, Младшая Эдда) обновление мира последует после предательского убийства юного бога Бальдра и нарушения остальными богами этических и юридических норм. После «гибели богов» власть над миром будет принадлежать воскресшему Бальдру, который на вечные времена установит на земле Золотой век.

Упование на возврат Золотого века характерно для всех сколько-нибудь развитых мифологий, но ни в одной из них оно не приобрело такого решающего значения, как в иудаизме.

История еврейского народа изобиловала трагическими эпизодами. Неприемлемая для человеческой психики безысходность в иудаизме была преодолена идеей ожидания мессии, приход которого должен был вернуть страну и народ к прежнему (у пророков — идеализированному) состоянию.

Еврейская мифология знала земной рай: «И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи...» (Быт. 2:8–9) Однако после грехопадения дорогу в Эдем преграждают не труднопреодолимые естественные препятствия (океан или горы), а Херувим, вращающий огненный меч. Рай, колыбель человечества, абсолютно недоступен. Таким образом, вместо характерных для язычества пространственных координат земного рая иудаизм поставил вопрос о его временной координате. Отныне усилия каждого человека и всего еврейского народа должны были быть направлены на восстановление союза с Богом и построение грядущего Нового Иерусалима.

«И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор, и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы... И будет Он судить народы и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала, и копыя свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, ичне будут более учиться воевать» (Ис. 2:2,4). «Тогда волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их... И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. Не будут делать зла и вреда на всей святой земле Моей: ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (Ис. 11:6,8–9). У Исайи будущее человечество живет среди преображенной природы, но основной упор делается на новые отношения между людьми. Пророчество Исайи не исключает и производительного труда — мечи и копыя переделываются на серпы и орала. (В языческой традиции описания Эдема труд отсутствовал — земля сама давала все необходимое).

В видении Иезекии социальным проблемам уделяется наибольшее внимание. Ангел с мерной тростью, представший перед пророком, точно указывает размеры и план города, точно исчисляет, сколько земли должно принадлежать храму, сколько — князю, сколько — «для пропитания работающих в городе». (Такое находим в позднейших утопических литературных фантазиях («Телемская обитель» Рабле, «осмазии» Вераса, фаланстеры Фурье и т.п.)). *В ветхозаветной литературе рай-саду, как природному явлению, все более противостоит город-рай — явление, прежде всего, социальное.*

Раннее христианство, признавшее в Христе давно ожидаемого мессию, еще не отказывалось от устройства Нового Иерусалима. В откровении Иоанна (Апокалипсисе) указывается даже на срок второго пришествия Христа — 1260 дней, или 42 месяца (Откр. 12:6, 13:5). Иоанн повторяет и развивает архитектурные фантазии Иезекииля (гл. 21): «Среди улицы его, и по ту, и по другую сторону реки, дерево жизни, двенадцать *раз* приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева — для исцеления народов» (Откр. 22:2). «И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец... Ворота его не будут запираются днем, а ночи там не будет. И принесут в него славу и честь народов. И не войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (Откр. 21:23, 25–27).

Так в послании Иоанна Богослова окончательно формируется представление о городе-саде, оказавшее огромное влияние на развитие всей последующей европейской идеологии.

Град земной и град небесный

Время шло, но жизнь людей на земле мало изменялась к лучшему. Христианский писатель Паппий, живший в первой половине II века в Малой Азии, еще описывает царство Божие на земле, каким оно мыслилось ему после второго пришествия Христа: «Будет изобилие пшеницы, и будут расти виноградные деревья по десять тысяч лоз каждое... Когда же Иуда-предатель не поверил Христу и спросил, каким образом сотворится Господом такое изобилие произрастаний, то Господь сказал: Это увидят те, которые достигнут тех времен». Взгляды Паппия были признаны еретическими.

Под царством Божиим первые христиане понимали тысячелетнее царство добра и справедливости, которое должно установиться на земле после конца этого злого и неустроенного мира. Хотя официально христианство никогда не отказывалось от этих представлений, по мере его развития они все более блекли. Словосочетание «Царство Божие» употребляется и в Евангелии от Марка. Но в более позднем Евангелии от Матфея чаще употребляется выражение «Царство Небесное», что связано с общим спадом ожидания конца света и распространением веры в потустороннее воздаяние, спасение на небесах (см.: Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1987).

Сформулировав представления о небесном рае, о возможности окончательного спасения только после смерти, христианство, однако не сделало своих приверженцев бессильными перед реальным, эмпирическим временем. Каждый христианин может преодолеть течение эмпирического времени путем покаяния, после которого он волен начать новую жизнь. Правда, начинать и продолжать эту новую жизнь он может и должен в реальных, земных условиях, что и обеспечивает ценность как покаяния, так и праведности.

Ценностные установки Ветхого Завета и раннего христианства стали тем идеалом, к которому должен стремиться каждый человек в отдельности и все люди вместе, идеалом, хотя полностью и не осуществимым, но позволяющим оптимизировать социальное существование и сосуществование людей на земле.

Языческие же представления о земном рае в Европе были развенчаны. Одна из первых пародий на эту тему принадлежит Лукиану («Правдивая история»). В средние века сатирическое изображение райских стран — Кокайн, Город Венеры, Шлараффия — становится достоянием фольклора (см. Мортон А.Л. Английская утопия. М., 1956).

Страна Шлараффия, как и положено языческому раю, находится «за сахарной горою»; кто хочет попасть в нее, пусть «за один присест ту гору сахарную съест». «Там стены башен и домов из кренделей и пирогов, и в каждом закоулке растут на липах и дубах поджаристые булки...» Там «...столетний дед с одышкой ныряет в воду стариком, а вынырнет мальчишкой». Кто же населяет эту страну?

*Дурак, болтун и ротозей
Имеют звания князей,
А главный лежебока,
Провозглашенный королем,
В народе чтим глубоко...
...
Но если ты трудолюбив,
Прилежен, бодр и не ленив,
Тогда, согласно правил,
Тотчас потребуют, чтоб ты
Шлараффский край оставил.*

(Немецкие народные баллады. М., 1959)²

² В оригинале эти два куплета расположены в обратном порядке: второй — раньше первого.

Это не только сатирическое изображение языческих идеалов, но и актуальная для того времени социальная сатира. (Особенно если вспомнить, что древние населяли острова Блаженных преимущественно героями-аристократами). Первое письменное изложение этой сатиры датируется XV веком, через сотню лет ее использует Рабле наряду с другими фольклорными материалами.

Иная судьба была уготовлена ветхозаветным и раннехристианским идеалам. Чаяния «нового неба и новой земли», Нового Иерусалима продолжали жить в народных массах. Это происходило не только потому, что массовое сознание всегда отставало от новых философских разработок и систем, но и потому, что те, кому неплохо жилось в земной юдоли, могли терпеть ее гораздо легче, чем те, кому приходилось совсем не сладко. Социальные низы гораздо труднее могли обходиться без веры в наступление царства добра и справедливости здесь, на земле, чем верхи.

Хилиастические (от греческого слова «тысяча») учения и секты, проповедовавшие наступление Тысячелетнего царства Христова, а зачастую и боровшиеся за него с оружием в руках, представляют один из важнейших факторов средневековой истории Европы. Однако там, где восставшим удавалось захватить власть, ничего хорошего не происходило. Фанатичные руководители (например, в Мюнстере), узурпировав власть, давали выход самым разнузданным инстинктам, как собственным, так и толпы, объявляли всех несогласных слугами Сатаны и не скупились ни на обещания, ни на самый жестокий террор (впрочем, и их противники вели себя не лучше).

Несмотря на это, и вооруженные выступления еретических сект, и мирная агитация других (вальденсов, моравских братьев) оказали большое влияние на европейское сознание. Эти движения заложили основу для дальнейшего развития идеалов свободы, равенства и братства, определивших состояние современной Европы.

Однако реформация (не только в тех странах, где она победила) окончательно сняла с повестки дня проблему «рая земного» в пользу Небесного.

Секуляризация идеи

Архетипы нашего сознания достаточно сильны. Архетипические идеи и образы, дискредитированные в одной форме, могут возрождаться в новом, подчас совершенно неожиданном облики. Так произошло и с идеями «золотого века» и «земного рая».

«Судить о чем бы то ни было надо, опираясь на разум, а не на общее мнение», — писал Монтень в одном из своих «опытов» («О каннибалах»). Под «разумом» он подразумевал формальную логику, апелляция к которой в XVI веке начала вытеснять ссылки на «общее мнение» (древнюю и новую мифологию).

В первой половине нашего века, в связи с развитием математической логики, была доказана (Гёделем) невозможность построения сколько-нибудь сложной системы на основании ограниченного количества аксиом. Философы XVI века с математической логикой, разумеется, знакомы не были, им казалось, что достаточно одного постулата, чтобы, отталкиваясь от него, прийти к сложным социологическим построениям. Постулат этот (истинность которого сомнительна) заключался в том, что в своем «естественном», не испорченном цивилизацией состоянии, человек добр, честен и трудолюбив. Великие географические открытия познакомили европейцев с бытом примитивных обществ, который они воспринимали, не отдавая себе в этом отчета, сквозь призму древнейших мифологических архетипов.

«Вот народ, у которого нет ни торговли, никакой письменности, никакого знакомства со счетом, никаких признаков власти или превосходства над остальными, никаких следов рабства, никакого богатства и никакой бедности, никаких наследств, никаких разделов имущества, никаких занятий, кроме праздности, никакого особого почитания родственных связей, никаких одежд, никакого земледелия, никакого употребления металлов, вина или хлеба. Нет даже слов, обозначающих ложь, предательство, притворство, скупость, зависть, злословие, прощение...» — продолжает Монтень.

Так под именем «естественного состояния» реанимировался извечный миф о «Золотом веке». Идеи Монтеня были затем подхвачены Руссо, Дидро, Гердером, а в XIX веке Морганом. Отдали им дань все (или почти все) теоретики утопического социализма и коммунизма.

Одновременно с «разумной» реабилитацией «Золотого века» в Европе начинают выходить романы о «блаженных островах». В 1516 г. издана знаменитая «Утопия» Томаса Мора, в 1623-м «Город Солнца» Кампанеллы, в 1679-м «История Северамбов» Вераса, в 1753-м «Базилиада» Морелли, в 1840-м «Путешествие в Икарию» Кабе. Автор первого из этих описаний Т. Мор, предлагая мечту о совершенном человеческом обществе, сознавал ее нереальность; отсюда само название благословенного острова — «Утопия», страна, расположенная «Нигде». Но уже Морелли, через два года после «Базилиада», в 1755 году публикует свой «Кодекс

Природы», который он рассматривал как руководство к действию, как набор принципов, на основании которых можно построить справедливое общество.

В отличие от Монтеня, утописты не отвергали всех достижений цивилизации. Идеальное общество образуется, если во главе первобытного народа становится мудрый философ, знакомый как с достижениями, так и с пороками цивилизации. Приобщая «дикарей» к ее благам, он оставляет нетронутыми их «естественные» качества. «Счастливые острова» по-прежнему изолируются авторами утопий от внешнего мира, теперь уже для того, чтобы избежать его растлевающего влияния.

XVIII век на смену описанию «блаженных островов» вырабатывает теории и системы, претендующие на реализацию. Конец этого и начало следующего века отмечены попытками их осуществления как революционным (Графх Бабеф), так и мирным путем (Фурье, Оуэн, Сен-Симон). На теориях Фурье стоит остановиться особо. В полном соответствии с архаическим мифотворчеством Фурье утверждал, что наступление новой социальной эпохи должно привести к космической революции, благотворной для человека. У Земли вместо одной Луны появится пять новых спутников, северные сияния, усилив свою мощь, образуют «Полярный венец», способный растопить льды и сделать пригодными для обитания полярные области, океан приобретет вкус лимонада; львы, тигры, киты и даже клопы превратятся в антильвов, анти тигров, анти-китов и антиклопов, которых люди смогут использовать. Человечество получит в свое распоряжение новые способы селекции и агротехники, новую металлургическую технологию. При этом Фурье ссылается не на Священное Писание или какие-нибудь экзотические учения, а на открытия Ньютона, новейшие для его времени астрономические и географические наблюдения, достижения в сельском хозяйстве, промышленности и ремесле.

Другие утописты, в отличие от Фурье, не давали такой воли своей фантазии, но и они постулировали необычайный рост производительности труда, фантастическое сокращение рабочего времени, огромные успехи науки и техники. Одним словом: «Добьемся урожая мы – втройне, земля, рожай! Пожалте, уважаемый товарищ урожай!» (Маяковский В.В. «Урожайный марш». 1929).

Еще раз следует подчеркнуть, что под прикрытием логически и научно обоснованных теорий в европейскую идеологию вернулся древний, как сама цивилизация, миф о возвращении «Золотого века» и построении «царства Божьего» на земле.

Ветхозаветный пророк XIX века

Придать окончательную стройность утопической теории в середине и второй половине XIX века удалось К. Марксу.

В отличие от своих предшественников, апеллировавших к разуму, Маркс говорил от имени абсолюта — «имманентных законов истории»; если ранние утописты конструировали будущее, то Маркс — «прозревал» его. «Избранным народом» был объявлен пролетариат. Так же, как и у Исаии, все остальные «праведные» народы — крестьянство, интеллигенция, ремесленники, мелкая буржуазия — должны были «притечь» под его руководство.

Золотой век — первобытный коммунизм — кончился с появлением частной собственности, которая стала причиной всяческого зла, существующего на земле: преступлений, насилия, обмана. «Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: упразднение частной собственности» (К. Маркс, Ф. Энгельс. «Манифест коммунистической партии». 1847 г.).

Второе грехопадение, соответствовавшее библейскому нарушению Завета, состояло в том, что часть пролетариата предпочла свои сиюминутные, «цеховые» (экономические) интересы истинным интересам пролетариата.

Теория абсолютного обнищания пролетариата, опровергнутая фактами еще при жизни Маркса, соответствовала мифологическому представлению о «порче» времени, «порче», предшествующей смене эпох и возвращению Золотого века. Но если факты не укладываются в теорию, тем хуже для фактов. Среди 140 членов и активистов Парижской Коммуны было только 30 рабочих, тем не менее, Коммуна была объявлена примером диктатуры пролетариата.

В полном соответствии с ветхозаветной традицией и всемирная победа пролетариата, и само появление марксизма рассматривались как необходимый результат всей предшествующей истории. На каждого человека была возложена ответственность за исполнение пророчеств, в результате чего все человечество оказалось разделенным на тех, «кто ходит путями праведными», и «нечестивцев» — по-иному понимавших цель и смысл своего существования.

К счастью для Европы, европейское социалистическое мышление не остановилось на ортодоксальном марксизме. В 1897–1898 годах в немецкой социал-демократической прессе появился цикл статей Эдуарда Бернштейна «Проблемы социализма». Автор подверг сомнению теорию

абсолютного обнищания, доказав, что положение наемных рабочих улучшается по мере совершенствования технологии и роста производительности труда. Он показал, что до тех пор, пока рабочий класс не пройдет школу политической науки в кооперации, профсоюзах и местном самоуправлении, идея «диктатуры пролетариата» опасна, ибо она «выродится в диктатуру клубных ораторов». А когда рабочие пройдут такую выучку, диктатура пролетариата не будет нужна, т.к. благодаря своей численности рабочий класс сможет защитить свои интересы, используя механизм представительной демократии.

Бернштейн указал также, что победа социализма никоим образом не вытекает из современной «экономической необходимости», что это скорее нравственная проблема, чем экономическая, и поэтому, писал он, «я не нахожу ни возможности, ни необходимости придавать ей чисто материалистическую окраску». Хотя тогдашнее руководство германской социал-демократии и осудило выступление Бернштейна, из партии он исключен не был. Дальнейшее развитие социал-демократической теории и практики в Западной Европе протекало в значительной степени «по Бернштейну», а не по марксистской ортодоксии.

Секуляризированная политическая мысль Европы, повторив в основных чертах развитие религиозных идей, пришла к тем же выводам, что и христианство. Начав с описания «счастливых островов», пройдя через ожидание возвращения «Золотого века», через идею избранного народа, которому суждено прекратить прежнюю и начать новую историю, западная социология пришла к выводу, что бесконфликтное общество («новая земля и новое небо») создать невозможно. Конфликты между личностью и обществом, между различными социальными слоями, между государствами и народами, между обществом и природой — неустраняемый фактор социального развития. Цель политической деятельности сводится к умелому и своевременному разрешению этих конфликтов, а не к измышлению бесконфликтных утопических систем. «Движение, целый ряд процессов, — писал Бернштейн, — составляют все, а всякая заранее намеченная цель не существенна» (*).

Впрочем, это высказывание нельзя понимать буквально — конечная цель является тем идеалом, пусть и неосуществимым, который и определяет поведение всех участников исторической драмы в ее движении.

Пример развития западноевропейской социологической мысли должен не только вдохновлять нас, но и настораживать. Архетипы нашего сознания (вернее, подсознания) устойчивы и, возможно, неискоренимы. Трудно заранее предположить, в каких одеяниях они могут явиться

в следующий раз. Для того чтобы человечество не оставалось игрушкой собственного мифотворчества, необходимо научиться узнавать мифы в любом обличье, ориентироваться на них в своих морально-этических установках, но не пытаться реализовать эти мифы на практике.

Шамбала

Все сказанное выше касалось развития европейской мысли. На Востоке она развивалась иначе, хотя представления о «счастливых» островах и странах занимали в мифологии Древнего Китая или Древней Индии такое же место, как и в античной мифологии.

В древности китайские императоры даже отправляли экспедиции на поиски таких островов.

Древнеиндийская поэма «Махабхарата», описывая дворцы разных богов, демонстрирует не только богатые архитектурные фантазии, которые явно старше библейских, но и повествует, что во дворце Ямы (бога смерти) нет «...ни горя, ни старческой дряхлости, ни голода, ни жажды и неприятностей. Нет там ни печали, ни утомления».

В той же «Махабхарате» есть и такое описание: «На севере Молочного моря есть большой остров, известный под именем Шветадвипа (Белый остров)... Там живут благоуханные... белые мужи, удаленные от всякого зла... к чести-бесчестию равнодушные, дивные видом, преисполненные жизненной силой, крепки, будто алмаз, их кости. Богу, распростершему вселенную, они любовно служат». В Индии мудрость (знание священных текстов и заклинаний), аскетические (восходящие к шаманизму) подвиги значили больше, чем подвиги на поле брани. Поэтому, в отличие от античных, «блаженные страны Индии» населяют не столько герои, сколько мудрецы.

Буддизм тоже имеет такую страну, Шамбалу, которая находится где-то в центре Гималаев. Большой материал о Шамбале собрал Н. Рерих, который сам верил в ее существование (Рерих Н.К. Сердце Азии. Нью-Йорк, 1929). «...Лама, подобный средневековому изваянию, указал на пять вершин Кинчиджунги и сказал: “Там находится вход в священную страну Шамбалы. Подземными ходами через удивительные ледяные пещеры немногие избранные даже в этой жизни достигали священное место. Вся мудрость, вся слава, весь блеск собраны там”». Священную страну могли видеть только посвященные. Иногда к ее границе приближались купеческие караваны, но там, где посвященный видит чудесную страну, обычные люди видят только горы. Охраняют Шамбалу снежные люди.

В урочный час жители Шамбалы, святые архаты, выйдут к людям, чтобы покончить с одряхлевшим миром и даровать ему новую жизнь. «Шамбала, — пишет Рерих, — краеугольное понятие Азии... В старых писаниях находятся указания о новой сужденной эре, о великих аватарах, приходящих для спасения человечества... Мы видим в учении великих Махатм те же указания, которые мы узнаем в писаниях и преданиях о Шамбале. В санскрите, индустани, на китайском, на турецком, на калмыцком, монгольском и тибетском языках и во множестве мелких азиатских наречий выражены те же идеи, те же мысли относительно будущего».

Представления о Шамбале активно использовались в политической пропаганде. Сухэ-Батор, недавний герой Монголии, сложил песню, которая распевалась по всей стране:

*Северной Шамбалы война.
Умрем в этой войне,
Чтобы родиться вновь
Витязями Владыки Шамбалы.*

Остается только гадать, где кончается литературный троп и где начинается архаичный миф.

В 1965 году в журнале «Международная жизнь» (№ 1) было опубликовано письмо махатм, «духовных учителей Востока», адресованное советскому правительству. Его вручил в июне 1926 года наркому иностранных дел Чичерину Николай Рерих, который специально прибыл в Москву, прервав экспедицию по Центральной Азии. Вместе с письмом Рерих от имени тех же махатм привез ларец с гималайской землей: «На могилу брата нашего, махатмы Ленина».

Вот текст этого письма (для нашей темы не столь важно, какую роль в сочинении его играл лично Рерих):

«На Гималаях мы знаем совершаемое Вами. Вы упразднили церковь, ставшую рассадником лжи и суеверий. Вы уничтожили мещанство, ставшее проводником предрассудков. Вы разрушили тюрьму воспитания. Вы уничтожили семью лицемерия. Вы сожгли войско рабов. Вы раздавили пауков жизни. Вы закрыли ворота ночных притонов. Вы избавили землю от предателей денежных. Вы признали ничтожность личной собственности. Вы признали, что религия есть учение всеобъемлемости материи. Вы угадали эволюцию общины. Вы указали на значение познания. Вы преклонились перед красотой. Вы принесли детям всю мощь космоса. Вы открыли окна дворцов. Вы увидели неотложность построения домов общего блага!

Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также мы признали своевременность Вашего движения и посылаем Вам нашу помощь, утверждая Единение Азии! Знаем, многие построения совершаются в годах 28–31–36. Привет Вам, ищущим общего блага!»

С датами махатмы несколько ошиблись, но не очень. В 1929 году началась коллективизация, затем – террор, достигший своего наибольшего размаха в 1937–1938 годах.

Беловодье

Представления о «счастливых странах», существовавшие в России, имели разнообразные – восточные и европейские – источники. По степному коридору, простиравшемуся от пустынь Центральной Азии до Дуная с древнейших времен двигались волны кочевников: скифы, сарматы, гунны, хазары, печенеги, половцы, монголы. Последняя волна относится к XVI–XVII векам, когда в приволжских степях начали расселяться калмыки. К этому времени относится русская колонизация юго-восточной Сибири – русское население входит в контакт с бурятами, ойротами, алтайцами.

Уже в XI веке на русский язык была переведена хроника Григория Амартола, затем появились «Сказание об Индийском царстве», «Хождение Зосимы к рахманам», «Александрия», «Слово о Макарии». («Макария», по-гречески, – Блаженная страна). Во всех этих и некоторых других книгах рассказывалось о далекой сказочной стране Индии и ее счастливых жителей – рахманах (брахманах)).

В «Сказании об Индийском царстве», восходящем к «Посланию пресвитера Иоанна», широко распространенному в средние века в Европе, повествовалось о некоем христианском государстве, расположенном где-то в Индии. В русском переводе «Сказания» говорилось: «Я – Иоанн, царь и поп, над царями царь... И нет в моей стране ни вора, ни разбойника, ни завистливого человека, потому что земля моя полна всякого богатства».

«Правит в царстве Иоанн-Поп... нет там ни татя, ни разбойника, ни завистливого человека, земля полна всяких богатств (Истрин В.М. Сказание об Индейском царстве. М., 1895). Интересен спор, который в середине XIV века вели тверской епископ Федор и новгородский архиепископ Василий. Федор, в полном соответствии с развитой христианской доктриной, утверждал, что земной рай «только мыслен», духовен. Возражавший ему Василий настаивал на реальном существовании

земного рая. Доказывая, он не только ссылался на литературу о «рахманах», но и приводил случай, произошедший с новгородскими купцами — Мстиславом и его сыном Иаковом. Буря долго носила по морю их ладьи и прибила к высоким горам. «И видел на горе той Деисус написан лазорием чудным — не человеческих рук творение... И на горах тех ликование и веселие, гласы вещающие» (Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). XXI). Рассказ этот языческий не только по сути, но и по происхождению, достаточно сравнить его с ирландской легендой «Плаванье Майль-Дуйна».

Еще одним важным фактором, оказавшим влияние на представления о «счастливых странах», бытовавшие в России, была собственно славянская мифология, о которой нам, к сожалению, известно очень немного. В наибольшей мере ее влияние выявлено в легенде о Китеже, очень популярной в старообрядческой среде. Особенно любили подобные легенды те ответвления и секты старообрядчества, идеология которых складывалась под влиянием социального протеста. Об одной из таких сект — «бегунах» — Салтыков-Щедрин писал: «(Она. — В.Р.)... переходила из деревни в деревню, взыска вышнего града и скрываясь от преследования властей... Помещики называли эту секту “пакостною”, потому что одним из ее догматов было непризнание господской власти». («Пошехонская старина»).

В легенде о Китеже говорилось, что город этот во времена Батыя был «сокрыт» от монголов; по одной версии он находился на дне озера Светлояр, откуда иногда слышался колокольный звон, по другим — под холмами на берегу этого озера, по третьим — остался на прежнем месте, только стал невидим для непосвященных. Невидимым Китеж будет оставаться до конца царства Антихриста, под которым старообрядцы подразумевали Никона и его последователей.

Китеж «Повести и зыскания...» — земля праведная, но отнюдь не благословенная, там можно и «многие скорби претерпеть», и даже «гладом умереть». Но кроме легенд, окрашенных старообрядческим аскетизмом, существовали и другие: пастушок случайно попал в Китеж, там его накормили столь вкусным хлебом, что мальчик не удержался и попытался вынести кусочек на землю, однако на земле хлеб обратился в гнилушку, в наказание заслушание мальчик дорогу в Китеж забыл навсегда. (Меледин С.П. Китеж на озере Светлояр // Москвитянин, 1843, ч. 6, № 12). Эта легенда роднит Китеж со «счастливыми странами».

Светлоярское озеро было объектом поклонения. «На норы» к Светлояру принято было собираться в ночь на 23 июня (канун Ивана

Купалы), обрядность поклонения Китежу во многом соответствовала купальской — деревья украшались образками, на воду спускались щепочки с прикрепленными к ним горящими свечками, собирались целебные травы. Купала, как умирающий и воскресающий бог, на зиму, очевидно, удалялся в свою страну (славянский аналог античной Гипербореи). (Комарович В.Л. Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. М.-Л., 1936). Известно, что такого рода страны изобиловали травами, приносящими здоровье и молодость.

«Береза, стоявшая у родника возле озера, завалилась так, что под корни можно было пролезть. Вот один мужик и полез туда. Видит — место светлое и на том месте сидят старцы светлоликие, и крестьянские дела разбирают, и деда своего он узнал. Дед погрозил ему пальцем, и тут птица с клювом напала на мужика и всего так исклевала, что он насилу дорогу назад нашел» (*) (Блинкова Л.А., Бородько Р.Г., Одинцова И.И., Савушкина Н.И. Китежская легенда и несказочная проза Заволжья // Советская этнография, 1973, № 4).

Слово «Светлояр» является почти калькой санскритского «Швета-д-випа» — «светлый остров».

С очень большой долей вероятности можно предположить, что Светлоярское озеро было сакрализовано задолго до монгольского нашествия как один из «входов» в чудесную страну Купалы (одновременно и страну мертвых).

Кроме китежской легенды, существовали и другие, от достаточно рационалистических рассказов о «городе Игната» до совершенно фантастических слухов о всеобщем переселении на реку Дарью с «сытной водой и кисельными берегами». Где-то в конце XVIII — начале XIX века был создан «Путешественник Марка Топозерского», в котором описывался путь в Беловодье и рассказывалось о тамошней жизни. «Путешественник» указывал путь через Красноярск и Китай в «Опоньское» (Японское) царство, которое лежит посреди окиян-море Беловодья. «Там есть 179 церквей ассирийского языка, патриарха православного, антиохийского поставления... В тамошних местах татьбы и воровства и прочих противных закону не бывает. Светского суда не имеется, управляют народы и всех людей духовные власти. Тамошние же деревья равны с высочайшими деревьями. Во время зимы морозы бывают необычайные с расселинами земными. И гром и земли сотрясения немалые бывают. И всякие плоды бывают, родится виноград и сорочинское пшено (рис). Злата и серебра у них несть числа, драгоценного камня и бисера драгоценного у них весьма много. А оные Опоньцы в землю свою никого не пушают

и войны ни с кем не имеют» (*). (Литературу по этой теме см.: Мельников П.И. Исторические очерки поповщины. М., 1864; Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967; Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977).

В 1903 году в «Записках РГО по отделению этнографии» (т. XXVIII, вып. 1, 1903) было опубликовано описание чуть ли не кругосветного путешествия, которое совершили три уральских казака в поисках Беловодья. (Один из них, Г.Т. Хохлов, и описал их дорожные приключения). Повествованию было предпослано предисловие В.Г. Короленко. Казаки эти принадлежали к секте «никудышников». «Это слово, — говорит писатель, — происходит от наречия “никуда” и обозначает на Урале людей, которые, не признавая современного священства греко-российской церкви, не присоединились также ни к одному из “поповских” старообрядческих согласий». Для нас важно, что слово «никудышник» является почти точной калькой с латинского слова, обозначающего жителей «Утопии». Короленко пишет: «Их настроение, которое переносит мысль на несколько веков назад и кажется таким архаичным, есть — и это следует помнить — настроение и мировоззрение огромной части русского народа» (*).

Короленко был не первым, кто обратил внимание на это свойство психологии русского крестьянства (не только старообрядчества). В третьем томе «Войны и мира», описывая настроения крестьян села Богучарово, Толстой писал: «Одно из таких явлений было проявившееся лет двадцать тому назад (*значит, в 80-х годах XVIII века. — В.Р.*) движение между крестьянами этой местности к переселению на какие-то теплые реки. Сотни крестьян, в том числе и богучаровские, стали вдруг распродавать свой скот и уезжать с семьями куда-то на юго-восток. Как птицы летят куда-то за моря, стремились эти люди с женами и детьми туда, на юго-восток, где никто из них не был. Они поднимались караванами, поодиночке выкупались, бежали, и ехали, и шли туда, на теплые реки. Многие были наказаны, сосланы в Сибирь, многие с холода и голода умерли на дороге, многие вернулись назад сами, и движение затихло само собой так же, как оно и началось без очевидной причины».

«Простолюдины наши доселе вспоминают о какой-то счастливой стране, где реки медовые и молочные, а берега кисельные», — писал большой знаток русского фольклора А.Н. Афанасьев.

Отречемся от старого мира

В пьесе Горького «На дне» старец Лука рассказывает про «одного человека, который в праведную землю верил». «В той, дескать, земле — особые люди населяют... хорошие люди! Друг дружку они уважают, друг дружке — завсяко-просто — помогают... и все у них так славно-хорошо! И вот человек все собирался идти... праведную эту землю искать». На свою беду встретился он однажды с ссыльным ученым (дело было в Сибири). «Сейчас это ученый книги раскрыл, планы разложил... глядел, глядел — нет нигде праведной земли!» Искатель счастливой земли ученого побил, а сам повесился.

Языческая вера «простолюдина», предполагавшая индивидуальные поиски обетованной земли, спасовала перед «ветхозаветной» верой ссыльного интеллигента в коллективное строительство «нового мира».

В начале 1918 года в поэме «Инония», посвященной ветхозаветному пророку Иеремии, С. Есенин скажет:

*Проклинаю я дыханье Китежа
И все лощины его дорог.
Я хочу, чтоб на бездонном вытяже
Мы воздвигли себе чертог...*

*...
Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.
Новый, на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера — в силе,
Наша правда — в нас!*

«Левый марш» Маяковского прямо переключается с Н.М. Языковым!

*Там
за горами горя
солнечный край непечатый.
За голод
за мора море
шаг миллионный печатай!*

Нетрудно вспомнить:

*Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна...*

Оба поэта используют «языческую» образность, но совершенно ясно, что «там» находится не в пространстве, а во времени. Языков назвал свое стихотворение «Пловец» (одиночка?!). Прошло сто лет, и выражение «шаг миллионный» уже не воспринималось как поэтическая гипербола.

Конец XIX, начало XX века — время, связанное с огромного значения экономическими и политическими событиями в истории нашей страны. За это время ветхозаветная парадигма обетованной земли, еще полвека назад бывшая достоянием узкого круга интеллигенции («Простолюдины наши доселе вспоминают о какой-то счастливой стране, где реки медовые и молочные, а берега кисельные»), стала элементом массового сознания. В Западной Европе эти процессы прошли чуть не на 500 лет ранее, еще в средние века. Конечно, рецидивы случались и позже, но прививка была сделана, и поэтоому они (за исключением, пожалуй, Германии) давали о себе знать в более легкой форме. В России такой «прививки» не было — народные движения у нас ориентировались на «настоящего» (а следовательно, доброго) царя.

Идея «Нового Иерусалима» неотделима от мессианских настроений и архетипически, и логически. С точки зрения мифа, Новый Иерусалим мог возникнуть только в результате всеобщего преобразования всего мира, в результате окончания старого (плохого) времени и наступления нового. С точки зрения логической, существование страны, «где мечи перекованы на орала», невозможно среди мира, наполненного злобой и ненавистью.

Во времена средневековых массовых движений каждая хилиастическая секта претендовала на мессианскую роль, но такого рода настроения были характерны только для членов данной секты, а не для населения всей территории, на которой она действовала.

После падения Византии Россия стала единственным православным государством, в результате чего граница конфессиональная совпала в ней с границей национальной и государственной. Знаменитая «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского, в которой он говорил, что именно России суждено «изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!», была с одинаковым энтузиазмом встречена всеми кругами образованного общества.

Русский империализм, использовавший тезис о Третьем Риме, немало способствовал распространению мессианизма среди всех слоев населения. Тютчев в стихотворении, символически озаглавленном «Русская география», писал:

*От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная
Вот царство русское... И не прейдет вовек,
Как то провидел Дух и Даниил предрек.*

Безусловно, еврейский пророк Даниил имел в виду вовсе не Россию. Но поскольку евреи Христа не приняли, эстафету «избранного народа» приняла «истинно» православная Русь.

В момент революции эти идеи стали массовыми:

*Радуйся,
Земля!
Деве твоей Руси
Новое возвестил я
Рождение.
Сына тебе
Родит она...*
(С. Есенин)

И снова Маяковский:

*Сегодня
в рай
Россию ринем
...
Иван
через царства
шагает по крови,
Над миром справляя огней юбилей.*
(«150 000 000»)

Совсем другой, и по настроениям, и по биографии, поэт Николай Клюев в это же время писал в «Красной газете»:

*Бедуинам и желтым корейцам
Не будет запретным наш храм...
...
Жильцы гробов, проснитесь! Близок Страшный суд.
И Ангел-истребитель стоит у порога!
Ваши черные белогвардейцы умрут
За оплевание Красного бога.*

Христос «с кровавым флагом» (Блок), Иван, шагающий через царства по крови, «хвала пулемету, не сытому кровью» (Клюев), – революция осознавалась как Апокалипсис и приветствовалась.

Гораздо позже Маяковский написал стихотворение «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка». Важно, что Хренов — не вымышленное лицо, а реальный знакомый поэта, строитель. «Счастливая страна» выглядела несколько необычно:

*...сидят в грязи рабочие...
подмокший хлеб жуют...*

Не правда ли, это напоминает хрестоматийно известную «Железную дорогу»? Оба автора описывают тяжелое положение рабочих в период «первоначального накопления». Но для Некрасова железная дорога была не более чем важный экономический объект, и поэтому перед ним встал вопрос о цене, которую люди за это должны платить.

Для Маяковского же Кузнецкстрой — дорога в рай, объект религиозного поклонения. При таком подходе вопрос о цене, как известно, не ставится.

Сам Хренов попал в мясорубку 30-х годов, в полном собрании сочинений Маяковского 1939—1949 годов его имя не упоминается. «Человек из песни» — Иулиан Петрович Хренов, которого звали уменьшительно то Ульян, то Ян, бывший директор Краматорского металлургического завода. С 9 августа 1937 года Хренов в числе тысяч других «троцкистов», плыл в верхнем трюме парохода «Кулу» из Владивостока в бухту Нагаево (пятый рейс). Здесь-то, в трюме тюремного парохода, и обнаружилась «причастность» Хренова к литературе.

Среди этих тысяч людей лишь один человек был с книгой — Ян Хренов. Книга, которую он взял в трюм, берег и перечитывал, — однотомник Маяковского, с красной корочкой. Желаящим Хренов отыскивал в книге страницу и показывал стихотворение «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка»³.

Эпилог

В конце 1918 года в Петрограде была поставлена «Мистерия-буфф», «героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи».

Автор — В. Маяковский.

Режиссер — В. Мейерхольд.

Художник — К. Малевич.

Последней картине мистерии была предпослана авторская ремарка: «Обетованная страна. Огромнейшие, во всю сцену, ворота. Ворота

³ См.: http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_pages.shtml?Key=7290&page=276

размалеваны в какие-то углы, из которых слабо намечаются улицы и площади земных местностей. А наверху, над забором, качаются саженные цветы и горящим семицветием просвечивает радуга...»

*Маяковский покончил самоубийством.
Мейерхольд был расстрелян.
Малевич умер в неизвестности и нищете.*

Гораздо позже В. Высоцкий подытожит:

*Прискакали — гляжу — пред очами не райское что-то:
Неродящий пустырь и сплошное ничто — беспредел.
И среди ничего возвышались литые ворота,
И огромный этап — тысяча пять — на коленях сидел.*

Блаженная страна Макария осталась лишь в пословице: «Куда Макарь телят не гонял», напоминающей о «местах, не столь отдаленных».

Реализовать утопию не удалось. К сожалению, вместе с разочарованием в возможности абсолютной победы добра мы поставили под сомнение и само понятие добра.

Дискредитацию моральных ценностей, лежавших в основе коммунистического мифа, начала партийная элита, используя их в своих корыстных целях. Ее выкормыши, наскоро перекусавшись, продолжают начатое. Свобода для них — безответственность и произвол. Равенство и братство они подвергают осмеянию. А мы терпим. Мы позволяем себе забывать, что уходящая эпоха рождала не только предателей и палачей, но также героев и подвижников.

Легализация частного интереса оборачивается апофеозом корысти, признание неравенства — высокомерием нуворишей.

Когда-то Ленин сказал, что главное для победы нового общественного строя — это производительность труда (за дословность цитаты не ручаюсь). Крах ленинизма как нельзя лучше подтвердил правильность данного высказывания. Но для уяснения этого потребовалось 70 лет.

Если же мыслить не столь масштабными временными отрезками и не столь глобальными историческими категориями, следовало бы отметить, что какая-либо политическая система может претендовать на успех только в том случае, если она окажется способной предложить обществу систему ценностей, которую примет значительная его часть.

Те ценности, которые предлагаются нам сегодня от имени демократии, не могут быть восприняты никаким, даже гипотетическим народом.

Если все пойдет так и дальше — мы снова вернемся «на круги своя», как пес — на свою блевотину.

1991

Размышления о символах

«Все мое», — сказала злато.

А.С. Пушкин

Мировосприятие людей выражается в символах. Символы, которыми мы пользуемся, могут больше рассказать о нашем отношении к миру, к другим людям, чем обдуманное и осознанно сформулированное высказывание, — последние могут быть рассчитаны на обман или быть следствием самообмана.

Значение символа определяется не столько обозначаемым им явлением, сколько эмоциональным отношением к нему. Мировоззрение, как и другие аспекты социального бытия, в процессе исторического существования социума не остается неизменным, но изменения эти осознаются членами социума далеко не сразу. В ходе такого изменения отношение к «центральному», определяющим то или иное мировоззрение символам остается долгое время неизменным, застывает, мумифицируется, хотя представление об объектах, им означаемых, изменяется. (Так на протяжении времени отношение к «Свободе, Равенству и Братству» оставалось неизменно положительным, хотя представление о том, что такое свобода, равенство и братство — менялось). Символы же, оказавшиеся на периферии общественного внимания, как правило, не изменяют своей связи с обозначаемыми ими объектами, но зато эмоциональное отношение к ним меняется.

Одним из таких «периферийных» символов является золото. Золото издревле и повсюду было сакральным металлом. Под словом «сакральный» я подразумеваю не какие-то особые объективные его свойства, а опять-таки эмоциональное отношение к нему, отношение, которое могло быть и положительным, и отрицательным, но всегда достаточно активным.

К четвертой годовщине Октября в газете «Правда» была опубликована статья Ленина «О значении золота теперь и после полной победы социализма».

«Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира. Это было бы самым “справедливым” и наглядно-назидательным употреблением золота для тех поколений, которые не забыли, как из-за золота перебили десять миллионов человек и сделали калеками еще тридцать миллионов... Но как ни “справедливо”, как ни полезно, как ни гуманно было бы указанное употребление золота, а мы все же скажем: поработать еще надо десяток-другой лет... чтобы до этого доработаться.

Пока же: беречь надо в РСФСР золото... покупать на него товары подешевле. С волками жить — по-волчьи выть, а насчет того, чтобы всех волков истребить, как полагается в разумном человеческом обществе, то будем придерживаться мудрой русской поговорки: “Не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати...”».

Не Ленин изобрел такое «справедливое» отношение к золоту. В самом начале XVI века будущий канцлер Англии Томас Мор писал: «Из золота и серебра повсюду, не только в общественных дворцах, но и в частных жилищах они (*утопийцы*. — *В.Р.*) делают ночные горшки и всю подобную посуду для самых грязных надобностей».

В своем отношении к «презренному металлу» Ленин в тогдашней России был не одинок. Во время гражданской войны слово «золотопогонник» было ругательным (у Маяковского «золотозадый рой»). Еще в 1906 г. Горьким был написан очерк — «Город желтого дьявола». В 1924 г. появляется рассказ А.Н. Толстого «Золотой мираж». В 1931 г. И. Ильф и Е. Петров издают «Золотого тельца». В 1931 г. А. Толстой издает роман «Черное золото» (позднее — под названием «Эмигранты»).

На последнем названии стоит, пожалуй, остановиться. Выражение «черное золото» имеет в данном случае двойное значение — это и грязное золото, ради которого стараются враги Союза из рядов эмиграции, и нефть, притягивающая взоры западных дельцов от политики.

Уже сам тот факт, что золото может быть «черным» — грязным, а следовательно, и *не черным*, — многозначителен.

Еще интереснее, что выражение — «черное золото» (нефть), а вслед за ним и выражения: «мягкое золото» (пушнина), «зеленое золото» (лес), «белое золото» (хлопок), «голубое золото» (вода) — сделались газетными штампами.

Никто никакого приказа не отдавал, изменилось общественное сознание, и золото исподволь начало становиться символом, имеющим положительную эмоциональную окраску, символом меры всех вещей.

В 1939 г. указом Президиума Верховного Совета СССР была утверждена высшая правительственная награда «Золотая звезда», которая по своему статусу оставила далеко позади себя орден «Красной звезды». С января 1943 г. слово «золотопогонник» перестало означать нечто чуждое и враждебное, с той поры количество галунов на офицерской форме неоднократно увеличивалось.

В 1936 г. вся страна с энтузиазмом запела «Песню о Родине» с такими словами: «Золотыми буквами мы пишем всенародный Сталинский закон».

Я уже упоминал об отношении к золоту Томаса Мора, теперь речь пойдет о другом представителе средневекового утопизма Томазо Кампанелле: «Пол храма блистает ценными камнями. Семь золотых лампад, имеющих по семи планетам, висят, горя неугасимым огнем... Там же, под флюгером, хранится написанный золотыми буквами свиток... У них всего одна книга, под названием «Мудрость», где удивительно сжато и доступно изложены все науки. Ее читают народу согласно обряду пифагорейцев».

Два утописта разошлись в оценке золота, но и в остальном они далеко не единодушны. В патриархальной утопии Мора царит веротерпимость, смертная казнь применяется в исключительных случаях, обществом руководит выборный сенат.

У Кампанеллы во главе города стоит единолично должностное лицо под названием «Солнце», избираемое высшими чиновниками. Солярии «...беспощадно преследуют врагов государства и религии, как недостойных почитаться за людей».

У Томаса Мора высшей ценностью являются люди, населяющие его «Утопию», у его тезки Кампанеллы высшей ценностью является государство.

Случайно ли совпадение отношения к золоту с той или иной системой ценностей? Думаю, что нет.

В человеческом обществе демонстрация золота играет приблизительно ту же роль, какую в стаде или стае животных играет поза доминирования, — она указывает на стремление повысить свой статус и ранг в стадной иерархии, на агрессивное самоутверждение. Можно с большой долей уверенности говорить, что чем больше сусального золота украшает военачальников, тем более такая армия опасна и для окружающих, и для собственного народа.

Гражданская война, безусловно, способствовала росту агрессивности, последовавшая за нею эра повышенной социальной мобильности оказала влияние на рост ранговых претензий. Единственным гарантом

самоутверждения и безопасности стало государство. Не Сталин и иже с ним создали такую атмосферу — они только воспользовались ею, что, конечно, не снимает с них вины перед их жертвами и историей.

Изменение ситуации в стране после XX съезда привело к символической секуляризации золота. Если в тридцатых годах сакральную ценность имело только золото, полученное от государства в виде наград, то в шестидесятых положение изменилось. Подспудный рост индивидуализма привел к тому, что санкции государства на высокий ранг уже не требовалось — золото как таковое стало символом общественного преуспевания и высокого статуса его владельца и носителя.

Воевать против сегодняшней страсти к золоту бессмысленно. Оно будет нечто значить до той поры, пока общество не обретет иных ценностей, кроме личного успеха в агрессивном самоутверждении.

Отношение к символам, в частности, к золоту, — только показатель глубинных процессов, идущих в социальном сознании. Бесполезно и бессмысленно бороться с внешними признаками, не умея повлиять на их причины. Но для того, чтобы эти процессы понять, к такого рода символическим признакам нужно быть достаточно внимательным.

Май 1992

«Падший ангел»

Слово «Сатана» переводится с еврейского как «противник в суде, споре или на войне, препятствующий, противоречащий, обвинитель, наущник, подстрекатель». Ветхозаветный Сатана — противник не столько Бога, сколько человека. При переводе Ветхого Завета на греческий появилось слово «Дьявол», которое значило «клеветник» — в переводе на *(современный. — Ред.)* русский — «стукач», «гэбэшник».

Приблизительно такую роль выполнял Сатана в Ветхом Завете (Иов). (См.: Аверинцев С.С. Сатана / Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982, с. 412—414).

На дальнейшее развитие как иудаизма, так и, в особенности, христианства и ислама оказал зороастризм с его противопоставлением почти равных по силе близнецов доброго Ахуры Мазды и злого Ахримана. Сатана (коранический Иблис) оказывается противником не только человека, но и Бога. Предполагается, что имя «Иблис» — это искаженное греческое «диаблос» (Пиотровский М.Б. Коранические сказания. М., 1991).

Ни Ветхий, ни Новый Завет ничего не сообщают о происхождении Сатаны. (О злых духах как о падших ангелах упоминается во втором послании Петра (2Пет. 2:4) и в послании Иуды (Иуд. 6), но говорится всегда во множественном числе и без каких-либо подробностей).

Зато в Коране о происхождении Иблиса говорится дважды.

В более ранней (мекканской) суре «Сад» Аллах, создав человека, потребовал от ангелов, чтобы те поклонились ему.

«И пали ниц ангелы все вместе, кроме Иблиса, — он возгордился и оказался неверным.

Он (*Господь*. — *В.Р.*) сказал: “О Иблис, что удержало тебя от поклонения тому, что Я создал Своими руками?”...» (Коран. 38:73–75).

«Он (*Иблис*. — *В.Р.*) сказал: “Я лучше него: Ты создал меня из огня, а его создал из глины”...» (Коран. 38:77).

Гораздо интереснее описывается история падения Иблиса в более поздней (мединской) суре «Корова»:

«И вот, сказал Господь твой ангелам: “Я устанавливаю на земле наместника”. Они сказали: “Разве Ты установишь на ней того, кто будет там производить нечестие и проливать кровь, а мы возносим хвалу Тебе и святим Тебя?” Он сказал: “Поистине, Я знаю то, чего вы не знаете!”.

И научил Он Адама всем именам, а потом предложил их ангелам и сказал: “Сообщите Мне имена этих, если вы правдивы”.

Они сказали: “Хвала Тебе! Мы знаем только то, чему Ты нас научил. Поистине, Ты — знающий, мудрый!”.

Он сказал: “О, Адам, сообщи им имена их!” И когда он сообщил им имена их, то Он сказал: “Разве Я вам не говорил, что знаю скрытое на небесах и на земле и знаю то, что вы обнаруживаете, и то, что скрываете?”.

И вот сказали Мы ангелам: “Поклонитесь Адаму!” И поклонились они, кроме Иблиса. Он отказался и превознесся, и оказался неверующим». (Коран. 2:28–32).

С того времени, когда были записаны эти строки, прошло более тринадцати столетий, и поэтому есть все основания предположить, что ангелы оказались правы в своих предположениях. И Иблис, отказавшийся поклониться Адаму, посрамил Бога. (Надо сказать, что и христианская традиция тоже не откладывала окончательной победы Добра над Злом на столь долгий срок. Согласно Откровению (Откр. 13:5), Антихристу «дана... власть действовать сорок два месяца»).

В примечании к соответствующему стиху суры «Корова» переводчик Корана И.Ю. Крачковский ссылается на немецкого исследователя И. Гольдциера, изучавшего различные толкования Корана.

Тот пишет: «Согласно толкованию Мухаммада Абдо (конец XIX в.), Адам и Ева предки только арабов, а не остального человечества. Когда Бог оглашает свое решение создать Адама, ангелы возражают ему: “Ты хочешь, чтобы он принес на землю беду и кровопролития”. Это вынуждает предположить, что люди существовали и ранее, иначе откуда ангелы могли узнать, что созданные люди, в силу своих природных задатков, окажутся такими злыми и коварными. При таком толковании сам Дарвин оказывался праведным последователем Корана». (*Мой перевод с немецкого. См.: Goldziher. Die Richtungen der Islamischen Koranauslegung. Leiden. 1920. — В.Р.*).

Если учесть, что внутри самих арабов менее чем через полвека после смерти пророка разгорелась кровавая борьба за власть, то и версия М. Абдо не выдерживает критики.

Правильно понять этот коранический пассаж нам, гражданам России, станет гораздо легче, если мы оглянемся назад всего лет на сто. Тогда тоже казалось, что победа нового вероучения принесет человечеству избавление от всякого зла: «Это есть наш последний и решительный бой, с Интернационалом воспрянет род людской!» Всякий, кто сомневался в столь немедленной и полной победе добра, причислялся к приспешникам Мирового Империализма (еще одно наименование Сатаны) и отдавался в руки инквизиции, которая тоже именовалась по-новому. В 1961 году на XXII съезде КПСС было объявлено, что «нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме».

Как говорится, «из всего вышеизложенного следует», что Сатана не является чем-то внешним по отношению к человеку. Если исходить из теории все того же Дарвина, **зло** — это не элиминированные отбором элементы нашей психики. Такой вывод вовсе не означает отказа от борьбы с ним. Но надо понять, что борьба за добро — процесс достаточно длительный. То, что можно противопоставить «первородному греху», есть **культура**. На мой взгляд, именно европейской, западной культуре удалось сделать в этом отношении больше, чем всем остальным. Разумеется, термины «европейская», «западная» следует понимать отнюдь не в узкогеографическом смысле.

25.07.2007

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...

Введение

*Услышав о белых медведях, Вова говорит с удивлением:
«Разве у зверей тоже есть буржуи?»*

К. Чуковский. «От двух до пяти»

25 октября (7 ноября, по новому стилю) произошла «Великая Октябрьская Социалистическая революция», результатом которой явилось установление в России «диктатуры пролетариата».

Диктатура — власть, «опирающаяся на силу, а не на закон» (Ленин В.И. ПСС. Т. 31, с. 320) (*Так у автора. — Ред.*), — действительно была установлена. Вопрос о том, чья же это была диктатура, неясен некоторым еще и сегодня.

В своей работе «Что делать?» (1901 г.) Ленин писал: «...Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией» (Ленин В.И. ПСС. Т. 6, с. 24). «...**Рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское**» (ПСС. Т. 6, с. 30). (*В этом абзаце выделения — мои. — В.Р.*) «**Классовое** политическое сознание может быть привнесено рабочему **только извне**» (Ленин В.И. ПСС. Т. 6, с. 79). «...Советский социалистический демократизм единоначалию и диктатуре нисколько не противоречит... **волю класса** иногда осуществляет **диктатор**, который иногда один более сделает и часто более необходим» (Ленин В.И. ПСС. Т. 40, с. 272).

*Сегодня приказчик,
а завтра
царства стираю в карте я.
Мозг класса,
дело класса,
сила класса,
слава класса —
вот что такое партия.
Партия и Ленин —
близнецы-братья —
кто более
матери-истории ценен?
мы говорим Ленин,
подразумеваем —
партия,*

*мы говорим
партия,
подразумеваем —
Ленин.*

(В.В. Маяковский. «В.И. Ленин»)

Если «приказчик», то какого класса он «мозг» и «сила»?

Бухарин в книге «Экономика переходного периода» писал: «...При определенном сочетании условий, **господство класса может находить себе наиболее адекватное выражение как раз в личном режиме**». «...Это же “концентрированное насилие” отчасти обращается и вовнутрь, являясь фактором самоорганизации и **принудительной самодисциплины трудящихся**». «Принуждение... не ограничивается рамками прежде господствующих классов и близких к ним группировок. Оно в переходный период... переносится и на самих трудящихся, и на сам правящий класс... Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрела и кончая трудовой повинностью, является... методом выработки **коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи**» (с. 119, 140, 141, 146) (*Выделено самим Бухариным. — В.Р.*). (Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. М., 1920).

В России пролетариат составлял менее 3% ее населения (включая тогда еще временно отделившиеся Польшу и Прибалтику). Причем, в связи с бурным развитием промышленности, большая часть рабочих была таковыми в первом поколении, и их идеология продолжала оставаться **крестьянской**.

«Они (*крестьяне. — В.Р.*)... неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через посредство парламента или через посредство конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет. Политическое влияние парцелльного крестьянства в конечном счете выражается, стало быть, в том, что **исполнительная власть подчиняет себе общество** (*Выделено мной. — В.Р.*)». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8, с. 207–208).

Большевики захватили власть, опираясь на штыки крестьянской армии. Отсюда и роль вождя, который был уверен, что знает интересы пролетариата лучше, чем сам пролетариат.

Такое отношение вождей к классу, именем которого они управляли, было наглядно продемонстрировано через два месяца после победы Октября.

М. Горький писал в «Несвоевременных мыслях»: «5-го января 1918-го года безоружная петербургская демократия — рабочие, служащие — мирно манифестировала в честь Учредительного Собрания....»

“Правда” лжет, когда пишет, что манифестация 5 января была организована буржуями, банкирами и т.д. и что к Таврическому дворцу шли именно “буржуи”, “калединцы”...

“Правда” знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красными знаменами Российской с.-д. партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василюстовского, Выборгского и других районов.

Именно этих рабочих и расстреливали, и сколько бы ни лгала “Правда”, она не скроет позорного факта». (Горький М. 9 января — 5 января // Новая жизнь, № 6 (220), 9 (22) января 1918 г.).

В 1961 г. генсек Хрущев объявил о том, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», а в 1962 г. в Новочеркаске были расстреляны рабочие-забастовщики, недовольные ростом цен.

Забастовка, именовавшаяся саботажем, приравнивалась в СССР к тяжкому преступлению. Лишенный права на забастовки, советский рабочий класс (и каждый рабочий в отдельности) имел гораздо худший жизненный уровень, нежели рабочие капиталистических стран.

Фактически советские вожди-диктаторы имели в своей собственности не только все, что формально принадлежало рядовым гражданам страны, но их собственность распространялась и на самих граждан, поскольку, согласно ст. 58—1а УК РСФСР, «...бегство или перелет за границу караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества...»

В советской пропаганде «пролетариат» олицетворялся, т.е. на отвлеченное социальное понятие переносились свойства отдельного человека. Так же олицетворялась и «буржуазия» («капитал») — антипод и злобный враг пролетария (см. рис. 1)⁴.

В результате «пролетариат», «буржуазия» превращались в мифологических, сказочных героев, не имевших прямого отношения к соответствующим социальным реалиям.

⁴ Здесь и далее отсылка к конкретному рисунку предпринята редакторами-составителями.

Рис. 1. В.Н. Дени. Плакат. 1919 г.

Использовался (и реализовался!!!) и другой литературный троп — синекдоха (часть вместо целого). Отдельный рабочий или крестьянин мог выступать от имени всех рабочих и крестьян, поскольку это одобрялось властью имущими, притом что любой, проявивший несогласие с властью, рассматривался как враг класса в целом.

В 1928 г. произошли два примечательных события.

Началось знаменитое Шахтинское дело. Первый групповой показательный процесс, затеянный Сталиным.

24 марта 1927 г. издается **секретный** приказ ОГПУ, предписывающий «...приравнять небрежность как должностных, так и прочих лиц, в результате халатности которых имелись разрушения, взрывы, пожары и прочие **вредительские** акты... к государственным преступлениям» (*Здесь и далее в цитатах выделено мной.* — В.Р.). 31 марта Политбюро ВКП(б) утверждает его. (См.: Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. М.: Международный фонд «Демократия», 2003, с. 127).

Судя по всему, это первое появление термина вредительство в его карательно-политическом значении.

Первые аресты прошли 13–14 июня того же 1927 г. Хотя процесс по делу инженеров из города Шахты (Донецкий бассейн) состоялся

лишь в мае 1928 года, о «Шахтинском деле» было объявлено еще в марте, а на апрельском пленуме уже шла речь об «уроках», которые следовало из него извлечь. Сталин: «Пять лет эта контрреволюционная группа спец-ов совершала **вредительство** в нашей промышленности, взрывая котлы, разрушая турбины и т.д.». В мае начинается процесс над шахтинскими **«вредителями»**. С той поры это слово получило в СССР самое широкое распространение⁵.

«Вредительство» обладало сказочными чертами — оно было невидимо.

«...Опытные и осторожные вредители... проводили вредительство так тонко и осмотрительно, что не только не было заметно его следов, но, наоборот, внешне рудник... производил весьма хорошее впечатление» (Минаев В. Подрывная работа иностранных разведок в СССР. (Часть первая) / М.: Воениздат. НКО СССР, 1940)⁶.

Вредительство могли видеть только особо посвященные (следователи), как духов, недоступных профанам, могут наблюдать только шаманы.

Вторым примечательным событием 1928 г. стало появление книги В.Я. Проппа «Морфология сказки».

Объединяет два этих события слово *вредитель*.

В политическом контексте советской эпохи 30-х годов это слово имеет то же значение, что и в сказочном контексте Проппа.

Слово «вредитель» зафиксировано еще в 1771 г. в словаре «Российский Целлариус» (Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., 1951. Т. 2, с. 302). Есть оно и в словаре Даля: «вредчик, вредун, вредник, вредитель» — вредный, вредоносный человек». В энциклопедии Брокгауза и Ефрона слова «вредительство» нет вообще, а «вредитель» понимается как сельскохозяйственный.

Каким образом сравнительно малораспространенное слово вдруг «центровым» термином и в сугубо академическом труде В.Я. Проппа, и — **почти одновременно** — вошло в том же значении в политическую жизнь страны?

Случайное совпадение в этом случае маловероятно.

Пропп, даже если бы и захотел, не мог воспользоваться политическими текстами, поскольку его работа писалась гораздо раньше Шахтинского дела. Он писал ее около 10 лет.

⁵ О Шахтинском деле см.: <http://www.rusarchives.ru/publication/politbyuro.shtml>; <http://trst.narod.ru/rogovin/t2/v.htm>; http://www.shakhter.ru/?Sh21_page

⁶ Электронная версия — http://militera.lib.ru/h/minaev_v/06.html

12 февраля 1926 г. в секции «Живой старины» в Сказочной комиссии В.Я. Пропп читает доклад — «Морфология русской народной сказки»⁷.

Предисловие к первому изданию датируется 15 июлем 1927 г.

На титульном листе первого издания значится: «Книга была напечатана по распоряжению Отдела Словесных Искусств. 30 ноября 1927 г.»

А вот обратное — заимствование этих слов чекистами: «вредитель», «вредительство» — могло произойти вполне. По воспоминаниям самого Проппа, в секции Сказочной комиссии собиралось «50 и более человек» (Живая Старина. М., 1995, № 3, с. 9). Впрочем, и до, и после этого в кругах этнографов и литературоведов разговоры о «Морфологии», безусловно, велись. Никому из ученых и в голову не приходило, что научный термин может приобрести также и другое значение.

На XVI губернской московской партконференции о «квалифицированной интеллигенции» Бухарин говорил: «Они, в общем и целом, работают, иногда хорошо работают, но их политическая установка есть борьба за лучшие кадры интеллигенции, чтобы свести их с нашего советского пути» (*) (Правда. 24.11.1927).

При таком отношении любые собрания интеллигенции должны были контролироваться НКВД.

А.И. Солженицын писал: «*Вредительство* (это слово открыто было, кажется, шахтинским рядовым следователем)» (Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. М., 1990, с. 77). Кто бы позволил рядовому следователю открывать такие политически значимые слова?

Слово это было не открыто, а украдено у В.Я. Проппа, вероятнее всего, 12 февраля 1926 г.

Во втором прижизненном издании работы Проппа «Морфология сказки» (1969 г.) слово «вредитель» встречается гораздо реже. В большинстве случаев его заменяет слово «**антагонист**», что само по себе значимо.

«Антагонизм... — одна из форм противоречий, характеризующаяся острой, непримиримой борьбой враждебных сил, тенденций... Антагонизм разрешается путем классовой борьбы, формы и содержание которой определяются конкретно-историческими условиями их (*противоречий*. — В.Р.) развития» (БСЭ. 3-е изд. Т. 2. М., 1970).

В текстологическом комментарии к изданию трудов В.Я. Проппа (М.: Лабиринт, 1998) сказано: «...Всякий, знакомый с советской издательской системой, отчетливо представляет, что ни о какой абсолютной

⁷ См.: http://kizhi.karelia.ru/specialist/pub/library/rjabinin2007/5_folk/ivanova_t.htm

авторской воле и речи быть не может... Поэтому нет никакой уверенности, что текст 1969 г. в полной мере отражает волю автора» (с. 486).

Независимо от того, по чьей инициативе произошла эта замена, значимость ее от этого не снижается.

Пока Пропп писал свой труд, пока книга проходила редактуру и цензуру, слово «вредитель» еще не имело однозначного смысла. Иное дело — 1969 год. К этому времени, начиная с Шахтинского дела и кончая делом врачей-вредителей, данное слово приобрело вполне однозначный смысл. XX съезд придал ему несколько иное, но тоже идеологическое значение. После отстранения Хрущева власть не хотела обращаться к слову «вредитель» ни в каком контексте, что, как я думаю, и вынудило Проппа заменить его. Хотя слово «антагонист» тоже когда-то имело политизированное значение, но к 1969 году все об этом успели забыть.

Вместе с тем совпадение термина Проппа и пропагандистского штампа оказалось далеко не случайным.

Попробуем рассмотреть некоторые аспекты советской коммунистической **пропаганды** с точки зрения формального анализа волшебной сказки В.Я. Проппа. Я пользовался первым изданием этой его работы (Морфология сказки. Л.: «ACADEMIA», 1928)⁸.

Пропп и агитпроп

Сказка не только вчерашний день, но мечта о будущем.

В.Я. Пропп. «Фольклор и действительность»

«Морфологически сказкой может быть названо всякое развитие от вредительства (А) или недостачи (а) через промежуточные функции к свадьбе (С*) или другим функциям, использованным в качестве развязки. Конечными функциями иногда являются награждение (Z), добыча или вообще ликвидация беды (Л), спасение от погони (Сп) и т.д. Такое развитие названо нами ходом. Каждое новое вредительство, каждая новая недостача создает новый ход» (с. 102).

«Чудесное рождение героя — очень важный сказочный элемент. Это — одна из форм появления героя, с включением ее в начальную ситуацию. Рождение обычно сопровождается пророчеством о его судьбе. Еще до завязки он проявляет атрибуты будущего героя. Рассказывается о его быстром росте, о его превосходстве над братьями. Иногда, наоборот, Иван-дурак» (с. 95).

⁸ Электронная версия — <http://feb-web.ru/feb/skazki/critics/pms/PMS-001-.htm>

Как известно, рождение и судьба Пролетариата были предсказаны Марксом и Энгельсом. Это не противоречит тому, что герой — дурак. Вспомним, что Ленин (вопреки Марксу) писал о пролетарском классовом сознании (см. начало статьи).

Для дальнейшего анализа я обратился к III главе исследования В.Я. Проппа «Морфология “волшебной” сказки», которая называется «Функции действующих лиц». Пропп показал, что, несмотря на обилие волшебных сказок, в каждой из них, хотя и «...меняются названия (а с ними и атрибуты) действующих лиц, *(однако. — В.Р.)* не меняются их действия или *функции (Курсив мой. — В.Р.)*».

Далее Пропп перечисляет 31 функцию. В некоторых конкретных сказках кое-какие функции могут отсутствовать или проявляться слабо. Я для облегчения опускаю те подразделы функций, которые не имеют отношения к делу, а также условные знаки, позволяющие строить формулу каждой конкретной сказки.

Итак, у нас уже есть две функции, предложенные Проппом: Герой — Пролетариат; Вредитель (Антагонист) — Буржуй.

Начнем сначала:

«I. Один из членов семьи отлучается из дома...»

1) Отлучиться может лицо старшего поколения... Обычные формы отлучки: на работу, в лес, торговать, на войну, по делам.

2) Усиленную форму отлучки представляет собой смерть родителей...

II. К герою обращаются с запретом...

III. Запрет нарушается...»

Умирают Маркс и Энгельс, завещавшие Пролетариату «строить коммунизм». Пролетариат вместо этого уклоняется в меньшевистский тред-юнионизм.

«IV. Вредитель пытается произвести разведку...»

3) В отдельных случаях встречается и выведывание через других лиц...»

Именно этих других лиц советская пропаганда и называла собственнo **вредителями**. К этой категории относились преимущественно социал-демократы, ставившие под сомнение пролетарский характер коммунистической власти.

«V. Вредителю даются сведения о его жертве...»

VI. Вредитель пытается обмануть свою жертву, чтобы овладеть ею или ее имуществом...»

Прежде всего, вредитель принимает чужой облик. Змей обращается золотой козой, прекрасным юношей. Ведьма прикидывается «сердечной старушкой»... (см. рис. 2, 3).

Рис. 2. Неизвестный художник.
1921 г.

Рис. 3. В.Н. Дени. 1919 г.

«VII. Жертва поддается обману и тем невольно помогает врагу...»

Рабочий класс идет на поводу у соглашателей и отвергает Пролетарское сознание.

«VIII. Вредитель наносит одному из членов семьи вред или ущерб...»
(см. рис. 4).

VIII-а. Одному из членов семьи чего-либо не хватает, ему хочется иметь что-либо...

IX. Беда или недостатка сообщается, к герою обращаются с просьбой или приказанием, отсылают или отпускают его...

X. Искатель соглашается или решается на противодействие...»

Ограбленный Буржуями и Помещиками Трудящийся решается на Революцию и Гражданскую войну.

«XI. Герой покидает дом...»

В сказку вступает новое лицо, которое может быть названо дарителем или, точнее, снабдителем. Обычно оно случайно встречено в лесу, на дороге и т.д... От него герой, как искатель, так и пострадавший, получает некоторое средство (обычно волшебное), которое позволяет впоследствии ликвидировать беду. Но прежде, чем происходит получение волшебного средства, герой подвергается некоторым очень различным действиям, которые, однако, все ведут к тому, что в руки героя попадает волшебное средство.

Рис. 4. В. Маяковский.
Окна сатиры РОСТА

ХII. Герой испытывается, выясняется, подвергается нападению и пр., чем подготавливается получение им волшебного средства или помощника...

«Революция 1905 г. подняла к сознательному революционному творчеству широчайшие массы, обогатила их неоценимым политическим опытом. Она явилась и для масс и для партии генеральной репетицией революции 1917 г., без этой репетиции победа Октябрьской социалистической революции была бы невозможна» (Ленин В.И. ПСС. Т. 41, с. 9–10).

«ХIII. Герой реагирует на действия будущего дарителя...

XIV. В распоряжение героя попадает волшебное средство...»

Волшебное средство, предоставленное российскому Пролетариату, — «единственно верное учение Маркса—Ленина». В первые годы после революции советская пропаганда апеллировала к Марксу. Впоследствии «классиков» заменила политграмота. Исследуемая под микроскопом, она должна была отвечать на все вопросы (см. рис. 5 и 6).

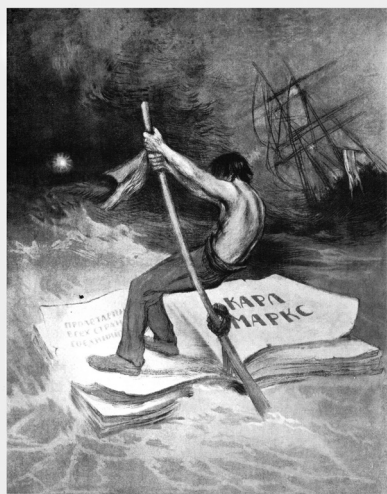
«XV. Герой переносится, доставляется или приводится к месту нахождения предмета поисков...

Обычно объект поисков находится “в другом”, “ином” царстве. Это царство может лежать или очень далеко по горизонтали, или очень высоко или глубоко по вертикали. Способы соединения могут быть во всех случаях одинаковыми, но для глубин и для высот есть специфические формы...

...1. Клубочек указывает путь.

2. Лисица ведет героя к царевне» (Цифры 1 и 2 поставлены мной. — В.Р.).

3. Ленин указывает дорогу к Коммунизму.

**К МАЯКУ КОМУНИСТИЧЕСКОГО
ИНТЕРНАЦИОНАЛА.**

Рис. 5. В. Спасский. 1919 г.

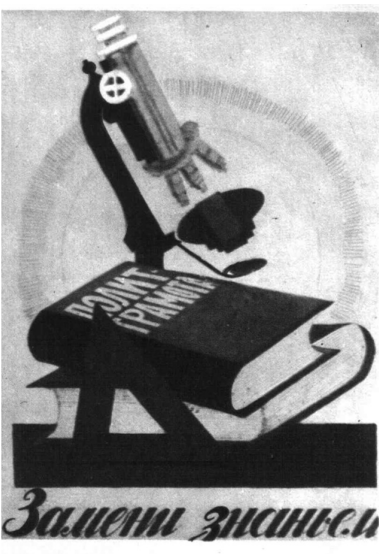

Рис. 6. М. Черемных. 1932 г.

Сквозь грозы сияло нам
солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин —
на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил.

Это из Гимна СССР принятого в 1944 г. Слова Сергея Михалкова. Как и при каких обстоятельствах он переделывал свой текст — это уже особая материя (см. рис. 7).

«XVI. Герой и вредитель вступают в непосредственную борьбу...»

1) Они бьются на открытом поле... Сюда, прежде всего, относится бой со змеем или с Чудо-Юдой и проч., а также бой с неприятельским войском, с богатырем и т.д. (см. рис. 8).

XVII. Героя метят...»

В «Интернационале», в то время государственном гимне, есть слова: «Вставай, проклятьем **заклейменный!**»

Метка эта сокрыта. Понятия, кто есть «пролетарский», а кто — «буржуазный», определялись опять-таки посвященными — вождями.

Многие
пользуются
напостовской⁹ тряскою,
с тем
чтоб себя
обозвать получше.
— Мы, мол, единственные,
мы пролетарские...
— А я, по-вашему, что —
валютчик?

(В.В. Маяковский. «Послание пролетарским поэтам». 1926 г.)

Рис. 7. А. Страхов. 1924 г.

⁹ «Напостовский» — от названия журнала «На посту». (Ред.)

Рис. 8. Б. Звoryкин. 1919 г.

XXI. Герой подвергается преследованию...

XXII. Герой спасается от преследования...»

Перечислить все покушения на Пролетария, строящего социализм, вряд ли возможно. Здесь и происки Мирового Капитала, и сопротивление внутренних врагов: кулачества, духовенства, их прислужников и наемников — эсеров, меньшевиков и т.д. и т.п.

Одним словом:

*Нас побить, побить хотели,
Нас побить пытались,
А мы тоже не сидели,
Того дожидались!*

Д. Бедный. 1929

В начале 1934 г. в Москве состоялся XVII съезд партии, который «вошел в историю как **съезд победителей** (Выделено мной. — В.Р.). Подводя итоги одержанных побед и намечая новые задачи, товарищ Сталин призывал партию не успокаиваться на достигнутых успехах». (Политический словарь. М.: Госполитиздат, 1940).

Через 5 лет после смерти Маяковский был объявлен Сталиным «лучшим и талантливейшим поэтом нашей эпохи», а еще через пару лет пролетарские поэты П. Васильев, Б. Корнилов и множество других были расстреляны как «враги народа». В том числе и редактор журнала «На посту» — Г. Лелевич.

«XVIII. Вредитель побеждается...»

1) Он побеждается в открытом бою...

2) Он побеждается при состязании...

Победа встречается и в негативной форме...

XIX. Начальная беда или недостача ликвидируется...

XX. Герой возвращается...

Рис. 9. В.Н. Дени. 1930 г.

Рис. 10. Б.Е. Ефимов. 1937 г.

Казалось бы, тут и сказке конец.

Вернемся, однако, к Проппу: «На спасении от преследования очень многие сказки кончаются. Герой прибывает домой, затем, если была добыта девушка, женится и т.д. Но это бывает далеко не всегда. Сказка заставляет героя пережить новую беду. Опять является вредитель... Но есть специфические вредители для этой новой беды. Это — старшие братья Ивана... (Выделено мной. — В.Р.)

Новое вредительство создает новый ход, и таким образом иногда соединяется в один рассказ целый ряд сказок...

XXIII. Герой неизвестным прибывает домой или в другую страну...

XXIV. Ложный герой предъявляет необоснованные притязания...

Если герой прибывает домой, то притязания предъявляют братья. Если же он служит в ином царстве, их предъявляют генерал или водовоз и др. Братья выдают себя за добытчиков, генерал — за победителя змея. Эти две формы можно бы считать особыми разрядами (см. рис. 9 и 10).

XXV. Герою предлагается трудная задача...

XXVI. Задача решается...**XXVII. <...>****XXVIII. Ложный герой или вредитель изобличается...**

Чаще всего она (*функция*. — *В.Р.*) дается в форме рассказа (“Тут царевна рассказала все, как было”). Иногда все события рассказываются с самого начала в виде сказки. Вредитель в числе слушателей, он выдает себя возгласами неодобрения... Иногда поется песня, повествующая о происшедшем и изобличающая вредителя).

...«Установлено, что из 139 членов и кандидатов в члены Центрального Комитета партии, избранных на XVII съезде партии, было арестовано и расстреляно (главным образом в 1937–1938 гг.) 98 человек, то есть 70%...

Такая судьба постигла не только членов ЦК, но и большинство делегатов XVII съезда партии. Из 1966 делегатов съезда с решающим и совещательным голосом было арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях значительно больше половины — 1108 человек» (Из доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС).

«XXIX. Герою дается новый облик...

1) Новый облик дается непосредственно волшебным действием помощника... Герой проходит сквозь уши коня (коровы), получает новый, прекрасный облик.

2) Герой выстраивает чудесный дворец... Сам он во дворце ходит царевичем...

3) Герой одевает новую одежду... (*см. рис. 11 и 12*).

XXX. Вредитель наказывается...

Он расстреливается, изгоняется, привязывается к хвосту лошади, кончает самоубийством и пр. Наряду с этим иногда имеем великодушное прощение... Наказывается обычно только вредитель второго хода и ложный герой, а первый вредитель наказывается только в тех случаях, когда в рассказе нет боя и погони. В противном случае он убивается в бою или погибает при погоне (ведьма ломается при попытке выпить море и проч.).

XXXI. Герой вступает в брак и воцаряется...

1) Невеста и царство даются или сразу, или герой получает сперва полцарства, а по смерти родителей и все...»

...В марте 1939 года прошел XVIII съезд партии. «Восемнадцатый съезд — съезд **победившего социализма**... (*Выделено мной*. — *В.Р.*). Отчетный доклад товарища Сталина на съезде — документ всемирно-исторического значения, новый огромный вклад в сокровищницу марксизма-ленинизма». (Политический словарь. М.: Госполитиздат, 1940).

Рис. 11. В.И. Мухина.
Рабочий и Колхозница. 1937 г.
Сталь. Высота около 25 м.

Рис. 12. С.Д.Игумнов. 1937 г.

«И стали они (*Пролетариат и Крестьянство. — В.Р.*) жить-поживать и добра наживать».

В своей следующей работе «Исторические корни волшебной сказки» В.Я. Пропп делает вывод о том, что «...многие из сказочных мотивов восходят к различным социальным институтам, среди них особое место занимает обряд посвящения. Далее мы видим, что большую роль играют представления о загробном мире, о путешествии в иной мир... Весь обряд инициации испытывался как побывка в стране смерти».

Инициация в первобытном обществе — это обряд, связанный с переходом от статуса ребенка к статусу полноправного члена общества.

«Выработка коммунистического человечества из материала капиталистической эпохи» предполагала нечто вроде «инициации» всего этого «материала». Отсюда такое частое упоминание слова «смерть» не только по отношению к «Буржую».

*Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И, как один, умрем
В борьбе за это!*

Почти так же пели и белогвардейцы. Но у них вместо: «и, как один, умрем», было — «и, как один, прольем кровь молодую».

*И все должны мы
Неудержимо
Идти в последний смертный бой!*

*Там
за горами горя
солнечный край непочатый.
За голод
за мора море
шаг миллионный печатай!*

В. Маяковский. «Левый марш»

Те, кто мог сказать о себе слова-
ми Э. Багрицкого:

*Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед,*

— в дальнейших событиях не участвовали. Они проложили дорогу Сталину, а сами обратились в «перегнутой истории». **Сказка кончилась.**

После смерти Сталина надо было что-то делать с экономикой. Прежде всего, с сельским хозяйством.

Хрущев лихорадочно искал сказочную палочку-выручалочку. На какое-то время таковой показалась кукуруза (см. рис. 13).

И Кукуруза, и хрущевские разговоры о построении через 20 лет коммунизма в СССР уже воспринимались, как анекдот.

Не знаю, осознавал художник или это у него получилось случайно, но последний плакат имеет некий фаллический намек.

«Ходжа Насреддин обещал шаху, что за 20 лет он научит своего ишака говорить. Волновавшимся за него друзьям он объяснил: “Через 20 лет умру либо я, либо умрет шах, либо — ишак”».

Рис. 13. А.И. Лавров. Кукуруза — источник изобилия. 1960 г.

Список источников изобразительного материала

1. Дени В.Н. «Советский художник». М., 1958, с. 63.
2. «Пошлите в совет меньшевика...». <http://www.plakaty.ru/posters?id=602>
3. Дени В.Н. «Советский художник». М., 1958, с. 59.
4. Маяковский — художник. Альбом. М.: Сов. художник, 1963, с. 84, 85.
5. Советский политический плакат. Альбом. Ред. Ф. Калошин. М., 1962, с. 253.
6. Открытка из подборки «Плакаты на антирелигиозную тему». 1963 г.
7. Советский политический плакат. Ред. Ф. Калошин. М., 1962, с. 284.
8. Советский политический плакат. Ред. Ф. Калошин. М., 1962, с. 252.
9. Дени В.Н. «Советский художник». М., 1958, с. 108.
10. Иуда Троцкий и его отпрыск. Б. Ефимов. 1937. <http://davidaidelman.livejournal.com/309018.html>
11. «Рабочий и колхозница» — Википедия.
12. «Искорением шпионов и диверсантов». С.Д. Игумнов. 1937. <http://www.davno.ru/posters/1937/poster-1937d.html>
13. «Кукуруза — источник изобилия». А.И. Лавров. 1960. <http://www.plakaty.ru/posters;cid=4&page=64&id=710>

Приложение

«Вредительство»

1. История слова

Слово «вредитель» зафиксировано впервые в русско-немецком словаре Ф. Гельтергофа «Русский Целлариус», изданном в 1771 г. (Словарь современного русского литературного языка. Т. 2. М.-Л., 1951, с. 302). Употреблял его А.Н. Радищев («Проект Гражданского Уложения». 1801).

«...И если наказанием **вредителя** (выделено здесь и далее мной. — В.Р.) сей приведен будет в несостояние удовлетворить за причиненной им вред, то обязано удовлетворением все общество». Если убыток «произойдет виною самого вредящего, в сем последнем случае **вредитель** ответственать должен»¹⁰.

В словаре Даля: «вредчик, вредун, вредник, вредитель — вредный, вредоносный человек».

В обратном переводе с английского (Полный русско-английский словарь. Берлин, 1924) «вредитель» — это тот, кто ломает, оскорбляет, обижает, наносит ущерб. Как видим, ничего inferнального в слове «вредитель» еще не было.

¹⁰ http://www.rvb.ru/18vek/radishchev/01text/vol_3/04legal/053.htm. Найдено по «Национальному корпусу русского языка». <http://ruscorpora.ru/search-main.html>

На белорусском языке «вредитель» — «шкодник». Примеры из Белорусско-Русского словаря (Менск, 1929): «такі шкоднік — леза да леза у садок», «кошка нашкодила».

В энциклопедии Брокгауза и Ефрона слова «вредительство», нет вообще, слово «вредитель» упоминается единожды: «**вредитель** чайного куста». Речь идет о каком-то грибке.

Во 2-м томе Малой Советской энциклопедии (с. 303), изданном в 1929 г., слово «вредитель» имеет два значения:

1. Различные животные, насекомые, грызуны, вредящие сельскому хозяйству.

2. Люди, действия которых направлены на подрыв хозяйственного благополучия Советской страны (см. «контрреволюционные преступления»).

Составитель толкового словаря, Д.Н. Ушаков, в статье «словоупотребление» поясняет: «...словоупотребление... (книжн.). Употребление в речи слова в том или ином значении» — и приводит пример: «В новейшем словоупотреблении слово **“вредитель”** означает не только вредное насекомое, но и врага народа» (Толковый словарь русского языка. В 4 т. Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940. Т. 4)¹¹.

2. Шахтинское дело

Когда и как появилось это, второе, значение слова «вредитель»?

В 1928 г. было объявлено знаменитое «Шахтинское дело». На так называемом Шахтинском процессе судили группу инженеров из г. Шахты, которые обвинялись в контрреволюционных преступлениях¹².

Еще до начала не только самого процесса, но даже и следствия были осуществлены некоторые предварительные меры. Далее я обращаюсь к хронологии этого процесса.

1927 г.

В постановлении ЦИК «О контрреволюционных преступлениях» от 25.02.27 слов «вредитель», «вредительство» нет.

Есть слова: «саботаж», «подрыв промышленности», «бесхозяйственность», «выпуск недоброкачественной продукции», «нарушение стандартов». (Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. М., 1953, с. 222).

¹¹ Отсюда следует, что слово «вредитель», в смысле «каверзник», употреблялось в двадцатые годы гораздо реже, чем «вредитель сельскохозяйственный».

¹² О Шахтинском деле см.: http://www.shakhter.ru/?Sh21_page; <http://www.rusarchives.ru/publication/politbyuro.shtml>

24 марта 1927 г. издается секретный приказ ОГПУ, предписывающий «...Приравнять небрежность как должностных, так и прочих лиц, в результате халатности которых имелись разрушения, взрывы, пожары и прочие **вредительские** акты... к государственным преступлениям...» 31 марта Политбюро ВКП(б) утверждает его. (См.: Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД... М., 2003, с. 127).

13—14 июня в г. Шахты производятся первые аресты.

В «Популярном политическом словаре» 1927 г. статьи «**вредитель**» нет.

1928 г.

Март. Объявлено о Шахтинском деле.

6—11 апреля проходит объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б). На этом пленуме все говорили о **вредителях**. Сталин: «Пять лет эта контрреволюционная группа спецов совершала **вредительство** в нашей промышленности, взрывая котлы, разрушая турбины и т.д...»

Май. Начало процесса над «**вредителями**». С той поры слово «вредитель» получило в СССР самое широкое распространение.

В «Политическом словаре» 1928 г. слово «**вредитель**» упомянуто только в статье «Шахтинское дело».

1933 г.

14 марта ЦИК Союза разъясняет, что «предоставление ОГПУ... права рассмотрения на... коллегии ОГПУ дел по диверсиям... и прочим видам **вредительств**... должно проводиться с особой строгостью» (*) (Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917—1952 гг. М., 1953, с. 339). После этого слово «вредительство» попадает в УК СССР и союзных республик.

Статья «вредительство» появляется в «Уральской Советской энциклопедии». (Сдано в набор 20.11.1932).

1938 г.

«Закон о государственных преступлениях непосредственно указывает на контрреволюционную цель, т.е. прямой контрреволюционный умысел. Верховный суд СССР своими разъяснениями ряда статей “Положения о государственных преступлениях” расширил и субъективные стороны состава экономических преступлений (**вредительства**), указав на то, что субъективную цель можно определить как эвентуальный контрреволюционный умысел» (*) (Государственные преступления. М., 1938).

Такова политическая история слов «вредительство», «вредитель».

3. Филологический термин

В.Я. Пропп писал свою работу много лет. С результатами ее он знакомил Б.М. Эйхенбаума, В.М. Жирмунского, Д.К. Зеленина, С.М. Ольденбурга, Л.Я. Штернберга.

12 февраля 1926 г. в секции «Живой старины» Сказочной комиссии В.Я. Пропп читает доклад «Морфология русской народной сказки».

После предисловия к первому изданию В.Я. Пропп поставил дату: «15 июля 1927 г.».

На титульном листе первого издания «Морфологии сказки» значится: «Книга была напечатана по распоряжению Отдела Словесных Искусств. 30 ноября 1927 г.»

4. Частота упоминания слова «вредитель» (начало 1920-х годов)

Ниже указаны тексты, на которых я провел проверку употребления слов «вредитель», «вредительство». После названия произведения указывается год издания, затем приблизительное количество слов в данном тексте и наличие (или отсутствие) искомых слов. Поиск проводился по фрагменту — «вредитель»¹³.

1. Бабель И. «Конармия». 1924. 50 000. Нет.

<http://militera.lib.ru/prose/russian/babel/05.html>

2. Булгаков М. «Собачье сердце». 1925. 35 000. Нет.

<http://bless.ucoz.ru/load/3-1-0-48>

3. Вересаев В. «Пушкин в жизни». 1927. 190 000. Нет.

http://az.lib.ru/w/weresaew_w_w/text_0130.shtml

4. Горький М. Мои университеты. 1910—1923. 25 000. Нет.

<http://readr.ru/maksim-gorkiy-moi-universiteti.html>

5. Есенин С. «Черный человек». 1925. 800. Нет.

http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/text_0060.shtml

«Анна Снегина». 1925. 3000. Нет.

http://az.lib.ru/e/esenin_s_a/text_0020.shtml

6. Замятин Е. «Мы». 1920. 35 000. Нет.

http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0050.shtml

7. Зощенко М. «Рассказы и фельетоны». 1923—1928. 25 000. Нет.

<http://www.zoschenko.info/>

¹³ Подсчет объема я проводил, считая количество слов (включая предлоги и союзы) в одной строке (усредняя показания нескольких подсчетов) и умножая на количество строк на странице и количество страниц в тексте. Для такого подсчета я пользовался печатными изданиями.

8. **Иванов В.** «Бронепоезд 14–69». 1922. 25 000. Нет.
http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=107695
9. **Ильф И., Петров Е.** «12 стульев». Завершен: январь 1928. 60 000. 1 раз.
<http://www.klassika.ru/read.html?proza/ilf-petrov/author12.txt&page=0>
10. **Кольцов М.** Фельетоны и рассказы. 1921–1927. 35 000. 2 раза.
<http://media.utmn.ru/library.php?book=1304>
11. **Лавренев Б.** «Сорок первый». 1924. 9000. Нет.
http://thelib.ru/books/lavrenev_boris/sorok_perviy-read.html
12. **Мандельштам О.** «Египетская марка». 1928. 11 000. Нет.
http://lib.aldebaran.ru/author/mandelshtam_osip/mandelshtam_osip_egipetskaya_marka/mandelshtam_osip_egipetskaya_marka_0.html
13. **Мариенгоф А.** «Роман без вранья». 1926. 30 000 слов. Нет.
<http://lib.ru/RUSSLIT/MARIENGOF/roman.txt>
14. **Маяковский В.** Поэмы: «В.И. Ленин». 1924. 40 000. Нет.
http://az.lib.ru/m/majakowskij_w_w/text_0480.shtml
«Хорошо!». 1927. 40 000. Нет.
http://az.lib.ru/m/majakowskij_w_w/text_0600.shtml
«Мое открытие Америки». 1926. 15 000. Нет.
<http://www.geopoesia.ru/ru/travelogs/usa/mayakovskiy/ocherki/page36.html>
15. **Пастернак Б.** «Повесть». 1929. 12 000. Нет.
http://bookz.ru/book.php?id=70887&n=1&p_count=5&g=classics&f=povest__103&b_name=%CF%EE%E2%E5%F1%F2%FC&a_name=%C1%EE%F0%E8%F1%20%CF%E0%F1%F2%E5%F0%ED%E0%EA&a_id=pasternak-boris
16. **Паустовский К.** «Блистающие облака». 1928. 36 000. Нет.
http://books-center.ru/libcent_qberq.html
17. **Пильняк Б.** «Голый год». 1920. 45 000. Нет.
<http://lib.rus.ec/b/167283/read>
«Повесть непогашенной луны». 1926. 12 000. Нет.
<http://lib.ru/PILXNQK/luna.txt>
18. **Платонов А.** «Епифановские шлюзы». 1927. 8000. Нет.
<http://readr.ru/andrey-platonov-epifanskies-shlyuzi.html>
19. **Ремизов А.** «Крестовые сестры». 1910–1922. 35 000. Нет.
<http://readr.ru/aleksey-remizov-krestovie-syostri.html>
20. **Толстой А.** «Гадюка». 1928. 8000. Нет.
http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_n/text_0100.shtml
«Эмигранты». 1931. 12 000. Нет.
http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_n/text_0190.shtml
«Гиперболоид инженера Гарина». 63 000. Нет. (Этот роман написан

в 1926–1927 годах. Переработан с включением новых глав в 1937 году).

http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_n/text_0180.shtml

21. **Тынянов Ю.** «Кюхля». 1926. 75 000. Нет.

http://az.lib.ru/t/tynjanow_j_n/text_0010.shtml

22. **Фадеев А.** «Разгром». 1926. 40 000. Нет.

<http://lib.ru/RUSSLIT/FADEEW/razgrom.txt>

23. **Фурманов Д.** «Чапаев». 1920–1923 г. 70 000. Нет.

http://az.lib.ru/f/furmanow_d_a/text_0040.shtml

24. **Эренбург И.** «Лето 1925 года». 1925. 25 000. Нет.

<http://readr.ru/ilya-erenburg-leto-1925-goda.html>

25. **Ясенский Б.** «Я жгу Париж». Конец 1927. (1934). 50 000. 2 раза.

http://www.modernlib.ru/books/yasenskiy_bruno/ya_zhgu_parizh/read_1/

Итого: около 900 000 слов.

При таком количестве слов во всем исследованном мной корпусе слово «вредитель» встречается четыре раза, а «вредительство» — один раз.

Покажем упоминание этих слов в контексте:

И. Ильф, Е. Петров:

«Третья полоса газеты, изобиловавшая заметками под скептическими заголовками: “Мало пахнет клубом”, “По слабым точкам”, “Хорошо и... плохо”, “Подкрутить **вредителей** просвещения” и “С бумажным морем пора покончить” — стала дарить читателей солнечными и бодрыми заголовками очерков Маховика: “Как строим, как живем”, “Скромный строитель” и далее, в том же духе» (гл. XIII).

М. Кольцов:

Фельетон «Цветы и социализм» (1926): «Видимо, отогреваются в хорошие времена не только цветы, но и тупые **вредители** их...»

Фельетон «В самоварном чаду» (1926): «**Вредителям** внутридомашнего быта, участникам коридорных драк и скандалов должна быть объявлена та же беспощадная борьба, что и «рыцарям улицы».

В первом случае слово «вредитель» — метафора. Тупой начальник уподобляется вредителю растений. Во втором случае — «вредитель» — квартирный бузотер.

Б. Ясенский:

«Уличенный во **вредительстве** рабочий наотрез отказался сообщить мотивы своего преступления. На основании приговора чрезвычайной комиссии **вредитель** был ночью расстрелян».

Несмотря на то, что в издании (Бруно Ясенский. Избранные произведения в двух томах. М., 1957) роман помечен 1927 годом, в примечании указывается, что роман печатается по изданию 1934 года.

На русском языке он был впервые напечатан в журнале «Роман-газета» в № 8, 1928 г. В этом издании нет слов «вредитель», «вредительство», ни даже «чрезвычайная комиссия».

Я полагаю, что из моего исследования можно сделать вывод о том, что это слово (в применении к человеку) к 1928 г. встречалось очень редко и случайное совпадение его одновременного появления у Проппа и агитпропа исчезающе маловероятно.

15.10.2009

Занимательный пройдоха (Трикстер)

В мифах, сказках, литературе и анекдотах самых разных народов присутствуют персонажи, в фольклористике и литературоведении называемые трикстерами. По-английски «трикстер» (англ. *trickster*) – обманщик, ловкач.

Термин «трикстер» ввел американский этнограф Пол Радин в 1956 г. «Он и недочеловек, и сверхчеловек, бестия и божество, а самая главная и бросающаяся в глаза его черта – его бессознательность... С другой стороны, он во многих отношениях глупее животных и постоянно попадает то в одну, то в другую нелепую ситуацию. Хотя он и не зол по-настоящему, он вытворяет самые жестокие вещи лишь из откровенной бессознательности и несвязанности»¹⁴.

В иудео-христианской традиции первый трикстер – Змей. «Змей был **хитрее** всех зверей полевых, которых создал Господь Бог» (Быт. 3:1). (*Здесь и далее выделено мной. – В.Р.*) Далее следует соблазнение Змеем Евы. Когда она и Адам съели плод с дерева «**познания** Добра и Зла», «Адам **познал** Еву, жену свою; и она зачала...» (Быт. 4:1). Комментатор, ссылаясь на Иоанна Златоуста, замечает: «...Слова принадлежали дьяволу, который... этим животным (*змеем. – В.Р.*) воспользовался как удобным орудием»¹⁵.

¹⁴ Юнг К.Г. О психологии образа трикстера / Пол Радин. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев. СПб.: Евразия, 1999, с. 276. (Электронная версия – <http://www.ec-dejavu.net/t-2/Trickster-2.html>).

¹⁵ Новая толковая Библия в 12 т. Т. 1. Л., 1990, с. 276.

«...В плутовских историях, на карнавалах и пирах, в священных и магических обрядах или в религиозном страхе и экзальтации людей — призрак Трикстера никогда не покидает мифологию — будь он в безошибочно узнаваемом или в странно изменившемся облике»¹⁶. Образ трикстера восходит к мифам о сотворении мира.

Во многих мифологиях мироустройством занимались два персонажа (иногда братья-близнецы). Один из них — **Культурный герой (К.г.)** — творил необходимые и полезные человеку объекты. Вместе с добыванием культурных благ и участием в мироустройстве К.г. выступает также борцом со стихийными природными силами, чудовищами и иноплеменниками, которые пытаются изменить установленный порядок.

К.г. как бы получает «богатырскую» миссию охраны местообитания людей от чудовищ; этиологические мифы приобретают черты героического сказания.

«В греческой мифологии наряду с типом К.г. — добытчика в лице Прометея, имеется К.г. — богатырь в лице победителя чудовищ *Геракла*, а также *Персея*, *Тесея*»¹⁷. Соперник Культурного героя из-за неумения или из озорства создавал нечто, мешающее человеку жить. «Нарушение табу и профанирование святынь иногда имеет характер «незаинтересованного» озорства»¹⁸. Прекрасной иллюстрацией на тему взаимоотношений героя и его антагониста являются картинки Жана Эффеля в цикле «Сотворение мира»¹⁹. «В трикстере выпячиваются низменные инстинкты (обжорство, похотливость), ведущие его к асоциальным поступкам, например кровосмешению, присвоению семейных запасов пищи и т.д.»²⁰.

В художественной литературе трикстеры представлены, начиная с античности: Дионис в комедии Аристофана «Лягушки», Гермес — вор и отец воров (а у Лукиана в «Разговорах богов» — еще и сводник). «Комические проделки трикстеров, связанные с одурачиванием их недалеконвидных антагонистов, нередко сближают классические животные сказки

¹⁶ Юнг К.Г. Указ. соч., с. 271.

¹⁷ Мелетинский Е.М. Культурный герой / Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1982, с. 25–28). (Электронная версия — <http://philologos.narod.ru/myth/heilbringer.htm>).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Эффель Жан. Сотворение мира. (Цикл юмористических рисунков на библейские темы). М.: Изобразительное искусство, 1989). (Электронная версия — <http://shark2005.land.ru/effel/creation/index.htm>).

²⁰ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1995, с. 188. (Электронная версия — <http://lib.rus.ec/b/145471>).

со сказками бытовыми, юмористическими и анекдотами» (*)²¹. В европейских сказках роль трикстера достается лисице, в афроамериканских — кролику (см. «Сказки дядюшки Римуса» Джоэля Харриса). Далее идет бесконечный ряд, начиная от героев Рабле и до Винни-Пуха и далее.

Большинство литературных трикстеров имеют сходные черты во внешности, как описываемой авторами, так и представленной иллюстраторами: они невысокого роста, с большой головой и большим животом. Трикстеры — любители поесть и выпить, охотники до женщин. Диониса древние представляли с огромным фаллосом.

Трикстер мгновенно и спонтанно реагирует на любую ситуацию, в результате чего и оказывается победителем.

Происхождение образа трикстера исследователи толкуют по-разному.

Для Юнга «трикстер есть коллективный теневой образ, воплощение всех низших черт индивидуальных характеров. А поскольку индивидуальная тень присутствует в составе личности, коллективный образ может постоянно пользоваться ею для воссоздания себя»²².

Леви-Стросс считает, что «...трикстер... является медиатором, а потому-то в нем остается что-то от двойственной природы, которую он должен преодолеть. Отсюда двусмысленность и противоречивость его характера». Далее следует серия «...посреднических (медиативных) функций...: “мессия > близнецы > трикстер > двуполое существо > сиблинги > супружеская чета”»²³.

С Юнгом можно, в принципе, согласиться, хотя у проблемы происхождения трикстера есть и другая сторона. Что касается Леви-Стросса, то его точка зрения мне непонятна и кажется совершенно надуманной. Если уж и говорить о трикстере как о медиаторе, то как о медиаторе между злом и добром, между прошлым и будущим. На мой взгляд, трикстер представляет собой не столько реминисценции прошлого человечества, сколько представление о детском поведении человека.

«Кинотрикстер XX в. — это своего рода новый колдун, который демонстрирует свою связь с энергиями мира. Социальные отношения и обычные порядки семьи, религии, власти, обычая то и дело оборачиваются против него... Пророческий смысл имеет первая лента Люмьера,

²¹ Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса. М., 1987, с. 129.

²² Юнг К.Г. О психологии образа трикстера. Комментарий к книге: Радин, Пол. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев. СПб.: Евразия, 1999, с. 284.

²³ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985, с. 203.

в которой **играющий мальчишка** (*Выделено мной. — В.Р.*) (бессознательная гераклитовская реминисценция) обливает водой садовника...

Противники и преследователи падают в подвалы, сваливаются с лестниц, получают удары доской по голове, удачные пинки в зад и точные попадания тортами в физиономию...

Трикстеру экрана мила и желанна гуманная цивилизованность, он хочет “быть человеком”, но он не способен на все сто процентов интегрироваться в измерение антропных ценностей. Что ему мешает? Многозначительно то обстоятельство, что в сфере природного эроса, находящегося вне императивов *Humanitas (образования, воспитания. — В.Р.)*, смеховой герой от Чаплина до Мاستроянни чувствует себя, как рыба в воде. Его реакции на противоположный пол элементарны, первичны, наивны. Здесь его, разумеется, также ожидают разочарования, но его биокосмическая природа говорит о себе вполне ясным языком»²⁴.

«Время — это мальчик, бросающий кости, то выигрывающий, то проигрывающий» (*)²⁵. Поведение трикстера так же непредсказуемо, как непредсказуемо будущее для Гераклита.

Трикстер, в сущности, ведет себя как ребенок. «При... инфантилизме отмечаются крайняя неустойчивость настроения и внимания, склонность к фантазированию, легкая внушаемость, обидчивость... Суждения неглубоки и поспешны. В поведении беззаботность и легкомыслие сочетаются с эгоцентризмом, детской требовательностью»²⁶. Отметим, что в приведенной цитате слово «инфантилизм» объясняется как заболевание, я же говорю об **инфантильности** как черте характера. Для «взрослого» такое поведение является отклонением от нормы.

Добавим сюда же детскую «прожорливость» (ребенок, естественно, по отношению к своему росту и весу ест больше, чем взрослый) и мальчишескую сексуальность — интерес к своему penisу.

Мифологический плут — далекий предшественник «средневековых шутов, героев плутовских романов, колоритных комических персонажей в литературе Возрождения и т.п. Мифические герои часто действуют хитростью и коварством, в силу того что “ум” в первобытном сознании

²⁴ Якимович А.К. Киноискусство (эпистемологический аспект) / Культурология. Дайджест — 2008. — № 1. (Электронная версия — <http://www.philosophy.ru/edu/ref/enc/k.html#BM90001>).

²⁵ Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. М., 1989, с. 242. Фрагм. 93.

²⁶ БСЭ. Т. 10. М.: Изд-во «Сов. энциклопедия», 1972. Инфантилизм.

не отделен от хитрости и колдовства. Только по мере того как в самом мифологическом сознании возникает представление о различии хитрости и ума, обмана и благородной прямоты, социальной организации и хаоса, развивается фигура мифологического плута как двойника культурного героя»²⁷.

В средние века святые часто выступали в качестве К.г., которых как бы дублировали карнавальные персонажи. «В раннем средневековье это приводило к странным церковным обычаям, основанным на древних сатурналиях. Они праздновались непосредственно за Рождеством, то есть в Новый год, с пением и танцами. Танцы были первоначально безвредной трипудией (*прыганьем и скаканьем, в другом варианте — пляской. — В.Р.*) священников, низшего духовенства и **детей** (*здесь и далее выделено мной. — В.Р.*) и проводились в церкви. На День невинных **избирался епископ детей...** который наряжался в одежды понтифика... В конце XII века танцы низшего духовенства выродились в праздник дураков»²⁸.

Размышления о трикстере рождают ассоциативный ряд: трикстер — карнавал — шут.

М.М. Бахтин отмечает, что на карнавале «...от надевания одежды наизнанку и штанов на голову и до избрания шутовских королей и пап действует одна и та же топографическая логика: **п е р е м е с т и т ь в е р х в н и з**, сбросить высокое и старое — готовое и завершенное — в материально-телесную преисподнюю для смерти и нового рождения (обновления). И вот все это и получило существенное отношение к времени и к социально-исторической смене...

С е р ь е з н о с т ь в классовой культуре официальна, авторитарна, сочетается с насилием, запретами, ограничениями. В такой серьезности всегда есть элемент страха и устрашения. В средневековой серьезности этот элемент резко доминировал. Смех, напротив, предполагал преодоление страха. Не существует запретов и ограничений, созданных смехом. Власть, насилие, авторитет никогда не говорят на языке смеха»²⁹.

Очевидно, слово «классовой», отсылавшее читателя на советском новоязе куда-то за пределы СССР, было уступкой Бахтина идеологи-

²⁷ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2000, с. 188.

²⁸ Юнг К.Г. О психологии образа трикстера. Комментарий к книге: Радин Пол. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев». СПб.: Евразия, 1999, с. 267.

²⁹ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. (Электронная версия — <http://www.philosophy.ru/library/bahtin/rable.html>).

ческой цензуре, ибо цитируемая работа была написана в ссылке, куда он попал после ареста³⁰.

Карнавальный шут затем превратился в персонажа при барском или королевском дворе, обязанном развлекать своего господина и его гостей.

Король и шут представляли архетипическую пару Культурного героя и Трикстера. Это в каком-то отношении уравнивало их, поэтому шуту позволялось говорить то, что не позволено было придворным. Через шута король мог получать информацию, которую из этикета, а зачастую и из страха, не могли сообщить ему другие.

В русском языке шут еще и эвфемизм черта. Черт иногда выступает в роли трикстера и не только в России. Глупого черта обманывают уже у Рабле. О рисунках Эффеля я уже говорил.

В русской литературе сразу же можно вспомнить чертей из пушкинской «Сказки о попе и его работнике Балде» и гоголевскую «Ночь перед Рождеством».

В чем, собственно, сущность трикстера? Трикстер — это человек, который хочет вкусно поесть, выпить, общаться с женщинами. Трикстер не хочет, чтобы его били или тем более убивали. На это направлены и все его помыслы, и все его проделки.

Некоторые формы фольклора могут циклизироваться вокруг **имени** одного из героев. Русские былины циклизировались вокруг киевского князя Владимира. Вокруг героя Мауи циклизуются мифы и сказки Полинезии.

Следующим этапом стала авторская переработка такого рода циклов в современное для автора литературное произведение.

В 1354 г. выходит «Декамерон» Дж. Боккаччо. Это еще не единое произведение, а рамочное обрамление отдельных новелл.

В 1533 г. начинает выходить эпопея Ф. Рабле о Гаргантюа и Пантагрюэле. В этом произведении отдельные новеллы-анекдоты скомпонованы в единое целое. При этом некоторые герои-трикстеры уже несут в себе героическую функцию — например, монах брат Жан Сокрушитель, защитивший виноградник своего аббатства от неприятеля.

³⁰ В декабре 1928 года М.М. Бахтин вместе с рядом других ленинградских интеллигентов арестован в связи с деятельностью группы А.А. Мейера «Воскресение». Приговорен к пяти годам Соловецкого лагеря. Из-за болезни и благодаря хлопотам друзей приговор заменен на 5 лет ссылки в Кустанай. (См. *Википедию* — Ред.)

В 1867 г. была опубликована книга Шарля де Костера «Тиль Уленшпигель», основанная на множестве бродячих анекдотов про Эйленшпигеля — типичного трикстера. В романе трикстер превратился в Культурного героя.

То же самое произошло и с Ходжой Насреддином.

В 1939 г. в Советском Союзе вышла книга Л.В. Соловьева «Возмутитель спокойствия», первая часть «Повести о Ходже Насреддине», созданная на основе широко распространенных народных анекдотов о Ходже Насреддине. Ее автор во время Великой Отечественной войны был военным корреспондентом. А в 1946 г. был арестован по обвинению в терроризме. «Очарованный принц», вторая часть повести, был написан уже в лагере. После освобождения Л.В. Соловьева в 1954 г. обе части вышли одной книгой.

Интересно, что если в первой части главным антагонистом-негодяем был богач, то во второй им стал кади — несправедный судья.

Не претендуя на полноту своего обзора, я старался показать некоторые этапы эволюции темы трикстера от анекдота до романа.

В 1923 г. вышел роман Д.А. Фурманова «Чапаев», в 1934-м он был экранизирован. Герой романа и кинофильма был типичным Культурным героем, очищавшим среду обитания человека от всякой нечисти.

Показ фильма периодически возобновлялся и в кинотеатрах, и по телевидению.

В 1969 г. публикуется роман Ю. Семенова «Семнадцать мгновений весны». В 1973 г. на телеэкраны вышел двенадцатисерийный одноименный фильм, по 60 минут каждая серия. Главным героем и романа, и кинокартины был советский разведчик Исаев, работавший в Германии под именем Штирлица. В сюжете Культурный герой проникал в иной мир, чтобы узнать там нечто важное для людей.

В 1960—1980-х гг. вся страна (бывший Советский Союз) наполнилась анекдотами о Чапаеве, а затем и о Штирлице. Оба выступали в качестве типичных трикстеров. Изложенная выше схема оказалась перевернутой.

Остроумная байка становится анекдотом не тогда, когда она кому-нибудь пришла в голову, и не тогда, когда он рассказал ее друзьям, а тогда, когда запускается «цепная реакция» ее пересказов. Это свидетельствует о том, что зерно упало на благодатную почву.

Привожу некоторые из этих анекдотов.

О Чапаеве:

- Петька! Где Анка?
- С аппендицитом лежит.
- Аппендицита к стенке, Анку ко мне!

У Чапаева и его друзей кончились продукты. Пошли на разведку Петька и Фурманов. Возвращается Петька. Приготовил мясо. А Фурманова все нет. Едят они вдвоем с Чапаевым. Тот прислушивается и говорит: «Не нравится мне этот Фурманов». Петька отвечает: «А не нравится, не ешь!»

Поехал Чапаев сдавать экзамены в военную академию. Возвращается. Петька спрашивает: «Ну, как, Василий Иванович, все сдал?»

Тот отвечает: «Мочу сдал, кал сдал. На математике провалился!»

Поспорили Чапаев и Петька: можно ли обоср-ть потолок. Петька отказался.

Чапаев принес кирпич и доску. Доску положил на кирпич. На один конец насл-л. Потом топнул ногой по второму концу доски. Дерьмо взлетело и прилипло к потолку. «Вот видишь, Петька!»

Ситуации в этих анекдотах типично трикстерские. Последний же анекдот, прямо по Бахтину, переворачивает представление о высоком и низком.

О Штирлице:

Мюллер — Штирлицу:

- Вы знаете, Штирлиц, у меня для вас две новости: плохая и одна очень плохая. С какой начать?
- Ну, пожалуй, с плохой...
- Радистка Кэт все рассказала!
- А очень плохая новость?
- Рассказала не нам, а вашей жене!

Выпив рюмку водки, Штирлиц встал, подошел к окну и высморкался в занавеску. Он знал, что сморкаться в занавески неприлично, но сегодня он хотел побыть самым собой.

Штирлиц склонился над картой Советского Союза, его рвало на Родину.

Штирлиц шел по Берлину и увидел на стене надпись «Штирлиц — дурак». Он понял, что ему присвоено звание Героя Советского Союза.

К концу войны положение Германии стало плачевно, что даже в рейхс-канцелярии приходилось стоять в очереди за колбасой. Однако Штирлиц, вопреки всему, всегда брал без очереди. Гестаповцы возмущались этим. Они не знали, что Герои Советского Союза обслуживаются вне очереди.

Обычно советская пропаганда отождествляла западный мир с Сатаной (Молох капитализма), а в каждом конкретном случае враг изображался развратным, глупым и трусливым.

Но поскольку задачей этого сериала была реабилитация КГБ, чей имидж был основательно подорван разоблачениями, сделанными на XX съезде, советскому разведчику противостояли отнюдь не глупые черти, изображенные Пушкиным в сказке о Балде. Врагов в этом случае показали иначе. На телеэкране фашистские офицеры были подтянутыми, дисциплинированными и умными.

На таком фоне реальный советский офицер, с которым многие люди были знакомы не понаслышке, выглядел совсем по-другому. По сути дела, анекдотический Штирлиц — это обычный советский офицер 70-х годов.

Девальвировались и награды. Бесконечные награждения Брежнева и его окружения, награды черт знает кому, всяческие чиновничьи привилегии вызывали у советских людей брезгливое возмущение.

На этом фоне «...культовый сериал привел к неожиданным последствиям. Оказалось, что, несмотря на цельную и продуманную систему социализации советских людей, что-то сломалось в передаче ценностей от поколения к поколению. Именно с этого фильма в молодежной среде появилось стремление подражать — сначала только внешне — фашистским офицерам. Не заставили себя ждать и первые нацистские молодежные группы» (*)³¹.

Заведомый враг превратился в Культурного героя, а его противник — в трикстера.

Идея Мирового Коммунизма, порождавшая когда-то героев и обернувшаяся кровавым террором, после прекращения террора и его осуждения оказалась обесцененной.

В трикстера превратился главный руководитель государства — Хрущев, а его посулы построить через 20 лет коммунизм напомнили советским гражданам анекдот о Ходже Насреддине, который обещал шаху

³¹ В поисках России. Северо-Запад России — Санкт-Петербург. СПб., 2008, с. 21.

через 20 лет научить своего ишака разговаривать. «За это время либо я помру, либо — шах, либо — ишак».

Смена идеологии во все времена означала разоблачение идолов прошлого.

Христианская церковь уравнивала языческих богов с бесами. После Октябрьской революции (в 20-х и 30-х гг. XX века) советская пропаганда пыталась превратить христианских святых в трикстеров. Теперь наступила очередь советских символов. В этом случае десакрализация шла не сверху, а снизу. Перестройка началась через 20 лет после появления анекдотов о Чапаеве и через 5 лет после появления анекдотов о Штирлице.

«Богам Греции, которые были уже раз — в трагической форме — смертельно ранены в “Прикованном Прометее” Эсхила, пришлось еще раз — в комической форме — умереть в беседах “Лукиана”. Почему таков ход истории? Это нужно для того, чтобы человечество весело расставалось со своим прошлым» (К. Маркс)³².

20.12.2009

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1, с. 418.

2. НАД ТЕКСТАМИ ПУШКИНА

«Сказка о царе Салтане»: архетипическое и актуальное³³

Есть вещи экзотические и необыкновенные, есть — привычные нам с самого детства. Сталкиваясь с чем-либо необыкновенным, мы рассматриваем его с интересом и вниманием, привычное же мы, как правило, своего внимания не удостоиваем.

Между тем свежий взгляд на явление, давно известное, может открыть в нем много чудного и удивительного. В журнале «Наш современник» (1987, № 9) было опубликовано письмо журналиста Б. Пинаева из тогда еще Свердловска — «Унижение классики», в котором автор, в частности, ставит знак равенства между Древней Русью и царством Салтана. Эта публикация была тем толчком, который вновь привлек мое внимание к знаменитой сказке.

Тема странствий младенца по волнам в корзине, сундуке, ящике — одна из самых распространенных тем фольклора, в том числе и русского: эти странствия являются метафорой «загробных» странствий закатившегося солнца по потустороннему миру³⁴. (Наиболее явственно солнечные свойства героя проявлены в персонаже «Махабхараты» Карне, рожденном от бога солнца Сурьи и во всем подобном своему отцу — наделенном блестящим панцирем и золотыми серьгами. Стыдясь своего материнства, дева Кунти положила его в корзину, обмазанную воском, и пустила плыть по реке)³⁵.

³³ Ронкин В. «Сказка о царе Салтане»: Архетипическое и актуальное // Вестник новой литературы, 1993, № 5. То же, с некоторыми сокращениями, опубликовано в: Московский пушкинист. III ежегодный сборник. М., 1996.

³⁴ Мяло К.Г. Космогонические образы мира: между Западом и Востоком / Культура, человек и картина мира. М., 1987, с. 244.

³⁵ Махабхарата. Книга третья. Лесная. М., 1987, с. 583. Стихотворный перевод: Махабхарата. Рамайна. БВЛ. М., 1974, с. 106.

В восточных сказках, использующих этот сюжет, младенец наделяется теми или иными солнечными чертами — золотой, золотоволосый (памирские, кавказские варианты). Для западной традиции признаки такого рода не характерны, зато в мифе о Персее появляется мотив драконоборчества и спасения девушки. В несколько сниженном виде этот мотив присутствует и в Библии: Моисей младенцем был оставлен в засмоленной корзине на берегу Нила. Возмужав и покинув Египет, Моисей защитил дочерей Иофара от пастухов и женился на одной из них.

Для русского фольклора характерны солнечные признаки героя, мотив спасения женщины от чудовища в русских сказках отсутствует³⁶.

Первую запись, связанную с сюжетом будущей сказки, Пушкин делает в 1822 году в Кишиневе³⁷. Начало записи явно фольклорное, но в целом можно предположить, что она навеяна одной из новелл Чосера («Рассказ юриста»), с которыми Пушкин был знаком по французским переводам. В записи уже фигурирует царь Салтан, имя, в народных записях мне не встречавшееся. (У Чосера — сирийский Султан). 1824 годом датируется более полная запись той же сказки, в которой также фигурирует турецкий царь Султан Султанович³⁸.

Имя другого героя пушкинской сказки — Гвидон — автором заимствовано из лубочного цикла о Бове-королевиче, являвшегося русской интерпретацией французского рыцарского романа³⁹, сюжет которого Пушкин пытался воспроизвести в незаконченном юношеском произведении. В этих же лубочных картинках фигурирует и противник Бовы — Салтан, иногда Салтан Салтанович (как в сказке, записанной Пушкиным). Название одного из лубочных циклов — «Сказка о храбром, славном и могучем витязе и богатыре Бове»⁴⁰ — несомненно повлияло и на название пушкинской сказки: «Сказка о царе Салтане, о сыне его, славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди».

Еще одним источником пушкинских ассоциаций, возможно, является французская «Сказка о лебедином рыцаре» из средневекового

³⁶ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в 3 т. М., 1957. (См. сказки № 283–289).

³⁷ Азадовский М.К. Источники сказок Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Часть 1. М.-Л.: АН СССР, 1936, с. 150.

³⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 3. М., 1963, с. 448.

³⁹ Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М., 1962, с. 650. «Бова».

⁴⁰ Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Кн. 1. СПб., 1881, с. 83.

сборника «Римские деяния» («Геста Романорум»)⁴¹. В этой сказке, как и во многих народных вариантах, вредительницей является свекровь, отправляющая детей на погибель; узнав, что ее внуки живы, бабка превращает их в лебедей.

Наконец, еще одним источником ассоциаций мог быть образ Егория Храброго (Георгия Победоносца) из народных духовных стихов⁴². Вот портрет героя пушкинской записи: «ножки по колено серебряные, ручки по локоть золотые, во лбу звезда, в заволоче месяц». А вот портрет Егория:

...Святая София Премудрая

...

Породила... сына Егория,

Егория, света, Храброго:

По колена ноги в чистом серебре,

По локти руки в красном золоте.

Голова у Егория вся жемчужная,

По всем Егорие часты звезды.

Хотя этот и подобные ему тексты были опубликованы через 30 лет после написания «Сказки о царе Салтане», Пушкин мог быть с ними знаком непосредственно от бродячих слепцов, распевавших духовные стихи. В образах сказочного младенца и Егория много общего. Герои сказок мужают в бочке, Егорий в подземелье, куда его бросил «царище Демьянище» («Диоклетианище»), освободившемуся из подземелья Егорию противостоит некая Черногар-птица которую он побеждает молитвою.

Как бы то ни было, исходил ли Пушкин из знакомства с духовными стихами или руководствовался поэтической интуицией, в образах героя записанной Пушкиным сказки — Гвидона и Георгия — угадываются общие черты.

Пушкин освободил образ своего героя от золотых ручек и серебряных ножек, но, каким бы путем ни шли пушкинские ассоциации — от путешествия вместе с матерью в сундуке по морю (Персей) или от золотых ручек и серебряных ножек (Егорий), несомненно одно: Пушкин обогатил распространенный сюжет мотивом спасения женщины от темной силы, мотивом, характерным для западной куртуазной поэзии и отсутствующим как в сказках этого типа, так и в русских стихах о Егории.

⁴¹ См.: Аничкова Е.А. Опыт критического разбора происхождения пушкинской сказки о царе Салтане // Язык и литература. Т. 2, вып. 2, 1927.

⁴² Бессонов П.А. Калики перехожие. М., 1861, с. 428.

Пушкинский образ царевны Лебедь вобрал в себя, с одной стороны, черты русской Василисы Премудрой (Марьи Моревны, Белой Лебеди), с другой — библейской Софьи Премудрой (образы, впрочем, восходящие к одному архетипу). Царевне Лебеди Пушкин передал некоторые черты чудесного мальчика из записанной им сказки — «месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит», и сделал ее сестрой тридцати трех морских богатырей, которые в записях сказки являются братьями героя (в русских народных сказках Василиса Премудрая — дочь морского царя).

Царевна Лебедь обладает не только божественной или магической мудростью устроительницы мира (Прит. 8—9, 13), ей присуща и обыкновенная житейская мудрость — мотив, невероятный для фольклора. Когда Гвидон признается ей в любви,

*Лебедь белая молчит
И, подумав, говорит:
«Да! Такая есть девица,
Но жена не рукавица:
С белой ручки не страхнешь
Да за пояс не заткнешь.
Услужу тебе советом —
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путем,
Не раскаяться б потом».*

Во всех мифологических традициях закатившееся солнце считалось владыкой страны заката, там же на западе помещались и острова блаженных, чудесные острова бессмертия и вечной молодости⁴³. В полном соответствии с мифологической традицией остров, на который волны выбросили бочку с героем и его матерью, находится на западе:

*«Мы объехали весь свет,
...
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна
В царство славного Салтана...»*

И снова на архетипическую основу Пушкин накладывает некую иную реальность — блаженные острова мифов находятся на самом краю света, на самом западе, и возврат оттуда простому смертному невозможен. Между тем мимо нашего острова регулярно курсируют купеческие

⁴³ Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980, с. 23.

корабли, остров этот они посещают на обратном пути, возвращаясь из еще более западных стран, и каждый раз докладывают царю Салтану, что «за морем житье не худо». Но остров Гвидона лежит не просто западнее царства Салтана; чтобы вернуться домой, гостям следует проплыть «мимо острова Буяна». Остров Буян связан не столько с народной сказкой, сколько с заговорами, в них он выступает как «центр мира» (на нем дуб о четырех ветвях, на нем камень Алатырь, который посреди моря лежит, на нем голова самого Адама)⁴⁴.

«Центр» делит мир на две части: Запад и Восток. Восточному имени царя «Салтан» (властитель) противостоит западное имя, которое герой получает, вступая во владение островом и городом: «И нарекся князь Гвидон». (Итальянское имя «Гвидо» — ср. французское *guide* — означает «вождь», «руководитель»). Пушкин не мог не обратить внимания на значения имен, тем более что в лубочных сюжетах о Бове, как и во французском романе, противопоставление «западного» Гвидона «восточному» Султану имеет существенное значение.

Через много лет после выхода в свет пушкинской сказки и после гибели самого поэта русский драматург Островский вложит в уста странницы Феклуши такие слова: «Говорят, такие страны есть... где и царей-то нет православных, а салтаны землей правят. В одной земле сидит на троне салтан Махнут турецкий, а в другой — салтан Махнут персидский; и суд творят они... надо всеми людьми, и, что ни судят они, все неправильно... такой уж им предел положен. У нас закон праведный, а у них... неправедный; что по нашему закону так выходит, а по-ихнему все напротив. И все судьи у них, в ихних странах, тоже все неправедные; так им... и в просьбах пишут: “Суди меня, судья неправедный!”» В записанном Пушкиным варианте сказки никакой судья не фигурирует, но вот в записи Афанасьева тетки подменяют племянника, и царь приказывает жену судить: «Собрались, съехались люди старшие — нет числа! Судят-рядят, придумывают-пригадывают, и придумали: царевне отрубить голову. — Нет, — сказал главный судья, — ...выколоть ей глаза, засмолить с ребенком в бочке и пустить в море; виновата — потонет, права — выплывет». В пушкинской сказке бояре (люди старшие) чинят нечто вроде суда:

*Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,
В спальню к ней пришли толпой.*

⁴⁴ Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982, с. 341.

*Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатали
И спустили в Окиян —
Так велел-де царь Салтан.*

Мы видим, что поэт прямо следует народному мнению о том, «что ни судят они, все неправильно». Таково «окружение» царя Салтана, впрочем, и сам Салтан, несмотря на то, что он является «положительным» героем сказки, получив весть о рождении у него «неведомого зверушки», ведет себя «по-азиатски»:

*Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гнев начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царева возвращенья
Для законного решения».*

С удивительным юмором обыгрывает здесь Пушкин простонародное «царь-отец» — речь ведь идет действительно о его отцовстве, но одновременно и о восприятии его гонцом, как родного отца, который хочет — казнит, хочет — милует. Мы можем только догадываться, почему бояре ничего не сказали Салтану по возвращении — очевидно, не хотели ссориться с всесильной троицей или боялись, что в гнев царь начнет чудесить и на сей раз может и не смягчиться.

Как Софии (библейской Премудрости) противостоит некая «женщина безрассудная, шумливая, глупая и ничего не знающая» (Прит. 9:13), так в сказке Пушкина царевне Лебедь противостоит Бабариха. Если ткачиха с поварихой затевают подмену писем из зависти и корысти, то Бабариха, мать всех трех девиц и бабка Гвидона, принимает в ней участие единственно из глупого тщеславия и суетной гордыни. Соответственно, и наказаны они по-разному. Ткачиха с поварихой окривели. В русском языке слово «кривой» не только означает «одноглазый», но и противопоставляется слову «прямой», как правда — кривде. Это противопоставление архетипично. Если слепота в мифе — признак мудрости (у Фемиды на глазах повязка, чтобы она не обращала внимания на внешнее, суетное), хорошее зрение —

признак ума, то одноглазие — признак хитрости и хищности (одноглазые пираты, Циклоп, Лихо — одноглазое). Бабариха же наказана иначе: она задирала нос, совала нос не в свое дело, вот и получила по носу, осталась с носом, изрядно опухшим. Наказание троицы — это проявление скрытых до поры качеств персонажей, реализация метафоры.

Ткачиха с поварихой присутствуют во многих сказках этого типа у разных народов, а вот Бабариха в подобной ситуации появляется только у Пушкина. Но не из ничего, а опять-таки из фольклора. Бабариха — языческий персонаж русских заговоров, имеющий некоторые солнечные черты. «Бабариха держит каленую сковороду, которая ее не жжет, не печет, не тревожит; так бы и меня, имярек, болезнь не жгла, не пекла, не тревожила» (*)⁴⁵.

(В русские заговоры этот персонаж, возможно, попал из грузинской мифологии: Барбале, Барбаре, Бабар, Бепари — имена богини, олицетворяющей солнце; она почиталась также, как целительница, но могла и насылать недуги)⁴⁶.

Интересно сравнить чудеса, которыми Пушкин отметил остров Гвидона, с чудесами фольклорных источников. Чудесный город есть во всех сказках этого типа, во многих из них фигурируют, в той или иной форме, и тридцать три богатыря. Царевна Лебедь — целиком авторский образ. В записанном Пушкиным варианте есть еще дуб с золотой цепью, по которой ходит кот ученый, и, как символ богатства нового царства, «...на горе два борова, боровы грызутся, а меж ими сыплется золото да серебро». (Боров, свинья в славянской, германской и кельтской мифологиях очень часто связываются с богатством и изобилием).

Оставив цепь и kota во вступлении к «Руслану и Людмиле», Пушкин использовал дуб как символ дикого, необитаемого острова:

*...В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нем дубок единый...*

Символом же «цивилизованного» острова, а заодно и символом его богатства, становится ель с золотыми орехами и живущей на ней белкой. Сказки знают немало чудес, сказочные яблоки могут быть и молодильными, и золотыми, но ни в одной сказке яблоки не растут на груше или березе. Однако ель с золотыми орехами не досужий вымысел Пушкина,

⁴⁴ Дмитриева С.М. Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982, с. 39.

⁴⁶ Русудиани. Тбилиси, 1971, с. 119; Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980, с. 162.

такая ель существует — это новогодняя, рождественская елка. «Пере-няв, через Питер, от немцев обычай, готовить детям к рождеству разукрашенную, освещенную елку, мы зовем так иногда и самый день елки, сочельник» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. М., 1980). За тридцать лет до выхода в свет далевского словаря «немецкий», западный характер елочной традиции должен был ощущаться не менее остро. Белка, скачущая по волшебному дереву, образ тоже западный, скандинавский. Обращение с чудесной белкой бюргерско-прагматическое:

*Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом.
Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил
Строгий счет орехам вести,
Князю прибыль, белке честь.*

Соответственно, «все в том острове богаты, / Изоб нет, везде палаты». В «Гвидонии» вся жизнь — рождественский праздник, в «Салтании» в сочельник тоже происходят чудеса. Разве не чудо — царь, бродящий в одиночестве между простолюдинами? Ведь именно в сочельник должен был состояться разговор, закончившийся так:

*«Здравствуй, красная девица, —
Говорит он, — будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября...»*

Рождественское чудо может случиться повсеместно, но вот рождество в «Салтании» не празднуют, иначе с чего бы это царь вечером стал в одиночестве бродить «позадь забора». Описывая «Салтанию», Пушкин тщательно избегает разговора о тамошней религии. Фавор, в который попали Бабариха и ее дочки, свидетельствует, скорее, о язычестве, чем о христианстве.

Другое дело, когда речь заходит о чудесном острове. Князь Гвидон крещен с детства, но узнает читатель об этом только тогда, когда бочку выбрасывает на берег: «Со креста снурок шелковый / Натянул на лук дубовый».

Вот возникает на острове чудесный город: «Блещут маковки церквей / И святых монастырей».

*Мать и сын идут ко граду.
Лишь ступили за ограду,*

*Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный Бога хвалит...*

Корабельщики, вернувшись к Салтану, рассказывают ему про новый город со златоглавыми церквями. Вот Гвидон ведет царевну Лебедь к своей матери:

*Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:
«Бог вас, дети, наградит».*

Салтан, наконец, приезжает к своему сыну: «Разом пушки запалили; в колокольнях зазвонили».

На протяжении сравнительно короткой сказки в связи с чудесным островом реалии христианской символики упоминаются, по крайней мере, семь раз. (В связи с «Салтанией» — ни одного!)

Можно думать, «Салтания» и «Гвидония» противопоставлены друг другу, как страны Востока и Запада, где Запад явственно представляет культуру христианскую.

Было бы, однако, бессмысленно искать их на географической карте. И лексика сказки (бояре, дьяки, гости, терема, палаты, избы), и экспорт «Салтании» («Торговали соболями, / Черно-бурыми лисами»; «Торговали мы конями, / Все донскими жеребцами»), и архитектура «Гвидонии» («Блещут маковки церквей / И святых монастырей»; «С златоглавыми церквями, / С теремами и садами») — все это убеждает нас, что и «Салтания», и «Гвидония» все-таки Россия, Россия отцов и Россия детей, Россия прошлого и Россия будущего. (Метафорическое замещение временных соответствий пространственными, ежедневно иллюстрируемое перемещением солнца с востока на запад, является универсальным свойством нашего мышления — ср. «дорога жизни», «отрезок времени», «долго ли, коротко ли» и т.п.).

Вернемся, однако, к началу сказки: «Три девицы под окном / Пряли поздно вечерком». Каждому, кто знаком с античной мифологией, эта картина напомнит греческих мойр (римских парок); первая из них вынимала жребий человека, вторая начинала прясть нить его жизни, третья обрекала его на смерть, обрывая эту нить. Ткачиха с поварихой пытались подменить жребий и обречь мальчика на безвременную смерть. Судьба его, однако, оказалась иной.

Конечно, создавая сказку, Пушкин не конструировал ее, как ребенок, делающий машинку из деталей конструктора. Поэтический синтез не есть «анализ наоборот».

В январе 1830 года Пушкин подал прошение на имя шефа жандармов Бенкендорфа о поездке за границу и получил отказ⁴⁷. Приходило ли ему в голову, что путешествия Байрона или Мериме ни в коей степени не зависели от жандармского благословения? Безусловно.

В октябре 1836 года он пишет Чаадаеву: «Что надо было сказать и что Вы сказали, это то, что наше современное общество столь же презренно, сколь глупо; что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что является долгом, справедливостью, правом и истинной, ко всему, что не является необходимостью. Это циничное презрение к мысли и к достоинству человека. Надо бы прибавить (не в качестве уступки, но как правду), что правительство все еще единственный европеец в России. И сколь бы грубо и цинично оно ни было, от него зависело бы стать сто крат хуже. Никто не обратил бы на это ни малейшего внимания» (Чем не описание «Салтаний»?!)⁴⁸.

1834 годом пушкиноведы датируют набросок плана истории русской литературы. Вот отрывок из него (речь идет о допетровской эпохе):

«Литература собственно.

Причины 1) ее бедности,

2) отчуждения от Европы,

3) уничтожения или ничтожности влияния скандинавского.

Сказки, пословицы: доказательство сближения с Европой»⁴⁹.

Эти и подобные им размышления и отразились в «Сказке о царе Салтане». Не о том ли думал и Лермонтов, когда писал свое знаменитое «Прощай, немытая Россия», «Быть может, за хребтом Кавказа укроюсь от твоих пашей»?

И уж совсем без обиняков на эту же тему писал А.К. Толстой, например, в балладе «Змей Тугарин» (1868 г.):

*И в тереме будет сидеть он своим,
Подобен кумиру средь храма,
И будет он спины вам бить батожьем,
А вы ему стукать да стукать челом —
Ой, срама, ой, горького срама!*

⁴⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 10. М., 1965, с. 265.

⁴⁸ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 10. М., 1965, с. 740.

⁴⁹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 7. М., 1964, с. 532.

...
*И с честной поссоритесь вы стариной,
И, предкам великим на сором,
Не слушая голоса крови родной,
Вы скажете: «Станем к варягам спиной,
Лицом повернемся к обдорам!»*

Алексей Константинович в виде сказки-баллады оформил свою политическую программу.

Не то у Пушкина — он писал сказку. Его политические взгляды, его размышления о судьбах России, страхи и надежды, помимо его воли и сознания, сложной системой образов накладывались на сказочный текст.

С помощью алгебры нельзя сконструировать гармонию. Анализ структуры художественного произведения не может заменить живого непосредственного его восприятия, но может обострить это восприятие, сделать его более полным и содержательным.

07.12.1987

Еще о посвящении «Полтавы»

Спор о том, кому было адресовано посвящение «Полтавы», ведется уже давно. Этой проблеме посвящена и очень содержательная статья Ю.М. Лотмана. Соглашаясь с его выводами о том, что адресатом посвящения была Мария Волконская, я хотел бы дополнить его доказательства еще одним аспектом.

О дружбе Пушкина с декабристами и о его вольнолюбивых стихах этой поры известно достаточно.

Но вот 1 декабря 1823 г. он пишет своему приятелю из Одессы: «...написал на днях подражание басне умеренного демократа Иисуса Христа (Изыди сеятель сеяти семена своя):

Свободы сеятель пустынный...»

Стихотворение это кончается жестко и жестоко:

*Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремящими да бич.*

Строфа эта не случайный результат плохого настроения — в черновом наброске («Бывало, в сладком ослеплень») она уже фигурирует. Такого рода мысли обуревали в это время не только Пушкина — его друг Языков в январе 1824 года пишет две элегии:

*Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не слушает народ...*

...

*Я видел рабскую Россию:
Перед святыней алтаря,
Гремя цепями, склонивши выю,
Она молилась за царя.*

Вторая элегия кончается не более оптимистически:

*Столетия грозно протекут,—
И не пробудится Россия!*

Если «умеренный демократ Иисус Христос» (Мф. 13:3—18; Лк. 8:5—18) все-таки утверждал, что часть посеянного непременно принесет плоды, то о себе Пушкин с горькой иронией писал: «Но потерял я только время, благие мысли и труды...»

Неверие в народ означает отказ от демократии. Поражение декабристов только подтвердило разочарование Пушкина в юношеском радикальном энтузиазме. А отказ от демократии непреодолимо толкает человека к державности. Итогом такого перелома стали «Стансы»:

*В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.*

Стихи эти написаны 22.12.1826, к годовщине восстания на Сенатской площади, но опубликовать их Пушкин решился только год спустя — в начале 1828 года. В промежутке же: «Во глубине сибирских руд», «Арион», «Восстань, восстань, пророк России...». Обратим, однако, внимание на то, что в написанных, пока еще «в стол», «Стансах» восстание декабристов характеризуется как мятеж и приравнивается к стрелецкому бунту.

Слово «держава» происходит от «держать» («и не пущать» — добавлял Салтыков-Щедрин), и поэтому закономерно Пушкин оказывается на имперских позициях. Сразу же после публикации «Стансов» ему пришлось оправдывать свое отношение к Николаю («Друзьям»), но как:

*Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.*

«Войной!» — какая же без войны державность! Несколько раньше им, совсем не для печати, было написано стихотворение «Рефутация г-на Беранжера», мастерски сделанное в стиле Беранже, но полное амбиций и откровенного великодержавного хамства, совершенно Беранже чуждого.

В «Стансах», «Друзьям» Пушкин снимает с себя обязанность просвещения «толпы» и передает ее государю, за собой, однако, оставляя право и обязанность просвещения последнего:

*Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.*

В том же 1828 г. Пушкин возвращается к теме сеятеля в стихотворении «Поэт и толпа»:

*Душе противны вы, как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры; —
Довольно с вас, рабов безумных!*

Шевырев рассказывает о значимом эпизоде, связанном с этим стихотворением, в журнальном варианте названным «Чернь»: «У княгини Зинаиды Волконской бывали литературные собрания понедельничные; на одном из них пристали к Пушкину, чтобы прочесть. В досаде он прочел “Чернь” и, кончив, с сердцем сказал: “В другой раз не станут просить”» (Цит. по: В. Вересаев. «Пушкин в жизни»).

Потом будет: «барабанная», по выражению Тынянова, «Полтава», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина».

Отметим, что в конце 1830 г. Пушкин пишет стихотворение «Герой», посвященное якобы Наполеону, но с явным намеком на Николая I. Поэт декларирует:

*Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...*

Пушкин пытается еще утешать себя надеждой... на что? Ответа нет. На новом витке осмысления истории Пушкин напишет «Медный всадник», «Капитанскую дочку». Он откроет для себя «маленького человека» и переоценит свой взгляд на «бессмысленную толпу», которой, с одной стороны, противостоит поэт, с другой — палач. В «Капитанской дочке» права человека (а Пушкин уже употреблял это выражение) он, безусловно, поставил выше прав государства, классов, партий.

Но об этом уже написано Ю. Лотманом. Я же продолжу размышления о пушкинской оценке декабристского восстания.

В 1828 г. Пушкин написал «Эпитафию младенцу», сыну Волконских, находившихся тогда с Сибири:

*В сиянье, в радостном покое,
У трона вечного творца
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.*

Страдалица Мария Волконская здесь противопоставлена грешному своему мужу, Сергею Волконскому — ее благословляет, за другого молит.

В знаменитом «Памятнике» (август 1836 г.) Пушкин опять возвращается к этой теме:

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.*

«Падшие» здесь не только побежденные, но и виноватые. В конце этого же года выходит в свет «Капитанская дочка», датированная автором 19 октября 1836 г. (Дата символичная и для него, и для читателя).

«Молодой человек! — пишет на старости лет Гринев, — если запиши мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений». «Не приведи Бог видеть русский бунт бессмысленный и беспощадный!» В пропущенной главе эта же мысль выражена более направленно: «Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный! Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка». Это несомненный намек на декабристов, но они в тот момент находились под защитой сибирского острога, и Пушкин в печати ограничился только оценкой русского бунта.

Вернемся, однако, к «Полтаве». В предисловии, предпосланном Пушкиным первому изданию поэмы (1829 г.), он делает выпад против Рылеева, не называя его по имени: «Некоторые писатели хотели сделать из него (*Мазепы*. — *В.Р.*) героя свободы, нового Богдана Хмельницкого», (имелась в виду поэма Рылеева «Войнаровский»). Пушкин же считает Мазепу бунтовщиком и предателем.

Для Пушкина в это время конфликт Петр I — Мазепа (или стрельцы), т.е. между империей и ее противниками, это столкновение абсолютного добра с абсолютным же злом. Приблизительно так же оценивал он и восстание декабристов. И если для молодых участников движения он устами Гринева находит некоторое оправдание, то старших — определенно характеризует «жестокосердными» (в поэме жестокость Мазепы подчеркивается не раз).

А тот факт, что над рукописями «Полтавы» Пушкин все время вспоминал своих прежних товарищей, подтверждается несколькими рисунками повешенных на страницах его черновиков. Мало того, фигуры висельников в казацких жупанах сменяются виселицами с пятью казненными.

В примечаниях автор сообщает, что истинное имя героини — «Матрена» он заменил на — «Мария» что, очевидно, не случайно (в «Онегине» он не постеснялся простонародной Татьяны).

Мария Волконская (дочь героя 1812 года Н.Н. Раевского, оставшегося верным престолу и осуждавшего декабристов вообще и своего зятя в частности) вышла замуж 18-ти лет за Сергея Волконского, который был вдвое старше ее. К моменту восстания ему было 37 лет.

Как видим, некоторое сходство между линией — Матрена Кочубей — Мазепа и судьбой Марии и Сергея Волконских существует. Это «некоторое» сходство становится гораздо глубже, если смотреть на него с точки зрения Пушкина 1828 года, существование которой я и попытался обосновать выше.

01.02.1997

«Медный всадник»: ассоциации и размышления⁵⁰

*Разговор у шемакинского памятника Петру I:
— Вы рискнете подойти к нему ночью?
— К живому Петру я бы и днем побоялся подойти.*

Когда в Петербурге произошло наводнение, Пушкин был в Михайловском. Сообщения о событиях в столице он встретил, мягко говоря, саркастически. В письме брату Пушкин замечает: «Что это у вас? потоп! ничто проклятому Петербургу!» Далее следует неприличная острота по-французски. Вскоре, однако, он изменил свою оценку этого события и, возможно, тогда же принял решение «стихам поверить свой рассказ» о наводнении. (Обоснование времени возникновения этого замысла у Пушкина приводится в книге Г.М. Ленобля «История и литература». М., 1960).

В первом, известном нам, отклике Пушкин, пародируя библейскую традицию, оценивает наводнение, как кару (несостоявшуюся) «проклятому Петербургу». В «Медном всаднике» эту же точку зрения, конечно, без ерничества, высказывает народ — «Зрит Божий гнев и казни ждет». Александр I выражается осторожней: «С Божией стихией царям не совладеть». Евгений приходит к страшной мысли:

*...иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей?*

Впрочем, он только по-иному, гораздо резче, формулирует фразу Александра, ибо слово «стихия» можно понимать и как произвол.

А Пушкин? Что волновало его, когда он писал свою «Петербургскую повесть», какие вопросы он задавал себе и какие ответы нашел?

В русском литературоведении долгое время преобладала точка зрения В. Белинского. «Мы понимаем смущенную душой, что не произвол, а разумная воля олицетворены в этом Медном Всаднике... мы хотя и не без содрогания сердца, но сознаемся, что этот бронзовый гигант не мог уберечь участи индивидуальностей, обеспечивая участь народа и государства; что за него историческая необходимость и что его взгляд на нас есть уже его оправдание...» (Белинский В.Г. ПСС. Т. 7. М., 1955, с. 542).

⁵⁰ Ронкин В. «Медный всадник»: ассоциации и размышления / Московский пушкинист. Сб. VIII. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000.

Маловероятно, что Пушкин, принимаясь за поэму, ставил своей целью всего лишь иллюстрацию пословицы: «Лес рубят — щепки летят».

Обратим внимание на тот факт, что в поэме мысли или высказывания и Петра, и Александра (а в черновиках — сенатора Толстого и его слуги) четко отделены от авторского текста. Это же касается и размышлений Евгения о своем будущем.

Однако в этом случае автор сближает себя и своего героя.

*О чем же думал он? о том,
Что был он беден, что трудом
Он должен был себе доставить
И независимость и честь,*

то есть — основные личностные ценности самого Пушкина⁵¹.

В черновиках Пушкин, описывая Евгения, который размышлялся «как поэт», из раза в раз повторяет выражение «да щей горшок, да сам большой», являющееся явной ссылкой на «Путешествие Онегина», где поэт говорит о собственном идеале⁵².

Когда же речь заходит о Медном всаднике, построение стихов и их синтаксис становятся такими, что оценки рассказчика и героя делаются неразличимыми. Исключение составляют угроза Евгения и последующее — «...Показалось / Ему, что грозного царя... / Лицо тихонько обращалось...», далее следует: «...Бежит и слышит за собой — / Как будто грома грохотанье» (действительно слышит?); кончается эпизод авторски отстраненным:

*И во всю ночь, безумец бедный,
Куда стопы не обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.*

«Безумец» потому, что испугался статуи, или потому, что осмелился угрожать кумиру? Вспомним стихи, написанные почти в то же время «Не дай мне Бог сойти с ума...»:

*...И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака.*

⁵¹ «...Что мог бы Бог ему прибавить Ума и денег» — явный намек на французский аффризм (кажется, Дидро): «Все жалуются на недостаток денег, но никто — на недостаток ума». И не Евгений ли явился когда-то в домик Параши в женском одеянии, когда та еще жила в Коломне?

⁵² Уже после неудачного прохождения цензуры, делая правку «в стол», эти слова Пушкин вычеркивает.

В исключенном впоследствии эпизоде, когда сенатор Толстой, подойдя к окну, увидел — «в лодке по Морской плывет военный губернатор», реальность происходящего подтверждается показаниями слуги. В «Каменном госте» ожившую статую также одновременно видят двое — Гуан и Лепорелло.

Реальность преследования человека, осмеливавшегося сказать государству «Ужо тебе!», в подтверждениях не нуждались. Фраза:

... Чело

К решетке холодной прилегло,

место действия и его время, место могилы Евгения (там же, где, по представлению Пушкина, были похоронены казненные декабристы) вызывают достаточно ясные ассоциации. Они усиливаются последовательным сопоставлением стихии природных бедствий и стихии социальных катаклизмов: сначала Нева,

...как зверь, остервенясь,

На город кинулась...

затем —

Осада! приступ! злые волны,

Как воры, лезут в окна.

(Здесь и далее в цитатах Пушкина выделено мной. — В.Р.)

... Так злодей

С свирепой шайкою своей

В село ворвавшись, ломит, режет,

Крушит и грабит; вопли, скрежет,

Насилье, брань, тревога, вой!..

...

...волны хищные толпились,

Бунтуют злобно...

...

Мрачный вал

Плескал на пристань, ропща пени...

...

Как челобитчик у дверей

Ему не внимлющих судей.⁵³

Беззащитность человека перед злом представляется абсолютной. Вот и Евгений, «как обуянный силой черной», **злобно** задрожав, шепчет свои проклятья. И сам Петербург был заложен **«на зло** надменному соседу».

⁵³ В Болдине, где Пушкин работал над «Медным всадником», он вернулся из поездки по пугачевским местам и перешел к поэме сразу же после «Истории Пугачева».

...Утра луч
Из-за усталых, бледных туч
Блеснул над тихою столицей
И не нашел уже следов
Беды вчерашней; багряницей
Уже прикрыто было зло.

«Багряница»? Только поэтическая метафора утренних лучей или нечто большее? — порфира, — «верхняя торжественная одежда государей» (В. Даль). Судя по тому, что в черновых записях слово «Зло» написано с прописной буквы, т.е. олицетворено, Пушкин имел в виду, прежде всего, порфиру. Багряницей прикрывался властный произвол, заключающийся, в том числе, и в выборе места строительства новой столицы⁵⁴.

Одновременно совершенно исчезает различие между монументом и реальным Петром.

Евгений вздрогнул... Он узнал...

...

Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей **роковой**
Под морем город основался...

Власть у Пушкина почти всегда «роковая», а рок «самовластный»:

Везде несправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела — Рабства грозный Гений
И Славы **роковая** страсть. («Вольность», 1817).

«Под гнетом власти **роковой**...» («К Чаадаеву», 1818).

«...Я мыслил имя **роковое** / Предать развалинам иным?» («Чаадаеву», 1824).

«Не достаивая взглядом / Твердыню власти **роковой**...» («Вот перешед чрез мост Кокушкин...», 1829).

«Гонимый **рока** самовластьем...» («В альбом», 1832)⁵⁵.

⁵⁴ Существовала легенда, что при заложении города Петр сложил два куска дерна крестом и произнес: «Здесь быть городу». В это время над ним парил орел. Пушкин, разумеется, знал цicerоновскую оценку авгуров.

⁵⁵ «Рок завистливый бедою / Угрожает снова мне...» («Предчувствие». 1828). Стихотворение написано в связи с делом о распространении стихов из «Андрея Шенье» и допросами о принадлежности Пушкину «Гаврилады». (ПСС в 10 т. М., 1963. Примечания, т. 3).

Он почти всю жизнь чувствовал себя в тени Петропавловки. Не раз в его черновиках появляются виселицы, над ними однажды надпись: «И я бы мог как шут ви...», а в стихах к Е.Н. Ушаковой (1827): «Вы ж вздохнете ль обо мне, / Если буду я повешен?», в 1829 г. — Е.П. Полторацкой, с юмором висельника:

*Когда помилует нас бог,
Когда не буду я повешен,
То буду я у ваших ног,
В тени украинских черешен.*

Известную автоиллюстрацию к «Онегину» сопровождало письмо: «Брат, вот тебе картинка для «Онегина»... Если и будет другая, так чтоб все в том же **местоположении**» (*Выделено Пушкиным*). Под рисунком надпись: «крепость, Петропавловская». В иллюстрируемом тексте: «Все было тихо; лишь ночные / Перекликались часовые...» В «Медном всаднике»:

*...ветер выл уныло
И с ним вдали во тьме ночной
Перекликался часовой...⁵⁶*

Схожесть, даже порой неразличимость, авторского голоса и позиции героя происходила оттого, что Пушкин чувствовал себя в шкуре Евгения — вернее, посадил его в собственную шкуру. Их роднило общее чувство полной зависимости от стихии. Но при всем том не следует думать, будто утверждением, что наша жизнь «...как сон пустой, / Насмешка неба над землей?» исчерпывалось все пушкинское мировоззрение, хотя подобные мысли ему, наверное, и приходили.

«Петр I... презирал человечество, может быть, более чем Наполеон», — записал Пушкин в 1822 г. («Заметки по русской истории XVIII века»). Примерно год спустя в «Евгении Онегине» появятся строки: «Мы все глядим в Наполеоны; / Двуногих тварей миллионы / Для нас орудие одно...». «Презирать» — (*значит. — Ред.*) относиться к человеку как к средству, а не видеть в нем цель. Что любовь Евгения к Параше для «горделивого истукана»!⁵⁷

⁵⁶ К строчкам «Онегина» поэт дает примечание-ссылку: «Въявь богиню благосклонну / Зрит восторженный пиит, / Что проводит ночь бессонну, / Опершися о гранит» (Муравьев М.Н. «Богине Невы»). Нева — разная, часовые — те же.

⁵⁷ Параша—Параскева. Пятница в индоевропейской мифологии — день, посвященный женскому божеству, у славян — Мокоши. Культ Пятницы, соединившийся с христианским культом святой Параскевы-Пятницы, сохранил некоторые черты языческого образа — Женщины-покровительницы очага. Не случайно Пушкин на черновиках «Медного всадника» рисует лицо своей жены.

«Нам чувство дико и смешно». На мраморном льве, среди бушующих волн сидит Евгений, в страхе за судьбу любимой...

*И, обращен к нему спиною,
В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне⁵⁸.*

Поэта волновали судьбы тех, кто для «бронзовых гигантов» был только миллионами «двуногих тварей», и своя судьба в том числе.

В авторских примечаниях к поэме есть две ссылки на А. Мицкевича. Речь в них идет о двух стихотворениях из цикла «Добавлений» к III части поэмы «Дядя». Первое — «Олешкевич», второе — «Памятник Петра Великого». Второе примечание выглядит просто: «Смотри описание памятника в Мицкевиче. Оно заимствовано из Рубана — как замечает сам Мицкевич». Верноподданный Рубан, помянут явно для отвода глаз, хотя польский поэт, возможно, от него и отталкивался. Начну с «Памятника»:

*Царь кнутодержец в тоге римлянина;
Конь вскакивает на стену гранита,
Останавливается на самом краю и поднимается на дыбы.*

На полях «Медного всадника» против строки «Россию поднял на дыбы» П.А. Вяземский написал: «Мое выражение, сказанное Мицкевичу и Пушкину, когда мы проходили мимо памятника. Я сказал, что этот памятник символический. Петр скорее поднял Россию на дыбы, чем погнал ее вперед» (Старина и новизна. 1904, № 8).

Первое примечание выглядит загадочнее: «Мицкевич прекрасными стихами описал день, предшествовавший Петербургскому наводнению в одном из лучших своих стихотворений — “Oleszkiewicz”». Жаль только, что описание его не точно. Снегу не было — Нева не была покрыта льдом. Наше описание вернее, хотя в нем нет ярких красок польского поэта». Для русского читателя «яркие краски польского поэта» вряд ли были доступны, выпады против самодержавия повторялись и в «Памятнике». Ссылка на «Олешкевича» могла заинтересовать его только неким особым взглядом. Что же особенного мог найти Пушкин в «Олешкевиче»? На мой взгляд — мрачный парадокс:

⁵⁸ Стоило, однако, Евгению произнести свою угрозу, как истукан повернулся «лицом к проблеме».

*...молния, когда она поражает неживое,
Начинает сверху, с горы и башни;
Когда же бьет людей, то начинается снизу
И поражает, прежде всего, наименее виновных.
Заснули в пьянстве, ссорах или наслаждениях,
Проснутся утром — несчастные мертвые черепные чашки.
Спите спокойно, как неразумные животные,
Пока Божий гнев не сгнет вас, как охотник,
Сокрушающий все, что встречается в лесу,
Добираясь до логовища дикого кабана.*

(Цитаты привожу в подстрочном переводе Н.К. Гудзия)

Заметим, что в этом отрывке Мицкевич устами своего героя как бы солидаризируется с «гигантами», ибо «неразумные животные» ничем не лучше «двуногих тварей»⁵⁹.

За что же назвал Мицкевич наименее виновных неразумными тварями и в чем их вина, хотя и не столь великая?

Проблема диалектики Рока и Поступка, необходимости и выбора волновала еще античных авторов. В принципе, каждое значимое для человека событие может быть оценено двояко: как простая случайность (мойра Лахесис вынимает жребий) или как награда (наказание) за его поступки (говоря языком рационализма — результат учета причинно-следственных связей). Во втором случае человек несет ответственность за свое поведение перед Богом или совестью.

О «литературном фоне» «Медного всадника» написано немало, однако авторы этих исследований касались только текстов современных или почти современных Пушкину, начиная с Ломоносова, и связанных с деятельностью Петра I, строительством и архитектурой Петербурга и наводнениями. Концептуальный фон поэмы почти не исследован. Меня заинтересовал именно он.

В ноябре 1824 г., когда в Михайловское дошло сообщение о наводнении, Пушкин читал Коран, имевшийся у него в русском переводе, и писал свои «Подражания». Маловероятно, что поэт не обратил внимания на те места, где говорится о потопе.

Потоп как кара небесная оценивается одинаково и христианской Библией, и мусульманским Кораном. Однако если Библия причиной

⁵⁹ Мало того, Всевышний оказывается ничем не лучше земных тиранов, ибо в гневе и азарте сокрушает все на своем пути. (Однако оставим проблемы теодицеи теологам).

потопа считает несколько неопределенное «великое развращение» человечества, то Коран жестко указывает на его основной грех — идолопоклонство. (Далее — ссылки на перевод М. Веревкина (СПб., 1790), которым пользовался Пушкин).

Отзвуки коранического текста слышатся уже в «Цыганах»:

*Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.*

«Ср. с изречением из суры «Паук»: «Поклоняйтесь идолам вашим по алчности токмо вашей к благам земным, однако же, придет день, проклинали будете друг друга»⁶⁰.

Идолопоклонство есть смертный грех и для христианина — нарушение первых заповедей. В Ветхом Завете эти заповеди формулируются так: «Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им...» (Исх. 20:3–5).

В переводе Корана слово «идол» встречается повсеместно, иногда оно заменяется синонимом «истукан». В пушкинском тексте «Медного всадника» слово «истукан» употреблено единожды. Слово «идол» он заменил более значимым для знающих Библию читателей словом «кумир», неоднократно повторенным в тексте поэмы.

Коран повествует, что пророк Ной (арабский Нух, но в переводе Веревкина за ветхозаветными персонажами сохранены библейские имена)

⁶⁰ В письме к Дельвигу, писанному в годовщину «потопа», есть шуточный «куплет»:

*Брови царь нахмуря,
Говорил: «Вчера
Повалила буря
Памятник Петра».*

Это говорит о том, что ассоциации: «Медный Всадник — буря» возникли у Пушкина задолго до начала работы над поэмой. Ср. также Коран, сура «Пииты»: «Идолы, коим поклоняетесь вы, могут ли спасти вас, могут ли спасти самих себя?» Пушкин, несомненно, знал легенду, согласно которой еще в 1812 г., когда опасность грозила Петербургу, Александр I решил эвакуировать монумент. Однажды на прием к кн. Голицыну, известному масону и духовидцу, явился некто и рассказал свой сон: «Он на Сенатской. Лик Петра поворачивается, всадник съезжает со скалы и отправляется к дворцу, откуда выходит Александр. “До чего ты довел Россию? Но пока я здесь, моему городу опасаться нечего”. Монумент решили не трогать». (Н.В. Измайлов. «“Медный всадник”. А.С. Пушкина»).

См. также: <http://www.newagent.spb.ru/history/50-history/122-legends-and-myths>.

предостерегает своих сограждан от идолопоклонства. Покаявшимся он обещает в награду «сады, украшенные водометами и реками». («Сады, где протекает множество рек», — в Коране постоянно повторяющийся образ Божественной награды, как земной, так и райской). Однако тех, кто «не отступает от истуканов, лжебожеств своих», ждет кара (сура «Ной»).

В предшествующих сурах («Гад», «Правоверные») есть интересные детали: «знатнейшие среди народа, которые составляли идолослужители» не слушают увещаний Ноя, отвечая ему: «Ты человек такой же, как и мы, и последуют тебе люди неимущие». В этих же сурах Аллах приказывает Ную строить ковчег и, «егда вода закипит в котле твоём», грузиться со всеми животными и семьей. Кипение воды в котле — сигнал начала потопа. В суре «Ной» описывается сам потоп: «Воды покрыли нечестивых за согрешения, в оно же время низвергнутся они в пламень адский». Не являются ли реминисценцией пушкинские образы: «Нева вздувалась и ревела, / Котлом клокоча и клубясь» (начало наводнения); «Еще кипели злбно волны, / Как бы под ними тлел огонь...» (его окончание)?

Судьба же последовавших за Ноем «людей неимущих» остается непроясненной. Очевидно, она менее всего интересовала Магомета.

Как и Петра.

Историей Петра Пушкин начал интересоваться задолго до работы над «Медным Всадником». В «Истории Петра», в тексте, относящемся к 1721 г., он записывает: «Достойна удивления: разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые — нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или, по крайней мере, для будущего; — вторые вырвались у нетерпеливого, самовластного помещика.

NB. (Это внести в Историю Петра, обдумав)».

Но нас будет интересовать не исторический Петр, а Петр-кумир, объект почитания и ненависти.

Там же, среди самых первых записей, отдельной строкой идет: «Народ почитал Петра антихристом». (К сожалению, почитали его так не столько за кнут, сколько за просвещение). Знал Пушкин или нет бытовавшее среди староверов представление о том, что памятник Петру — это апокалиптический конь бледный (Синдаловский Н.А. Легенды и мифы. СПб., 1996), — не суть важно. С самим «Откровением» он был наверняка знаком.

«...И вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечем и голодом, и мором и зверями земными» (Откр. 6:8).

*Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте уздай железной
Россию поднял на дыбы?*

Нельзя не увидеть символических соответствий между двумя текстами. В «Откровении» — «ад следовал за ним», в поэме — «над самой бездной», в «Откровении» — «И дана ему власть над четвертой частью земли», у Пушкина — «державец полумира», «властелин судьбы». «Уздай железной» — тут не только «на дыбы», а пожалуй, что и на дыбу поднять можно. Похоже, это не только всадник-смерть, а действительно Антихрист собственной персоной.

В Коране Аллах перечисляет блага, которые он даст правовежным, человечеству (упомянутые «сады, украшенные водометами и реками»), и те, что он уже дал. Среди них — «Зри, како корабли плавают по водам, расторгают волны для успехов торговли вашей. Неужели не возблагодарите Бога за его милость к вам?» (суры «Пчела», «Правовежные»).

Антихрист может подражать Творцу, но его дары оказываются не во благо, а во зло: «И тогда откроется беззаконник... которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными (“строитель чудотворный”) и со всяким неправедным обольщением погибающих за это...» (2 Фес. 2:8–10)⁶¹.

Впрочем, такому крайнему толкованию противоречит апофеоз Петербурга во вступлении, о чем я буду говорить ниже. Вплотную подойдя к символике Антихриста, Пушкин как бы делает шаг назад и возвращает «кумира» к его наиболее общему значению — изображение языческого божества или само божество как объект поклонения. (Евгений, поклонившийся кумиру, даже склонившийся перед ним, тем не менее, был похоронен «ради Бога»).

⁶¹ «И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя» (Откр. 13:15).

Я еще раз хочу подчеркнуть, что в данном случае речь идет не об историческом Петре, а о Петре-кумire, его образе в мифологии России.⁶²

Обратим внимание на то, что в поэме, когда речь идет о живом Петре или о его памятнике, имя императора табуируется; Пушкин осмеливается произнести его только в словосочетании «вечный сон Петра», до этого при описании города, ставшего таковым уже после Петра, его имя употребляется, по сути, в форме притяжательного прилагательного («Петра творенье», «град Петров»), во время наводнения упомянуто: «на площади Петровой».

В словаре Даля слово «идолопоклонство» определяется как «служение идолам, почитание их, вера в кумиров». Второе его значение — «раболепство перед людьми, начальством». Пушкин использовал его и в том, и в другом значении, причем зачастую не отделяя первого от второго.

Перелагая великопостную молитву Ефрема Сирина, Пушкин пишет:

*Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.*

(1836 г.)

Отметим, что, с одной стороны, в тексте Ефрема Сирина никакой змеи нет, с другой — в «Медном всаднике» при описании памятника змея «сокрыта» — эта деталь монумента даже не упоминается. Не есть ли эта строка пушкинской молитвы — скрытая отсылка к его же поэме?

«Любоначалие» определяется Далем как «властолюбие, желание начальствовать»; такой же смысл оно имеет и у Ефрема Сирина⁶³.

В принципе, слово «любоначалие» может означать и другое — любовь к начальству, «идолопоклонство» во втором значении⁶⁴.

⁶² «Специфика мифологических текстов такова, что мифы без имен практически не существуют» (Топоров В.Н. Имена // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М., 1980).

⁶³ В житии Ефрема Сирина говорится: «...смирен был зело, всякого почитания человеческого и временныи славы весьма бегал. Некогда хотяху людие похитити его на епископство и не хотяше, он же то увидев, сотворился юрод... аки безумленный» (*) (Великий пост и молитва о покаянии Ефрема Сирина. СПб., 1890). Опять в нашем поле зрения возникает тема безумия, на сей раз притворного, ради бегства от власти.

⁶⁴ Над строкой начинающего поэта: «Друзей, начальников, врагов...» — Пушкин произносит: «Запятую проч! маленькое тире, знак соединительный: начальники враги — слова однозначущие! ...» («Разговоры Пушкина». М., 1929, с. 186).

В ранней юности Пушкин написал стихи «Лицинию», которые, несколько переработав, включал в сборники 1826 и 1829 гг. Речь идет о римском императоре Ветулии:

*Спесиво развасься, Ветулий молодой
В толпу народную летит по мостовой...*
...
*И дети малые, и старцы в сединах,
Все ниц пред идолом безмолвно пали в прах:
Для них и след колес, в грязи напечатленный,
Есть некий памятник почетный и священный.*

Интересно отметить, что переделка в том числе коснулась и этих строк, тон стал насмешливее и злее⁶⁵.

В 1828 г. — «Анчар»:

*Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом:
И тот послушно в путь потек...*

В 1833 г., прервав работу над «Медным всадником», Пушкин пишет «Сказку о рыбаке и рыбке». Помог старик стать своей жене царицей, явился к ней, а та на него и «...не взглянула, / Лишь с очей прогнать его велела».

*Подбежали бояре и дворяне,
Старика взащеи затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила.
А народ-то над ним насмехался...*

Пушкина волновала не только страсть к власти, но и культ власти, столь характерный для России. Кесарю подчас вручалось то, на что он, оставаясь христианином, претендовать не мог. В любом конфликте между личностью и властью «народ» оказывался на стороне последней.

Сакрализация власти имеет и другую сторону. Человек предьявляет ей непомерные претензии, снимая с себя всякую ответственность за собственную судьбу. «Кумир» мог бы отвечать Евгению: «С историей мы разберемся, но тебя-то лично никто в Петербурге жить не принуждал, как и твою Парашу — о возможности наводнений

⁶⁵ Было: «И дети малые, и старцы с сединой / Стремятся вслед за ним и взором, и душой... / Ждут, в тайном трепете, улыбку, глаз движение, / Как будто дивного богов благословенья...»

вы знали не хуже меня». Но кумир, отвечающий таким образом обывателю, перестает быть кумиром, так что у него не остается иного выбора, кроме безумной погони.

Эпитет «роковой» сочетается у Пушкина не только с властью, но и со страстями. Поэма «Цыганы» кончается так:

*И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет⁶⁶.*

Перед этими страстями человек так же беззащитен, как и перед стихией природы. Мало того, стихии страстей усугубляют враждебность природных стихий:

*...В наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.*

(«К Вяземскому». 1826 г.)

Ю. Лотман («Три заметки о Пушкине») обратил внимание на то, что Пушкин, говоря: «Седой Нептун земли союзник», имел в виду не отвлеченную аллегория, а конкретное памятное ему полотно. — Дословное совпадение с названием картины Рубенса «Союз Земли и Воды».

На картине Земля (Кибела) и Море (Нептун) с любовью глядят друг на друга. Почему именно Кибела? Картина была задумана как аллегория Антверпена, а Мать-Земля-Кибела мыслилась покровительницей городов и изображалась в короне в виде крепостной стены. Одновременно она — владычица гор, лесов, диких зверей. «Богиня требует от своих служителей полного подчинения ей, забвения себя в безумном восторге и экстазе, когда жрецы Кибелы наносят друг другу кровавые раны или когда неофиты оскотпляют себя во имя Кибелы, уходя из мира обыденной жизни и предавая себя в руки мрачной и страшной богини»⁶⁷ (Мифы народов мира (МНМ). Т. 1. М., 1980).

⁶⁶ «19 октября» 1825 г. Об Александре I: «Он раб молвы, сомнений и страстей». Вспомним также «Вольность»: «Славы роковая страсть».

⁶⁷ «В 204 г. до н.э. в конце длительной борьбы против Ганнибала римляне переняли фригийский культ Матери Богов (Кибелы. — В.Р.)... Римляне отрядили (специальное. — В.Р.) посольство в центр культа Кибелы... Полководец (Ганнибал. — В.Р.) мог предвидеть, что, отразив вооруженное нападение с Востока, Европа подчинится восточным богам» (Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1984). В античную Грецию этот культ проник задолго до того.

Аттис у Катулла прибывает во Фригию с моря, «...ко святым богини местам. Подстрекаем буйной страстью, накатившей яростью пьян, оскотил он острым камнем молодое тело свое». Весь день проводит в экстатических плясках, и к вечеру засыпает у святилища богини. Проснувшись утром и вспомнив вчерашнее, он начинает каяться:

Стать Менадой, стать калеккой, стать бесплодным, бедным скопцом!»...
Чуть до слуха гор богини долетел раскаянья стон,
Тотчас львов своих Кивева отпрягает, снявши ярмо,
Бычьих стад грозу и гибель, подстрекает левого так:
«Поспеши мой друг свирепый, в богохульца ужас всели!
Пусть, охвачен темным страхом, возвратится в дебри лесов
Тот безумец, тот несчастный, кто бежал от власти моей.
Выгибай дугою спину, ударяй ужасным хвостом,
Дебри гор наполни ревом, пусть рычанью вторит земля!
Потрясай жестокой гривой, пусть дыбятся рыжая шерсть!»...
Стервеет лев. Как пламя входит в сердце яростный гнев...
Лев прыгнул, и мчитсЯ Аттис, оробев, в дремучую дебрь.
Так служанкой прожил Аттис до конца безрадостных дней.

*О, богиня! О, Кивева, дидименских гор госпожа!
Пусть пребуду в отдаленье от твоих чудовищных тайн!
Пусть других пьянит твой ужас! Твой соблазн безумит других!*

⁶⁹ Гимнасии — здания у греков для гимнастических игр и упражнений.

Отзвуки этой поэмы слышатся и в более позднем пушкинском стихотворении, особенно в черновой редакции:

*Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так ревом яростным пустыню оглашая,
По ребрам бья хвостом и гриву потрясая,
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.*

(1836 г.)

Строки, выделенные мной, Пушкин вычеркнул. Образы катулловского льва и «алчного греха» — изофункциональны в обоих случаях; лев ли или сравниваемый со львом грех препятствуют достижению героем духовной гармонии, приближению «...к горе Сиону, ко граду Бога живого...» (Евр. 12:22), загоняя его в языческую стихию страстей. Но Пушкин сравнивает грех с охотящимся львом, которому в такой ситуации незачем оглашать окрестности яростным ревом. (У апостола Петра (1Пет. 5:8): «...противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить...»)

Однако вернемся к поэме. Сюжетная параллель видна сразу — некто отрекается от языческого божества-кумира, после чего начинается свирепая погоня за непокорным, который и подчиняется силе⁷⁰. Гибель невесты героя, мечтавшего о детях и внуках, семантически сближает ситуацию с самооскоплением Аттиса⁷¹.

Но есть и более глубокие соответствия между катулловской и пушкинской поэмами. Катулл противопоставляет космос культуры античного мира хаосу природной стихии, хаосу диких страстей, царящих во владениях Кибелы. Кончается поэма заклинанием против этого хаоса. У Пушкина заклинанием кончается вступление, вернее, его вторая часть — гимн городу:

⁷⁰ У Катулла лев — не только свирепый хищник, но и ездовое животное богини. На черновике поэмы «Тазит» Пушкиным нарисован фальконетовский конь на скале и со змеей, но без Петра. Пытаюсь дать очередную трактовку этому загадочному рисунку: поэт вначале хотел послать вдогонку за Евгением коня и змею и рисунком проверял, как это будет выглядеть. «Тазит», как и «Медный всадник» заняты одной и той же проблемой — конфликтом между «первобытной» моралью и христианской нравственностью, не мудрено, если образы «Тазита» ассоциировались у Пушкина с образами другой, еще только задуманной, поэмы.

⁷¹ Пушкин придал Евгению не только некоторые собственные черты, о чем уже говорилось, но и определенное мировоззренческое сходство с Петром: «...не тужит / Ни о почившей родне, / Ни о забытой старине», — его «мечты» ориентированы на детей и внуков.

*Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия...*

Апофеоз Петербурга — это, по сути, гимн космосу культуры:

*Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид...⁷²*

В тексте за каждой строкой, повествующей о природе города, обязательно следует описание культурного феномена. «...Невы державное течение, / береговой ее гранит...»; «...задумчивых ночей / Прозрачный сумрак, блеск безлунный...» — «...в комнате моей / Пишу, читаю без лампады...»; «...зимы твоей жестокой / Недвижный воздух и мороз, / Бег санок вдоль Невы широкой...», инверсия: «...светла Адмиралтейская игла, / И, не пуская тьму ночную...»

Всякая культура включает в себя и культуру общения. У Катулла: «От гостей гудели двери...»; у Пушкина: «...И блеск, и шум, и говор балов, / А в час пирушки холостой...»

О культе Кибелы поэт мог знать не только от Катулла. Овидий в «Фастах» (IV, 179–372), Лукреций в поэме «О природе вещей» (II, 600–643) подробно описывают торжества, связанные с почитанием богини. Существенным элементом таких торжеств было участие вооруженных воинов, в экстазе наносивших себе удары оружием:

*Вооруженный отряд, которому греки Куретов
Имя фригийских дают, играя оружием острым,
Тут же пускается в пляс, опьяненный пролитую кровью,
Страшно при этом трясся косматыми гребнями шлемов...*

Тит Лукреций. О природе вещей (пер. Ф.А. Петровского)

⁷² Не забудем, — есть и «проклятый», «свинский» Петербург «пасквилей и доносов» (письмо к Н.Н. Пушкиной, около 29.05.1834), есть

*Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид...*

(1828 г.)

Высказывания «дух неволи» и «стройный вид» находятся между собой в том же отношении, что и «бедный» и «пышный», т.е. каждая из этих строк в некоторой степени оксюморон.

Сравним с пушкинским:

*Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю...
Сиянье шапок этих медных...*

В описании Петербурга можно уловить и некоторую переключку с книгой Жозефа де Местра «Петербургские вечера», где автор описывает вид на город с Невы в белую ночь.

Де Местр, один из реакционнейших публицистов того времени, апологет абсолютизма и государства, не только утверждает право властителей на насилие по отношению к своим подданным — «глядишь на него (памятник Петру) и не знаешь — его бронзовая длань защищает или угрожает?», но и восхищается войной, как божественным, даже не произволением, а скорее произволом. Он объявляет войну «божественным искупительным жертвоприношением». «...Пролитая кровь питает землю непрестанно, как роса, и на грандиозном жертвеннике, именуемом землею, нет и не будет конца закланиям». (См.: Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1972, с. 203–206).

Земля, впитывающая кровь, как росу, ассоциируется скорее с Кибелой, чем с землей Христа или Коперника. Неглубоко спрятанному у де Местра за внешним католицизмом языческому преклонению перед насилием и силой Пушкин противопоставил свое понимание гармонии.

Есть в «Медном всаднике» и львы:

*...С поднятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном верхом...*

Сидел Евгений во время наводнения⁷³. Мраморный лев не враждебен человеку, наоборот, он спасает его от стихии наводнения, но не может защитить от остервеневшего кумира: кумиры — тоже продукт культуры.

Воспевание Пушкиным военного парада («потешного» Марса, за которым, однако, водились отнюдь не потешные подавления Польши, завоевание Кавказа) — тому пример.

⁷³ У Катулла Кибела распрягает львов и «подстрекает **левого**», Пушкин не указал, на каком льве спасался Евгений, но его иллюстраторы усаживают героя, как правило, на **правом** льва. «Для большинства мифологий характерно использование признака “левый” в значении отрицательном, а “правый” — в значении положительном» (МНМ).

Может быть, говоря об «алчном грехе», поэт имел в виду и грех идолопоклонства, которого, что отрицать, он и сам не был чужд.

Во всяком случае, читая пушкинский «Памятник», мы не вспомним ни «Клеветникам России», ни даже «Полтавы». Учитывая и черновой вариант, мы видим: «Звуки новые для песен»; «чувства добрые»; «свободу»; «милосердие».

В этом пространстве ни для культа силы, ни для державности места не остается.

При анализе черновиков я пользовался изданием «А.С. Пушкин «Медный всадник». Л., 1978 («Литературные памятники»), там же приводятся подстрочные переводы стихов А. Мицкевича и (в ст. Измайлова) некоторые петербургские легенды.

Конец 1998 г.

Сюжетная квинтэссенция прозы («Повести Белкина»)

Высказывание: «Самозванец — царевич» — ложно.

Высказывание: «Самозванец (сказал): “Царевич я!”» — истинно, ибо Отрепьев действительно называл себя царевичем.

(Из популярной брошюры по семиотике)

В названии статьи я использовал выражение Ю.М. Лотмана: «Пушкин собрал в “Повестях Белкина” как бы сюжетную квинтэссенцию прозы карамзинского периода...» Только ли карамзинского? Из дальнейшего анализа, надеюсь, станет ясно, почему я выбрал именно такое название для своего исследования.

9 декабря 1830 г. Пушкин пишет Плетневу: «...(весьма секретное, для тебя единого). Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется — и которые напечатаем также Анониме. Под моим именем нельзя будет, ибо Булгарин заругает».

Они вышли в октябре 1831 года под заголовком: «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П.». Маловероятно, что Пушкин действительно испугался Булгарина. В действительности, это был литературный прием, некая мистификация. Обратим внимание, что в предисловии, опять-таки не от имени издателя, а от имени неназванного помещика из села Ненарадово, сообщается о том, что повести «...как сказывал

Иван Петрович, большею частию справедливы и слышаны им от разных особ». Издатель подтверждает в примечании: «В самом деле, в рукописи г. Белкина над каждой повестью рукою автора надписано: слышано мною от такой-то особы».

Итак, Пушкин выстраивает ряд: — «такие-то особы» — г. Белкин — издатель А.П. (Александр Пушкин? Антоний Погорельский? Еще кто-нибудь? Читатель может только гадать) — сам Пушкин.

Предположим, что Пушкину мы готовы верить беспрекословно. Но между ним и читателем три инстанции. Соответственно, и «Повести», мне кажется, рассчитаны на четыре категории читателей.

Первая категория — это те, кто, безусловно, верит особам, помеченным инициалами; вторая — те, кто догадывается, что повести эти сочинены самим Белкиным; третий круг читателей понимает, что «Повести» написаны «издателем» А.П. (*вероятнее всего, Пушкиным*). Наконец, есть еще более узкий круг, который точно знает, кто автор повестей. Соответственно, первые могли поверить, что описанные происшествия действительно имели место; вторые, принимая литературное происхождение повестей, считали, что так могло быть («Повести Белкина» читаются легко, ибо они не заставляют думать». «Северная пчела» 27 августа 1834 г.); третьи видели в «Повестях» пародию или даже сатиру на псевдоромантизм. Почему так бурно реагировал на них Баратынский, я и пытаюсь понять.

Сегодняшний читатель знает истинного автора, со второго издания, 1834 г., стало известно и то, что издателем тоже был Пушкин. Поверим ненарадовскому помещику, что Белкин действительно обладал «недостатком воображения», что «является своего рода гарантией точности записей слышанных им рассказов» (Благой). Сам Белкин в таком случае относился к первой категории читателей, т.е. искренне верил всему услышанному. Нам, следовательно, остается проанализировать самый верхний уровень.

Для начала обратим внимание на одно, чисто формальное единство повестей, — в каждой из них как бы ниоткуда появляется и неизвестно куда исчезает некий персонаж, вмешивающийся в течение обыденной жизни и играющий решающую роль в повествовании.

Анализ начнем с эпиграфа, предшествующего всей публикации.

«Г-жа Простакова: То, мой батюшка, он еще сызмала к историям охотник. Скотинин: Митрофан по мне». «Недоросль». (*Здесь и далее в цитатах выделено мной. — В.Р.*). (Отметим, что все остальные эпиграфы даны с фамилией автора, но без указания произведения, откуда эпиграф взят; исключение составляет второй эпиграф к «Выстрелу», в котором названо произведение без имени автора).

Кто, кстати, расставлял эпитафии? Для читателей двух первых уровней этот вопрос значения не имел. Поскольку Белкин умер осенью 1828 г., а первый эпитаф к «Выстрелу» взят из поэмы, вышедшей в конце декабря того же года, можно заключить, что это делал либо издатель, либо сам Пушкин. Уровень читателей «Издателя» — «Митрофан дурак и повести дурацкие, как и положено для пародии». Уровень Пушкина — «Каков контекст эпитафа? — Правдин (Митрофану): А далеко ли вы в истории? — Митрофан: Далеко ль? Какова история. В иной залетишь за тридевять земель за тридесято царство». В письмах к Плетневу из Царского Села в августе 1831 г. Пушкин неизменно называет свои повести «сказками». (Ср. Белинский: «...Они не художественные создания, а просто сказки, и побасенки...»). В таком случае Белкин выступает в качестве некоего Кириши Данилова, собирателя фольклора. Мы привыкли, что «volk» (*в пер. с нем. — народ. — В.Р.*) — это только низшие слои общества, на самом же деле народ — это совокупность различных социальных слоев, а народное творчество — совокупность субкультур. Недаром Пушкин выписывает для «любопытных изыскателей» чин или звание каждого рассказчика.

«Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок».

«Повести» были написаны в следующем порядке: «Гробовщик», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка», «Выстрел», «Метель». В сохранившемся списке «Гробовщик» тоже был на первом месте. Потом при публикации Пушкин передвинул на первое место две последние повести. Анализ «Гробовщика», возможно, поможет нам все это объяснить. Начнем с эпитафа, взятого из оды Державина «Водопад»: **«Не зрим ли каждый день гробов, / Седин дряхлеющей вселенной?»** Эти слова у Державина произносит некий состарившийся воин, сравнивая быстротечность воды с бегом времени.

*...Ослабли силы, буря вдруг
Копье из рук моих схватила;
Хотя и бодр еще мой дух,
Судьба побед меня лишила.*

После чего воин засыпает и во сне видит себя во главе войска, ведущего победоносные бои. Во сне же он узнает о смерти другого «вождя» — Потемкина, и видит его отлетевшую тень. Проснувшись, воин предается размышлениям о нетленности славы, украшенной пользой и милосердием.

В языке XIX века, в том числе и у Пушкина, слова «сон» (сновидение) и «мечта» (фантазия) были почти синонимами. Повесть Пушкина, по сути, является сниженным изложением державинской оды. Поскольку Адриан Прохоров «обыкновенно был угрюм и задумчив», а думал он только о том, как бы запросить за свои произведения преувеличенную цену, да еще о том, чтобы к его дочерям ухажеры не жаловали, то и приснилась ему умершая купчиха, наследников которой ему удалось надуть, да еще то ли воры, то ли ухажеры, крадущиеся в его дом. Последние оказались мертвецами, которых Адриан с пьяных глаз решил пригласить в гости.

Рассказ достаточно прост, ибо «особе», рассказавшему Белкину эту повесть, приказчику Б.В., не было смысла привносить в нее свои домыслы. Поэтому-то и писался он в первую очередь. Для усложнения понимания «сборника» повесть «Гробовщик» Пушкин передвинул в центр. Этим достигалась и другая цель — таинственность событий шла по нарастающей.

Повесть «Выстрел» была поведена Белкину подполковником И.Л.П. Главным ее героем является некий Сильвио. Он «...принадлежал нашему (*офицерскому*. — В.Р.) обществу, не будучи военным... Какая-то таинственность окружала его судьбу; он казался русским, а носил иностранное имя... Искусство (*стрельбы*. — В.Р.), коего он достиг, было неимоверно... нам и в голову не приходило подозревать в нем что-нибудь похожее на робость». «Есть люди, коих одна наружность удаляет таковые подозрения». Однако, когда пьяный офицер швырнул в Сильвио медным шандалом, тот его на дуэль не вызвал, а через некоторое время и вообще покинул местечко, сославшись на полученное им письмо.

Перед отъездом (а не сразу же при получении) Сильвио показал И.Л.П. это самое письмо и рассказал таинственную историю, чтобы объяснить, почему недавно он отказался от поединка: шесть лет назад он вызвал на дуэль одного офицера. Тот стрелял первым и промахнулся, а затем, стоя под пистолетом Сильвио, спокойно ел черешни. Сильвио стрелять отказался, оставив за собой выстрел, и вот теперь, узнав, что его недруг женат и счастлив, Сильвио едет к нему продолжить дуэль.

Эпизод с черешнями автобиографичен. В Кишиневе некто Зубов вызвал Пушкина на дуэль. «...Пушкин явился с черешнями и завтракал ими, пока тот стрелял. Зубов стрелял первый и не попал... Вместо того, чтобы требовать выстрела, Зубов бросился с объятиями. “Это

лишнее”, — заметил ему Пушкин и, не стреляя, удалился» (Из воспоминаний К.К. Данзаса). Как видим, Зубов оказался человеком робким. А Сильвио?

Должны ли мы верить впечатлениям подполковника Б. и его друзей или Сильвио был просто трусом и хорошим актером?

«Выстрел» первоначально кончался первой главой, после которой Пушкин написал: «Окончание потеряно» и оставил читателя в недоумении на этот счет.

Через два дня он продолжил «Выстрел». Для лучшего понимания опять обратимся к эпиграфам. Первый из них представляет строку из поэмы «Бал» Баратынского. Главная героиня ее, княгиня Нина, влюбляется в Арсения и предлагает ему даже бежать в чужую страну. Чтобы отвязаться от страстной любовницы, Арсений рассказывает ей историю своей первой роковой любви:

*Росли мы вместе. Как мила
Малютка Оленька была.*

...

*«Скажи, — шептал я иногда, —
Скажи, любим ли я тобою?»
И слышал сладостное да.
В счастливый дом, себе на горе,
Тогда я друга ввел...
Обворожил он Ольгу вскоре.*

...

*Вскипела ссора между нами:
Стрелялись мы. В крови упав,
Навек я думал мир оставить;
С одра восстал я телом здоров,
Но сердцем болен. Что прибавить?*

Можно было бы поверить в искренность рассказа Арсения, если бы не явный его плагиат. Он пересказывает судьбу Ленского, не убитого, а только раненного на дуэли, не потрудившись даже сочинить собственную версию (соответствующие главы «Онегина» вышли за полгода до «Бала»).

Вторым эпиграфом к «Выстрелу» Пушкин хотел взять строку из «Онегина», где и дуэль, и смерть не вымышленные (возможно, чтобы уравновесить слишком явную подсказку), но в последний момент заменил ее на цитату из Бестужева-Марлинского («Вечер на бивуаке»). Офицеры рассказывают друг другу «анекдоты», истории, якобы случившиеся

с рассказчиками. Первого сразу же ловят на плагиате: «А не из печатного ли это?» — «Да хоть бы и из печатного». Второй рассказывает только о том, что ему мечталось: совершить подвиг, вернуться с войны покрытым ранами и славой и с повышением в чине, потом получить большое наследство от троюродного дяди и со всем тем броситься к ногам Александрины.

Наступает очередь третьего. Он повествует о своей давней любви к княжне Софье, дуэли с оскорбителем возлюбленной, тяжелой ране: «...пуля вылетела насквозь в соседстве легких; антонов огонь грозил сжечь сердце...» — (не верится что-то). После выздоровления он узнает «о помолвке княжны и его соперника» (первоначально дуэль была с оскорбителем), наконец о низости этого соперника, проигравшего подаренный ему Софьей медальон в карты другу рассказчика. — **«Я поклялся застрелить его по праву дуэли — (за ним оставался еще мой выстрел)»**. Ответная дуэль, однако, не состоялась, в бою он не был убит, т.к. пуля ударилась в тот самый медальон. Рассказчик показывает его слушателям. «Пусть мне тупым кремнем отпилят голову, если я вижу тут что-нибудь!» — вскричал Ольский (*один из офицеров. — В.Р.*) — Вся эмаль разбита вдребезги». Рассказчик парирует: «Провидение... сохранило меня от смерти... пуля сплоснулась на портрете Софии, но не пощадила его».

Итак, оба эпиграфа взяты из произведений, где дуэль не только не состоялась, но, скорее всего, была вымышлена.

В первой главе Сильвио объяснял причину ссоры своей завистью к Б. (молодому человеку богатой и знатной фамилии): «Вообразите себе молодость, ум, красоту, веселость самую бешеную, храбрость самую беспечную, громкое имя, деньги, которым не знал он счета...» Но это может расцениваться как выдумка, оправдывавшая трусость Сильвио.

В том варианте, который был предъявлен читателю, вопрос решен по-иному. Дописывая вторую главу «Выстрела», Пушкин, возможно, вспомнил и о Сильване, римском божестве рабов и бедняков. «Противостоя богам официального пантеона, он как бы воплощал протест народа и рабов против морали и культуры высших классов» (МНМ. Т. 2. М., 1982). «Чернь земных богов», «отброс всех элементов» — так его характеризует Сервий, чьи комментарии долгое время служили основой для изучения творчества Вергилия. Мне не удалось установить, был ли точно Пушкин знаком с этим малозначительным персонажем римской мифологии.

В любом случае значение имени «Сильвио» (*лат., фр. — «лесной»*) есть антитеза понятию «культурный».

Одновременно с работой над «Выстрелом» Пушкин писал трагедию «Моцарт и Сальери», главной темой которой тоже является зависть. В.С. Непомятый по этому поводу пишет, что поступок Сальери есть «бунт против неба», ибо Моцарту гениальность досталась от Бога. «Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет — и выше», — это произносит Сальери, едва появившись на сцене.

Одинокий подполковник И.Л.П., владелец бедной деревеньки, не очень образованный (кроме как о пистолетах и поговорить ему не о чем), начинающий спиваться, попадает в богатое поместье, принадлежащее графине Б. «Лакей ввел меня в графский кабинет, а сам пошел обо мне доложить. Обширный кабинет был убран со всевозможной роскошью; около стен стояли шкафы с книгами, и над каждым бронзовый бюст; над мраморным камином было широкое зеркало; пол обит был зеленым сукном и устлан коврами... Вдруг вошла графиня, и смущение овладело мною пуще прежнего. В самом деле, она была красавица». И еще мозолит глаза вид швейцарского пейзажа, обыденного для хозяев и недоступного рассказчику.

Сальери бросил вызов небу; И.Л.П. позвал на помощь дьявола: «Мрачная бледность, сверкающие глаза и густой дым, выходящий из рту, придавали ему вид настоящего дьявола», — это Сильвио из первой главы. Но если раньше мы могли расценить все это не более как позерство, то во второй главе это нечто другое. И подполковник представляет себе страх этого холеного красавца, ужас его молодой жены. Они оба унижены, в том числе и «великодушием» Сильвио. «Если бы Бога не было, его надо было бы выдумать», — сказал в XVIII веке Вольтер. Если Бог несправедлив, выдумаем Дьявола. «Ад — это другой», — скажет в XX веке Сартр.

Придумав Сильвио, подполковник И.Л.П. пытается, насколько возможно, исправить вселенскую несправедливость.

«Метели» предпослан эпиграф из баллады Жуковского «Светлана» (обработка бродячего сюжета «жених-мертвец»): **«Кони мчатся по буграм, / Топчут снег глубокий... / Вот, в сторонке божий храм / Виден одинокий. / ... Вдруг метелица кругом; / Снег валит клоками; / Черный вран, свистя крылом, / Вьется над саями; / Вещий стон гласит печаль! / Кони торопливы / Чутко смотрят в темну даль, / Воздымая гривы...»**

Но все страхи оказываются только сном. «...Шумным бьет крылом петух, / День, встречая пенем...» — и появляется живой и здоровый

жених. Мораль следует за рассказом: «Лучший друг нам в жизни сей / Вера в провиденье. / Благ зиждителя закон: / Здесь несчастье — лживый сон; / Счастье — пробужденье».

Богатая невеста Марья Гавриловна и бедный прапорщик Владимир любят друг друга. «...Родители его любезной, заметя их взаимную склонность, запретили дочери о нем и думать...» Любовники решили обвенчаться тайно.

В повести Маша тоже видит сон: «То казалось ей, что в самую минуту, когда она садилась в сани, чтоб ехать венчаться, отец ее останавливал ее, с мучительной быстротою тащил ее по снегу и бросал в темное, бездонное подземелие... и она летела стремглав с неизъяснимым замиранием сердца, то видела она Владимира, лежащего на траве, бледного, окровавленного. Он, умирая, молил ее пронзительным голосом поспешить с ней обвенчаться...»

Ночью была метель, и Машу по ошибке обвенчали неизвестно с кем, возникшим из бурана и ушедшим в неизвестность. Когда заблудившийся в метели Владимир подъехал к церкви, она была заперта. «Погода утихла, тучи расходились... Пели петухи, и было уже светло...» Наваждение кончилось.

Прапорщик был убит под Бородиным (лежал окровавленный на траве), а она после окончания войны вышла замуж за богатого помещика Бурмина, оказавшегося тем самым неизвестным, которого в метель все спутали с Владимиром, или выдавшего себя за него (поскольку на венчании присутствовали горничная Маши, священник, отставной корнет, уса́тый землемер, маленький улан и Терешка, слуга Владимира, — про случившийся «афронт» было кому рассказать).

Как будто для того, чтобы исключить у читателя такое предположение, Пушкин заставляет Марью Гавриловну перебраться в другое, ***ское поместье. И в этом случае Бурмин мог узнать историю венчания, при подобных переездах захватывали с собой некоторых дворовых, да и мать героини, вероятнее всего, еще на старом месте узнала про неудачное венчание. Но дело вовсе не в этом.

В «Капитанской дочке» из такого же бурана (в описаниях есть дословные совпадения) появится еще один самозванец — Пугачев. А ранее из слепящего вихря вынырнул Гришка Отрепьев, которого венчали на царство не в захудалой сельской церквушке. И коль скоро венчание есть мистическое таинство, числиться бы Гришке в списке московских царей, а не быть изрубленным в лапшу, проволоченным по улицам и пеплом из пушки выстеленным.

Марья Гавриловна и Бурмин, думаю, об этом знали, а уж Александр Сергеевич — наверняка. В «Истории государства Российского» (Т. 11, гл. IV) Карамзин так описывает въезд самозванца в Москву 20 июня 1605 г.: «...Когда Лжедмитрий через Живой мост и ворота Москворецкие выехал на площадь, сделался страшный вихрь: всадники едва могли усидеть на конях; пыль взвилась столбом и заслепила им глаза...» Слепящий глаза вихрь и в «Метели», и в «Капитанской дочке» — стихия, из которой возникает самозванец.

В конце концов, Марья Гавриловна, связанная брачными узами с неизвестным, тем не менее, провоцирует Бурмина на признание, да и он недолго сопротивляется. (Если говорить о формальной стороне дела, то Маша могла быть обвенчана только с Владимиром и давно числилась вдовой, ведь лишь его могли вписать в церковную книгу (или не сделать никакой записи), Бурмин оказывался вовсе ни при чем. В худшем случае для каждого из них, не случись такого счастливого совпадения, все ограничилось бы епитимией).

Впрочем, никакого афронта и не было. Романтичная К.И.Т. просто задним числом исправила историю. Послушалась Маша родителей, погрузила о погибшем женихе и вышла замуж вполне респектабельно.

«Благ зиждителя закон: / Здесь несчастье — лживый сон; / Счастье — пробужденье». Считал ли так Пушкин? Месяцем раньше он написал стихотворение «Бесы» В черновике под заглавием им приписано слово «шутка» — не имел ли он в виду уже тогда тему «Метели»? Вероятнее всего, его сочувствие было на стороне бедного прапорщика.

Эпиграф «Барышни-крестьянки» взят из «Душеньки» Ф. Богдановича. Поэма эта — сказка Апулея «Амур и Психея», переложенная на русский лад. Психея живет во дворце у Амура (Богданович называет его раем), где развлекается, красуясь в разных одеяниях, что и комментируется автором строкой, взятой Пушкиным в качестве эпиграфа: **«Во всех ты, Душенька, нарядах хороша»**. Затем Душенька, как это и полагается в сказке, нарушает некий запрет, и ее возлюбленный исчезает. Чтобы воссоединиться с ним, Душеньке приходится пройти тяжелые испытания.

Алексей Берестов появляется в отчет именин, вызывая любопытство местных барышень. Он «...был добрый и пылкий малый и имел сердце чистое...». Время в деревне проводит, занимаясь охотой, целуясь с хорошенькими поселянками, с которыми он уже «привык не церемониться», словом, живет, как в раю. В одну из «поселянок», Акулину, он даже

влюбляется настолько, что ему приходит в голову «романтическая мысль жениться на крестьянке и жить своими трудами...». Кто такая Акулина, не совсем ясно. С одной стороны, описание реальной Акулины уж очень напоминает описание Дульсинеи Тобосской, какой ее видит Санчо Панса; с другой — она дочь кузнеца (кузнец может якшаться с нечистой силой, и дочь его запросто могла приворожить парня).

Кто выбрал для девушки имя — «Акулина»? (Акулиною звали некую москвичку, в адрес которой Алексей Берестов отправлял письма для А.Н.Р., список с этого адреса ходил по рукам среди местных барышень). Сама Лиза, считавшая себя в образе крестьянской девушки только посредницей между Алексеем и дочерью барина Муромского? (Вспомним, однако, что родители молодых были в ссоре и о легальном знакомстве Алексея и Лизы не могло быть и речи). Или Пушкин, заранее знавший, чем кончится это приключение? Отец сватает младшего Берестова за соседскую барышню. «Алексей знал, что если отец заберет что себе в голову, то уж того, по выражению Тараса Скотинина, у него и гвоздем не вышибешь; но Алексей был в батюшку, и его столь же трудно было переспорить». (Это утверждает, очевидно, К.И.Т.). А мы знаем, что он «...намеревался вступить в военную службу, но отец на то не соглашался... и молодой Алексей стал жить покамест барином, отпустив усы на всякий случай». Женильба его на Акулине ли, или на Лизе, безусловно, ставила крест на военной службе, но Алексей почему-то об этом не думал. «Что же ты, Алеша, давно про военную службу не поговариваешь?» — спрашивает его отец и слышит в ответ: «...Я вижу, что вам неуютно, чтоб я шел в гусары; мой долг вам повиноваться».

При первой встрече молодого Берестова с Бетси-Лизой она выглядит именно такой, какой ревнивая Афродита хочет видеть Душеньку:

*...Сделай Душеньку постылою навек,
И столь худою,
И столь дурною,
Чтоб каждый от нее чуждался человек...*

Но старший Берестов угрожает сыну лишить его наследства. Что делаешь? Прав отец — «стерпится, слюбится», а прежняя Дульсинея превращается в грубую, некрасивую девку. Чары рассеиваются.

«Метель» и «Барышня-крестьянка» были рассказаны Белкину одной и той же особой — девицею К.И.Т. Повести эти симметричны. В первой из них богатая Мария Гавриловна любит бедного прапорщика; во второй — молодой богатый Берестов влюбляется в крестьянку. В конце концов, браки устраиваются без нарушения сословных правил и интересов.

«Станционный смотритель» — самая пронзительная повесть цикла. Эту ее особенность оценили и Белинский, и Чернышевский, и Достоевский, и еще, и еще. Словом, все, кто когда-либо высказывался по поводу «Повестей Белкина».

«Поведал» ее автору титулярный советник А.Г.Н. Чудится, будто под этими инициалами скрылся сам Александр Сергеевич Пушкин, (*который. — Ред.*) был в чине коллежского секретаря, чиновником того же 9-го класса (правда, рангом ниже), что и рассказчик, когда в 1820 году он, высланный на юг, проезжал по тому же Смоленскому шоссе в том же мае месяце. В черновиках «Смотрителя» Пушкин зачеркивает нечаянно появившийся 1820 год и ставит 1816-й (Порудоминский В.И., Эйдельман Н.Я. 1974). Эпиграф к этой повести взят из стихотворения Вяземского «Станция». Стихотворение начинается с описания почтовой станции, полной тараканов, слишком молодого кваса и слишком старого хлеба, коими принужден довольствоваться застрявший путник. Автор упоминает и смотрителя — **«губернский (у Пушкина «коллежский») регистратор, почтовой станции диктатор»** оказывается довольно жалкой фигурой.

Затем Вяземский вспоминает почтовые станции в Польше, где и прекрасная кухня, и свежие газеты и журналы, где

*...и езда веселье,
И остановка не в наклад:
Иной бы и зажитья рад,
Как попадет на новоселье;
Затем, что пара бойких глаз,
Искусных в проволочке польской
...
Так заведет дорогой скользкой,
Так закружит в нем дурь и хмель,
Что шуткой с первого присеста
Она его, не тронув с места,
Промчит за тридевять земель.*

От описания почтовой станции Вяземский переходит к впечатлению от самой Польши:

*Здесь блещет знаменьем утешным
И мнений и одежд успех;
Чин с чином, с знатью скромный цех
Сравнялись равенством безгрешным...* (Выделено мной. — В.Р.)

Пушкин (т.е. А.Г.Н.) начинает свое повествование с того же, что и Вяземский, — с рассуждения о жалком положении зрителей. «Кто не проклинал станционных зрителей... (*между тем. — В.Р.*) ...зрители... люди мирные, от природы услужливые, склонные к обществу, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые. Из их разговоров... можно почерпнуть много любопытного и поучительного... Я предпочитаю их беседу речам какого-нибудь чиновника 6-го класса...»

«Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие зрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина. Столь же долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом... Ныне то и другое кажется мне в порядке вещей. В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: *чин чина почитай*, ввелось в употребление другое, например, *ум ума почитай?*» (*Курсивом выделено Пушкиным. — В.Р.*)

В 1816 г. рассказчик впервые появляется на почтовой станции возле деревни Н. (может быть, А.Г.Н. в 1816 г., как и Пушкин в 1820-м, был еще коллежским секретарем). Он знакомится со зрителем Самсоном Выриным и его дочерью Дуней, девочкой лет четырнадцати. Упоминает рассказчик и о картинках, «украшавших его смиренную, но опрятную обитель. Они изображали историю блудного сына» (содержание евангельской притчи пересказывается по этим картинкам). Года через четыре А.Г.Н. снова попадает на ту же станцию. Он узнает постаревшего Вырина, который не помнит своего давнего знакомого. Спрошенный о Дуне «старик нахмурился. “А Бог ее знает”, — отвечал он». На втором стакане пунша старик разговорился (всего «вытянул он пять стаканов в продолжение своего повествования»).

Самсон рассказал о том, как на станции появился некий гусар Минский. Узнав, что лошадей нет, «путешественник возвысил было голос и нагайку», но появление Дуни успокоило его гнев. Притворившись больным, он задержался на станции и, улучив момент, увез с собой Дуню. (Сравним с описанием Вяземского: «Она его, не тронув с места, / Промчит за тридевять земель». Там, она — его, здесь, он — ее, и совсем не метафорически, как в «Станции»).

Вырин заболел, а по выздоровлении отправился пешком в Питер. Там он нашел Минского, который, сунув ему несколько пятирублевых и десятирублевых ассигнаций (сумма для Вырина немалая), «...отворил дверь, и зритель, сам не помня как, очутился на улице». Увидел Вырин и свою дочь: «В комнате, прекрасно убранной, Минский сидел

в задумчивости. Дуня, одетая со всей роскошью моды, сидела на ручке его кресел... Она с нежностью смотрела на Минского, наматывая черные его кудри на свои сверкающие пальцы». Однако поговорить с дочерью Вырину не удалось — Минский «сильной рукою, схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу».

На другой день после окончания повести Пушкин вставил новый эпизод — сцену, в которой прохожий подбирает брошенные Выриным ассигнации. Для чего? Для того, чтобы у Вырина не осталось никаких доказательств пребывания в Петербурге. Ибо он там и не был.

Захмелевший Вырин рассказывал случайному путнику не то, что было, а то, во что старику хотелось поверить: дочь его счастлива и богата, даже пальцы у нее «сверкающие» (эпитет явно не пушкинский).

Имена «Вырин» и «Минский» (производные от топонимов), как и их носители, оказываются в оппозиции. Выра — маленькая деревушка; Минск после второго раздела Польши в 1793 г., вошедший в состав России, в апреле того же года стал центром новой Минской губернии. К моменту описываемых событий он имел около 20 тысяч жителей. Минск, конечно, главное Выры, но не настолько, чтобы гусарский ротмистр Минский мог содержать для своей возлюбленной целый этаж в особняке на Литейном и был так известен в столице, чтобы прибывшему издалека обывателю было легко «вскоре узнать, где он живет».

Суффикс «-ский» указывает на польское происхождение фамилии, а суффикс «-ин» сближает Вырина с Пушкиным. Минский, утратив польское представление о «безгрешном равенстве чинов», но сохранив «шляхетский гонор», не приобрел того, что было и у Вырина, и у Пушкина — «склонности к общежитию», культуру уважения к человеку. Фамилия Минский встречается у Пушкина и в написанных в 1828 г. набросках «Гости съезжались на дачу» (есть предположение, что в 1830 г. Пушкин пытался вернуться к этому произведению). В «Гостях» Минский охарактеризован так: «В первой молодости Минский порочным своим поведением заслужил также порицание света, который наказал его клеветою», затем «...явился он вновь на сцену общества и принес ему уже не пылкость неосторожной своей юности, но снисходительность и благопристойность эгоизма». Одноименные герои в различных произведениях Пушкина, как правило, связаны некоторыми ассоциациями, если не характерами (ср. имена «Евгений», тот же «Белкин»).

Не случайно автор в самом начале обращает наше внимание на евангельский лубок. На одной из картинок юноша («заблудшая овечка») отправляется в путь. На другой — он сидит за столом, окруженный

ложными друзьями и развратными женщинами («Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкой»). Действительно, на следующей картинке промотавшийся юноша пасет свиней и разделяет с ними трапезу. Наконец, представлено возвращение его к отцу.

Вырину мы, очевидно, верить не можем. А Пушкину (или почти Пушкину — титулярному советнику А.Г.Н.)? Ведь еще через несколько лет он снова приехал в деревню Н. и узнал, что «станция, над которой он (*Вырин. — В.Р.*) начальствовал, уже уничтожена», а сам смотритель «с год как помер». На кладбище рассказчика провожал «...оборванный мальчик, *рыжий* и *кривой*» (*курсив мой. — В.Р.*) и на вопрос — вспоминают ли старика проезжие — ответил: «Вот летом проезжала барыня...» — «Какая барыня?»... — «Прекрасная барыня... ехала она в карете в шесть лошадей (*это по заброшенной дороге? — В.Р.*), с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с черной москвою...». А.Г.Н. «...дал мальчишке пятак и не жалел уже ни о поездке, ни о семи рублях...»

В. Даль (ТС) приводит поговорки: «С рыжим дружбу не води...», «Рыжий да красный, человек опасный», «Рыжих и во святых нет». «Маргинальные признаки всегда присущи потустороннему миру» (Неклюдов С.Ю., 1979). Слово «кривой» («лукавый») противопоставлено словам «прямой», «правильный», «правдивый». Знал ли все это рассказчик? Наверное, догадывался.

Я не думаю, что Пушкин специально подсовывал читателям некий ребус. Ему тоже, несмотря ни на что, хотелось верить в счастливый исход, а художественное чутье все-таки подсказывало именно такой образ мальчишки-рассказчика.

Через месяц после окончания «Смотрителя» Пушкин напишет:

*Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.*

В сохранившихся планах «Метели» и «Станционного смотрителя» нет даже намек ни на бесовское венчание, ни на счастливую жизнь Дуни. Создается впечатление, что Пушкин для себя набрасывал некую жизненную ситуацию, чтобы потом украсить ее соответствующими ей «чудесами».

Некогда служил в гусарах Сильвио, мечтал о гусарстве Алексей Бестов. Реальность (гусарский ротмистр) оказалась вычурнее юношеской мечты и страшнее дьявольского фантома.

Белкин жил и умер холостым тридцати лет от роду в обедневшем селе Горюхино. Рядом находилось богатое село Ненарадово, управляемое рачительным и несколько скептическим хозяином. Обратим внимание на оппозицию: «Ненарадово — Горюхино».

Хотел ли Иван Петрович поменять свою судьбу, поменять Горюхино на Ненарадово. Может быть, и хотел, но не мог. И тогда он сделался «сочинителем», чтобы утешиться самому, и утешать других. Ближе всего подошла к пониманию «Повестей Белкина» Анна Андреевна Ахматова: «Созданные в дни горчайших размышлений и колебаний, “Повести Белкина” представляют собой удивительный психологический памятник. Автор словно подсказывает судьбе, как спасти его, поясняя, что нет безвыходных положений, и пусть будет счастье, когда его не может быть, вот как у него самого...»

Литература

1. Ахматова А.А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1990, с. 140–141.
2. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 1. М.–Л., 1953–1959, с. 271.
3. Благой Д.Б. Мастерство Пушкина. М., 1955, с. 255.
4. Липранди И.П. Воспоминания // Русский архив. 1886, № 8–9, с. 1160.
5. Неклюдов С.Ю. О кривом обороте (К исследованию мифологической семантики фольклорного мотива) // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979.
6. Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. М., 1987, с. 415.
7. Болдинская осень. Сост. Н.В. Колосова, сопроводительный текст В.И. Породоминского и Н.Я. Эйдельмана, предисл. и науч. редактирование Т. Г. Цявловской. М., 1974, с. 101.

Сокращения:

МНМ — Мифы народов мира, энциклопедия.

ТС — Толковый словарь В.И. Даля.

06.04.1998

Преданья старины глубокой («Капитанская дочка»)

О том, что повесть Пушкина «Капитанская дочка» построена по сказочному принципу, говорилось давно. Еще В.Б. Шкловский в 1927 г. рассматривал Пугачева как «помощного разбойника» (Шкловский В.Б.,

с. 343). И.П. Смирнов писал, что «архетипом одного из классов романа является волшебная сказка», в качестве примера он рассматривал и «Капитанскую дочку» (Смирнов И.П., с. 289).

Мне захотелось подробно проанализировать названную повесть именно с этой точки зрения. («Капитанская дочка», если быть точным, является контаминацией двух типов волшебной сказки: один из них можно несколько условно назвать «Молодильные яблоки», другой — «Финист ясный сокол»).

Волшебная сказка восходит к архаичному обряду инициации — переходу человека от статуса ребенка к статусу полноправного члена общества. Пушкин говорит об этом в первой же главе устами отца главного героя: «Петруша в Петербург не поедет. Чему научиться он, служа в Петербурге? Мотать да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает порошу, да будет солдат, а не шаматон». Прощаясь с сыном, отец дает ему наставления, главное из которых вынесено в эпиграф всей повести: «Береги... честь смолоду» (398)⁷⁴.

В это время шла война с Турцией; произошел раздел Польши, но конфедераты еще сопротивлялись; готовилась война со Швецией. Андрей Петрович предпочел отправить сына под покровительство своего старого друга в Оренбургскую губернию. Правда, за год до того там было «возмущение», но «все было уже тихо или казалось таковым; начальство слишком легко поверило мнимому раскаянию лукавых мятежников...» (447). Очень скоро Петруша был произведен в офицеры, служба его не тяготила, так как «в богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни учений, ни караулов» (425).

Андрей Петрович и не мог себе представить, в какую «тьму» он отправляет сына, чтобы избавить его от соблазнов петербургского «света».

Помощники

Отправляясь в «тридесатое царство», герой обычно получает или обретает помощников. «Чудесные помощники» в сказках выполняют функции архаических духов — проводников душ в подземном мире, куда, согласно смыслу обряда, отправлялись юные участники инициации (Андреев Ю.В., с. 88).

Первый помощник появляется у героя, еще когда тот «был на двенадцатом году». Это француз **Бопре**. «...В отечестве своем был парикмахером,

⁷⁴ Все ссылки на «Капитанскую дочку» (Пушкин А.С. ПСС в 10 т. Т. 4. М., 1964) даются без указания тома, только указание номера страницы в этом томе.

потом в Пруссии солдатом». Француз был выпивоха и большой охотник до женского пола (394). На первый взгляд, он ровня фонвизинскому Вральману. Но, вспомним, — Гринев беседует со Швабриным по-французски (420), берет у него французские книги («...стал читать, и во мне пробудилась охота к литературе») (425). Наконец, monsieur Бопре дал Петруше «несколько уроков в фехтовании» (435), без которых дуэль со Швабриным кончилась бы смертью героя.

Савельич — само его имя зачастую воспринимается как синоним слова «раб». Но если взглянуть внимательнее в отношения между Гриневым и его дядькой, мы увидим нечто другое. С пятилетнего возраста Петруша был отдан на руки стремянного Савельича (393). Савельич, у которого, судя по всему, не было семьи, воспринимает Петрушу как ребенка, а не как барина. Он укоряет своего воспитанника за ночную пьянку — «Мне стало стыдно. Я отвернулся и сказал ему: “Пойди вон, Савельич”» — это говорит не барин слуге, а невоспитанный недоросль взрослому. После заявления Гринева: «Я твой господин, а ты мой слуга...» — «Савельич так был поражен моими словами, что сплеснул руками и остоленел» (402).

И.П. Смирнов отмечает его «неуместное пособничество (медвежья услуга)». Это не совсем так. Савельич — волшебный помощник, и любое его действие в конечном итоге приводит к желательному результату, хотя в первый момент оно кажется бессмысленным.

Приведем примеры.

На постоялом дворе Гринев дарит вожатому заячий тулупчик. Савельич возражает, между ними происходит спор, за которым с интересом наблюдает вожатый. Через несколько недель Гринева освобождают из-под виселицы. «Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачева». На следующий день Пугачев говорит Гриневу: «...А покачался бы на перекладине, если бы не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча» (475).

Савельич во время дуэли окликает Гринева, и тот получает ранение, чем оказывается спасен от убийства Швабрина (435).

Предъявив реестр разграбленного барского имущества, куда вписан и заячий тулупчик, Савельич, сам того не ожидая, побуждает Пугачева к ответному дару. Тот жалует Гриневу «лошадь и шубу с своего плеча (к седлу привязан был овчинный тулуп)» (483).

Если указанных ранее помощников Гринев получает от своего отца (Савельич не только помощник, но и «заместитель» отца), то помощь казачьего урядника Максимыча (приставшего к мятежникам), который с риском для жизни доставил Гриневу письмо от Маши (491), он «зарabatывает» сам.

Маша Миронова тоже имеет помощников — крепостная «девка Палашка», жена смотрителя почтового двора в Царском Селе (535).

Вредители

Швабрин. «Противник в суде, в споре или на войне... обвинитель, наущник, подстрекатель» (так поясняет словарь МНМ евр. слово «сатана»; греч. слово «дьявол» переводится как «клеветник»). Швабрин клеветает постоянно: обвиняет комендантку «в непозволительной связи» (424), Машу — в глупости и корыстолюбии (421, 427), посылает ложный донос на Гринева его родителям (422), клеветает на него Пугачеву (465), лжет на суде (531). Швабрин, которого отвергла Маша, несмотря на это, почти до конца повести является соперником Петруши.

«...Увидел я высокого *барина* лет тридцати пяти...» (*здесь и далее курсив мой. — В.Р.*) — так характеризует Гринева **Зурина**. В Симбирске тот оказался случайно «при приеме рекрут». Барин этот напаивает и бессовестно обыгрывает Петрушу на большие деньги (Петруша вдвое моложе Зурина), за что Савельич именует того «разбойником» (403), так он именует еще только пугачевцев. Как разбойник с большой дороги, Зурин пытается изнасиловать Машу, правда, приняв ее за «кумушку Пугачева» (520). Он же арестовывает Гринева. «Маленькая неприятность», — произносит Зурин при этом (526).

Антагонистами Гринева оказываются и **судьи**. Это «пожилой генерал, виду строгого и холодного, и молодой *гвардейский* капитан» (528). Гринева отказывается от дальнейших показаний. «Почувствовал непреодолимое отвращение» перед тем, что «комиссия потребует ее (*Машу. — В.Р.*) к ответу».

Брат за брата не ответчик

«...Неофиты в обрядах инициации... не имеют статуса, имущества, знаков отличия, секулярной одежды, указывающей на их место или роль, положение в системе родства...» (Тернер В., с. 169). «Неузнавание есть неперменная черта, неперменное условие возвращения героя из леса». (Пропп В.Я., с. 225). «Неофит» Гринева оказывается лишенным имущества, социальный статус его крайне неопределен. Пугачевцы то собираются его повесить, то принимают за «государева кума» (519).

Не может понять «кто он есть» и генерал, под командой которого Гринева служил (530).

В сказках вредителями (ложными героями) очень часто выступают братья героя истинного. «...Царевна похищена у героя старшими братьями, а настоящий герой был ими сброшен в пропасть» (Пропп В.Я., с. 383). Анализируя природу вредителя, Пропп замечает: «Нам кажется, что этот образ есть своего рода «козел отпущения»... Его функция — взять на себя гибель, наказание, убийство, которые первоначально назначались самому царю» (Пропп В.Я., с. 415). В контексте рассуждений о «Капитанской дочке» последние слова звучат, безусловно, гиперболически. Но стоит обратить внимание на то, что «помощниками» Гринева (и Маши) являются исключительно простолюдины, а «вредителями» — дворяне (его *«братья по сословию»*), и окажется, что «наказание», предназначенное если не всему этому сословию, то значительной его части, достаточно справедливо.

«Помощник... не должен относиться к родне посвящаемого: он избирается кем-нибудь из пришедших (на торжество) племен, в которое мальчик... вступит через брак» (Пропп В.Я., с. 198). Через брак Гринев породнился с семейством Мироновых. Его глава, «вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой» (424), несомненно, принадлежал к другому «племени», нежели Гринев. Пушкин в «Замечаниях о бунте» приравнивает «выслужившихся из солдат офицеров» к «черному народу» (Т. 8, с. 363).

Герой в тридесатом царстве

Гринев отправляется в дорогу совсем юным. В своих записках он вспоминает: «Я... вел себя как мальчишка, вырвавшийся на волю». «...Я хотел вырваться на волю и доказать, что уж я не ребенок» (400, 403).

Взрослеть он начинает после встречи с вожатым.

«Вдруг я увидел что-то черное... Ямщик стал всматриваться, — «...воз не воз, дерево не дерево, а, кажется, что шевелится. Должно быть, или волк, или человек» (407). *«Волк или человек?»* — этот вопрос волновал не только героя повести, задавал его себе и Пушкин, волнует он и читателя «Капитанской дочки».

В кибитке после встречи с вожатым Петруше приснился страшный и, как оказалось, вещий сон. Вещие сны играли большую роль в архаическом сознании и, соответственно, в волшебных сказках. Обычно завязкой являются некие чудеса, приснившиеся царю, на поиски которых он и отправляет героя. Наиболее близкой к сюжету «Капитанской дочки»

является сказка «Вещий сон» (Афанасьев А.Н., 240). В сказке герой видит вещий сон. Пользуясь эдакой «экстрасенсорной» информацией, он становится помощником царевича, добывает ему невесту.

Гринев на старости лет пишет: «Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни» (408). Однако, в отличие от сказочного героя, знания, полученные во сне, он никак не использует. Начнем с того, что, глядя на вожатого, Гринев не узнает в нем свое сонное видение. (И в Пугачеве он угадает только вожатого).

Пугачев в повести выступает отнюдь не в виде «помощного разбойника», как считал Шкловский. По отношению к Гриневу его роль гораздо значительнее. Пугачев – главная фигура инициационного обряда. «...Обряды инициации, состоящие в имитации смерти и воскресения, по существу, сводились к обмену жизненной энергией (или душой) между человеком и его тотемом» (Фрезер Дж., с. 646). Тотем, представленный в виде зооморфного чудовища (предка иницируемого юноши), играет «...в этой церемонии двойственную роль злобного демона смерти и благостного покровителя и опекуна молодежи, которая, пройдя через его утробу, сначала как бы погибает, но затем рождается для новой жизни» (Андреев Ю.В., с. 64).

«Жизнь моя сделалась мне несносна», – вспоминает Гринев свое состояние после получения отцовского письма. «Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал. Я боялся или сойти с ума, или удариться в распутство. Неожиданные происшествия, *имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение*» (*курсив мой.* – В.Р.) (445). Сразу же после этих слов начинается новая глава – «Пугачевщина».

Как и положено иницируемому, Гринев налагает на себя некоторые запреты. (См.: Фрезер Дж., гл. XXII). Так, обращаясь к Пугачеву, он никогда не называет его по имени, на суде и вплоть до освобождения он не называет и имени своей невесты. Эти архаичные табу в повести имеют рациональные объяснения. Ведь и Пугачев нигде не называет себя своим настоящим именем. Всякий, кто осмеливается его произнести, оказывается обречен на смерть. Но за рациональным объяснением стоит иное «табу», данное на прощанье отцом героя – «береги честь», поэтому и не может Гринев назвать Пугачева его амбициозным псевдонимом. То же касается и упоминания имени Марии Ивановны – Гринев не мог отдать ее в руки «вредителей», хотя они и представляли власть, которой он присягал.

«Тридесатое царство» в сказке — это царство мертвых. «Есть материалы свидетельствующие, что посвящаемым показывали мертвые, изрубленные тела, что... он (*посвящаемый*. — В.Р.) проползал под ними или шагал через них» (Пропп В.Я., с 186). (Из сна Петруши: «Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мертвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах...») (409).

«По-видимому, на мир умерших перенесены отношения мира живых с обратным знаком» (Пропп В.Я., с. 159). На первый взгляд, «пугачевское царство» — это обычный мир, вывернутый наизнанку. «Нас привели прямо к избе... “Вот и дворец”, — сказал один из мужиков» (498), пугачевские приближенные именуются «енералами» (502), сам он носит имя мертвого Петра III. Но обращенность эта только кажущаяся. На требование Пугачева — дать обещание не служить против него, Гринев отвечает отказом: «Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих» (477). Пугачев соглашается с ним, признавая тем самым общность законов, управляющих, казалось бы, столь разными мирами. Другой пример: «Мы проходили через селения, разоренные бунтовщиками, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что успели они спасти» (524).

Неча на зеркало пенять...

Если же от сказочной архаики обратиться к исторической реальности, то сходство между «этим» и «тем» царствами станет еще больше.

Пугачев, конечно, не Петр III, а самозванец. Но и мужеубийца Екатерина не могла быть законной царицей.

Пугачев требует присягать себе под страхом виселицы (465). Вспоминается Апокалипсис: «И дано ему было... чтоб убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя» (Откр. 13:15).

Но вот запись из семейных преданий А.С. Пушкина: «Полк, взволнованный двумя офицерами (дедом моим Л.А. Пушкиным и кем-то еще)», не захотел присягать Екатерине. «Дед мой посажен был в крепость, где и сидел два года» (Т. 8, с. 97). Николай I с теми, кто отказался присягать ему, обошелся гораздо строже (память о 14 декабря 1825 г., в то время, когда писалась «Капитанская дочка», была еще достаточно свежа).

Присяга, однако, вовсе не гарантирует верности приближенных. Это понимает и Пугачев: «Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче

они свою шею выкупят моею головою» (507)⁷⁵.

«Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкою» — очень вольный, но более хлесткий пушкинский перевод рассуждения г-жи де Сталь (Т. 8, с. 131). Этот афоризм справедлив для любого деспотического правления.

«Звучит парадоксально, но лидер... сам — раб коллектива... Царьки древнейших обществ... были не личностями, а манекенами, исполнявшими волю обычая и приближенных. Авторитет не может вечно удерживаться на исходном психологическом механизме внушения» (Поршнев Б.Ф., с. 147). В конце концов, у власти остаются только лидеры, опирающиеся не столько на социально-психологический авторитет, сколько на силу.

Если выйти за пределы анализируемой повести, обратившись к «Истории Пугачева», «Замечаниям о бунте», «Заметкам по русской истории XVIII века», можно в еще большей степени получить представление о подобии «того» и «этого» царств.

В заключение раздела напомним одну из пушкинских песен о Стеньке Разине, написанную в 1826 г. и запрещенную цензурой (Т. 2, с. 333).

*Ходил Стенька Разин
В Астрахань-город
Торговать товаром.
Стал воевода
Требовать подарков.
Поднес Стенька Разин
Камки хрущатые,
Камки хрущатые —
Парчи золотые.
Стал воевода
Требовать шубы.*

⁷⁵ Пугачевское высказывание: «улица моя тесна», приводится и в пушкинской «Истории Пугачева» (Т. 8, с. 186). Там же говорится: «Не терпя постороннего влияния на царя, ими созданного, они не допускали самозванца иметь иных любимцев... Молодая Харламова имела несчастье привязать к себе самозванца... Она встревожила подозрения ревнивых злодеев, и Пугачев, уступив их требованию, предал им свою наложницу».

В «Замечаниях о бунте», переданных Николаю I вместе с «Историей...», Пушкин к упоминанию о кн. Голицыне делает примечание: «Императрица заметила его... и сказала: "Как он хорош! Настоящая куколка". Это слово его погубило. Шепелев... вызвал Голицына на поединок и заколол его, сказывают, изменнически. Молва обвиняла Потемкина ...» (Т. 8, с. 361).

...
«Отдашь, так спасибо;
Не отдашь — повешу...»

Заячий тулупчик

Еще не зная, кем окажется его вожатый, при первой встрече с Пугачевым очень по-человечески Петруша задает ему вопрос: «Что, брат, прозяб?», потом предлагает ему чай, а после отказа, угощает вином. Откуда у дворянского недоросля такое естественное чувство человеческого равенства — нам остается только гадать. Утром он хочет наградить нового знакомого полтиною, но деньги по уговору находились в ведении Савельича.

«Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий тулуп» (412). Аргументация чисто христианская: «...У кого две одежды, тот дай неимущему; и у кого есть пища, делай то же» (Лк. 3:11).

Прощаясь с Пугачевым, Гринев говорит: «...Бог видит, что жизнью моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести» (513).

Савельич почти на всем протяжении повести, помяная тот самый заячий тулупчик, ведет себя не по-евангельски: «Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего *твое не требуй назад*» (Лк. 6:30).

А Пугачев? Прощаясь, вожатый обращается к Гриневу: «Награди вас господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей».

Вообще, литературная история этого тулупчика весьма занятна. В протоколе допроса Шванвича М.А. сказано: «Он, Емелька, зажалился по нем (Шванвиче) и, видя, что на нем надет кафтан худ, дал ему шубу и шапку» (*).

В записях самого Пушкина рассказывается, о некоем пасторе реформатского исповедания, который «во время казанского пожара... был приведен к Пугачеву; самозванец узнал его; некогда, ходя в цепях по городским улицам, Пугачев получал от него милостыню. Бедный пастырь ожидал смерти. Пугачев принял его ласково...» (Т. 8, с. 252).

Отсюда видно, что и реальный Пугачев был не чужд чувства благодарности. Но, на мой взгляд, это чувство было скорее языческим, чем христианским.

«В основе обмена дарами лежала уверенность в том, что вместе с даримым имуществом переходит некая частица сущности дарителя и получающий дар вступает в тесную связь с ним... В ответ на дар

могущественного человека платили верной службой или хвалебной песней. Подарок... если он оставался неоплаченным, мог быть чреват большой опасностью для его получателя. Магическая зависимость от такого человека грозила утратой личной целостности и свободы, могла привести к деградации и даже к гибели получателя дара» (Гуревич А.Я., с. 235–236).

Получая заячий тулупчик, Пугачев произносит: «Его благородие мне жалует шубу со своего плеча» (с. 413). Покидая разоренную Белогорскую крепость, Гринев слышит: «Отец наш вам жалует лошадь и шубу со своего плеча» (483). Когда при очередной встрече Гринев благодарит Пугачева за лошадь и тулуп, тот отвечает: «*Долг платежом красен*» (с. 503). Немного погодя Пугачев снова возвращается к этой же теме: «...Старик (*Белобородов*. — В.Р.) и сегодня настаивал на том, что ты шпион и что надобно тебя пытать и повесить; но я не согласился... помня твой стакан вина и заячий тулуп» (506).

Маша, разговаривая с императрицей, как и Гринев, апеллирует к евангельским ценностям: «Я приехала просить милости, а не правосудия» (ср. «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф 5:7)).

И слышит ответ: «...Я в долгу перед дочерью капитана Миронова...» (540).

Дважды слово «*долг*» употребляет и сам Гринев. В Белогорской крепости, захваченной пугачевцами, он рассуждает: «Долг требовал, чтобы я явился туда, где служба моя могла еще быть полезна отечеству.. Но любовь сильно советовала мне оставаться при Марье Ивановне и быть ей защитником и покровителем» (471). В результате Гринев решает «...отправиться в Оренбург, дабы торопить освобождение Белогорской крепости и по возможности тому содействовать» (482). Второй раз, уже при встрече с Зуриным: «...Долг чести требовал моего присутствия в войске императрицы» (521). Гринев отправляет Машу к своим родителям и решает остаться в отряде, чему помешал его арест. В обеих ситуациях Гринев размышляет, по существу, о долге перед самим собой.

Ю.М. Лотман выявил две достаточно архаичные социокультурные модели — «договор» и «вручение себя во власть». (Не буду вдаваться в приводимое им обоснование генезиса этих моделей, с которым я не согласен). Сами же модели хорошо отражают действительность. Договор накладывает некие обязательства на обе стороны. Вручение себя имеет характер безусловного дара (Лотман Ю.М., с. 371 и след.)

Русской культуре свойственно отношение «вручение себя». Вручить себя можно Богу, государству, революции. Но всякий дар предполагает некоторую магическую связь между дарителем и получателем и, следовательно, некое вознаграждение — прижизненное (благополучием, снисходительностью) или посмертное (раем, славой, благополучием потомков). В русской литературе те, кто никому себя не вручил, назывались «лишними людьми» и оказывались опасными для окружающих (Алеко, Печорин, и т.п.).

Мы знаем, что организовать экспедицию в Белогорскую крепость Гриневу не удалось. И тогда он принимает решение — отправиться туда самому. В черновом варианте XI главы он добровольно является к Пугачеву с просьбой о помощи (730). Вероятнее всего, что Пушкин отказался от этого варианта из цензурных соображений. Но в любом случае герой сознательно покидает свой пост ради невесты. (Поэтому-то Маша просит «милости, а не правосудия»).

Гринев вручил себя любимой женщине. Ради нее он пренебрег даже служебным долгом. Такого героя в русской литературе не было ни до, ни после Пушкина.

Литература

1. Андреев Ю.В. Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990.
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
4. МНМ — Мифы народов мира в 2 т. М., 1980—1982.
5. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в 3 т. / Подготовка текста, предисловие и примечания В.Я. Проппа. М., 1957—1958.
6. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966.
7. Пропп В.Я. Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.
8. Пугачевщина в 3 т. М.-Л., 1931. Т. 3.
9. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. М., 1964.
10. Смирнов И.П. От сказки к роману // Труды отдела древнерусской литературы. Выпуск XXVII. Л., 1972.
11. Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983.
12. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. М., 1984.
13. Шкловский В.Б. Гамбургский счет. М., 1990.

Предыстория «Памятника»

Принимаясь за статью, я осознавал, что этому стихотворению А.С. Пушкина посвящена огромная литература. (Существует даже специальная работа: Алексеев М.П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: Проблемы его изучения. Л., 1967).

Я задался целью выяснить, как предшествовавшие русские переводы Оды (III. XXX) Горация соотносятся со стихотворением Пушкина.

До 1836 г. были опубликованы следующие варианты переводов этой оды:

1. М.В. Ломоносов. 1748 г.

2. Г.Р. Державин. 1798 г.

3. В.В. Капнист. 1805 г.

4. А.Х. Востоков. 1806 г.

5. С.А. Тучков. 1816 г.

...

А.С. Пушкин. 1836 г.

В бумагах Державина (ГПБ, Бумаги Державина, № 27, л. 51) сохранился другой перевод Капниста этой же оды Горация⁷⁶.

За исключением Державина и Пушкина, все остальные переводят ее, сохраняя все реалии античного поэта — топонимы, весталок, Капитолий и т.п. Местоимение «Я» в этих переводах означает именно Квинта Горация Флакка.

Первый, кто связал горациевскую тему с современностью, был А.Н. Радищев.

«Слово о Ломоносове» (1780 г.) начинается так: «Не **столп** (*Здесь и далее выделено мной. — В.Р.*), воздвигнутый над тлением твоим, сохранит память твою в дальнейшее потомство. Не камень со иссечением имени твоего пренесет славу твою в будущие столетия. Слово твое, живущее присно и вовеки в творениях твоих, слово российского племени, тобою в языке нашем обновленное, прелетит в устах народных за необозримый горизонт столетий. Пускай стихии, свирепствуя слаженно, разверзнут земную хлябь, и поглотят великолепный сей град, откуда громкое твое пение раздавалось во все концы обширных России; пускай яростный некий завоеватель истребит даже имя любезного твоего отечества: но доколе слово российское ударять будет слух, ты жив будешь и не умрешь»

⁷⁶ См.: <http://www.horatius.ru/>

Впоследствии Радищев включил это «Слово...» в свое «Путешествие из Петербурга в Москву».

Этот панегирик — явная парафраза ломоносовского же перевода. У Радищева же появляется слово «*столп*», впоследствии использованное Пушкиным.

Державин объединил в одном произведении и переложение, и собственный панегирик. Ода Горация служила для него лишь образцом.

Произведения Державина и Пушкина нельзя назвать переводами. Это даже не подражания, а скорее реминисценции горациевского текста.

И у Державина, и у Пушкина «Я» означает самого автора. Оба они строят текст так, что все реалии принадлежат их современности. Правда, Державин еще поминает: «Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный, / Металлов тверже он и выше пирамид...», но дальше он полностью отходит от горациевского текста.

Пирамиды у Горация служили символом (эталон) высоты и вечности. У него к слову «пирамиды» есть определение — «царственные» (согласно академическим переводам А.П. Семенова-Тянь-Шанского и М.Л. Гаспарова).

У анализируемых мной авторов только в трех случаях к слову «пирамиды» дается определение.

У Державина никакого определения нет.

В опубликованном тексте нет его и у Капниста, в **неопубликованном** варианте перевод тридцатой оды Горация начинался так: «Се памятник воздвигнут мною / Превыше **царских** пирамид...»

(В.В. Капнист был безусловным противником крепостничества («Ода к рабству») и бюрократического произвола (комедия «Ябеда»). Сыновья В.В. Капниста стали декабристами. С одним из сыновей Капниста — Алексеем Пушкин был хорошо знаком (См.: Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1976). Возможно, он читал и неопубликованный вариант перевода).

У Востокова:

*Крепче меди себе создал я памятник;
Взял над **царскими** верх он пирамидами...*

(А.Х. Востоков с 1801 г. был членом общества Любителей российской словесности. В этом же обществе состояли сыновья Радищева и Кюхельбекер.

В ранний период своей деятельности (1801–1807) общество являлось центром передовой демократической мысли в России начала века. В нем преобладали свободолюбивые настроения, отрицательное отношение

к деспотизму и крепостническому строю. Немалое влияние на общество оказали идеи Радищева, хотя участники его не поднимались до радищевской постановки вопроса о революции. Позднее Востоков был хорошо знаком с Пушкиным. (См.: Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. Л., 1976).

У Тучкова: «...Превыше **Нильских пирамид...**», вероятно, заимствовано у В.Г Рубана.

(С.А. Тучков – «брат» Пушкина по масонской ложе «Овидий». В декабре 1821 г. они встречались в Измаиле. Беседа длилась несколько часов. Пушкин жалел о краткости встречи: «У него все классики и выписки из них» (Липранди И.П. Из дневника и воспоминаний / Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1974, с. 317)).

Очевидно, что «поминание всеу» царя считалось опасным. Через 20 лет после пушкинского «Памятника» (и через год после смерти Николая I) будет опубликован перевод Фета «К Мельпомене»:

*Воздвиг я памятник вечнее меди прочной
И зданий **царственных** превыше пирамид...*

(Отечественные записки. 1856, № 6).

После Фета определение «царственных» (не «царских») станет обычным.

Теперь сосредоточимся на пушкинском «Памятнике». Стихотворению, известному всем под этим названием, его дал Жуковский при подготовке к печати. У Пушкина названия не было вообще. Был только эпиграф – первая строка оды Горация: «Создал памятник я». Таким образом, Пушкин уравнивал себя с Горацием.

Для удобства дальнейшего анализа я привожу пушкинское стихотворение целиком.

Exegi monumentum

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.*

*Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит –
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,*

*И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.*

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.*

*Велению божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.*

Слово «нерукотворный» различные пушкинисты объясняли по-разному. М.П. Алексеев приводит несколько интерпретаций, одна из них принадлежит Р. Якобсону. Тот объяснил это слово заимствованием из стихотворной подписи Рубана к фальконетовскому Медному Всаднику, в которой оно применяется к гранитной скале — постаменту:

*Колосс Родосский, свой смири прегордый вид,
И, Нильских здания высоких пирамид,
Престаньте более считаться чудесами:
Вы смертных бренными содеяны руками.
Нерукотворная здесь росская гора,
Вняв гласу Божию из уст Екатерины,
Прешла во град Петров, чрез Невские пучины
И пала под стопы Великого Петра.*

«...Объяснение это, конечно, правильное» (Алексеев М.П., Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: Проблемы его изучения. Л., 1967, с. 57).

Действительно, в примечаниях к «Медному всаднику» Пушкин упоминал Рубана. К тому же колосс Родосский и Нильские пирамиды вызывают ассоциации с горадиевской одой. И все-таки...

«Нерукотворная» у Рубана значит «необработанная».

Во всех текстах, начиная с Горация, памятник характеризуется как сугубо материальный объект: «Крепче меди», «металлов тверже», «дождь не смоем его, вихрем не сломится». В таком контексте и определение — «выше пирамид», представляется пространственно-геометрическим.

У Пушкина «нерукотворный» значит **не материальный**. Здесь скорее напрашивается ассоциация со Спасом Нерукотворным, который продолжал свое существование, несмотря на утрату его первоначального материального носителя.

Как в русских допушкинских, так и в академических переводах о посмертной судьбе автора говорится: «Так! — весь я не умру, но **часть меня большая**, / От тлена убежав, по смерти станет жить...», «Нет, не весь я умру, **лучшая часть меня** / Избежит похорон». Пушкин: «...**душа** в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит».

Слово «душа» означает совершенно иное, нежели «часть моя», даже и «лучшая часть». Синонимом «души» у Пушкина является «муза».

Муза, у Горация — Мельпомена, у некоторых переводчиков — безымянная муза, — это некая реальность, существующая независимо от поэта. У Державина (и у Пушкина) муза — нечто вроде римского гения, «духа — хранителя человека, формирующего его характер и сопутствующего ему всю жизнь» (Мифологический словарь. Минск, 1989).

Гораций своей заслугой считал обогащение латинского стиха эолийским ладом. За это, по его мнению, Мельпомена и должна была увенчать его чело лавром. Почетный венок фигурирует во всех переводах этой оды.

Державин своей заслугой считает иное:

*... Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о Боге
И истину царям с улыбкой говорить.
О, муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой
Чело твоё зарей бессмертия венчай.*

Державин, в отличие от Горация, вовсе не просит музу наградить его. Напротив, он обращается к ней как к самому себе. Или к своей покровительнице Екатерине II? В первой публикации его стихотворение носило название «К Музе. Подражание Горацию» (см.: Сочинения Державина. Ч. 1. М., 1798, с. 398), и лишь позже стало появляться под названием «Памятник».

Венок у него вообще не упоминается.

(Державин, который к этому времени уже имел на литературном поприще достаточные заслуги, мог не ограничивать свои притязания на памятник «чудесный, вечный» тем, «что он первым «...дерзнул в забавном русском слоге / О добродетелях Фелицы возгласить...»

В 1783 г. он опубликовал свою оду «Фелица», за что был награжден и приглашен ко двору. Начинаясь эта ода так: «Богородица царевна...»

Фелица (Фелицитас) (лат. «счастье») – римская богиня, олицетворение успеха и счастья, сближалась с Фортунной (Мифологический словарь. Минск, 1989).

В «Записках» Державин замечает, что императрица не раз заводила с ним речь о стихах «и неоднократно, так сказать, прашивала его, чтоб он писал в роде оды Фелице» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона). За «Фелицей» последовала в 1783 г. «Благодарность Фелице», затем «К Музе».

Очевидно, просить у «богоподобной Фелицы» в награду всего-навсего венок было не практично – она могла понять просьбу буквально).

Пушкин вообще «уговаривает» свою музу не требовать венца. Почему? Понял это М.Ю. Лермонтов: «И прежний сняв венок – они венеч терновый, / Увитый лаврами, надели на него: / **Но иглы тайные сурово / Язвили славное чело...**»

Никакая власть не может создать истинную славу; наоборот, властная похвала дискредитирует поэта. Начинается «Памятник»: «...К нему не зарастет **народная** тропа...»

Пушкин утверждает:

*И долго буду тем любезен я **народу**,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу,
И милость к падшим призывал.*

Первоначально эта строфа читалась по-иному:

*...Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед **Радищеву** восславил я Свободу
И милосердие воспел.*

«Радищева» Пушкин убрал по цензурным соображениям. (Но для нашей темы его упоминание знаково).

А по каким соображениям была устранена предыдущая строка, которая вполне соответствовала точке зрения Горация? Я думаю, потому, что Пушкин гражданскую позицию поставил выше поэтического таланта.

«Извечный» вопрос: почему «столп» Александрийский, а не Александровский, как того требует грамматика? «Патриоты» до сих пор настаивают на том, что Пушкин имел в виду то ли уже помянутый колосс Родосский, то ли александрийскую колонну в честь Помпея.

В XIX в. возноситься «главою непокорной» над любым из этих объектов было бы совершенно смешно.

На мой взгляд, прав исследователь (П.А. Черных), сказавший, что «Александрийский» – маскировка политического выпада против власти». Еще раньше М.П. Алексеев писал, что «употребив это прилагательное (“Александрийская”), вместо “Александровская”, поэт просто хотел замаскировать слишком откровенный характер своего утверждения». (Алексеев М.П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: Проблемы его изучения. Л., 1967, с. 62). Маскировка эта не удалась. После смерти Пушкина готовившему «Памятник» к печати Жуковскому пришлось заменить эпитет «Александрийский» на – «Наполеонов».

Символично и само слово «столп».

Еще Радищев в «Слове о Ломоносове» противопоставил **столп**, как нечто тленное, нетленному **Слову**.

В «Путешествии» «столп» упоминается неоднократно.

«Мне представилось, что я царь, шах, хан, король... нечто, сидящее во власти на престоле... Здесь меч лежал на **столпе**, из серебра изваянном... везде видно было верху имя мое, носимое Гением славы...

Тогда, восстав от места моего, возлагал я различные знаки почестей на предстоящих... По сем продолжал я мое слово: – Пойдем, **столпы** моя державы, опоры моя власти, пойдем усладиться по труде» (Радищев А.Н. «Путешествие из Петербурга в Москву». Глава «Спасская Полесь»).

(Это – про «стоящих у трона» (Лермонтов), «властную вертикаль» (на языке XXI века)).

В свое время Пушкину приписывалась такая эпиграмма:

*В России нет закона.
В России столб стоит,
К столбу закон прибит,
А на столбе корона.*

(Цит. по: Алексеев М.П., там же, с. 72)

Во всех приведенных здесь цитатах слово «столп» употребляется с негативным оттенком.

В главе «Новгород» радищевское высказывание: «Гордитесь, тщеславные созидатели градов, гордитесь, основатели государств; мечтайте, что слава имени вашего будет вечна; **столпите камень на камень до самых облаков...**» – вызывает и более сложные ассоциации, связанные с широко известным выражением – «Вавилонское столпотворение». (Быт. Гл. 11:1). «На всей земле был один язык и одно наречие... 3. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем... 4. И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес; **и сделаем себе**

имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли... 6. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать. 7. **Сойдем же, и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого».**

Экзегетический комментарий к стиху Быт. 11:4: «Воздвигая подобную колоссальную башню, строители ее хотели поставить памятник своему выдающемуся искусству и тем самым обессмертить себя в глазах всего потомства...» (Новая толковая Библия. Л., 1990, с. 307).

Этот комментарий, по-моему, непосредственно относится к нашей теме. Пушкин выражение «слава», «восславить», «прославить» по отношению к себе не употребляет, хотя оно есть и у Горация, и у Державина («...И слава возрастет моя, не увядая...») (Державин Г.Р. «Памятник»).

О себе Пушкин говорит: «славен буду я». Но это слово он употреблял не только в значении «знаменит», но и как «милый», «приятный». (См. «Словарь языка Пушкина»).

«Восславил» же он только свободу!

Вызывал ли Александрийский **столп** у Пушкина ассоциации с Вавилонским **столпотворением**? Думаю, что да.

В отличие от столпостроения, Поэзия не разъединяет, а объединяет людей:

*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.*

22.05.2008

3. МИФОЛОГИЯ

Эти статьи я показывал специалистам по мифологии достаточно высокого уровня. Восторга (очень мягко выражаясь) они не вызвали ни у кого.

С другой стороны, некоторые мои неискушенные друзья эти же статьи прочли с большим интересом. Поскольку данные опусы не идеологизированы, никакого вреда они причинить не могут.

14.08.2003

Гуси-лебеди

В залах музеев, где собраны коллекции античного искусства, можно увидеть скульптурные композиции — «Мальчик с гусем» (или с другой водоплавающей птицей). Искусствоведы обычно толкуют подобные сюжеты как чисто декоративные (Неверов О.Я. 1981, с. 81). Действительно, античная мифология не дает (вернее, почти не дает) возможности «привязать» такого рода изображения к какому-либо известному мифологическому образу или сюжету.

Сколь ни странным это покажется, но упомянутые скульптурные изображения могли бы служить иллюстрациями к некоторым русским народным сказкам. Я имею в виду, прежде всего, сказки двух типов:

Рис. 14. Бозф. Мальчик с гусем.
Пергам. II в. до н.э.

1. Гуси-лебеди. (Аф. 113).

2. Ивашка и ведьма. (Аф. 106—112).

(327F и 480A по указателю сюжетов восточнославянской сказки).

Интерес к этим сказкам возник у меня после того, как мой, тогда еще четырехлетний, сын задал мне вопрос: почему гуси-лебеди бывают «плохие» и «хорошие».

«Плохие» гуси-лебеди воруют ребенка и уносят его к Бабе Яге, «хорошие» — помогают мальчику убежать от Яги и вернуться домой. Я предположил, что обе сказки, повествующие о путешествии мальчика на гусях-лебедях (и «плохих», и «хороших»), являются обломками одного и того же мифологического сюжета, восходящего к образности древнеземледельческого мифа об исчезающем и возвращающемся боге (Мелетинский Е.М. 1971, с. 70.). Отталкиваясь от этого предположения, я и принялся за исследование этих сказок. Содержание их общеизвестно, но, поскольку при их анализе придется останавливаться на некоторых деталях, я их вкратце напомним.

«**Гуси-лебеди**». Девочка, заботам которой поручен братец, заигралась и мальчика унесли гуси-лебеди. Сестра отправляется на поиски. На пути ей попадаются печка, яблонька, молочная речка. Из-за привередливости девочки они отказываются помочь ей; дорогу указывает ежик. Девочка находит избушку Яги и видит своего братца, играющего золотыми яблочками. Схватив его, она убегает. Гуси-лебеди пускаются в погоню, но детям, которым теперь помогают и речка, и яблонька, и печка, удается благополучно вернуться домой.

«**Ивашка и ведьма**» (Лутоня). Сказка эта записана многократно и в большом количестве вариантов, главный ее герой носит различные имена. Обо всем этом речь пойдет особо. Пока я перескажу некоторый обобщенный вариант. У старика со старухой не было детей. Однажды зимой старик отправился в лес по дрова. Нарубив дров, старик прихватил с собой еще и лутушку — липовый чурбачок.

Дома он положил лутушку под печку (иногда на печку, и через какое-то время деревяшка превратилась в мальчика. (В некоторых вариантах старик специально отправляется за этим чурбачком, потом углем рисует на деревяшке личико, а старуха пеленает ее и укладывает в люльку). К лету мальчик подрос и отправился на озеро удить рыбу. Старик сделал для него челнок — белый (серебряный), с красными (золотыми) веслами, а старуха дала ему белую рубашку с красным пояском. Днем мальчик плавает по озеру, а вечером подплывает к бережку, чтобы отдать старухе

пойманную рыбу и переменить рубашечку и поясок⁷⁷.

Баба Яга подманивает его к берегу и уносит в свою избушку. Там она поручает своей дочке изжарить мальчика, но ему удается обмануть Ягишну, сунуть ее саму в печь, выбраться из избушки и забраться на дерево. Яга принимается грызть или рубить ствол⁷⁸. В последний момент героя сказки спасают гуси-лебеди. Пролетающая стая сбрасывает мальчику «по перышку», и он мастерит из них себе крылья (т.е. обращается в птицу), либо последняя птица подхватывает его. Как бы то ни было, герой благополучно возвращается к себе домой.

В русских вариантах сказки мне не удалось обнаружить сюжета, когда ребенка похищает Яга, превратив его в лебедя. Однако в литовском варианте пролетающая вместе с лебедями ведьма похищает его. Похищение определенным образом связано с купаньем в реке («Королева Лебедь». 1965, с. 121). В образе птиц покидают этот мир и заколдованные братья из сказки Андерсена «Дикие лебеди» (о ее фольклорных прототипах еще придется говорить).

В некоторых вариантах сказки мальчик отбирает или ворует у Яги золото и драгоценности (Никифоров А.И. 1961, с. 64), а в варианте «Терешенька-Мерешенька» (Устинов Н. 1896, с. 289) он ухитряется захватить с собой «овес, пшеницу и воду, всего по два корыта».

Прежде чем углубляться в исследование, необходимо убедиться, что в этих сказках есть нечто общее, кроме гусей-лебедей. В таком случае вероятность того, что обе сказки являются фрагментами одного сюжета, значительно возрастает.

1. Дорога и персонажи

Первое, что приходит на ум при размышлении о путешествии героя на птицах, — это сезонные путешествия Аполлона на колеснице, запряженной белоснежными лебедями. Поздней осенью он улетает в блаженную страну Гиперборею (сверхсевер), чтобы весной вернуться назад в Дельфы (Кун Н.А. 1957, с. 36). Почти у всех народов северного

⁷⁷ Украинская закличка при виде первых гусей: «Гуси, гуси, колесом, червонным поясом». (Ефименко П.С. 1884, с. 112). О роли пояса как оберега см.: Лебедева А.А. 1989, с. 229—248.

⁷⁸ Сказочные сюжеты о спасении птицой героя с дерева, которое грызет ведьма, записаны в Восточной Сибири и Южной Америке (Василевич Г.М. 1936, с. 42; Мифы индейцев... 1994, с. 70). Американская Яга — хозяйка рыбы, зубы ее находятся в половом органе, которым она и грызет дерево.

полушария «север» ассоциировался со смертью, поэтому Гиперборея — понятие не географическое, а мифологическое (осенью ни гуси, ни лебеди на север не летят).

Самое главное, что эти сказки объединяются не только путешествием на птицах. Дорога «туда» и дорога «обратно» в обеих сказках оказываются совершенно одинаковыми. В поисках пропавшего братца девочка встречает печку, яблоню, молочную реку. Почему посреди поля оказалась печка? В индийской сказке (Индийские... 1956, с. 22) героиню, решившую навестить своего отца, ожидают те же встречи: горящий костер, дерево, ручей. Думаю, что такое совпадение не случайно.

Со столбом дыма, по мировому (шаманскому) дереву и такой же фантастической реке — это обычный, почти для всех шаманских традиций, путь в «верхний» мир. На этом пути шаман мог использовать каждую из дорог, а мог пользоваться ими всеми поочередно. «Вдруг передо мною протянулся мост из дыма до самых небес. Я поехал по этой дороге» — пел ненецкий шаман (Басилов В.Н. 1984, с. 65). Около юрты, где происходило камлание, водружалось «дерево» — шест с перекладинами («облаками»). Считалось, что, когда шаман камлает, его душа по этому дереву поднимается в верхний мир, «...ибо во время его служения дерево растет и невидимым образом доходит до неба» (*) (Ксенофонтов Г.В. 1930, с. 105).

Особенно следует остановиться на образе молочной реки. Якутская мифология знает две фантастических реки: молочную, символ довольства и изобилия, и «нижнюю», хтоническую, текущую кровью, смолой и грязью (Там же, с. 113). В самых различных мифологических традициях Евразии молочная река является символом верхнего мира: о небесных реках, текущих медом и молоком, упоминается в книге Еноха и Коране (МНМ. Т. 1, с. 373, 476); в армянском эпосе «Давид Сасунский» (Давид Сасунский. 1939, с. 28, 274) говорится о молочном источнике, помещенном на вершине горы; пародию на кельтский «рай» можно узнать в шуточных балладах о стране Кокейн, где «каждая река полна парного молока» (Мортон А.Л. 1956, с. 272).

Не чужда этих представлений и русская мифология. С одной стороны, не случайно, что слова «кровь» и «руда» были синонимами (Даль В.И., ТС); с другой — пожар от молнии русское поверье предписывало заливать молоком от черной коровы (Даль В.И. 1957, с. 929), т.е. гасить небесный огонь небесной же водой. Наконец, как в этой связи не вспомнить название «Млечный путь», который, согласно античному мифу, образовался из пролитого молока богини Геры.

Следовательно, печь, яблоня, молочная река не помогли девочке во-все не потому, что она была привередницей (для мифа, в отличие от сказки, не характерна примитивная нравоучительность), а потому, что эта дорога ведет в верхний мир, братец же ее был унесен к Яге, в нижний. Правильную дорогу ей указал еж, живущий у корней деревьев, — «внизу». (В грузинском варианте одного из путешествий Синдбада герой, погребенный в склепе вместе с его умершей женой, выбирается оттуда по норе, прорытой гигантским ежом, приходившим пожирать трупы (Орбелиани. 1960, с. 103). На обратном пути от Яги, «наверх», дети могут использовать и печку, и яблоню, и молочную реку.

А теперь обратимся к сказке о «добрых» гусях-лебедях. Мальчика Ягишна пытается отправить в печь, он убегает и забирается на дерево, а затем, то ли превратившись в птицу, то ли верхом на ней, он возвращается в наш мир.

«Лебеди... были неотъемлемой частью шаманских обрядов, и считалось, что именно они несут душу шамана в нужном направлении» (Мазин А.И. 1984, с. 55). Алтайские шаманы пели о гусе: «Когда устанешь, пусть будет тебе конем. Когда соскучишься, пусть будет тебе товарищем, производящий вихри на горе Сумер, обмывающийся в Молочном озере» (Анохин А.В. 1924, с. 76).

У тюрков и угрофиннов Гусиной или Лебединой дорогой называется Млечный путь, эти же названия зафиксированы на Смоленщине и Во-лыни. Чувашская сказка объясняет появление и самого Пути, и его на-звания: во время осеннего перелета одна птица отстала и стая оставила в небе след из пушинок, чтобы отставшая могла найти дорогу (Никонов В.А. 1980, с. 250, 266). Этот сюжет интересен, тем более что и в рус-ских сказках мальчика подбирает отставший, «защипанный» гусенок.

Млечный путь ассоциировался с Гусиной Дорогой (во время весен-него перелета расположение Млечного Пути приблизительно совпадает с направлением птичьих стай) не только на Востоке. Древние греки по-местили на нем созвездие Лебедя. В результате годового вращения нашей планеты Лебедь проделывает круг над Землей, на широте Греции и не-сколько севернее зимние месяцы он «проводит» за горизонтом, а летом виден почти в зените. Весной, появившись из-за горизонта, Лебедь «ле-тит» на юг (направление «полета» хорошо видно по конфигурации со-звездия, ярчайшая его звезда и в античной, и в арабской традициях так и называлась «Хвост» — араб. «Денеб»). Во время летнего солнцестояния он поворачивает к западу, а затем на север, чтобы глубокой осенью опять исчезнуть за горизонтом (Рей Г. 1969, с. 68, 107).

Итак, как в сказке «Ивашка и ведьма», так и в сказке «Гуси-лебеди» мальчик возвращается к людям одной и той же дорогой.

Рис. 15. Летнее небо

Совпадает, насколько это можно установить, обращаясь к текстам сказок, и сезонный цикл путешествия героя. Зимой старик приносит из леса лутошку, через некоторое время деревяшка оборачивается мальчиком, летом он проводит время на озере, затем Яга его крадет. Встречают вернувшегося мальчика блинами (Масленица? Поминки?). Впрочем, здесь, очевидно, противоречия нет — круглый и горячий блин по принципу имитативной магии служил средством воскресения, возрождения солнца, на которое он похож; такую же роль он приобрел и в поминальном обряде. Некоторые другие косвенные признаки тоже указывают на весенний прилет гусей-лебедей: «защипанный» гусенок, а в некоторых вариантах и вся стая, остается жить с нашими героями. Наконец, явно весенний символ — отобранные у Яги «два корыта воды». В сказках типа «Гуси-лебеди» на яблоне — созревшие яблоки. В некоторых вариантах (Русские народные сказки о мачехе и падчерице. 1993, с. 44) сестра нарушает запрет «Не ходи купаться». Следовательно, речь идет тоже о позднем лете.

Теперь напомним персонажей обоих типов сказок:

а) Люди этого мира — дед и баба, родители мальчика.

б) Мальчик, похищаемый Ягой.

в) Гуси-лебеди.

г) Баба Яга.

д) Сестра мальчика или дочь Яги.

(Об этих персонажах я буду еще говорить подробнее, пока только отмечу, что в большинстве просмотренных мной вариантов они носят одинаковые имена — Марья или Аленка).

О родителях настоящих или приемных сказать можно очень немного — они никогда не появляются в ином мире. О других персонажах можно сказать гораздо больше.

Рис. 16. Наскальные рисунки.
Швеция

2. Лутощка, Терешечка, Чувиль-Филюшка, Игрушка

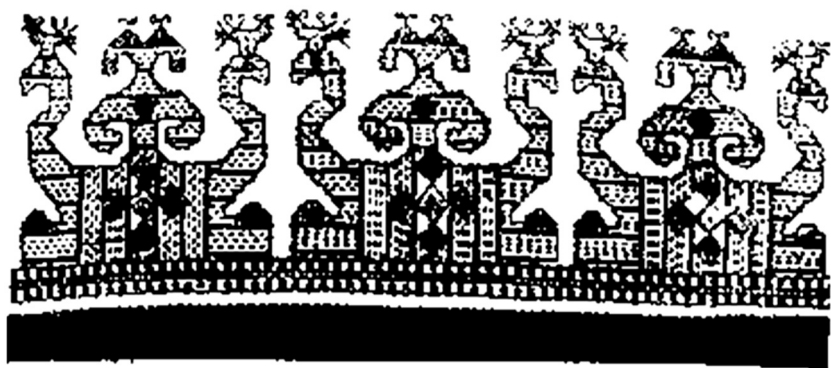

Рис. 17. Вышивка. Россия. XIX век

Мальчик плавает по озеру на челноке, движение которого подчинено солнечной периодичности: каждый вечер он подплывает к берегу,

чтобы отдать старухе рыбу и переменить рубашечку и поясок. Рубашка на нем белая, поясок красненький. Челнок тоже белый (серебряный), весла красные (золотые) (Аф. 109). Сам он рыжий (Вят., с. 115), «с белыми руками, с желтыми кудрями» (Устинов Н. 1896, с. 289). Все это — несомненные элементы солнечной символики, характерные для персонажей, связанных с плодородием. (О том, что он приносит в наш мир овес, пшеницу и воду, уже упоминалось).

Слово «лутошка» обозначает ободранную липку. У многих народов атрибутом аграрных праздников являлось ритуальное дерево, с которого предварительно снимали кору, в конце праздника такое дерево, как правило, сжигали (Календарные обычаи... 1977, 1978). Впрочем, в некоторых русских диалектах этим или однокоренными словами называют само дерево — липу (СРНГ).

Серебряный челнок с золотыми веслами может символизировать также гуся или лебедя. В русском народном орнаменте широко распространен мотив лебедеобразной лады, которая несет на себе деревце или антропоморфную фигуру (Маслова Г.С. 1978, с. 57). Возможно, поэтому носовую часть судна в старину называли «кичкой»⁷⁹ (ТС).

В русском языке есть глагол «кикать» («кыкать», «кичать») — жалобно кричать, прежде всего, по-лебединому (ТС), в фольклоре и говорах лебедь носит постоянный эпитет «кыкучий», словами «кычи-кычи» подзывали гусей (СРНГ), «кык» означало лебединый крик. Фасмер (ЭС) связывает это с греческим словом «кикн» — лебедь. Кроме слов «кикать» и «кичка», в русском языке есть слова «кичиться» («кичливый» — постоянный фольклорный эпитет лебедя), «кичига», «кикимора» и «кика» (о трех последних речь пойдет ниже).

Начало сказки о похождениях Лутошки удивительно напоминает известный почти всем народам Европы обряд сожжения «рождественского полена», которое у южных славян (Болгария, Сербия, Хорватия) именовалось Бадняком: перед Рождеством старший в доме мужчина отправляется в лес за поленом, преимущественно липовым (Бессонов П.А. 1871, с. 120). Бадняка встречали хлебом, оборачивали в белое полотно, торжественно устанавливали около очага. Его «кормили», от его имени пели обрядовые песни. В них говорилось о смерти старого Бога и приходе нового — Божича. Затем его клали на очаг и сжигали, сожжение

⁷⁹ В Наварре еще в конце XIX века на день летнего солнцестояния воздвигали сложную композицию, смысл которой был уже забыт: посреди площади ставили дерево с человеческой фигурой на нем, на ветвях развешивали кочаны капусты, под деревом ставили лодку (Календарные... 1978, с. 49).

это гарантировало семье здоровье, урожай, приплод скота. Обряд этот, связанный с магией плодородия, был приурочен к зимнему солнцестоянию, после которого продолжительность дня начинает увеличиваться. Он символизировал умирание «старого» солнца и рождение «нового» (Календарные обычаи... 1973, с. 271).

Лутошка связан с гусями-лебедями не только фабулой данной сказки — Даль приводит пословицу: «Гол, как лутошка, бос, как гусь» (ТС) и загадку: «В избу вороном, из избы лебедем». — Лутошка (Даль В.И. 1957, с. 542). В Пензенской области лутошкой называли цеп (СРНГ); примитивный цеп в виде выгнутой палки с плоским концом в различных областях России назывался кичигой. Выставленные в экспозиции санкт-петербургского Музея этнографии кичиги действительно напоминают водоплавающих птиц с длинными шеями.

«Лутошливый» — не по годам смысленный ребенок (ТС), некто ласковый, приветливый, хлебосольный (СРНГ), в сербском, чешском и польском языках слово «лутка» означает куклу (ЭС). Имя «Лутошка» носит и другой лутошливый персонаж русских сказок. Он обучает людей обращению с домашними животными, плотницкому делу, изготавливает первый серп, т.е. выполняет функции культурного героя (Аф. 405, 406).

«Древесный» характер носят и такие варианты имени мальчика, как Олешанка, Олешка (Онуч., с. 85, 109) или Липуня, свидетельствующие о его происхождении из ольхи или липы, о чем говорится в текстах соответствующих сказок. Имя Липуня встречается и в сказке о маленьком чудесном пахаре (Никифоров А.И. 1961, с. 34).

Терешечка (Аф. 112; Даль В.) — еще одно из имен нашего путешественника. «Терешок» — мотылек, бабочка, такое же значение имеют, впрочем, и слова «липунок», «липунец» (ТС). (По-украински и «лутка» — стрекоза). В Витебской, Виленской, Минской губерниях была известна обрядовая игра — «женитьба Терешечки», несомненно связанная с аграрной магией. «Играли от Рождества до поста. Во время игры подбирались пары, и дело кончалось далеко не скромными потехами» (*) (Аничков Е.В. 1905, с. 216). На юге Европы, на территории, которую занимали северофракийские племена, был распространен календарный обряд, связанный с магией вызывания дождя — «пеперуна» (бабочка), главную роль в нем выполняла девочка, реже — мальчик (Календарные... 1978, с. 201, 226, 244).

Один из вариантов исследуемой нами сказки начинается так: «В одной семье было три брата: большего прозывали Бараном, среднего

Козлом, а меньшего звали Чувиль-Филиюшка (Аф. 107). Старшие братья уходили по делам и наказывали младшему не выходить из дома. Тот пренебрег запретом, вышел в сад и забрался на яблоню. Оттуда его и смамила Яга, предложив свое яблочко. Услышав крики меньшего, старшие братья догоняют Ягу и освобождают его. Так происходит несколько раз; наконец, Яге удастся притащить пленника к себе домой, где она и собирается его изжарить. На почти полное совпадение этой сказки, отнесенной Афанасьевым к разряду волшебных, с сюжетом другой (Аф. 38), отнесенной им же к разряду сказок о животных, указывал еще Потебня (Потебня А.А. 1865, с. 3)⁸⁰. В зооморфном варианте речь идет о коте, баране и петушке, которого похищает лиса. Солнечная символика петуха общеизвестна. Чувиль-Филиюшка спасается от Яги так же, как и Лутоня, на птицах. Петушка выручают кот да баран. «Они сделали гусельцы — барановы струночки и пошли к лисе выручать петушка». Поскольку кот появился на Руси сравнительно поздно, можно предположить, что и петушка выручали козел да баран. До изобретения металлических струн их делали из бараньих кишок (Соколов Ф.В. 1959, с. 7). А чем пожертвовал в этой ситуации козел?

Если речь идет о музыкальном инструменте типа лиры, то он изготавливался из резонаторного корпуса, деревянного или из панциря черепахи, по бокам которого крепились две изогнутые стойки из дерева или рогов, концы их были соединены деревянной перекладиной, струны крепились одним концом на перекладине, другим на резонаторе (Музыкальная энциклопедия). В еще более примитивном инструменте резонатором мог служить полый череп животного, составлявший вместе с рогами его основу. На Руси гусями называли инструмент типа финского кантеле, у южных же славян — инструмент, похожий на скрипку, а в средние века — на лиру, которая и была прообразом различного рода струнных инструментов (Там же).

Путешествие музыканта в нижний мир имеет прямую аналогию с шаманской обрядностью — с помощью музыки во время камлания шаман возвращает больному его естество, похищенное злыми духами. Эта тема широко распространена в мировой мифологии (Орфей, Садко). В шведской балладе «Сила арфы» сходство музыканта с камлающим шаманом не вызывает сомнения:

⁸⁰ Обратим внимание на имена лисьих детей: первого сына во всех вариантах этой сказки зовут Терентьюшка, старшую дочь — Подмети-Шесток, имя, которое связывает ее с печью (как и Ягишну).

*Так он играл в этот страшный час,
Что птицы на ветках пустились в пляс,
С древнего дуба сошла кора,
Дети выбежали со двора,
Вода забурлила, хлынул потоп,
Глаза водяного полезли на лоб.
«Педер, Педер! Уймись, не играй,
Добром невесту свою забирай!»*

(Скандинавская баллада. 1978, с. 95)

Таким образом, сюжет сказки о петушке (Чувиль-Филишке) наводит на мысль как о камлание с целью вызволения героя, так и о жертвоприношении козла и барана.

Спасение петушка-солнца было важно не только для его друзей. А что, кроме сказочного текста, известно о Чувиль-Филишке? («Чувиль-виль» — зачин заклинательных песенок-веснянок):

*Чувиль-виль-виль!...
Жаворонки, прилятите к нам!
Приносите нам
Лета теплова, хлеба вольнова.*

(Ушаков Д.Н. 1896, с. 198, 199)

*Чувиль-виль-виль!
Весна-красна,
На чем пришла?
На сохе, на бороне,
На пианичном пироге!*

(Шереметева М.Е. 1930, с. 44)

«Чивиль» — воробей (ТС). Не принимаем ли мы случайное созвучие имени и звукоподражания птичьему крику за их тождество? Вероятнее всего, это не случайное совпадение. В одной из веснянок с ним сопоставлены те же «козел да баран».

*Чувиль-виль-виль,
Козел да овен,
На дыбушки встал,
Мои чувильки достал.*

(Там же)

«Чувилька» — птичка-печенье, которое пекли на весеннее равноденствие, глиняная уточка-свистулька (ТС). Козел и баран фигурируют еще

в одном сказочном сюжете: обернув рога берестой, они ударяются лбами и добывают огонь. Следует упомянуть и о том, что с ними связаны названия двух из четырех особо значимых созвездий зодиака: Козерога, соответствовавшего зимнему солнцестоянию — рождению «нового» солнца, и Овна — созвездия весеннего равноденствия, когда день становится длиннее ночи; это время окончательной победы света над тьмой.

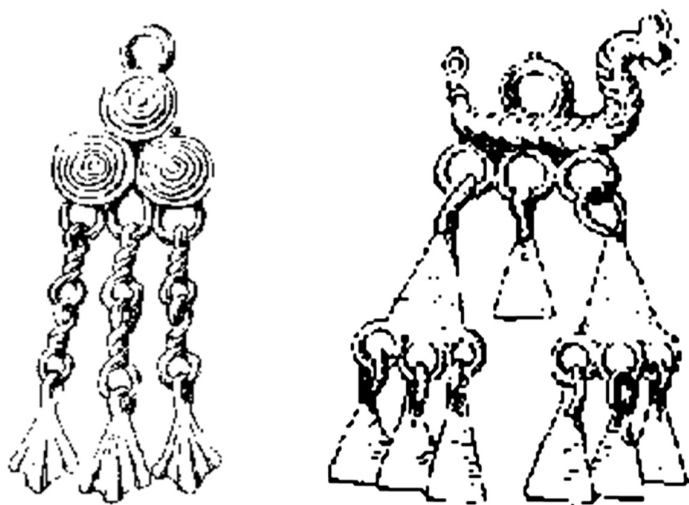

Рис. 18. Обереги народов меря. XI–XII вв. Костромская обл.

На 19 марта (в народе на Алексея-гусятника) в России устраивались гусиные бои (Даль В.И. 1957, с. 867), на Никиту-гусепролета (15 сентября) водяному приносили в жертву гуся. Эти даты в разных районах России и в разные годы, конечно, не совпадали с перелетом, зато они почти совпадают с двумя из четырех «особых» дат солнечного и годового цикла — днями весеннего и осеннего равноденствия.

Подведу некоторые итоги. Мальчик, летающий на гусях, безусловно, является персонажем календарной мифологии, обладающим аграрно-солнечными чертами. Казалось бы, задача выполнена. Но накопленного материала оказалось достаточно для продолжения исследования, что я и сделал. Не исследованным мной осталось имя «Играшка», это я предполагаю сделать несколько ниже.

3. Гуси-лебеди

В мифологической символике образ гусей-лебедей прекрасно подходит для роли медиатора, связывающего, казалось бы, взаимоисключающие базисные символы любой мифологии: медиатора между верхом и низом, между летом и зимой и, как следствие, между мужским и женским, жизнью и смертью (О медиаторах см. Леви-Стросс К. 1985, с. 199 и след.).

Птицы (верх), но связанные с водой (низ); приносящие весну, но имеющие белоснежное оперение. У айнов лебедя называли «дух снега» (Спеваковский А.Б. 1988, с. 78); по словам киргизов, лебедь приносит снег и холод (Потанин Г.Н. 1883, с. 99). Геродот рассказывал, что в «области, лежащей еще дальше к северу от земли скифов... нельзя ничего видеть и туда невозможно проникнуть из-за летающих перьев. И действительно, земля и воздух там полны перьев (Геродот. 1885–1886. Кн. 4. 7)... Я полагаю, что скифы и их соседи, образно говоря, называют снежные хлопья перьями» (Геродот. 1885–1886. Кн. 4. 31). В Англии, когда шел снег, говорили, что на небе шиплют гусей, в Германии — фрау Холле щиплет гусей (Афанасьев А.Н. 1982, с. 124).

Русские народные приметы — «лебедь к снегу летит, гусь — к дождю», «лебедь на носу снег несет» — нельзя толковать чисто фенологически (ТС). Сравни загадку: «Белая лебедь на яйцах сидит — снег» (Даль В.И. 1957, с. 953) и колядку:

*Напала пороша
Снегу беляного.
Как по этой по пороше
гуси-лебеди летели,
Колядовщики,
Недоросточки,
Недоросточки,
Красны девушки.*

(Аникин В.П. 1970, с. 18)

Если зимой гуси-лебеди превращаются в снег, то весной, наоборот, снег превращается в гусей, в лебедей. У кетов Мать-Томэм («глаза как небо, щеки как заря, вся в белом») (*) весной выходит на берег Енисея и потрясает рукавами над рекой, из рукавов сыплется пух и превращается в гусей, лебедей, уток, которые летят на север (Анучин В.И. 1914, с. 7). В русской сказке (Аф. 267–269) царевна-лягушка во время танца точно так же выпускает из рукава птиц.

Птицы эти, в первую очередь гуси, в различных мифологических системах связаны с богатством — золотом, плодородием. Эзоп упоминает о гусе, несущем золотые яйца (87); Панчатантра (2.7) и Джатака о золотом гусе (136) — гусе с золотыми перьями; индийская сказка — о сокровищах, добываемых гусями из воды (Индийские... с. 88) 10 (3, 4)⁸¹.

Рис. 19. Кичига. Российский этнографический музей. СПб

В Германии на последний воз с собранным урожаем ставили ребенка или женщину с букетом цветов, который назывался «урожайный гусь»; в Англии существует поверье: «кто ест гуся в День святого Михаила, у того никогда не будет недостатка в деньгах» (Календарные обычаи... 1978, с. 140, 158).

Русский сонник утверждает, что видеть, кормить во сне гусей — к прибыли, продавать их — к убытку. Один из видов дикого гуся называется гуменник — так же, как и антропоморфный дух гумна (ТС). О неслучайности этого совпадения говорит загадка: «летят гуси — дубовые носы (цепы)» (Даль В.И. 1957, с. 960), и уже упоминавшееся архаичное название цепы — кичига.

Следует отметить, что гуси и лебеди далеко не во всех случаях выступают как мифопоэтические синонимы — зачастую они противопоставлены друг другу как нижнее — верхнему, чужое — своему. На русской свадьбе пели:

*Отставала лебедушка,
Что от стада лебединого,
Приставала лебедушка
Как ко стаду, ко серым гусям.*

(Лирика русской свадьбы. 1973, с. 495)

Эпитет «серые» совсем не случаен: когда гуси символизируют нечто «верхнее», либо их цвет не указывается, либо подчеркивается их белизна.

Чхандогья Упанишада представляет гуся символом солнца — оба отличаются белизной и передвигаются в небе (ЧУ. 4. 7. Прим. с. 198). На лебедѣ восседает Брахма (МНМ). «Лебеди путешествуют тропой солнца; они путешествуют по небу с помощью иддхи (некой сверхчувственной

⁸¹ Здесь и далее не все ссылки в виде цифр (кодов) у автора понятны. (Прим. ред.)

силы. — В.Р.). Мудрые уходят из мира, победив Мару (смерть. — В.Р.) с его воинством» (Дхаммапада XIII. 175).

В мифопоэтическом сознании большую роль играет связь лебедей с темой преодоления смерти.

— Не гуси летят, не лебеди —
Христос воскрес на весь свет!

Пели на пасху волынские волочебники (Шейн П.В. 1898, 1893), противопоставляя воскресение нового христианского Бога старым языческим представлениям о возвращении на гусях-лебедях возродившегося бога весны и солнца.

Семь раз облетели остров Делос лебеди, славя рождение Аполлона чудесными песнями (Каллимах. К острову Делосу. 271—270 г. до н.э.). Античные представления о предсмертной лебединой песне широко известны, нашли они свое отражение и в «Слове о полку Игореве»: «Боян... напускал он десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигал сокол — та первой и пела песнь...»

Селькупы считали, что в то время, как гуси и остальные перелетные птицы посылаются Небесной Старухой им в пищу, лебедей убивать нельзя. По представлениям кетов и селькупов, лебеди понимали человеческую речь (Анучин В.И. 1914, с. 65; Прокофьева Е.Д. 1976, с. 119).

В большинстве приведенных выше примеров именно гуси связываются с золотом и аграрной символикой, в то время как лебеди чаще оказываются символами огня, солнца.

Мифопоэтическая образность представляет золото как «нижний» огонь. Атхарведа утверждает, что золото рождено от огня (Атхарведа. 1976. 19.26) (*Так у автора. — Ред.*). Устойчивый кеннинг (эпитет) для золота в скандинавском эпосе — «огонь воды» (костер, пламя Рейна, моря, волн). Противопоставление огня и золота выступает в «Агаде» (Шемот-Раба, с. 87) и «Давиде Сасунском» (Давид Сасунский. 1939, с. 176) как оппозиция жизни и смерти. Ребенку на выбор предлагаются золото и раскаленные угли, он хватается за уголь и тем спасает себя от гибели. В русских быличках неудачно взятый клад оборачивается углями и золой (Зиновьев В.П. 1987, с. 289). Фасмер (ЭС) сближает этимологически слова «зола» и «золото»⁸².

⁸² Старик в обществе собаки и гуся стережет клад. (Киреевский П.В. 1983, с. 221). В Костромской обл., в местности Гусыня, недавно лежал камень, на котором была выбита гусиная лапа. Жители считали, что камень «стережет клад» (Горюнова Е.И. МИА (*Материалы и исследования по археологии СССР. — Ред.*). № 94. 1961).

О том, что гуси и лебеди выступают в качестве ездовых животных шаманов, а иногда и в виде их реинкарнаций, уже говорилось. Особую категорию шаманов представляют в мифологии Первые, Великие шаманы, культурные герои, родоначальники этносов, а иногда и всего человечества. Нивхский герой Ых-Нивг, сын повелителя неба и владычицы моря, победитель чудовищ, на лебеде отправляется к отцу, на дельфине навещает мать; потомками двух его жен — Луноликой и Дочери Моря — и является все человечество (Санги В.М. 1967, с. 155). С гусями-лебедями связаны и Великие шаманы кетов Альбе и Дох. В виде медного гуся почитался ханты-мансийцами Первый шаман, сын «верхнего бога» и земли, культурный герой, добывший для людей солнце (Теплоухов Ф.А. 1893, с. 44; Чернецов В.Н. 1935, с. 32). Нганасанский шаман, обернувшись гусем, вылетает через дымовое отверстие юрты, чтобы вместе со стаей перелетных птиц отправиться на юг, к Матери Гусей; этим он обеспечивает своим соплеменникам удачную охоту (Мифологические сказки и исторические предания нганасан. 1976, с. 16). Эвенкийского шамана Ульяны некая старуха лепит из гусяного помета (Василевич Г.М. 1936, с. 41).

Связь гусей-лебедей с неким женским персонажем, олицетворявшим охотничье или аграрное благополучие, поистине универсальна.

«...Индейцы манданы и миннитари... полагали, что посевы растут благодаря Бессмертной Старухе, которая обитает на юге и весной в качестве своих вестников и представителей высылает водоплавающих птиц (*гусей, лебедей, уток*. — В.Р.). Причем каждый вид птиц является представителем какой-нибудь одной культуры, которую возделывают индейцы... Осенью, когда птицы улетали на юг, индейцы думали, что они возвратятся к Старухе и передадут ей подношения» (Фрезер Дж. 1980, с. 363).

Во время племенных праздников буряты племени Хонгор («Хон» по-бурятски — «благородная птица» — гусь, лебедь) пели:

*Мать наша Хондоли-госпожа,
Клюв наш — из выемчатого серебра,
Крылья из гнутого серебра.*

...

*Прилетающие лебеди — вестники наши,
Улетающие лебеди — попутчики наши.*

(Балдаев С.П. 1970, с. 9)

У многих народов Зауралья гуси и лебеди являлись тотемными животными: у айнов существовали предания о происхождении человека от лебедя (Золотарев А.М. 1934, с. 18), у монголов считалось, что первые люди были сделаны из лебединых лап (Потанин Г.Н. 1883, с. 166), Иси-Каз

(старый гусь) называлось одно из киргизских племен (там же, прим. 16 к гл. 3), гусь был тотемом одной из фратрий ханты-мансийцев, одного из юкагирских родов, лебедь был тотемом якутов (Золотарев А.М. 1934, с. 27, 34, 50), алтайцы представляли своего первопредка, доброго духа Ульгения в виде светлого гуся (Шахнович М.И. 1971, с. 138). Возможно, что гусь был тотемом хазар (др. русск. «казаре») и половцев (куман) — на некоторых тюркских языках «каз» — гусь (ср. «казарка» — вид дикого гуся), «кум» — лебедь.

В русском заговоре «...на синем море лежит бел горяч камень, на этом камне стоит Божий престол, на этом престоле сидит Пресвятая Мать, в белых рученьках держит белого лебедя, обрывает, общипывает у лебедя белое перо» (Блок А.А. 1908)⁸³.

Согласно Младшей Эдде, в источнике Урд, около которого живут норны (соответствующие греч. мойрам и лат. паркам), плавают два лебедя⁸⁴.

Прекрасно иллюстрирует ассоциативный ряд — «лебедь — молоко — мать» русская загадка: «Лебедь белый на столе не был, ножом не рушан, а всяк его кушал — материнская грудь» (Киреевский П.В. 1983, с. 309).

4. Баба Яга

К уже перечисленным женским персонажам, связанным с гусями-лебедями, остается добавить русскую Бабу Ягу. Эти птицы охраняли ее избушку так же, как гуси охраняли храм Юноны Капитолийской (те самые гуси, которые спасли Рим).

В современном обиходном языке слово «Яга» звучит как ругательство. В древности же было совсем не так. Баба Яга принадлежала к категории Великих Матерей, хозяйек подземного мира, связанных не только со смертью, но и с производительными силами природы, а следовательно, и с благополучием родоплеменной (а затем и этнической) общности. Это можно проиллюстрировать загадкой «Баба-яга, вилами нога, весь мир кормит, сама голодна — соха» (Даль В.И. 1957, с. 959).

В некоторых сказках типа «Гуси-лебеди» (Аф. 113) сестра видит похищенного братца, играющего золотыми яблочками, которые в европейской мифологии связаны с вечной молодостью, половой силой, продолжением рода. Это золотые яблоки античных Гесперид, золотые яблоки Идун (скандинавская мифология), золотые яблоки Блаженных островов

⁸³ Имеется в виду статья А.А. Блока «Поэзия заговоров и заклинаний». См.: История русской литературы / Под ред. Е.В. Аничкова и др. Т. 1. М., 1908. (Прим. ред.)

⁸⁴ В «Калевале» в подземном царстве старухи Лоухи на реке Туони плавает лебедь.

(кельтская мифология), наконец, это молодильные яблоки русских сказок. Вместе с тем они принадлежат миру мертвых: согласно Гесиоду, Геспериды — дочери Ночи и сестры Смерти (Гесиод. О происхождении богов (Теогония) / Эллинские поэты. БАЛ (Библиотека античной литературы. — Ред.), 1963, 211–215), Апполодор помещает сады Гесперид в Гиперборее (II. V. 11.); кельтские острова Блаженных и наиболее известный из них Аваллон (остров яблок) — тоже область загробного мира (см. Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984, с. 908).

Русская Яга — хозяйка яблоневого сада (Вят. 97) (Так у автора. — Ред.), яблоками или другой снедью заманивает она мальчика к себе, а в некоторых вариантах сказки он и сам забирается к ней в сад⁸⁵. Поскольку в мифе животное-атрибут какого-либо персонажа четко не противопоставляется самому персонажу, хозяйка нижнего мира иногда выступает в виде гигантской птицы:

*Страфиль-птица всем птицам мати,
Живет она на синем море,
Пьет и ест из синя моря,
И детей водит на синем море. (*)*

(Бессонов П.А. 1861, с. 86)

*Держит белый свет под правым крылом;
Страфиль-птица вострепещется,
Вся синя моря воскалыбается.*

(Киреевский П.В. 1886. 5, 125)

Несмотря на этимологию своего имени (страфиль — страус), это, несомненно, птица водоплавающая, «нижняя». С «верхним» персонажем может быть соотнесена Жар-птица русских сказок, Страх-Рах — птица заговоров, с ее иссушающими вихрями (МНМ. Т. 2, с. 452). Впрочем, судя по всему, и эта гигантская птица совмещает, как и наши гуси-лебеди, принадлежность к миру огня и к миру воды — в русских песнях о Егории храбром (св. Георгии) эта чудесная птица носит еще одно имя — Черногар,

⁸⁵ У нее в подвале котлы с золотом, которые мальчик «прихватывает» с собой (Никифоров А.И. 1961, с. 64), у нее же, как уже говорилось, он берет овес, пшеницу и воду.

Пропп В.Я. (1946, с. 55) приводит отрывок из 122-й гл. «Книги мертвых», которая в Древнем Египте служила руководством для души умершего: «Я один из вас, имя моей лодки — собиратель душ»... пусть мне будут даны сосуды молока с лепешками, хлебами... и кусками мяса... Пусть мне будет сделано так, чтобы я мог продвигаться дальше подобно птице Бенну».

что свидетельствует о ее принадлежности к миру огня. Вместе с тем она «держит в когтях Осетра-рыбу» и Егорий заклинает ее: «Ох, ты, Черногар-птица! / Полети ты на океан-море, / Ты и пей и ешь в океан-море, / И детей производи на океан-море!» (Бессонов П.А. 1861, 103, 104)

Насколько тесно на Руси гуси-лебеди были связаны с представлением о загробном мире, свидетельствуют народные песни, обычно относимые к историческому жанру — «Песни о татарском полоне» («Теща в плену у зятя»). Старую женщину пленивший ее татарин заставляет «...Три дела делати: / Первое дело — Куделю прясть, / Другое дело — лебедей (*иногда — гусей-лебедей*. — В.Р.) стеречь, / А третье дело — Дитю качать» (Ки-реевский П.В. 1986, с. 449). Если «кудель» и «колыбель» можно рассматривать как бытовые реалии, то лебеди выдают истинное происхождение этого архетипического образа: старой женщины за прялкой в окружении гусей-лебедей. Плен (тюрьма, изгнание) в мифопоэтической образности часто выступает как ослабленный вариант смерти. В таком случае и остальные ее работы получают иное освещение.

В самых разных сказках Баба Яга связывается с пряжей — она либо сидит за прялкой, либо дарит герою клубок, который указывает ему дорогу в нижний мир. Клубок этот в мифологии имеет как бы две сущности — физическую и метафизическую. С физической точки зрения он, как и всякий круглый предмет, катится вниз. В грузинской сказке его роль с успехом выполняет катящееся яйцо. (Русуданиани. 1971, с. 107); ежик, указавший дорогу нашей героине, тоже способен свернуться клубком; когда ирландский герой Бран приближается к Острову Блаженных, имеющему черты верхнего мира, клубок ему бросают с берега, чтобы за нить подтянуть его корабль к острову.

Метафизически же нить — это как бы овеществленное время человеческой жизни (до сих пор мы говорим «отрезок времени»). Три греческих богини судьбы, мойры, представлялись пряжами: одна из них, Лахесис, вынимает жребий человека, другая, Клото, прядет нить его жизни, третья, Атропос (неотвратимая), обрывает ее. Подобные триады известны и в римской мифологии (парки), и в скандинавской (норны). Спуск в подземный мир равносильен смерти, и, для того чтобы вернуться назад, герою нужна дополнительная жизнь, которую он и получает в виде клубка. (Вспомним «нить Ариадны», позволившую Тезею выбраться из лабиринта).

Такое представление о возможности получения дополнительного отрезка жизни, по моему мнению, принадлежит к наиболее архаичному пласту мифологических представлений, основанному на вере в безграничную возможность шаманского воздействия на духов.

Герой получает клубок либо от своей прапраматери, либо в результате сексуальной связи с его владелицей (Тезей), либо, зная заклинание, подчиняющее ее его воле.

В более развитых политеистических мифологиях формируется представление о фатальной предопределенности рока (жребия), которому подвластны даже верховные боги.

Но невозможность преодолеть рок не означала того, что его нельзя обойти. В произведениях мифологического или эпического характера мотив смерти героя иногда реализуется так, что вместо него погибает кто-то другой, обычно его близкий друг, спутник или брат, выступающий в качестве заместителя (Гринцер П.А. 1971, с. 162). Шумерская богиня Инанна, оказавшаяся в загробном мире, слышит от духов преисподней: «Если Инанна покинет “Страну без возврата”, / За голову голову пусть оставит!» (Поэзия и проза Древнего Востока. 1973, с. 151).

Этот принцип — «за голову голову» — предельно ясно формулирует «начальник ада» в корейской сказке, записанной Н.Г. Гариным-Михайловским (1958, 33). Отвечая на просьбу юноши отпустить его возлюбленную, он говорит: «Я не могу менять, что занесено раз навсегда в книгу судеб, и мне неоткуда для этой девушки достать новой жизни. Но вот что я могу тебе предложить: по книгам судеб тебе назначено жить до 68 лет, — отдели, сколько хочешь, этой девушке и бери ее».

Аполлон готов даровать Адмету вторую жизнь при условии, что кто-нибудь согласится умереть вместо него; освобождение Прометея становится возможным благодаря желанию кентавра Хирона сойти в Аид. Бессмертный Полидевк делится бессмертием со своим смертным братом Кастором — они в виде утренней и вечерней звезды в созвездии Близнецов по очереди появляются на небосклоне. Самоубийство Эгея предвещает благополучное возвращение его сына Тезея, как самоубийство Иуды — воскресение Христа. Во всем мире распространены сказочный сюжет про плута, посаженного в мешок (его собираются утопить), которому удастся поменяться судьбами с простоватым прохожим.

Довольно часто мифологема заместителя входит в сюжет календарного мифа об умирающем и воскресающем боге.

В интересующей нас сказке («Ивашка и ведьма») заместителем мальчика становится Ягишна — ее съедает Яга вместо мальчишки, а он покидает нижний мир и возвращается к людям.

В сказочном варианте «заместительство» произошло тогда, когда Ягишна пыталась посадить мальчика в печь. Думаю, что в мифе печь

Бабы Яги была ему не страшна, так как там она играла совсем иную роль, нежели в сказочном тексте.

Этому образу посвящена целая глава в книге В.Я. Проппа «Исторические корни русской волшебной сказки».

Приведенные им примеры: Ахилл, которого мать закаляла в огне, мальчик из русской сказки, которого волшебник держит в огненной печи, чтобы тот стал колдуном, можно дополнить: богиня Деметра в огне закаляла своего воспитанника Демофонта, нартского Сослана закаляет в огне его приемная мать Шатана (Сказания о нартах. 1978, с. 170), смертельно больной Геракл восходит на костер и обретает бессмертие (Аполлдор. 1972. 2.7.7). В якутском эпосе ослабевшие богатыри спускаются в подземный мир и ложатся в горн кузнеца Кыдай-Бахсы, чтобы закалиться и окрепнуть (Ксенофонов Г.В. 1930, с. 63)

В различных районах Поволжья существовали сказки и былички, где таким же образом черти «перековывали» стариков, возвращая им молодость (Даль В.И. 1994, 60, 75, 77).

При сожжении православными миссионерами деревянного антропоморфного идола хантов — «Обского Старика» — многие присутствовавшие утверждали, что видели его «от пламени подобно лебедю излетевшего» (Теплоухов Ф.А. 1893, с. 44).

«В Малороссии о счастливых людях говорят: “У печурце родився!”» (Афанасьев А.Н. 1982, с. 180).

Анализируя приведенные им примеры, Пропп делает вывод о том, что печь Яги связана с архаичным обрядом инициации. Об этом же пишет и Топоров (Топоров В.Н. 1963, с. 34), причем оба автора отталкиваются от анализируемой мной сказки. Топоров, впрочем, усматривает здесь и отголосок обряда кремации. Противоречия здесь нет — инициация символически воспроизводила смерть и воскресение иницируемого.

Интересно, что в описании хеттского погребального обряда фигурировали некая «старая женщина» и ее помощница, упоминается и серебряная лопатка, с помощью которой после догорания кремационного огня собирали в особый сосуд кости покойного (Герни О.Р. 1987, с. 146).

Погребальные гимны Атхарведы говорят о таком же отношении к огню (Агни):

«Став конями... увезите вы, О Агни... / Тех, кто принес жертву, в небесный мир, где пируют они на совместном пиру с богами!» (18.4.10) «Принесший жертву поднялся на сложенный костер, / Готовый лететь в небо... / Для него, творца благих деяний, сияет в воздухе / Сверкающий небесный путь, исхоженный богами» (Атхарведа. 1976. 18.4.14).

Сожжение рождественского Бадняка — превращение старого Бога в молодого Божича, имеет ту же символику.

В башкирской сказке лебедь-дева сжигает своего мужа, чтобы возродить его из пепла сильным и прекрасным. Деву эту он принуждает стать его женой, похитив ее оперение-одежду во время купания (Перм. 105).

5. Лебедь-Девуца

В начале 1960-х годов в Заонежье была записана такая быличка: прилетели на Онегу лебедушки, сбросили оперение, обернулись девушками и стали купаться. Парень, оказавшийся поблизости, схватил одну из шкурок, и ее владелица — русалка — стала его женой (Рыбников П.Н. 1910. Т. 3, с. 196).

Эта ситуация является поистине универсальной мифологемой, распространенной по всей Евразии. Индийские апсары, иранские пари, восточнославянские русалки, южнославянские виллы, кельтские феи, скандинавские валькирии — являются людям в птичьем облике, и та, чье оперение похищает герой, становится его женой.

В мировом фольклоре двойная природа героев, оборотничество — явление очень распространенное. Вспомним царевну-лягушку, царевича-козла и тому подобных сказочных героев. В сказках этого типа в своем человеческом облике герой предстает либо ночью, либо в нижнем мире. Днем он должен скрывать свою человеческую сущность, открытая ее демонстрация кончается трагически: он теряет свою звериную оболочку, а вместе с ней и возможность существования в нашем мире. Второе отличие — герой индивидуален.

Когда речь идет о птицах-девицах, ситуация прямо противоположна — прилетают несколько девиц, похищение одеяния одной из них лишает ее возможности покинуть наш мир, и она остается здесь. В некоторых вариантах сказок прослеживается связь птиц-девиц с Ягой или аналогичным ей персонажем (Аф. 236; Братья Гримм. 1978, с. 179). В одной из русских сказок героиню зовут Лебедь Страховна (Аф. 313 прим.).

Былина о Потоке (Потыке) повествует о том, как герой на охоте встречает Марию (иногда Маринку) Лебедь Белую:

*Эта беленька лебедка — золото перье,
Золото у ей перье, крылье серебряно,
Голова-то усажена скатным жемцюзгом*

(Марк. 8; Гильф. I. 39)

Поток женится на ней, согласившись с ее условием: ежели один из супругов умрет, другому тоже «идти во сыру землю»; Марья умирает первой, и Поток опускается в склеп. Там он оживляет свою жену (в некоторых вариантах предварительно укротив ее) и выводит наверх. В дальнейшем Марью похищает иноземный царь, и она переходит на его сторону, пытаясь околдовать (превратить в камень) или умертвить мужа⁸⁶. Индоевропейский корень «мор» («мар») означает «смерть», библейское имя Мария по созвучию в некоторых фольклорных текстах приобретает тот же смысл. В этой былине Марья принадлежит к нижнему миру и хочет увести туда же и своего мужа (Новичкова Т.А. 1982). Возможно, что в более архаичных вариантах она, таким образом, пыталась обменяться с ним судьбами⁸⁷.

Гораздо менее известна быличка, записанная Д.Н. Садовниковым (124) (*Так у автора. — Ред.*) со слов симбирской мещанки. Герой ее — Иван Курчавый — однажды в церкви увидел образ (!), на котором была изображена царица-красавица на лебединой упряжке — «одной рукой правит, в другой ключи держит».

Парень влюбился в изображение. Через некоторое время ему приглянулась соседка-вдовушка, Марина. Родители Ивана решили его поскорее женить. Узнав об этом, Марина, которая полюбила Ивана, стала колдовать, но это не помогало, тогда она обратилась к Богородице. Родители тем временем присмотрели ему невесту. Марина с горя утопилась и превратилась в русалку-лебедя, затем пропал и Иван со своими гусями, стало известно, что под водой оба они счастливы.

Быличка эта повторяет мотив былины о Потоке, но в ней есть странная деталь — связь Марины с Богородицей — в России некоторые раскольничьи толки отождествляли ее с матерью сырой землей, в народе же «Мать-земля по ассоциации сходства не раз ставится Церковью рядом с Божией Матерью, однако никогда не сливается с Нею» (Смирнов С.И. 1914, с. 265). Следующая деталь — ключи в руках девы на лебедях. В семантике русского фольклора ключи могут иметь два значения. В заговорах ключом замыкают нечто — кровь, слово, тем самым придавая ему непреходящую силу. В народных песнях весеннего цикла сохранился

⁸⁶ Обращение купальского Яниса в камень имеет место в прибалтийском фольклоре; может быть, поэтому Марья в этих былинах чаще всего — литовская королевична.

⁸⁷ В шотландской сказке «Серый гусь» принц убивает дикую гусыню, не ведая, что это его заколдованная невеста. Убитая птица превращается в девушку, и принц умирает от горя. Его жизнь входит в тело девушки, и, снова обернувшись гусыней, она улетает. «А когда звезды звенят от зимней стужи, в долинах Грампианских гор слышен одинокий крик серого гуся» (Серебряная волынка. М., 1959).

мотив отмыкания ключами вирия, откуда и возвращаются птицы, змеи — все, что исчезает с наступлением холодов⁸⁸.

Принадлежность к нижнему миру не исключает, а даже предполагает то, что в самых разных мифологических традициях образы лебединых дев так или иначе связываются с темой жизни и плодородия.

Калмыцкая дева-лебедь, ставшая женой богатыря Хонгора (Джангар, с. 82), так говорит ему:

*Увидали вы наяву
Целомудренную траву —
Это были косы мои.
Увидали ручей тогда,
Утолила жажду вода —
Это были слезы мои;
Увидали кита потом —
Это сделалась я китом.⁸⁹*

В русских сказках дева-лебедь (Лебедь Захарьевна, Елена Прекрасная) — дочь Яги, хозяйка живой воды и молодильных яблок; соитие с нею и похищение добрым молодцем живой воды рассматриваются как акты однозначные. «Кто воды испил, а колодец не закрыл?» — спрашивает, проснувшись, Елена Прекрасная (Аф. 174, 176, 561).

Касаясь свадебных обычаев на Руси, М. Забылин сообщает: «В Москве и по сие время дарят молодых парой живых гусей в ленточках, а даже иногда и лебедей, а в старину на столах княжеских молодым подавали жареных лебедей. Есть поверье в народе, что только и можно есть лебедей новобрачным» (Забылин М.М. 1880, с. 118). (Этими представлениями и можно объяснить гнев Алеши Поповича на Тугарина, пожирающего жареного лебедя).

Вообще роль лебединого сюжета в русском свадебном фольклоре весьма значительна. В народной лирике очень распространен образ

⁸⁸ Вирий, вырий, ирий — это, вероятнее всего, нижний мир. 14 сентября змеи уползают в вирий — пишет Афанасьев (Афанасьев А.Н. 1982, с. 443). В русском языке есть слово «вир» — омут и водоворот, яма под водой с родниками (ТС). После принятия христианства это слово стало ассоциироваться с раем, верхним миром. В южнорусском ареале некоторые слова, начинающиеся на гласную, приобретают начальное «в» — «вулица», «Вольга» (от Олег), вотчина. Вероятнее всего, слово «ирий» произошло путем «исправления» народного «вырий» и сближения его со словом «иерей».

⁸⁹ Во многих евразийских традициях мир образуется в результате расчленения перво-человека (кит. Паньгу, инд. Пуруша, герм. Имир, ассир. Тиамат). Творение некоторой части общего мира из тела русалки продолжает эту традицию в «местном» варианте.

девушки, «плетушей», «вышивающей» себе крылья, чтобы улететь к милому:

*Кабы мне, младе, воску ярого,
Легко крылья солью я,
Легко крылья, с мелким пером.
Улетела б к дружку я. (*)*

(Русские народные песни. 1957, 64) (*)

Свадебные песни обычно уподобляют невесту лебедушке (Киреевский П.В. 1983, 207), мотив сватовства, венчания часто связывается с потерей лебедушкой своего оперения. «Лебединое перо перед теремом пало, да упал Викторушко перед Господом Богом, перед родимым батюшкой» (*), чтобы просить благословения на венчание (Там же, 132).

*Сизы крылышки подрезали,
Лебединый пух повыщипали,
По синю морю пустили. (*)*

Так оплакивает невеста свое расставание с девичеством (Лирика русской свадьбы. 1973, с. 71).

В восточнославянской обрядности существовал особый ритуал расставания девушки-невесты со своей «волюшкой», «девьей красой». Иногда он совпадал с посещением невестой бани, в других случаях проводился в горнице после посещения бани.

В России «волюшку» символизировала лента или повязка, зачастую расшитая лебедями (Миллер В.Ф. 1910, с. 63). На Украине — веночек или деревце, которое называлось «гильце», так же называлось деревце, связанное с купальской обрядностью (Соколова В.К. 1979).

В свадебных песнях невеста жалуется на то, что «волюшку» у нее отняли, похитили:

*Это чистые разбойники, настоящие подорожники
Грабежом девку ограбили, как силком да волю отняли. (*)*

(Причитания. 1960, с. 385)

*Ведь пройдет зима холодная,
Будет веснушка разливная.
Тут полетят гуси-лебеди,
Да улетит моя волюшка⁹⁰. (*)*

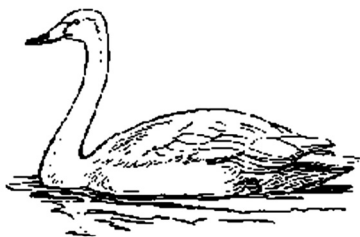
(Там же)

⁹⁰ В «зонах» и сегодня татуировка «лебедь в короне» означает: «была свободной, была невинной».

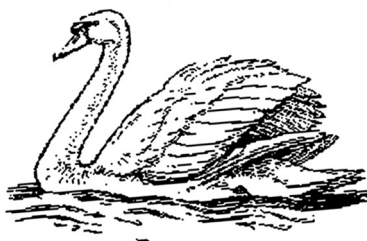
Во многих регионах России девушка не сама снимает с себя «волюшку», а предлагает сделать это окружающим — никто из них не соглашается, в конце концов, повязку с девушки снимает младший из ее братьев (Соколов Ю.М. 1941, с. 167).

В русском языке есть и еще одно слово с корнем «кик» — кика, головной убор замужней женщины с высоким передом (ТС), почти то же самое и «кичка» — собранные в пучок на темени или затылке волосы замужней женщины, маковка, верхушка, шишка на лбу (СРНГ, Немировский А.И. 1978, с. 28).

В Евразии водятся два вида лебедей — кликун и шипун. Кликун гнездится в районе полярного круга, шипун — южнее. Голос кликуна громкий, трубный, слышный на больших расстояниях; шипун на лету не издает громких звуков, при раздражении издает шипящий звук. Вблизи легко отличим от кликуна по большому темному наросту (шишке) у лба (Жизнь животных. Т. 5, с. 115–117). Наши предки во время весеннего и осеннего перелетов видели оба вида гусей, на гнезде же они могли наблюдать только лебедя-шипуну, откуда, очевидно, и был сделан вывод, что именно шишка и является признаком замужества⁹¹.

Лебедь-кликун (*Cygnus cygnus*)

Лебедь-шипун (*Cygnus olor*)

Рис. 20. Лебеди

Свадебная символика самых различных традиций включает в себя элементы священного брака (МНМ), как бы воспроизводя в каждом конкретном случае мифическую ситуацию, что служит, с одной стороны, сакрализации брака как социального института, с другой — актуализирует связанные с ним представления о плодородии.

⁹¹ «Шапка «дуаш» напоминает описание шапки «гугу», сделанное китайцем Чань-Зием во времена Чингисхана. Хвосты этих шапок походили видом на гуся или утку. Подобные шапки носили замужние женщины, они были сделаны из бересты и имели до двух футов высоты (Потанин Г.Н. 1883, прим. 16 к гл. III).

На мой взгляд, такое обилие лебединой образности в русском свадебном фольклоре позволяет представить себе мифическую ситуацию: божество берет себе в жены деву-лебедь (русалку), предварительно похитив ее оперение («волюшку»).

6. Аленка-Ягишна и Аленка-Сестра

О том, что почти во всех вариантах сказок этого типа Ягишна выступает в качестве «заместителя» мальчика, я уже говорил. В западноевропейском фольклоре это «заместительство» принимает иные формы: двое детей — брат и сестра, попадают к ведьме («Гензель и Гретель» Гримм. 1978, 45; Пушк. 11). Для нас сейчас более интересен немецкий вариант: ведьма сажает мальчика в клетку и принимается его откармливать, поручив эту заботу его сестре; сама же ведьма систематически ощупывает ребенка, но он вместо своего пальца протягивает подслеповатой старухе косточку; поверив, что мальчик не толстеет, она решает съесть его сестру, которая в этом случае и выполняет роль заместителя. «*Gans*» — по-немецки — гусь; «*Grat*» — кость (рыбья кость). Обычай откармливать гуся на Рождество, посадив его в клетку или корзину, был широко распространен.

Детям удается убежать от ведьмы, на пути их оказывается озеро, через которое их по очереди (это в сказках даже подчеркивается) перевозит белая утка или гусыня.

Иногда в народных вариантах сказки «Дикие лебеди» косвенной виновницей превращения детей в птиц оказывается их сестра. Мать, недовольная тем, что у нее рождаются только мальчики, дает обет изгнать их всех в случае рождения дочери, что и делает, обратив мальчиков в лебедей (Норвежские сказки. 1962, 44). Возможно, за этим кроется архаический подтекст — над детьми висит угроза предреканного инцеста (кровосмешения). На родство этого типа западноевропейской сказки с русскими вариантами сказки о Лутушке обратил внимание еще Буслаев (Буслаев Ф.И. 1861, с. 316).

Сказка о братьях-лебедях входит в сборник «*Gesta Romanorum*» IX в. — Молодой рыцарь видит русалку и вытаскивает ее из воды за золотую цепь, надетую на нее. Рыцарь женится на русалке. Во время родов свекровь поручает слуге убить мальчиков — девочку она оставляет. Слуга приказ не выполняет, и мальчиков подбирает отшельник. Узнав, что они живы, бабка посылает сорвать с детей золотые цепочки — и они превращаются в лебедей. Сестра начинает искать своих братьев,

найдя, надевает на них цепочки и превращает снова в людей, всех, кроме младшего брата, чья цепочка оказалась переплавленной. С тех пор на реках и озерах можно видеть рыцаря на челне, который буксирует лебедь — это два брата, ставшие неразлучными. Отметим, что сестра, отправившаяся спасать братьев, сама попадает в беду, и ее выручают братья-лебеди (Аничкова Е. 1927, с. 99, 335).

К этой же теме примыкают русские былины о Козарине — героя в возрасте «трех годов» изгоняют из семьи, через 20 лет он освобождает из татарского полона «красну девицу, белую лебедушку» и хочет на ней жениться. Выясняется, что девушка — его сестра (Григорьев А.Д. 20). Случайно ли имя героя — название дикого гуся? Возможно, инцест каким-то образом связан с темой гуся или лебедя? Рождение Кухулина (ирландский эпос), по одной из версий он сын Конхобора и его сестры Дехтире, связывалось с чудесными водоплавающими птицами — сидами, скованными попарно золотыми цепочками; в нартском эпосе Урызмаг и Шатана — брат и сестра и одновременно супруги — дети русалки-голубки. Герой узбекского эпоса, Алпамыш из подземелья отправляет гуся с письмом, которое он адресует не своей жене, а сестре.

Мне не удалось встретить сказку, в которой одновременно фигурировали бы сестра мальчика и Ягишна.

В некоторых вариантах сказки типа «Ивашка и ведьма» мальчик оказывается у Яги потому, что пытается ухаживать за ее дочерью, «годы которой тоже подвигаются к невестам» (Онуч. 73; Фольклор Саратовской обл. 367).

Путешествие героя в нижний мир в поисках жены — опять-таки очень распространенный мифологический и сказочный мотив. Орфей и Садко — тому наиболее известные примеры. Во многих случаях герою помогает его покойная мать. Судя по тому, что Ягу в одном из вариантов зовут Чувилихой (Аф. 112), наш герой (Чувиль-Филюшка) находится с нею в родстве.

Снова обратимся к русскому фольклору — умирая, мать оставляет сыну кольцо, завещая жениться на той, кому оно придется впору. Сестра примеривает его, и брат решает жениться на ней. Чтобы избежать кровосмешения, сестра колдовством проваливается под землю, попадает к Яге, где ее и настигает брат. В сказках этого типа он женится не на сестре, а на дочери Яги, похожей на его сестру «голос в голос, волос в волос», иногда «нижнюю» девушку тоже преследует ее брат, двойник героя. Очевидно, что в фабуле сказки дублиеры героев появились специально для счастливого конца, что и отличает сказочный сюжет

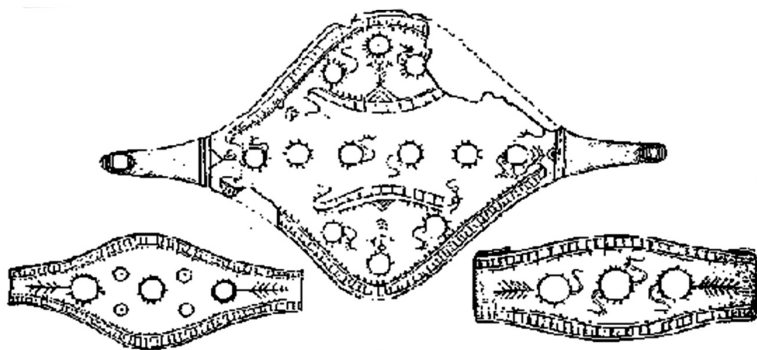

Рис. 21. Бронзовый браслет. VII в. до н.э. Лузицкая культура.
Польша. Лебеди — солнца

от мифологического (Аф. 114; Онуч. 71). Впрочем, в одной из сказок сын Яги, Олешка, сватается к своей сестре (Перм. 9).

Существует и сказка, в которой Яга похищает Снегурочку, заставляет ее ухаживать за своим сыном и пытается женить его на Снегурочке (Худ. 73, 79).

Если наш герой — действительно аграрное летнее божество, то Снегурочка является его естественным заместителем — когда летний персонаж находится в нижнем мире, на земле царит Зима-Снегурочка. (Вспомним приметку «лебедь — к снегу» и загадку «белая лебедь на яйцах сидит — снег»).

Она же оказывается в нижнем мире в летний период, замещая там своего партнера.

Аграрные божества, как правило, вместе с тем являются и культурными героями или первопредками, причем в самых различных системах можно обнаружить пару — брат и сестра, они же муж и жена, которые и выполняют эти функции: в китайской мифологии это Фу-си и Нюй-ва, в египетской — Осирис и Исида, в семитской — Балу (Ваал) и Аннат, в ведической — Яма и Ями, в скандинавской — Фрейр и Фрейя.

Вернемся к свадебной лирике:

*В Петрово говеньице мне бы шить да вышивывать
Мне перья лебединое, мне крылья соколиное.
Да набрать бы мне, молоде, от Огня-Царя искорки.
Мне весною красивую со гусями, со лебедями*

*Улететь бы мне, молоде, к чужому-чуженину.
Опустить бы мне, молоде, из-под правого крылышка,
Из-под сизого перышка да Царя-Огня искорку,
Да сжечь бы мне, молоде, да чужого-чуженина. (*)*

(Лирика русской свадьбы. 1973, 434)

В семантике свадьбы нового времени под чужанином подразумевается жених, покушающийся на девичью волюшку невесты. Однако архаическая, явно языческая образность создает впечатление, что приведенная песня как бы заканчивает сюжет мифа о пребывании жениха Лебедь-девы в нижнем мире. «Огонь-царь» — грозовая молния, Перун (МНМ); Перунов цвет — цветок папоротника, царя Огня искорка — огненный цветок, разверзающий землю (Афанасьев А.Н. 1982, с. 228).

Весной герой наших сказок возвращается в наш мир по уже известной нам дороге: печка, дерево, Млечный Путь.

7. Вглубь истории

Связь гусей-лебедей с женским персонажем, символизирующим плодородие, имеет очень давнюю историю. На шумерской стеле (XXII в. до н.э.) изображены богини с сосудами, рядом с которыми находится крупная водоплавающая птица (Антонова Е.В. 1984, с. 130). Гусь был священным животным древнеегипетской Исиды, корма ритуальной барки этой богини была изготовлена в виде гусиной шеи и покрыта золотом (Апулей. Метаморфозы. 2.16).

В начале первого тысячелетия до н.э. в Средней Европе появляется новая символика. По всей территории от Черного до Балтийского морей археологами обнаруживаются изображения колесниц, запряженных гусями или лебедями. Водоплавающая птица служила солнечным символом, связывающим небесную и земную сферы, символом плодородия и стоит в том же ряду, что и концентрические круги, крест, колесо, бычьи рога (Монгайт А.Л. 1974, с. 76).

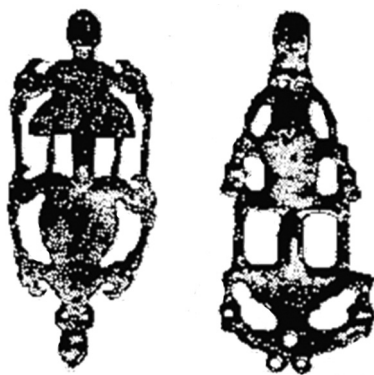

Рис. 22. Днепровские фибулы.
VI—VII вв.

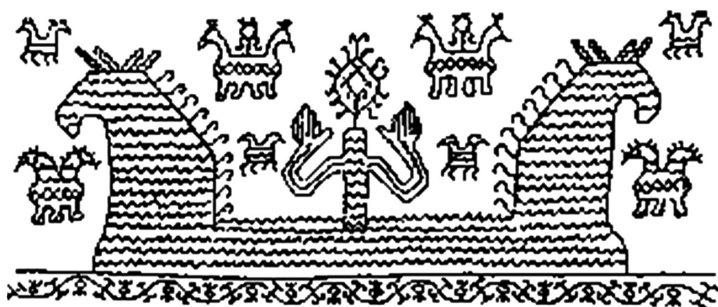

Рис. 23. Ладья-конь. Русская вышивка. XIX в.

Археологический материал и более позднего времени достаточно богат «лебединой» темой и позволяет проследить ее значимость, в том числе и на территориях, заселенных восточными славянами или их предшественниками. Около села Пожарская балка, близ Полтавы, раскопана ритуальная костровая площадка, датируемая VI в. до н.э., на которой под слоем золы обнаружены около пятнадцати двухметровых изображений лебедей (Ляпушкин И.И. 1961, с. 300), что в очередной раз свидетельствует об устойчивой связи лебедя с огнем.

Рыбаков (Рабакон Б.А. 1981, с. 363; 1988, с. 200, 203) представляет фибулы VI–VII вв., на которых расположены «вальтом» поясные изображения мужской и женской фигур (явный намек на совокупление), они окружены лебедиными (или гусиными) головами; на аналогичной фибуле вместо птичьих голов изображены кони.

В индоевропейской мифологии кони являются носителями солнца. Возможно, на более раннем этапе эта функция принадлежала гусям-лебедям. Об этом говорит и сравнение коней с гусями в ведическом гимне коню (Поэзия и проза Древнего Востока. 1973, с. 390) и образ Ашвинов (в переводе, «владеющих конями»), чью колесницу в некоторых текстах влекут лебеди (МНМ), и обязательное участие всадников в «гусиных» обрядах почти всех европейских народов (Календарные...), и взаимозаменяемость образов коней и гусей (лебедей) в русском прикладном искусстве (Маслова Г.С. 1978, с. 57). Культурный герой и первопредок манси, наделяемый солярными чертами, появляется в мифах и сказках то в виде золотого гуся, то в виде всадника, то золотым гусем, восседающим на коне (Мифы, предания, сказки хантов и манси. 1990, с. 105).

Можно предположить, что основной индоевропейский миф о похищении громовержцем у владыки нижнего мира коней (скота), после чего начинается плодоносящий дождь, в своей основе опирался на сюжет «освобождения» этих водоплавающих птиц из нижнего мира, связанный с весенним их перелетом.

В мое время первоклашки на переменках исполняли фрагменты из некогда обрядовой игры: «— “Гуси-лебеди! домой!” — кричал “хозяин”. — “Волк — под горой!” — отвечали те».

Затем «гуси» бежали к «хозяину», «волк» их ловил, а «хозяин» выручал. Погоня волков за солнцем хорошо известна из скандинавской мифологии, волки эти — сыновья некоей ведьмы-великанши (Младшая Эдда. 1970, с. 20).

В русской (или проторусской) мифологии эта роль, может быть, принадлежала Кикиморе или кикиморам. Первая часть этого слова, вероятнее всего, связана со словом «кикн», вторая — «мора» — «смерть». Кикиморы пугали детей, вредили домашней птице, пряли или пугали пряжу. За 13 дней до Алексея-гусятника (весеннее равноденствие) в деревнях проводилось изгнание кикимор (Коринфский А.А. 1901, с. 173). Знаток русского фольклора, художник И.Я. Билибин изобразил кикимору на птичьих лапах и с гусиным клювом.

Много интересного по исследуемой нами теме можно найти в античных источниках.

Античное искусство многократно представляет восседающую на лебедь или окруженную лебедями Афродиту.

В образе лебедя Зевс сошелся с Ледой, по другой версии — с Немезидой, которая обернулась гусыней, от этого брака родилась (вылупилась из яйца) знаменитая Елена (Аполлодор. 1972. III, 10, 7). Немезида, дочь Ночи и сестра Мойр, близкая им по своим функциям.

Рис. 24. Афродита на лебедь.
Рисунок на вазе. Древняя Греция

Артемида Эфесская. Многогрудая.
I в. до н.э

Артемида многогрудая. Римская
копия III—II в. до н.э.

Рис. 25. Артемиды

О лебединой упряжке Аполлона уже говорилось. В виде лебедя он обратил в бегство самого Геракла, на колеснице, запряженной лебедями, умчал свою возлюбленную — Кирену. Рождение Аполлона и его сестры лебеди приветствовали своим пением.

Сестра-близнец Аполлона — Артемида — родилась первой и сразу же стала принимать у матери, Латоны, роды своего брата. Классическая Артемида — богиня девственности, однако ее архаический образ связывался с плодородием и производительными силами природы. В Малой Азии, откуда культ этих богов пришел в Грецию, была известна и популярна Артемида многогрудая (МНМ, Сидорова Н.А. 1965, с. 35). Артемида — божество, приносящее легкую смерть и одновременно покровительница рожениц, что говорит о ее функции проводника в нижний мир и обратно. Своего брата она обучала стрельбе из лука — эротическая роль лука в обрядах и магии широко известна (МНМ). Кирена — бесстрашная охотница, победившая в рукопашной схватке льва (Пиндар. Пифийские оды. IX), — может рассматриваться как ипостась Артемиды.

Для архаического Аполлона характерно наличие растительных функций, он кифаред, родоначальник племен и основатель городов.

Можно говорить о генетической связи Аполлона с Телепиномсом — малоазийским богом плодородия. Когда Телепинус удаляется, перестает плодоносить скот, наступает засуха, вернуть его удастся, только послав за ним пчелу, которая, кстати, была зооморфной ипостасью Артемиды (МНМ, Гринцер П.А. 1971, с. 20).

С богом Аполлоном связан и другой античный музыкант — фракийский певец Орфей, в некоторых вариантах мифа — сын Аполлона, пользовавшийся его покровительством. История о том, как Орфей спускался в Аид, чтобы вывести оттуда свою жену Эвридику, хорошо известна. Орфей был учредителем дионисийских мистерий и погиб, растерзанный обезумевшими менадами, «женами киконскими» (Аполлодор. 1972. I. III. 2; Овидий. Метаморфозы. X. 1–63, 67–84).

Между учредительством дионисийских мистерий и гибелью Орфея от рук их участниц — менад — противоречия нет. В Якутии записан обряд вызывания плодородия у женщин и самок скота. Шаман камлает, представляя, что отправляется к Матери-богине земли с целью получения от нее «джалыка» — силы половой страсти. Получив «джалык», шаман начал созывать женщин, подражая ржанию жеребца, созывающего кобыл. Женщины, плясавшие вокруг него, войдя в экстаз, начинали ржать, оголялись и набрасывались на шамана, иногда они даже валили его; мужчины, наблюдавшие обряд, в таких случаях отбивали шамана от обезумевших женщин (Ксенофонов Г.В. 1930, с. 95). Этот или подобный обряд можно узнать и в описании гибели Орфея.

Тень Орфея спустилась в Аид, а его инструмент стал созвездием. Платон (Государство. 1973, с. 620) рассказывает, что в дальнейшем

Рис. 26. Мальчик с птицей. II в. до н.э.
Эрмитаж

«...душа Орфея выбрала жизнь лебедея...», в то время как некий лебедь решил выбрать человеческую жизнь. Это сообщение Платона — не результат его собственной фантазии — созвездия Лебеда и Лиры древние поместили рядом. Можно предположить, что прото-Орфей не раз в образе лебеда посещал Аид, добывая некий вариант «джалыка».

В античных источниках существуют и другие версии, свя-

занные с происхождением созвездия «Лебедь» («Кикн»).

Сын Посейдона и нимфы малоазийской реки Скамандр, Кикн был вскормлен лебедем. Став впоследствии правителем города Кологи, в Троаде, он имел двух детей — сына Тенеса и дочь Гиметею. Когда первая жена Кикна умерла и он женился вторично, мачеха, восплаившая любовью к пасынку, не встретив взаимности, оклеветала его. Кикн приказал заключить детей в ящик и бросить в море.

(Очевидно, мачеха оклеветала и брата, и сестру — в контексте ситуации — обвинив их в инцесте). Ящик прибило к острову Левкофрикс («белый фригиец»), где Тенес стал царем. Впоследствии и Тенес, и Кикн погибли при обороне Трои, и Кикн превратился в (созвездие) лебеда. Аполлодор указывает на особое покровительство, которое Аполлон оказывал Тенесу, и сообщает, что «некоторые считали его сыном Аполлона» (Аполлодор. Эпитома. III. 23).

Есть еще Кикн, сын Аполлона, кичливый юноша, превращенный своим отцом в лебеда, и Кикн, жрец Аполлона, сын Ареса, пытавшийся воздвигнуть храм из человеческих черепов и убитый Гераклом (Овидий. Метаморфозы. 1977. XII. 72; Немировский А.И. 1978, с. 23, 24; Лосев А.Ф. 1957, с. 276). Наконец, Кикн, царь лигуров, друг Фазтона, присутствовавший при чуде превращения сестер Фазтона в деревья и скорбевший после его гибели так сильно, что был превращен в лебеда (Овидий. Метаморфозы. 1977. II. 367–380).

Подводя итоги сказанному, можно выделить некоторые общие черты, связанные с «лебединой» темой в античной мифологии. Большинство персонажей этих мифов связаны с Троадой или фракийско-фригийским окружением Эгейского моря, они связаны с Аполлоном,

некоторые настолько, что их можно рассматривать как его ипостаси, женские персонажи «лебединого» мифа отчетливо связаны с растительностью, а мужские имеют сестер, превращающихся в деревья или иначе связанных с темой растительности.

В наказание за убийство и менады, «жены киконские», были обращены Дионисом в дубовые деревья. Племя киконов упоминает уже Гомер, он сообщает, что, отплыв от Трои, Одиссей высадился на острове киконов и захватил их город Исмер, где перебил всех жителей (Од. IX. 39–61); Аполлодор дополняет, что исключение было сделано только для Марона — жреца Аполлона (Э. VII. 2). «Встреча с киконами — один из немногих эпизодов скитания Одиссея, поддающихся достаточно достоверной локализации... (видимо, речь идет о фракийском племени киконов, жившем на северном побережье Эгейского моря...)» (МНМ). Можно предположить, что название племени было связано с лебедем — тотемом и зооморфной ипостасью божества-покровителя племени.

Вергилий (Энеида. 1933. XII. 247–256) рассказывает, что перед битвой Энея и его спутников, прибывших из разоренной ахейцами Трои, с объединением местных племен боги послали людям знамение: стая лебедей прогнала напавшего на нее орла. Вождь аборигенов, Турн, справедливо предположив, что агрессорами являются пришельцы, расценил это знамение в свою пользу и ошибся — победа досталась Энею. Иное толкование знамения можно объяснить связью пришельцев с лебединой символикой — и древние авторы, и современные ученые признают, что в этногенезе этрусков участвовали выходцы с восточных берегов Средиземного моря. Что касается аборигенов, они, вероятно, поклонялись Юпитеру, чьим символом был орел.

С этим знаменем, описанным Вергилием, интересно сравнить сон, который накануне возвращения Одиссея увидела Пенелопа:

*Двадцать гусей у меня есть домашних; кормлю их пшеницей;
Видеть люблю, как они на воде, полоскаясь, играют.
Снилось мне, что, с горы прилетевший, орел крутоносый,
Шею свернув им, их всех заклевал...*

(Гомер. Одиссея. IXX. 536 и след.)

Неузнанный Пенелопой Одиссей, враг троянцев и киконов, толкует сон как предвестие своей победы над женихами, помогающими его жены, и не ошибается. В списке этих женихов, приведенном Аполлодором (Э VII. 27), был и некий Кикн.

Фракийско-фригийский ареал оказал значительное влияние на формирование славянской культуры.

8. Купало

Среди воинов, пришедших на помощь Энею, был и сын Кикна, друга, а возможно, и одной из ипостасей Фаэтона — царь лигуров Купавон.

*Над головой у него встают лебединые перья —
Знак преступной любви
И отцовского образа признак. (*)*

(Вергилий. Энеида. X. 186)

«Отцовского образа признак» — понятно, отец Купавона принял образ лебедя. Но что означает — «знак преступной (maestus) любви»? Слово «maestus» — печальный, мрачный, зловещий, преступный. Грамматик IV в. Сервий, комментируя эту фразу, толковал ее как намек на гомосексуальные отношения между Кикном и Фаэтоном (Немировский А.И. 1978, с. 25). Однако, во времена Вергилия общественное мнение не осуждало такую любовь; кроме того, сын Кикна, Купавон, никакого отношения к этой любви иметь не мог. Гораздо логичнее предположить, что Вергилий имел в виду какие-то факты из мифической биографии самого Купавона. Немировский (там же, с. 26) отождествляет вергилиевского Купавона со славянским Купалой; если его гипотеза справедлива, то «преступная», «зловещая» любовь означает не что иное, как инцест.

В свете исследуемых мной сказок о гусях-лебедях точка зрения А.И. Немировского получает новые подтверждения.

Купальская обрядность еще в конце XIX века была широко распространена по всей Европе, особенно на территориях, заселенных славянами и балтами.

Во время празднования, приходившегося на день летнего солнцестояния, участники обрядов изготавливали чучела Купалы и его женского партнера (Мара, Марья), украшали их, а в конце действия сжигали и пепел выбрасывали в воду⁹². Во время праздника прыгали через костер, который предполагалось разжигать «живым» огнем (т.е. полученным с помощью трения), купались, в ночь на Ивана Купалу искали клады, на которые указывал цветок папоротника.

Поскольку купальская обрядность связана с купанием, возникает соблазн произвести имя «Купало» от слова «купать», как более

⁹² В Древней Греции существовал праздник, посвященный Аполлону и называвшийся Таргелиями, приходился он на июнь месяц, во время Таргелий... приносились человеческие жертвы: мужчину и женщину, увешав гирляндами цветов, гнали вокруг города, а потом сжигали (Лосев А.Ф. 1957, с. 425).

распространенного. На мой взгляд, наоборот, слово «купать» происходит от обряда, связанного с Купалой; В.И. Даль (ТС) приводит слова «купальница», «купаленка» в значении — «костер в поле, огонь на ночлеге», что согласуется с огненной сутью того же Купалы. «Купавый» в русских говорах «красивый».

В.В. Иванов и В.Н. Топоров (МНМ) связывают это слово с индоевропейским корнем «куп» («кип», «коп»), означающим кипение, страсть, соединение. Оно родственно и другому, гораздо более известному — имени бога любви — Купидона и не только этимологически, поскольку купальский праздник носил ярко выраженный эротический характер.

Имя «Купала» в письменных источниках встречается, начиная с XIII века. Автор «Синописа» помещает Купалу среди других богов славянского пантеона, называя его «богом плодов земных» (Снегирев И.М., 1873, вып. 1, с. 168). Христианство день летнего солнцестояния связало с именем Иоанна Крестителя (отсюда «Иванов день», «Иван Купала»).

Миф, восстанавливаемый по купальским песням и поверьям, говорит о кровосмесительной любви Купалы и его сестры, что служит причиной его гибели. (После этого дня Солнце «заболевает» — день начинает идти на убыль). Инициатором преступной связи является, как правило, сестра (Иванов В.В., Топоров В.Н. 1974, с. 217).

По болгарскому поверью, солнце в этот день не знает предстоящей ему дороги, а потому является дева и ведет его по небу (Афанасьев А.Н. 1982, с. 440).

«В известном смысле ритуальной параллелью к мифам о родоначальниках является календарный миф об умирающих и воскресающих героях — братьях, сыновьях и одновременно мужьях аграрной богини» (Мелетинский Е.М. 1984, с. 59). В этой ситуации инцест имел двоякое значение: как проявление гиперсексуальности он должен был гарантировать плодородие, как проявление социального хаоса инцест провоцировал хаос космический; в календарном мифе он служит причиной гибели аграрного божества и, как следствие, замены благоприятного сезона на неблагоприятный.

Реконструируя взаимоотношения сказочного Ивашки и Ягишны, я уже имел случай говорить об инцесте, но это, достаточно гипотетичное, утверждение никак не может служить доказательством связи сказочного сюжета с купальским, наоборот, доказательство этого родства в значительной мере может подтвердить правильность моего анализа.

Имя Ивашко тоже не может служить таким доказательством, косвенно на связь с купальской обрядностью указывают «древесные» имена

сказочного героя: Олешанка, Липуна, Лутошка, поскольку деревце, символизирующее Купалу, — стабильный элемент купальского праздника (Потебня А.А. 1867). «Липа, — писал П.А. Бессонов (1871, с. 120), — у многих славян спутница торжеств купальских; в виде и с именем “пня” Бадняка, заняло это дерево первое место в торжествах Божича» (*).

Гораздо интереснее другое имя нашего сказочного персонажа — «Играшка» (Сказки Ленинградской области); по поверьям почти всех славянских народов, солнце в этот день «играет» на небе: подпрыгивает, дрожит, качается. В Сербии одно из имен Купалы — «Иван Игритель» (Календарные... 1978, с. 211). Представления эти восходят к глубокой древности — в Чхандогье Упанишаде восточному положению солнца соответствует красный цвет, южному — белый, западному — черный, северному — очень черный. Верхнему положению соответствует «дрожание в середине солнца» (III. V. 3).

В Германии купальские персонажи, как и герои одноименной уже упоминавшейся сказки, носили имена — Гензель и Гретель (Веселовский А.Н. 1894, с. 315).

Как уже говорилось, «Gans» по-немецки означает «гусь», в восточнославянском фольклоре мне не встретилось отождествление Купалы ни с гусем, ни с лебедем, однако птичью ипостась он все-таки имеет: «Купайло, Купайло, де ти зимувало?» — «Зимувало в лісі, / Ночувало в стрісі (*под стрехой*. — В.Р.), / Зимувало в пір'ячку, / Літувало в зіллячку» (*зимувало в перьях, летовало в травах*. — В.Р.) (Українські народні пісні. 1963, с. 307). Образ такого рода птицы гармонирует с тем, что мы знаем о Чувиль-Филюшке. (О роли воробья в обрядовом фольклоре см.: Тульцева Л.А. 1982).

Многие купальские песни подчеркивают, что герой праздника — ребенок: «Чого ты, Иван, большим не ріс?» (*) (Украинские народные думы, с. 326); иногда это даже гиперболизируется: он ожидает возлюбленную в «колысочке», подвешенной на дубочке (Ящуржинский Хр. П. 1890, с. 329)⁹³.

Собираясь за невестой, купальский «Иван-болван тешет челн, строгаєт весло» (*) (Бессонов П.А. 1871, с. 52). День летнего солнцестояния отмечался катанием на лодках еще в глубокой древности:

⁹³ «Младенцами» являются многие божества, связанные с плодородием и календарным циклом. Кроме уже упомянутого Купидона, есть еще египетский Гор, шумерский Даму, индийский Кама, иранский Сйаваршан (Сиявуш). (МНМ). «Время — играющий мальчик» (Гераклит).

*Пусть ваши лодки в цветах несут собутыльников юных,
Вдоволь напейтесь вина прямо на стрежне реки!*

(Овидий. Фасты. VI. 779–780)

Мотив рыбной ловли был одним из существенных купальских представлений: «Купало, Купало, чем ты вечеряло? — Рыбку с перцем, чесноком, олейцем» (*) (Купальские и Пятничкиные песни. 1985, 176; Бессонов П.А. 1871, 97). В древнерусских апокрифических переложениях библейского сказания о Товите фигурируют: слепой царь Симехирей, его больная (прокаженная) жена Купава, сын Пров⁹⁴. Симехирей посылает Прова собирать дань, тот по пути встречает Христа, и далее они идут вместе. Христос помогает попутчику получить у подданных сокровища, а во время купания ловит чудесную рыбу, с помощью которой исцеляются отец и мать Прова. Рыбьи глаза — от слепоты, желчь — от нечистого духа, стамех — от проказы. «Стамех» («стамик») от слова «стать» (ТС), «стамиком» — «отвесно, стоймя», «стамой» — «упрямый, непослушный», «стаметь» — «цепенеть» (ЭС). Одновременно Пров и Христос совершают характерный для купальского действия обряд побратимства. В другом тексте говорится, что купальские травы приобрели целебные свойства потому, что в этот день Товий поймал чудесную рыбу (Веселовский А.Н. 1894, с. 305; Соколов М.И. 1888, с. 168). Хорошо известная связь купальской мифологии с поисками сокровищ-кладов. «Купала наша. Купала! Дай нам котлы золота» (Бессонов П.А. 1871) — пели в ночь летнего солнцестояния. Золото просили для обзаведения крестьянского хозяйства (Фамицын А.С. 1884, с. 297), для этих же целей используются и сокровища, похищенные мальчиком у Яги.

В сказках, связанных с интересующей нас темой, почти всегда фигурирует белая рубашка, которую носит герой; в гриммовском варианте (1978, 49) белая рубашка превращает братьев в лебедей, в упомянутой уже норвежской сказке рубашка из болотного пуха возвращает им человеческий облик. Белую рубашечку приносит ежедневно старуха на берег и зовет Ивашечку. В купальских песнях можно увидеть прямую связь с этой сказочной ситуацией:

⁹⁴ Приблизительно такая же легенда была известна и в Болгарии. Вполне вероятно, что «Книга Товита» вписалась в купальскую обрядность вне письменных источников, которые тогда были достаточно редкими, и приобрела широкую известность, что и побудило восточную церковь ввести ее в официальный канон. Симехирей — ассирийский царь Сеннахирим, преследовавший Товита. В апокрифе — замещает Товита. Пров (возможно, «Прове») — балтославянское божество.

*Ивашко купался, берег колыхался.
Ивашкова матери по берегу ходит, Иванечку кличет:
«Ванюша, дитяточка, плыви к бережочку,
Плыви к бережочку, к желтому песочку,
Надень же рубашку, тонкую, белую,
С простым цайнарочком, с косым вороточком». (*)*

(Поэзия крестьянских... 1970, с. 664;
Купальские и Пятницкие... 1985, с. 682)

Забылин М.М. сообщает, что на Иванову ночь для смягчения злобы русалок в Воронежской губернии в лесу развешивали белые холсты для рубашек (1880, с. 62). К теме русалок мы еще вернемся.

В купальский фольклор входили представления о Купале — перво-предке. В латышских купальских песнях имя «Ян» употреблялось в значении «хозяин»; «яновы дети» — это не только участники обряда, но и люди вообще. На Украине «Иван» означало «крещеный». «Какое имя нарекли вашему Ивану?» — спрашивали у родителей после рождения ребенка (Веселовский А.Н. 1884, с. 309).

Сказочному сюжету, в котором фигурируют три брата и их сестра Лебедь, на мой взгляд, родственно предание о генеалогических героях полян: Кие, Щеке, Хориве и их сестре Лыбедь, зафиксированное в «Повести временных лет». Это же предание известно и из армянского источника VII века (Марр Н.Я. 1934, Т. 5, с. 56). Автору «Повести» приходится опровергать, очевидно, устоявшееся мнение, будто Кий был перевозчиком. Спутать реального князя с реальным перевозчиком молва, разумеется, не могла, иное дело, если речь шла о мифологических персонажах.

В качестве «главного» перевозчика мифология знает управителя солнечной лады, чаще всего само Солнце, которое ежедневно отправляется в Преисподнюю (на западе), чтобы, пройдя нижний мир, наутро появиться вновь на востоке; в некоторых случаях можно говорить и о «попутчиках», душах умерших. Слово «Кий» на многих славянских языках означало палку, дубинку, палицу, связано оно и с индоевропейским значением «бить», «ударять», «ковать» (ЭС), в этом прослеживается связь как с «рождественским поленом» и палкой-Лутошкой, так и с Лутошкой-кузнецом, отковавшим первый серп. В качестве конкретных значений словарь предлагает и палку для глушения рыбы, и пест⁹⁵.

⁹⁵ Ступа Бабы Яги, подгоняемая пестом, — достаточно прозрачный образ.

Кузнецом в некоторых заговорах представлен и Купала: «На море, на кияни лежит бел камень — Латырь, на том белом камне — Латыре стоит золотая кузня. В той кузне Кузьма-Демьян, Купальный Иван. Имеет у себя Кузьма-Демьян, Купальный Иван двенадцать молотобойцев, двенадцать молотов...» (Мансикка В. 1912, № 18).

Вероятно, Лыбедь была русалкой — река с этим именем впадает в Днепр на территории современного Киева, у ее впадения возвышается Девечь-гора.

Армянский источник добавляет к этому сюжету ряд важных деталей: братья Деметр и Гисанэ, прибыв в Армению, основывают там город Вишاپ (в армянских мифах вишاپ — змей). Деметр — божество подземного мира (ср. греч. Деметра), Гисанэ — означает «длинноволосый», этот эпитет мог быть и другим именем Деметра, а мог означать Карапета (арм. «Предтеча»), так называют в Армении Иоана Крестителя. Вероятнее всего, именно он и имелся в виду, т.к. на месте святилища Деметра и Гисанэ позднее возник монастырь св. Карапета. В предшествовавшие же времена эта местность считалась воротами преисподней. У них было трое сыновей: Куар, Мегти и Хореан; уйдя в землю «полун» (полян), Куар построил там город и назвал его своим именем, этот город в армянских хрониках отождествляется с Киевом (Абегян М. 1975, с. 237; МНМ). Армянский источник на пять веков старше «Повести» и, вероятнее всего, лучше сохранил некоторые детали — связь Куара-Кия с подземным миром и днем летнего солнцестояния.

В «Слове о полку Игореве» русские названы внуками Дажьдбога. Если они дети Кия, то Кий, возможно, сын Дажьдбога — бога ясного неба.

С купальской обрядностью связана и легенда о граде Китеже — согласно наиболее известному ее варианту, Господь уберег город, погрузив его на дно озера Светлояр или в глубине окружающих озеро холмов. Озеро это было объектом поклонения, особенно среди старообрядцев. «На норы» к Светлояру было принято собираться в канун дня Иоанна Крестителя (Купалы), обрядность во многом соответствовала купальской — деревья вокруг озера украшались образками, на воду спускались щепки с горящими свечками, в окружающем лесу собирались целебные травы (Комарович В.Л. 1936, с. 4). Из-под воды временами слышался колокольный звон — первоначально, возможно, звон кузнечных молотков.

Водних преданиях говорилось о том, что жители Китежа насыщаются только молитвами, в других — о чрезвычайно вкусной пище китежан:

«Заблудившийся пастушок случайно попал в Китеж и там его накормили столь вкусным хлебом, что, нарушив запрет, он попытался тайно вынести кусочек на землю, однако там он обнаружил в кармане гнилушку, а дорогу в Китеж забыл навсегда» (*) (Меледин С.П. 1843).

«Береза, стоявшая у родника возле озера, завалилась так, что под корни можно было пролезть. Вот один мужик и полез туда. Видит — место светлое и на том месте сидят старцы светлоликие и крестьянские дела разбирают, и деда своего он узнал. Дед погрозил ему пальцем, и тут птица с клювом напала на мужика и всего так исклевала, что он насилу дорогу назад нашел» (*) (Блинкова Л.А и др. 1973, с. 117). Слово «Светлояр» является почти калькой санскритского «Шветадвипа» — «светлый остров». Махабхарата повествует о том, что «На Севере Молочного Моря есть большой остров... Шветадвипа... Там живут благоуханные... Белые мужи, удаленные от всякого зла... Богу, распростершему Вселенную, они любовью служат».

С Китежем связаны каким-то образом и предания о Девке-Турке, богатырше, хозяйке диких зверей — озеро Светлояр образовалось там, где под копытом ее коня провалилась земля (Град Китеж. 1985).

Легенды о провалившихся городах связаны не только с Китежем — в Витебской губ. рассказывалось о провалившемся селе; на Ивана Купало, приложив ухо к земле, можно было услышать колокольный звон и церковное пение (Шейн П.В. 1893, с. 431).

9. Ярило и Егорий храбрый

Многие исследователи фольклора: А.Н. Афанасьев, В.В. Иванов, В.Н. Топоров утверждают, что «можно почти с полной уверенностью поставить знак равенства между Купалой и Ярилой» (Соколова В.К. 1979, с. 272). Действительно, во многих местностях России Яриловым днем называли день летнего солнцестояния (в Ярославской, Тверской, Казанской губерниях), в Рязани этот день называли Ярилки.

Существовали и другие дни, посвященные Яриле. В Костромской губернии Ярилу изображала небольшая кукла с «огромным детородным удом», которую клали в гроб и торжественно хоронили (Афанасьев А.Н. 1982, с. 442). На Украине подобное чучело звали Кострубонькой. М.М. Забылин (1880, с. 83) пишет, что в Воронеже ярильские празднества отмечались кулачными боями.

Купальская обрядность была связана с обрядами побратимства и мужскими союзами (Веселовский А.Н. 1894). В Румынии еще в начале

XX века атрибутом летних аграрных праздников были игры калушариев — обычай, который восходил к обрядности мужских союзов. Ватаги калушариев, по сообщению Кантемира, еще в конце XVIII в. вели себя во время таких игр довольно агрессивно; стычки между такими ватагами иногда кончались убийством (Календарные обычаи... 1978, с. 247)⁹⁶.

Еще одной темой, связывающей Купалу и Ярилу, являются рассказы о разбойниках и зарытых ими кладах, искать которые следовало в ночь на Ивана Купалу. Самым знаменитым разбойником на Руси был атаман Кудеяр, что можно этимологизировать как «кудесник-Ярило» или «кудесник (жрец) Ярилы» (Дружинин. 1926, с. 35) (*так у автора. — Ред.*), такое толкование подтверждается и быличками о разбойнике Яриле (Киреевский П.В. 1983, с. 217). Кудеяр чудесным образом мог уйти от преследования: посреди камеры бросить полушубок, превращавшийся в лодку, или нарисовать ее на стене и уплыть на ней (лодка — один из способов путешествия в нижний мир), мог нырнуть в ковшик с водой и пропасть (Якушкин П.И. 1884, с. 291). Кудеяр — хозяин огромной подземной кузницы, в которой подчиненные ему кузнецы куят тележные ободья и подковы (Садовников Д.Н. 1884, 109). Часто рассказчики именовали Кудеяра не разбойником, а «хозяином», о нем рассказывали как о перво-поселенце многих мест, пришедшем сюда, в необитаемый до того край, со своей ватагой (Минх А.Н. 1891, с. 256; Соколова В.К. 1970, с. 212).

К рассказам о разбойниках примыкает и широко распространенный сюжет, использованный А.С. Пушкиным в балладе «Жених»: девушка случайно попадает в притон разбойников и, спрятавшись, наблюдает, как они расправляются с приведенной ими пленницей — разрубая ее на куски. Через какое-то время атаман сватается к героине, и та его разоблачает (Аф. 342, 343). Нам еще будет повод вспомнить эти сказки.

Имя Ярило восходит к древнеславянскому корню «яр», обозначающему весну, в свою очередь восходящему к индоевропейскому значению «год» (ЭС). Вероятнее всего, ранее Купала и Ярило были разными эпитетами одного божества, затем Купало стал отдельным богом «плодов земных», а Ярило — его эпитетом. Поскольку во многих мифологических системах функции божества плодородия и войны первоначально

⁹⁶ В.В. Иванов (МНМ) связывает Ярилу с хеттским богом Ярри, которому в древности была посвящена такая церемония: перед идолом Ярри молодые люди, предварительно разделившись на два отряда, устраивали ритуальный бой; «люди Хатти» (хетты) были вооружены медным оружием, «люди Масса» оружием из тростника; побеждали, естественно, «люди Хатти», они брали у «людей Массу» пленника и посвящали его богу Ярри (Герни О.Р. 1987, с. 139).

существуют (см., например, «Марс» — МНМ), Ярило первоначально олицетворял воинский (яростный) аспект Купалы, но в качестве особо-го божества оформиться не успел, чему помешала сначала конкуренция громовика-Перуна, потом — принятие христианства.

Об этом свидетельствуют и княжеские имена: «Ярослав», «Ярополк», «Яромер», «воевода Ярук», — и то, что после принятия христианства Ярило стал ассоциироваться с Георгием Победоносцем, Юрием, Егорием Храбрым (греч. «Георгий» — земледелец). (См.: Иванов В.В., Топоров В.Н. 1974, с. 213).

В русских духовных стихах Егорий имеет сказочные, явно солнечные черты:

*По колена ноги в чистом серебре,
По локти руки в красном золоте,
Голова у Егория вся жемчужная,
По всем Егорие часты звезды.*

Он не горит в огне и не тонет в воде, оказывается в нижнем мире, преодолевает леса дремучие и горы толкучие, побеждает уже упомянутую Черногар-птицу. Сестры Егория — повелительницы диких зверей, «На них тела, яко еловая кора, Влас на них как ковыль трава» (Бессонов П.А. 1861. Т. 2. 103). В заговорах Егорий и сам — волчий пастырь. В егорьевских песнях имена Юрий и Мария встречаются совместно, что еще раз служит подтверждением генетической связи образов Купалы, Ярилы и Егория Храброго; в балладах встречаются совместно имена Юрий и Анна, имя Анна встречается и в купальском фольклоре.

10. Кунава-кострона

В белорусской традиции Яриле посвящались весенние обряды — его изображала девушка, одетая в белое, с венком на голове, ржаными колосьями в правой руке и человеческой головой в левой, на белом коне (МНМ). Вероятно, когда-то девушка символизировала не самого Ярилу, а его женского партнера.

Как уже говорилось, эта роль амбивалентна (двойственна): с одной стороны, героиня — виновница гибели Купалы, она Мара, Марья, Маржана, потому в левой руке у нее человеческая голова, с другой стороны, она — избавительница Купалы, заместительница его в нижнем мире.

Она — «змея чаровница, что в поле заломы завивает, у коров молоко отбирает» (*) (Поэзия крестьянских... с. 647), дочь Ночи — «Темная ночь,

а где ж твоя дочка?» — спрашивает о ней песня (Купальские и Пятницыкие... с. 88). Вместе с тем она и производительное божество:

*Где Иван купался,
Берег колыхался.
Где Марья купалась —
Трава расстилалась.*

(Балов А.В. 1911, с. 31)

Средневековыми писателями чешская Морана отождествлялась с Гекатой (греческой богиней волшебства, изображавшейся с пылающим факелом, бродящая среди мертвецов и выводившая призраки из могил); а польская Маржана — с Церерой — богиней злаков и урожая (МНМ)⁹⁷.

В купальских песнях иногда говорится о гибели мужского персонажа:

*А я, млада-младешенька, замешкалася
За утями, за гусями, за лебедями,
За мелкой птишкой, за журавушкой.
...
Все венки наверх всплыли, а мой потонул.
Все мужья домой пришли, а мой не пришел.*

(Киреевский П.В. 1983, 486)

Гораздо чаще, однако, песни повествуют о смене женского персонажа мужским (ведь празднуется разгар лета): «А у нас сегодня Купалочка, а завтра Иванечка» (*) (Купальские и Пятницыкие...).

«Купава», «купавна», «купавая» во многих областях России — красивая, нарядно одетая женщина; так же или почти так называются многие растения, чаще всего кувшинка или лилия, но и папоротник, и цветок Иван-да-Марья (СРНГ). На смоленщине купалочками назывались русалки.

Во многих случаях изображается гибель девушки, виновником ее оказывается брат или возлюбленный (Бессонов П.А. 1871, 78). Прыгая через купальский костер, погибает и Снегурочка (Афанасьев А.Н. 1982, с. 293), если учесть, что прыганье через купальский огонь было символом очищения, двойственная природа ее становится очевидной.

Купальские песни варьируют уже упоминавшийся сюжет о превращении тела русалки в реалии окружающего мира:

⁹⁷ В Древнем Риме Церере посвящались апрельские праздники, во время которых травили лисиц, предварительно привязав к ним горящие факелы (Овидий. Фасты. IV, 681). Во многих европейских странах в купальский обряд входило сожжение лисицы (Фрезер Дж. 1984, с. 612). Потебня А.А. говорил о тождестве лисы с Мореною и Ягою, сопоставляя сказки о Чувиль-Филюшке и петушке (1865, с. III).

*— Не берите, люди, у броду води,
Що й у брода вода — то Ганнина врода (красота. — В.Р.).
Не ловите, люди, у Дунаї риби,
Що у Дунаї риба — то Ганнино тіло,
Не косите, люди, по лугах трави,
Що по лугах трава — то Ганнина коса...*

(Потебня А.А. 1867, с. 2)

В русских балладах (не относящихся к какому-либо обрядовому циклу) встречаются рядом имена Юрий и Анна, в балладе «Чудесное спасение» Анна, сестра князя Юрия, чтобы не попасть в плен к татарам, «ударилась о сырой белый камень»:

*Где Аннушка пала — там церковь постала,
Где ручки да ножки — там елки, сосенки,
Где буйна головка — там крутые горки,
Где руса коса — там темны леса,
Где цветное платье — там зеленый лес,
Где кровь проливала — там синее море. (*)*

(Русские народные баллады, с. 30)

Имя Анна (укр. Гана) созвучно с римской Церерой (Anna peregrina), замечает М.М. Забылин (1880, с. 77); согласно одной из версий мифа, Анна Перенна, спасаясь от преследований ревнивой жены Энея, утопилась в реке и стала нимфой (Овидий. Фасты. III. 523); «annus», лат. — год, «perennis» — вечный, непрерывный (МНМ). С другой стороны, жену Товита, поименованную в апокрифе Купавой, тоже звали Анной (евр. — «милостивая», Тов. I:9).

В сказке «Чудесная дудка» брата Иванушку убивает его сестра Аннушка, в другом ее варианте девочку Снежевиночку убивают ее подружки (Аф. 245—246).

Как и Белая Лебедь Захарьевна, и Елена Прекрасная, и Девка-Турка, купальская героиня представляется «поленницей» — богатыршей, охотницей, предводительницей женского войска (Бессонов П.А. 1871, 73). Возможно, и отчество лебедь-девы — «Захарьевна» — объясняется тем, что в христианский период образ Купалы сливался с образом Иоанна Крестителя, сына Захарии (Лк. 1:12—13).

Имя «Кострома» — контаминация слов «кость», «костра», «костер». Кострома упоминается как масленичный персонаж, персонаж русалий, в Саратовской области ее считали русалкой (Пропп В.Я. 1963, с. 80).

Похороны Костромы проходили так: одна из девушек изображала Кострому, остальные с почтением укладывали ее на доску и несли купать. В других случаях делали куклу из соломы или сорных трав и с песнями несли на берег — там играющие разделялись на две партии, одна защищала Кострому, другая нападала. Побеждали всегда нападающие — чучело топтали, рвали и либо разбрасывали по полям, либо топили (Афанасьев А.Н. 1982, с. 442).

Растерзание и разбрасывание по полям чучела — устойчивый элемент аграрной магии многих народов, в том числе и славян, вот почему разрубает свою неверную жену на мелкие части Поток-богатырь, так же поступают с пленными девушками и разбойники-кудеяры.

Вполне возможно, что на определенном этапе это не было мифопоэтической метафорой, а выполнялось в буквальном смысле⁹⁸.

Образом Костромы интересно сопоставить Еневу Булю — молодую жену болгарского Еня Купалы — девочку, которая изображала ее, одевали в одежду с длинными рукавами, которыми она махала, как птица крыльями. Во время обряда Еневу Булю его участники носили на руках, т.к. считалось, что, где она ступит на землю — земля сгорит (Календарные... 1978, с. 231). Рыбаков приводит такой же костюм из Пензенской губернии и сопоставляет этот обряд с танцем Царевны-лягушки, которая, выбрасывая из рукава кости съеденных ею лебедей, оживляет их.

Рис. 26. Енева Буля. Болгария

⁹⁸ Разбрасывание чучела как бы повторяло процесс сотворения мира из тела прачеловека. Инцест близнецов имеет к этому непосредственное отношение — во многих традициях первочеловек обоесполой: близнецы — мальчик и девочка — вариант такого гермафродита.

Рис. 27. Народный ритуальный костюм. Пензенская губерния

Праздник встречи Костромы сопровождался игрой, персонажами которой были «утка» и «селезень» (Бернштам Т.А. 1982, с. 33)⁹⁹.

О ней пели: «Кострома моя, Костромушка, / Моя белая лебедушка!», особенно интересен следующий текст:

*Костромушка, Кострома,
лебедушка-лебеда,
Белая, румяная!
У Костромушки, Костромы
Блины с молоком, кисель с творогом,
Каша масляная,
Теша ласковая (*)*

(Шейн П.В. 1898. 1257, 1261)

«Теша» — рыбе брюшко с краем бочков (ТС). То, что эпитет «ласковая» несколько отличается от остальных, чисто кулинарных определений, как и само наличие такого блюда, можно было бы принять за случайность, если бы слова: «костер», «костра», «костера» (в СРНГ с этим корнем можно на-

считать около двух десятков диалектных слов, обозначающих различные породы рыб, преимущественно осетровых).

Может быть, в результате инцеста Лебедушка-Кострома была обращена в рыбу и рыбак-Ивашечка пытается вновь воссоединиться с ней?

В русском фольклоре достаточно распространена баллада о сестре, соблазнившей брата и отравленной за это своей матерью; по неведению сестра делится с братом отравленным вином — оба умирают и после смерти превращаются в деревья:

*Листочки с листочками слипалися,
Пртышки с прутьочками свивалися,
Крешки с кореньями сrostалися.*

(Былины Севера. 1951. Т. 2, 1760)

⁹⁹ В Астурии на день Св. Иоанна купались только девушки, задачей парней было похитить их одежду (Календарные обычаи... 1978, с. 48).

Мать срубает эти деревья и сжигает их.

Возможно, что влюбленные превращались в одно дерево — он в ствол, она — в кору, «разлучение» их и приводит к появлению мальчика Лутошки и девочки Костромы. В Польше на «зеленые свентки», другое название — «купалночка», делали чучело «рыцаря» из ольховой коры (Календарные... 1978, с. 215).

На момент появления русских на Сахалине местные жители — айны — еще добывали огонь трением — местное божество огня Ойна-камуи носил одежду из луба, употреблявшегося при таком способе добывания огня (Спеваковский А.Б. 1988, с. 67). «Живой» огонь», добытый посредством трения, — важный элемент купальской обрядности. Ассоциации между добыванием огня трением и соитием достаточно древние, их демонстрирует уже Чхандогья Упанишада (2.12.13)¹⁰⁰.

Среди американских индейцев и финно-угорских народов распространено поверье, что во внутренностях рыбы находится огонь (МНМ).

11. Заключение

Мифология, даже сравнительно развитая, не представляет собой того логического единства, которое мы привыкли находить в ее популярных изложениях. Происходит это по многим причинам.

Во-первых, любая система мифов находится в непрерывном становлении. И во времени, и в пространстве мифы все время изменяются — вчерашние эпитеты действующих персонажей обретают свое существование в виде их детей, братьев, друзей; с другой стороны, многие персонажи, возникшие совершенно независимо, превращаются в одно божество.

Это происходит потому, что миф построен иначе, чем трактат по математике или даже по мифологии. С точки зрения формальной логики — лебедушка-Кострома может превратиться в рыбу и изображаться чучелом; с точки зрения логики мифа — она есть и рыба, и лебедь, и чучело, и одно другому не противоречит. Исходя из формальной логики, после ухода Купалы наступает «бабье лето» — время его женского партнера, — миф может одновременно сообщать: «сегодня у нас Купалочка, а завтра Иванечка», и рассказывать о гибели Купалы, соблазненного своей сестрой.

¹⁰⁰ В древнеиндийском сказании о Пурурвасе и Урваши смертному Пурурвасу для того, чтобы воссоединиться со своей женой лебедь-девой, апсарой Урваши, необходимо выполнить задание небожителей — добыть трением первый огонь. (Мифы Древней Индии. М., 1975. 16).

Античная мифология известна нам из немногочисленных трудов писателей того времени, использовавших ее в качестве основы для своих художественных произведений или стремившихся донести до потомков свои верования — при этом и в том, и в другом случае каждый из авторов пытался втиснуть сюжет в рамки логики.

Я не ставил перед собой такой задачи — следовательно, и не пытался восстановить некий древний миф, в том виде, в каком он существовал (такого просто не было и не могло быть). Я попытался восстановить некоторые цепочки ассоциативных связей, известные нам из богатого фольклорного материала.

Мне кажется, это гораздо интереснее, чем творение псевдомифов.

Сокращения

Аф. — Афанасьев А.Н. Народные русские сказки.

Вят. — Зеленин Д.К. Великорусские сказки Вятской губернии.

Гильф. — Онежские былины, записанные А.Ф.Гильфердингом.

Марк. — Марков А.В. Беломорские былины.

МНМ — Мифы народов мира.

Од. — Одиссея.

Онуч. — Онучков Н.Е. Северные сказки.

Перм. — Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии.

Пушк. — Чернышов В.И. Сказки и легенды пушкинских мест.

РГО — Журнал русского географического общества.

СРНГ — Словарь русских народных говоров.

ТС — Даль В.И. Толковый словарь.

Худ. — Худяков М.А. Великорусские сказки.

ЧУ — Чхандогья Упанишада.

Э — Аполлодор. Эпитома.

Эн — Вергилий. Энеида.

ЭС — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.

Литература

1. Абеян М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975.
- 1а. Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. Ростов-на-Дону, 2000.
2. Аникин В.П. Календарная и свадебная поэзия. М., 1970.
3. Аничков Е.В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. СПб., 1903—1905.
4. Аничкова Е. Slavia V—2. Прага 1927—1928 (*).

5. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. 4, вып. 2. Л., 1924.
6. Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.
7. Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. 2, вып. 2. СПб., 1914.
8. Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972.
9. Апулей. Метаморфозы. (Серия «Литературные памятники»). М., 1956.
10. Атхарведа, М., 1976.
11. Афанасьев А.Н. Дерево жизни. М., 1982.
12. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки в 3 т. М., 1957.
13. Балов А.В. О характере и значении древних купальских обрядов и игрищ // Русский архив. СПб., 1911, № 9.
14. Басилов В.Н. Избранники духов. М., 1984.
15. Бернштам Т.А. Орнитоморфная символика у восточных славян // Советская этнография. 1982, № 1.
16. Бессонов П.А. (Безсонов). Белорусские песни. М., 1871.
17. Бессонов П.А. (Безсонов). Калики переходные. Сборник стихов и исследование. Вып. 4, № 392. М., 1861–1863.
18. Блинкова Л.А., Бородько Р.Г., Одинцова И.И., Савушкина Н.И. Китежская легенда и несказочная проза Заволжья // Сов. этнография. 1973, № 4.
19. Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. 1. Улан-Удэ, 1970.
20. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. Русская народная поэзия. СПб., 1861.
21. Былины Севера в 2 т. (Подготовка текста и комментарий А.М. Астаховой). М.-Л., 1951.
22. Василевич Г.М. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Вып. 1. Л., 1936.
23. Вергилий. Энеида. М.-Л., 1933.
24. Веселовский А.Н. Гетеризм, поборничество и кумовство в купальской обрядности // Журнал Мин. нар. просв. 1894, № 2.
25. Гарин-Михайловский Н.Г. Собрание сочинений в 5 т. Т. 5. М., 1958.
26. Герни О.Р. Хетты. М., 1987.
27. Геродот. История в девяти книгах. В 2 т. М., 1885–1886.
28. Гесиод. Теогония. М., 1927.
29. Онежские былины, записанные А.А. Гильфердингом летом 1871 года (в 3 т.). Т. 1, СПб., 1894.
30. Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984.
31. Гомер. Илиада. Одиссея. М., 1967.
32. Град Китеж / Сост. В.Н. Морохин. Горький, 1985.
- 32а. Григорьев А.Д. Архангельские былины. Т. 1. М., 1904; Т. 2. Прага, 1939; Т. 3. СПб., 1910.
33. Братья Гримм. Сказки. М., 1978.

34. Гринцер П.А. Две эпохи литературных связей // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971.
35. Давид Сасунский. М.-Л., 1939.
36. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957.
37. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. СПб.—М., 1880—1882.
38. Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. (Сборник). СПб., 1994.
39. Джангар. Элиста, 1971.
40. Дхаммапада. М., 1960.
41. Ефименко П.С. Сборник малороссийских заклинаний. М., 1874.
42. Жизнь животных в 6 т. Т. 5. Птицы. М., 1970.
43. Забылин М.М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.
44. Зеленин Д.К. Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915.
45. Зеленин Д.К. Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914.
46. Зиновьев В.П. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1987.
47. Золотарев А.М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934.
48. Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
49. Индийские народные сказки в обработке С.Ф. Ольденбурга. М., 1956.
50. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX — начало XX в.: а) Зимние праздники. М., 1973. б) То же, конец XIX — начало XX в. Весенние праздники. М., 1977. в) То же, Летне-осенние праздники. М., 1978.
51. Киреевский П.В. Собрание народных песен. Т. 1. Л., 1983; Т. 2. Л., 1986.
52. Комарович В.Л. Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. М.-Л., 1936.
53. Коринфский А.А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1901.
54. Королева Лебедь. Литовские народные сказки. Вильнюс, 1965.
55. Ксенофонтов Г.В. Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. М., 1930.
56. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1957.
57. Купальские и Пятницкие песни. Минск, 1985. (*).
58. Лебедева А.А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX—XX вв. / Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.
59. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985.
60. Лирика русской свадьбы. Л., 1973.
61. Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.
62. Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа (археологические разыскания о времени заселения левобережья славянами) / Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 104. М., 1961.

63. Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX — начало XX вв.). Новосибирск, 1984.
- 63а. Мансикка В.Н. Заговоры Шенкурского уезда // Живая старина. 1912. Вып. 1.
64. Марков А.В. Беломорские былины. М., 1901.
65. Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 1–5. М.-Л., 1933–1937.
66. Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки, как историко-этнографический источник. М., 1978.
67. Меледин С.П. Китеж на Светлоярном озере // Москвитянин. 1843. Ч. VI. № 12.
68. Мелетинский Е.М. Мифы древнего мира в сравнительном освещении / Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. М., 1971.
69. Мелетинский Е.М. Об архетипе инцеста в фольклорной традиции / Фольклор и этнография. Л., 1984.
70. Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности (В 3 т.). М., 1910.
71. Минх А.Н. Легенды о Кудеяре в Саратовской губернии. Этнографическое обозрение. 1891, № 1.
72. Мифы индейцев Южной Америки / Сост. и пер. Ю.Е. Березкин. СПб., 1994.
73. Мифы народов мира (энциклопедия). Т. 1. М., 1980; Т. 2. М., 1982.
74. Мифы, предания и сказки хантов и манси / Под редакцией Е.С. Новик. М., 1990.
75. Младшая Эдда. Л., 1970.
76. Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.
77. Мортон А.Л. Английская утопия. М., 1956.
78. Музыкальная энциклопедия. М., 1976.
79. Неверов О.Я. Культура и искусство античного мира. Л., 1981.
80. Немировский А.И. Античный миф о человеке-лебеде и его древнеславянские параллели // Норция, вып. 2. Воронеж, 1978.
81. [Никифоров А.И.] Севернорусские сказки в записях А.И. Никифорова / Изд. подгот. В.Я. Пропп. М.-Л., 1961.
82. Никонов В.А. Ономастика Востока. М., 1980.
83. Новичкова Т.А. К истолкованию былины о Потыке // Русская литература. 1982, № 4.
84. Норвежские сказки. М., 1962.
85. Овидий. Метаморфозы. М., 1977.
86. Овидий. Фасты // Элегии и малые поэмы. М., 1973.
87. Онучков Н.Е. Северные сказки. (Архангельская и Олонецкая губернии). Записки РГО, Том XXXIII. СПб., 1908.
88. Орбелиани Султан Саба. Мудрость вымысла. Тбилиси, 1960.
89. Панчатантра. М., 1962.
90. Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 1980.
91. Платон. Государство. М., 1973.
92. Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод. М.-Л., 1950.
93. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. СПб., 1883.

94. Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 1865.
95. Потебня А.А. О купальских огнях и сродных с ними представлениях. М., 1867.
96. Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. (БВЛ).
97. Поэзия крестьянских праздников. Л., 1970.
98. Причитания. Л., 1960.
99. Прокофьева Е. Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.
100. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
101. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.
102. Рей Г. Звезды. М., 1969.
103. Русские народные баллады. М., 1983.
104. Русские народные песни. М., 1957.
105. Русуданиани. Тбилиси, 1971.
106. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
107. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988.
108. Рыбников П.Н. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: в 3 т. М., 1909–1910.
109. Садовников Д.Н. Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д.Н. Садовниковым / Записки РГО. Т. 12. СПб., 1884.
110. Санги В.М. Легенды Ых-Мифа. М., 1967.
- 110а. Серебряная волынка. Шотландские народные сказки. М., 1959.
111. Сидорова Н.А. Новые открытия в области античного искусства. М., 1965.
112. Сказания о нартах. Осетинский эпос. М., 1978.
113. Мифологические сказки и исторические предания нганасан. М., 1976.
114. Сказки Ленинградской области. Л., 1976.
115. Русские народные сказки о мачехе и падчерице. Новосибирск, 1993.
116. Скандинавская баллада. Л., 1978.
117. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–37. М.–Л.–СПб., 1965–2003. (СРНГ).
118. Слово о полку Игореве. М., 1981.
119. Смирнов А.М. Сборник великорусских сказок. Записки РГО. Т. 14. Пг., 1917.
120. Смирнов С.И. Исповедь земле // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1914. Кн. 2 (249). М., 1913.
121. Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1–4. М., 1837–1839.
122. Соколов М.И. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. Вып. 1. М., 1888.
123. Соколов Ф.В. Гусли звончатые. М., 1959.
124. Соколов Ю.М. Русский фольклор. М., 1941.
125. Соколова В.К. Русские исторические предания. М., 1970.
126. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.
127. Спевиковский А.Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов. М., 1988.

128. Теплоухов Ф.А. Древности Пермской Чуды в виде баснословных людей и животных // Пермский край. Т. 2. Пермь, 1893.
129. Топоров В.Н. Хеттская *salSU.GI* и славянская баба-яга / Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР, в. 38. М., 1963.
130. Тульцева Л.А. Символика воробья в обрядах и обрядовом фольклоре (в связи с вопросом о культе птиц в аграрном календаре) // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982.
131. Украинские народные думы. М., 1972.
132. Українські народні пісні. Київ, 1963.
133. Устинов Н. Три сказки С-Петербургской губернии // Этнографическое обозрение. 1896, № 2–3 (*).
134. Ушаков Д.Н. Материалы по народным верованиям великорусов // Этнографическое обозрение. 1896, № 2–3.
135. Фамицын А.С. Божества древних славян. СПб., 1884.
136. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1986–1987.
137. Фольклор Саратовской области. Саратов, 1948.
138. Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1980.
139. Фольклор Саратовской области. Кн. 1. Саратов, 1946.
140. Худяков И.А. Великорусские сказки в записях И.А. Худякова. М.-Л., 1964.
141. Чернецов В.Н. Вогульские сказки. Л., 1935.
142. Чернышов В.И. Сказки и легенды пушкинских мест. М.-Л., 1950.
143. Чхандогья Упанишада. М., 1965.
144. Шахнович М.И. Первобытная мифология и философия. Л., 1971.
145. Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1893. Т. 2.
146. Шейн П.В. Великоросс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Т. 1, вып. 1. СПб., 1898.
147. Шереметева М.Е. Земледельческий обряд — «заклинание весны» в Калужском крае / Сборник Калужского Государственного музея // вып. 1. Калуга, 1930.
148. Якушкин П.И. Сочинения. СПб., 1884.
149. Ящуржинский Хр.П. Фольклорные записки. Киевская старина. Т. 31, ноябрь 1890. (*Так у автора. — Ред.*)
150. Блок А.А. Поэзия заговоров и заклинаний // «История русской литературы» под ред. Е.В. Аничкова и др. М., 1908. Вып. 1.
151. Мансикка В. Заговоры Шенкурского уезда. ЖС. 1912. Вып. 1.

1979–1986

За сказочным образом

Нам читали сказки, когда мы были детьми, потом мы читаем их своим детям.

Мы знаем, что некоторые сказки похожи, что одни и те же сюжеты кочуют от сказки к сказке, от народа к народу. Мы можем вспомнить чудесные задачи и предметы, характерные для многих сказок, но редко задаемся задачей, почему в сказке возникает тот или иной образ. Привыкшие к авторской литературе, мы воспринимаем и сказочный образ как свободную игру фантазии. Более того, считая сказку жанром «несерьезным», «детским», мы предполагаем свободу сказочника абсолютной и редко задаемся вопросом — «а почему?».

Почему среди поля стоит одинокая печка, которая разговаривает с девочкой? Почему клубок катится к избушке Яги? Почему через речку Смородинку переброшен Калиновый мост?

Я не сделаю большого открытия, если скажу, что народную сказку никто не сочинял. Сказки, записанные собирателями за последние два столетия и передававшиеся изустно многие века, — это обломки мифологических представлений наших далеких предков.

Для этих людей мифология была субъективным отражением реальности, мировоззрением, мироощущением, не допускавшим *свободной* игры фантазии.

Мифологические обряды были элементами сложных мифологических систем, и их взаимоотношения, взаимосвязь были обусловлены закономерностями мифологической логики столь же жестко, сколь отношения и связь физических или химических символов определяется современной научной логикой.

За околицей поселения, за валом городища начиналась Дорога. Она петляла по незнакомым лугам и перелескам, уходила в дремучий Лес, полный хищников, проходила мимо поселений дружественных или враждебных, пересекала реки и уходила, вела и звала в Неведомое.

Под ногами был неведомый *низ*. Вниз можно было упасть и разбиться, утонуть, увязнуть в трясине, внизу было холодно и темно.

Над головой человека простирался неведомый *верх*; там, наверху, можно было спастись от хищников, сверху было далеко видно, сверху светило Солнце.

С понятиями *верха* и *низа* стали ассоциироваться понятия *Добра* и *Зла*, *Своего* и *Чужого*, *Жизни* и *Смерти*. Скрывшись за горизонтом, дорога меняла свое горизонтальное направление на вертикальное и, в зависимости

от надежд или опасений, вела «вверх» или «вниз». При этом, однако, понятия верха и низа не теряли и своего физического содержания. Двигаться вверх труднее, чем вниз, поэтому основные препятствия герой встречает, возвращаясь из нижнего мира. Ему приходится биться с чудовищами, уходить от погони, избегать хитрых ловушек, которые создают жены убитых им змеев, жертвовать частью тела, чтобы накормить гигантскую птицу, несущую его наверх.

А вниз он спокойно идет за катящимся клубком. Физическое свойство круглого тела — его способность самопроизвольно двигаться (катиться) вниз, органично вошло в образ сказочного клубка. В грузинской сказке царевич попадает в нижний мир, следуя за катящимся золотым яйцом.

Наверх клубок не катится. В исландской сказке «Плавание Брана» с обетованного острова, принадлежащего к нижнему миру, клубок *бросают* на подошедшую к нему ладью, чтобы за нить подтянуть ее к берегу.

Держась за нить Ариадны, выбирается (наверх) из Лабиринта греческий герой Тесей.

Но одновременно с физической сущностью клубок имел, если так можно выразиться, сущность метафизическую. Мифологическая нить — это как бы овеществленное время, время человеческой жизни. Три греческих богини, три Мойры, связаны с нитью. Одна из них, Лахетис, вынимает жребий, другая, Клото, прядет нить жизни человека, третья, Атропос, обрывает ее. Три богини-пряжи известны и в римской мифологии (Парки), и в скандинавской (норны), за прялкой проводит свое время и русская Баба Яга.

Спуск в подземный мир равносителен смерти. Для того чтобы вернуться на землю, необходима дополнительная жизнь, которую герой и получает в виде клубка. По дороге в нижний мир герой расходует не свою жизнь, а эту дополнительную.

Метафорическое сопоставление временной протяженности с пространственной (мы и сейчас говорим — отрезок времени, дорога жизни) было огромным достижением человеческого интеллекта.

Обратим внимание и на то, что Мойры действуют вовсе не произвольно. В корейской сказке, записанной Н.Г. Гариным-Михайловским, «начальник ада» Тибуан отвечает Юноше, который просит отпустить свою возлюбленную: «Я не могу менять, что занесено раз навсегда в книгу судеб, и мне неоткуда для этой девушки достать новой жизни». (Юноша соглашается отдать ей половину своей, девушка выходит на землю, и они оба живут счастливо и умирают в один день). В шумерском мифе

подземные духи отвечают на просьбу богини Инанны вернуть ее в верхний мир: «Если Инанна покинет “Страну без возврата”, голову за голову пусть оставит». Кентавр Хирон, добровольно сойдя в ад, дает Зевсу возможность «амнистировать» Прометея. Благополучному возвращению Тесея предшествует самоубийство его отца, а воскрешению Христа — самоубийство Иуды.

Папуасские воины отправлялись в поход за головами, чтобы добыть новорожденным имена, ассоциировавшиеся с жизненной силой.

Такого рода замещение характерно для множества сказочных сюжетов.

Мошенника сажают в мешок, чтобы утопить, а он, воспользовавшись беспечностью охраны, меняется судьбами с обманутым им прохожим.

Падчерица возвращается из нижнего мира с приданым, а завистливая дочка остается там.

Погибающая змея (джинн) умоляет прохожего спасти ее, затем хочет его убить, но мудрец восстанавливает прежнее положение.

Эта же точка зрения выражается словами: «заедать чужой век» (о живущих долго стариках).

Отметим, что во всех перечисленных случаях, для обмена «судьбами» требуется добровольное согласие живого, иногда полученное обманом. Даже у папуасов жертва перед смертью должна была сказать убийцам свое имя, которое она вместе с жизнью передавала ребенку из племени убийц.

По сути дела, миф, сказка формулируют некий закон сохранения. Вернемся, однако, к сказкам.

Гуси-лебеди уносят мальчика. Его сестра отправляется в погоню. На пути ей встречаются печка, яблоня, молочная речка. В индийской сказке девочка Горошина в поисках своего отца обращается к костру, дереву, ручью. Случайно ли такое совпадение? Обратившись к этнографической литературе, можно узнать, что шаман, камлающий в верхний мир, отправляется туда с дымом костра, лезет по мировому дереву, плывет по шаманской реке, которая зачастую оказывается Млечным Путем (иногда его называют Небесной Рекой).

На дереве находится мифическая птица, на которой шаман продолжает свой путь. У многих народов Млечный путь называется Гусиной или Лебединой дорогой. Ивашка, которого Яга хочет посадить в печь, убежав от ведьмы, забирается на дерево, откуда его уносят гуси-лебеди.

Еще одно название Млечного Пути — «Дорога, усыпанная соломой», напоминает о сказке «Покатигорошек». В ней братья, уходя из дома, обещают сестре трусить по дороге соломой, по которой она и должна найти их.

Кстати, о горохе. Девочку, отправившуюся на поиски отца, зовут Горошиной, от отца она возвращается с богатыми подарками; богатыря зовут Покатигорошком (он рождается от проглоченной горошины). Горошина, упавшая под пол, вырастает до неба. На ее верхушке старик находит либо обильную еду, либо чудо-мельницу, которая мелет блины и пироги.

Вероятно, что отцом и Горошины, и Покатигорошка был тот самый царь Горох. О связи гороха с небом говорят загадки: «Постелю рогожку, посею горошку, положу хлеба краюшку» (небо, звезды, месяц); «Вся дорожка усыпана горошком» (Млечный путь).

Несомненно, что практическая и мифологическая ценность чего-либо совпадали далеко не всегда. Мак, имевший незначительную практическую ценность, упоминается во многих сказках и мифах. Как правило, он является атрибутом нижнего мира (снотворное действие мака было известно в глубокой древности).

«Сильные мира того» часто задают герою задачу – собрать рассыпанный мак. Отсортировать его от другого зерна и т.п.

Маком обсыпает гроб покойника, которого подозревают в том, что он может стать упырем. При этом произносят заклинание: «Ты будешь ходить тогда, когда пересчитаешь этот мак» (Украина).

«Настоящий» покойник, «полностью» умерший может пересчитать этот мак, но не может вернуться на белый свет. Тот же, кто умер «не совсем», выполнить подобную задачу не может.

Такое же задание задает морской или подземный царь сказочному герою, который и не пытается выполнить его сам, хотя задача сортировки зерна реально выполнима с помощью системы сит. Вместо него это делают волшебные помощники (муравьи, куколка, слуги Василисы Прекрасной).

Очевидно, подобного рода задачи выполняли в ином мире роль теста «на своего». Иван-царевич приезжает в нижний мир сватать Марью Моревну. По мифологической логике жители подземного мира также не хотели отпускать своих близких в иной для них мир, как и жители Земли. Поэтому Морской Царь и задает своему будущему зятю задачи-тесты, а потом, обнаружив обман, пускается в погоню. (В мировом фольклоре очень распространен сюжет «жених мертвеца». В нашем мире в позднее время одним из таких тестов был обычай перекреститься на икону).

Убегая от родителя, героиня воздвигает на его пути всяческие преграды: высокие горы, непроходимый лес, широкую реку. Река в мифологии ассоциировалась не только с дорогой, о чем уже говорилось, но и с границей. Образ реки-границы, очевидно, старше образа реки-дороги.

До освоения человеком средств передвижения по воде река была непреодолимым препятствием, за которым начинался иной мир.

В греческой мифологии река, омывающая другой мир (Аид), называлась Ахерон. В русских былинах и сказках пограничная река называлась Смородиной. Было бы ошибкой производить это название от богатой витамином ягоды. Слово «смородина» связано со словами «смердеть», «смерть». Это зловонная река, эпитет «зловонны» прилагался к названиям рек Аида и в греческой мифологии. Не связан с ягодой калиной и знаменитый Калиновый мост, переброшенный через Смородину. Его название, как и название красной ягоды, восходит к слову «калить».

Раскаленный, огненный мост ведет в царство скандинавского бога Одина. Образ этого бога напоминает нам Чудо-Юдо, выезжающее на этот самый Калиновый мост на восьминогом коне, с вороном на плече и собакой у стремени. То, что хтонический персонаж восточнославянского фольклора имеет скандинавские черты, говорит нам, что на пути из варяг в греки шел не только торговый обмен.

Названия южнорусских рек: Дон, Донец, Днепр (готское Данапр), Днестр (Данастр), Дунай (Данай), восходящее к скифскому «Дон», что значит «река», — связаны и с персонажами греческих мифов.

Остановимся на мифе о Данаидах. За великое преступление (убийство своих мужей) дочери царя Дана (Данаиды) вынуждены в Аиде наполнять водой бездонные сосуды. Идея загробного воздаяния сравнительно поздно приходит в мифологию. Данаиды — это речные нимфы. Сравни русскую загадку: «Течет, течет — не вытечет, бежит, бежит — не выбежит» (река). В русской сказке красная девица, предводитель девьего войска, когда спать ложится, «с рук и с ног целующая вода льется».

Мужеубийство, совершенное Данаидами, связано с соответствием двух мифологических оппозиций: «вода — огонь» и «женское — мужское». Речные нимфы (женское) должны отвергать мужское, как вода отвергает огонь. Героини китайских и грузинских сказок — «озерные женщины», зачинающие, купаясь в озере, и убивающие детей мужского пола. Губят мужчин и русалки. Эти же представления связаны и с мифами об амазонках. Мифы об амазонках были распространены по всему миру.

Для современника слово «Амазонка» связано, прежде всего, с названием реки в Южной Америке. Европейцы, попавшие в Америку, слышали от аборигенов рассказы о племенах безмужних воинственных женщин, связанных с этой рекой. Греческие мифы тогда были известны, представления об архетипических сюжетах не было, поэтому конкистадоры решили, что ими найдена страна, описанная еще Гомером.

Сейчас, когда новейшие средства передвижения и связи сближают культуры, формируя единую человеческую общность, не грех бы лишний раз вспомнить, что все многообразие человеческих культур имеет общие корни и истоки.

1986–1996

Лиса-кума (Славянский зодиак)

Польский поэт Юлиан Тувим, характеризуя современное массовое сознание, писал:

*Гуляют чинно, хотя бесцельно,
Глядят налево, глядят направо...
И все, что видят, — для них отдельно:
Дом... Стасек... лошадь... забор... канава...*

«Отдельное» виденье — это феномен нашего времени. В предшествовавшие эпохи массовое мифопоэтическое сознание исходило из всеобщей связанности и взаимного соответствия: мировые стихии, календарные отрезки, части света, минералы, металлы, животные, растения, части человеческого тела, пороки и добродетели и т.д. и т.п. — образовывали смысловые ряды, причем каждый элемент какого-либо ряда имел соответствие во всех остальных.

Сейчас у нас вошел в моду восточный 12-летний цикл, в котором каждому году соответствует какое-то животное: год тигра, год змеи... В китайском и японском календарях эти же соответствия распространяются и на месяцы. Издавна известные в Европе знаки Зодиака (круга животных) также связывают со многими месяцами какое-либо животное.

Наиболее архаичным было деление года не на месяцы, а на сезоны. В Древней Индии выделяли пять сезонов, каждому из которых соответствовало определенное животное: весне — коза, лету — овца, дождливому сезону — корова, осени — лошадь, зиме — человек¹⁰¹.

В Китае весне соответствовал Голубой дракон, лету — Феникс, осени — Белый тигр, зиме — Черная черепаха. Нет нужды противопоставлять реально существующих животных (тигра и черепаху) фантастическим (дракону и фениксу), во-первых, потому, что древние китайцы были столь же уверены в их существовании, во-вторых, потому, что и реальные животные наделялись столь же фантастическими свойствами.

¹⁰¹ Чхандогья Упанишада. М., 1965, ч. 2, гл. 5–6.

Анализируя русские народные сказки о животных, мне кажется, можно «вычислить» подобный же зооморфный сезонный код, характерный для восточных славян. Следует обратить внимание на то, что из всего многообразия животных, обитавших в зоне расселения восточных славян, в русской сказке наиболее часто упоминаются заяц, волк, медведь и лиса.

С лисы и начнем. (Сказки приводятся по сборнику А.Н. Афанасьева (в 3 т. М., 1957)).

Лиса живет в ледяной избушке; весной, когда лед тает, она захватывает заячью — лубяную — и не пускает в нее законного хозяина. Ни собакам, ни быку не удастся восстановить справедливость. Заставляет лису уступить зайцу его законное место петух, солнечная символика которого хорошо известна (14). «Презренной прозой говоря», зима не хочет уступить место весне, покуда ее не прогоняет солнышко.

Лиса приводит в деревню заблудившуюся Снегурочку (от помощи волка и медведя та отказывается) (34), примораживает волчий хвост (1–7), поедает запасы, припасенные волком на зиму (15–17). (Сравни пословицу: «Лето припасает, а зима проедает»). Лиса не всегда боится петуха — в некоторых сказках она похищает его, обещая горошек, золотые яблочки или сани-самокатки (38). Лиса съедает солнышко в виде круглого и горячего колобка, что не удастся зайцу, волку и медведю (36). Пока колобок докатился до лисы, он достаточно остыл. («Вот почему она рыжая, — сказал мой, тогда еще, четырехлетний сын, — сквозь нее солнышко просвечивает»).

Лиса выступала в роли проводника в нижний мир и обратно. Лиса — кума. «Кума» — крестная мать, табуистическое название лихорадки, в языческой обрядности — семицкая березка. Лиса — повитуха, лекарка, исповедница, плачя (9–13, 15–17, 18, 21, 22 и др.).

Весенняя символика **зайца** прослеживается не только в сказках, но и в весеннем обрядовом фольклоре. В хороводных играх зайныка предстает женихом, в песнях встречается мотив совокупления зайца с девушкой. При гаданиях (подблюдные песни, сны) заяц символизирует брак или блуд¹⁰². Поговорка связывает зайца с солнцем: «солнечный зайчик».

С **медведем** в славянском фольклоре связаны календарные приметы: он ложится в берлогу в конце сентября, после осеннего равноденствия, выходит из нее — после весеннего. Существовало поверье, что на день зимнего солнцеворота (конец декабря), когда медведь переворачивается в берлоге, солнце поворачивается на лето.

¹⁰² Славянская мифология. М., 1995.

Волк. В уже упомянутых сказках он предстает символом осени. Ритуал переодевания в волчьи шкуры или хождение с чучелом волка у многих народов Европы (в том числе у южных и западных славян) приурочивался к осенне-зимнему сезону¹⁰³.

Интересно отметить, что в наибольшей степени сезонный «зодиак» прослеживается в сказках о животных, наиболее архаичном пласте фольклора.

Мои заметки не претендуют ни на полноту, ни на строгую профессиональность. Их цель — обратить внимание специалистов на еще один аспект символики русских сказок.

P.S. При анализе одного духовного стиха Иоанн Предтеча назван «Иван Патрикееч»¹⁰⁴. Как известно, во многих сказках лиса именуется Патрикеевной. Возможно, это не случайное совпадение — языческим предшественником Иоанна Предтечи был Купала — летнее божество. В мифологии многих народов божества лета и зимы выступают как брат и сестра, прослеживается этот мотив и в купальской обрядности.

1986—1996

Читая Ветхий Завет

1. Грехопадение

«И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (Быт. 2:8—9). «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; А от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2:16—17). «Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог» (Быт. 3:1). Он соблазнил Еву вкушать плод с дерева познания, после чего и она, и ее муж Адам были изгнаны из рая.

Эта ветхозаветная история очень древняя, свидетельство чему упоминание о множественности богов: змей, соблазняя Еву, говорит: «...в день, в который вы вкусите их (*плоды*. — *В.Р.*), откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3:5). С другой сторо-

¹⁰³ Мифы народов мира. М., 1980.

¹⁰⁴ Бессонов П.А. Калики переходные. Сборник стихов и исследование. М., 1861—1863. Вып. 4, № 392.

ны, узнав о нарушении запрета, Господь Бог сказал: «...Вот Адам стал, как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно... И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни» (Быт. 3:22, 24). В Ветхом Завете дерево жизни больше никак не упоминается, однако в Апокалипсисе оно находится «посреди рая Божия», посреди «Нового Иерусалима» (Откр. 2:7; 22:2). Комментируя этот текст, Дж. Фрезер («Фольклор в Ветхом Завете». М., 1985, с. 32) обращает внимание на то, что Бог не запретил людям пользоваться плодами от дерева жизни, которые обеспечили бы человечеству бессмертие. Змей, по мнению Фрезера, обманул Еву, причем небескорыстно — плод от дерева жизни он присвоил себе (в шумерском мифе о Гильгамеше змея крадет у героя траву бессмертия, тем самым лишая его вечной жизни, сама же сбрасывает кожу). Сбрасывание змеей старой кожи воспринималось как ее новое рождение и залог бессмертия.

Возможно, с этой мифологемой связан и известный многим народам обряд обрезания, первоначально восходивший к юношеским инициациям. После обряда юноша, приобщившись к новым сакральным знаниям, начинал новую жизнь, в том числе он приобщался и к новому сексуальному статусу. Впоследствии обрезание начало рассматриваться как приобщение к национальной и религиозной общности, в связи с чем время его сместилось.

На мой взгляд, версия Фрезера верна только отчасти, поскольку роль змея в раннем иудаизме оказывается гораздо значительнее, чем положение одного из зверей полевых, пусть даже и самого хитрого.

Когда народ Израиля возроптал на Бога и Моисея: «...зачем вывели вы нас из Египта, чтоб умереть *нам* в пустыне?» (Чис. 21:5), Бог наслал на него множество ядовитых змей. Моисей же получил от Бога повеление: «Сделай себе змея и выставь его на знамя, и ужаленный, взглянув на него, останется жив» (Чис. 21:8). Заметим, что Медный змей обозначается тем же словом «нахаш», что и змей — соблазнитель Евы. Этот Медный змей находился в Иерусалиме до конца VIII в. до н.э., иудейский царь Езекия «...отменил высоты, разбил статуи... и истребил медного змея, которого сделал Моисей, — потому что до самых тех дней сыны Израилевы кадили ему...» (4Цар. 18:4). Последнее сообщение уже можно считать историческим.

Другим зооморфным символом, постоянно упоминаемым Библией, является Бык («Золотой телец»).

Грех поклонения тельцу широко известен, однако мало кто обращал внимание на тот факт, что на четырех углах жертвенника в скинии возвышались рога (Исх. 27:2; Иер. 17:1), которые мазались кровью при жертвоприношении (Исх. 29:12; Иез. 43:20), схватившийся за рог становился под защиту Бога (3Цар. 1:50; 2:28). Евангелист Лука называет Христа рогом спасения (Лук. 1:69).

Первоначально бык выступает как лунное божество или его спутник. У этих богов уже начинает появляться и другая функция — наряду с серпом луны и быком их символами становятся дубинка и молния (МНМ). Таким образом, бык превращается в символ божества бури. В виде бога бури представляется и Бог Библии: «Видели Тебя, Боже, воды, видели Тебя воды, и убоялись и вострепетали бездны. Облака изливали воды, тучи издавали гром, и стрелы Твои летали. Глас грома Твоего в круге небесном; молнии освещали вселенную; земля содрогалась и тряслась. Путь Твой в море, и степи Твоя в водах великих, и следы Твои неведомы» (Пс. 76:17–20).

По евангелию от Марка, евангелист Иоанн и его брат Иаков были наречены Христом «сыновьями грома» (Мк. 3:17), что, вероятнее всего, не было только литературной метафорой — они предлагают Христу низвести огонь с неба на негостеприимных самарян (Лук. 9:51–57).

На следующем этапе развития божества бури, а вместе с ним и его символ — бык, получают функции богов плодородия. В самых различных мифологических системах с образом быка связывались представления о мужской производительной силе.

«Он сойдет, как дождь на скошенный луг, как капли, орошающие землю... и будет обилие мира, доколе не престанет луна... Будет обилие хлеба на земле, на верху гор; плоды его будут волноваться, как *лес* на Ливане, и в городах размножатся люди, как трава на земле» (Пс. 71:6–7,16). «...Господь блеснет молнией и даст вам обильный дождь, каждому знак на поле» (Зах. 10:1).

В Библии есть и другие указания на сакральное значение как змея, так и тельца.

Евреи не были последователями монотеизма «от сотворения мира». Первоначально Яхве был не единым общемировым богом, а только богом объединения еврейских племен (колен), другие племена имели своих богов. Иеффай спрашивает царя аммонитян: «Не владеешь ли ты тем, что дал тебе Хамос, бог твой? И мы владеем всем тем, что дал нам в наследию Господь, Бог наш» (Суд. 11:24).

На еще более ранней стадии формирования религии еврейский пантеон включал, очевидно, не одного бога.

Оппозиция «змея — бык» (медь — золото) является символическим выражением противопоставлений: «низ — верх», «женское — мужское», «вода — огонь», «мудрость — сила и изобилие», «смерть — жизнь». Мудрость (хитрость) змеи отмечает не только Бытие — Христос, обращаясь к своим последователям, учит их: «...Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10:16). Из перечня чужеземных стран, составленного в правление Аменхотепа III (приблизительно в 1388—1351 годах до н.э.), известно, что Яхве поклонялись мадианитяне и кенеяне, племена, кочевавшие в Синайской пустыне. В ходе археологических раскопок в районе Арабского залива были обнаружены остатки египетского святилища (посвященного богине Хатор) и на месте его была воздвигнута скиния, совсем таким же образом, как об этом сказано в Ветхом Завете об израильтянах. При этом в раскопках был найден один предмет — бронзовая фигурка змеи... Современными исследователями подтверждается также другой факт: весьма рано может быть обнаружен процесс слияния Яхве и угаритского бога Эля, который изображался в облике быка (Ван дер Плас Д. Запрет изображения в монотеистических религиях // Вестник древней истории, 1966, № 2, с. 123, 128).

До определенного времени такое противопоставление не было дуалистическим. В своей статье «Прологомены религиозного дуализма: диалекты и противоположности» (в кн. «Космос и история: Избранные работы». М., 1987, с. 250) М. Элиаде отмечает: «...Большое число дихотомий и полярностей *взаимно обуславливают друг друга*... В конечном счете, они выражают жизненные модальности в категориях ритма и круговорота... На этой стадии нельзя говорить о религиозном или этическом «дуализме», поскольку антагонизм не предполагает «зла» или «демонического». Строго дуалистические идеи вырастают из тех пар противоположностей, в которых антагонисты взаимно не обуславливают друг друга».

В храме Яхве Соломоном была установлена огромная медная чаша на 12 медных волах, именовавшаяся «медным морем» — стихией, в которой жил Левиафан (3Цар. 7:23—25; 2Пар. 4:1—5).

Иезекиль говорит о Иерусалимском храме: «...и вот всякие изображения пресмыкающихся и нечистых животных... написанные по стенам кругом» (Иез. 8:10). Для строгого монотеиста Иезекиля изображение пресмыкающихся было уже святотатством.

В средневековом европейском изобразительном искусстве в сюжетах, так или иначе связанных с темой грехопадения, обычно плод дерева познания изображался в виде яблока, хотя, согласно представлениям индоевропейских народов, яблоко следовало бы скорее отождествить с плодом дерева жизни (молодильные яблоки русских сказок, яблоки богини Идун в скандинавской мифологии, Яблочный остров (Аваллон) в кельтской — являются символом бессмертия и вечной молодости, так же как и золотые яблоки античных Гесперид).

С последними, однако, близко связан древнегреческий миф, непосредственно касающийся нашей темы. Я имею в виду знаменитый суд Париса. Богиня раздора Эрида подбросила Гере, Афине и Афродите яблоко, объявив его наградой за красоту, судьей был выбран Парис, которому «волоокая» Гера обещала власть над всеми людьми, мудрая Афина, чьим символом, наряду с совой, была и змея, — военные успехи, а Афродита — любовь прекраснейшей из женщин Елены. Парис преподнес «яблоко раздора» Афродите и таким образом выбрал и свою судьбу, и судьбу своего народа.

Дар в традиционном обществе имел особое значение — он устанавливал некую сакральную связь между дарителем и получателем дара. Если одна из сторон имела более высокое иерархическое положение, дарение или принятие дара означало для другой покровительство, отказ от дарения или принятия дара рассматривался как тяжелое оскорбление. (Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984, с. 235).

В мировом фольклоре очень распространен мифопоэтический образ выбора судьбы как выбора одного из «альтернативных» даров (например, согласно раввинистическим легендам, младенцу Моисею на выбор предлагают золото и горящие угли; выбрав огонь, мальчик тем самым выбирает себе жизнь (МНМ); такой же выбор предлагается и Давиду Сасунскому).

В этом аспекте историю грехопадения можно представить совсем в ином свете.

Не вдаваясь в проблему связи еврейской мифологии с античной, обратимся к аккадскому мифу про Адапа и Эа (аккадская форма имени шумерского Энки).

Энки был богом подземных вод, создателем первых людей (из глины), а также богом мудрости и хранителем «ме». Судя по всему, «ме» — это некие

таблицы с божественными установлениями, составляющими структурную основу шумерской цивилизации. Изображался Энки в виде козла, задняя часть которого завершалась рыбьим хвостом. Местом пребывания Энки был сказочный остров Тильмун, характеристика которого содержит многочисленные параллели с библейским повествованием об Эдеме (МНМ).

Адапа — то ли сын, то ли жрец Энки-Эа, отождествляемый некоторыми учеными с библейским Адамом, сломал крыло Южному ветру, за что верховный бог Ану вызвал его к себе для наказания. Символом Ану была рогатая тиара, связанная с небесным быком. По совету Энки Адапе удастся расположить к себе Ану, и тот предлагает ему хлеб жизни и воду жизни. Однако Адап, предупрежденный Энки, отказывается от угощения, а тем самым и от возможности обрести бессмертие. Взамен боги награждают его мудростью, облачают в одежду и умащают благовоениями (Оппенгейм А. Древняя Месопотамия. М., 1990, с. 211; Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. М., 1991, с. 48; Якобсен Т. Сокровища тьмы: История месопотамской религии. М., 1995, с. 135).

В этом мифе мы находим не только некоторые формальные соответствия с библейской историей грехопадения (имя героя, одежды, полученные от бога), но и некое концептуальное сходство. Верхнее божество предлагает человеку бессмертие, от которого тот отказывается по совету божества нижнего, и взамен получает мудрость.

В Эдемском саду произрастало два дерева. Одно из них — Дерево Жизни — принадлежало божеству, которого можно отождествить с Золотым Тельцом, символом изобилия и силы; другое — Дерево Познания — принадлежало Медному Змею, символу мудрости.

Змей («нижнее», «женское») вполне естественно вступил в переговоры именно с Евой. По устойчивой схеме многих мифологических традиций, мудрость принадлежит деве, каковой и была Ева до «грехопадения». (Ср. образы греческой Афины, иудео-христианской Софии).

Приняв его дар, Ева и Адам тем самым вступили под покровительство Змея.

До того, как люди приобщились к познанию, они не были бессмертны, но нигде не говорится о том, что они были смертны. «Познание» в Библии служит эвфемизмом совокупления, способности порождать новую жизнь. (См.: Дьяконов И.М. // Восток, 1992, № 2, с. 53). В мифопоэтическом представлении новая жизнь несотворима и ее появление обязательно связывается с чьей-то смертью («Голову за голову»). Плут,

упрятанный в мешок, меняется своей судьбой со случайным прохожим, воскресению Христа предшествует самоубийство Иуды и т.д. и т.п. В дальнейшем «познание» стало рассматриваться как то, что отличает человека от животного.

В аккадском эпосе о Гильгамеше созданный для него друг Энкиду остается диким и неразумным, живет вместе с животными и как животное — до момента встречи с блудницей. После соития звери уходят от него, он перестает так быстро бегать, как бегают звери, «но стал он умней, разумением глубже...» (Табл. I.IV.27–29) (*Так у автора. — Ред.*) Очевидно, познание женщины приближает человека к ценностям цивилизации.

История «грехопадения» констатировала фактическое состояние человечества, «выбравшего» путь познания-разума и тем самым противопоставленного «беспечному» бытию животного мира; человечества, вынужденного добывать хлеб свой насущный «в поте лица своего» в отличие от птиц и зверей, которые «не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф. 6:26).

Древнехристианский апокриф, повествующий о грехопадении и восходящий к еще более древним еврейским версиям (МНМ), — «Слово об Адаме и Еве», сообщает о том, как дьявол принял светлый ангельский образ и в таком виде явился змею, поручив ему уговорить Еву. После изгнания из Эдема он явился пашущему Адаму и, став перед волами, сказал: «Моя это земля, а Богу принадлежат небеса и рай; если хочешь быть моим, обрабатывай землю, а хочешь быть Боговым, иди в рай... Не дам пахать, доколе не напишешь расписки, что ты мой» (*). Адам такую расписку написал: «Кто на земле Владыка, тому принадлежу я и чада мои...» (Христианский автор, правда, утверждает, что прежде, чем отдать расписку, Адам заявил, что небеса, земля, рай и вся вселенная сотворены Богом (Звезда волхвов. Новочеркасск. 1994, с. 48)).

Чем больше испытаний выпадало на долю еврейского народа, тем больше в нем крепло убеждение, что человечество изначально совершило ошибочный выбор своей судьбы. Впрочем, легенды о «золотом веке» — существенный элемент почти всех мировых мифологий.

На всех переломных этапах мы видим, как люди задним числом хотят изменить свою историю, стонут о неиспользованном альтернативном ее варианте, надеются, что снова можно будет вернуться к исходному моменту «выбора» и уж теперь-то, наконец, сделать его правильно. Одна из таких попыток была реализована с победой христианства. (Христос искупил первородный грех). «Новый Иерусалим», однако, так и не снизошел на грешную землю. Это вовсе не значит, что ничего

на ней не меняется к лучшему. Переписывать прошлое нам не дано, но делать свой выбор каждый раз «здесь и сейчас», не перекладывая ответственность за него на предков или потомков, мы можем. Можем потому, что наши общие предки, вкусив от дерева познания добра и зла, сделали их различимыми. И не столь важно, произошло это согласно Библии или Дарвину.

Апрель 1992

2. Братоубийство

«Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от Господа. И еще родила брата его, Авеля. И был Абель пастырь овец; а Каин был земледелец... Каин принес от плодов земли дар Господу. И Абель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его; а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лицо его. И сказал Господь Бог Каину: почему ты огорчился? и отчего поникло лицо твоё? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним» (Быт. 4:1–7).

Слова Бога, обращенные к Каину, многими исследователями считаются трудными для перевода. И.Н. Винников (Палестинский сб. 25(88). Л., 1974, с. 40) переводил слово, обозначенное в синодальном переводе как грех («у дверей лежит грех») — иначе — «жертва искупления», причем жертва мужского пола.

Далее всем известно: «И сказал Каин Авелю, брату своему: “Пойдем в поле”» (эти слова есть только в Септ.). «И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» (Быт. 4:8)

Уже давно было отмечено, что предыдущие стихи Бытия и предание о первом братоубийстве относятся к разным, первоначально не связанным между собой мифам. Бог, узнав про убийство, проклинает землю, забыв, что это уже было сделано по другому поводу. Каин боится, что его убьет первый встречный, хотя, кроме его родителей и его самого, на земле еще никого нет.

Вместо наказания Бог гарантирует Каину личную неприкосновенность и дает ему обширное потомство.

Ранняя ветхозаветная мифология еще ничего не знает ни о посмертном наказании, ни о воскресении мертвых, как и ранняя греческая. (См.: Гомер. Одиссея. XI. 489–492; Быт. 37:35; Пс. 88:6, 11–13; Иов. 14:10–12;

Ис. 26:14; 38:18–19). Впервые идея загробного воздаяния появляется гораздо позднее (Дан. 12:2) — II в. до н.э. и в позднейшей вставке в пророчество Исайи (Ис. 26:14). До этого авторов Ветхого Завета волнует прежде всего благосостояние племенной общности, с которой и заключил договор Господь Бог (Селезнев М.Г. Мир Ветхого Завета / Религии Древнего Востока. М., 1995, с. 120). С.Г. Хук (Мифология Ближнего Востока. М., 1991, с. 114) приводит сравнительные генеалогии потомков Каина (составленные Яхвистом) и потомков Сифа (Жреческий кодекс):

Яхвист	Жреческий кодекс
1. Адам	1. Адам
2. –	2. Сиф
3. –	3. Енос
4. Каин	4. Каинан
5. Енох	5. Малелеил
6. Ирад	6. Иаред
7. Мехиаель	7. Енох
8. Мафусал	8. Мафусал
9. Ламех	9. Ламех
10. –	10. Ной

Слово «Енос», как и слово «Адам», — означает «человек».

Как мы видим, обе генеалогии полностью совпадают, только Енох и Малелеил (5 и 7) должны быть переставлены местами. Очевидно, что Сиф появился в генеалогии человечества уже тогда, когда иудаизм стал приобретать черты этической религии, а образ Каина сделался исключительно отрицательным.

Но это было не всегда так. Уже при рождении Каина Ева говорит: «...приобрела я человека от Господа» (Быт. 4:1), родившийся следом Авель не был удостоен какого-либо замечания.

«Связь женщины с духом не должна считаться чем-то шокирующим. Дух будет считаться зятем, поскольку был женат на женщине этого племени» (*) (Штернберг Л.Я. Античный культ близнецов при свете этнографии / Сб. Музея антроп. и этнограф. 1916. Т. 3, с. 152). В синодальном переводе Библии Сепфора, жена пророка Моисея, обращается к Богу:

«Ты жених крови у меня» (Исх. 4:25–26). Но И.Ш. Шифман (Финикийская мифология и античная историческая традиция. В кн.: Финикийская мифология. СПб., 1999, с. 251 и след.) переводит это обращение «зять крови». «Отношения кровного родства между людьми и Богом уже возникли или существовали как следствие брака бога с представительницей общества» (*). При рождении близнецов считалось, что они оба, либо один из них, происходят от бога (ср. Ифигли и Геракл, Диоскуры, в Древнем Перу один из близнецов считался сыном бога молнии).

После того, как Бог вторично проклял землю, Каин удалился в землю Нод (С.Г. Хук сравнивает это бегство с ритуальным, символическим убеганием жрецов, совершавших жертвоприношение в Афинах и Вавилоне). Несмотря на то, что Бог объявил его «скитальцем на земле» (Быт. 4:12), Каин построил город и назвал его именем своего сына. Потомками Каина были все живущие в шатрах со стадами, все играющие на гуслях и свирели, ковачи из меди и железа.

Создание города предполагает также и земледелие, исконное занятие Каина. Что касается вторичного проклятия земли, то оно, вероятнее всего, есть указание на необходимость правильной жертвы, без которой земля плодоносить не будет. В жертву и был принесен Авель.

Первоначально жертва представлялась как «кормление» высших сил — духов или богов. Естественно, что их вкусы, как и они сами, создавались «по образу и подобию» человека.

Народы, перешедшие от кочевого скотоводства к земледелию, еще долго сохраняли обычай «мясного» жертвоприношения — после окончания потопа Ной приносит в жертву «...всякого скота чистого и из всех птиц чистых... И обонял Господь приятное благоухание...» (Быт. 8:20–21). В шумерском варианте после окончания потопа «изголодавшиеся боги, как мухи, слетаются на приятный запах жертвенной пищи» (*) (Тюменев А.И. Вестник древней истории. 1948, 4(26), с. 19).

Строительство города Каином напоминает другой широко известный миф о братоубийстве — миф о Ромуле и Реме. В этом мифе высшее божество также дает знать одному из братьев о том, что ему оказывается предпочтение, но каждый из них толкует увиденное в свою пользу. В результате Ромул убивает Рема, и построенный город, Рим, получает имя победителя. В этом случае, очевидно, речь идет о строительной жертве. Римский историк Л.А. Флор, рассказывая про убийство Рема, писал: «Так первая жертва освятила кровью основание нового города» (Эпитомы. 1.1.8). Такого рода жертвы были известны и у греков (Аполлодор 1.8.1) и у евреев (3 Цар. 16:34).

Сдругой стороны, противостояние Каина и Авеля отражает древнюю вражду между оседлыми земледельцами и кочевниками-скотоводами. Социальная психология давно обратила внимание на то, что различные социальные группы, так или иначе контактирующие между собой, стремятся символически подчеркнуть свое отличие. «Именно противопоставление своей общности другой всегда способствовало фиксации и активному закреплению своих этнических отличий и тем самым скреплению общности» (Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966, с. 95). Такими символами в древности могли быть татуировка, или надрезы на теле, или украшения. Знак, коим господь отметил Каина, возможно, являлся общеплеменной принадлежностью евреев, а затем стал отличительным знаком пророков, у остальных знаком стали филактерии (см.: Исх. 13:9,16; Втор. 6:8, 11:18; Зах. 13:4–6).

Возвращаясь к истории Ромула и Рема, я хочу обратить внимание на ее вариант, изложенный Титом Ливием (Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. 1. М.: Изд-во «Наука», 1989): разбойники, у которых Рем отбил скот, обвинили его самого в угоне этого скота и отдали в руки царя. Ромул, вооружив оседлых пастухов, отправился выручать своего брата (1.5.4). Не является ли этот эпизод реминисценцией более древнего представления, где Ромул представлял оседлое население, а Рем — кочевое?

Эта же тема составляет сюжет шумерского мифа о боге-пастухе Думмузи и боге-земледельце Энкимду, в котором каждый из них превозносит плоды своего труда, стараясь заслужить любовь Инанны, богини плодородия, плотской любви и распри. Бог солнца Уту уговаривает свою сестру Инанну выйти замуж за пастуха, но та предпочитает землепашца. Энкимду, однако, отказывается от возлюбленной в пользу Думмузи, и Инанна выходит замуж за пастуха. (Причина отказа Энкимду не ясна — в тексте лакуна. Возможно, бог-земледелец предвидел судьбу мужа Инанны). Действительно, спустя какое-то время Инанна оказывается в подземном мире и в жертву за себя предлагает своего мужа, которого туда уносят демоны (От начала начал: антология шумерской поэзии. СПб., 1997; тексты на с. 127, 139). В той же книге (с. 74) приводится спор между богинями Ашан-Зерном и Лахар-Овцой. Ашан-Зерно хвалится: «Я поддержка соседства и дружбы, Я примиряю соседей в ссоре» (очевидно, в виде пива). Она укоряет Лахар-Овцу, которая живет в пустыне, где «скорпионы, змеи, разбойные люди...»

В этих «перебранках» проявляется суть проблемы взаимоотношения оседлых земледельцев и кочевников. Последние для земледельцев представляли не меньшую опасность, чем стихийные бедствия, что хорошо видно из Книги Иисуса Навина и первых глав Книги Судей.

Рассмотрим еще одну мифическую пару: Озирис и его младший брат-близнец Сет.

Сет родился необычным образом — он прорвал бок своей матери. Осирис стал царем Египта, научил людей земледелию, садоводству и виноградарству. Желая править вместо Осириса, Сет убивает своего брата. Для этого он изготавливает саркофаг и уговаривает брата «примерить» его. Осирис ложится в ящик, после чего Сет и его помощники закрывают ящик и бросают его в воды Нила. Исида, жене (и сестре) Осириса, удается его найти и оживить, но он остается в подземном царстве. Сын Осириса Гор вступает в борьбу с Сетом за царский престол и побеждает его. Правящий фараон считался Гором, в то время как Осирис символизировал умершего. В то же время Осирис — бог производительных сил природы, сотворивший «ячмень и полбу, чтобы питать богов... и скот». Осирис — зерно — «Я живу как Зерно, расту как Зерно... Я — ячмень» (Матве М.Э. Избранные труды по мифологии и идеологии Древнего Египта. М., 1996, с. 195 и след.).

Если Осирис представляет благотворительную и упорядочивающую силу, то его противник Сет становится воплощением всякого зла — кочевников, злонамеренных людей и людей рыжих, ибо красноватый цвет пустыни был отличительным признаком последователей Сета (Короستовцев М.А. Религия Древнего Египта. М., 1976, с. 44).

Плутарх (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. М., 1994) сообщает, что Тифон (так он называет Сета) был красный или рыжий (25,30). Это указание роднит Сета с библейским Исавом, которому было дано прозвание «Едом» — красный (Быт. 25:25). Плутарх слышал, что после сражения с Гором Тифон-Сет «семь дней спасался бегством на осле, спасся и стал отцом Иерусалима и Иудея» (31). Очевидно, что его египетские информаторы спутали Исава и Иакова. Связь Сета с ослом не ограничивается этим эпизодом, в Древнем Египте он рисовался с головой осла. До появления в этом регионе верховой лошади (IX в. до н.э.) кочевники передвигались на ослах. Ангел Господень предсказывает Агари, что ее сын (Измаил) «...будет между людьми как дикий осел...» (Быт. 16:12). И.Ш. Шифман, комментируя этот стих, пишет «дикий осел — олицетворение жизни вне цивилизации».

В VII—VI вв. до н.э. на территории Бактрии возникла новая религия — зороастризм (учение Заратуштры), с ярко выраженным дуализмом, который постулирует существование двух начал, доброго и злого, их взаимная борьба и составляет мировую историю. Ахура-Мазда (Ормазд) — «Господь Мудрый», представляющий доброе начало, — могуч, но не всемогущ. Ему противостоит Анхра-Манью (Ахриман) — «Злой Дух». Учение Заратуштры представляло довольно сложное отвлеченное построение, миром управляют не божества в языческом смысле, а некие отвлеченные сущности, что видно по именам представителей как доброго, так и злого пантеонов, однако при этом Заратуштра все-таки не может избежать идеи близнечности.

«Два Духа... два близнеца в начале провозгласили от себя чистое и нечистое мыслей, речей и поступков» (Авеста. СПб., 1997). В зерванистском варианте появлению Ормазда и Арихмана предшествовал Зерван (Зурван) — время. Узнав, что у него будет два сына, Зерван поклялся, что отдаст власть первому. Об этой клятве узнал Ормузд, который должен был родиться первым, и по простодушию рассказал это Арихману, тогда тот разорвал бок отца и первым появился на свет. Зервану пришлось отдать мир на 10 000 лет злому духу (Там же, с. 440).

Социальное содержание идеологии Заратуштры заключалось в политическом объединении оседлого населения под сильной властью для борьбы с соседями-кочевниками, с их постоянными набегами, грабежами и угоном скота. «Когда же, о Мазда, вместе с Правдой (Аша) и Властью (Хшатра) придет Мир (Армайти), дарующий добрую жизнь и пастбища? Кто даст нам покой от кровавых приверженцев Лжи (друджвантов)?» «Пусть завоюют убийцы и губители от деяний доброго правителя! Пусть это даст покой оседлым родам!» — обращается Заратуштра к Ахуре-Мазде. «Кто хлеб возделывает, тот возделывает Истину. Тот Веру маздаяснийскую вперед продвигает; тот Веру маздаяснийскую приумножает сотней поселений, тысячей укреплений, мириадам молитв» (Авеста, с. 11, 90).

Если Ахура-Мазда создает прекрасную родину ариев с благодатной рекой, то Анхра-Манью в противовес этому сотворяет там продолжительную зиму и *рыжеватого* (в другом переводе — «красного») дракона (Авеста, с. 70 и след.). *Красный* дракон появится в Апокалипсисе уже в образе дьявола (Откр. 12:3,7—9).

Еще одна близнечная пара, имеющая свое происхождение в дозорострийской мифологии Ирана, — это Йима — Спитьюра. Йима — герой-

цивилизатор, податель земных благ. Спитьюра совместно со змеем Дахакой, ассоциировавшимся с кочевниками, убивает (распиливает живым) своего брата (Авеста, с. 75).

Финикийцы были ближайшими соседями израильтян. Сами они называли свою страну Ханааном. Знанием финикийской мифологии мы в значительной степени обязаны финикийцу Филону, сославшемуся на Санхунйатона, жившего во II тысячелетии до н.э., который упоминается и в других античных источниках.

Филон сообщает, что от гор, расположенных на территории Финикии, родился Шамемрум (Высокое Небо). «Он поселился на Тире и изобрел шалаши, строя их из тростника, лоз и папируса. Он враждовал с братом Усоем; этот первый придумал прикрывать тело кожами животных, которыми он овладевал силою... Усой, взяв дерево и обрубив его ветви, первый осмелился пуститься в море; он поставил две стелы — огню и ветру, поклонялся им и делал возлияния перед ними из крови животных, которых он ловил» (Финикийская мифология. СПб., 1999, с. 73). Имя Усой давно отождествляется с именем библейского Исава. Финикийская транскрипция имени Усой такая же, как и библейская. Оба они охотники и враждуют со своими братьями. (См.: там же, с. 91). Объединение в одном персонаже охотника и первого мореплавателя не должно нас удивлять. С появлением оседлого скотоводства место кочевника-скотовода занимает разбойник или охотник. Жизнь кочевого скотовода мало чем отличается от охотника. Этолог Л.М. Баскин, изучавший стадную жизнь северных оленей, как домашних, так и диких, делает вывод: «Древние охотники следовали за стадами, наблюдая за поведением животных, они учились применять результаты наблюдений для управления движением зверей на местности, изучали стадное поведение и его значение для удержания животных в определенном районе» (*) (Природа, 1970, № 7, с. 83). Таким образом, охотники постепенно превращались в кочевых скотоводов.

Для приморских оседлых жителей пираты были такой же страшной бедой, как и кочевники. Вспомним набеги викингов, имевшие место уже в средние века. Кстати, в одной из скандинавских баллад герой, узнав, что ему суждено умереть от своего коня (мотив песни о Вещем Олеге), говорит: «Если Блаккена мне не седлать, / Придется тогда паруса поднимать». Естественно, пиратами становились вовсе не кочевые скотоводы, они же охотники, но у оседлого берегового населения эти две

категории прочно ассоциировались. У Филона Усой — основатель колонии островного Тира: пираты предпочитали селиться на островах (позже Тир включал в себя как остров, так и часть материковой территории).

Обратимся снова к «Бытию». Кроме рассказа про Каина и Авеля, в нем есть еще два повествования о соперничающих близнецах: это Иаков — Исав, и Фарес — Зара. О последних двух известно следующее: «И во время родов ее показалась рука; и взяла повивальная бабка и навязала ему на руку *красную* (здесь и далее курсив мой. — В.Р.) нить, сказав: “Этот вышел первый”. Но он возвратил руку свою; и вот, вышел брат его... Потом вышел брат его с *красной* нитью на руке» (Быт. 38:28–30). На сем повествование об этих близнецах кончается. Это либо другой вариант одного из уже упомянутых, либо начало неизвестного нам мифа.

Рассказ про отношения Иакова и Исава более интересен. Еще в утробе матери они «стали биться». Первым вышел красный, весь, как кожа (шкура), косматый и нарекли ему имя: «Исав». Потом вышел брат его, держась рукою своею за пятю Исава, и наречено ему было имя: «Иаков». И стал Исав человеком искусным в звероловстве, человеком полей; а Иаков — человеком кротким, живущим в шатрах. Исаак (их отец) любил Исава, потому что дичь его была ему по вкусу его, а Ревека (мать) любила Иакова. Иаков варил кушанье из чечевицы, а Исав пришел голодный с охоты и сказал: «Дай мне поесть *красного, красного* этого, ибо я устал». От сего дано ему прозвание «Едом» (красный). За чечевичную похлебку Исаак покупает, у своего брата первородство (Быт. 25:22–34).

Через много лет Исаак посылает своего сына на охоту: «...Налови мне дичи, И приготовь кушанье, какое я люблю... чтобы благословила тебя душа моя, прежде нежели я умру». Старший сын отправляется на охоту, а Ревека уговаривает младшего совершить подлог и обманным путем получить отцовское благословление. Она велит сыну принести из стада козлят и сама готовит кушанье. Затем они с матерью обманывают Исаака и Иаков получает благословение (Быт. 27:1–27).

Очевидно, что отношение Иаков–Исав — это оппозиция «человек кроткий» — «охотник», а также «растительная пища» — «мясная пища». (Исав даже не знает названия блюда из чечевицы, а Иаков не может приготовить мясную пищу). Самое интересное, что Исаак, думая, что он благословляет Исава-охотника, произносит: «...Вот запах от сына моего, как запах от поля, которое благословил Господь» (Быт. 27:27). И Исаак дает сыну благословение отнюдь не как охотнику: «Да даст тебе Бог от росы

небесной и от тука земли, и множество хлеба и вина» (Быт. 27:28). Согласно Мидрашу, борьба между Иаковом и Исавом шла за обладание миром (См.: Штернберг Л.Я. Античный культ близнецов при свете этнографии / Сб. Музея антроп. и этнограф. 1916. Т. 3, с. 139).

На некоторых островах Полинезии записан миф о богах-близнецах Тангароа и Ронго. Тангароо должен был родиться первым, но Ронго опередил его. Ратеа (их отец) хотел сделать Тангароо господином вселенной, но их мать Пане заставила большую часть мира (все, кроме *красного*) передать Ронго. Обиженный Тангароо уехал, оставив остров под властью громовика Ронго. Светловолосые люди — дети Тангароо; темноволосые — дети Ронго (Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964, с. 128). В этом рассказе столь много совпадений с ветхозаветным мифом, что не приходится сомневаться в заимствовании большинства деталей оттуда (библейские сведения островитяне могли получить от миссионеров). Почему симпатии рассказчиков оказываются на стороне Тангароо—Исава, не совсем понятно. Возможно, это было связано с воспоминаниями об удачных мореходных экспедициях.

Близнецные мифы, независимо от психологических и исторических причин их происхождения, отражали тот факт, что племенные общности, говорящие на сходных языках, имевшие сходные обычаи и верования, оказывались во враждебных отношениях. Это хорошо видно и на семитском, и на иранском материале — основными врагами мадзянистской веры в Авесте объявляются туранцы (ираноязычные племена скифов и массагетов).

Древнегреческая традиция тоже знает близнецные мифы, однако в этих мифах братья чаще сотрудничают, чем враждуют. Объясняется это, на мой взгляд, тем, что оседлым грекам не противостояли этнически близкие им кочевые народы.

Рассматривая различные варианты близнечного мифа, мы видим, что от частного случая противостояния оседлых и кочевых народов миф приближается к построению дуалистической картины мира. Уже в египетском варианте благодетельному божеству Озирису противостоит Сет как носитель всяческого зла. Наиболее стройную систему создал Заратустра, систему, в которой Добро и Зло являются равными по силе врагами и партнерами по созданию мира и его истории.

Июль 1996

3. Мифы о Луне

Бог луны под именами Амм, Син (Зуэн), Йарих почитался в аккадской, арабской и западносемитской мифологиях. «У израильского бога имеется еще и то общее с древнеарабским верховным богом, это его первоначально лунное происхождение» (*) (Нильсен Д. Вестник древней истории, 1937, № 1, с. 95).

Новолуние торжественно праздновалось евреями даже после возвращения из Вавилона (Иез. 46:1–6). Согласно Библии, исход из Египта начался 15-го числа в новолуние, в новолуние же (в 15-й день второго месяца по выходе из Египта) евреи появляются в пустыне Синай, а к горе Синай подходят «в самый день новолуния» (Исх. 16:1; 19:1).

Само название горы Синай, по мнению некоторых ученых, происходит от имени бога луны Сина (Пальмов М.С. Идолопоклонство у древних евреев. Магистерская диссертация. СПб., 1897, с. 159). Иосиф Флавий безлюдность горы Синай, к которой подошли евреи, приписывал тому, что «по слухам, Бог обитал на ней» (Иосиф Флавий. Иудейские древности. 3.5.1) (*Так у автора. — Ред.*). Когда Моисей выходил от Господа, он «пересказывал сынам Израилевым все, что заповедано было». «И видели сыны Израилевы, что сияет лицо Моисеево, и Моисей опять полагая покрывало на лицо свое, доколе не входил говорить с Ним» (Исх. 34:29–35). Поочередное закрывание и открывание сияющего лица есть метафора луны.

Еще А.Б. Ранович (Ранович А. Очерки истории древнееврейской религии. М., 1937, с. 144) из-за совпадения имени брата Авраама, Арана /Nargan/ и названия города Харран предположил, что Аран был неким мужским божеством. Очевидно, имя Аран было персонификацией города Харрана. Возможно, это имя связано с именем угаритского Хорона и древнеарабского Аарра (МНМ).

Фарра, отец Авраама, Арана и Нахора и его внуки жили в Уре Халдейском. «И взял Фарра Авраама... и Лота... внука своего... и вышел с ними из Ура Халдейского, чтобы итти в землю Ханаанскую: но, дошедши до Харрана, они остановились там» (Быт. 11:27, 28, 31). Как оказался в Харране Лаван (Лаван по-еврейски — «белый», «луна») — Библия не сообщает. Имя Фарра (Терах), «обращающийся», «уходящий», И.Ш. Шифман предполагает связанным с культом лунного божества (Учение. Пятикнижие Моисеево. Пер., введение и комментарий И.Ш. Шифмана, М., 1993, с. 277). «Ушедшая» луна порождает луну «белую».

Святилище в Уре было главным местом культа шумеро-аккадского лунного бога Нанну-Сина, второй важный культовый центр находился

в Харране, на севере Двуречья (Оппенхейм А. Лео. Древняя Месопотамия. М., 1990, с. 155). Возможно, вокруг этих святилищ складывались легенды, оказавшие влияние на Библию.

«Аран родил Лота. И умер Аран... в земле рождения своего, в Уре Халдейском». Вместе с дедом Лот направляется в Харран, но оказывается в Содоме. Имя «Лот» переводится как «покров», «покрывало» (еще одна замена сакрального имени бога Луны), и тогда Содом – это нижний мир, куда уходит исчезнувшая луна. Превращение жены Лота в соляной столб находит аналогию в греческом мифе про Орфея (Публий Овидий Назон. Метаморфозы. М., 1977, X. 1–63).

Обратим внимание на то, что жителей Содома Бог поражает слепотой (Быт. 19:11). В окрестностях Содома находятся рефаймы-покойники, ужасные эмимы и живущие в пещерах хорреи (Быт. 14:5).

Нападение на округу, в которой жил Лот, царя Кедорлаомера, разогнавшего мертвецов и пленившего (или освободившего) невидимый месяц, – сюжет еще одного мифа. Аврам (отец высот), вероятнее всего, одно из имен Эля-Илу, выступает против агрессора и восстанавливает статус-кво. Возможно, что это нападение, как и огненный дождь, пролитый на Содом и Гоморру (Быт. 19:24), – всего лишь наказание властителям нижнего мира за попытку удержать у себя Луну (Лота). Один из сибирских шаманов устраивает наводнение в жилище мертвецов, чтобы, воспользовавшись паникой, угнать похищенные ими души людей и домашнего скота (Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984, с. 91). Тем более крутые меры следовало принять по поводу пленения луны.

Жизнь Лота в пещере – очевидно, иной вариант мифа о сокрытой луне. Вместе с ним в пещере живут две его дочери. «И сказала старшая младшей: отец наш стар; и нет человека на земле, который вошел бы к нам по обычаю всей земли. Итак, напоим отца нашего вином и переспим с ним, восставим от отца наше племя» (Быт. 19:31, 32). Отталкиваясь от этого текста, С.Г. Хук (Мифология Ближнего Востока. М., 1991, с. 128) предполагает, что миф об уничтожении городов равнины – это один из вариантов мифа об уничтожении человечества.

В ханаанском мифе бог Эл создает двух женщин, но его «стержень опущен долу». Если ему удастся совокупиться с ними, они воскликнут: «О, супруг, супруг!... Женщины – жены Эла...»; если же нет – они воскликнут: «О, отец, отец! Девушки – дочери Эла» (Гордон С. Ханаанейская мифология / Мифологии древнего мира. М., 1977, с. 204). Благополучный исход сулит урожайные годы. У жен Эла рождаются двое богов – Шалимму и Шахару. Возможно, что брак Лота со своими дочерьми был

отголоском и этого мифа или тех его вариантов, в которых место Эла занимал бог луны.

В Харране Лавана посещает Иаков и сватает за себя его дочь. По пути к своему будущему тестю Иаков видит во сне лестницу, которая касается неба (Быт. 28:12). С верхнего конца лестницы с Иаковом говорил Господь. Эта лестница — один из атрибутов шаманских камланий, по ней шаман попадает в верхний мир, куда, собственно, и направлялся Иаков, ведь Лаван — это луна. Иаков работает у него 20 лет, затем получает двух жен — Лию («телку»), Рахиль («овечку») — и стада. Аккадский гимн богу луны Зуэну сообщает, что в его загонах «много овец, много коров! Черные — словно камень синий сияют, белые — лунным лучом сверкают» (От начала начал. Антология шумерской поэзии / Вступ. ст., пер., словарь В.К. Афанасьевой. СПб., 1997, с. 112).

«И взглянул Иаков на лицо Лавана, не таково оно как вчера и третьего дня» (пер. И.Ш. Шифмана). Если бы речь шла о луне, выражение было бы понятно в любом контексте. Предполагая, что тесть может не отпустить его, Иаков бежит с женами, скотом и терафимами (фигурками домашних богов), прихваченными Рахилью. Лаван догоняет Иакова, но, по велению Яхве, заключает с ним мир (Быт. 29:15 — 31:55).

Можно было бы предположить, что этот рассказ — просто описание быта кочевников, если бы он не повторял известного во всем мире сказочного сюжета: герой появляется в ином мире в поисках жены, отец его суженой задает ему чудесные задачи, которые герой выполняет — получение пестрого приплода — в шумерских текстах пестрый скот употреблялся для жертвоприношения (см.: От начала начал... с. 191, 137).

Затем следует магическое бегство. В тексте Библии Иакову помогает Божественный глас, но присутствие терафимов заставляет предположить, что они играли ту же роль, что и волшебные предметы, которые берет с собой сказочная жена. (См.: Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998, с. 427). В шаманской практике подобные фигурки символизируют духов-помощников. Впрочем, Иаков вернулся не без потерь. «И боролся Некто с ним, до появления зари» (Быт. 32:24), а затем «...коснулся состава бедра его...», или просто столкнул гостя с неба на землю, и Иаков сделался хромым, как Гефест или Сатана. (Борьба шамана с владельцами благ, которые они не хотят отдавать, тоже хорошо известна). (См.: Мифы, предания и сказки хантов и манси / Под редакцией Е.С. Новик. М., 1990, с. 57, 91). Терафим (в русск. пер. «статуя») спасает и будущего царя Давида от стражей Саула (1Цар. 19:13). В библейском тексте жена Давида, Мелхола, кладет вместо мужа на постель терафим, и слуги,

посланные арестовать Давида, почему-то возвращаются к Саулу. Сам Давид тоже был не чужд участия в шаманских действиях (2Цар. 6:14, 21).

В сказках за отсутствующего героя отвечает оберег-«куколка». Отметим, что и в сказочном материале, и в Библии с «куколкой» манипулируют женщины.

Пророк Осия (VIII в. до н.э.) еще верит в сакральность терафимов: «Ибо долгое время сыны Израилевы будут оставаться без царя и без князя и без жертвы, без жертвенника, без ефода и терафима» (Ос. 3:4). К моменту фиксации устных преданий значение терафимов сомнению не подвергалось, в последующем часть сведений о них была устранена, а оставшиеся эпизоды стали трактоваться иначе.

Наличие терафимов в эпизоде погони Лавана за Иаковом заставляет предположить, что речь идет о неких сакральных ценностях, полученных человечеством от божества Луны.

На предание об Иакове, вероятнее всего, повлияли мифы про исчезающее (умирающее) и возвращающееся божество. Его двадцатилетнее отсутствие, возможно, является гиперболой двадцатинедельного неблагоприятного периода. (В мифологии и сказках иногда одни календарные отрезки времени заменяются другими).

В псалме 9, «по смерти Лабена» («Мот Лабен» — смерть луны), к богу, «скрывающему Себя» (Пс. 9:22), «закрывшему лицо Свое» (Пс. 9:32), обращаются как к судье праведному, который будет «судить вселенную по правде» (Пс. 9:9), даст суд «сироте и угнетенному» (Пс. 9:39). Этот псалом перекликается с шумерским гимном «мертвому» (невидимому перед новолунием) Сину. В шумерском гимне, обращенном к Луне, когда она находится в нижнем мире, говорится: «...мудро разбирай судебные дела... справедливые приговоры ты влагаешь во все уста, делаешь должное очевидным, честные сердца ты радуешь...» (Якобсен Т. Сокровища тьмы: История месопотамской религии. М., 1995, с. 144).

Языческие мифы остались в Библии в сильно измененном виде, но измененном не настолько, чтобы их нельзя было узнать.

Декабрь 1998

4. Дан – божество смерти?

Благословляя своего сына Дана, Иаков говорит: «Дан (судья. — В.Р.) будет змеем на дороге, аспидом (евр. «шефифон». — В.Р.) на пути, уязвляющим ногу коня, так что всадник его упадет назад» (Быт. 49:17). Случайно ли в этом тексте употреблено слово, созвучное евр. «шефат» (судья)?

Некоторые из эпонимов еврейских племен принадлежат ханаанским божествам (Библия даже приводит такое имя — «Гад» (Ис. 1:4). На мой взгляд, имя Дан — также имя божества, судьи подземного мира.

В угаритской мифологии Даниэл (судья божий или судья бог) — мудрый судья, муж рапаитский. Рапаиты, библейские рефаимы — это либо мертвецы, либо вообще обитатели подземного мира, включая хтонических божеств — отсюда рафаиты-целители. (См.: Шифман И.Ш. Культура Древнего Угарита (XIV–XIII вв. до н.э.). М., 1987, с. 81; Хук С.Г. Мифология Ближнего Востока. М., 1991, с. 77; МНМ). В Книге Товита (Тов. 3:16) на помощь герою, погребавшему мертвых, посылается ангел-исцелитель Рафаил («бог мертвых» или «целитель-бог»).

Иезекииль упоминает древнего мудреца и праведника Даниила (Иез. 14:4, 20; 28:3), очевидно, хорошо известного во времена Иезекииля. Отголоски угаритского мифа есть и в повествовании о библейском пророке Данииле.

Оставляя в стороне исторические факторы появления этого повествования и религиозные идеи, носителем которых оно является, остановимся на мифологической основе фольклорного субстрата этой книги. В пророчествах Даниила впервые в религиозной литературе появляется идея о воскресении мертвых (см.: Рижский М.И. Библейские пророки и библейские пророчества. М., 1987, с. 307): «И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление» (Дан. 12:2). Эта новая религиозная идея была вложена в уста героя, в преданиях уже связанного с иным миром. Даниил умеет не только разгадывать, но и смотреть чужие сны — «в ночном видении» ему открывается тайна сна Навуходоносора (Дан. 2:19), что есть тоже признак связи с миром мертвых.

Наконец, обратим внимание на первую и третью главы этой книги. В них рассказывается о том, как при дворе Навуходоносора приобщались к мудрости Даниил и еще три отрока из сынов Иудиных. Они налагают на себя ритуальные пищевые запреты, а затем трое из них, плюс четвертый — ангел — оказываются в огненной печи. Вспомним, что цари иудейские Ахав, Манассия «...проводили сыновей своих через огонь», последний к тому же еще и «учредил вызывателей мертвецов» (2Пар. 28:3; 33:6; Иер. 7:31; 32:35). Таким образом, можно утверждать, что описанная в книге Даниила картина представляет гиперболизированное описание отроческой инициации, покровителем которой, очевидно, был бог Дан.

Некий Дан «из потомков исполинов», берет истлевшие тела сыновей Саула, выданных гаваонитянам Давидом и повешенных ими (вар. Септ.

2Цар. 21:11 и далее). Давид же собрал кости повешенных и похоронил их. Отсутствие этой детали в масоретском тексте говорит о последующем его редактировании с целью его максимальной рационализации, ибо из текста Септуагинты следует, что Дан взял души повешенных — их жизнь. В Септуагинте четырежды упоминается, что дети Саула были «повешены на солнце», в двух случаях с добавлением «перед Господом». Вероятнее всего, казнь детей Саула, умерщвленных «в первые дни жатвы, в начале жатвы ячменя», была актом жертвы Солнцу в день весеннего равноденствия. Связь Солнца с божеством подземного мира — Даном — не случайна.

К колену Данову причислен и легендарный Самсон, бывший «судьей израилевым двадцать лет». Самсон (солнце) — явно мифическая фигура, и он мог быть судьей постольку, поскольку «всевидящее» солнце во многих традициях, в том числе и ближневосточных, являлось и божеством справедливости. Как правило, функции судьи выполняло зашедшее солнце, находящееся в нижнем мире.

Ослепленный Самсон — это и есть «солнце мертвых». Значимо и имя отца его, Маной, — «покой», «забвение», «покойник». Возможно, первоначально это было дополнение к имени Самсон — Самсон-Маной, т.е. солнце-покойник. Поэтому Самсон пользуется ослиной костью в качестве оружия, рушит дворец (землетрясение), открывает яму, из которой течет вода. Зашедшее Солнце, так же как и невидимый месяц, могли принимать участие в загробном суде над умершими вместе с постоянными обитателями нижнего мира.

«Представление о солнце как о божестве, связанном с потусторонним миром, обнаруживает в Переднеазиатском Средиземноморье исключительную стойкость» (*). Существовала и связь его со змеей. В одном из текстов дочь Солнца обращается к своей матери: «Змей должен быть наделен клыками и ядом, получить возможность есть и пить, сделать кресло (трон?) и воссесть на нем» (*) (Шифман И.Ш. Культура Древнего Угарита (XIV–XIII вв. до н.э.). М., 1987, с. 72).

В самых разнообразных мифологиях души умерших попадают в загробный мир через узкий мост, переброшенный над пропастью или огненной рекой. В преодолении этой и других преград умершему помогали проводники душ, иногда в виде животных: собаки, барана, коня (МНМ). Мост, паутина, острый меч символизируют иной вариант суда — недостойные не могут миновать его и падают в огненную пропасть. Иаков в пророческом предсмертном благословении своим детям говорит: «Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня,

так что всадник его упадет назад» — это змей на таком мосту, вершащий суд над душами умерших (Быт. 49:17).

Я обратил внимание на интересное совпадение: некий Миха вместе со своей матерью отливают истукана, литой кумир, ефод и терафим, которые затем оказываются у колена Данова (Суд. 17–18). С другой стороны, у пророка Даниила впервые появляется «...князь великий, стоящий за сынов народа...» — Михаил, в позднейшее время называемый Архангелом. Случайно ли это совпадение? Может быть, Дан каким-то образом связан с Михой-Михаилом?

Может быть, речь идет о хананейском боге Миккале, ипостаси Рашапа, боге огня, губительного мора и войны, который отождествлялся с шумеро-аккадским богом подземного солнца Негралом.

Май 2003

Предания об амазонках

Мой интерес к проблеме амазонок был в значительной мере спровоцирован появлением этих архаических дам, переодетых в белые колготки и вооруженных снайперскими винтовками; было это в городе Грозном во время первой чеченской войны. В данном конкретном случае примененный пропагандистский прием, ориентированный на подсознание, не сработал. Однако не следует обольщаться, так бывает не всегда. Когда юристы и политологи всего мира ломали головы над тайной сталинских «показательных процессов», была опубликована статья К. Леви-Стросса «Колдун и его магия», в которой он описывает аналогичную ситуацию в племени зуньи¹⁰⁵.

Архетипы (эмоционально окрашенные, врожденные или неявно навязанные культурой системы ассоциаций) продолжают оказывать сильнейшее влияние на наше мировосприятие, особенно тогда, когда оно не опосредовано рефлексией. Один из способов осознания архетипических структур — исследование мифологии, которая является достаточно удобным объектом изучения, поскольку она в наибольшей степени отстранена от нашего сегодняшнего бытия и связанных с ним эмоций.

¹⁰⁵ Знаменательно примечание, сделанное к этой главе в русском издании 1985 г. «Судебная практика, описанная у зуньи, находит разительные психологические параллели в средневековых процессах ведьм и их аналогах более позднего времени». Архаические колдуны и ведьмы воскресли в XX веке под именем «врагов народа», чье «вредительство», мотивируемое «ненавистью к мировому пролетариату», было несомненно для тысяч и тысяч современников. (Не случайно В.Я. Пропп одну из категорий сказочных персонажей наименовал «вредители»).

Истории о странах безмужних женщин — одна из наиболее общих тем фольклора и мифологии в самых разнообразных культурных традициях. Существует сравнительно большое количество литературы, посвященной этой проблеме, где собран самый разнообразный материал.

Однако концептуальная сторона этого образа, характерная для отечественной традиции, меня не удовлетворяла. В нашей литературе образ амазонок был однозначно связан с периодом матриархата, якобы имевшим место в истории человечества. Ни из экологии приматов, ни из фактического материала, накопленного историками и этнографами, это отнюдь не вытекает.

Сама теория матриархата была сформулирована на основе мифологии, как античной (Бахофен И.Я.), так и индейской (Морган Л.Г.). Гипотетическая теория после выхода работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» тоже превратилась в миф, построенный по тому же принципу, что и архаичные мифы: «В доисторическое время, до появления частной собственности, все было наоборот, чем теперь». (По этому поводу см.: Ронкин В.Е., 1994)¹⁰⁶.

Некоторые исследователи (например, Б.А. Калосев. 1959 г., Л.С. Толстова в 1984 г.) обоснование мифа об амазонках ищут в обычаях участия девушек в военных действиях, расценивая такие обычаи как пережиток матриархата. Не возвращаясь к проблеме гинекократии, замечу, что, даже если участие женщин в войне и имело место, к проблеме амазонок это никакого отношения не имеет. Героини нартского или каракалпакского эпосов воюют против врагов своего племени вместе с мужчинами или

¹⁰⁶ «Никто еще не выступал с гипотезой, по которой в мифах якобы сохранилась память о времени, когда животные умели пользоваться огнем, а законы всемирного тяготения отличались от современных. Но коль скоро речь заходила об описываемых в мифах явлениях общественной жизни, ученые не раз теряли осторожность и склонны были увидеть в текстах какое-то зерно истины. <...> В отечественной этнографии гипотеза о матриархате продержалась довольно долго. <...> Хотелось бы подчеркнуть, что мифы индейцев о свержении власти женщин недопустимо использовать для ее обоснования» (*) (Березкин Ю.Е. 1987, с. 90). Даже матрилинейный род, действительно обнаруженный этнографами, использовался в идеологических целях. «Материнско-родовая теория <...> перенесла материнский род из неолита, где он реально существовал, в верхний палеолит. <...> Так возник тезис о первичном и даже универсальном материнском роде в верхнем палеолите. Трудно даже понять, как мог этот недоказуемый тезис подняться до общепринятой теории, занявшей в науке о первобытности на длительный срок монопольное положение. Видимо, здесь не обошлось без влияния факторов, лежащих за пределами науки» (*) (Бутинов Н.А. 1968, с. 123).

вместо них. Амазонки же выступают против мужчин либо оказываются на стороне врагов рассказчика.

Насколько люди античной культуры считали амазонок реальностью, видно из «Панегирика» Исократ (III–IV вв. до н.э.), в котором он сопоставляет победы в греко-персидской войне с победой Афин (и Афины!) над амазонками. При этом в народном, массовом сознании амазонки были несколько иные, чем в эпосе. Именно из массовых представлений черпали свои сведения Гиппократ, схолиасты (комментаторы) и историки. В европейской традиции наиболее полное сообщение об амазонках оставил Геродот (Геродот. История в девяти книгах. Л., 1977. V. 110–117). По его рассказу, эллины воевали с амазонками, в Малой Азии за рекой Термодонт. Геродот сообщает, что амазонок «скифы называют “эорпата”, что значит мужеубийца».

Эллины взяли некоторых женщин в плен и погрузили на свои корабли, но на обратном пути пленницы напали на эллинов и перебили их всех. Амазонки не были знакомы с кораблевождением, поэтому после убийства мужчин они носились по волнам, пока ветер не пригнал их к скифскому побережью. Здесь амазонки сошли с кораблей и некоторое время бродили по окрестностям, затем, встретив табун лошадей, захватили его и принялись грабить скифов. Скифские вожди, пораженные воинственностью амазонок, решили породниться с ними, для чего выделили отряд юношей, повелев ему следовать за амазонками, не вступая в конфликт. Однажды один из юношей случайно встретил амазонку, отошедшую от своего лагеря, женщина не прогнала юношу, позволила вступить с ней в сношения. Движением руки она указала ему, что на следующий день он может прийти на то же место и привести товарища, знаком объясняя, что их будет тоже двое. На следующее свидание она явилась с подругой. Постепенно все юноши обрели, таким образом, жен и, поселившись отдельно от скифов, образовали отдельный народ.

Отметим противоречие в изложении: амазонки, названные «мужеубийцами» не отклоняют ухаживания юношей. Это противоречие, на мой взгляд, свидетельствует о том, что изложение Геродота является компиляцией двух мифов, сходных внешне, но различных типологически. Мифы обоих типов достаточно широко распространены почти во всем мире.

Рассказ Геродота любопытно сравнить с фольклорной записью, сделанной в Смоленской губернии в конце XIX века. В былые дни протекали две реки — Воробей и Девица. За Воробьем жили мужчины, за Девицей —

«девки». Однажды один из парней по имени Трехсотлетник увидел спящую девицу на территории между реками, он провел с ней ночь и покинул ее раньше, чем она проснулась. У «девки Двухсотлетки» родился ребенок. При следующей встрече парень дождался ее пробуждения, и они договорились встретиться вновь двумя парами. Когда Двухсотлетка родила, «все остальные девки дивились, глядя на ребенка». Постепенно о существовании мужчин узнали и другие. Потом все образовали пары, хотя и жили отдельно, мальчиков воспитывали мужики, девочек — женщины. Наконец, мужчинам это надоело, и они напали на женщин, часть взяли в плен, другая — погибла, остальные откочевали в горы, где, дожив до тысячи лет, умерли (Богданов В.В. 1946).

Эта фольклорная запись интересна тем, что в ней не акцентируется агрессивность женщин.

Подобные истории записаны не только в России. В африканской Дагомее зафиксировано аналогичное предание: когда-то существовали две деревни — мужская и женская, жители которых не знали друг о друге; однажды, возвращаясь с охоты, мужчина встретил женщину, которая несла просо, он угостил ее мясом, она его — лепешками, через некоторое время у них появился ребенок и его показали остальным; с тех пор мужчины и женщины живут совместно (Косвен М.О. 1947, № 3, с. 6; другая версия см.: Сказки народов Африки. М., 1976, № 37). Такой же миф существует и на Новой Гвинее. Одного мужчину проглотила черепаха и унесла «в другое место». Там оказалась деревня безмужних женщин. С одной из женщин он сблизился, научил ее добывать огонь, пользоваться извесью для приготовления жвачки из бетеля. Мужского фаллоса она никогда не видела, и новый знакомец показал ей, для чего тот предназначен. Женщина забеременела и родила. Остальные женщины, узнав о рождении младенца, тоже захотели иметь детей и, родив мальчиков, захотели сделать их своими мужьями, но пришелец запретил им инцест, разделив на брачные классы, после чего покинул остров (Сказки и мифы Океании. М., 1970, № 31). В китайском «Каталоге гор и морей» повествуется: «...В Великой пустыне находится гора Дракона; сюда заходят солнце и луна; там расположено царство Женщин; есть царство Мужчин» (16.4).

По сути дела, в подобных случаях мы имеем дело не с мифом об амазонках, а с мифом о происхождении современного мира, о преобразовании изначального хаоса в упорядоченный космос (знамательно, что это совпадает с овладением огнем и установлением брачных классов). Прежнее состояние мира мыслилось зачастую как простая инверсия, абсолютное противопоставление прошлого настоящему:

если теперь огнем владеют только люди, то, значит, раньше он был у животных, у которых люди и похитили огонь. Если теперь мужчины и женщины живут совместно, то ранее, «до начала времен», они жили раздельно (смоленская запись, указывающая на возраст героев, подтверждает «допотопность» ситуации)¹⁰⁷. Отметим также, что основным мотивом, побуждающим женщин отказаться от своей независимости, является рождение ребенка.

Геродот в своем сообщении, очевидно, объединил две разных мифологемы: о воинственных амазонках, воевавших с эллинами, и о появлении из моря женщин, с которыми встречаются холостые парни, образуя народ. Другой вариант изначального состояния также противоположен нынешнему. Если теперь некоторые сакральные действия и атрибуты, табуируемые для женщин, а также власть, принадлежат мужчинам, то ранее все это пытались присвоить себе женщины.

Античные писатели нередко упоминали гинекократию, описывая варварские племена, с которыми ни греки, ни римляне непосредственных контактов не имели (Косвен М.О. 1947, с. 20–21). По их представлениям, в значительной степени рационализированным, варвары жили еще в «доисторические времена» (Эти рассказы, как и предания об амазонках, тоже вошли в уже упомянутый миф XIX в.).

Такие же представления о прошлом зафиксированы и в других ареалах. В Танзании у африканского племени хадзапи рассказывается, что в начале времен только женщины владели оружием и занимались охотой. Мужчины их боялись. Но потом солнечный бог Ишоко установил современный порядок. (Иорданский В.Б. 1982). «Важнейший для мифологий западного ареала (Южной Америки) палеоиндийский сюжет повествует о женщинах как первых исполнительницах ныне запретных для них ритуалов и об установлении современного порядка вещей. Солнце (предводитель мужчин) борется со своей женой Луной, стоящей во главе женщин. Та в конце повествования устраивает потоп. Образ предводительницы женщин тождественен образу хтонической богини» (*) (Березкин Ю.Е. 1990).

В некоторых случаях земли, населенные женщинами, являются реликтовыми остатками прежнего мира и иногда соотносятся с царством мертвых. В кельтских (ирландских) сагах говорится о таких островах,

¹⁰⁷ Вероятнее всего, В.В.Богданов записал «испорченную» версию Геродота, но в почти современном пересказе она выглядит гораздо архаичнее, нежели у античного автора.

лежащих на крайнем западе Океана. Это Яблочные, Счастливые, Женские острова. Жительницы этих земель устраивают для прибывших прекрасные пиры и дарят их своей любовью, но возвращение в наш мир для героев уже невозможно (Исландские саги. Ирландский эпос. 1973). Таковы же коранические гурии.

К миру мертвых относятся и греческие эринии, керы, аналогичные им германские валькирии, русские лихорадки и русалки (МНМ. 1980)¹⁰⁸. Жительницы островов Блаженства и гурии фигурируют только в мире мертвых; русалки и валькирии опасны живым, но становятся женами утопленников и погибших в бою; керы, как и валькирии, неистовствуют на поле брани, губят людей и уносят их в Аид. Большинство из перечисленных мифологических категорий враждебны живым, в первую очередь, мужчинам.

*Рыщут и Злоба, и Смута, и страшная Смерть между ними:
Держит она то пронзенного, то не пронзенного ловит,
Или убитого за ногу тело волочит по сече;
Риза на персях ее обгазовлена кровью людскою.
В битве, как люди живые, они нападают и бьются...*

(Гомер. Илиада. Песнь 18:535–539)

В тексте русского перевода (Гнедича) слово «кера» не фигурирует, но оно есть у Гомера, который также употребляет его в значении «судьба». Зевс именно керы взвешивает на золотых весах (Гомер. Илиада. Песнь 8:68–70; 22:209–211).

*...девы в шлемах
с просторов небесных
мчались в кольчугах,
обрызганных кровью,
свет излучали
копья валькирий.*

(Старшая Эдда. Первая песнь о Хельги убийце Хундинга. 15).

Это валькирии из старшей Эдды. «Один шлет их во все сражения, они избирают тех, кто должен пасть, и решают исход сражения», Эдда называет их и «норнами» — девами судьбы (Младшая Эдда, с. 35). <...> *Ninck M.* обосновывает связь между керами, валькириями и амазонками; с его точки зрения представление воинской судьбы в образе девы,

¹⁰⁸ Античный автор: «В Скифии рождаются женщины, называемые “битиями”. Они имеют в глазах двойной зрачок и губят взглядом, если посмотрят в гнев» (Лат. 1948, № 4).

которая может влюбиться в героя, было важным фактором психологической защиты. Для героического периода это заключение правомерно, но образы амазонок, как я попытаюсь доказать, гораздо старше и уходят в глубокую архаику.

Валькирии и керы — воинственны. Эти же качества в первую очередь характеризуют и собственно амазонок, которых Геродот называет «мужеубийцами», Эсхил («Прикованный Прометей», 729–761) — «воинством, враждебным мужчинам», а его схолиаст — «мужененавистными» (Латышев В.В. 1947, № 1, с. 303).

Обратим внимание на некоторые сюжеты, которые обычно к мифам об амазонках не относят. Отметим также связь категории этих женщин с водой, что характерно для мифов об амазонках.

Во время своего плаванья Одиссей причаливает к острову Ээе, где живет богиня-волшебница Кирка, окруженная девами — «...все они дочери были потоков и рощ, и священных Рек...» (Одиссея. 1953, 10:350). Путников, попавших в ее владения, Кирка превращает в животных. Однако Одиссею с помощью Гермеса удастся победить волшебницу, после чего она разделяет с ним ложе и целый год Одиссей и его спутники пируют во дворце богини (Одиссея. X). Кирка — дочь Гекаты (богини колдовства, лунной богини, близкой Селене) и бога солнца Гелиоса. Кирка воздвигла храм Артемиды, которой в жертву приносила всех чужеземцев. Отданная в жены царю скифов, она убила его, а затем, изгнанная, бежала к Океану вместе с приближенными женщинами и поселилась на пустынном острове, где ее и встретил Одиссей. (Диодор Сицилийский. IV.XLV. 4.45). Эпитет «мужеубийца» полностью применим и к Кирке, несомненно связь с водой окружавших ее женщин.

В предании о Данаидах амазонки тоже не упоминаются, хотя в нем налицо некоторые основные элементы мифов этого типа.

Данаиды, согласно греческой мифологии, дочери царя Даная. Прибыв в Аргос и став там царем, Данай узнал, что в стране не было воды, так как рассерженный Посейдон иссушил всю страну. Тогда на поиски воды Данай послал своих дочерей, одна из которых разделила ложе с Посейдоном, и тот указал ей источники. Данаиды были принуждены к браку со своими кузенами силой. Отец дал им кинжалы, чтобы в первую брачную ночь они закололи своих мужей, что и было сделано (Аполлдор. 1972, II. I. (4–5)). В Аиде в наказание за это Данаиды наполняют водой дырявый сосуд (Гигин Г.Ю. Мифы. 1997, 168). Дырявый неиссякающий сосуд — метафора источника. (Древнегреческая мифология очень поздно пришла к идее загробного наказания, вероятнее всего, несколько

мифов такого рода являются переосмыслением более ранних «занятий» их персонажей).

Наконец, само имя «Данай» связано с иранским «**danu*» — река (ср. Дунай, Дон, Днепр, Днестр). Не случайно, вероятно, и то, что античные писатели связывали легенды об амазонках с ираноязычными скифами или сарматами.

Другой миф о мужеубийстве связан с островом Лемнос. Лемноские женщины отказались почитать богиню Афродиту, и та в возмездие наделила их зловонием¹⁰⁹. Поэтому их мужья, захватив женщин из близлежащей области Фракии, сделали их своими наложницами. Оскорбленные женщины Лемноса перебили своих отцов и мужей. Герои (аргонавты), причалив к острову Лемносу, управляемому женщинами, вступили с ними в брак (Аполлодор. 1972, I. IX. (17)). Диодор Сицилийский (III. IV) утверждал, что города на Лемносе основали амазонки.

В Южной Америке подобный миф выглядит так: за нарушение табу мужчины убили мальчика, в отместку мать уговорила остальных женщин перебить всех мужчин, в том числе и мальчиков, после чего женщины отправились вверх по течению рек, и каждая выбрала себе ту реку, которая ей понравилась (Березкин Ю.Е. 1994, № 83).

В античной мифологии амазонки всегда выступают противниками героев, очистителей мира от хтонических чудовищ: Геракла, Тезея, Беллерофонта. В битвах они оказываются на стороне «врагов»: во время троянской войны они воюют против ахейцев, у Вергилия в «Энеиде» (XI. 532 и след.) — против троянцев.

Амазонки — дочери Гармонии и Ареса, «не так уж добры, ведь у них не в почете право... им по душе Ареса дела и плачевные распри» (*) (Аполлон Родосский. 2.990). Гармония тоже «внебрачная» дочь Ареса (Аполлодор. 1972, III. IV (2)), мужем ее был Кадм, на свадьбе боги подарили ей ожерелье, ставшее источником несчастий для тех, кто им владел (МНМ. 1980) и одеяние, «окрашенное преступными составами, поэто-

¹⁰⁹ Зловоние — один из признаков царства смерти. С Лемносом связан и миф о Филоктете, одним из ахейцев, отправившихся в Трою. Недалеко от Лемноса его ужалила змея. Рана оказалась неизлечимой; она издавала отвратительный запах, который войско не в состоянии было вынести, поэтому Филоктета высадили на Лемносе. (Аполлодор. 1972, Э III, (27)). Можно предположить, что такой связью с отвратительным запахом Лемнос обязан вулканическим испарениям. Возможно, на нем помещался один из входов в нижний мир.

му ее потомство было преступным» (*) (Гигин Г.Ю. Мифы. 1997, 148)¹¹⁰. Историк Эфор излагает другую версию происхождения амазонок: когда савроматы отправились воевать, их жены, возмущенные тем, что мужья их бросили, перебили всех оставшихся мужчин и постановили ломать ноги мальчикам, чтобы те не отобрали у них власть (Косвен М.О. 1947, № 2, с. 35).

Живут амазонки в городе Фемискира за рекой Термодонт (Эсхил. Прометей прикованный. 23, 416). Термодонт в переводе — горячая река. Возможно, это не случайно. Католическая легенда о св. Урсуле, убитой гуннами вместе с 11 000 дев во время паломничества, возможно, восходит к дохристианскому кельтскому мифу (Добиаш-Рождественская О.А. 1925). Восстанавливая исходный миф, исследовательница отмечает «стихийный характер девичьего воинства и его водяных игр», а также культ Бате — богини горячих вод. Огненные или кипящие реки отделяли наш мир от нижнего. У Вергилия «Огненный бурный поток вокруг твердыни Тартара мчится...» (Энеида. 6:550).

Античные амазонки были прежде всего связаны с Артемидой. Они основали храм Артемиды Эфесской (Каллимах. 3, 237). Жрицей Артемиды-Дианы была амазонка Камилла (Вергилий. Энеида. 11.11). Кирка построила храм этой богине, установив обычай приносить в жертву всех чужестранцев. (Диодор Сицилийский. II. XLVI. 46.2). Амазонка Камилла, согласно Вергилию, была жрицей Дианы-Артемиды (Энеида. 11:557)¹¹¹. Он же (III. LII — LV. 52—55), ссылаясь на Дионисия Скитобрахиона, говорит, что родиной амазонок был остров Геспер, лежащий на западе близ Океана. Геспериды — дочери Ночи и, следовательно, сестры эриний и кер.

В известных нам мифах внутренний «быт» амазонок не освещается, на эту тему писали античные и более поздние географы, историки, схоластики.

Гиппократ (О переломах и о членах): «Некоторые рассказывают, что амазонки калечат детей мужского пола тотчас по рождении, одним переламывают бедра, другим — голени, чтобы они были хромыми и мужской пол не восставал на женский. Они пользуются мужчинами как ремесленниками для работ кожевенных, медных и других». В средние века

¹¹⁰ Гармония и ее муж в конце жизни превратились в драконов (Аполлодор 5.4); согласно другой версии, они превратились во львов (Гигин Г.Ю. Мифы. СПб., 1997, прим. к № 6).

¹¹¹ Существовало предание, что Ахилл после смерти сочетался с Ифигенией, жрицей Артемиды (Латышев. В.В. 1947, № 3, с. 303). В мире живых жрицы этой богини должны были избегать мужчин и были им враждебны.

эти же сведения подтверждают Евстафий (Латышев В.В. 1947, № 2, с. 298) и Пикколини (Косвен М.О. 1947, № 2, с. 45), последний сообщает о том, что мальчикам выжигали правый глаз.

Евстафий, ссылаясь на не дошедшие до нашего времени труды Павсания, пишет: «Амазонки... калечили ногу или правую руку у детей мужского пола. Когда скифы приглашали их жить с ними, как с неискалеченными... то одна из амазонок... сказала: “Прекрасно действует хромой” (точный перевод глагола неудобен для печати)» (Латышев В.В. 1947, № 1, с. 287). Таким образом, искалеченные мальчики затем становились мужьями амазонок.

«Маргинальные признаки всегда присущи потустороннему миру. За пределами этого мира обитают одноногие или однорукие существа» (Неклюдов С.Ю. 1979). (Сами амазонки, по сообщению античных авторов, не симметричны — они выжигают себе одну грудь)¹¹².

Вспомним историю лемноских мужеубийц. Под островом Лемнос находилась кузница Гефеста (вулкан), сам Гефест был хромым ремесленником-кузнецом¹¹³. Одноглазыми были его помощники — циклопы.

Существуют и иные варианты. Палеафт (IV в. до н.э.) сообщает: «Когда они рожают, то, если ребенок мужского пола, он становится собако-головым, если женского — то прекраснейшей из женщин» (Косвен М.О. 1947, № 2, с. 46). Адам Бременский (XI в.): «...Около восточного берега Балтийского моря обитают амазонки... Некоторые утверждают, что они беременеют, выпив воды. Другие утверждают, что они беременеют от купцов... от пленных или встречающихся в тех землях чудовищ. И последнее кажется нам более вероятным» (Там же). Скандинавские мореходы северо-восточнее Гренландии якобы обнаружили страну девственников, беременных от питья воды (Хеннинг Р. 1961, с. 462). Византийский

¹¹² В ирландской мифологии одноногость и одноглазость являлись отличительными свойствами фоморов, связанных с нижним миром и, соответственно, с волшебными островами, о которых говорилось выше (Предания... 1991, с. 276).

¹¹³ На Лемносе обитали кабиры — дети Гефеста, хтонические божества. Аналогичные им дактилы, которым приписывалось открытие обработки железа, были связаны с Малой Азией. Там же, за Термодонтом, «...где амазонки живут, а дальше трудятся тяжело Мужихалибы... заняты делом железным» (Аполлоний Родосский II, 374–376). Для нашей темы значимо и само рождение Гефеста: «...поссорилась Гера с супругом и, не познавши любовных объятий, родила Гефеста» (Гесиод. Теогония. 1963, 927). Гефест же изготовил зловеющий подарок для Гармонии, матери амазонок; согласно другой версии, они превратились во львов (Гигин Г.Ю. Мифы. СПб., 1997, прим. к № 6).

писатель Цец приводит эпитет царицы амазонок Ипполиты — Нептуниды, «от которой и остальные амазонки называются нептунидами» (Латышев В.В. 1947, № 3, с. 184). Возможно, существовала версия, согласно которой отцом амазонок был не Арес, а Нептун, он же был их мужем (отцом следующего поколения). Тогда беременность от выпитой воды становится легко объяснимой.

Мифы о способности женщин-мужеубийц зачинать от воды или ветра распространены по всей Восточной Азии. В древнекитайском «Каталоге гор и морей» сообщается: «Страна женщин находится к северу от страны Усянь. Там женщины живут парами около воды» (*). Более поздний комментатор добавляет: «Там есть Желтый пруд, женщины заходят в него купаться. Когда они выходят, оказываются беременными. Если у них рождается мальчик, через три года его убивают» (*) (Юань Ке. 1987, с. 207, 337).

Айны (аборигены Сахалина) и жители Явы рассказывали про острова, где живут безмужние женщины, когда дует морской ветер, они раздеваются, выходят на берег и так беременеют. Родившихся мальчиков они убивают (Косвен М.О. 1947, № 2, с. 51, 52).

Индейцы сиу считали, что такие женщины порождают великанов-людоедов, навахо рассказывали о восстании женщин, отделившихся от мужчин и вступивших в связь с водяным чудовищем. В легендах индейцев Южной Америки восстание женщин происходит из-за того, что мужчины убивают их любовника — аллигатора или ягуара (Косвен М.О. 1947, с. 19).

Древние и средневековые схолиасты к Гомеру сообщали, что «амазонки... не употребляли в пищу хлеба, но черепах, змей и ящериц» (Латышев В.В. 1947, № 1, с. 282, 287; 1948, № 3, с. 314). Арабский источник повествует о женщинах, беременеющих от ветра и питающихся золотом (Косвен М.О. 1947, № 2, с. 52). В Южной Америке существует миф о встрече индейца-охотника с отрядом гии-риномо (амазонок), «разукрашенных так, как будто это воины-мужчины». Охотник не испугался; направившись к предводительнице, он смело протянул руку к ее вульве. «Постой, это опасно», — ответила та и велела ему спрятаться на дереве. Когда остальные разошлись и охотник слез с дерева, он увидел, как она, достав из шаманской сумочки гребень, принялась вычесывать из волос на лобке кишевших там скорпионов, пауков, ядовитых муравьев и многоножек. После этого она ласково взглянула и предложила лечь с нею. Потом она привела его в селение, и он постарался удовлетворить всех гии-риномо. Но забеременела только предводительница. Остальные

обиделись и решили убить мужчину, но предводительнице и человеку удалось бежать (Березкин Ю.Е. 1994, № 73). Величайшая река Америки своим названием обязана таким рассказам. Услышав их от туземцев, испанцы решили, что где-то рядом обитают амазонки, описанные еще античными авторами.

Обратим внимание на противопоставление гии-риномо и человека. Первые относятся скорее к категории духов. Анализируя представления об амазонках, можно прийти к выводу, что и в иных ареалах эти «враждебные мужам» женщины являются скорее духами, чем людьми, причем духами, так или иначе связанными с царством мертвых.

Но и реальные женщины в большинстве архаичных мифологий тоже мыслились связанными с духами в большей степени, чем мужчины. Все архаичные культуры рассматривали рождение как реинкарнацию.

«Языком ритуала нередко говорится о какой-то особой, специфической связи женщин с духами, со сферой сакрального, с потусторонним миром. <...> Одним из самых таинственных событий являлось зарождение новой жизни. <...> Соответственно, возникала мысль и об особом отношении женщин к миру предков» (*) (Березкин Ю.Е. 1987, с. 100). Интересны в этом отношении представления яноама — считается, что душа мужчины находится в его теле; иначе обстоит дело с душами женщин — они живут своей особой жизнью, образуя племя амазонок¹¹⁴; одновременно душа женщины — это водяное животное — выдра (Там же, с. 101).

Культурно-историческим контекстом оппозиции «мужское — женское», с точки зрения Золотарева А.М. (1964), была дуальная организация общества, делившая каждое племя на две экзогамные фратрии. Для мужчин женщины оказывались не только иными, но и чужими и, следовательно, опасными. Отсюда возникла система бинарной классификации, универсальная для всех примитивных обществ. «Все сигналы, им (*первобытным коллективом и каждым его членом.* — В.Р.) полученные из внешней среды, делятся на благоприятные... и неблагоприятные... В наиболее просто организованных системах речь идет о двух рядах признаков или символов (знаков), каждый из которых противоположен другому... Эти ряды противоположностей в определенных контекстах взаимозаменяемы (Иванов В.В. 1978, с. 96–97). В большинстве случаев можно выстроить такие

¹¹⁴ «Мудрецы, которые были до нас, называли душу женским именем. И действительно, она женщина по своей природе, имеющая даже свое чрево» (Гностический текст. Кодекс II. «Толкование о душе», «Звезда волхвов»).

ряды: мужской — правый — нечетный — верх — огонь — солнце — чистый; женский — левый — четный — низ — вода — луна — нечистый.

В Древнем Китае эти оппозиции объединялись понятиями янь и инь: «Все легкое в хаосе, все чистое (янь) поднялось наверх и образовало небо; все мутное, тяжелое (инь) спустилось вниз и образовало землю» (*) (Васильев Л.С. 1970, с. 239). «...Когда противостояние полов выражается в религиозном контексте, речь идет не столько об оппозиции сакрального — профанного, сколько о противостоянии двух типов сакральности, один из которых является исключительной принадлежностью мужчин, а другой — женщин... Например, у малекула слово «илео» означает сакральность, специфическую для мужчин; однако его антоним — «ига» — не означает профанного, но описывает другую форму сакрального, составляющую исключительную принадлежность женщин. Мужчины старательно избегают предметов, наделенных «ига», поскольку эти объекты парализуют или даже уничтожают их запас «илео» (Элиаде М. 1987, с. 206–207).

Положение полов в первобытной общине зависело не только от физиологических причин, но и маркировалось культурой. Например, в Австралии корзины обычно изготавливались женщинами, но у некоторых племен этим делом занимались исключительно мужчины (Бутинов Н.А. 1960, с. 123). В Папуа у одних племен женщина вырубает куски съедобной сердцевины из саговой пальмы, а мужчина промывает их, у других рубка была мужским занятием, а промывка — женским (Бахта В.М. 1968, с. 279). За ношение мужской одежды женщин сжигала инквизиция еще в средние века. Жизненность подобного рода архетипов подтверждается современным феминистским движением и существованием электората «партии» под названием «Женщины России»¹¹⁵.

Кроме вышеперечисленных причин, противопоставление женщин мужчинам имело и еще одну разницу — психологического склада. Некоторые реакции женщин для большинства мужчин являются непредсказуемыми, а зачастую и пугающими.

¹¹⁵ Сказка, рассказанная женщиной-киргизкой. Очень давно был город женщин, который стоял на высоких столбах. Из ста рождавшихся мальчиков слепая женщина выбирала одного, остальных убивали. Оставленные мальчики были рабами, они же продолжали род. В городе царили порядок и справедливость. Но однажды царице удалось оставить своего сына. Он-то и стал великим Искандером. С тех пор началось царство мужчин. Но однажды «...прилетит эта чудная (женщина. — В.Р.) с далекого севера; волосы у ней будут, как снег, белые, глаза, как море синее, груди, как горы, вечным льдом покрытые — и полетится из тех грудей молоко-благодать на наши бедные головы женские» (Каразин Н.Н. 1875, с. 290).

Страбон, считавший рассказы об амазонках «чудесными и невероятными», упоминает остров, лежащий напротив устья реки Лигер, на нем жили женщины, посвященные Дионису. Ни один мужчина не мог попасть на этот остров, но женщины переправлялись на материк для общения с мужчинами, после чего возвращались обратно (Страбон. 1964, IV. 4.6). Возможно, это описание касается храмовых проституток – жриц Диониса, но возможно, что оно относится к менадам (безумствующим), вакханкам. Следуя толпами за Дионисом, полуобнаженные, покрытые звериными шкурами, они сокрушают все на своем пути, растерзывают попавшихся на пути животных и мужчин, вовлекают в свою толпу женщин, приобщая их к служению Дионису – богу вина и производительных сил природы¹¹⁶. Основатель культа Диониса Орфей был растерзан толпой вакханок (МНМ). Между учредительством дионисийских мистерий Орфеем и его гибелью от рук их участниц – менад – противоречия нет.

Аналогичная стадия развития религии и одинаковая психологическая ситуация, несмотря на пространственный и временной разрыв, породили ритуал, напоминающий мифическое событие. В Якутии записан обряд вызывания плодородия у женщин и самок скота. Шаман камлает, представляя, что отправляется к Матери-богине земли с целью получения от нее «джалыка» – силы половой страсти. Получив «джалык», шаман начинал созывать женщин, подражая ржанию жеребца, созывающего кобыл. Женщины, плясавшие вокруг него, войдя в экстаз, начинали ржать, оголялись и набрасывались на шамана, иногда они даже валили его; мужчины, наблюдавшие обряд, в таких случаях отбивали шамана от обезумевших женщин (Ксенофонов Г.В. 1930, с. 95). Этот или подобный обряд можно узнать и в описании гибели Орфея.

Интересно отметить, что агрессивность амазонок и соответствующих им мифологических персонажей проявляется только в случае массового их действия. Когда Геракл, посланный за волшебным поясом предводительницы амазонок Ипполиты, встречается с ней, Ипполита соглашается этот пояс отдать ему, однако тут вмешиваются ее подруги и нападают на Геракла. Антиопа любит Тесея. Женщина-вождь гии-риномо спасает индейца от своих соплеменниц. Подобные примеры можно приводить и далее.

¹¹⁶ Сестры Семелы, матери Диониса, после кровавой вакханалии сами превратились в леопардов (Гигин Г.Ю. СПб., 1997, примеч. к № 184). Т.е. они озверели, здесь имеет место реализация метафоры (см.: Голосовкер Я.Э. 1987, с. 36). Отметим, что Семела и ее сестры – сестры амазонок по матери. Ипполит построил храм Артемиды Ликийской (волчьей), «такое прозвище Артемиды существовало у амазонок, от которых он происходил по матери» (Павсаний II. 31.4).

На мой взгляд, такое поведение можно описать как коллективную истерию. «Коллективная истерия охватывает, прежде всего, женщин (чаще всего до 20 лет) и продолжается от нескольких часов до 10 недель и более, число зараженных ею варьирует от трех до 200 человек» (Якубчик А. 1982, с. 310). В средние века такие эпидемии охватывали целые области и вовлекали десятки тысяч людей (см.: там же, с. 3).

Страх перед такими эксцессами, с одной стороны, порождал мужские союзы, в которые, до их политизации, входили все инициированные мужчины социума, запугивавшие женщин страшными масками и необычными звуками. Миклухо-Маклай предельно упрощает проблему, когда пишет: «На празднике главное — еда; чтобы отделаться от надоедливых женщин и детей, которые бы потребовали тоже свою долю, и чтобы есть и пить без стеснения, мужчины используют музыкальные инструменты как средство устрашения, и женщины привыкли верить в их дурное действие» (Миклухо-Маклай Н.Н. 1993. Т. 3, с. 83).

С другой стороны, этот же страх порождал представления о женщинах-мужеубийцах¹¹⁷. Русалки не случайно зашекотывали до смерти парней, попавших им в руки, — они приобщали их к своему состоянию, вызывая истерический смех.

«Неудовлетворенность, чувство напрасно потраченной жизни, а главное, эротические затруднения (в более широком смысле) вызывают вспышки неврозов и взрывы психозов. Испуг, гнев или отчаяние могут вызвать у психопатов возбуждение с слепой яростью. <...> Энергичные больные могут сообщить свой бред живущим с ними здоровым на вид лицам (индуцированное помешательство). Существуют всевозможные переходы индуцированного помешательства, вплоть до нервных и психических эпидемий, могущих увлечь за собой и людей совершенно нормального склада» (*) (Bleuler. 1920, с. 163). (*Так у автора. — Ред.*)

В некоторых мифах причиной нападения на мужчин является испуг — например, нападение амазонок на Геракла. Гораздо чаще — неудовлетворенная сексуальность. Выше я упоминал «лемносскую» и «савроматскую» версии mužeубийства.

¹¹⁷ Насколько проблема женского бунта волновала людей античности, видно хотя бы из перечня сценических произведений, ей посвященных. На тему женского бунта писал Аристофан («Женщины в народном собрании», «Лисистрата»), он же писал о лемносянках, Данаидах. О лемносянках также писали Эсхил и Софокл, о вакханках — Еврипид, Эсхил, Ликофон. На эти же темы писали и другие драматурги и комедиографы.

В арабской «Книге чудес Индии» (X в.) говорится о купеческом корабле, выброшенном на неизвестный остров. Когда моряки оказались на суше, из глубины острова вышли толпы женщин. Они утащили мужчин в горы и заставили их служить их удовольствиям, причем на одного мужчину приходилось тысяча женщин. Все мужчины умерли один за другим от изнурения. Остался в живых только один испанец, которого похитила одна женщина. Он посещал ее ночью, днем же она его прятала. Моряк добыл лодку, а женщина указала ему россыпи золота. Они уплыли с этого острова вдвоем (см.: Косвен М.О. 1947, № 3, с. 53).

Этнограф Малиновский записал подобную историю на Тробрианских островах: «Мореходов, попавших на остров женщин, они насилуют до смерти. Если у них рождаются мальчики, то они не достигают зрелого возраста, т.к. женщины замучивают их своей любовью» (Там же, с. 59).

Конечно, в реальности эта «ненависть к мужам» была ограничена ритуалом, обряды нападения на мужчин были приурочены к определенным событиям или праздникам, а степень агрессивности ограничена.

На тех же островах, тоже Малиновским, был описан обычай, называемый «йауса». Женщины, собравшиеся на коллективную прополку огородов, могли нападать на случайных прохожих — их насиловали, оскорбляли, избивали (см.: Семенов Ю.Э. 1996, с. 38). Подобные обычаи зафиксированы и в других регионах, даже в Европе XIX века.

В Мордовии еще в XIX веке существовал женский праздник, на который не допускались мужчины, незамужние девушки и дети. Ночью, подвыпившая толпа женщин, во главе со старухой верхом на палке, увенчанной головой коня, распевая эротические песни, двигалась по деревне. На встречах мужчин нападали, раздевали, запугивали и, прежде чем отпустить, заставляли платить выкуп (см.: там же).

В некоторых районах Кавказа, когда женщины выходили для сбора мха и особой травы для ритуальных подушек и тюфячков новобрачных, мужчина, случайно встретившийся с такой толпой, становился их жертвой. Его обезоруживали, принуждали танцевать и исполнять все капризы женщин; натешившись, жертву при смехе и остротах отпускали (см.: Пе-Ъ. 1867).

На севере Шлезвиг при рождении ребенка все деревенские женщины будто сходили с ума, все шли к дому матери, танцую и крича; если им встречался мужчина, с него снимали шляпу и наполняли навозом; если попадалась телега — ее разламывали на куски. Собравшись у дома роженицы, женщины начинали безумную гонку по деревне «подобно меадам» (!), горлая и выкрикивая «ура!». Они врываются в дома, забирая

пищу и выпивку, и если там находились мужчины, то их заставляли плясать (Элиаде М. 1996, с. 249).

Семенов Ю.Э. (см.: там же, с. 39) упоминает о вовсе не обрядовых нападениях женщин на зазевавшихся охранников в ГУЛАГе. Подобные истории я слышал и сам. Мужчинам для сохранения эрекции перетягивали член тесьмой; случалось, что после таких эксцессов некоторые умирали.

В России еще в начале XX века в случае эпизоотий или эпидемий практиковался обряд опахивания, который очевидцы сравнивали с древними вакханалиями. Ночью, предупредив соседей, чтобы они не выходили на улицу, деревенские женщины приступали к обряду. В обряде участвовали женщины, одетые только в исподние рубашки или нагие. Некоторые из них впрягались в соху, остальные сопровождали их с шумом, стуком, грязной бранью, угрозами и заклинаниями. Сохой следовало провести борозду вокруг деревни. Иногда процессия включала в себя голую женщину верхом на помеле. Встречных, особенно мужчин, оскорбляли, избивали, иногда до смерти. Таким обрядом изгоняли из деревни болезнь. Эмоциональной основой подобного действия был страх (Померанцева Э.В. 1982).

Коллективная истерия, принимавшая масштабы психических эпидемий, становилась детонатором многих еретических движений средневековья, немалую роль в них играли женщины, группировавшиеся вокруг очередного пророка. Некоторые важнейшие события нового времени начинались с женских бунтов. Вспомним поход возмущенных женщин на Версаль (1789 г.) и беспорядки женщин в очередях, предшествовавшие Февральской революции в России. В 1992 г. на улицах российских городов появились взбудораженные женщины с кастрюлями, в которые за отсутствием кимвалов они и колотили. Нам повезло. В этом конкретном случае цепная реакция не началась (кроме других факторов, сказался и возраст этих «амазонок»).

Образ женщины в мифологии может восприниматься в трех ее ипостасях. В одном случае женщина в агрессивном экстазе – шаманка, охотница, воительница. В искусстве нового времени таковы «Марсельеза» Рюда, «Свобода на баррикадах» Делакруа, женщины-комиссары времен гражданской войны, в советском искусстве – военные памятники, например.

Следующий образ – это женщина-мать. Наконец, наиболее развитые мифологические системы знают женщину-устроительницу. Это античная Афина, иудео-христианская София.

В развитых мифологиях присутствуют все три ипостаси женщины. В христианстве это Иродиады (в русском фольклоре сближавшиеся с лихорадками, см. Толстой Н.И. 1995, с. 244), Богоматерь Мария и София. Обратим внимание на то, что и в этом случае «мать» и «устроительница» воспринимаются персонально и в то же время единичная Саломея в народном сознании превращается в некое множество «Иродиад».

Архаичное сознание не знает еще такого разделения. Богиня-Мать (ассоциируемая с Землей) демонстрирует черты дикости, необузданной агрессивности, злого чародейства, одновременно являясь символом материнства и устроительства. Она — устроительница судеб, покровительница городов (Горан В.П. 1990, с. 36). Такова фригийская Кибела, ранняя Артемиды, Беллона. Волгоградский памятник павшим — «Родина-мать» Вучетича демонстрирует глубокую архаичность сознания, возврат к синкретическому образу богини-Матери и одновременно Хозяйки нижнего мира, образу агрессивному, дикому и зловещему, требующему человеческих жертв.

Амазонки демонстрируют уже совершившееся в сознании людей разделение функций, за ними была оставлена стихийная непредсказуемость, враждебная мировой гармонии (имя их матери говорит о некоем синкретизме, в народном сознании превращается в некое множество «Иродиад»¹¹⁸, сопутствовавшее генезису их образа). Впрочем, традиция (очевидно, позднейшая) подчеркивала незаконность их рождения.

Победы мужчин над амазонками связаны вовсе не с крушением матриархата. Партнеры таких богинь, как Кибела, находились в подчиненном положении сына, брата или жреца (Горан В.П. 1990, там же). Постепенно на первый план выходят боги-мужчины, и это сказалось на мифологии. Из этого нельзя делать прямых исторических выводов, т.к. исторические процессы (бытие) отнюдь не однозначно связаны с сознанием, а следовательно, и с религиозными представлениями.

¹¹⁸ В русских былинах у князя Владимира очень часто пируют «поленицы, девицы удалые»; сказительница так поясняет это слово: «Поленицы удалы — это были воины-женщины, богатырского рода, воинству ученые» (Былины Севера. Т. 2, 1951, № 110). В былинах о Дунае поленицей выступает его жена; и Дунай и поленица превращаются в реки. В сказке Афанасьева (№ 173) «девица, у которой с рук и ног вода течет: кто этой воды изопьет, тот на тридцать лет моложе станет». В другой сказке: «Выезжает красная девица со своим войском в зеленые луга тешиться... все войско из одних девиц набрано». Наконец, с Китежем и оз. Светлоярм связана некая девка-Турка, хозяйка зверей и предводительница женского войска. (Град Китеж. Горький, 1985); можно предположить, что со Светлоярм было связано представление о входе в нижний мир (см.: Комарович В.Л. 1936; Блинкова Л.А. и др. № 4, 1973). Тема полениц в русском фольклоре требует дальнейшего исследования.

То, что эпические поэты не касались быта амазонок, вполне понятно: в эпосе они противостоят героям, а не шаманам, которые умеют справиться с духами. Одиссей на острове Ээя выступает скорее как шаман — с помощью духа-помощника (Гермеса) он одолевает Кирку. Но этот этап ко времени появления эпоса античная культура уже прошла.

Изучение мифологии может иметь несколько аспектов. Один из них был сформулирован очень давно: «Познай самого себя». Мифы не возникают из ничего и не исчезают в никуда. Конкретный факт, событие или социальный институт могут стать одной из причин возникновения какого-либо рассказа. Но миф может передаваться из поколения в поколение, его будут помнить и им интересоваться, только если он (как и любая другая система символов), будет удовлетворять некой психологической потребности рассказчиков и слушателей. Эта потребность не сводима к условиям существования. В какой-то степени она определяется нашими инстинктами, заложенными в генотипе, еще в большей степени — культурой. Архетипы имеют огромную инерцию, и никто из нас не свободен от них.

Литература

1. Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972.
2. Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Тбилиси, 1964.
3. Бахта В.М. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество // Проблемы истории докапиталистических обществ, кн. 1. М., 1968.
4. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. БВЛ. Т. 9.
5. Березкин Ю.Е. Голос дьявола среди снегов и джунглей: Истоки древней религии. Л., 1987.
6. Березкин Ю.Е. Мифы индейцев Южной Америки. СПб., 1994.
7. Березкин Ю.Е. Древнейшая история Южной Америки и индейская мифология. Автореферат диссертации. М., 1990.
8. Блейлер Э. Руководство по психиатрии. Берлин, 1920 (Репр. 1993).
9. Блинкова Л.А. и др. Китежская легенда и несказочная проза Заволжья (с. 113–122) // Советская этнография, 1973, № 4.
10. Богданов В.В. Сказка о девичьем и мужичьем царстве // Советская этнография, 1946, № 2.
11. Бутинов Н.А. Разделение труда в первобытном обществе // Проблемы истории первобытного общества. М., 1960.
12. Былины Севера. В 2 т. М.-Л., 1938–1951, № 110.
13. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.

14. Вергилий. Энеида. М.-Л., 1933.
15. Гесиод. Труды и дни; О происхождении богов (Теогония) // Эллинские поэты в переводах В. Вересаева. М., 1963 (БАЛ).
16. Гигин Г.Ю. Мифы. СПб, 1997.
17. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987.
18. Гомер. Илиада. М., 1960.
19. Гомер. Одиссея. М., 1953.
20. Горан В.П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск, 1990.
21. Град Китеж / Сост. В.Н. Морохин. Горький, 1985.
22. Добиаш-Рождественская О.А. Легенда о св. Урсуле. Яфетический сб. 4. 1925.
23. Поэтические, гностические, апокрифические тексты христианства. (Гуманитарная коллекция «Звезда волхвов»). Новочеркасск, 1994.
24. Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
25. Иванов В.В. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
26. Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. БВЛ.
27. Иорданский В.Б. Хаос и гармония. М., 1982.
28. Калоев Б.А. Краткие сообщения института этнографии. Вып. 32. 1959.
29. Каразин Н.Н. Сказка о женском ханстве. (Отрывок из записной книжки) / Древняя и новая Россия. 1875, Т. 3, вып. 11, с. 220.
30. Каталог гор и морей (Шань хай цзин). М., 1977.
31. Комарович В.Л. «Китежская легенда». М., 1936.
32. Косвен М.О. Амазонки. История легенды // Советская этнография. 1947, № 2–3.
33. Ксенофонт Г.В. Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурятов и тунгусов. М., 1930.
34. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947, № 1–4; 1948, № 1–4.
35. Младшая Эдда. Л., 1970.
36. Миклухо-Маклай Н.Н. Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. М., 1993.
37. Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. М., 1980. (МНМ).
38. Неклюдов С.Ю. О кривом обороте // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979.
39. Павсаний. Описание Эллады. В 2 т. СПб., 1996.
40. Пе-ъ. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа (в Южном Дагестане) // Кавказ. 12 (24) февр. 1867, № 13. (*Так у автора. — Ред.*)
41. Померанцева Э.В. Роль слова в обряде опахивания. Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982.
42. Предания и мифы средневековой Ирландии. М., 1991.
43. Ронкин В.Е. Город-сад: (Идея идеального общества в истории и литературе) // Звезда, 1994, № 11, с. 190–200.
44. Сказки и мифы Океании. М., 1970.
45. Сказки народов Африки. М., 1976.
46. Семенов Ю.Э. Пережитки первобытных форм отношений полов в обычаях русских крестьян XIX – начала XX в. // Этнографическое обозрение, 1996, № 1.

47. Страбон. География. М., 1964.
48. Толстова Л.С. Исторические предания южного Приаралья. М., 1984.
49. Толстой Н.И. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.
50. Хеннинг Р. Неведомые земли. Т. 2, М., 1961.
51. Элиаде М. Космос и история. М., 1987.
52. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996.
53. Эсхил. Трагедии. М., 1971.
54. Юань Ке. Мифы Древнего Китая. М., 1987.
55. Якубчик А. Истерия. М., 1982.
56. Ninck M., Das Amazonen Problem «Schweizer Monatshefte», 1940/41, Jg. 20.

01.01.1998

Записи по памяти

Заговор от высшего начальства

(Слышал в 1983 г. на станции Еремково, Калининской (Тверской) обл. от печника, «знахаря-волхва», как его называли соседи, дяди Лени 76 лет)

*Выйду я, имя рек, из ворот в ворота, из дверей в двери, во чисто поле.
Посреди поля море, посреди моря остров.
На острове стоит покойник, ногой не шагает, рукой не махнет,
Кровь не разгорается, уста-очи не отворяются.
Так бы и на меня, раба божьего, имя рек,
У всего высшего начальства, у встречного-поперечного
Злого-лихого человека нога не шагала, рука не махала,
Кровь не разгоралась, уста-очи не открывались.
У меня зуб волчий, пасть медвежья.
Я их всех съем!*

1983

Таинственные истории

В частном доме (в Саратове?) была вечеринка. Одной из девушек не хватило партнера, она сняла икону и начала танцевать с ней. Вдруг она окаменела.

Приехала милиция, всех похватали и сослали неизвестно куда. Камень увезли, дом заколотили, он и сейчас стоит закованный.

Слышал между 1959 и 1962 годами¹¹⁹.

Лет через десять (1969–1972)¹²⁰ читал об этом в журнале «Наука и религия». Правда, ни о появлении милиции, ни о том, что «всех сослали», в публикации не упоминалось.

Молва же предполагала, что любое необычное явление влечет обязательное появление милиции и устранение ненужных свидетелей.

Рассказчик прораб, образование среднее специальное. Любит выпить. Лет 30. Русский, уроженец Коми АССР.

«Начали у меня дохнуть поросята. Одного заведу — подохнет, другой тоже подох, третий... Пошел к ветеринару (называет фамилию).

¹¹⁹ В 1959–1962 гг. автор работал в пусконаладочной бригаде «Оргнефтезаводы» в разных районах страны.

¹²⁰ 1969–1972 — в эти годы автор находился во Владимирской тюрьме.

Ветеринар говорит: “Это сглаз, тут наука бессильна”. Пошел к деду (называется дед, слушатели его знают). Дед говорит: “Копай в левом углу сарая, где поросят держишь”.

Стал копать. Выкопал. Крыса не крыса, а что-то вроде морского кролика.

Дед велел его сжечь. Жгу — не горит. И соляжкой облил — не горит, и покрывку поджег.

А тут одиннадцать часов, магазин открывается (в те годы только с 11 часов утра начиналась торговля спиртным), бежать надо, а он не горит. А бросить нельзя, если украдут, мне большое несчастье будет. Ну, позвал сына. “Караул”, — говорю. А сам в магазин.

Вернулся, все сгорело. Пепел белый, белый. Потом я узнал, кто вредил. Такого-то знаете? (слушатели подтверждают). Ну, так (называет деревню) у него там мать живет. Так ее прихватило! Так прихватило!»

(Если чары одного колдуна будут разрушены другим, более сильным, то колдовство обернется на него самого — он заболит и может даже умереть).

(Слышал в поселке Нижняя Омра, Коми АССР — 1972–1975 гг.¹²¹, записано по памяти).

«Почему в новый дом надо первой запустить кошку? Когда новый дом построят и в него вселятся, то непременно кто-нибудь умрет. А кошачий век короткий, кошки мало живут. Вот она и умрет первой, а люди не умрут».

(Слышал от оседлой цыганки. Лет 40–45. Образование начальное. Луга, 1970-е)¹²².

¹²¹ 1972–1975 — ссылка в Коми АССР, п. Нижняя Омра.

¹²² 1975–2004 — автор с семьей проживал в г. Луге Ленинградской области (прописка в г. Ленинграде отсидевшим по политической статье была запрещена).

4. ЭССЕ

Многоликая метафора

Открыв какой-нибудь сонник, можно прочесть: «Гуси — кормить, покупать гусей — к богатству; резать, продавать — к разорению». По существу, «гуси» здесь — метафора богатства. И не только гуси — «навоз — к деньгам». Образы сновидений толкователями воспринимаются как метафоры.

В середине XIX в. немецкий химик Кекуле, пытавшийся определить формулу бензола, увидел во сне змею, ухватившую себя за хвост. Сон дал толчок, и ученый представил молекулу бензола в виде замкнутого шестигранника, «голова» молекулы оказалась соединенной с ее «хвостом». До этого открытия мысль о возможности подобного строения никому в голову не приходила — молекулы мыслились как линейные цепочки атомов.

Другой пример. Заключенному снится, что к нему на свидание приехала жена. В доме свиданий им подают (что совершенно невероятно) полную тарелку помидоров со сметаной. Заключенный возмущен, он понимает, что начальство хочет в очередной раз обмануть тех, кто «за зоной». Обман раскрывается — красные помидоры оказываются цветным рисунком на дне тарелки.

В случае Кекуле змея, схватившая себя за хвост, оказывается метафорой циклической молекулы. Во втором примере пришедший из детства образ разрисованной тарелки становится метафорой показухи. Всякий раз, когда человек устанавливает связь между двумя различными явлениями, возникает метафора.

Человек человеку — волк.

Дети — цветы жизни.

Полковник наш — отец солдатам.

Ты — солнышко мое.

Некто — мокрая курица.

Блок метафоры можно разделить на определяемое (человек, дети...) и определитель (волк, цветы, отец...). При этом смещается не только значение определяемого, но и значение определителя — не только в человеке проявляются волчьи качества, но и в волке — человечески.

Поскольку человеческое мышление по преимуществу ассоциативно, ни одна область культуры не обходится без метафоры.

В науке метафоры (ассоциации) *помогают* устанавливать объективные связи между явлениями. В мифе субъективная способность человека устанавливать те или иные ассоциативные связи рассматривается как отражение действительности (недаром слово «отражение» было излюбленной категорией Ленина. См.: «Материализм и эмпириокритицизм». Впрочем, и само слово «отражение» не более чем метафора).

Свинья — животное нечистое, бесы ведут себя по-свински, поэтому бесы, действительно вселившись в свиней, бросаются в море; у лешего все шиворот-навыворот, поэтому он надевает на правую ногу левый лапоть; солнце действительно плывет по небу (в ладье).

С другой стороны, ученые XIX в. представляли электричество и тепло («теплород») в виде жидкостей, и такое представление позволяло делать научные открытия.

Различие между метафорой мифа и метафорой науки — в способе их социализации. Миф социализируется в ритуале, научная гипотеза — в дискуссии.

В литературе метафора указывает на ассоциативную связь, значимую для автора. В зависимости от того, как воспримет эту связь читатель, произведение будет иметь успех или нет.

*Я знаю силу слов, я знаю слов набат.
Они не те, которым рукоплещут ложь.
От слов таких срываются гроба
шагать четверкою своих дубовых ножек.*

(В. Маяковский)

Восприятие этих неожиданных метафор подготовлено всей предыдущей культурой. Сопоставим выражение «слов набат» с другим — «язык колокола». У колокола есть «язык», и он поэтому «говорит».

Еще шаманская мифология знает воскресение мертвых с помощью слова. Маяковский идет дальше: мертвый когда-то был живым, «гроб», предмет неодушевленный, слово, ассоциативно связанное со смертью. Таким образом, метафора Маяковского утверждает не только победу слова над смертью, но и над косной материей вообще. Эта ассоциация

усиливается и далее: «звенит века, и подползают поезда лизать поэзии мозолистые руки».

Особую роль метафора играет в идеологии. Когда Петр Великий издал приказ снимать церковные колокола для нужд тогдашнего ВПК, «заплакали» иконы. Делалось это просто. В уголке глаза лика, изображенного на иконе, просверливалось тоненькое отверстие, куда вставлялся фитилек, по которому и поступала вода. Занимались такими делами вовсе не высшие церковные иерархи, а рядовые священники, коим грозили за это большие неприятности. Трудно предположить в их действиях какую-либо корысть. Казалось бы, для верующего человека — это богохульство.

Такой психологический парадокс может быть объяснен, если рассматривать плачущую икону в качестве метафоры. Фанатически верующий священник «знал», «видел», что персонаж, изображенный на иконе, страдает. Но для того, чтобы убедить в этом менее экзальтированное окружение, ему приходилось делать слезы, например, Богоматери видимыми не только ему самому, но и всем остальным.

Точно так же поступали и фанатичные инквизиторы или работники НКВД, заставляя жертву под пытками признаться в некоем преступлении. Свою субъективную уверенность они просто делали видимой для других.

В данном случае речь идет исключительно о фанатиках. Проходимцы, коих было большинство, могли отлично знать о невинности жертвы, добиваясь самооговора из корыстных соображений (см.: Леви-Стросс К. Колдун и его магия // Природа, 1974, № 8).

То, что со стороны выглядит как корыстная ложь, для фанатика — не более чем метафора.

С другой стороны, когда в ходе исторического процесса данная идеология вступает в противоречие с реальностью, у ее последователей появляется соблазн истолковывать некоторые положения, как метафоры.

В Евангелии от Матфея повествуется об отношении Христа к скопчеству: «Ибо есть скопцы, которые из чрева матери родились так; и есть скопцы, которые оскотлены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит» (Мф. 19:12).

В конце VII в. Константинопольский собор самооскопление осудил, и с этого времени высказывание Христа церковь толковала как иносказание, т.е. как метафору.

Точно так же, как метафору, советские партийные теоретики истолковывали ленинское положение о том, что при социализме высшие должностные лица будут получать плату «среднего рабочего» (см.: В.И. Ленин. «Государство и революция»).

В тех областях знания, которые имеют прагматическое значение, где создаются алгоритмы каких-либо заранее ожидаемых результатов (юриспруденция, медицина, технология), метафора как таковая не используется именно потому, что субъективные ассоциации вовсе не адекватны объективным связям явлений.

В эти области метафора может проникнуть только «этимологически». «Уголовное преступление» этимологически восходит к слову «голова» (др. русск. также значение — «убитый»; см.: Фасмер М.Р. Этимологический словарь русского языка. М., 1987). Название металла кобальт, нарушавшего процесс плавки железной руды, восходит к средневековым представлениям о горных гномах-кобольдах.

В медицине существуют названия: «свинка», «рожа», «рак».

В этих областях деятельности метафора существует как рудимент и не всегда осознается — специалисты могут и не знать причин происхождения тех или иных названий. Какой бы ни была его история, слово, став термином, приобретает строго фиксированное значение и оказывается однозначно связанным с означаемым. Только при этом условии могут быть созданы описания процессов, с достаточной долей вероятности приводящих к заранее предсказуемому результату.

23.08.1992

Имя в культуре

Имена нарицательные употребляются тогда, когда речь идет о предметах или явлениях, принадлежащих к некоему классу и не выделяемых говорящим из этого класса. Наука, как правило, и технология, чаще всего, пользуются именами нарицательными, т.к. единичный объект не несет для них значимой информации.

Для выделения какого-либо объекта существуют имена *единичные* и имена *собственные*. Первые служат выделению из массы одинаковых предметов одного из них, не несут эмоциональной окраски и легко заменяются номерами, указаниями координат (для топонимов) или словосочетаниями. При этом чаще всего указывается класс, к которому принадлежит указываемый объект. Например, «заключенный такой-то» —

фамилию можно заменить номером, таблица Менделеева — периодическая таблица, болезнь Паркинсона — дрожательный паралич.

Совсем другую функцию выполняют *имена собственные*. Они несут большую эмоциональную нагрузку. Поэтому имя собственное всегда связано с мифом.

У нас в России любые политические новшества начинаются (иногда и оканчиваются) переименованиями. Так было после победы большевиков, после кровавых чисток 37-го, после смерти Сталина, и, наконец, в 90-х годах. Впрочем, такое бывало и раньше. Екатерина своим повелением переименовала **гидроним** — река Яик стала называться рекой Урал (гидронимы — наиболее консервативная часть топонимики).

«В начале было Слово... и Слово было Бог... В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков...» — так начинается евангелие от Иоанна (Ин. 1:1,4). Сотворение мира, согласно Ветхому Завету, начинается со Слова «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет» (Быт. 1:3). Затем, точно так же, «И сказал Бог...», следует творение земной тверди и моря, небесных светил, животных и, наконец, человека. (Во второй главе Книги Бытия приводится более архаичный вариант — человек творится из «праха земного»).

Потом Бог приводит ему животных, «чтобы видеть... как наречет человек всякую душу живую...». Таким образом, человек становится «соавтором» Бога, называя «...имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым...» (Быт. 2:19–20) и тем самым получая над ними власть. Не только Библия описывает творение словом. Египетский бог Птах творит мир согласно «приказанию, задуманному сердцем и выраженному языком» (Матье М.Э. 1956, с. 26). Творение словом известно и в Ведах (Иванов В.В., 1964).

Отметим, что такой способ творения предполагает отсутствие четкой границы между конкретным объектом и классом.

«Логическому понятию класса (множества некоторых объектов) в мифе соответствует представление о многих, с внемифологической точки зрения, предметах как об одном» (Лотман Ю.М. 1973). Это свойство мифологического мышления особенно характерно для архаических систем. Например: однажды Медведь погладил когтистой лапой Бурундука, и с тех пор у всех Бурундуков на спине пять черных полосок. Очевидно, что творящие слова Ветхого Завета — это, по существу, *имена собственные*.

Идя на охоту, примитивные охотники не должны были произносить «имени» промыслового животного, иначе оно узнает об опасности. (Отсюда большое количество табуистических названий животных во всех языках — например, русское «белка»). Воины, приближаясь к территории своих врагов, не называли ни имен, ни этнонимов противника, выражаясь бранно-иносказательно (например, «гнилые стволы»), делалось это для того, чтобы магически ослабить врага (Фрезер Д.Д. 1984, с. 238). Современные представления о «хохлах», «москалях», «лицах кавказской национальности», «жидах» и т.п., как и представление о коллективной ответственности, это, по существу, атавизм первобытных понятий.

Собственное имя означает явление уникальное и несет особую эмоциональную нагрузку: «Москва... как много в этом звуке / Для сердца русского слилось!» Обратим внимание, что Пушкин говорит не столько об обозначаемом объекте, сколько о звуке имени. Имя собственное иногда может выглядеть «неузнаваемо». Снова припомним Пушкина: «Я помню чудное мгновенье: передо мной явилась ты...» Здесь «ты» отнюдь не местоимение любого второго лица, «чудное мгновенье» *не любой* краткий отрезок времени. И то, и другое для автора уникально и неповторимо.

В старину мечи, копья или палицы имели собственные имена. Мечи короля Артура и Сигурда именовались Экскалибур и Грам. Копье Одина — Гунгнир, боевой шлем одного из конунгов — Боевой Кабан, молот Тора — Мьельнир (молния). Маори рассказывали о боевом топоре Тутауру. У зулусов существовали имена для палиц — например, «Игумгеле» (Ненасытная). Впрочем, и в наше время грозное оружие Второй мировой войны было названо «Катюшей».

Имена собственные составляют существенный, если не доминирующий, пласт культуры. Эмоциональная значимость как своего имени, так и имен своих близких или врагов не нуждается в разъяснении, т.к. имя собственное в наибольшей степени ассоциируется с его носителем. Смерть носителя, литературное или мифологическое происхождение не влияют на его эмоциональную *и в этом смысле* сакральную силу.

У первобытных народов имя человека неотделимо от него самого, в имени заключается жизненная сила человека (вернее было бы сказать, что имя и есть часть этой силы), поэтому знание моего имени чужим опасно.

Поскольку у детей нет врагов, человека можно называть по имени его сына, малолетнего брата или племянника. Этот обычай распространен в Юго-Восточной Азии, а также у тюркских народов (Фрезер Д.Д. 1984, с. 235). При умершем отце человека называли по отчеству. Однако чаще всего люди архаичной культуры вместо имени вне обрядов употребляют прозвища, клички.

В современном быту употребление кличек или псевдонимов связано с переходом от одной общности к другой. Во взрослом мире ребенка зовут по имени, в своей компании — по кличке.

В архаичном сознании знание имени предполагало получение власти над его носителем. В кечуанском мифе божественные близнецы узнают имена владык преисподней и получают над ними власть. (Пополь-Вух. 1993, с. 59). Так же поступает богиня Исида, заставляя главу египетского пантеона, бога Ра, назвать свое «настоящее» имя (Матье М.Э. 1956, с. 44). В этом отношении интересны воспоминания советского дипломата М. Литвинова (это его еще подпольная кличка). На одном из приемов в фашистской Германии какой-то журналист окликнул его, используя его настоящую фамилию (Валлах). На что Литвинов никак не отреагировал, чем немало удивил присутствующих.

Чужое имя можно отобрать, чтобы использовать его жизненную силу. «Особенно нуждаются в ней младенцы, не умеющие самостоятельно ходить, есть и говорить. А чтобы достать им необходимую жизненную силу, нужно раздобыть череп взрослого человека... При этом... нельзя убивать кого-либо из своих соплеменников или их друзей... Важно лишь, чтобы вместе с головой было добыто и имя жертвы... Двое воинов крепко держат пленника, а третий подходит к нему спереди и спрашивает его имя... Потом в дело идет бамбуковый нож» (Мифы и предания папуасов маринд-аним. 1981, с. 216, 260).

Гораздо чаще для наименования использовали имена умерших родственников, а также богов или святых; таким образом, человек получал часть жизненной силы своего тезки. В этой же связи можно вспомнить «детей лейтенанта Шмидта».

Именование в честь родственников сопряжено с идеей реинкарнации в ее наиболее архаичном виде. «...Возобновление старинных семейных имен через наименование ими новорожденных детей... *(связано с представлением о том... — В.Р.)* ...что в детей переселяются души предков или родных» (Тайлор Э.Б. 1989, с. 255–256). На западе Канады через год после смерти человека индейцы устраивали на его могиле праздник, во время которого его сын принимал имя умершего. Это считалось концом траура.

Из вышеизложенного становится понятным, почему папуас перед неминуемой смертью открывал свое имя убийцам. Существование имени в какой-то мере продолжало его личное существование.

Этой же цели служили и похоронные обряды. Психология похоронной обрядности имеет свою историю. Наиболее архаичной стороной обрядности был страх перед всем, что связано со смертью, и мертвецом. Поэтому во время похорон уничтожались все предметы, вызывающие ассоциации с покойным, т.е. принадлежавшие ему. Пока память о нем и связанные с ней эмоции сильны, покойник считался ушедшим недалеко, его пытаются задабривать. На это время имя умершего табуируется — его запрещается произносить (Леви-Брюль Л. 1994, с. 237–266).

На более высокой стадии духовного развития коллектива эмоции страха уступают место заботам об умершем, теперь уничтожение собственности покойного, а также дары и жертвы мыслятся как способ устройства его благополучия в загробном мире. (Делается это не совсем бескорыстно — оставшиеся надеются на его помощь).

На этапе возникновения вождества и государства похороны стали выполнять еще одну функцию — прославление покойного.

В этом отношении интересно рассмотреть обычай североамериканских индейцев, называемый «потlach». У племен на востоке материка (гуронов, ирокезов и др.) он назывался «праздник мертвых». На поминки приглашалось множество людей как из своего, так и из соседних племен, гостям раздавались подарки, все это обставлялось сложной и яркой обрядностью (Аверкиева Ю.П. 1974, с. 81).

На северо-западе такими праздниками, основой которых являлась раздача подарков в огромных размерах, были не только поминки, праздники устраивались при постройке нового дома, при рождении ребенка (там же, с. 160). «Вещи, предназначенные к раздаче и сложенные в амбар, считались священными; семья скорее будет голодать, чем возьмет что-нибудь из запасов, отложенных для потлacha» (там же, с. 102). По сообщениям Ф. Врангеля и Л. Загоскиной, исследовавших Аляску в XIX в., во время потлacha хозяева «расточая свое имущество, в чем ставят величайшую славу и стараются превзойти друг друга... Кто в состоянии при игрушках расточительностью наиболее удивить единоземцев своих, тот пользуется и наибольшим уважением в своей жите и в целом поколении; прочие внимают его советам и ни в чем ему не прекословят... Получая прибыли, они все честолубие свое заключают в раздаче собранного на празднествах в честь умерших» (там же, с. 105).

Щедрость не в меньшей мере, чем удача на охоте, подвиги на войне, становилась источником славы не только усопшего, но и его наследников, устроителей поминок.

В античной и раннесредневековой Европе похороны и поминки сопровождались не менее внушительным уничтожением и раздариванием имущества (см., например, гл. 23 «Илиады» — похороны Патрокла или гл. 42—43 англосаксонского эпоса VII—VIII веков «Беовульф»).

Как и у индейцев, европейские конунги практиковали раздачу даров не только по случаю поминок. Находились и другие поводы, недаром в эпосе эпитеты удачливого и щедрого правителя: «кольцедаритель», «расточитель золота» (Младшая Эдда, 1970, с. 83). «Раздариватели» и «расточители» не разорялись, т.к. дарителя и одариваемого связывала некая мистическая связь и даритель, в свою очередь, мог рассчитывать на ответные дары или помощь.

Стремление к личной славе свидетельствовало о выделении личности из первобытной общины, о противостоянии личностного сознания индивида коллективному сознанию группы. Первобытное сознание противопоставляло страху смерти надежду на реинкарнацию или загробное существование. Возникающая личность к таким упованиям относилась скептически (скепсис, как и юмор — это то, что и делает человека личностью). Нельзя сказать, что вера в мистическую жизнь после смерти отсутствовала начисто, скепсис не отказывается от нее полностью, он воспринимает все с недоверием.

Гильгамеш — шумерский герой (II—III тысячелетия до н.э.) — после того, как умер его друг и змея украла у него «траву бессмертия», восклицает:

Разве не так уйду и я? Воистину так!..

...

В горы пойду, добуду славы!

Среди славных имен себя прослаблю!

Греческий поэт Симонид Кеосский (556—468 гг. до н.э.) писал о спартанских воинах:

Но и умерши, они не умерли: воинов доблесть,

К небу вспарив, унесла их из Аидовой тьмы.

(«Греческая эпиграмма», с. 35)

То же говорит и «Беовульф»:

*Каждого смертного
ждет кончина!
пусть же, кто может,
вживе заслужит
вечную славу!
Ибо для воина
лучшая плата —
память достойная!*

Для мифологического сознания метафора — не литературный троп, а способ представления внесенсорной действительности.

Ради чего было затеяно строительство Вавилонской башни? «И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес; и сделаем себе имя (*курсив мой.* — В.Р.) прежде нежели рассеемся по лицу всей земли» (Быт. 11:4).

В Ветхом Завете слово «слава» (евр. «кавод») употреблялось и как синоним души (Быт. 49:6; Пс. 56:9; 107:2). Чаще всего в этом значении оно встречается в Псалмах, что и неудивительно. Для поэта-песнопевца слава имела не меньшее, если не большее значение, чем для воина: «Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: буду петь и славить. Воспрянь, слава моя, воспрянь псалтирь и гусли! Я встану рано» (Пс. 56:8–9).

Не только библейский псалмопевец так высоко ценил славу:

*Феб-повелитель! Гомер за твои вдохновенья прекрасный
Дар тебе этот принес; ты же дай ему вечную славу.*

(Гомер. Греческая эпиграмма. М., 1960, с. 23)

Снискавший славу тем самым вырывался из круга своих современников и входил, с одной стороны, в категорию прославленных предков, с другой — приобщался к потомкам, в чьей памяти сохранялся его доблесть. Такой способ психологической защиты Фрейд называл идентификацией («Массовая психология и анализ человеческого “Я”»).

«Слава» — не что иное, как вера в постоянство культурных ценностей, как символ вечности в делах человечества... Слава есть вера в тесную связь и непрерывность всех эпох. Латентно, в скрытой форме, слава есть протест против непрестанной смены поколений и изменчивости всех вещей. Отсюда понятно самопожертвование во имя славы: индивид жертвует своей жизнью (биологической) во имя вечной жизни (имагинативно-реальной) даже без иной побочной цели» (Голосовкер Я.Э. 1987, с. 128). Смысл термина «имагинация» следует толковать через русское «воображение», при этом «воображение» следует понимать

как силу, способность, одновременно и творческую, и познавательную (см. там же, с. 183).

Устойчивость системы «личность» не исчерпывается сроком индивидуального существования ее биологического носителя. «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1, с. 214). В век теории систем это высказывание звучит как трюизм. Очевидно, что с индивидуальной смертью человека сумма связей и отношений, которая определяла его личность при его жизни, не исчезает или исчезает не сразу. Время ее существования, как и любой саморазвивающейся системы, может быть неограниченным и зависит от уровня ее развития.

Вспомним пушкинский «Памятник», учитывая генезис этой темы:

*Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

Вспомним Камю, который начал с противопоставления абсурду смерти выбор личности, свободной от всех обязательств. В оккупированной фашистами Франции Камю ушел в Сопротивление и в «Письмах к немецкому другу» он писал: «Мы знаем, для чего стоило жить и умирать — за нами вся европейская культура» (*).

В данном случае мы сталкиваемся с самореализующимся предсказанием — нечто, в данном случае, культура, существует именно потому, что люди верят в непрерывность этого существования.

А в начале культуры было слово, и в первую очередь, имя.

Литература

1. Аверкиева Ю.П. Индейцы Северной Америки. От родового общества к классовому. М., 1974.
2. Беовульф; Старшая Эдда; Песнь о Нибелунгах. М., 1975.
3. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987.
4. Греческая эпиграмма. М., 1960.
5. Иванов В.В. Древнеиндийский миф об установлении имен и его параллель в греческой традиции // Индия в древности. М., 1964.
6. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
7. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф — имя — культура / Труды по знаковым системам. Т. 6. Тарту, 1973.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1.

9. Матве М.Э. Древнеегипетские мифы. М.-Л., 1956.
10. Мифы и предания папуасов маринд-аним. М., 1981.
11. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. М., 1980–1982.
12. Младшая Эдда. Л., 1970.
13. Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникапана. М., 1993.
14. Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. (БВЛ).
15. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.
16. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. М., 1984.
17. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. «Я» и «Оно». Т. 1. Тбилиси, 1991.

21.03.1997

Магнитофонный самиздат

Название, наверное, не совсем точное. Дело в том, что явление, о котором я хочу рассказать, пережило несколько этапов своего развития. На начальном этапе магнитофонов у нас еще не было. Их производство еще только-только налаживалось, и они были не всем по карману. Первый магнитофон в нашей компании появился где-то в конце 60-х, но пленки были переписанные много раз. Понять текст можно было, только если ты его уже слышал, и все-таки отдельные слова и строки надо было уточнять у друзей. Впервые туристские песни я услышал в поезде Мурманск–Ленинград, когда возвращался в институт после первых студенческих зимних каникул (февраль 1955 г.). Пели студенты-старшекурсники Политеха. Пели разное, в том числе и такое:

*Лаврентий Палыч Берия
Не оправдал доверия,
И от министра Берия
Летят и пух и перья!*

Потом, окончательно освоившись в Техноложке, я начал и сам ходить в походы. Пели мы много. На туристских привалах, в поездах, на дружеских вечеринках. Песни заучивали наизусть, переписывали друг у друга, распечатывали на машинках. К поющей компании всегда можно было подсесть, включиться в исполнение знакомой песни, переписать незнакомую. Пели разное: о турпоходах, о Великой Отечественной войне, о лагерях, были и шуточные песни.

Одной из первых песен, получивших широкую известность, была «Бригантина» Павла Когана. В авторском тексте — «Капитан, обветренный как скалы, вышел в море, не дождавшись нас», — мы же

пели по-другому — «не дождавшись дня», что позволяло нам, несмотря на некоторую неувязку с последними строками, чувствовать себя на бригантине. Вместо «яростных и непохожих» мы пели — «яростных и *непокорных*». Имя автора этой песни мы не знали, авторского текста — тем более. Надо сказать, что авторов большинства других песен мы тоже, как правило, не знали.

Постепенно в наших тетрадках стали появляться имена Визбора, Городницкого, Окуджавы и других бардов. Понемногу стали узнавать и поэтов, писавших до нашей, студенческой, эры. Порывшись в своих сборниках того времени и в собственной памяти, я могу назвать Языкова, Киплинга, Сашу Черного, Кедрина, Симонова, Смелякова, Светлова, Бродского. С появлением талантливых профессиональных авторов бардовская песня выходит за пределы туристского круга и становится явлением национальной культуры.

Однако темы и интонации остаются прежними, что и позволяет рассматривать «самодеятельную» песню 50-х годов и профессиональную бардовскую песню в одном ракурсе. Названию «бардовская», как явно европоцентристскому, официальная печать предпочитала другое — «авторская», поскольку очень многие, хотя и далеко не все, исполнители были одновременно авторами текста и музыки. Но слово «авторская» приобрело и другое значение — песня, созданная автором или авторами по велению собственной души, а не по заказу начальства и не на потребу моде. В дальнейшем я не буду делать различия между ранней, анонимной туристской песней и профессиональной.

Если автор цитируемого текста не будет указан, это значит, что я его не знал или забыл. Строки анонимных авторов туристской песни, иногда, возможно, и не удовлетворяющих эстетическим критериям профессионализма, я буду приводить для подтверждения своей мысли о преемственности жанра.

Моей целью является не академическое исследование истории жанра авторской песни, а попытка описать ее глазами неравнодушно-го современника, попытка передать то главное, что объединяет многих известных и неизвестных бардов и гораздо большее число их почитателей. Сама возможность коллективного, открытого исполнения песен, не утвержденных вышестоящими инстанциями, стала возможной только после знаменитого XX съезда, когда высшая бюрократия, сама запуганная сталинскими чистками, пошла на некоторую либерализацию режима.

Если искусство андеграунда вполне обоснованно считается наследником серебряного века, то бардовская песня восходит к Пушкину и пушкинскому кругу. Блестяще об этом сказал Ю. Ким:

*На пороге наших дней,
В перепутье общежитий,
Ты — наш друг и наш учитель,
Славный пушкинский Лицей.
Под твоей бессмертной сенью
Научиться бы вполне
Безоглядному веселью,
Бескорыстному доверью,
Вольнодумной глубине...*

(Ю. Ким. «19 октября»)

Второе начало авторской песни — советская поэзия, что в какой-то степени облегчило легализацию бардовского движения. В моем машинописном сборничке 50-х годов песня «Ты помнишь тот Ванинский порт» соседствует с другой — из кинофильма о гражданской войне:

*Комсомольцы-добровольцы,
Мы сильны нашей верно дружбой
Сквозь огонь мы пройдем, если нужно...*

(Слова Е. Долматовского, музыка М. Фрадкина.
«Комсомольцы-добровольцы»)

Противоречия здесь нет. Как и у Окуджавы, чьи отец и дядя были расстреляны, а мать оказалась в лагерях:

*...какое новое сражение
ни покачнуло б шар земной,
я все равно паду на той,
на той далекой, на гражданской,
и комиссары в пыльных шлемах
склонятся молча надо мной.*

(Б. Окуджава. «Сентиментальный марш». 1957)

Мы верили в осуществимость идеалов коммунизма, верили, несмотря на ГУЛАГ, несмотря на ложь и кровь, пролитую теми, кто прикрывался этими идеалами. Пушкинское и советское начала не противоречат друг другу. Пушкин, особенно ранний, верил в человека и человеческий прогресс так же, как верили в него и те советские поэты, которые писали искренне, а не приспособляясь к очередной конъюнктуре. Сегодня

я не верю в осуществимость коммунизма, но его идеалы значимы для меня и сейчас. Это, по сути, квинтэссенция европейской культуры.

Главным смысловым словом бардовской песни является слово «дорога». Это слово много значило и для Пушкина. Дорога — это судьба и жизнь, и каждый человек проходит ее в одиночку. Пушкин в дороге всегда один, только в минуту высшего душевного напряжения и потрясения он скажет: «Нас было много на челне...» По существу, Пушкин был один и по дороге на Черную речку. «Если бы я был на месте Данзаса, — писал Пушкин, — я бы нашел способ сохранить товарища». Если бы... «Давай оставим все дела... Поедем в Царское Село...» Это Вихорев. О том же и Горюхицкий, «Дуэль»:

*За дачную округу
Поскачем весело,
За Гатчину и Лугу,
В далекое село.*

Множественное число здесь не случайно — герой бардовских песен, как правило, в дороге не один:

*Надеемся только на крепость рук,
На руки друга и вбитый крюк...*

(В. Высоцкий. «Вершина»)

«Я» и «Мы» не противопоставлены, а находятся в гармоничном единстве:

...вы пропойте, вы пропойте славу женщине моей!

(Б. Окуджава. «Не бродяги, не пропойцы...»)

*Вы, как судьбы, нарисуйте наши судьбы,
Наше лето, нашу зиму и весну...
Ничего, что мы — чужие. Вы рисуйте!
Я потом, что непонятно, объясню.*

(Б. Окуджава. «Живописцы». 1959 г.)

Существует миф о советском коллективизме. На деле же власти пуще огня боялись коллектива. Стадо, которое можно загнать куда угодно, было и остается идеалом чиновника. Выражения «коллектив профсоюза» и «коллектив заключенных» в определенном смысле означали одно и то же. А мы пели: «Мы бежали по тундре, уходя от погони, — тех, кто любит свободу, того пули шадят». Примеряли к себе? Наверное, еще

нет, но сочувствие наше было отнюдь не на стороне конвоя. О себе пели другое:

*Чтоб мы могли по сотне верст шагать.
В горах во имя дружбы и любви.*

Казалось бы, само собой разумеющимся значение дороги в туристской песне, поскольку дорога — важнейший атрибут похода. На самом деле все было не так просто. Дороги, по которым топала с рюкзаками туристская братия, были реализацией метафоры дороги-судьбы. Туризм в эти годы был не только и не столько спортом и развлечением, сколько мировоззрением. Отчего мы уходили? От лжи, от несвободы, от бессилия... Куда? В какой-то степени в тот романтический коммунизм, о котором грезили окуджавовские комиссары в пыльных шлемах. В походе все были равны, свободны, все было общим, делили только поклажу, причем каждый старался взять на себя больше. Но главное было — найти себя в трудности дороги, в дружбе, в любви.

*Мы выбрали сами —
На север, на запад, на юг, на восток.
Мы жизнь разменяли
На серые, длинные ленты дорог.*

(Евгений Шунько. «Дорога»)

Тема выбора — сквозная для всего бардовского творчества:

*Каждый выбирает для себя
Женицу, религию, дорогу.*

(Ю.Д. Левитанский)

*Думайте сами, решайте сами —
Иметь или не иметь.*

(Слова Ал. Аронова, музыка М. Таривердиева)

*Мы сами раскрыли ворота, мы сами
Счастливую тройку впрягли,
И вот уже что-то сияет пред нами,
Но что-то погасло вдали.*

(Б. Окуджава. «Любовь и разлука»)

*Можешь выйти на площадь?
Смеешь выйти на площадь
В тот назначенный час?!*

(А. Галич. «Петербургский романс»)

Нечего и говорить, что в таком мироощущении сыграли свою роль и надежды, вызванные XX съездом. Но выбирать можно было и раньше. Выбрал свою судьбу поэт Жигулин, чьи стихи, к сожалению, не вошли в фонд бардовского творчества. Выбирали свою судьбу ополченцы:

*Расписки за винтовки с нас взяли писаря,
Но долю себе выбрали мы сами.*

(Б. Окуджава)

Наше противостояние официальной лжи начиналось со стеба. Само слово «стеб» появилось гораздо позже, но оно как нельзя лучше характеризует один из жанров туристской песни. Мы с упоением пели: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку-руза на полях у нас растет, / Ку-ку, ку-ку, ку-ку-рузу обожает всякий скот!»; «А Лев Толстой горит как факел / Коммунистических идей!» Какой-то умелец ухитрился запихнуть в песенную строфу даже такой газетный штамп: «Маленков, Каганович и Молотов, и примкнувший к ним Шепилов». Пели трагически-фарсовую — «В танковой бригаде», кончавшуюся так:

*Меня вызывают в особый отдел:
«Почему ты, сука, вместе с танком не сгорел?!»
«Вы меня простите! — я им говорю, —
В следующей атаке обязательно сгорю!»*

(Есть немного различающиеся варианты этой концовки)

Уже во время перестройки я прочел в чьих-то воспоминаниях, что в свое время за эту песенку люди получали «десятку». Смеялись мы и над собой:

*Мы идем, нас ведут, нам не хочется.
До привала еще далеко.
Труп туриста в ущелье полощется
Где-то там, глубоко, глубоко.*

Горланили: «А наш турист возлюбленную лупит по пятой точке». В серьезных же песнях отношение к женщине было поистине рыцарским. О любви лучше всего говорить словами поэтов:

*Сизый дым создает уют...
Искры, вспыхивая, гаснут сами.
Пять ребят о любви поют
Чуть охрипшими голосами.*

(Н. Карпов. «Пять ребят»)

Я тебе рюкзак поправлю, доброй шуткой поддержу...

...

Верная моя подруга, неизменный спутник мой.

(Семен Богуславский. «Неизменный спутник»)

Чтобы ты не спешила уходить от огня,

Чтобы ты полюбила за песни меня.

(В. Ревич. «Перепеты все песни»)

Осень — девчонка рыжая, ясная, словно ты,

Милая моя, солнышко лесное...

(Ю. Визбор)

Просто мы на крыльях носим то, что носят на руках.

(Б. Окуджава)

Страна Любви — великая страна!

И с рыцарей своих — для испытаний —

Все строже станет спрашивать она...

(В. Высоцкий)

Наше рыцарство не предполагало ни аристократических амбиций, ни аристократического шарма. «Они в городах не блещут манерой аристократов, /И в гулких высоких залах, где шум суеты затих, / Страдают в бродячих душах Бетховенские сонаты... / И самые лучшие книги они в рюкзаках хранят». (И. Сидоров — Р. Ченборисова). В остальном и быт, и претензии были достаточно аскетичными. Но и у Пушкина «...рыцарь бедный, / Молчаливый и простой».

В наше время рыцари не стали богаче:

В их худые карманы не нужно заплат,

Чтобы там медяки заводились

И возвышенных истин сомнительный клад

Все они отыскать подрядились.

...

Так примите же в братство свое и меня,

Дон-Кихоты двадцатого века!

(И.А. Руднева)

*Кожаные куртки, брошенные в угол,
Тряпкой занавешенное низкое окно.*

(А. Городницкий)

*Задумчиво встали походные кружки
На серой клеенке стола.
Совсем, как в палатке, у нас в комнатухе
Не больно-то много тепла.*

(В. Британишский)

Даже всегда добрый, я бы даже сказал, ласковый, Окуджава становится агрессивным при соприкосновении с миром иных ценностей:

*Здесь тряпками попахивает так,
Здесь смотрят друг на друга сквозь червонцы.
Я не любитель всяких драк,
Но мне сказать ему придется,
Что я ему попорчу весь уют...*

Культ аскетизма не предполагал тотального ухода от социума. И авторы, и те, кто слушал или пел эти песни, продолжали работать в школах, лабораториях, на заводах, сниматься в кино, ходить в экспедиции. Труд был самоценен как таковой, а не только как спасение от статьи за «тунеядство».

*Работа есть работа,
Работа есть всегда.
Хватило б только пота
На все мои года.*

(Б. Окуджава)

Идеалом были «...Не боги — человеки, / Привыкшие к труду» (Городницкий). Девушка «в спецовочке такой промасленной» (Окуджава) отнюдь не воспринималась как существо низшего разряда. Всерьез не было и идеализации запойной романтики. Ю.М. Лотман, рассуждая о культуре употребления спиртных напитков, проводит различие между легким и сильным охмелением. Первое облегчает самораскрытие личности в общении, второе ведет к изменению личности и имеет место тогда, когда человек стыдится самого себя.

Пушкинскому:

*Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!*

соответствует строка из «Бригантины»: «На прощанье подымай бокалы / Золотого терпкого вина!», «О эти вина!» — Кима. Наше отношение к выпивке иллюстрируют строки песни неизвестного мне автора:

*Встречает город нас
Улыбкой ласковой,
И тихо плещется Нева.
Зайдем же столики
И выпьем столько мы,
Чтоб закружилась голова!*

Там, где бардовская песня говорит о тяжелом похмелье лирического героя, это всегда несчастье, а не бытовой факт. В песне В. Черникова, посвященной декабристам, последний куплет звучит так:

*А за окном блестит Нева,
И раздается гром оркестра,
И наплывает от реки
Весенний вечер голубой.
Болят с похмелья голова,
Стоят жандармы у подъезда —
Быть может, это за тобой,
Быть может, это за тобой.*

(В. Черников. «Петербург, 1826 год»)

Это — о декабристах, но при повторении четырех последних строк слова «стоят жандармы» заменялось на: «стоит машина у подъезда», что придавало всей песне совершенно иной смысл.

Гражданская тема в бардовской песне начиналась с песен о войне. Поначалу это были песни неизвестных авторов, которые не включались в официальные песенники и не исполнялись по радио. Потом на эту тему начали писать Анчаров, Окуджава, появились песни на слова Левитанского, Самойлова. Непосредственных участников войны поддержало следующее поколение — Высоцкий, Дольский и многие другие. Главным героем этих песен был солдат.

*Пушай неказисты,
Зато не статисты —
Мы танкам не дали пройти.
Мы сделали дело,*

Высоцкий пишет о летчиках-истребителях, погибших в бою и попавших в рай:

*А если у них истребителей много —
Пусть пишут в хранители нас.
Хранить — это дело почетное тоже, —
Удачу нести на крыле
Таким, как при жизни мы были с Сережей
И в воздухе, и на земле.*

Дорога к искренней вере пролегала по той же земле. Человек отказывался быть только глиной в руках Высшей Силы, равнодушной к его земному существованию:

*И вновь я печально и строго
С утра выхожу за порог —
На поиски доброго Бога
И — ах, да поможет мне Бог!*

(А. Галич. «Псалом»)

Те, кто пел у туристских костров в 50-е годы, уже постарели, многих уже нет. Нет с нами и многих великих и малых поэтов бардовской песни. Рухнул тоталитарный режим, оставив после себя имперские амбиции, неуважение к человеку и ложь. Рухнул, выпустив из-под спуда межнациональную ненависть, приватизированные убийства и многое другое. И нет оснований в уверенности, что не оправдается мрачное пророчество поэта Давида Самойлова:

*И снова будут дробить суставы
И зажимать кулаками рты
Поэты ненависти и славы
Поэтам чести и доброты.*

(Д. Самойлов. «И снова будут дробить суставы...»)

Но даже, если этого не произойдет, перспективы бардовского движения для меня сегодня не ясны, несмотря на то, что концерты бардов еще собирают большую аудиторию, в том числе и молодежную. Главным содержанием бардовского творчества было воспевание человеческого достоинства, противостоящего злу. Новых, социально значимых песен, созвучных сегодняшнему дню, я не слышу. Если они не появятся, бардовская песня, потеряв свою злободневность, либо превратится в архаизм, наподобие античной драмы, либо сблизится с попэстрадой

под маркой «Любовь и Дружба в одном флаконе», либо станет чем-то совсем иным.

12.01.2000

Иностранцы в России (Лесков и Платонов)

Н. Лесков. «Железная воля». 1876 г.¹²³

Поскольку повесть эта не хрестоматийна, я посчитал нужным пересказать вкратце ее содержание. Прошу прощения за многочисленные цитаты — лучше Лескова мне не сказать.

Герой повести Н. Лескова «Железная воля» Гуго Пекторалис появился в России «вскоре после Крымской войны». Название повести определяет вечными утверждениями героя о том, что у него «железная воля».

Его жизнеописание передается автором со слов некоего рассказчика, так что «полной ответственности» за изложенное Н. Лесков как бы и не несет. Такое вступление понадобилось мне потому, что некоторые «специалисты» по Лескову этот факт игнорируют.

«В творчестве Л. чрезвычайно сильны мотивы национальной самобытности русского народа, вера в его творческие силы: сатирическая повесть “Железная воля”, “Левша” и др.» (М.С. Горячкина. БСЭ. Лесков). Между тем повести предпослан авторский эпиграф: «**Ржа** железо точит. Русская поговорка» (*Выделено всюду мной. — В.Р.*).

Предваряя историю Пекторалиса, рассказчик декларирует: «...Не слишком ли вы много уже придаете значения воле и расчетам? Мне при этом всегда вспоминаются довольно циничные, но справедливые слова одного русского генерала, который говорил про немцев: какая беда, что они умно рассчитывают, а мы им такую глупость подведем, что они и рта разинуть не успеют, чтобы понять ее. И впрямь, господа; нельзя же совсем на это не понадеяться».

Тут рассказчик, очевидно, сам того не зная, почти дословно цитирует название **немецкого** средневекового шванка «О том, как жители города Шильды от великого ума глупостью спасались» — рассказ о шильдбюргерах — дураках, вечно попадающих в неприятности. Сам Лесков, безусловно, об этом знал.

¹²³ См.: Лесков Н. Повести. Рассказы. М., 1973.

Пекторалис был выписан из Германии «...вместе с машинами, которые он должен был привезти, поставить, пустить в ход и наблюдать за ними». Хозяева дела, которые его наняли, «...были англичане... Они были люди очень добрые и оба довольно практические... Основательно разорившись на своих предприятиях, они поняли, что Россия имеет свои особенности, с которыми нельзя не считаться. Тогда они взялись за дело на простой русский лад и снова разбогатели чисто по-английски».

«...Этот Пекторалис оказался очень хорошим, — конечно, не гениальным, но опытным, сведущим и искусным инженером. Благодаря его твердости и настойчивости дело, для которого он приехал, пошло превосходно, несмотря на многие неожиданные препятствия. Машины, для установки которых он приехал, оказались изготовленными во многих частях весьма неточно и не из доброкачественного материала... Уладить все это возможно было действительно только при содействии железной воли. Услуги Пекторалиса были замечены и вознаграждены прибавкою ему жалованья, которое у него поднялось теперь до полуторы тысячи рублей в год».

«...Между тем, железная воля Пекторалиса, приносившая свою серьезную пользу там, где нужна была с его стороны настойчивость, и обещавшая ему самому иметь такое серьезное значение в его жизни, у нас по нашей русской простоте все как-то смахивала на **шутку и потешение**».

В рассказе «Однодум» губернатор, познакомившийся с одним из лесковских праведников, квартальным Рыжовым, спрашивает у окружающих: «Что же он... вероятно в помешательстве?», и ему отвечают: «Никак нет: просто всегда *такой*» (*Курсив Лескова. — В.Р.*). Почти все лесковские праведники представляют своим «характером» исключение из правил. К праведникам писатель причислял не только русских, но и всех, кто живет по-божески. Таковы, например, англичанин Яков Яковлевич («Запечатленный ангел»), безымянный язычник тунгус («На краю земли»).

Прямо отождествлять Пекторалиса с теми, кого писатель считал праведниками, очевидно нельзя. Но эта точка зрения все-таки гораздо ближе к истине, чем разглагольствование Л. Крупчанова, автора статьи-предисловия к сборнику повестей и рассказов Н.С. Лескова в «Библиотеке всемирной литературы» (Т. 92; М., 1973), который утверждает: «В образе Гуго Пекторалиса Лесков нарочито заостряет черты, свойственные прусскому юнкерству и бюргерству: узость интересов, черствость, односторонность убеждений. Стремление Гуго к богатству и власти над людьми опирается на один-единственный жизненный принцип — негибкость воли. Лесков гиперболизирует эту черту характера, доводя

до автоматизма поведение своего героя... Жизненная философия Гуго Пекторалиса чрезвычайно бедна и прямолинейна: «Всякий, кто беден, сам в этом виноват». Автор этих строк не только принял мнение рассказчика за точку зрения Лескова, но и присоединился в своем квасном патриотизме к воззрениям забулдыги Сафроныча и жулика Жиги, о которых речь пойдет несколько ниже.

Несмотря на свою «железную волю», полтора месяца едет Гуго Пекторалис до места назначения, останавливаясь на каждой станции суток по трое. Русского языка он не знал, и разговор шел по-немецки. «Да, “можно”, “не можно”, “тамочно”, “подрочно”... — пролепетал он, высыпав, очевидно, весь словарь своих познаний. — Скажут “можно” — я еду, “не можно” — не еду, “подрочно” — я дам подрочно, вот и все». Когда в комнате затопили камин, он очень обрадовался. «Ага, “можно”, а я тут третий день... все сюда на камин пальцем показывал, а мне отвечали “не можно”».

Прибыв на место, Гуго покупает лошадь. Берет он ее, не глядя; лошадь оказывается слепой и хромой. Дмитрий Ерофеич (продавец) был плутоват, но труслив, суеверен и набожен; он вообразил, что Пекторалис замышляет ему какое-то ужасно хитро рассчитанное мшение, и, чтобы положить конец этой душевной тревоге, послал ему чудесную лошадь и велел ему кланяться и просить извинения. Пекторалис покраснел, но решительно велел отвести лошадь назад и вместо ответа написал: «Мне стыдно за вас, у вас совсем нет воли». Впрочем, в этой истории есть и другой аспект, убеждение, в том, что если сам не смотрел, что покупаешь, не к чему предъявлять претензии другим. Максиму: «в своей бедности каждый виноват сам», он обращает, прежде всего, **на самого себя**.

Повесть и далее наполняется подробностями, как жестокие шутники издевались над беднягой. Окружающие, используя незащищенность Пекторалиса, провоцировали его на глупые действия, зачастую вредные для здоровья. А между тем Пекторалис утешал сам себя максимой: «Быть господином себе и тогда стать господином для других — вот что должно, чего я хочу и что я буду преследовать».

У невесты, а затем и жены Пекторалиса «вся левая сторона тела была гораздо массивнее, чем правая. Гуго сам обращал на это внимание и, казалось, этим был даже доволен. “Вот, — говорил он, — эта рука побольше, а эта рука поменьше. О, это так не часто бывает”».

Там, где дело касается производства, Пекторалис уверен в себе, инициативен, прагматичен и предусмотрителен. Вне этой сферы он робок, застенчив и трагически не приспособлен. Его «железная воля» — не более

чем маска-защита от неуютного мира. Автор сам подсказывает это фамилией своего героя — слово «пектораль» означает «шейное металлическое украшение, облегающее грудь и плечи» (Словарь иностранных слов. М., 1992). Не боевой доспех, а именно украшение. **«Железная воля» превращается у него в бессмысленное упрямство, потешающее окружающих.**

Рассказчик видит в Пекторалисе, прежде всего, немца. Лесков же показывает нам героя как «уникума» (этим самым дает характеристику и самому рассказчику).

Теперь нам осталось перейти к последней части злоключений нашего героя. Заработав неплохие деньги, Пекторалис решил построить собственный завод. Он приобрел землю для строительства, но на его беду посреди купленного им участка оказалась земля, арендованная неким Сафронычем. Выжить Сафроныча с его маленьким заводиком ему не удалось, и Пекторалис подал на него в суд.

«Ленивый, вялый и беспечный Сафроныч как стал, так и стоял на своем, что он ни за что не сойдет с места до конца контракта, — и суды, признавая его в праве на такую настойчивость, не могли ему ничего сделать...

Я-ста его, такого-сякого немца, и знать-де не хочу. Я своему отечеству патриот — и с места не сдвинусь. А захочет судиться, так у меня знакомый приказный Жига есть, — он его в бараний рог свернет». («Жиган — пройдоха, прощелыга, пролаз, наторелый плут...». В. Даль. Толковый словарь).

Тогда Пекторалис решил огородить своего недруга забором и забить ворота и калитку Сафроныча досками.

Поскольку в контракте ни о калитке, ни о воротах ничего сказано не было, Сафронычу пришлось лазать к себе домой через забор. Но он оказался не менее упрям, чем Гуго.

Через некоторое время к Пекторалису явился Жига, долго ему льстил, рассказал о своей ссоре с Сафронычем и объявил, что об заклад бился на сто рублей за то, что, обладая железной волей, Гуга Карлыч выиграет любой суд, если Сафроныч не утомонится. А пришел он потому, что не имеет денег в заклад. Растроганный Гуго дал Жиге эти деньги.

Очевидно, деньги эти пошли на подкуп судейских (коррупция в судах началась не сегодня). Сафроныч подал иск на взыскание убытков, и суд вынес решение в его пользу, присудив Пекторалиса ежедневно выплачивать истцу по пятнадцать рублей.

Решение суда было явно «заказным», потому что взыскание убытков с ответчика возможно только при совершении им противоправных

действий. Ежели предыдущий суд признал законным возведение глухого забора, то законными являются и все вытекающие отсюда последствия — в частности, убытки, понесенные Сафронычем.

Получая такие деньги, Сафроныч допился до белой горячки и вскорости умер.

На его поминках Гуго вступил в словопрение с дьяконом Саввою о силе воли — и дьякон Савва сказал ему: «Зачем ты, брат Гуго Карлович, все с нами споришь и волю свою показываешь? Это нехорошо...» И отец Флавиан поддержал Савву и сказал: «Нехорошо, матинька, нехорошо; за это тебя бог накажет. **Бог за русских всегда наказывает**». Потом Савва подбил Гуго соревноваться с отцом Флавианом в поедании блинов. «Сам отец Флавиан в споре не участвовал: он его просто слушал да кушал...» Пекторалис же старался не отстать и «...вдруг сунулся вниз под стол и захрапел... “Неужели помер?” — вскричали все в один голос. А отец Флавиан перекрестился, вздохнул и, прошептав “с нами бог”, подвинул себе новую кучку горячих блинков».

На похоронах Пекторалиса перекрикиваются две бабы:

«Кого, мать, это хоронят?»

А другая отвечает:

«И-и, родная, и выходить не стоило: **немца** поволокли».

Повесть «Железная воля» была написана в 1876-м.

В 1893 г. Лесков пишет очерк «Загон», который начинается так: «В конце сентября 1893 года в заседании Общества содействия русской промышленности и торговле один оратор прямо заговорил, что «Россия должна обособиться, забыть существование других западноевропейских государств, *отделиться от них китайскою стеною*» (*Курсив Лескова. — В.Р.*). Приведя многочисленные примеры антиевропеизма от государя до крестьян, Лесков итожит: «С внешней стороны разные беспокойные люди старались проломать к нам ходы и щелочки и образовали трещины, в которые скользили лучи света. Лучи эти кое-что освещали, и то, что можно было рассмотреть, — было ужасно... Являлись заботы о том, чтобы забить трещины, через которые к нам пробивался свет. Оттуда пробивали, а отсюда затыкали хламом...»

Лесков любил Россию, не придуманную славянофилами, а ту, которую видел своими глазами. И хотел сделать ее лучше. Это и есть настоящая любовь к Родине. Любовь к России сочеталась в нем с уважением и состраданием ко всякому хорошему человеку, на каком бы языке он ни говорил.

А. Платонов. «Епифанские шлюзы». 1926 г.

Сначала немного истории. Канал, строительством которого руководил главный герой этой повести, — не выдумка автора.

«Ивановский канал (Епифаньевский тож) — в Епифаньевском уезде Тульской губернии, строился для соединения верховьев рр. Дона с Шатою, впадающей в Упу, приток Оки; следовательно, Ив. канал должен был соединить Дон с Волгой. По повелению Петра I, английский инженер Джон Перри приступил к сооружению канала в 1702 г. ... У города Епифани (основан в 1578 г., ныне поселок городского типа, Тульской обл.) готовы были 24 шлюза, прорыт канал через Бобриковскую долину, расчищено русло Дона, но все это пришлось оставить вследствие недостатка воды для искусственного прохода судов. В 1707 г. был повторен опыт судоходства по этому каналу; было пропущено около 300 судов, но с невероятными затруднениями, несмотря на то, что опыт производился весной, во время половодья» (1).

Из дневника Дж. Перри: «... Три года к ряду был я занят сею работою... Я требовал для нее по тридцать тысяч (!) человек в год, но никогда не давали мне и половины. Не доставало так же и материалов. Во-вторых, я и помощник мой, Лука Кеннеди, так грубо встречены были князем Голицыным, что он указал нам на виселицу...

Неудовольствия и препятствия продолжались. И второе лето протекло по-прежнему: мне не давали ни людей, ни материалов. Различные части работы оставались неоконченными и, следственно, могли разрушиться, что отчасти и произошло от недостатка материалов...» В мае 1712 г. Джону Перри снова было поручено заняться устройством водного сообщения для подвоза продовольствия и прочих необходимых предметов. Но так как следуемое Перри за прежние годы жалованье не было ему выплачено сполна, он отказался продолжать работу и уехал в Англию.

Дневниками Дж. Перри (Перри Д. Состояние России при нынешнем царе... М., 1871) Платонов, несомненно, пользовался (2). Он, правда, изменил имя английского строителя, назвав его Бертраном, и его судьбу.

Инженер Бертран Перри приехал в Россию по совету своего старшего брата Вильяма. Заработав немало денег, тот возвращался в Англию, и еще до отъезда написал Бертрану письмо: «Россы мягки нравом, послушны и терпеливы в долгих и тяжких трудах, но дики и мрачны в нежестестве своем...

Царь Петер весьма могучий человек, хотя и разбродный и шумный понапрасну. Его разумение подобно его стране: потаенно обильностью, но дико лесной и зверной очевидностью.

Однако к иноземным корабельщикам он целокупно благосклонен и яроsten на щедрость им» (А. Платонов. «Епифанские шлюзы». В дальнейшем — цитаты оттуда. — В.Р.).

В Санкт-Петербург он прибыл весной 1709 года. Бертрану поручалось строительство канала между Окой и Доном. Перед отъездом на место работ его ласково принял сам император — «...А что сопротивленья тебе будут чинить — про то доноси мне гонцами — на живую и скорую расправу. Вот моя рука — тебе порука!» — напутствовал царь инженера.

Перед отъездом из Петербурга к месту работ Бертран получил письмо от своей невесты — Мери Карборунд (фамилия очень подходящая для такой особы). Девушка писала ему, что ей не нужны ни богатства, ни слава ее мужа, она устала ждать и выходит замуж за другого. Это событие, очевидно, тоже сыграло немалую роль в судьбе младшего Перри.

После долгого пути он, наконец, прибыл в Епифань. «Малозвестный язык, странный народ и сердечное отчаяние низложили (Перри. — В.Р.) в трюм одиночества.

И лишь на работе исходила вся энергия его души... так что сподручные признали его Каторжным Командиром» (Здесь и далее выделено мной. — В.Р.).

Условия, в которые попал Бертран, мало отличались от тех, какие описал его реальный однофамилец. Население в окрестностях строительства было малочисленным, а те, кого удавалось туда пригнать, разбегались. Мало того, «...балтийские мастера и техники-немцы не только болеют и умирают в болотах Шати и Упы-реки, но также и бегут по тайным дорогам на родину, ухватывая великие деньги».

Сам воевода, который тщательно контролировал всякую переписку с Петербургом, однажды не уследил. «Охальные местные люди вручили Петру челобитные». Узнав, что «...воевода Протасьев за большие поборы освобождал слободских мужиков от повинностей, а поверх всего миллион рублей себе нажил на всяких начетах и требовательных ведомостях с казны... Петр приказал Протасьева бить кнутом, а потом сослал его на **Москву** для дополнительного следствия, но он там досрочно с печали и стыда умер».

Надо сказать, что слобожане, мобилизованные на работы, не могли заниматься земледелием, «...лошади извелись на работах и к пахоте непригожи, а многие пали...». Жены и дети мобилизованные «пухли от голода».

«По последнему наряду Перри епифанский воевода ничего не поставил: то ли злая воля в том его была, то ли правда — рабочих согнать нельзя было».

«Неужели мы так народ и вправду умучили?» — однажды спросил Перри у воеводы и услышал в ответ: «Да што ты, Бердан Рамзеич! Это у нас народ такой охальник и ослушник!... И зачем их слова обучали говорить? Раз грамоты не разумеют, и от устных слов надобно отучить!...»

Царь Петр объявил Епифановское воеводство на военном положении, объявлялось военное положение и в смежных воеводствах. Был прислан новый воевода — Салтыков. «...Тюремные дома были туго населены непокорными мужиками, а особая воеводская расправа, порочная хата тож, действовала ежедневно, кнутом вбивая разум в задницы мужиков».

Бегство крестьян остановить не удавалось, и воевода Салтыков заговорил о смертных казнях.

«— Я с тобой согласен, Салтыков! — сказал помертвевший от забот Перри.

— Так, стало, ты, ваше превосходительство, тады те смертные казни подпишешь?...

— Ладно, подпишу... — ответил Перри».

В Епифани Перри «...начал пересчитывать свои технические числа. Вышло еще хуже: прожект составлен был по местным данным от 1682 года, лето которого изобиловало влагой.

Поговорив с местными людьми... Перри догадался, что и в средние по снегам и дождям годы каналы будут так маловодны, что по ним и лодка не пройдет». Перри начал понимать, что он, наверное, уже и в Нью-кестль не попадет, и отца не увидит.

Впрочем, о том, что воды будет мало и плавать будет нельзя, все местные жители знали давно. «Поэтому и на работу все жители глядели как на царскую игру и иноземную затею, а сказать — к чему народ мучают — не осмеливались».

Наконец к Перри пришел воевода Салтыков: «Аглицкий подданный Бердан Рамзеич Перри, объявляю тебе волю его императорского величества: с сего часа ты не генерал, а штатский человек и сверх того преступник. На государеву расправу ты пешеходом гонишься в **Москву** со стражниками. Собирайся, Бердан Рамзеич, ослободжай казенное помещение».

В Москве его сдали в «**башенную тюрьму**». Через некоторое время в камере появился дьяк и зачитал приговор: «Бертран Рамзей Перри, — сказал дьяк, вынув бумажку и прочтя имя, — по приказу его величества государя императора ты приговорен к усечению головы. Больше мне ничего не ведомо».

Далее следует сцена по своему отвратительному ужасу самая страшная из всего того, что я когда-либо читал.

«Дьяк ушел и задвинул снаружи наглухо двери, не сразу управившись с железом.

Остался другой человек — **огромный хам**, в одних штанах на пуговице и без рубашки.

— Скидывай портки, ублюдок!

Перри начал снимать рубашку.

— Я тебе рассказываю — портки прочь, вор!

У **палача** сияли... счастьем голубые, а теперь почерневшие от страсти глаза.

— Где же твой топор? — спросил Перри, утратив всякое ощущение, кроме маленькой неприязни, как перед холодной водой, куда его сейчас сбросит этот **человек**.

— Топор! — сказал палач. — Я без топора с тобой управлюсь!

Резким рубящим лезвием вцепилась догадка в мозг Перри, чуждая и страшная его... природе, как пуля живому сердцу.

И эта догадка заменила Перри чувство топора на шее: он увидел кровь в своих онемелых, остывших глазах и свалился в объятия воющего палача. Через час в башне загремел железом дьяк.

— Готово, Игнатий? — крикнул он сквозь дверь, притуляясь и прислушиваясь.

— Обожди, не лезь, гнида!

... — Вот сатана! — бормотал дьяк. — Такого не видал вовеки: пока лютостью не изойдет — входить страховито!»

А в Епифани воевода Салтыков получил письмо из Англии на «имя мертвеца». Он испугался, не зная, что ему делать. «А потом положил его от греха за божницу — на вечное поселение паукам».

Перри думает об Игнатии как о человеке, сам Платонов называет его «хамом» и «палачом».

В 1905 г. Мережковский опубликовал статью «Грядущий хам», в которой только еще предсказывались возможные результаты революции. Слова «хам», «хамство» употребляются Горьким в его «Несвоевременных мыслях». Эти слова имели не только узкое, но и обобщающее значение, звучали почти как политический термин.

На казнь и проворовавшегося воеводу, и инженера Перри отправляют в Москву, хотя проделать это можно было бы и на месте. Москва выступает у Платонова не столько как географический объект, сколько как символ российской державности, несмотря на то, что в описываемую эпоху столицей был Петербург. Это прямой намек на новую советскую державность. И не Кремлевская ли башня имеется в виду?

Платонов пишет о военном положении, которое было объявлено Петром в Епифани. Не знаю, соответствовало ли это историческим реалиям. Но то, что, начиная с 1917 г., выражения «трудмобилизация», «трудовая повинность», «трудоармия» стали вполне обычными, это я знаю.

В том же 1926 г. Платонов написал повесть «Город Градов», которую можно рассматривать как продолжение щедринского «Города Глупова», с учетом современных для Платонова изменений.

В Градове тоже «было построено шестьсот плотин и четыреста колодцев... Не дотянув до осени, плотины были смыты летними легкими дождями, а колодцы почти все стояли сухими».

Вместе с тем Градов у Платонова — столица бюрократической империи. «Это образ государства, венчающего мировую историю — Москвы—Третьего Рима. Данная смысловая линия в окончательном варианте «Города Градова» скрыта в подтексте, однако в первоначальной редакции повести она была развернута со всей возможной открытостью и полнотой. Трактат Шмакова в этой редакции содержит, в частности, следующий фрагмент:

«Ленин — это новый Иван Калита, с той разницей, что тот собирал княжеские клочья безмасштабной московской Руси, а Ленин собирает клочья всего растрепанного империалистического мира; но сложить эти клочья можно в единственно возможную сумму — социализм. Но сбор клочков мира, потрескавшегося от капитализма, допустим лишь путем **образцовой государственности**» (3).

В 1920 г. Платонов вступил в РКП(б), но уже через год по собственному желанию вышел из партии (4).

В августе 1933 г. на Беломорканал направляется десант из 120 писателей и журналистов для ознакомления с чудом социалистической экономики. В результате этой поездки 36 писателей выпускают книгу о героическом труде создателей Беломорканала и посвящают ее XVII съезду ВКП(б). Писатели поведали читателям советской страны об ударном труде на сооружении канала, об ущербе европейско-американского капитализма, о героических усилиях чекистов по организации работ и по «перековке» заключенных. Ничего не говорится только о жестокости порядков, о голоде, о холоде, о гибели тысяч людей, унижении их человеческого достоинства (5).

Среди этих писателей Андрея Платонова не было. Свою повесть о «Канале» он написал за семь лет до того.

Сопоставление. Что русскому здорово, то немцу смерть. Так ли?

Я остановился на двух повестях, написанных разными авторами с промежутком в 50 лет. Они имеют много общего.

Оба главных героя — иностранные инженеры, самозабвенно преданные своему делу, приехавшие в Россию ради заработка. Впрочем, Бертран «очаровался Петром, еще будучи в Ньюкестле, и хотел стать его соучастником в цивилизации дикой и таинственной страны».

Оба оставили у себя на родине любимых женщин, обоим эти женщины оказались не верны. Наконец, оба героя погибают в России, так и не вернувшись на родину. Мне кажется, что Платонов в этой повести демонстративно отталкивался от Лескова, так же как в «Градове» он отталкивался от Щедрина.

Но в описании ситуации эти произведения совершенно различны.

Гуго Пекторалис имеет дело, прежде всего, с людьми. Людьми, которые готовы травить слабого человека, да еще к тому же и немца. Государство (суд) в данном случае идет просто на поводу у его недоброжелателей.

Люди, окружающие Бертрана Перри, в общем-то, доброжелательны к нему. В пути ямщики поддакивали иностранцам, а сами «ухмылялись в бороду, дабы никому оскорбительно не было», «ефипанские бабы жалели мрачного Перри». По дороге в Москву стражник-старик ни с того ни с сего сказал ему: «И куды мы тебя ведем? Может, на мертвую казнь! ...Я б убег на глазах! Пра!» И даже, отдавая англичанина палачу, дяк напутствует его: «Прощай! Царство тебе божье! Все ж ты человек»!

Роковым для Перри становится его столкновение с «огромным хамом» — безжалостной машиной, государством. Именно российское **государство** символизирует этот сладострастный лютый палач, творящий свои дела в одной из **московских башен**.

Трагикомическая смерть Пекторалиса последовала за смертью спившегося Сафроныча — в этом случае государство не вмешивалось.

На строительстве Елифаньевского канала, кроме казненного Перри и, возможно, нескольких немцев, умерших от болезней, сотнями гибли русские крестьяне. На Беломорканале люди уже гибли десятками тысяч, среди них был какой-то процент и иностранцев. Потом гибли уже миллионы.

Иностранцам в России было плохо. А своим — хорошо?

Российское государство уже многие столетия безжалостно расправляется со своими детьми, и его граждане так и не могут ограничить его аппетиты.

Дж. Оруэлл писал: «Всегда здравы две точки зрения. Одна: как можно улучшить человеческую натуру, пока не изменена система? Другая: какая польза в изменении системы, пока не улучшена человеческая натура? Каждая из них привлекательна для различных типов личности, и, возможно, обе находятся в постоянном процессе чередования...» (6).

На этой оптимистической ноте я и заканчиваю свою статью.

Источники¹²⁴

1. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В 86 т. СПб., 1993–1998. <http://www.vehi.net/brokgauz/>
2. Ал. Мельников. Наша улица. № 3. 2004. <http://nashaulitsa.narod.ru/Melynikov.htm> (*)
3. Бобылев Б.Г. А. Платонов о русской государственной идее: повесть «Город Градов». www.ostu.ru/departments/gum_fac/russian/structure/bob/resources/gorod.doc
4. Платонов Андрей Петрович. Биография А.П. Платонова. <http://www.platonov.org.ru/l1b-sa-aut-30/>
5. Соловецкий лагерь и тюрьма особого назначения. Кн. 10, гл. 4. http://www.solovki.ca/gulag_solovki/belo.php
6. Оруэлл Дж. Чарльз Диккенс. гл. I., 1940. http://www.orwell.ru/library/reviews/dickens/russian/r_chd

16.09.2007

Аркадий Гайдар

«Наше дело — бой и строй...»

А. Гайдар

Гайдар (Голиков) родился в январе 1904 г. Его родители еще с 1905 г. были связаны с революционным движением. В 1917 г., будучи на фронте, его отец вступает в партию большевиков. Мать вступает в партию в 1920 г.

Сам Аркадий пытается удрать к отцу на фронт еще в 10 лет. В августе 1918 г. его принимают в партию, а в декабре он уходит в армию.

К осени 1920 г. он уже имеет одно ранение и две контузии. 30 июня 1921 г. командующий войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевский подписал указ о назначении Голикова командиром 58-го полка. Полк

¹²⁴ Здесь список источников представлен в авторской редакции. (Прим. ред.)

был отправлен на подавление крестьянского восстания — так называемая «антоновщина».

Затем, в 1922 г., будущего писателя переводят на восток. «Изрядно изъездив дороги юга Енисейской губернии (*Хакасия*. — *В.Р.*) и расстреляв неуставленное число заложников, Голиков так и не вошел в контакт с отрядом Соловьева, был отозван в Красноярск, где ему предъявили обвинение в несанкционированных расстрелах, исключили из партии и отправили на лечение в Москву»¹²⁵.

«По воспоминаниям (*Гайдар*. — *В.Р.*) отличался патологической жестокостью, что вызывало сомнения в его психическом здоровье. Со времен Гражданской войны Гайдар стал алкоголиком, страдал запоями, его мучили кошмары. Всю жизнь был подвержен депрессии и даже пытался покончить жизнь самоубийством. Его детская психика не выдержала жестокостей Гражданской войны»¹²⁶.

Всякому ясно, что виноват здесь не столько Аркаша Голиков, сколько взрослые люди, которые возложили на 16–17-летнего мальчишку, к тому же дважды контуженного, такую ответственность. Ответственность за вверенных ему людей, ответственность за боееспособность части, ответственность за Республику и Мировую Революцию.

Исключение из партии, очевидно, больно задело Аркадия. «Существует версия, согласно которой о деле Гайдара знал Сталин. На просьбу Аркадия Петровича о восстановлении в партии кремлевский хозяин лаконично отрезал: «Мы-то его, может быть, и простили бы. Но простят ли хакасы?..»¹²⁷

Думаю, что, если бы писатель хотя бы раз упомянул его имя, Сталин бы его простил.

Гайдар и сам не прощал себя. «Снились люди, убитые мною в детстве», — это фраза из его дневника¹²⁸.

В 1926 г. у писателя родился сын. По настоянию отца он был назван Тимуром.

В 1940 г. на страницах книг появился его ровесник и тезка.

Почему «Тимур»? Существует версия, что имя своему сыну Гайдар дал по примеру М. Фрунзе, назвавшего так своего ребенка. Но у Тимура Аркадьевича был и другой тезка.

¹²⁵ <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/06.htm>

¹²⁶ <http://www.arkadiygaydar.ru/ll-ar-at-957/>

¹²⁷ <http://arcanus.ru/article633.html>

¹²⁸ <http://www.kinoart.ru/magazine/01-2007/comment/tsyrkun0107/>

«Тимур и его команда». В повести с этим названием кто-то неизвестный помогает одной из ее героинь — Жене, и оставляет ей записку с подписью «Тимур». Далее следует разговор Жени с ее старшей сестрой Ольгой:

«— Оля, бог есть?

— Нету, — ответила Ольга.

— А кто есть?

— Отстань! — с досадой ответила Ольга. — Никого нет!

Женя помолчала и опять спросила:

— Оля, а кто такой Тимур?

— Это не бог, это один царь такой, — неохотно ответила Ольга, — злой, хромой, из средней истории».

(В энциклопедии «Брокгауз и Ефрон» о Тимуре-Тамерлане сказано: «В жестокостях Тимура, кроме холодного расчета... проявляется болезненное, утонченное зверство, что, может быть, следует объяснить физическими страданиями, которые он переносил всю жизнь (после раны, полученной в Сеистане)»).

«— А если не царь, не злой и не из средней, тогда кто?» — спрашивает Женя.

Тогда — это сын автора и любимый герой, это те, кому в новой жизни, как был уверен Гайдар, уже не придется становиться ни злыми, ни хромыми.

«Тимур и его команда» — прекрасная сказка о детях, играючи творящих добро. Разговоры о «тимуровском движении», якобы охватившем всю страну, не более чем пропаганда. Спонтанное возникновение таких отрядов по многим причинам было маловероятным. А там, где в процесс вмешивались взрослые, начиналась обычная бюрократическая показуха.

Гайдар это понимал и сам.

«Комендант снежной крепости». Осенью 1940 года в поселке Старая Руза Гайдар дарит свою книгу еще никому не известной девочке — Зое Космодемьянской. Надпись на титульном листе: «Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной»¹²⁹.

Большой успех кинофильма «Тимур и его команда» побудил студию «Союздетфильм» предложить Аркадию Гайдару продолжить работу над полюболюбившимся ребятам образом. В сентябре 1940 года он начинает писать

¹²⁹ <http://www.molodguard.ru/heroes123.htm>

сценарий «Комендант снежной крепости». В январе 1941 года киноповесть «Комендант снежной крепости» была опубликована в журнале «Пионер».

Мальчишки во главе с Тимуром построили снежную крепость. Другие мальчишки, «дикая дивизия», собираются ее разрушить.

Городские сцены перемежаются с фронтовыми — идет Финская война.

Об идее новой повести Гайдар говорил так: «В киноповести опять мальчишеская игра, но строго и четко формулируются в этой игре такие понятия, как «честь», «долг», «дисциплина», «боевое товарищество». Очень важна и проходящая через все произведение мысль, что легких дорог к светлому будущему нет»¹³⁰.

На войне, как на войне. И не только в снегах Финляндии. По ночам охрану снежного города несут те, кому удалось сбежать из дома. Тимур проверяет посты.

А вождь нападающей «дикой дивизии» — Саша — с воспалением легких участвует в сражении. Узнав об этом, Тимур приказывает сдать город.

Саше он объясняет это так:

«— Ты сын командира, и ты своих жалеть должен.

Саша смущенно молчит. Тимур неожиданно рассмеялся. Сейчас у него очень простое, веселое лицо.

— Пойми, пусть это позже... Но когда-нибудь воевать-то будем рядом».

Деление на «своих» и «чужих» стало навязчивой идеей писателя. Эту идею вдалбливала советская пропаганда всем, но Гайдар оказался одним из лучших учеников.

«Когда-нибудь о нас скажут, — говорил он: «жили на свете такие люди, которые из хитрости прикинулись детскими писателями, а на самом деле — готовили краснорозетную Гвардию»»¹³¹.

Идет война, а одна из героинь повести рисует картину. «На картине нарисованы люди разных возрастов и национальностей. С плодами и цветами в руках они выходят по тропкам на широкую дорогу, которая ведет к освещенным солнцем горным вершинам». (Мне кажется, что нечто подобное я видел на одном из панно довоенного московского метро).

«— Это называется “Дорога к коммунизму”? — спрашивает (*краском.* — *В.Р.*) Максимов. Нина молча кивает головой и настороженно слушает, что скажет он дальше...

— Тебе не нравится? Ну конечно, тебе бы впереди этих людей пустить разведку... Это же... аллегория, фантазия...

¹³⁰ <http://lib.ru/GOLIKOW/komskrep.txt> (См. примечания. — *В.Р.*)

¹³¹ <http://www.razumny.ru/gaidar.htm>

Максимов, улыбаясь, показывает на свои артиллерийские петлицы:

— Не знаю. Очевидно, моя артиллерия твою аллегорию не понимает... Это беспечные люди возвращаются с пикника домой... Девочка, не сердись... но таких дорог к коммунизму не бывает».

Финны якобы обстреляли советские позиции. Зачем нужно было маленькой Финляндии нападать на Советский Союз? Обладатели навязчивых идей этого не видели. Как не видели они и пакта Молотова—Риббентропа, оккупации Восточной Польши и Прибалтики.

Гражданская война, коллективизация, массовые репрессии... Что такое коммунизм, ради которого страдают люди?

Надо сказать, что косвенные рассуждения на эту тему Гайдар вложил в уста простоватого шофера Коли-красноармейца:

«— Когда я вступал в партию, меня один человек спрашивает: “Чего тебе впереди надо?” Я отвечаю: “Чего всем людям: счастья...” Он говорит: “Про это в программе не написано. Наша цель — социализм и далее коммунизм в развернутом виде. А счастье — понятие неопределенное и ненаучное...”

“— Нет, — говорю я, — для отдельного типа действительно так. Кто его угадает, что ему в жизни надо? Одному — жена, другому — изба, третий на рояле играть любит... Но чего всем людям вместе надо, это и научно определить возможно”».

Старший товарищ, более политически подкованный, знает, что о счастье в программе ничего нет и быть не может. А наивный Коля знает, что отдельным «типам» нужно нечто осязаемое, чему строительство всеобщего счастья может и помешать.

Естественно, что дальше рассуждать на эту тему Коля не мог. Научно, так научно!

«Клятва Тимура». Это, пожалуй, самая неоднозначная часть гайдаровского наследства.

«На второй день после начала Великой Отечественной войны Аркадий Гайдар приступил к работе над сценарием “Клятва Тимура”. Это было срочное задание Комитета по делам кинематографии...

19 июля 1941 года газета “Пионерская правда” начала печатать “Клятву Тимура”. Через день Аркадий Гайдар уехал на фронт»¹³².

Неоднозначность повести состоит в том, что ее герои предстают перед читателями деромантизированными. Во всех остальных произведениях романтические «свои» противостоят романтическим

¹³² <http://lib.ru/GOLIKOW/ktimura.txt> (См. примечания. — В.Р.)

же злодеям — «чужим». И те, и другие рисуются Гайдаром в стиле, скажем, Стивенсона.

Действие в «Клятве Тимура» начинается почти как в «Бане» Маяковского (1929 г.).

На столе телефон. Над столом на картонке надпись «Начальник штаба». На стенах — «Сорить воспрещается», «Не болтайся без дела». Над сигнальным колесом: «Без приказа начальника общий сигнал подавать запрещено». Портреты Тимура. На обложке книжки «Тимур и его команда», на групповом киноплакате одноименного фильма, в районной газете. В газете под портретом Тимура обязательство пионеров — помочь колхозу в прополке овощей. Обязательство, которое он ни с кем не согласовывал.

Со всей страны Тимуру приходят восхищенные письма.

Это уже портрет Победоносикова из комедии Маяковского. Это портрет, страшно сказать, вождя и учителя. Не хватает только усов и под ними — знаменитой трубки.

«По дачной улице с портфелем идет Тимур. За ним с прохладцей, вразвалочку идут Артем и Юрка (*сопровожающие*. — В.Р.)».

Следующая глава озаглавлена — «Бунт». Женя бросает в лицо Тимуру: «Ты не видишь, что над тобой смеются... Начальник! Кабинет!.. Телефон! «Не курите... Не сорите...». Ты загонял всех ребят своими приказами, а сам сидишь и любишь своими портретами!»

Совсем как товарищ Победоносиков из «Бани»: «Но что можно сделать с этим проклятым товарищем Победоносиковым? Он просто плющит каждого своими заслугами и стажем. Ты знаешь его биографию? На вопрос: “Что делал до 17 года?” — в анкетах ставил: “Был в партии”. В какой — неизвестно, и неизвестно, что у него “бе” или “ме” в скобках стояло, а может, и ни бе, ни ме не было. Потом он утек из тюрьмы, засыпав страже табаком глаза. А сейчас, через двадцать пять лет, само время засыпало ему глаза табаком мелочей и минут, глаза его слезятся от довольства и благодушия. Что можно увидеть такими глазами? Социализм? Нет, только чернильницу да пресс-папье».

То, что Маяковский разглядел в 1929 г., Гайдар понял только в 41-м. Впрочем, кое-что он, возможно, начал понимать и раньше.

В 1938 г. Гайдар пишет повесть «**Судьба барабанщика**». Сергей, герой повести, остается один. Отец арестован, мачеха уехала с новым мужем.

По первоначальному замыслу, отец Сергея был арестован по ложному доносу, в повести его арестуют за растрату¹³³.

¹³³ <http://lib.rin.ru/doc/i/48925p22.html> (См. примечания. — В.Р.)

(К этому времени уже были арестованы многие из друзей Гайдара, в том числе и его бывшая жена Лия, мать Тимура Гайдара. Гайдар несколько раз звонил Ежову без всякого результата)¹³⁴.

В квартире мальчишки появляются двое мужчин. Один из них, «низкорослый толстый человек в сером костюме и желтых ботинках», представится дядей Сергея (он окажется шпионом, да и выглядит, как буржуй).

«Рядом с безымянным дядей в повести появился псевдогероический старик Яков, впоследствии оказавшийся настоящим бандитом. Лицо его было покарябано оспой, а опущенные кончики толстых губ делали лицо его унылым и даже плаксивым.

Он был одет в зеленую диагональную гимнастерку, на которой поблескивал орден Трудового Красного Знамени.

Вся страна знала и о том, что Сталин в 1930 году награжден орденом Трудового Красного Знамени (почти все остальные награды он принял позднее), и о его манере одеваться в полувоенном стиле... Дядя «барабанщика» с момента появления старика Якова в повести буквально осыпает его нелепыми по помпезности словословиями: “Политкаторжанин. Много в жизни пострадал. Но, как видишь, орел!.. Коршун!.. Экие глаза! Экие острые, пронизательные глаза! Огонь! Фонари! Прожекторы...”

И далее Гайдар безжалостно пародирует звонкий героико-революционный стиль, которым принято было рассказывать о подвигах старых большевиков, в небылицах о героической борьбе старика Якова “на благо народа, страждущего под мрачным игом проклятого царизма...”. При этом писатель не щадит и себя, вновь вводя элемент самопародии: “Наши дела, наши поступки принадлежат часто истории и должны, так сказать, вдохновлять нашу счастливую, но, увы, беспечную молодежь”. Пародийный, неприятный, даже уродливый старик Яков получает едва ли не на каждой странице от “дяди” те самые гротескные, неумеренные восхваления, которых так и не дождался от писателя Гайдара другой рябой старик»¹³⁵.

Вернемся, однако, к «Клятве Тимура». Все было прекрасно, пока в детскую игру не вмешались взрослые. Столкновение с внешним миром оказалось фатальным. Сказка кончилась. Дети рассорились и разошлись.

¹³⁴ http://www.pseudology.org/Gaydar/Gaydar_Arkady.htm

¹³⁵ Сергей Цыркун: Код Гайдара: Автопортрет в багровых тонах // Искусство кино, 2007, № 1. <http://kinoart.ru/2007/n1-article8.html#1>

И только начавшаяся война объединяет всех снова. В том числе и хулигана Фигуру, который только что собирался бить Тимура (Квакин уже с начала повести – тимуровец).

«По воспоминаниям дочери писателя Евгении, известие о начале войны с фашистской Германией он воспринял, конечно, не с радостью, но с каким-то облегчением»¹³⁶.

26 октября 1941 г. Аркадий Гайдар погиб в бою с оккупантами.

Перечитывая биографию Гайдара, я вспомнил повесть А.К. Толстого «времен Иоанна Грозного» – «Князь Серебряный».

Летом 1565 г., молодой боярин князь Никита Романович Серебряный возвратился в Россию из Литвы, где он находился пять лет с дипломатическим поручением.

Прибыв на родину, князь встречает какую-то банду, сжигающую деревни, грабящую и убивающую людей. От местных жителей он узнает, что эти разбойники – опричники, подручные царя Ивана.

Повесть довольно длинная. Что же касается князя, то он не может принять ни новых порядков, ни выступить на борьбу с ними. Против царя Ивана он бессилен не только физически, но и морально. Иван – царь любимой Серебряным страны. Но выход все-таки находится. Нападают татары, и князь с честью погибает в бою.

Не случайно «великий вождь» так любил Ивана Грозного.

26.06.2009

¹³⁶ Там же. <http://kinoart.ru/2007/n1-article8.html#5>

5. ВЗГЛЯД И НЕЧТО

Собака в фольклоре и истории (автореферат диссертации на соискание очень ученой степени)

Собака в русском фольклоре занимает особое место, причем устойчивые словосочетания, связанные с собакой, до сих пор почти не поддавались объяснению. Ниже мы попытаемся проанализировать этот богатейший материал.

Очевидно, что собака в глубокой древности была культовым животным. Тот, кто «съел собаку», становился причастным к некоему сакральному таинству. Об этом же свидетельствует выражение «насобачился». Ритуальное убийство собаки служителем культа упоминается в известном памятнике — «У попа была собака».

Поскольку христианам была непонятна языческая мотивация события, в памятнике появился эпизод похищения собакой мяса, однако обряд захоронения собаки («убил и закопал»), торжественность этого обряда («и надпись написал») говорит о несомненно сакральном значении убийства. Хорошо известно, что в те далекие времена письменность использовалась исключительно в культовых целях, а грамотность была достоянием только жреческой верхушки, поэтому знать, «где собака зарыта» (очевидно, не вся собака, а остатки от обрядовой трапезы), могли опять-таки только посвященные.

Ритуальное убийство собак, естественно, предполагало охрану их во всех остальных случаях, «вешать всех собак» на кого-либо означало обвинять человека в самых тяжелых преступлениях, взваливать на него вину за всех погибших и пропавших собак. Поэтому и велико было число «собак нерезанных» в древности. Желая добра, человека отдавали под покровительство сверхъестественных сил — «пес с тобой». Собачьему

лаю придавалось такое же значение, как и стихийным явлениям: «собака лает — ветер носит».

Культ собаки, очевидно, не был на Руси автохтонным. Вероятнее всего, он пришел с Запада: «немец-перец-колбаса съел собаку без хвоста». Но, судя по всему, не Германия была родиной этого культа и слово «немец» здесь следует понимать в расширенном смысле — иностранец вообще.

Культ собаки следует отнести к территории Галлии («собака на Сене»). По свидетельству Маяковского, известно, что даже в XIX веке представители старинного французского дворянства возводили к собаке свои родословные («сукин сын Дантес»).

Несомненно, что в Галлию культ собаки попал из Рима, возможно, вместе с легионами Цезаря (см. его «Записки о галльской войне»).

Отсюда множество латинизмов, связанных, с одной стороны, с собакой, а с другой — с культом. «Доминиканцы» — господни псы, «канцелярия» (канцелярия) — собачья клетка, место, где содержалась собака и где принимались наиболее важные решения (лат. «*canis*» — собака; «*cellula*» — клетка). Безусловно, с культом собаки связано происхождение танца «канкан».

В Древнем Риме собака, как известно, была священным животным Дианы — богини Луны, о чем свидетельствует устойчивая связь собаки с луной, рудименты которой проявились на иной, далекой от Рима, славянской почве: «выть, как собака на луну», «Давай с тобой полаем при луне / На тихую, бесшумную погоду».

Однако на Руси культ собаки был значительно расширен. Несомненно, основанными на фольклоре являются бессмертные строки Маяковского — «...даже если пара луж, в лужах сотня солнц ярится¹³⁷ (!). Это же не собачья глушь, а собачкина столица». Не случайно выбранный поэтом глагол «ярится» снова переносит нас в седую древность, связывая собачью столицу с древнеславянским культом Ярилы-солнца.

Кроме космического значения, культ собаки приобрел у славян также и тантрический оттенок. «Любит, как собака палку» — известно, что палка у всех народов является центральным фаллическим символом (ср. «бросить палку»).

¹³⁷ Автор цитирует Маяковского, очевидно, по памяти (учтем условия написания — Владимирская тюрьма) — у Маяковского глагол «юлится». (Прим. ред.)

Крещение Руси не уничтожило окончательно культа собаки. Ни разгул церковного мракобесия, ни переселения народов, ни войны и прочие катаклизмы (см. у Блока «пес голодный позади») не могли вытравить из народного сознания образ этого благородного животного.

В народных песнях и пословицах, в народных играх, восходящих ко временам язычества (см. у Пушкина: «Вот бегают дворовый мальчик, / В салазки жучку посадив, / Себя в коня преобразив...»), народ пронес через века свою веру в таинственную силу собаки.

Собачий жир на Руси был эквивалентом «всеобщей панацеи» западных алхимиков. (И сейчас еще, в отдаленных от современной цивилизации местах поют: «репшнур — веревочка, репшнур — веревочка, веревки в узлы вяжутся, а альпинисточки по скалам шляются, собачьим жиром мажутся»).

Вера во всемогущество собаки была настолько крепка, что государство во время серьезных потрясений вынуждено было брать ее на вооружение. Вспомним «собачьи головы» у опричников Иоанна IV, опричников, которых Олеарий называл не иначе как *Kanis Gloria Bona* (добрые, славные собачки). Интересно, что производная отсюда аббревиатура сохранилась и позднее. Непреклонность опричников, их верность традициям зафиксированы народом в пословице «черного кобеля не отмоешь добела». Судя по всему, собачья голова играла большую роль в символике народа и до XV века. Еще Марко Поло сообщает о живущих на востоке людях с собачьими головами. Наоборот, жители Ханьской империи сравнительно недавно называли этим именем («гоу-хоу») своих западных соседей. Комплексные исследования источников позволяют сравнительно узко локализовать район распространения этого символа.

Спорадическое обращение к культу собаки, однако, не исключало, как уже было сказано, гонений на этот культ со стороны церковников. Дискредитируя обряды, связанные с жертвоприношениями собаки, церковная пропаганда ввела в оборот выражения типа «псу под хвост», «собачья радость» (наиболее дешевый и наименее питательный сорт колбасы, который, конечно, не мог обрадовать собаку, являвшуюся объектом культа). Однозначное значение приобрели выражения: «выкобениваться», «тварь пушистая», «собачий характер» и т.п. Наконец, как было уже сказано, церковники обвинили некую собаку в краже мяса. Весь фольклорный материал, связанный с собакой, отныне стал именоваться «чушью собачьей».

Прошли годы. Давно кануло в Лету всеилие церкви. В наши дни уважение к собаке, освобожденное от мистического налета язычества, является уже непреложным фактом. Посмертно реабилитирована собака, оклеветанная попом. Большими тиражами выпускается литература, посвященная собакам (убедительно доказано, что очерк «Муму» посвящен собаке, а не проблеме повышения удоев). Значительно поднялась цена на вышеупомянутую колбасу, выпускаются новые сорта сигарет: «Друг», «Делегатские», «Лайка». В городе Колтуши по проекту архитектора Эль Регистана будет установлен памятник собаке «Джультбарс» (см. БСЭ, ст. «Монументальная пропаганда»); наконец, собаки Лайка, Белка и Стрелка вышли в космос, развеяв своим лаем злобные измышления наших недругов.

Литература, не указанная в основном тексте

1. Палтонов С. Амхарский эквивалент глагола «ссучиться». ИАН, 1878, № 13.
2. Пельше А.Я. Динамика поголовья собак в Прибалтике. Рига, 1965.
3. Труды кинологического института им. Малюты Скуратова. М., 1937.
4. Фиг. Н.Я. Сравнительная этимология топонимов «Канев» и «Канин нос». Київ, 1956.
5. Vollkatalog Hundesnamen (полный каталог собачьих имен). Berlin: Verlag «Stasi», 1947.

Примечание. «Гоу-хоу» — собачьи головы. Так во время культурной революции хунвейбины называли своих противников, в том числе и граждан СССР.

Этот текст я открыто вывез из тюрьмы. Что означает слово «аббревиатура», цензор, очевидно, не понял.

Владимирская тюрьма. Сентябрь 1969 г.

Перевод с древнегреческого

Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына.

Был приглашен Ахиллес знатною дамой к себе.

Меч позабыв, взяв цветы, поступь свою он направил

К вилле ее, где его сладкая встреча ждала.

Где ему знать, что не все в этом мире Эроту подвластно.

*Где ему знать, как политики хитрые воду мутят.
В воду его окунул, оказавшийся дома, муж этой дамы.
Затем, мокрый до нитки, он страже попался дозорной.
Прав оказался Оракул Дельфийский, изрекший однажды прилюдно:
«Ахилл, ты не прав, попытавшись
Правой рукою дотронуться власти публичной,
Левой же — персей чужих».*

*Вот и мораль этой притчи:
«И у Ахиллеса можно пята уязвимую выискать,
Коль хорошо постараться».*

Эту оду я сочинил в честь Ельцина Б.Н. Он только что был снят с поста первого секретаря московского горкома КПСС. Появившись в районе правительственных дач с букетом цветов, он каким-то образом оказался в канале, откуда его, мокрого, вытащила милиция. Эпизод широко освещался СМИ. Было подозрение, что это — провокация против политика, который стремительно набирал популярность. Я предложил свою версию случившегося.

Луга, сентябрь 1989 г.

Биография О. Бендера (До «12 стульев» и после «Золотого теленка»)

Это не литературоведческое исследование. Скорее всего, это литературное «каприччио», фантазии на тему популярной дилогии.

Однако фантазии эти опираются как на текст Ильфа и Петрова, так и на некоторые исторические факты. (Ссылки на тексты романов даются по пятитомному изданию: Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений в 5 т. М., 1961).

Роман «Двенадцать стульев» написан в 1927 г. «Золотой теленок» начат летом 1929 г., закончен осенью 1930 г.

Действие первого романа начинается в пятницу 15 апреля 1927 г. В этот день умирает теща Воробьянинова, рассказав ему о спрятанных драгоценностях, и тот уезжает на свое прежнее место жительства — в Старгород. Там на сцене появляется главный герой романа «молодой человек лет двадцати восьми» — Остап Бендер (Т. 1, с. 29) (*Здесь и далее выделено мной. — В.Р.*). В конце этого произведения описывается крымское

землетрясение (действительно случившееся 11–12 сентября 1927 г.), и в последних числах октября наступает развязка — Ипполит Матвеевич пытается убить Остапа Бендера и узнает, что драгоценности уже найдены и употреблены на строительство нового клуба.

История строительства нового клуба весьма примечательна: «Бриллианты превратились в сплошные фасадные стекла и железобетонные перекрытия, прохладные гимнастические залы были сделаны из жемчуга. Алмазная диадема превратилась в театральный зал с вертящейся сценой, рубиновые подвески разрослись в целые люстры, золотые змеиные браслетки с изумрудами обернулись прекрасной библиотекой, а фермуар перевоплотился в детские ясли, планерную мастерскую, шахматный кабинет и бильярдную». «Так вот оно где, сокровище мадам Петуховой! Вот оно! Все тут!» (Т. 1., с. 381).

Стул попадает на товарный двор Октябрьского вокзала примерно через неделю после Первой (Т. 1, с. 127), а Ипполит Матвеевич попадает туда же в конце октября (Т. 1, с. 327).

За эти неполные шесть месяцев были утрясены финансовые вопросы (советское законодательство считало любой клад собственностью государства, и нашедший его вознаграждался малой долей его стоимости), был создан проект, изысканы («выбиты») материалы и построено здание. Очевидно, что вся эта фантазмагория Ипполиту Матвеевичу просто придалась.

Что касается бриллиантов, то к ним в свое время вернемся.

Второй роман начинается летом — «Дело А.И. Корейко» начато 25 июня 1930 г. (Т. 2, с. 168) и кончается поздней осенью (Остап пытается перейти пограничный Днестр по льду, но лед еще не твердый). Действие в романах протекает синхронно с их написанием.

В конце «Золотого тельника» Бендер произносит: **«Мне тридцать три года — возраст Иисуса Христа»** (Т. 2, с. 376). Итак, можно предположить, что Остап родился где-то между 1897 и 1899 годами и являлся ровесником И. Ильфа, который родился в конце 1897 г.).

Что мы знаем из текста романов о главном герое?

Отец Бендера «был турецкоподданным и умер, не оставив сыну... ни малейшего наследства. Мать... была графиней и жила нетрудовыми доходами» (Т. 1, с. 331).

Существуют разные точки зрения на то, почему Бендер «оказался» сыном турецкоподданного. Перечислять их не буду.

Добавлю еще одну.

Прототипом папаши О. Бендера, на мой взгляд, был Александр Парвус (Гельфанд), тот самый Парвус, который был главной фигурой в передаче денег Германского генштаба Ленину в 1917 г.

Откуда Ильф и Петров могли о нем знать?

Ну, во-первых, уже в 1917 г. антибольшевистская пресса об этом много писала. Во-вторых, в 1924 г., когда Парвус умер, в газете «Правда» был опубликован некролог, подписанный Радеком. В нем говорилось, что «Парвус бежал от вырождающейся германской социал-демократии в **Константинополь** (*Стамбул. — В.Р.*), где... вошел во всякие отношения с русскими, армянскими дельцами в Константинополе, которым служил советом, зарабатывая на этом крупные деньги... Имея всегда тягу к широкой жизни, он начал теперь жить широко, разбрасывая деньги направо и налево». С 1910 по 1915 гг. Парвус фактически был «турецкоподданным».

Во-вторых, в том же 1924 г. был опубликован очерк М. Горького «В.И. Ленин», где говорилось и о Парвусе.

«К немецкой партии у меня было “шекотливое” дело: видный ее член, впоследствии весьма известный Парвус, имел от «Знания» доверенность на сбор гонорара с театров за пьесу “На дне”. Он получил эту доверенность в 1902 году в Севастополе, на вокзале, приехав туда нелегально. Собранные им деньги распределялись так: 20% со всей суммы получал он, остальное делилось так: четверть — мне, три четверти в кассу с.-д. партии. Парвус это условие, конечно, знал, и оно даже восхищало его. За четыре года пьеса обошла все театры Германии, в одном только Берлине была поставлена свыше 500 раз, у Парвуса собралось, кажется, 100 тысяч марок. Но вместо денег он прислал в “Знание”... письмо, в котором добродушно сообщил, что все эти деньги он потратил на путешествие с одной барышней по Италии. Так как это, наверно, очень приятное путешествие лично меня касалось только на четверть, то я счел себя вправе указать ЦК немецкой партии на остальные три четверти его... Позднее я слышал, что Парвуса лишили каких-то партийных чинов, — говоря по совести, **я предпочел бы, чтоб ему надрали уши**. Еще позднее мне в Париже показали весьма красивую девицу или даму, сообщив, что это с ней путешествовал Парвус. “Дорогая моя, — подумалось мне, — дорогая“» (Горький М. Собр. соч. в 18 т. М., 1962. Т. 18, с. 256).

Не так ли растратил общие деньги И.М. Воробьянинов, увлекшийся Лизой, за что с полного одобрения Остапа он был побит ее мужем (Т. 1, с. 210). Однако такое сопоставление ничего нам не говорит — на свете не так мало бабников.

В-третьих, с одним из его сыновей авторы могли быть знакомы.

Парвус дважды женился, от этих браков он имел двух сыновей. Обоих жен с сыновьями Парвус бросает без средств к существованию.

Один из них — Евгений Гнедин, рос без отца. После появления Евгения на свет мать рассталась с мужем и поселилась в Одессе, где и прошли ранние годы сына. Склонный к романтическому восприятию сущего, он не слишком разбирался в хитросплетениях сиюминутных обстоятельств и связывал свои надежды с революционным преобразованием России, которой всей душой желал светлой жизни. В 1919 г. он партизанил, в 1920 г. жил в Одессе, потом переехал в Москву. Работал в Наркомате иностранных дел.

В 1939 г. Гнедин был арестован, подвергнут пыткам (см.: Гнедин Е.А. Выход из лабиринта. Евгений Александрович Гнедин и о нем. Мемуары, дневники, письма. М., 1994, с. 20—30). Во время написания дилогии дальнейшую его судьбу нельзя было увидеть и в страшном сне.

Лео Гельфанд (сын Парвуса от другого брака) был руководителем советского посольства в Риме. В 1940 г. он получил приказ вернуться в Москву, но уехал вместе с семьей в США, где разбогател. Этот факт мог стать одним из эпизодов авантюрного романа, но И. Ильф до него не дожил.

Кроме этих двух сыновей, у Парвуса было множество детей от его бесчисленных любовниц. В 2000 г. было опубликовано сообщение еще о двух сыновьях, один из которых (Александр) оказался в Кейптауне, а второй (Ганс) в США. Ганс воевал с фашистами и был награжден орденом¹³⁸.

Ильф и (или) Петров могли быть знакомы с Е. Гнединым, возможно, еще по Одессе. Могли познакомиться и в Москве через общих знакомых — одесситов.

Был момент, когда О. Бендер решил было расстаться с полученным миллионом. Он пришел на почтамт, там «...по его просьбе чемодан зашили в рогожку... Остап... написал: “ЦЕННАЯ Народному комиссару финансов. Москва.” и сдал посылку в приемное окно» (Т. 2, с. 373).

«Когда Парвус умрет, Гнедин попросит командировку в Германию, после судебной волокиты получит солидное наследство и целиком, до последнего пфеннига, передаст советскому государству» (В. Кардин. До и после катастрофы // Лехаим, 2004, март). Такое совпадение юмористического текста с реальностью встречается гораздо реже.

¹³⁸ Здесь у автора ссылка: «А. Давидсон. «Эхо планеты», № 43», уточнить которую не удалось. (Прим. ред.)

Бендер, правда, очень скоро исправил свою оплошность. Чемодан с миллионом снова был у него в руках.

Образ О. Бендера оказался столь обаятельным, что это отмечали и друзья писателей, и их враги. Это произошло потому, что, создавая его, авторы пародировали некоторые черты вполне симпатичных людей.

Что же мы знаем об Остапе Бендере, кроме того, что непосредственно связано с фабулой романов?

Остап, очевидно, тоже кончил гимназию. Авторы упоминают о латинских исключениях, выученных «...Остапом в третьем классе частной гимназии Илиади...» (Т. 2, с. 200). Сохранились в его памяти и остатки немецкого языка. Бендер знает, что в пятом классе «...до физики Краевича... не дошли» (Т. 2, с. 156). Ему известно, что «...фанера... лучший проводник звука» (Т. 1, с. 162).

Остап то и дело поминает великих людей и литературных героев: Спиноза, Марк Аврелий — всего около двадцати имен исторических деятелей и литературных героев.

В свои 19–20 лет он, вероятнее всего, играл на любительской сцене. «О, моя молодость! О, запах кулис! Сколько воспоминаний! Сколько интриг! Сколько таланту я показал в свое время в роли Гамлета!» (Т. 1, с. 281). Очевидно, это был молодой человек из интеллигентной семьи.

Молодость, однако, кончилась быстро.

Потом Остап очутился в Миргороде — «...было это зимой... в один из веселеньких промежутков между Махно и Тютюником в девятнадцатом году» (Т. 1, с. 244). (Аллюзия на участие Гнедина в партизанском движении?).

Может быть, в это время, как и Гнедин, будущий командор тоже был склонен к «романтическому восприятию... не слишком разбирался в хитросплетениях сиюминутных обстоятельств и связывал надежды с революционным преобразованием России...»?

Но Остап вовремя сообразил, что у него «с советской властью возникли за последний год серьезнейшие разногласия».

«Мне скучно строить социализм. Что я, каменщик в фартуке белом...» — говорит Остап.

Последняя фраза Остапа в советских изданиях, начиная со второго, систематически изымалась. Она отсылала более или менее образованного читателя к стихотворению Брюсова:

*Каменщик, каменщик в фартуке белом,
Что ты здесь строишь? Кому?
— Эй, не мешай нам. Мы заняты делом,
Строим мы, строим тюрьму...*

Намек цензурой был понят. (См.: Лурье Я.С. В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове. СПб., 2005, с. 90).

Очевидно, Бендер понял, что именно строят в России, несколько раньше, чем законные дети Парвуса — если, как я предполагаю, в 1919 г. он еще пробовал бороться за советскую власть, то в 1922 г. он уже не желал с ней сотрудничать и как мелкий уголовник находился в Таганской тюрьме (т. 1, с. 284). И с той поры научился уважать уголовный кодекс.

В отличие от Гнедина, он не прошел пыток и не ожидал «высшей меры».

Стоя на днестровском льду, Бендер решил попрощаться, со страной, которая на его глазах превращалась в тюрьму. «Ну что ж, адье, великая страна. **Я не люблю быть первым учеником и получать отметки за внимание, прилежание и поведение.** Я частное лицо... Меня как-то мало интересует проблема социалистической переделки человека в ангела и вкладчика сберкасс» (Т. 2, с. 383).

Через много лет драматург Е. Шварц в своей пьесе-сказке «Дракон» (1943 г.) вспомнит эту фразу. Генрих, сын бургомистра, прислуживавшего Дракону, будет оправдываться: «Но позвольте! Если глубоко рассмотреть, то я лично ни в чем не виноват. Меня так учили». Ланцелот, освободивший от Дракона горожан, ответит ему: «Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником, скотина такая?»

Дракон у Шварца есть символ тоталитарной системы, а бургомистр и его сын, конкретные ее представители — шестеренки тоталитарной машины, надсмотрщики в той самой тюрьме, которую отказывался строить О. Бендер.

Вернемся, однако, к «Золотому теленку».

Бендера ограбили румынские пограничники, и ему пришлось возвращаться на советский берег.

Не только «правоверные» критики, но и Я.С. Лурье, законно противопоставивший независимого авантюриста Бендера всевластию бюрократии, считал, что «роман кончается поражением Остапа, его капитуляцией». (См.: Лурье Я.С. Указ соч., с. 93). Рассматривая вопрос

о том, «кто же подлинный командор великолепной машины, «настоящей жизни», за бортом которой оставались Остап Бендер и его компаньоны...», Лурье пишет: «Настоящее «ветчинное рыло» опиралось не на деньги, а на карьеру, оставаясь при этом почти неуязвимым и занимая почетное место в государственной командорской машине» (Там же, с. 144–145).

«План третьего романа, задуманного Ильфом и Петровым еще в 1932 г. и начатого в 1933 г., **явно не был связан с Остапом**. Сюжет романа, для которого было придумано название “Подлец”, лапидарно изложен Е. Петровым в неоконченной книге “Мой друг Ильф”: “Человек, который в капиталистическом мире был бы банкиром, делает карьеру в советских условиях”» (Лурье Я.С. Указ. соч., с. 142–143). «...Эта основная тема так и не написанного романа «Подлец» имела глубокий социальный смысл. К 1930-м гг. фигура карьериста, представителя бюрократической системы... становится главным объектом сатиры Ильфа и Петрова» (Там же, с. 227).

«Как теперь нам писать? — сказал мне Ильф во время последнего пребывания в Париже (1933 г. — В.Р.). — “Великие комбинаторы” изъаты из обращения. В газетных фельетонах можно показывать самодуров-бюрократов, воров, подлецов. Если есть фамилия и адрес — это “уродливое явление”. А напишешь рассказ, сразу загалдят: “Обобщаете, нетипическое явление, клевета...”» (Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т. 2. М., 1990, с. 13).

Замысел «Подлеца» относится, по-видимому, к середине 1932 года. 20 июня Ильф и Петров подписывают с художественным руководителем Красного театра Госнардома (Ленинград) В.Е. Вольфом договор на пьесу (комедию) под условным названием «Подлец», которую обещают закончить не позже 15 апреля 1933 года. Начиная с осени 1932-го и на протяжении большей части 1933 года журнал «30 дней» анонсирует роман «Подлец», но в печати роман так и не появился. В декабре 1933-го (то есть спустя полтора года после возникновения замысла) авторы все еще не расстались с мыслью о романе (Петров Е. Мой друг Ильф. Гл. 21 // Вопросы литературы, 2001, № 1).

В «Независимой газете» (26.02.2006) была помещена статья «Жизнь рядом с Бендером», в которой сообщалось, что «авторы, планировавшие третью книгу под рабочим названием «Подлец», Ильф и Петров отправляли Бендера на Соловки на трудовое перевоспитание, чтобы сделать из него настоящего строителя социализма. Этот сценарий им предложили

тогдашние партийные идеологи. Однако авторы усмотрели в этом откровенную фальшь и отказались от такого сюжета» (*). «Независимая газета» не приводит ссылки на источник, а сама по себе особого доверия у меня не вызывает.

Может быть, что герою «Подлеца» авторы хотели дать другое имя.

Но откуда нам известно, что в тексте дилогии он фигурирует под собственным именем? В первом романе Остап вынимает из кармана профсоюзную книжку на имя Конрада Карловича Михельсона и передает ее Ипполиту Матвеевичу (т. 1, с. 105). До введения в 1932 г. паспортной системы профсоюзная книжка являлась в городах наиболее распространенным удостоверением личности. Нет ничего невозможного в том, что Великий комбинатор в такой же степени — Бендер, как и Воробьянинов — Михельсон.

Сделаем, однако, некоторое отступление.

На протяжении всей российской истории, за исключением короткого правления Керенского, а также при Ельцине, никакая критика «Первого лица» была невозможна.

Первоначально его («Первого лица») символическим «заместителем» стал некий градоначальник.

Он явился главным объектом сатиры в гоголевском «Ревизоре». Существует предание, что, посмотрев эту комедию, император Николай I сказал: «Всем досталось, а мне больше всех». Даже если это его высказывание и не соответствует действительности, само существование такой легенды указывает на определенное понимание гоголевской комедии широкими слоями публики.

Оттуда же и щедринские градоначальники из «Истории одного города» и «Города Градова» (Платонов А.П. 1928).

Когда советский секретарь горкома становится номенклатурой ЦК, символом власти оказывается управдом. Такая «конспиративная» символика устраивала и власть, пожалуй, даже в большей мере, чем сатириков. Поскольку реальная жизнь отнюдь не соответствовала политическим декларациям, проще всего было свалить вину за такое несоответствие на нижнее звено.

«Должность управдома — серьезнейшая, государственная должность. Она труднее, нежели должность директора пищевого треста.

Мало того, что управдом должен быть человек башковитый, он должен быть философом, психологом, проницателем. Каждого

своего квартиранта управдом вот как должен знать!» Это из рассказа М. Зощенко «Веселая масленица», написанного в 1923 г.

Добавим, что в задачу управдомов входило и взаимодействие, говоря современным языком, с силовыми структурами – милицией и НКВД.

Таковыми же «проницателями» были и булгаковские управдомы Швондер («Собачье сердце», 1925 г.) и Иван Васильевич Бунша, заброшенный машиной времени в XVI век и там принятый за царя Ивана Грозного («Иван Васильевич меняет профессию», 1935 г.).

Вспомним последнюю декларацию Остапа Бендера: «Графа Монте-Кристо из меня не вышло. **Придется переквалифицироваться в управдомы.**».

Попробую представить себе дальнейшее развитие событий в третьем романе И. Ильфа и Е. Петрова.

В 1927 г., еще до того, как Бендер появился на страницах «Двенадцати стульев», судьба забросила его в Курск. Там в землеустроительно-мелиоративном техникуме он раздобыл диплом об окончании этого учебного заведения и трудовую книжку землеустроителя, выписанные на имя некоего Леонида Б*. В том же техникуме Остап прихватил и астрoliaию, которую он, очутившись в Старгороде, продал за три рубля (Т. 1, с. 56)...

Все эти бумажки «с круглыми сиреневыми печатями» он хранил в акушерском саквояже вместе с четырьмя колодами карт с одинаковыми рубашками, фуражкой с гербом города Киева и многими другими столь же полезными вещами (Т. 2, с. 71).

Отправляясь в Румынию, Бендер оставил свой саквояж у Козлеви́ча. Предназначался он для Шуры Балаганова, когда тот выйдет из тюрьмы. Оказалось, что самому Бендеру все это потребовалось раньше.

После того, как Воробьянинов полоснул его бритвой по горлу, в 1928 г. Остап попадает на Урал, где некоторое время работает землеустроителем и женится. Однако мысль о богатстве не дает ему покоя, и он, оставив беременную жену, отправляется в Арбат, где представляется сыном не Парвуса, а лейтенанта Шмидта. Далее начинается сюжет «Золотого тельнка».

После стычки с румынскими пограничниками «на советский берег вышел странный человек без шапки и в одном сапоге». «Разжав руку, Бендер увидел на ладони плоскую медную пуговицу, завиток чьих-то

твердых черных волос и чудом сохранившийся в битве орден Золотого Руна» (Т. 2, с. 386). Кое-как он добрался до Одессы.

Сначала Остап появился в одной из писательских организаций, на костыле, с перевязанной ногой (вместо потерянного ботинка он использовал собственную рубашку).

Бендер заявил, что он двоюродный брат Шолохова, возвращается из румынского плена, но по дороге его обокрали. «Секретарша пошла... (к начальству. — В.Р.) и вышла оттуда с сообщением, что организация не имеет средств на пособия двоюродным братьям писателей. Двоюродный брат мягко сказал: “Да ведь Миша вам все вернет!”» (Т. 5, с. 218), и в доказательство показал пуговицу от румынского мундира с гербом королевской Румынии (Мишин подарок). Секретарша снова ушла и вернулась с суммой, достаточной для покупки пары ношеных ботинок и еще кое-чего.

Затем в одесских учреждениях стал появляться скромно одетый человек. «Он подходит к столам и молча кладет перед служащими большой разграфленный лист бумаги, озаглавленный “Ведомость сборов на...”».

Занятый служака поднимает свою загруженную голову... и, привыкший к взносам в многочисленные филантропические и добровольные общества, быстро спрашивает: “Сколько?”. “Двадцать копеек”, — отвечает скромно одетый человек. Служака вручает серебряную монету... но его просят расписаться... Гражданин с ведомостью переходит к следующему столу. Обойдя всех служащих, он (*Остан. — В.Р.*) переходит в другое учреждение» (Т. 5, с. 115).

Подзаработав, таким образом, он даже смог съездить к Козлевицу и забрать у него свой саквояж.

Гуляя по различным учреждениям, Остап, кроме некоторой суммы денег, получил возможность завести и кое-какие знакомства.

В результате, когда в Одессе построили большой и красивый дом, с современными удобствами, Бендер устроился туда управдомом. В его трудовой книжке появилась новая запись.

«Когда последний грузовик вывез со двора последний строительный мусор, в здание вошел управдом. Вошел и тотчас же заколотил грязными досками широкие стеклянные подъезды и приклеил тестом объявления, на которых ужасными лиловыми буквами было выведено: “Подъезд закрыт. Ход со двора”».

Чувствовалась в начертании этих мрачных каракулей старательность идиота, пишущего, высунув толстый язык и подперев кулаком голову» (Т. 3, с. 330).

Но чувства эти были обманчивы. Б* демонстрировал своим подопечным — кто в доме хозяин, а те, как это ни странно, все воспринимали как должное и чувствовали себя зависимыми от его решительности. А подопечными были не столько «рабочие и крестьяне», сколько чиновники да «подпольные» миллионеры, типа Корейко.

Наш герой удачно продал подпольному миллионеру орден Золотого Руна, а с помощью чиновников Б* удалось стать кандидатом ВКП(б).

Но случилось непредвиденное... На доме, как положено, был укреплен пожарный щит, окрашенный в цвет государственного флага. На нем были размещены «огнетушители, ломы, багры, топоры, ведра. Рядом со щитом находился ящик с песком и лопатами, а также бочка с водой 200–250 л» (Из инструкции по первичным средствам пожаротушения).

Однажды, обходя свои владения, управдом увидел, что багра на щите нет. Побегав несколько дней по инстанциям, написав несколько заявлений по поводу «наличия отсутствия пожарного инструмента», он, наконец, этот багор получил, и порядок был восстановлен. Но через день багор снова украл.

Б* на этот раз по инстанциям не пошел. Купил новый багор на собственные деньги, выкрасил его в красный цвет и для надежности прибил его к пожарному щиту несколькими пятидюймовыми гвоздями.

А потом во дворе появилась пожарная, вернее, противопожарная инспекция. Поначалу все было хорошо, но, подойдя к щиту, кто-то обратил внимания на незакрашенные шляпки гвоздей. Прозвучало слово «вредительство».

Пока комиссия готовила свой отчет, Остап (теперь уже Леонид) успел уволиться по собственному желанию, получить на руки не только трудовую книжку, но и учетную кандидатскую карточку, собрать свой саквояж, взять билет и вскочить в поезд.

Он возвращался к своей супруге и дочери на Урал.

В 1931 г. он вступает в партию и устраивается замом председателя райисполкома, а потом и первым замом начальника областного земельного отдела.

В тридцатые годы Леонид... (Б. — В.Р.) вечерами учится в институте по рабочей специальности, днем работает на заводе, одновременно ведет партийную работу. Два года, 1935–1936... (он. — В.Р.) проходит службу в армии как младший командир, потом возвращается и руководит техникумом.*

В 1937 году, когда из партии вычищают троцкистов и других вредителей... (Леонид Б. — В.Р.) переведен на партийную работу и к началу войны становится секретарем... обкома партии. В эти годы... (он. — В.Р.) работает под непосредственным руководством Н. Хрущева.*

Самым известным военным эпизодом биографии... (Леонида Б. — В.Р.) является высадка с десантом в составе подразделений 18-й армии в районе Новороссийска и удержание стратегически важного плацдарма, получившего впоследствии названия «Малая земля».*

Читатель уже, конечно, догадался, что с некоторого момента речь начинает идти о Леониде Ильиче Брежневе. (Часть материала можно прочесть в БСЭ, Т. 4, с. 39. Выделенное курсивом взято мной из интернета¹³⁹. Продолжу цитирование:

В личной жизни, до своей болезни Леонид Ильич Брежнев был веселым и жизнерадостным человеком. Он любил обильные застолья, охотился на крупную дичь в специальных правительственных угодьях, коллекционировал лучшие автомобили разных стран и любил сам их водить на огромной скорости... (Вспомнил-таки «Антилопу-Гну». — В.Р.).

Леонид Ильич Брежнев имел сына и дочь. Юрий Леонидович работал заместителем министра внешней торговли, Галина Леонидовна была экспрессивной натурой, вышла замуж за будущего заместителя министра внутренних дел Ю. Чурбанова. Коррупция в этот момент была уже так сильна, что и глава МВД и высокопоставленная чета оказались замешанными в афере, после которой картины из государственных музеев, бриллианты из Гохрана оказались в их личных квартирах.

Вот где, в конце концов, оказались сокровища мадам Петуховой!!!

25.05.2008

¹³⁹ См.: http://leonidbrezhnev.narod.ru/Biografia_LIB.htm

6. КИНОРЕЦЕНЗИИ

Терпит ли Поражаев поражение?

(Размышления после фильма Э. Рязанова
«Человек ниоткуда». 1961 г.)

*Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.*

А.С. Пушкин

По пыльным дорогам средневековой Испании движутся двое. Длинный худой Дон Кихот Ламанчский и плотный добродушный крестьянин Санчо Панса. Один — живой человек из плоти и крови, другой — весь не здешний, не от мира сего. Он пришел из старинных рыцарских романов, из прошлого. Он добр, честен, бескорыстен. Смело бросается он в бой со злом. Но в Испании, где уже существует огнестрельное оружие, его копье бессильно против настоящего зла, жертвой его становятся бараны и ветряные мельницы. А сам он и его чудачества оказываются предметом насмешек.

Нет, не из прошлого пришел Дон Кихот, а из будущего. Из того будущего, когда со злом будут готовы бороться не одиночки, а все, когда, следовательно, исчезнет зло. Когда бескорыстие не будет ни предметом насмешек, ни предметом восторгов. Оно просто будет.

И не двое идут по пыльным дорогам, а один. Идет живой человек из плоти и крови, практичный и умный испанский крестьянин Санчо с мятущейся, тревожной и одинокой душой Дон Кихота.

Двое идут по чистым, светлым улицам Москвы. Это антрополог Поражаев и его друг Чудак. Чудак тоже не здешний, «ни оттуда, ни отсюда».

Давно издох Росинант, люди передвигаются по Москве на вертолетах и автомобилях, но еще живо зло и остались еще люди, равнодушные к злу.

И снова хохочет зал, когда Чудак нападает на отрицательного героя в театре, разбрасывает бюрократическую писанину в кабинете председателя ДСО и пытается съесть очередного прохвоста — Королева. Хохочет, как триста лет назад хохотали читатели Сервантеса над подвигами Дон Кихота.

Людоеды говорили белыми стихами, лучший из них — Чудак — употреблял рифму. В Москве говорят прозой. И поэтому немудрено, что Дон Кихот и Санчо поменялись местами.

У Сервантеса впереди едет наивный, романтичный Дон Кихот, за ним послушно следует Санчо.

Здесь, наоборот. Всеми поступками Чудака руководит Поражаев, честный, горячий, но все же полностью современный человек. Это и понятно. Если бы Чудак вел за собой Поражаева, герои фильма не вышли бы из первого отделения милиции Москвы, а фильм не вышел бы на экраны.

Два человека идут по Москве. Нет, один. Это он, Поражаев, раздвоился, упав со скалы. Это наш, современный человек с мятежной душой правдолюбца. Она, эта душа, уводит его от спокойного, уютного мирка, домашней библиотеки, от любимой девушки, от земли.

Одинок Поражаев, ни чудесный Актер, ни Врач не могут помочь ему. Они честно работают, они не способны на подлость, но их не тянет к вершинам гор, в небо. И Лена не может понять, куда тянется ее любимый.

«Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине...» (Чернышевский Н.Г.).

Дон Кихота звали рыцарем Печального Образа. Героя кино зовут Поражаев.

Сном оказались и любовь Лены, и преданный друг Чудак, и победа на «очень ученом» совете, и сверкающая ракета, улетающая в ночное небо.

Поражаев очнулся, вершины гор снова зовут его. Он снова один. Один уйдет в горы, а те, остальные, вернутся в уютные московские квартиры. Может быть, он погибнет, не разгадав своей загадки, не дойдя до вершины.

И еще одну цитату хочу привести я:

*...Но, все же,
О Марко хоть песня осталась.
...
А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут:
Ни сказок про вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют!*

(М. Горький. «Легенда о Марко»)

Хорошая, добрая песенка о хорошем добром человеке — кинофильм «Человек ниоткуда».

Один уходит в горы, но он не одинок. Его друзья, такие же ищущие, живут в Москве и в Ленинграде, в Норильске и Магадане.

Они радуются смелому опыту в кинематографии.

А черви слепые? А людоеды? Те, что не любят ни песен, ни света, ни свидетелей? И их не мало, но они гибнут от света, от солнца, и в этом счастье человечества.

Ноябрь 1962 г.

Опасная игра¹⁴⁰

(Режиссер В. Абдрашитов. 1986 г.)

«Плюмбум, или Опасная игра» — рецензии, рецензии, реклама, реклама...

О чем, собственно, фильм?

Микро-Нечаев, микро-Ницше («когда идешь к женщине, не забудь захватить с собой плеть»), микро-Сатана...

Сатанинское начало Плюмбума становится понятным и зрителям, и остальным персонажам фильма чуть ли не с первых кадров.

Мальчишка мстит за свою минутную трусость, мальчишка самоутверждается, обманывая себя и других красивыми фразами — лозунгами о борьбе со злом, хитрый парень использует для своих целей взрослых — милицию, оперотряд.

Стоило ли огород городить? Стоило ли задействовать артиллерию для стрельбы по воробьям? Мало ли того, что написано про Нечаева, об ультра-левых террористах «Красных бригад», культурной революции в Китае?

¹⁴⁰ «Плюмбум, или Опасная игра» — советский художественный фильм-драма 1986 г., получивший золотую медаль на Венецианском кинофестивале (1987). Снят в Третьем творческом объединении «Мосфильма». Режиссер — Вадим Абдрашитов.

«Опасная игра», когда зло изображает добродетель, — не новое явление, вся история человечества, в том числе и наша, отечественная, полна подобными примерами.

Но почему Плюмбум?

«Почему не сталь? Свинец — мягкий металл» — спрашивает у парня один из работников милиции. Мягкий, значит, пластичный. Умный, смелый, волевой — необыкновенный, но все-таки еще мальчишка... В поле зрения сотрудников милиции, оперотряда оказывается зло, еще не утвердившееся в юридические формы. Люди, посвятившие борьбе со злом свою жизнь, проходят мимо — сначала гонят неприятного парня, потом принимают в оперотряд, ибо он им полезен.

Когда Рузик выбирал себе кличку, у него, наверное, были свои ассоциации — девять грамм свинца, губительный свинец... Чтобы свинец стал «губительным», им нужно выстрелить; чтобы мягкий Плюмбум превратился в твердую Сталь, нужны соответствующие условия. Первый шаг сделан — парень принят в оперотряд. Теперь он уже на законном основании может допрашивать своего отца.

Тренировка. Тяжело дышат немолодые оперативники, Рузик же дышит легко и уверенно, он молод, он только начинает дистанцию... У некоторых народов человек, возмужав, меняет свое имя. Может быть, и Плюмбум сменит свою кличку на что-нибудь производное от слова «сталь».

Гордиться, наверное, будут постаревшие бойцы оперотряда тем, что они знали ЕГО еще тогда, в его детстве... Гордиться, а может быть, втихую и вздрагивать, услышав его имя.

Отношения Плюмбума и оперотрядовцев симметричны: он пользуется оперотрядом, те используют его, парень подставляет городки, взрослые — бьют.

А зло? Зло, случается, продолжает себя в тех, кто искренне видит в себе борца с ним.

Трое «лабухов» орут с телеэкрана: «Первым делом, первым делом — самолеты...» Наплевать им на самолеты. «Возьмемся за руки, друзья!» — поют молодежавшие предки Плюмбума, вспоминая свои студенческие годы. Не беспокойтесь за них, не возьмутся они за руки, чего бы ни сотворил «безумный султан», не брались и впредь не возьмутся.

Все это для красоты, для «понта». Для понта и «борьба со злом», где-то в тени другие побуждения, другие цели, но так «красивше» и приятнее.

Вот только Соня (Соня Мармеладова? Софья Перовская? София-Мудрость, мать Веры, Надежды, Любви?), только Соня принимает все всерьез.

Одна Соня во всем многолюдье фильма. Не в переносном, в буквальном смысле, оступилась девочка. Остались на крыше два взъерошенных мальчишки.

Погас экран. Расходятся зрители. Полувосхищенно обсуждают и осуждают Плюмбума. Да разве в этом суть?

Почему свинец становится губительным? Почему люди не могут всерьез «взяться за руки» против зла? Эти вопросы остались «за кадром» для большинства зрителей, кинокритиков и, кажется, даже для самих создателей фильма.

Но можно ли ждать ответа на непоставленный вопрос?

1986

«Дорогая Елена Сергеевна»¹⁴¹ (Фильм режиссера Э. Рязанова, 1987 г.)

Не так давно на экраны страны вышел новый фильм Э. Рязанова, поставленный по пьесе Л. Разумовской, которая в последние годы с успехом шла на сцене многих театров страны. Не вдаваясь в оценку художественных достоинств как пьесы, так и фильма, мы хотели бы отметить то важное общественное явление, которое лежит в основе конфликта, описанного в пьесе.

Один из авторов самиздата — С. Спекторский (Р. Пименов) назвал это явление «паракоррупцией». В отличие от коррупции, когда виновный совершает явно уголовно наказуемое деяние, нарушая свой профессиональный и служебный долг в расчете на непосредственное вознаграждение, паракоррупция — это нарушение профессионального долга во имя якобы «высших интересов». При этом вознаграждением служит только расположение начальства и служебный долг формально соблюдается.

Типичным явлением паракоррупции является многолетняя ситуация в школе, когда учителя завышали оценки ученикам не потому, что родители давали им взятки, а в угоду процентомании, в борьбе за «честь» школы, района и т.п.

Казалось бы, все симпатии зрителей должны быть на стороне честной идеалистки, «шестидесятницы» Елены Сергеевны, ставшей жертвой распоясавшихся малолетних циников. Однако эта же Елена Сергеевна многие годы ставила им незаслуженные оценки, и именно поэтому

¹⁴¹ «Честная идеалистка» («Дорогая Елена Сергеевна»). В соавторстве с С.Д. Хахас-вым. — Газета «Смена», № 252. 02.11.1988.

«дети» уверены, что она способна пойти с ними на соглашение и на этот раз. Они не видят никакой разницы между коррупцией и паракоррупцией, и поэтому поведение учительницы ставит их в тупик.

Для нее, «шестидесятницы», — разница огромная. С детства она впитала мысль о том, что основная добродетель — честное служение государству. И когда это государство (т.е. те, кто его представлял) потребовало от нее, как и от всех других учителей, фальсификации оценок, Елена Сергеевна не восприняла это как нечто аморальное. Заряд конформизма оставался в ней настолько велик, что ни Окуджава, ни Высоцкий, ее кумиры, не смогли спасти ее.

Дети же не считают труд учительницы святым подвижничеством. И, несмотря на их поведение, моральные оценки детей оказываются более верными. Предательство профессионального долга для них отнюдь не более простительно, чем нарушение служебного.

Разделяя скорбь автора за судьбу своей героини, мы хотим обратить внимание на то, что паракоррупция нанесла ущерб моральному и материальному благосостоянию нашего общества куда более значительный, чем прямая коррупция. Она развратила миллионы людей и породила двойную мораль.

Казалось бы, теперь это должно быть ясно всем. Однако в газете «Советская культура» за 6 октября с.г. опубликовано письмо писателя Солоухина, суть которого заключается в том, что любая мерзость (речь идет о голосовании за исключение из Союза писателей Б. Пастернака) перестает быть таковой, если делается по указанию свыше. Солоухин сетует на то, что сегодня в прессе все чаще говорится: «Мы поименно вспомним тех, кто поднял руку!» Жаловаться ему нечего. А. Галич предупреждал таких, как Солоухин, давно. Надо было внять... А Солоухин не внял.

Как и Елена Сергеевна не вняла предупреждениям Окуджавы и Высоцкого.

1988

Трилогия Тенгиза Абуладзе («Мольба» 1967 г., «Древо желания» 1976 г., «Покаяние» 1987 г.)

О «Покаянии» написано много и хорошо. Но почему-то никто из писавших не обратил внимания на то, что потрясший всех фильм по авторскому замыслу является завершением трилогии.

О чем же эта трилогия, объединяющая столь разные фильмы, разные, казалось бы, во всем — от времени изображаемых событий до художественной формы произведения?

Борьбе добра со злом? Но этой проблеме посвящено почти любое произведение искусства.

Случайно я посмотрел трилогию в обратном порядке. Начал с «Покаяния» и кончил «Мольбой». В этом случайном стечении обстоятельств мне, кажется, повезло. Такаргеолог, вскрывая верхние слои, сталкивается с тем, что ему почти известно из повседневной жизни. Находки из более глубоких слоев, таинственные на первый взгляд, можно понять, сравнив их с предшествующими — от сегодняшнего дня в глубь времен протягивается нить, позволяющая понять язык древних форм. Руководствуясь этой же нитью, мы совершаем и обратный путь — от истоков к сегодняшнему дню.

Чем древнее находка, тем лаконичнее ее язык. От строгой графики «Мольбы», через живопись «Древа желания», мы приходим к мистерии «Покаяния», к трагической буффонаде, скрупулезно переданной языком чуть ли не кинохроники.

Только посмотрев две первые вещи, я смог понять лирическое обрамление «Мольбы». По хлебному полю идет прекрасная женщина. Муза? Совесть? Душа? Идет к Человеку, поэту, воину. В стороне прячется некто — дьявол, тень, черное второе «Я».

И вдруг свадьба. С дьяволом. Неужели прекрасная женщина не видит, как тот уродлив? Почему она выбрала себе такого партнера? Муза готова стать ведьмой? Вдруг? Нет, не вдруг.

Сначала были похороны какого-то богатого и знатного, и Человек внезапно осознал, что ни богатство, ни знатность, ничто не может предотвратить смерть.

Страх охватил его душу, страх толкнул ее в объятия к дьяволу. Если нет вечной жизни, так пусть хоть будет жирок на брюшке.

Но муза, душа, совесть не может жить, обрастая жиром. Между небом и землей закачается она в петле, которая, сдавив горло, оборвет ее дыхание. (Думаю, что и в грузинском языке слова «дыхание», «душа», «дух» восходят к одному корню и одной символике).

Та же самая толпа, которая чинно и равнодушно творила обряд похорон, также равнодушно будет смотреть на предсмертные конвульсии души поэта, на очередную победу бездуховности.

Мы-то, зрители, знаем, что душа бессмертна, что ее гибель — только морок, наваждение, что, пройдя сквозь муки (муки совести), она снова

обретет былую чистоту. И снова по хлебному полю к поэту, к нам идет прекрасная женщина в белом — муза, совесть, душа.

Еще раз мы увидим виселицу в «Покаянии». Рядом с балконом, с которого выступает Варлам, будет маячить виселица с черным вороном на перекладине, как символ грядущей бездуховности, как грозный намек тем, кто рвется от «нашей прекрасной, политой потом и кровью» земли куда-то вверх, в непонятное варламам и потому подозрительное небо.

Добро и зло... Страх, страх, который венчает совесть с дьяволом, толкает нас в толпу, в массу, в орду... Страх за собственную шкуру, за жирок на брюшке, страх и порожаемые им зависть и агрессивность.

В «Мольбе» страх движет и хевсурами, и кистинами, массой, толпой, в которой предводители еще не играют особой роли. В «Древе желания» уже появляется деревенский староста, еще не фюрер, еще патриархальный советчик. В «Покаянии» толпы почти не видно. На балконе стоит вождь (фюрер, дуче, каудильо — все эти слова на разных языках восходят к слову «вести»), а под балконом, почти невидимые кинозрителю, «...проходят тысячи... Лес флагов... рук трава...». Мы их не видим, но не важно, мы знаем, что они идут, и знаем, как они идут.

Неправда, что обыватель возник только вместе с «ростом товарно-денежных отношений». По-моему он появился непосредственно из обезьяны. Для нее, как и для других растительных, стадо — это прежде всего безопасность. Не случайно на заднем плане кадров «Древа желания» все время строем дефилируют бараны, предвывая появление людской толпы.

Неправда, что фюреры — сверхчеловеки, непохожие на нас. Они такие же недочеловеки, как и те, кто проходит строем мимо трибун, требуя смерти — позавчера ведьмам, вчера вредителям, сегодня расхитителям... Тираны жестоки нашей жестокостью, запуганы нашими страхами, исполнены нашего чванства. Не случайно, думаю, имя Варлам переводится как «сын народа».

Узнав из книжек, что ум, честь и совесть — это хорошо, это престижно (но обременительно и небезопасно), мы сами создаем сказки о некоем коллективном уме, чести и совести, а потом взваливаем все, прижитое нашей трусостью, нашей жадностью, нашей завистью, на покойных диктаторов.

Наивный Михаил надеется, что, чем безумнее будут обвинения, чем больше явно невинных людей будет схвачено, тем скорее все поймут всю ложь Варлама, тем скорее наступит конец этому кошмару. «Все» — не могут понять, «все» — способны только верить, а чем чудовищнее ложь, тем легче и охотнее ей верят.

Действительность была еще фантастичнее художественного образа. На процессе 1937 года фигурировали в качестве доказательств акты, составленные по поводу того, что в одном случае в ящике с маслом были обнаружены осколки стекла, в другом — гвозди. «Мы не позволим вам резать животы и горла наших людей!» — вопил генеральный прокурор Вышинский, обвиняя вчерашнего «любимца партии» Бухарина. И тот самый обыватель, который вечно бросал что попало, как попало и куда попало, искренне верил, что в эти-то два ящика «режущие предметы» попали не случайно.

Зависть и трусость — достояние толпы. Паника заразительна. Агрессивность заразительна. Но мне еще не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь заразился умом или совестью.

Ум, честь, совесть — свойства сугубо индивидуальные. Отказ от индивидуальности равносителен отказу и от ума, и от чести, и от совести.

Прекрасна народная толпа на карнавале, ужасна и отвратительна она в суде. Обезумевшая от страха, она с легкостью необыкновенной превращает суд в карнавал, а карнавал в судилище. «Карнавальное» испытание неверной жены (описанное, кстати, и у А.М. Горького в рассказе «Вывод») выступает в трилогии как прелюдия к судебным карнавалам «Покаяния».

Символом изначального единства «нас» у Абуладзе (впрочем, не только у него) выступает Земля. Мрачны голые скалы «Мольбы», мрачны могилы ее, и молит поэт: «Пусть превратится земля в цветущий луг!»

Мольба была услышана. Цветущим маковым полем открываются первые кадры «Древа желания», маковым полем, на котором умирает белый конь. Архетипический символ неба, свободы, личности. Миллионы ног топчут нашу грешную землю, но только избранным, оставившим в памяти народной свои имена, поэтам и героям, удавалось оторваться от тяги земной и вырваться в Небо. Но горестно склоняется над умирающим конем его хозяин, юноша, которому суждено не небо, а грязная лужа, куда, убитый, он ткнется лицом. Среди цветущих лугов повезут на казнь прекрасную Марику, и грязь, комья земли полетят ей в лицо. Тщательно пропускают мокрую землю детские пальцы — нет и не может быть там волшебного камня.

В подземных лабиринтах «Покаяния» мечутся в ужасе Нино и Сандро. Тщетно искать у земли защиты. «Я вас и под землей найду» — угрожает им Варлам, и бежит с доносом навстречу начальству изможденный пахарь, и не укроет их от властителя пашня.

Так о чем же трилогия? Только о бессмысленной толпе? Есть в ней и другая сторона. Хевсур, отказавшийся надругаться над мертвым

врагом. Кистин, оказавший гостеприимство хевсуру. Плачущая над убитым гостем кистинка. Потешный анархист (пока еще потешный, ибо еще не идет за ним толпа, топот которой он пытается уловить, слушая землю), не менее потешный любитель старины, гулящая девка. Великий художник Сандро Баратели и его любящая жена. Полубезумная Кетеван. Люди, — те, кто уже успел произойти от обывателя, как некогда обыватель произошел от обезьяны.

По-моему, трилогия Абуладзе — это гимн отщепенцам, гимн тем, чьи поступки определяет не страх, не мечта о жирке, а нечто другое, непонятное и страшное и толпе, и фюрерам.

Глобус, земной шар, вносит Елена (жена наивного Михаила) и начинает петь «Оду к радости»: «Обнимитесь, миллионы!» Откуда-то невидимый вступает хор, хор, который заглушает последнее слово подсудимого Сандро, хор, сопровождающий пытки и казни.

Уготована ли эта участь всей нашей планете? Да, если миллионы сольются в безликую толпу! Нет, если каждый из нас останется Человеком!

Сколько раз, мечтая «сделать себе имя», принималась толпа за строительство вавилонской башни, и один переставал понимать другого, и рассеивались они по миру.

Известный детский психолог Ж. Пиаже приводит разговор с одним маленьким швейцарцем: «Раньше я тоже думал, что, когда я иду куда-нибудь, Луна идет вместе со мной. Но потом я пошел в школу, и у меня появились друзья. Я понял, что Луна не может следовать за каждым из нас. Значит, когда я вижу, что Луна идет за мной, — это только мне так кажется» (*).

Понять другого, поверить другому, тому, кто идет не вместе со мной, — это значит согласиться с представлением о том, что мир создан не исключительно для меня, для моего благополучия, для моей славы... В этом отличие Человека от капельки, толпы, стада.

Храм — не Вавилонская башня. Строить Храм «...не ради славы, / Ради жизни на земле» могут только Люди, разные, разноязыкие, но умеющие понимать друг друга.

«Свободное развитие *каждого* является условием свободного развития всех» (*Курсив мой.* — В.Р.). Это не изречение какого-нибудь брахмана (таковые сейчас в моде), а это — из «Коммунистического манифеста». Тема человеческой солидарности выходит за рамки трилогии. Нам не дают готовых рецептов. Ясно одно — улица Варлама не ведет к Храму. Надо искать другую дорогу.

Жертва?¹⁴²

(О фильме Андрея Тарковского «Жертвоприношение»)

Еще десятилетие назад любой провинциальный лектор без особого труда высказался бы об этом фильме А. Тарковского примерно так: «Над миром нависла угроза ядерной катастрофы. Западный обыватель, беспомощный перед силами мирового империализма, не способный к борьбе за лучшее будущее и безъядерный мир, оказывается на грани отчаяния. Герой фильма “Жертвоприношение”, который вовсе и не герой, сходит с ума».

«Мы все-таки умнеем год от года!» Теперь так никто не скажет. Теперь критика, несколько поднатюрившая в мистике, не склонна столь категорично судить о герое фильма.

Но сначала несколько слов о самом фильме.

В прекрасной вилле на морском берегу живет вполне благополучная семья. Правда, ребенок нем от рождения, но ему сделана операция, и он вскоре должен заговорить, так что его недуг не сильно огорчает взрослых. У главы семьи Александра день рождения, готовится парадный ужин, Александру вручают подарки...

И вдруг: «Граждане, сохраняйте спокойствие! Паника — самый страшный враг!» — война. Бьется в истерике хозяйка дома, выключен телефон, гаснет электрическое освещение. И тогда Александр дает клятву: «Боже! пусть все это окажется только сном, пусть все будет как прежде, и я разрушу этот дом, и уйду, куда глаза глядят, один, в никуда, только пусть будет спасен этот мир!» И вот уже его ноги месят болотную грязь... Но это не все, чего требует от него судьба. «Ты должен идти к Марии и спать с ней!» — устами соседа, зашедшего поздравить Александра, говорит она нашему герою. «Но ведь она ведьма», — догадывается тот, но ничего не поделаешь, спасение мира требует и этой жертвы.

А утром снова работает телефон, включается свет, на столе гора бутылкок, за окном чистое небо. Александр складывает пирамиду из мебели и поджигает виллу. Ему не придется месить грязь — два дюжих санитара засовывают его в спецмашину.

История — не химия. Нельзя вымыть посуду и начать все сначала, чего-то убавив, чего-то добавив. Мы так и не можем быть до конца уверены в том, что жертва героя была бессмысленна. Может быть, не выполнил он своего обещания, не сидеть бы нам сейчас, наслаждаясь домашним

¹⁴² Опубликовано в: Искусство кино, 1990, № 7.

уютом, а метаться по обгорелой, радиоактивной земле, как те, кто при-
снился Александру в его ночном кошмаре.

Киноязык Тарковского полон аллегорий, за сюжетной фабулой ре-
жиссер «прячет» притчу. Чтобы понять ее, надо быть внимательным к ме-
лочам, ибо в талантливом произведении нет ничего случайного.

В самом начале фильма Александр сажает сухое, с ободранной корой
дерево и рассказывает притчу о некоем монахе, так же вот посадившем на
горе сухое дерево; его ученик самоотверженно таскал воду на гору, по-
ливал деревце и, о чудо! — оно зацвело. Вот что может творить настоящая
вера! Но монах сажал свое дерево на горе, а герой фильма — внизу, у са-
мой воды, так что поливать его — просто бессмыслица. Смысл действий
Александра не в уповании на веру, а в подражании, в игре. Недаром он
поминает ныне модное словцо «икебана». Не расцвести дереву, посажен-
ному ради забавы...

И еще одна маленькая деталь — во сне, по дороге к Марии, Алек-
сандр падает с велосипеда, ушибает ногу и входит к ней, прихрамывая.
Утром он встает как ни в чем не бывало, но снова ушибает ногу и всю
суету поджога совершает опять-таки прихрамывая. В европейской куль-
туре хромота связана с темными, хтоническими силами, с гордыней. Са-
тана — хром, хромы и языческие божества, например, античный Гефест-
Вулкани, скандинавский кузнец Велунд. Так ли уж странно, что хромоту
надлежит переспать с ведьмой? Такая ли уж жертва с его стороны? Финал
сновидения Александра столь откровенно эротичен, что мысль о жерт-
воприношении начинает вызывать серьезные сомнения, тем более что
и наяву он и Мария проявляют некую взаимную симпатию. Любит ли
Александр Марию? Скорее всего, он ее хочет, не более того, и уж точно
не любит свою жену, иначе не привиделась бы она ему во сне со столь
бесстыдно обнаженными коленями перед его другом и домашним вра-
чом. Тот, очевидно, тоже не ценит хозяев виллы, раз мечтает удрать от
них «хоть в Австралию».

И мальчик, сын хозяев, так и не названный ни разу по имени, вряд
ли любим своими родителями. Отец гуляет с ним, ведет длинные беседы,
внешне все, как у людей, но стоит ребенку, играя, прыгнуть на отца сза-
ди, как тот зверски бьет его в лицо, не ощутив у себя на плечах детских
ладошек (или, ведь Александр профессиональный актер, делая вид, что
не ощутил?). Он любит сентиментальные разговоры об их вилле, где они
так счастливы с женой и сыном (жена откровенно признается, что вышла
замуж не по любви, боясь потерять свою независимость). Но вот в ком-
нате начинает дрожать посуда, падает стеклянный сосуд с молоком, гул

идет по помещению. Аппарат перемещается наружу, и зритель видит ногу великана, объектив поднимается, и мы видим Александра, у ноги которого приютился игрушечный макетик их дома, который хозяин с удовольствием бы раздавил, не помешай ему Мария. А ведь игрушку делал в подарок отцу мальчик, искренне верящий в неподдельную любовь его к их маленькому миру.

Так о какой же жертве идет речь? Уйти от семьи? Разрушить дом? Спать с Марией? Обо всем этом Александр мечтал еще до своего сна! Но по меркам «истеблишмента», к которому принадлежит и герой, — это не этично, это очень и очень не хорошо. А Александр хочет себе нравиться, хочет уважать себя. Война? Она, конечно, все могла бы развязать без его участия, соответственно, без его вины. Но войны нет. И «герой» отлично обходится без нее. Ублажать свою похоть и агрессивность — это, конечно, плохо. Но вот принести себя в жертву! Спасти человечество!

Кто не слышал о такого рода «спасителях», обманывавших других? Не только других обманывают они, но и себя, в первую очередь себя.

Великий актер на подмостках истории, Талейран, говаривал, что слова нужны людям для того, чтобы скрывать свои мысли от других. Александр скрывает их и от себя самого. Грань между «безумством храбрых» и эгоистической расчетливостью оказывается достаточно условной. Об этом фильм Тарковского «Жертвоприношение».

А мальчику слова нужны совсем для другого. Его любовь, преданность, вера искренни и неподдельны. Слова ему нужны для того, чтобы выразить нечто, существующее до слов и помимо слов. Операция прошла удачно — ребенок заговорил. И первые его слова — это вопрос, обращенный к отсутствующему отцу: «В начале было слово. Почему это, папа?»

В начале был человек, этот же мальчик, не умевший говорить, но уже любящий и преданный. В начале было то, о чем нужно сказать.

В этом завещание художника своему сыну и нам всем.

РАЗНОЕ

1. ПУБЛИЦИСТИКА

Должна ли страна знать своих «стукачей»?

Демократия должна быть гуманной, и, наверное, грех требовать пожизненного наказания каждого, кто, обманутый пропагандой или запутавшийся в жизненных обстоятельствах, сделал однажды неверный шаг: дал согласие на тайное сотрудничество.

Но в стране, где почти все ее граждане подвергались такому соблазну и многие не устояли перед искушением, нельзя позволить бывшим осведомителям руководить партиями или профсоюзами, стать депутатами советов или мэрами.

Ведь и впредь КГБ или его наследник сможет руководить деятельностью этих людей, шантажируя их разоблачением. Надо учитывать и то, что наибольшему давлению подвергалась как раз наиболее политически активная часть населения.

Поэтому я предлагаю разработать правовые нормы, согласно которым в отношении всякого, кто претендует на выборную должность, может быть сделан запрос о его отношениях с КГБ или его преемником.

Работа по разоблачению сексотов, претендующих на выборные должности, должна быть возложена на особую депутатскую комиссию, каждый из членов которой должен связать себя присягой о неразглашении доверенных ему сведений «приватным» путем. Таким образом, любые сведения, незаконно разглашенные кем-нибудь из членов этой комиссии, будут восприниматься не более как очередной слух, коих и так ходит достаточно.

И вообще, следует ли предполагать, что народные избранники окажутся менее лояльны к своим обязанностям, чем работники пресловутых «органов»?

Закон этот не должен иметь обратной силы, т.е. распространяться на тех, кто был избран до его принятия.

Полагаю также, что немедленно должны быть оглашены сведения о тех стукачах, чьи жертвы оказались подвергнуты смертной казни,

погибли в местах заключения или покончили жизнь самоубийством в результате политической травли.

В отношении всех остальных законодательно должен быть установлен срок (50—100 лет), по истечении которого с документов, связанных с таким сотрудничеством, снимается гриф секретности.

1987

Не рой яму другому...¹⁴³

*Чтоб звездами сыпалась
Кровь человечья...*

Э. Багрицкий

Хвала пулемету, несытому кровью...

Н. Клюев

...правительство все еще единственный европеец в России.

А. Пушкин

Недавно мне пришлось стать свидетелем и участником нескольких разговоров. По телевизору показывали детей-уродов. На следующий день, обсуждая этот сюжет, бабоньки-работницы удивлялись: «Почему же их не уничтожают? Пользы от них никакой, а государству убыток — корми их!» В Армении забастовка. Мужики на автобусной остановке: «Чего не пересажать половину — мигом бы успокоились!» «А что, Чурбанова не расстреляют? Жаль, надо бы всех к стенке!»

Не стоит кивать на то, что страсть к насилию — исключительно результат пропаганды. Пропаганда оказывается абсолютно бессильной в борьбе за трудовую дисциплину, за «трезвый быт», ей почему-то неподвластны самогонщики и потребители самогона, «несуны» и покупщики уворованного.

Но стоит только кликнуть погромче «Бей их!» (все равно кого — бедных или богатых, евреев или армян, начальников или кооператоров, хиппи или проституток), как сей призыв находит самый благодатный отклик в сердцах.

Не секрет, что агрессивность, насилие являются столь же сильными биологическими подкрепителями, как пища, половой акт и т.п. Требуется

¹⁴³ Опубликовано в: Северо-Запад, № 19, июль 1989. (Электронная версия — <http://www.agitclub.ru/front/frontdoc/sevzap19.htm>).

большая культура, чтобы человек мог осознать свою агрессивность и перенаправить энергию на созидательный труд. Чем выше уровень культуры, тем более широкий круг попадает в категорию «своих», защищенных от агрессивности. Для охотника за черепами «своими» являются только жители собственной деревни. На более высоком уровне понятие «своих» начинает распространяться на племя, нацию, народ, на тех, кто принадлежит к «истинной» религиозной или идеологической конфессии. Наконец, для таких титанов культуры, как Толстой, Швейцер, Хавкин, Короленко, «своими» становятся все люди, просто потому, что они люди.

Вне культуры — «Ломать — не строить, душа не болит!»

Когда массами овладевает страсть к насилию — оно совершается. Конечно, всегда находятся те, кто греет на этом руки. Когда горит дом, воры пользуются пожаром, но не всякий раз они являются поджигателями, и уж точно не они виновны в пожароопасности горящего объекта.

Исходя из сказанного, новейшую историю несколько утрированно и очень упрощенно можно представить так.

Во втором десятилетии XX века широкими массами Европы овладела страсть к насилию. Власть имущие оказались не лучше (но и не хуже!) «людей с улицы» — ничто человеческое им не было чуждо. Началась Первая мировая война, встреченная во всех воюющих странах с огромным энтузиазмом. Оппозиция объединилась с властью. По улицам катились митинги и манифестации — «Мы им зададим!». Однако через некоторое время выяснилось, что на войне можно не только убивать и калечить, но и самому оказаться убитым и искалеченным.

Англичане и французы сделали свои выводы. Страсть к насилию у них улеглась и, кажется, надолго. В России и Германии, наоборот, популярность получил лозунг о превращении войны империалистической в войну гражданскую. В гражданской войне каждый мыслил оказаться на той стороне, на которой насилие окажется безнаказанным. Кроме того, аристократические замашки власть имущих и воинская дисциплина лишали участников Первой мировой таких удовольствий, как втыкание штыка в живот беременной женщины или сдирание кожи с военнопленных. В гражданской войне такие развлечения стали нормой для каждой из сторон. Можно было также пальнуть в папашу, сына или брата.

Отступление. В Германии социал-демократам удалось предотвратить разгул страстей, но, как оказалось, болезнь была не вылечена, а загнана внутрь. Через 15 лет к власти пришел Гитлер. Сначала он скормил толпе немецких евреев, потом (аппетит приходит во время еды) настала очередь

поляков, французов, русских. На русском фронте немцы убедились, что их представления о безнаказанности были ошибочными. Атомная бомбардировка и поражение Японии убедили и японцев перенаправить свою энергию в русло созидания.

Однако вернемся к России.

В России гражданская война приняла поистине апокалипсический характер. Воспользовавшись усталостью масс (всякое лакомство рано или поздно приедается), Ленин объявил НЭП.

Но и здесь болезнь не была побеждена окончательно.

Наблюдая нравы своего непосредственного окружения, Сталин, человек честолюбивый, понял, чем он может стяжать себе всенародную любовь. Он никого не убивал, просто он предоставил эту возможность гражданам руководимой им страны, возможность, которой они с удовольствием воспользовались. Удовольствие было тем большим, чем больше была у палачей иллюзия безнаказанности (в отличие от гражданской войны, которая эти иллюзии не подтвердила). Надо отдать справедливость «гениальному кормчему», имелось и другое отличие. Во «времена культа личности» непосредственно к убийствам была допущена гораздо меньшая часть людей, чем во время гражданской войны. Остальные должны были довольствоваться писанием доносов, скандированием лозунгов типа — «Если враг не сдается — его уничтожают!», «Кто не с нами, тот против нас!», «Нет пощады! Смерть отщепенцам!» — да репликами, сопровождавшими любую перебранку: «Жаль, я тебя в 18-м году не повстречал!» Поэтому количество убийств на единицу времени в годы «культа» было в 2,5–3 раза меньше, чем в годы гражданской войны.

Во всякое время народный гнев, прежде всего, обращался на священников, за их, не всегда, впрочем, искреннее, «не убий!», да на интеллигентов, которых, опять-таки не всегда обоснованно, подозревали в мягкотелости и «абстрактном» гуманизме.

Сейчас у нас не хватают и не сажают. Речь идет даже о сокращении применения смертной казни. Но вирус остался в крови. Андреевы и Шеховцовы, Бегуны и Романенко — плоть от плоти рядового обывателя.

Когда-то Александр Невский хорошо сказал: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!» Не пора ли понять, что максима эта справедлива не только в отношении внешнего агрессора. Не пора ли понять, что каждый, кто в гневе своем произносит — «посадить!», «расстрелять!» снова готовит очередные Куропаты или Катынь, в которых и ему найдется место.

Как бы мы ни порицали Хрущева или Брежнева за судьбы Бродского или Сахарова — суд улицы не ограничился бы ни ссылкой, ни высылкой. Призывы «расстрелять» того и другого, не проникавшие в прессу, можно было услышать в очереди или автобусе.

Хватит разговоров о Сталине — поговорим лучше о самих себе. Дадим «простому» человеку глянуть в зеркало: может быть, увидев там оскаленную бабу с косой, он ужаснется не Сталина, не Гитлера, не Пол Пота, а самого себя?

Может быть, нам не нужно ни Дрездена, ни Хиросимы, чтобы стать вровень с цивилизованными народами? Может быть, мы поймем, что всякий, кто желает смерти соседа, сам тоже чей-то сосед!

Июль 1989

Рецидив отжившего жанра¹⁴⁴

Статья Ю. Андреева «Феномен публицистической песни», опубликованная «Советской культурой» в номере от 19 августа 1989 года, производит странное впечатление своей композицией.

В «застойные» времена ушлые литераторы для того, чтобы обмануть ленивую цензуру, начинали и кончали свои статьи дежурными здравицами и цитатами, а дельные и зачастую очень интересные мысли прятали в середину.

Формально по той же схеме построена и статья Ю. Андреева. Воздав в начале и конце статьи должное художественному достоинству и публицистической смелости песен Галича, автор середину статьи превращает в прямой политический донос на покойного поэта. Только так можно оценить сообщение Ю. Андреева о том, что в частном разговоре Галич будто бы сказал ему, что его, Галича, идеалом является не Октябрь, а Февраль. Сходство с доносом усиливают и точность даты разговора, и указание на присутствие свидетелей.

Статья Андреева наполнена штампами 30–40-х годов. Здесь и «всеотрицание Галичем всего и вся, без исключения, советского» (стилистика главного редактора «Библиотеки поэта»). Здесь и утверждения, что творчество Галича «негативно в своих основных посылах», что Родина для него «сосредоточие всех мыслимых и немыслимых нелепостей», и обвинение

¹⁴⁴ Опубликовано в: Северо-Запад, № 34, август 1989. (Электронная версия — <http://www.agitclub.ru/front/frontdoc/sevzap34.htm>).

в «неимоверной неприязни к послевоенной Польше», и, наконец, в «сближении с открыто антисоветской профашистской организацией НТС».

Говоря о Галиче лично, Андреев обвиняет его и в двурушничестве, походя намекнув и на А. Синявского. Обвинение это основано на том, что Галич в конце 50-х и начале 60-х годов параллельно с «самиздатскими», антисталинскими песнями продолжал сочинять и бравурные комсомольские песни. Будучи комсомольцами того времени, мы помним, что и те и другие песни пелись тогда нами с одинаковым энтузиазмом. Дело в том, что, отрицательно относясь к сталинско-брежневским реалиям, многие, в том числе и мы, всерьез принимали идеи и символы социализма. Все творчество Галича, разоблачавшего «реальный социализм», ничуть не противоречит социалистической нравственности. К тому же многие советские публицисты сегодня признают, что, возможно, от Февраля до подлинного социализма путь был бы гораздо короче и безопасней, чем он оказался от Октября.

Что касается оценки Галичем послевоенной польской действительности, то тут Андреев, мягко говоря, сел в лужу: судя по результатам первых же свободных выборов в Польше, оценка «гомункулов» Галичем целиком совпала с оценкой польского народа.

Каждому человеку, знакомому с творчеством Галича, ясна вся лживость обвинений его в отсутствии позитивных идеалов и любви к Родине.

Объявив поход против «мифа о Галиче», Андреев активно поддерживает другой миф — миф об «афганцах» как о носителях некой высшей истины и особых моральных ценностей. Противопоставляя «позитивные» песни «афганских» бардов «негативным» песням Галича, Ю. Андреев рассматривает первые как образец публицистической песни. Между тем приводимые автором статьи отрывки «афганских» песен, строго говоря, вообще нельзя считать публицистикой: это либо «окопная» лирика, либо заезженные пропагандистские штампы. Ни в одной из опубликованных песен «афганских» бардов нет гражданской оценки самой этой войны.

Гражданственную оценку этой войне дал именно Александр Галич, хотя тогда речь шла о Чехословакии: «Граждане! Отечество в опасности! Наши танки на чужой земле».

Не вина, а беда «афганских» поэтов в том, что они либо не сумели понять это, либо не получили возможности донести до нас такое понимание. Фактически весь «позитивизм» публикуемых «афганских» песен основан на неразличении понятий «долг» (в нравственном смысле

этого слова) и «приказ» («как бы ни было трудно, делай то, что тебе велит начальство»). Интересно было бы узнать, какое начальство заказало Ю. Андрееву эту статью? Не то же ли самое, что дало заказ его известной однофамилице?

Что касается публикации этой статьи в газете «Советская культура», то мы хотим надеяться, что редакция читала ее, как и брежневская цензура, — начало и конец, упустив «изюминку», спрятанную внутри.

*В соавторстве с С.Д. Хахаевым
Август 1989*

Кто управляет таксомотором?¹⁴⁵

В отличие от научной терминологии, воспринимаемой однозначно, мифология оперирует символами, которые однозначно интерпретированы быть не могут. Это положение одинаково справедливо как для самого архаичного слоя шаманистских мировоззрений, так и для «единственно верной, единственно научной» мифологии, которую с огромным трудом пытается преодолеть наше общество.

Так кто же управляет таксомотором? Шофер или пассажир?

Дело в том, что русское слово «управлять» может быть понято двояко: определять цели (и тогда таксомотором управляет пассажир) или изыскивать средства (в этом смысле — управляет шофер).

В демократических странах «демос» (народ, гражданское общество) устанавливает наиболее общие цели, а специалисты — президенты, мэры, шерифы, менеджеры, шоферы и сантехники — изыскивают средства. Если после посещения квартиры сантехником кран будет течь, тот, по всей вероятности, потеряет работу, президент получит импичмент или будет переизбран, а фирма, игнорирующая интересы потребителя, разорится.

Таким образом, общество не только устанавливает цели, но и контролирует и результаты работы «управленцев», и средства, применяемые ими для достижения цели. Инструментами такого контроля являются и рыночная экономика, и многопартийная система, и независимость прессы, профсоюзов, и свобода собраний, демонстраций, митингов, и институты, изучающие общественное мнение, и многое другое.

Там же, где демократия отсутствует, наоборот, «компетентные» органы» (узкая группа специалистов по управлению) устанавливают цели

¹⁴⁵ Опубликовано в: Ленинградский рабочий, 23.11.1990.

и следят, чтобы применяемые средства им соответствовали, все остальное общество обязывается подыскивать эти средства. Зачастую задача выбора средств возлагается не на специалистов, а на подданных как таковых. Пioniеры ловят шпионов, рабочие, нацепив значки дружинников, борются с преступностью, милиционеров в это время отправляют на овощебазу.

В Китае «босоногие врачи» во время «культурной революции» занимались лечением, настоящие врачи — уборкой урожая, а крестьяне в это время варили сталь в печных горшках.

Австрийский поэт-антифашист Карл Краус в стихотворении, озаглавленном «Детерминизм», писал:

*Электричество надо беречь,
Печь без дров, зато в кране — течь.*

(Западноевропейская поэзия XX века. БВЛ. Т. 152. М., 1977)

Это у аккуратнейших-то немцев всего за пять лет тоталитарного режима начали течь краны!!

Впрочем, ничего удивительного в этом нет.

При такой тотальной степени централизации внимание руководителей всех уровней (пропускной способности каналов связи) хватает лишь на то, чтобы обеспечить терпимый уровень жизни только для себя. Что бы ни декларировали и даже что бы субъективно ни думали руководители о целях своих режимов, объективной их целью является «всемерное удовлетворение материальных и духовных потребностей». Кого? Тех, кто эти режимы контролирует.

Надо ли удивляться тому, что через месяц после введения советских войск в Афганистан, в начале февраля 1980 г., газеты оповестили нас о выходе трилогии Л.И. Брежнева на языке афгани?

Удовлетворению духовных потребностей высшего эшелона власти мало было побед над внутренними врагами: Пастернаком, Бродским, Синявским, Даниэлем и прочими. Говоря щедринским языком, они захотели увековечить себя «кровопролитиями».

Я вовсе не исключаю того, что лично Хрущевым или Горбачевым двигали самые гуманные чувства, когда они впрягались в воз десталинизации общества. Но аппарат (бытие определяет сознание!) позволил им делать это исходя отнюдь не из наших с вами «низменных» интересов.

XX съезд оказался таковым только потому, что высший эшелон потребовал от Хрущева гарантий личной безопасности для себя. Наша с вами, читатель, относительная безопасность явилась только побочным и не совсем желательным результатом их собственной безопасности.

Обеспечить себя овощами, не содержащими нитратов, руководители могут довольно просто. С чистой водой — несколько сложнее. Чернобыль показал, что, если положение в стране не изменится, им придется получать через свои распределители даже воздух. На «Нахимове» могли оказаться и их дети, в сгоревших вагонах могли ехать в «Артек» и их внуки.

Их интересы требовали некоторых перемен, и они разрешили Горбачеву немного поэкспериментировать.

Первым детищем такого рода экспериментов явились Советы трудовых коллективов. Тоталитарное понимание «демократии» сказалось здесь, как и в первых положениях о кооперативах, как нельзя более наглядно. Цели по-прежнему устанавливались сверху, ну а средства для их осуществления опять предполагалось искать демосу — и опять-таки не специалистам-менеджерам, а «трудовым коллективам».

Недавно с высокой трибуны ленинградской партийной конференции опять прозвучало: «Сначала — дисциплина, потом — демократия!»

Любая «кратия» — власть (автократия, бюрократия, демократия), любое управление невозможно без дисциплины исполнителей.

Трудно представить себе митинг, на котором выступающие решали бы вопрос о том, какие прокладки должен ставить сантехник. Но вот вопрос о том, почему у одних членов общества краны ремонтируются качественно, а у всех остальных кое-как, на митингах ставится.

Когда гражданам вместо митинга предлагают отправиться на уборку овощей, мы вправе задать вопрос: «Почему это организаторских способностей руководства хватает только на то, чтобы обеспечить овощами себя и своих близких?»

Если демократия — это право народа, в том числе и каждого из нас, участвовать в определении целей общества и в контроле за тем, как они осуществляются, то уместнее сказать иное: «Сначала — демократия, потом — дисциплина, в том числе и тех, кого мы поставили на управленческие посты».

И коль скоро ты не можешь организовать уборку картофеля, оставь свой пост и займись чем-нибудь другим — тем, что у тебя лучше получается.

Времена, когда цели, навязанные сверху, воспринимались низами как свои собственные, безвозвратно прошли. Сегодня даже то, что соответствует интересам большинства, но «спускается» сверху, рассматривается большинством как нечто чуждое и враждебное. Не надо себя обманывать — цели, указанные нам кем-то, вряд ли будут вызывать энтузиазм исполнителей.

Могут ли вернуться старые времена? К сожалению, могут. Но для их возвращения надо пролить крови не меньше, чем было пролито в прошлом. Потребуется сменить не только лозунги и весь пропагандистский реквизит, но и персональный состав правящего сословия. На сегодняшнюю элиту уже никто хорошо работать не будет.

Каждый из нас, «от мала до велика», кто способен жить не только сегодняшним днем, должен понять, что сейчас у страны нет альтернативы демократической дисциплине — пусть пассажиры указывают цели, а шоферы ведут государственную машину, не пытаясь обмануть и свернуть в сторону — там катастрофа.

Октябрь 1990

Феномен Горбачева

«Лукиянов был идеологом ГКЧП, а Горбачев — начальником его отдела кадров. В справедливости этого анекдота трудно усомниться, по крайней мере в той его части, которая касается Михаила Сергеевича. А если вспомнить еще и многократные горбачевские заявления о верности социалистическому выбору и КПСС, то достаточно просто решить, что путч был инспирирован самим Горбачевым. Эта простота, на мой взгляд, хуже воровства.

Не Ленин и даже не Маркс выдумали идеалы социализма. Общность имущества знали уже первые христиане: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее... Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями и домами, продавая их, приносили цену проданного...» (Деян. 4:32 и след.). За попытку утаить от общины часть своего имущества некто Анания и его жена Сапфира поплатились жизнью (Там же). История всего средневековья полна движений коммунистических христианских сект.

В дальнейшем вместо Бога и Провидения люди стали апеллировать к Разуму и Прогрессу, но архетипическая сущность этих взглядов осталась прежней (см.: Ронкин В.Е. «Город-сад»)¹⁴⁶.

Для религиозного сознания план выражения (символы, имена, слова) важнее плана содержания, поэтому неудивительно, что для Горбачева, как и для миллионов других людей, «рыночный социализм» звучит предпочтительнее, чем «капитализм», в то же время для адептов другой

¹⁴⁶ В Т. 2. настоящей книги. (Прим. ред.)

конфессии слово «социализм» враждебно, и переименование улицы Ленина в Купеческую важнее конкретных экономических реформ.

Не надо удивляться клятвам Михаила Сергеевича в верности коммунистической партии. Еще в первые годы перестройки от рядового рабочего можно было услышать в адрес какого-нибудь проходимца: «А еще коммунист!» Противопоставление реально существовавших членов КПСС неким «настоящим коммунистам» в годы его молодости было повсеместным. Наивно считать, что все эти 70 лет партийные и государственные лидеры использовали пропаганду только для обмана народа, а сами были полностью свободны от ее влияния.

Горбачев-генсек отлично знал цену тем реально существовавшим коммунистам-аппаратчикам, которые его окружали, но пытался делать ставку на тех «настоящих коммунистов», которых никто никогда не видел, но в существование которых еще недавно верила большая часть населения Союза.

Октябрь 1917 г. был наиболее масштабной, но далеко не первой попыткой реализации социалистического идеала. Неудачи всех прошлых попыток списывались либо на неблагоприятные обстоятельства, либо на ошибки самих строителей. Уже в первые месяцы после победы большевиков многие из них начали ощущать разницу между мечтой и действительностью. Появились «децисты», «рабочая оппозиция» и т.п. фракции. После того, как в 1921 г. после резолюции X съезда всякая фракционная деятельность была признана антипартийной, а следовательно, и антигосударственной, еретиками от коммунизма вплотную занялась ЧК—ГПУ—КГБ. В последние годы стало широко известно имя Рютина. Впоследствии группы, аналогичные той, о которой рассказал Жигулин в повести «Черные камни», возникали вплоть до перестройки.

В идеологический пакет этого движения за «социализм с человеческим лицом» входили идеи о полной демократизации политической жизни, противопоставление рядовых «честных» коммунистов зажавшейся партийной верхушке (к началу 60-х надежда на «рядовых, честных» членов партии почти теряет своих сторонников). Далее следовали надежды на реабилитацию колхозного строя путем замены результатов принудительной коллективизации — добровольной, создания на предприятиях рабочих советов (Горбачев назвал их советами трудовых коллективов — СТК), выборности администрации, прекращения гонки вооружений и экспорта «реального» социализма. Особо следует отметить **полное игнорирование национального вопроса**. (Как правило, такие группы создавались в городах РСФСР).

Наиболее серьезными попытками построения социализма «с человеческим лицом» стали венгерские события 1956 г. Эти события не могли не произвести огромного впечатления на Горбачева. В 1957 г. в Москве была арестована группа Краснопевцева, который был парторгом истфака МГУ. Горбачев в середине 50-х был парторгом юрфака.

(В лагере, выражаясь на жаргоне, некоторые из этой группы «ссучилось». Они вошли в СВП [секцию внутреннего порядка], и по их заявлениям отправляли в карцеры их сосидельцев. В лагерной многотиражке была опубликована статья Краснопевцева, в которой Юлий Даниэль объявлялся сторонником Мао Цзэдуна. Но об этом Михаил Сергеевич, очевидно, не знал).

В 1968 г. попытку очеловечить социализм сделали чехи — знаменитая «Пражская весна» 1968 г. На глазах Горбачева взойшла звезда Александра Дубчека, ставшего народным вождем и героем. Михаил Сергеевич несколько лукавит, что не стремился к власти и популярности, ибо и до начала реформ он имел и то, и другое. Государственный деятель, не стремящийся к власти и популярности, это такой же нонсенс, как и музыкант, равнодушный к музыке. (*Другой вопрос, что Чехия и Россия — страны разные, поэтому и отношение к вождям-демократам оказалось различным. — Вставка 2007 г.*).

Еще молодой Державин писал:

*Пушай в подсолнечную трубит
Тиран своим богатством страх;
Когда народ кого не любит,
Полки его и деньги — прах.*

И Хрущев, и Брежнев в глазах народа были посмешищем. После снятия Хрущева власть генсека, до того непререкаемая, оказалась под сильным давлением окружавшей его клики. С полками и деньгами тоже было не все гладко. Советский ВПК начал терять позиции, все более качественно отставая от НАТО. Деньги из-за необходимости закупок продовольствия, из-за бессмысленных закупок технологий, которые при централизованной системе не могли быть эффективно использованы, оборудования, гнившего годами под дождем и снегом, из-за снижения добычи нефти и падения цен на нее, начали подходить к концу.

К сегодняшнему экономическому хаосу привела не только перестройка и не столько перестройка. Наоборот, в преддверии экономического хаоса, в страхе за свои шкуры, деятели правящей клики пошли на эту самую перестройку, не очень представляя, чем она может обернуться.

Именно эта растерянность высшей бюрократии и определила тот факт, что место генсека занял не бесцветный и, следовательно, «свой» Романов, а новатор Горбачев. Именно эта растерянность дала ему возможность начать свои реформы, остановить которые его прежняя команда оказалась уже неспособной.

Перед его глазами был пример Дубчека.

Начав демократические реформы, Горбачев надеялся, что полностью и оправдалось, заручиться поддержкой самых широких слоев населения, опираясь на мнение народное, разогнать старую и полностью подчинить себе набранную вновь команду, начать реформы и выправить положение с «полками и деньгами».

Но Горбачев оказался не только хитрым политиком, он был еще и диссидентом, он всерьез руководствовался ценностями более высокими, чем стремление к власти и славе. Он всерьез попытался осуществить те идеи, за которые сложили свои головы Мартемьян Рютин, Имре Надь, Ян Палах, Валерий Саблин и многие другие. Те ценности, ради которых шли в лагеря участники всевозможных социалистических подпольных групп.

Многого он, однако, не учел. Не учел того, что в 1968 г. на антитезу «тоталитаризм — демократия» наложилась другая — «Москва — Прага», и Дубчек стал не только народным, но и национальным героем. (То же самое до того было и в Венгрии).

Не учел он и того, что чешский эксперимент был прерван в самом начале советскими танками.

Социалистическая религия отличается от всех прочих одним существенным фактом — она (как когда-то алхимия) предполагает эмпирически проверяемые результаты. Именно этим, а вовсе не заменой слова «Провидение» на слово «Прогресс», не какой-то особой аморальностью. Ранние христиане уничтожали языческие храмы с не меньшим рвением, чем большевики — христианские. Инквизиция была не гуманнее ВЧК, а «неприкасаемые» в Индии веками жили не лучше, чем советские колхозники.

Это свойство — возможность эмпирической проверки, и оно отличает социализм от того, что мы традиционно называем религией.

В условиях тотальной цензуры и практически полной безгласности представления лидеров о действительной реальности остаются такими же, какими были в молодости, т.е. тогда, когда лидер не вошел еще в номенклатуру и мог иметь нормальные человеческие контакты, не обусловленные страхом или надеждой на карьеру.

Возможно, что дубчековский вариант, не вмешавшись советские танки, кончился бы (с экономической стороны) так же, как и горбачевский: первая эйфория прошла, и стало ясно, что утопии нереализуемы, и на смену Дубчеку пришли бы другие лидеры.

Советские танки «избавили» Дубчека от немедленного решения этих проблем. Дали время на раздумья. У Горбачева его не оказалось.

Роковым фактором стал для Горбачева национальный вопрос. В Чехословакии его не было. *(Он был и там, но его удалось разрешить в 1992 г. безболезненно. Вставка 2007 г.)*. Напомню, что все социалистические оппозиционные программы, несмотря на всю значимость этого вопроса, его игнорировали. (Только попав «в зону», встретившись там с прибалтийскими лесными братьями, украинскими бандеровцами, русскими националистами, сионистами и т.п., социалисты начали понимать всю сложность данной проблемы). Михаил Сергеевич в «зоне», к счастью, не побывал.

Искренний сторонник демократии, Горбачев, однако, оставался воспитанником партаппарата. Демократия? Безусловно, но он сам знает, что и как надо делать. А тут Сахаров, Ельцин, Межрегиональная группа. Толкают под руку. И митинги.

Впрочем, нимало не сомневаясь в демократизме Собчака или Попова, разве мы не видим, что и им народ или его представители мешают строить демократию. *(В демократизме Собчака я и сам впоследствии сильно усомнился. — В.Р., 2007)*.

Когда начала усиливаться демократическая, левая сторона политического спектра, Горбачев, большой специалист аппаратных игр, для того чтобы остаться независимым, начал усиливать правый фланг. Но если левая сторона оказалась представлена новыми людьми, независимыми и яркими личностями, то справа у Горбачева были только старые коммунистические партаппаратчики.

Не желая связывать себе руки, он выбирал по принципу «не умнее меня». Нерешительных. Неавторитетных.

Именно ориентация «направо» создала обстановку, благоприятную для путча.

С другой стороны, подбор кадров даже не второго, а третьего сорта, придал ГКЧП тот балаганный характер, который и привел его к краху.

Проиграв свою аппаратную партию, Михаил Сергеевич победил как деятель исторического масштаба, и каким бы образом ни сложилась его дальнейшая политическая карьера, он навсегда войдет в мировую историю как один из успешных борцов с кошмаром XX века —

тоталитаризмом, покрывшим мир от Камчатки до Португалии сплошной паутиной концлагерей.

«Там по набережной легендарной приближался не календарный, настоящий двадцатый век», — писала А. Ахматова, вспоминая начало Первой мировой войны.

Будем надеяться, что этому веку приходит конец, и помнить о том, какова в этой победе цивилизации над варварством роль и заслуга Горбачева.

30.10.1991

Проблемы русского меньшинства в государствах бывшей империи (На собрании эстонских политзеков)

Проблема инкорпорации национальных меньшинств в составе национального государства — проблема не из простых, тем более когда речь идет об обломках империи.

В государствах Прибалтики, особенно в Латвии и Эстонии, эта проблема усложняется многократно и конкретными историческими условиями их оккупации, и составом иммигрантов послевоенного периода, и массовыми депортациями коренного населения, и соотношением коренного и русского (русскоязычного) населения.

Находятся политики, считающие возможным решить эту непростую проблему, порождающую массу новых сложных проблем, простым путем.

Каждый раз, когда я встречаюсь с готовностью отвечать на сложные вопросы бытия примитивным ответом: «Вынь да положи!», мне на память приходит притча, рассказанная Н. Винером: «В гости к своим старым друзьям пришел моряк, побывавший в Индии. Он долго рассказывал о заморских чудесах, а под конец вынул и положил на стол засушенную обезьянью лапу, которая, по его словам, могла выполнять любые желания. Сам он боялся связываться с нечистой силой и не советовал делать это друзьям. Но хозяин, оказавшийся смелее гостя, не испугался и потребовал у лапы тысячу фунтов стерлингов. Раздался стук в дверь, в комнату вошел человек и объявил, что он агент страховой компании. Сын хозяина дома, оказывается, был застрахован, и семья может получить тысячу фунтов, поскольку он погиб».

Решение сложных, да и простых тоже, жизненных задач с помощью нечистой силы всегда обходится очень дорого, гораздо дороже, чем человек предполагает.

На плебисците, когда речь шла о независимости Эстонии, Латвии, Литвы, более половины русскоязычного населения проголосовали за независимость, проголосовали потому, что и политические деятели, и независимая демократическая пресса, и соседи, и коллеги по работе, короче говоря, весь народ соответствующей республики обещали русским «свободу, равенство и братство».

Теперь оказывается, что их обманули. Разве обман не есть апелляция к нечистой силе?

Демократия — это государственная система, которая берет на себя обязанность защиты меньшинств. Да и вообще порядочному человеку свойственно становиться на защиту слабого. Для меня, по крайней мере, это один из существенных критериев порядочности. Именно поэтому демократическая Россия встала на защиту Прибалтики. И еще потому, что видела в народах Прибалтики образец для подражания. Потому, что, зная о периоде существования независимых государств, верила в существование в этом регионе демократических традиций. Помню, как в январе 1991 года я и мои друзья собирали подписи протеста. Люди боялись, коммунисты еще были у власти, и, как развернутся события, было неизвестно, боялись, но подписывались. Ставили место работы и адрес и горько шутили: «Вот по этому адресу ГБ и придет».

Теперь в меньшинстве оказались в Прибалтике русские. И те, кто их не хочет защищать, изменили демократии. Разве измена не есть обращение к нечистой силе?

В 70-х годах почти все антитоталитарные движения Союза объединились под лозунгами защиты прав человека. С этих лозунгов начиналась и борьба за независимость прибалтийских государств, ставшая существенным фактором перестройки.

Разве христианство не поставило всечеловеческое братство выше кровного? Куда теперь деться тем, кто, не вникая в политику, искал места, где в магазинах чуть больше товаров, где по дорогам можно, хоть и с трудом, проехать, где детский врач находится не за двести километров непроезжих дорог, как в Калининской области? А куда деться тем, кто родился и вырос в Прибалтике, у кого здесь и могилы отцов, и детские воспоминания, и юность?

Разве принесение людей, конкретных живых людей в жертву кумирам не есть заигрывание с нечистой силой?

Но не только нравственная сторона есть у этой проблемы. Люди, изгнанные с насиженных мест, которым в сегодняшнем состоянии демократическая Россия ничего предложить не сможет, под чьи знамена standen они, обманутые демократическими призывами своих прибалтийских сограждан и русских — московских, ленинградских демократов? Жириновского? Макашова? «Наших»?

Картошка, как говорил еще Б. Брехт, несовместима с фюрерами — либо фюрер, либо картошка. Вместо картошки фюреры предлагают, как правило, идеи реванша. Сегодня российские демократы и российская демократия являются заложниками национальной политики бывших республик Союза. И если мы проиграем ваше отступление от принципов прав человека и демократии, бумерангом вернется к вам же. В сегодняшних условиях, если ваш национализм обернется нацизмом, не исключено, что на смену ему придет «нашизм» имперского типа.

В связи с этим я хочу привести два лагерных воспоминания.

Как-то за кружкой кофе или контрабандного чая собралась разношерстная компания: прибалты, русские, евреи, украинцы. Каждый, до кого доходила круговая кружка, прежде чем сделать свои два глотка, произносил короткий спич. Один из украинцев сказал что-то резкое в адрес Москвы и «москалей». Следующим был старый латыш, участник партизанской борьбы, командир «лесных братьев». «Как хорошо, — сказал он, — что здесь за одним столом собрались ребята из Москвы и Киева, Риги и Тбилиси, Таллинна и Еревана! Зверь силен и страшен, и только общими усилиями мы можем свалить его».

И еще одно воспоминание. В нашей зоне был один зэка по фамилии Зайцев, получивший свои 25 лет за участие в той же партизанской борьбе. Когда его спрашивали, почему он, русский, пошел в латышские партизаны, он отвечал: «Латвия дала мне все: мою церковь, мою школу, мою землю. А эти пришли и все отобрали».

Не надо убаюкивать себя иллюзиями. Зверь еще жив и злобен. И каждый из вас должен спросить себя: «Что сделал я для того, чтобы в случае беды любой русский гражданин моей страны встал на ее защиту, как тот Зайцев? Что сделал я для того, чтобы он своим соотечественником чувствовал меня, а не Жириновского?»

Мы попали в концлагерь не по случайному стечению обстоятельств, а потому, что осмелились выступить против силы. Были и другие, которые держали кукиш в кармане, а партбилет КПСС — в другом. Они, хорошо усвоив, что плетью обуха не перешибешь, не перли на рожон. Потом чаши весов истории переместились, и те, кто еще недавно считал нас

дураками, повыбрасывали партбилеты и повынимали кукиши. И снова оказались на стороне силы. Хочу надеяться, что и мы — эзка тоталитарной империи — тоже не изменили своих принципов. Мы по-прежнему не путаем силу и справедливость, по-прежнему готовы выступить против силы в защиту справедливости.

Нельзя добыть свободу, построить правовое государство, возродить культуру, наладить экономику обезьяньими лапами. Все сложные проблемы могут быть решены только сложным путем. Только совместными усилиями и взаимными уступками. Не «завтра», не «даром». Их разрешение — в конце долгого и трудного пути.

А за услуги обезьяньих лап приходится платить всегда очень дорого.

Таллинн. 21.06.1992

Зачем «Нашим» «не наши»?

В январе 1991 г., сразу же после начала трагических событий в Вильнюсе, телерепортер Невзоров выступил с серией телепередач «Наши». В первой из них Невзоров рассказал об омовцах, захвативших вильнюсскую телестудию, в следующей надпись «Наши» появилась на бронжилетах его героев, затем — на майке Юрия Гагарина (была продемонстрирована якобы архивная фотография). Дальше — больше. Появилось движение «Наши». Создается впечатление, что русский язык не является для Невзорова родным.

По-русски можно сказать: «мы ваши» или «вы наши», но сказать «мы наши» нельзя. Притяжательные местоимения указывают чего-либо одному из трех грамматических лиц и тем самым противопоставляют объект субъекту.

Впрочем, близкое употребление слова «наши» можно найти у Достоевского в романе «Бесы». Глава седьмая второй части романа, повествующая о нелегальном собрании группы Петра Верховенского, так и называется: «У НАШИХ».

Мало вероятно, чтобы, обращаясь к слову «наши», Невзоров отталкивался от Достоевского — ассоциация с бесовщиной в данном случае ему вроде бы и ни к чему. Скорее всего, он, как и герои «Бесов», апеллировал к блатному: «Наших быют!», а романа просто не читал.

Тем значительнее это совпадение. Младший Верховенский выступал от имени «Интернационала», к которому никакому отношению не имел, Невзоров выступает от имени чуть ли не России.

Под поверхностью лозунгов и демагогии скрывается некий социально-психологический инвариант, который в наиболее чистом виде проявлялся у народов, стоявших на очень низкой ступени цивилизации. Вот что писали этнографы о папуасах маринд-аним: «Сами себя... (*они. — Ред.*) называют аним-ха, т.е. настоящими людьми. Это означает, что все остальные люди являются существами второго сорта и вообще не заслуживают звания людей. С ними можно обращаться как угодно, потому что нравственные законы на них не распространяются» (Мифы и предания папуасов маринд-аним. М., 1981, с. 191). «Нельзя понять суть каннибализма, если не принимать во внимание деление мира на “своих” и всех прочих. Круг “своих” задается прежде всего родством, затем локусом, историей, данной клятвой. Взаимные обязательства в пределах “своих” крепки, и их нарушение есть нарушение табу... Что же касается всех “других”, за пределами круга “своих”, то к ним обязательства неприменимы. Соответственно эти чужие могут быть принесены в жертву на каннибалистическом пиру» (Мифы, предания и сказки фиджийцев. М., 1989, с. 58).

В современном обществе такая психология сохраняется преимущественно в воровской среде. «...Их мир... есть отдельный мир в нашем мире, и суровые законы, которые столетиями там существуют для крепости того мира, никак не зависят от нашего “фраерского” законодательства... И что значит само их слово “фраерский”? *Фраерский (выделено мной. — В.Р.)* значит — общечеловеческий, такой, как у всех нормальных людей. Именно этот общечеловеческий мир, наш мир, с его моралью, привычками жизни и взаимным обращением, наиболее ненавистен блатным, наиболее высмеивается ими, наиболее противопоставляется своему антисоциальному антиобщественному кублу» (А.И. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ»; ч. 3, гл. 16).

Итак, первый ответ на вопрос «*Зачем нашим не наши?*» кажется ясен. Для того, чтобы было кого съесть, не испытывая угрызений совести.

Наследники Верховенского, обещавшие построить новый мир, очень быстро зачислили в «не наши» всех, кроме узкого круга своего кубла во главе с Паханом, причем внутри этого кубла (в отличие от общества папуасов) процветала жестокая свара.

Но такой утилитарный подход к «не нашим» — только одна сторона психологии и морали «нашизма».

Для понимания другой ее стороны придется снова обратиться к этнографии примитивных культур. Первобытный человек живет в вечном страхе перед внешним миром, перед явлениями, которые он не может ни прогнозировать, ни понять. Чтобы хоть немного уменьшить

свой страх, человек должен найти его причину (истинную или мнимую, психологически это не имеет значения). «Если существует кризис морального, политического или экономического порядка, то поиски или выявление колдуна выносит облегчение, потому что «виновник» найден, а все остальные обелены» (*) (Оля Б. Боги тропической Африки. М., 1976, с. 149).

Французский ученый Леви-Стросс описал суд над таким «колдуном». «Публичное судебное разбирательство ведется не так, как у нас, т.е. по принципу обвинений и их отрицания, а в форме ссылок и детализаций. Судьи не ждут от обвиняемого, чтобы он оспаривал какое-то утверждение или тем более отвергал те или иные факты. Они требуют от него лишь подтверждения системы, известной им только по одному фрагменту; они хотят, чтобы он воссоздал остальное соответствующим образом... Суд соучаствует в признании; тем самым оно обретает новую силу и превращает самого обвиняемого в сотрудника обвинителя. Благодаря этому колдовство и связанные с ним идеи перестают отягчать сознание как совокупность неясных чувств и плохо сформулированных представлений и обретают реальное бытие (Леви-Стросс К. Колдун и его магия / Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985, с. 153).

«Не так, как у нас» — это сказано гражданином Франции. В СССР такая «совокупность неясных чувств и плохо сформулированных представлений» называлась не «колдун», а «враг народа», но в этом случае важны не термины, а тот социально-психологический инвариант, который и позволяет нам столь отчетливо узнать ситуацию.

В любом примитивном сознании «не наш» — всегда враг. Эта общность может быть определена все равно по какому принципу: классовому, национальному, религиозному. Она вообще может быть реально не существующей. «Колдун», таким образом, становится представителем некой категории людей, а вся эта категория превращается в его сообщников, т.е. «колдунов» разной силы и ранга.

Итак, само существование «не наших» позволяет материализовать страх, какими бы причинами он ни был вызван в действительности. С другой стороны эти самые «не наши» служат источником вечного страха, что позволяет сплотить «наших» и поставить их в зависимость от фюреров.

У фюреров же появляются действенные способы воздействия на массу своих сторонников. Это, во-первых, фиктивная «угроза» со стороны «колдунов», и, во-вторых, вполне реальная угроза объявить «колдуном» всякого, кто проявит скепсис, а тем более неповиновение.

Отсюда следует абсолютная иллюзорность избавления примитивно-мыслящего общества от «не наших», они структурно необходимы для его существования.

Кто будет в свою очередь объявлен «не нашим» и «принесен в жертву на канибалистическом пиру» — зависит от обстоятельств и фантазии канибалов.

Итак, зачем нужны «не наши», мы выяснили. А зачем нужны «наши»? Для того чтобы провести некоторую границу, оставить за ней всех остальных, тех, с кем можно обращаться как угодно, потому что нравственные законы на них не распространяются.

29.12.1992

Что такое история?

История как явление — это непрерывная цепь глупостей, совершаемых человечеством (вернее, его подавляющим большинством). История как наука — это описание истории-явления, сделанное таким образом, чтобы предотвратить всякую возможность поумнеть следующим поколениям.

Вспомним события, связанные с удельными междоусобиями на Руси. Историки связывают их с личными амбициями удельных князей. Но представим себе ситуацию, при которой какая-нибудь Тмутаракань в состав России не вошла. В таком случае из истории мы узнали бы о героической борьбе тмутараканов за свою независимость, о роли княжеских амбиций если и было бы сказано, то только вскользь, и то если бы речь зашла о конкурентах победителя. Но история не благоволила Тмутаракани.

Если до монгольского нашествия личные амбиции князей раскалывали Русь на враждующие уделы, то это происходило вовсе не потому, что князья были против ее объединения, однако каждый из них желал бы видеть во главе объединения только себя. (Национальная принадлежность объединяемых роли, естественно, не играла — всякий норовил урвать то, что плохо лежит).

Один из таких исторических персонажей, договорившись с оккупантами, и стал объединителем Руси. Его потомки ухитрились оккупировать своих бывших оккупантов, но это произошло потом. Таким образом, и тем, кто устраивал междоусобные разборки, и тем, кто создавал единую империю, было одинаково наплевать на все, кроме своих

собственных амбиций. Что же касается размеров и мощи государств, то что-то я не слышал о массовом стремлении датчан эмигрировать в Россию.

Впрочем, в некоторых странах абсолютное большинство населения, случается, и признает приоритет интересов государства по сравнению с интересами индивида. Однако каждый конкретный подданный такого Левиафана может и не согласиться с тем, что в жертву государству приносятся именно его интересы.

Тем более что всякий раз, обращаясь к государству, он видит конкретного чиновника, человека со своими собственными интересами и недостатками: амбициями, ленью, жадностью и т.д. и т.п., который от имени государства пытается решать свои собственные проблемы за его счет. Рядовой обыватель видит такого чиновника в милиционере или управдоме, тот, в свою очередь, наблюдает своего начальника, этот — министра, министр — государя, диктатора или вождя.

В результате все подданные, поддерживая идею абсолютного государства в принципе, на деле плюют на его интересы. Рядовой обыватель может, конечно, верить в честность министра или фюрера, поскольку никогда с ним не контактирует, но на своем уровне вынужден уповать только на свое умение «вертеться».

Тот, кто этого не понимает, рано или поздно выбывает из игры как герой, предатель или просто дурак, в результате чего эти понятия сближаются до неразличимости. И никакого государственного величия, естественно, не происходит, а происходит «бардак», причем никто не чувствует себя в этом виноватым, ибо свое поведение объясняет нежеланием пополнять ряды дураков.

Такое государство время от времени внешне изменяется, народ, доведенный «бардаком» до отчаянья, в очередной раз требует смены династии, диктатора или наименования правящей клики, но затем все возвращается «на круги своя, как пес на свою блевотину».

Истинное величие государства достигается только тогда, когда оно является не самоцелью, а результатом величия личности каждого гражданина такого государства: во время Второй мировой войны гитлеровцы сбросили над Англией миллионы фальшивых фунтов стерлингов, что могло нацело парализовать экономику страны. Но этого не произошло, потому что патриоты-британцы, воспитанные отнюдь не под девизом «хочешь жить — умей вертеться», сдавали все найденные деньги в полицию.

Наиболее полно сформулировал идею Абсолютного Государства китайский чиновник Шан Ян, живший в IV веке до н.э. Согласно его

трактату «Книга правителя области Шан», в истинном государстве есть две уважаемые профессии — воины и земледельцы (русский перевод: М., 1968). «Когда народ слаб — государство сильное, когда государство сильное — народ слаб... Когда люди живут в унижении, они дорожат рангами знатности; когда они слабы, чтят чиновничьи должности; когда бедны, ценят награды... Если страна бедна и в то же время направляет усилия на войну, то яд появляется в стане противника... Если страна богата и в то же время ни с кем не воюет, то яд появляется внутри этой страны... Если люди глупы, то их легко принудить к физическому труду, а если умны, то принудить нелегко... Если народ перестанет ценить ученость, то он будет глуп, а коль он глуп, то у него не будет внешних связей. А если народ не имеет внешних связей, то он усерден в земледелии и радив...»

До нашей эры, когда боеспособность армии зависела преимущественно от ее численности, такие сентенции, возможно, и находили некоторое оправдание, положение коренным образом изменилось в XVII—XVIII веках нашей эры, когда боеспособность армии начала все в большей степени зависеть от развития технологии, науки, а следовательно, и от общего культурного развития страны. Именно с этого времени, в России наиболее явственно с петровской эпохи, военные амбиции государства требовали и вызывали появление интеллигенции и предоставление ей значительной роли в системе государственных отношений.

Но интеллигенция по самой своей природе не могла перестать ценить ученость, интеграция мировой науки и технологии требовала расширения внешних связей, того же требовала и специфика интеллигентского труда. В результате интеллигенция отказывалась жить по принципам Шан Яна и превращалась в антигосударственную силу.

Когда во Франции поставили какую-то антироссийскую комедию, Николай I пообещал французам прислать «30 тысяч зрителей в солдатских шинелях». Комедию сняли. Русская интеллигенция была недовольна, а «державники» ликовали, потом эти же державники проиграла Крымскую войну, поскольку у англичан и французов уже было нарезное оружие, а в России было гладкоствольное, да еще кирпичом чищенное.

В завершение — краткая справка о судьбе Шан Яна: он вместе со всей семьей был казнен. За что, как говорится, боролись, на то и напоролись. Интересно, существовала ли аналогичная пословица в Древнем Китае?

Россия и психиатрия

В самом начале перестройки один ленинградский доктор наук опроверг теорию относительности. В качестве доказательства он объявил телезрителям, что поскольку его статью не взялся печатать ни один журнал — налицо всемирный заговор. А так как из-за пустяков такой заговор устраивать вроде бы ни к чему, то, следовательно, его статья представляет собой гениальное прозрение, остальные доказательства, как слишком специальные, широкой публике не предъявлялись.

Через некоторое время другой доктор наук опубликовал в журналах «Вопросы философии» и «Знание — сила» статьи о том, как с помощью ЭВМ ему удалось доказать существование дьявола (не знаю, посылал ли он свой материал в «Известия Московской Патриархии»).

Очередное «открытие» получило статус ПРЕСС-РЕЛИЗА. Не хвост собачий! Собственно, автор пресс-релиза («Россия и геополитика»)¹⁴⁷ открыл не Россию и даже не геополитику, а какую-то брошюрку американского автора Р. Эпперсона¹⁴⁸. Поскольку некоторые наши геополитики твердо уверены, что американский ширпотреб, даже интеллектуальный, обязательно добротнее русского, открытие произвело на автора пресс-релиза Монастырского неизгладимое впечатление. Тот факт, что книга Эпперсона почти не упоминается американской печатью, лишний раз доказывает не бессодержательность ее, а наличие мирового заговора. Одним из симптомов маниакального психоза является толкование любых, даже взаимоисключающих, фактов таким образом, что они только подтверждают установку больного. Этот же способ применялся и сталинской юстицией: «говорил то-то и то-то?» — следовательно, враг; «не говорил?» — значит, затаился!

Не только Эпперсон, но и коммунисты, и гитлеровцы ссылались на большое количество источников, и грех обвинять мировую прессу в том, что она игнорировала эти теории и ссылки, однако это не мешает Монастырскому и тех и других превращать в орудие всемирного заговора, «реально осуществляемого на протяжении столетий, если не тысячелетий» (последнее слово Монастырский даже подчеркнул!). Доказательства? Как же, символика, употребляемая на валютных банкнотах, а также

¹⁴⁷ Монастырский М.Л. (Председатель подкомитета по Юго-Восточной Азии и Тихоокеанскому региону Комитета по геополитике Государственной Думы, член фракции ЛДПР). Россия и геополитика. Известия. 1996, 17 апреля.

¹⁴⁸ Р. Эпперсон. «Невидимая рука, или Взгляд на Историю как на Заговор».

коммунистами, находит стопроцентные аналогии с символикой масонских лож!

Казалось бы, зачем столь мудрым и проницательным заговорщикам столь неосторожно всюду оставлять свои следы в виде символики, да и зачем этим прагматическим выжигам нужна сама эта символика? «Нет ответа!», как говорил Гоголь. Впрочем, Гоголь говорил совсем о другом.

Так же, как и Пушкин в отрывке, взятом Монастырским в качестве эпиграфа, как и Щедрин, цитируемый в тексте. Они говорили о том, что происходит с народом, отказавшимся от свободы и логики.

В свое время Ф. Энгельс и Л. Толстой, не сговариваясь, высказали мысль о том, что каждый человек в истории действует, исходя из своих представлений. Эти действия есть величина бесконечно малая, а история, являющаяся ее «интегралом», «составляющей этих сил», вещь трудно-предсказуемая, и поэтому в итоге чаще всего результат ее оказывается вовсе не тот, на который люди рассчитывали. Но Энгельс нам nonetheless не указ, а Л. Толстой, поскольку говорил о масонах с иронией, а не над-рывным пафосом, поди, и сам масон!

Человечество до сих пор не умеет моделировать погодные условия, да что погода! — даже результаты обыкновенного гриппа и то с трудом поддаются предсказаниям, а вот социальные процессы эти заговорщики научились моделировать тысячи лет назад! А если учесть тот факт, что «масонская символика» встречается в тех археологических пластах, когда еще не было не только всемирных банков, но и самых примитивных денег, становится совсем страшно.

Этот мировой заговор не есть дело рук человеческих, его мог организовать только сам Дьявол, существование коего ныне доказано с помощью ЭВМ. И хотя и Гитлер, и коммунисты были убеждены, что они спасают мир от этого дьявольского заговора, все они, как оказывается, были только игрушками в его руках. Силен вражина!

Где доказательства того, что Эпперсон и Монастырский, а вместе с ними и ЛДПР, членом которой он является, избежали этой же участи?

Нет ответа!

Факт, что подобное персональное недомогание получило статус государственного документа, говорит о том, что у нас серьезно «поехала крыша». Мания величия сочетается с манией преследования.

17.04.1996

Мы все «заединщики»!

В 1989 году на Съезде Советов выступал А.Д. Сахаров — речь шла о будущем российского сельского хозяйства, и Сахаров заявил, что его возрождение невозможно без права выхода крестьян из колхозов и совхозов с причитающейся им долей имущества. Следующим получил слово известный писатель Василий Белов. Один из авторов «Нового мира», он был еще в «застойные» времена известен как ярый противник колхозного строя. На Съезде он, правда, блокировался с наиболее ретивыми коммунистами, но по крестьянскому вопросу мнения своего не изменил. Этому он и посвятил вступительную фразу своего выступления, однако само выступление сводилось к тому, что он не может согласиться со взглядами Сахарова на армию, на правительство и на Россию вообще.

Перед выборами в Думу 1993 и 1995 годов Явлинский из-за некоторых разногласий с позицией Гайдара отказался от всякой предвыборной коалиции, чем не только ослабил демократическое движение в России, но и позиции своей собственной партии.

В декабре 1994 года против эскалации уже начавшейся войны в Чечне выступили «Выбор России», «Яблоко» и коммунисты. Представители этих движений отправились в воюющий Грозный и по возвращении выступили единодушно. Однако очень скоро коммунисты фактически дезавуировали выступление своего представителя, а демократов обвинили в клевете на армию.

1996 год. Александр Лебедь фактически прекратил войну в Чечне, вступив в трудные и изнурительные переговоры со всеми сторонами конфликта — «от Кремля до самых до окраин». Демократические партии и организации России решили провести (далеко не первый) митинг в поддержку мирного решения чеченского вопроса. Бравый генерал, хотя и в отставке, незамедлительно отмежевался от этой акции — «искренне заявляю, что не имел чести когда-либо нуждаться в их помощи, и впредь надеюсь обойтись без таковой». Генералу несколько изменила память — среди организаторов митинга числится и объединение «Яблоко», с которым накануне президентских выборов он пытался скооперироваться, т.е. надеялся на помощь, ну да это не суть важно.

Важнее другое. Который год все без исключения лидеры призывают Россию и россиян к единству, некоторые пытаются даже найти некую магическую формулу «Русской идеи».

На Западе, когда встречаются два человека, один обращается к другому: «Чем могу быть полезен?» — эта формула вежливости довольно хорошо

отражает суть отношений между людьми — затем они начинают сотрудничать в меру совпадения их взглядов и интересов. У нас при встрече следует «Како веруешь?!», затем один показывает два перста, другой — три, после чего встречные норовят вцепиться друг другу в бороды.

Наиболее наглядно такую церемонию описал Ленин: «Прежде чем объединиться и для того, чтобы объединиться, следует принципиально и решительно размежеваться!»

Надо сказать, что демократически настроенный российский избиратель дальше ушел от ленинской тактики, чем лидеры, этим и объясняется падение рейтинга «Яблока» в целом и Явлинского в частности.

Наиболее насущной формулы, чем «взаимная терпимость», сегодня не сыскать. Мы отказались от навязываемого насилем тотального единства, явившегося следствием «решительного размежевания» и уничтожения всех тех, «кто поет не с нами». Но не сумели понять, что отсутствие полного единомыслия (невозможного по природе человека) не означает войны всех против всех — в той части, где взгляды и интересы людей совпадают, мы должны сотрудничать во имя блага страны и собственного блага. Ибо «война всех против всех» порождает Левиафана — тотальное государство, одинаково опасное всем вместе и каждому в отдельности, не исключая лидеров. Последние дни Ильича, которого в борьбе за власть его соратники оставили на попечение Сталина, тому хороший пример. Ленин не любил Сталина, поэтому соратники того и другого были уверены, что «Ильич» не назначит его своим наследником. Да и в дальнейшем их игры в борьбе за власть стоили им лично головы, а стране — пребывания в ГУЛАГе.

30.08.1996

К программе «лейбористской» партии России¹⁴⁹

То, что существует в России сегодня, называть демократией нельзя, ибо демократия — это участие достаточной доли «демоса» во власти и не абстрактной, а на местах, прежде всего в профсоюзном движении.

Все мы, кто в 50–60-х годах мечтал о «социализме с человеческим лицом», кто позднее боролся за права человека, кто доламывал хребет тоталитарному режиму в годы перестройки, кто выходил на площади в августе 1991 г., такого результата не ожидали и не предвидели.

¹⁴⁹ Опубликовано в: «Пчела». Обзорение деятельности негосударственных организаций Санкт-Петербурга, 1997, февраль–март.

Нашей главной и основной ошибкой было то, что мы переоценивали способность населения России к самоорганизации.

Демократия, правовое государство объективно выгодно наемному работнику не менее, чем собственнику, поскольку продавать свой труд выгоднее, чем отдавать его под угрозой внеэкономических санкций. Не следует забывать, что рабочий не только продавец своего труда, но еще и личность, поэтому демократические свободы и гарантии имеют для него самостоятельную ценность.

В условиях постоянного расширения частного сектора в промышленности и других сферах экономики неизбежно резко обостряются противоречия между работодателями и наемными работниками.

Аппетиты работодателей в настоящее время не сдерживаются ни моральными, ни юридическими нормами.

Защищать интересы лиц наемного труда может либо государство, либо сильные независимые профсоюзы.

Сегодняшняя ФНПР¹⁵⁰ оказывается неспособной отстаивать интересы наемного работника. Ее «представительства» на местах — завкомы и профкомы — полностью подконтрольны администрации, которая выплачивает надбавки и премии председателям и в качестве курьеза устраивает им же заграничные командировки «для обмена опытом».

Новообразованные профсоюзы пытаются делать это в местном масштабе, но, во-первых, они полностью лишены средств — вся собственность бывшей школы коммунизма оказалась в руках ФНПР, во-вторых, за вступлением в такой профсоюз немедленно следует увольнение или дискриминация. (Поскольку сейчас идет довольно значительное сокращение рядов ФНПР, государство, надо полагать, скоро вспомнит, что собственность, им принадлежащая, может быть конфискована на вполне законном основании).

К сожалению, мало шансов на то, что сегодняшний директорат терпит на своей территории независимую от него профсоюзную организацию. Защиту интересов наемных рабочих может взять на себя только организация, непосредственно не связанная с предприятием — партия лейбористского типа, способная соответствующим образом влиять на политику государства.

Впрочем, таких партий наберется уже десяток. Строительство любой партии бессмысленно начинать с выборов ЦК. Нормальная массовая партия образуется вокруг печатного органа, способного предложить

¹⁵⁰ ФНПР — Федерация независимых профсоюзов России. (Прим. ред.)

своим читателям круг практических, теоретических и философских идей. А главное, честную, своевременную и по возможности полную информацию по интересующим людей проблемам. В частности:

1. Материалы о современном рабочем движении в России (перепечатка из местных и малотиражных газет, интервью, оперативные сообщения, письма читателей).

2. Юридические консультации, правозащита своего читательского контингента в области трудового законодательства, техники безопасности и т.п.

3. Экономический анализ как общей ситуации, так и конкретных акций, программ, выступлений.

4. Материалы по истории рабочего движения в России и за рубежом.

5. Теоретические статьи, касающиеся рабочего движения, исследующие этот вопрос с самых разных точек зрения (от монархистов до анархистов).

6. Наиболее острые материалы общеполитического характера.

Такая газета должна стать преемницей (возможно, и по названию) «Рабочего дела» движения русских «экономистов». Только став массовой, газета может приступить ко второму этапу — формированию местных ячеек протопартии. Эти ячейки только во вторую очередь должны заниматься текущей политикой. Основной же их задачей должна стать реальная помощь людям, представляющим средний класс. Помощь юридическая, поиски работы, по возможности материальная, наконец, моральная, ибо, имея связь с прессой, такая ячейка может сделать достоянием гласности конфликт, что, с одной стороны, несколько снижает горечь поражения потерпевшего, с другой — будет хоть в какой-то степени умерять административный восторг начальства. Да и для исхода суда публикация или ее возможность будут иметь значение.

Кто войдет в такие ячейки? Некоторое (небольшое) число действительно широко и гуманно мыслящих людей, умные карьеристы, которые поймут, что для прочности успеха необходима некая подготовительная работа, наконец, наиболее активные из тех, кто пострадал от произвола.

И только на третьем этапе возможно конституирование подобных ячеек в соответствующую партию после широкого обсуждения и принятия ее программы.

Необходимость такой партии, даже при сильном профсоюзном движении, вытекает из того, что интересы различных категорий рабочих зачастую противоречат друг другу, и поэтому партия может выступать в качестве верховного арбитра. С другой стороны, полная деидеологизация

рабочего движения приводит к тому, что профсоюзы попадают под контроль мафиозных структур.

Нам могут возразить, что историческое время для российского «лейборизма» еще не пришло.

Но не надо забывать, что рабочие современной России, в отличие от наемных рабочих времен «дикого капитализма» на Западе, обладают правом голоса. Кого выберут завтра те, кто сегодня не видит ни справедливости, ни защиты, а защититься сам не умеет?

Единственным средством не отдать голоса «среднего класса» какому-нибудь диктатору является выход на политическую арену партии лейбористского типа.

*В соавторстве с С.Д. Хахаевым
02.11.1996*

Правая – левая, где сторона? (Россия в системе Зазеркалья)

В статью 1996 г. добавлены некоторые мысли из статьи 2003 г. Они отмечены курсивом. — В.Р.

«Чужая (западная) цивилизация выступает как своеобразное зеркало и точка отсчета, и основной смысл интереса к «чужому» в России традиционно является методом самопознания» (Ю. Лотман. «Современность между Востоком и Западом»).

Слово «зеркало» у Лотмана больше, чем метафора.

Кто такие коммунисты сегодня? Крайне левые? А фашисты? Крайне правые? Однако почти всегда они блокируются по большинству важнейших для нашей страны вопросов. Не случайно же словечко «красно-коричневые» вошло в современную политическую лексику и достаточно хорошо определило масть так называемой непримиримой оппозиции. (Само это словосочетание «непримиримая оппозиция» звучит достаточно дико). Почему же одни «левые», а другие «правые»?

Исторически сложилось так, что «левыми» называли тех, чья система ценностей в первую очередь ориентировалась, говоря современным языком, на права человека, в то время как «правые» отдавали предпочтение

государству. Это противопоставление возникло со времен Великой французской революции, поскольку левую часть зала Национального собрания занимали представители третьего сословия, а правую — дворянства и духовенства. Левые ориентировались на революционный девиз: «Свобода, Равенство и Братство!», правые на принуждение, иерархию и соборность. Последняя система ценностей была гораздо проще, почему исторически и предшествовала первой.

Ныне стало модным подчеркивать противоречивость французской триады. Это действительно так. Но без свободы невозможны ни равенство, ни братство, в свою очередь, как и свобода невозможна без них. Европейское сознание научилось, далеко не сразу, находить некоторый компромисс между этими ценностями.

Коммунизм не как государственное устройство (до этого тогда было еще далеко), а как идея, пусть в значительной мере и утопическая, знаменовал собою левый фланг европейской (да и не только европейской) идеологии.

Свободу как осознанную необходимость, как осознанный выбор, включающий в себя представление о личной ответственности за все последствия этого выбора, без чего невозможно никакое покаяние.

Справедливость вместо насилия. «Еще тогда (в отрочестве) я дал себе клятву посвятить свою жизнь борьбе с насилием», — писал из тюрьмы в 1913 г. своей аполитичной сестре Ф.Э. Дзержинский, еще не ведая, что он сам станет создателем одного из самых страшных аппаратов насилия в истории человечества. Письмо это не было предназначено для печати и, как и всякий фанатик, Ф.Э. не сумел вовремя посмотреть на себя со стороны. Но идея отмирания государства как аппарата принуждения уже в чисто пропагандистском смысле использовалась еще и во времена Хрущева.

В России решили осуществить Свободу, Равенство и Братство сразу же и до предела. Это, с одной стороны, порождало большой энтузиазм и даже фанатизм в рядах преобразователей России (и, как они тогда мыслили, всего мира), с другой — попытка реализовать утопию приводила к прямо противоположному результату. «В результате, — писал В. Шульгин, — в ходе Гражданской войны красные побелели, а белые покраснели». «Фактически в этой войне победили мы!» — подводил он итог. Как только большевики пришли к власти, слово «левый» в его политическом значении получило негативный оттенок, если дело касалось внутренних проблем: «болезнь левизны», «левый уклон», но сохраняло прежнее положительное значение, коль скоро дело касалось

зарубежья. В словаре Ожегова (1953 г.) слово «левый» в положительном его значении иллюстрируется примером: «левая фракция парламента (западного)», в отрицательном — на примере большевистской партии («левый уклон»), слова «левак», «левацкий» снабжены пометкой: «(презр.)»

И это не случайно, ибо в результате Октябрьского переворота страна была отброшена в социальном плане на несколько столетий назад — рабочая сила перестала быть товаром, который ее хозяин-рабочий продавал на рынке. Отныне она вместе с владельцем становилась собственностью государства. Прикрепление к земле крестьян, гулаговская и стройбатовская система рабовладения, антирабочее законодательство, превращение в фикцию профессиональных союзов — это одна сторона медали, другая ее сторона — имперская политика, осуществляемая новыми идеологами и дворянами (руководством силовых структур). Что касается «третьего сословия», то оно частично было уничтожено, частично закрепошено и потеряло даже те куцые права, которые имело до Октябрьской революции.

Побег за границу или невозвращение оттуда карались как измена Родине. Вплоть до «высшей меры наказания» — смертной казни.

В свое время (1960–1980 гг.) антиправительственная оппозиция, за некоторым исключением, относилась к левому флангу. (Вспомним Окуджаву: «Те, что справа, стоят, стоят. Но те, что идут, всегда должны держаться левой стороны»).

Правящие (да и сегодняшние) коммунисты своеобразно понимают и свободу, и равенство, и братство. До сих пор центральным символом российской коммунистической «оппозиции» служит портрет Сталина, ибо основной ценностью ее является патерналистское государство с сильным «царем» и тотальной властью бюрократии. Последнее, как показывает практика, оказывается наиболее значимым, что же касается патернализма, то это «насколько позволит ситуация». И, к сожалению, дело не только в руководстве партии — если бы Зюганов основным символом сделал бы портрет Маркса, его электорат сплотился бы вокруг дружного лидера.

Вместо этого упование на всевластие государства, имперские амбиции, наплевательское отношение к личности, страх перед коллективизмом, о котором они любят разглагольствовать, но который они подменяют стадностью. Вспомним, какой страх у коммунистических режимов вызывало любое проявление коллективизма от дружеской компании до независимого профсоюза!

Всюду, где коммунистам удавалось захватить власть, они делали это под крайне левыми лозунгами, затем следовала достаточно кровавая чистка партии и власть оказывалась в руках правых. Сегодня в России в коммунистической партии не сохранилось тех, кто исповедовал бы левые идеалы.

В коммунистических партиях развитых стран Европы, в том числе и там, где Советскому Союзу удалось установить соответствующие режимы, всегда были сильны социал-демократические тенденции, поэтому приход к власти бывших коммунистических лидеров в Литве и Польше не привел к реставрации тоталитарного строя.

Опыт показывает, что во многом и уровень благосостояния западного мира, и его «человеческое лицо» обеспечила социал-демократия в ее ревизионистском (бернштейнианском) варианте. Это понимал и Сталин, который уже в 1926 г. обозначил социал-демократический уклон как основную опасность для партийно-государственной бюрократии (см. его доклад на XV партконференции).

В западноевропейских странах сегодня левый фланг занимает идеология социал-демократии, которая со времен Бернштейна, отказавшись от марксистской экономической эсхатологии, осталась верна нравственным ценностям коммунизма. В странах «народной демократии», где компартии пришли (к власти. — *Ред.*) на целое поколение позже, нежели в России, вытравить левую идеологию у себя полностью руководству не удалось, поэтому там оказалось возможным возрождение социал-демократии в значительной степени с участием бывших коммунистов. Иное дело у нас.

Правее коммунистов в России только откровенные фашисты. С самого начала фашистская идеология вербовала в свои ряды тех, кто силу предпочитал справедливости, преклонение перед вождем — личной ответственности, а псевдокровное родство — всем остальным социальным связям. Понятие патриотизма со времен Французской революции полностью изменило свое значение. Слово «патриот» обрело там свою вторую жизнь именно тогда, когда оно стало синонимом слов «гражданин», «революционер», одним словом — «левый».

Сегодня у нас понятие «патриот» скомпрометировано теми, кто призывает любить не Родину, а власть. Власть, которой наплевать и на народ, и на культурную память, и на экологию своей страны.

Архаичное преклонение перед грубой силой и жестокостью — вот основа идеологии и фашизма, и родственного ему блатного мира (см. прекрасную статью Д.С. Лихачева «Черты первобытного примитивизма воровской речи», написанную им еще на Соловках).

Поэтому фашисты в противники себе выбирают тех, над кем можно куражиться, по их мнению, безнаказанно.

Сейчас Россия переживает то, что в свое время называлось буржуазной революцией. Это подразумевает:

1. Крах империй (имеются в виду не колониальные империи) и создание на их основе национальных государств — недаром после революции французский парламент получил название Национального собрания.

2. Создание на территориях этих государств рыночного и, соответственно, правового пространства.

3. Ликвидацию латифундий и замену их фермерскими хозяйствами.

4. Замену принудительного труда свободным.

5. Утверждение демократических свобод.

Во всем мире и во все времена тех, кто за это ратовал, называли левыми.

Развал «социализма» в государствах бывшего Союза повлек за собой большие потери, чем падение национал-социализма в Германии. Там крах режима одновременно означал и крах фашистской идеологии, которая привела Германию к военному поражению. У нас же, поскольку режим использовал в качестве декорации коммунистические лозунги, крах «социализма» скомпрометировал нравственные идеалы, сложившиеся в Европе за всю историю ее развития, породив моральный нигилизм и представление о том, что все «красивые слова» — не более чем прикрытие для ловких и своекорыстных проходимцев.

Именно социал-демократия и может стать в России той левой оппозицией, которая сможет осуществить идеалы буржуазно-демократической революции.

В свое время, воспользовавшись тем, что на II съезде РСДРП по некоторым вопросам Ленин и его ближайшие сторонники получили большинство голосов, и, несмотря на то, что на следующих (съездах. — Ред.) они стабильно оказывались в меньшинстве, эта группа присвоила себе название «большевики», навязав своим противникам невыгодное с точки зрения пропаганды слово «меньшевики». Сегодня происходит то же самое — левая часть политического спектра России согласилась называться правой. Так ли это хорошо?

Ведь для того, чтобы апеллировать к западным ценностям, надо смотреть на Россию не как на отражение Запада, а как на его часть.

Русофобия («Наших бьют!»)

Принес мне приятель старую-престарую газету «Сегодня», аж от 16 мая 1996 года со статьей «Русофобия». «Слушай, — говорит, — этот Д. Шушарин, кажется, в либералах числился?» «Кажется — перекрестись!» — прочитав статью, ответил я совсем в духе ее автора, припомнил и щедринского «Либерала», начавшего с «идеалов», а кончившего «применительно к подлости».

Щедрин, впрочем, тут не указ, поскольку был русофобом — «Как же, если не русофобами, назвать людей, пишущих статьи, в которых, если речь заходит о России, самыми употребительными словами становятся “грязь” и “дерьмо”. До него был Чаадаев — как известно, человек «с разрушенной структурой личности» — диагноз, поставленный инстанцией, повыше «сегодняшней». Правда, еще был и Лермонтов («немытая Россия»), а позже Лесков («Загон»), потом Бунин, который прямо-таки шушариных цитировал: «Призывы в чисто русском духе: “Вперед, родные, не считайте трупы!”» («Окаянные дни»).

Суть статьи «Русофобия» заключается в «полемике» автора с некими диссидентами, напечатанными в некоем же «зарубежном русскоязычном издании». (Вышеприведенные цитаты относятся именно к ним).

Сам автор очередной «русофобии» — величина не столь значительная, чтобы помянуть ему статью более чем годовой давности. Но его статья, написанная на смеси канцелярита, либерального жаргона, полуфашистской лексики, одобренная уймой цитат, — очень удобный объект для изучения современной державности.

Что сегодня значит слово «русскоязычный»? Когда речь идет о людях — русскоязычном населении Прибалтики (или англоязычном населении Индии), все понятно: говорят о людях разного исторического происхождения, объединенных общим для них языком... А когда речь заходит о негосударственном издании? Что, кроме языка, характеризует его национальную принадлежность? Очевидно, «неарийское» происхождение его некоторых сотрудников!

«Что есть государство?» — вопрошает автор и отвечает цитатой: «ни-что иное, как родина, оформленная и объединенная публичным правом».

Каким «публичным правом» были санкционированы ковровые бомбардировки жилых кварталов в Чечне? Попытки? Отправка на фронт необученных солдат? Мародерство? Да и само ведение широкомасштабной

войны на территории государства без объявления даже чрезвычайного положения?

Чем санкционируется невыплата пенсий и заработанных денег? Безнаказанное воровство? Привилегии на торговлю спиртным и куревом, которые получает то спорткомитет (ради заботы о телесном здоровье нации), то церковь (ради заботы о ее духовном здоровье). Каким таким публичным правом?

Правом публичного дома низкого пошиба, ибо в фешенебельных борделях такого не случается.

Было время, когда «научные атеисты» клеймили реакционность верующих, ныне зачастую ими же превозносятся «православие как национально-религиозная идея» — опять «радетели духовности» на коне и во главе, а все иные-прочие — кандидаты в психушку. Не говорю уже о тоне «полемики»: авторы подобного типа совершенно по-большевистски оперируют цитатами — первоисточник заменяют комментариями. А и не грех тем, кто именует себя христианами, да и не только им, заглянуть и в «Евангелие»: «Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? ... Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (Мф. 5:46-47; 7:12). А для того, чтобы понять другого, надо стать на его точку зрения: говоря словами «Русофобии», посмотреть «на наших солдат из дудаевского бункера». Не случайно подобная манера поведения вызывает такое непонимание у язычников и такое отвращение у нераскаившихся мытарей.

Журналисты этого типа, когда стучат себя в грудь, стучат по бумажнику. А какова корысть тех, кто платит?

Ну, во-первых, им гораздо удобнее и выгоднее рассуждать о законе публичном, а жить по законам публичного дома. Во-вторых, капиталу государственные границы узки, а создавать транснациональные компании российские нувориши (не от слова ли «вор») еще не умеют, поэтому и симпатизируют архаичной имперской политике. И не жалко им ни гибнущих российских солдат, ни голодных пенсионеров и учителей, ни убиваемых чеченцев, ни немцев, которым наш поистине щедрый президент хотел пожаловать для проживания и самоопределения заброшенный военный полигон.

Во всякой стране, во всякое время — немало грязи. Те, кто хочет видеть свою родину чище и лучше, как могут, разгребают эту грязь. Те же, кто от грязи кормится, называют разгребателей клеветниками, а когда

их интересы всерьез ущемляются, раздается истошный крик: «Наших быют!», что на сегодняшнем новоязе звучит как «русофобия».

30.07.1997

Лекция, прочитанная школьникам в Сахаровском центре (ч. I)¹⁵¹

Основатель кибернетики, Норберт Винер, приводит такую притчу: «Из дальнего плавания вернулся моряк. Придя в гости к друзьям, он показал им чужеземное чудо — засохшую обезьянью лапу, которая могла выполнить любые желания. Сам он боялся попросить ее о чем-нибудь, так как, по слухам, никто из обладавших этой лапой ранее счастлив не был. Выслушав рассказ гостя, хозяин попросил подарить ему эту диковинку и сразу же обратился к лапе с желанием: “Хочу тысячу фунтов!” В дверь позвонили и появившийся человек положил на стол деньги: “Ваш сын погиб. Вот его страховая премия”».

Этой историей Винер иллюстрировал некое глобальное предостережение человечеству: стремясь к цели, нужно достаточно ясно представлять себе способы ее достижения, иначе цена успеха может оказаться слишком дорогой.

Диссидентское движение в России появилось отнюдь не в 1960-е годы. Собственно говоря, и большевики до того, как они захватили власть, тоже были диссидентами, причем цели, вдохновлявшие их, были прекрасными. Сострадание к угнетенным, Интернационализм, Свобода, Равенство, Братство и т.д. и т.п. Эти ценности были квинтэссенцией европейской культуры, именно они, а не сталинские концлагеря, как полагает Зюганов, позволяли рассматривать марксизм как продолжение христианской традиции, несмотря на его, марксизма, безбожие, появившееся, кстати, гораздо раньше марксизма.

Этим и объясняется тот факт, что огромная часть европейских либералов, активно выступавшая с антифашистских позиций, старалась не замечать сталинской мясорубки или даже оправдывать ее.

¹⁵¹ Опубликовано в: Ты и государство (материалы для старшеклассников и учителей). М.: Общественный центр им. А.Д. Сахарова, 1999 (под заглавием «Правозащитное движение и Сахаров»; название издателей).

Очень скоро выяснилось, что захват власти большевиками вовсе не привел страну в желаемое будущее. И на местах, и в верхах партии началась борьба фракций. Конечно, в этой борьбе было место и личным амбициям, но одновременно с этим выдвигались и такие требования, которые, по мнению оппозиционеров, должны были бы стать гарантией от всевластия «нового класса», как спустя 20 с лишним лет назовет партийную бюрократию югославский коммунист Милован Джилас. Такими требованиями были передача власти Советам (децисты) или профсоюзам (рабочая оппозиция). В начале 1920-х годов за оппозиционные выступления еще не арестовывали. В 1932 г. сын сибирского крестьянина, большевик с 1914 г., видный партийный деятель, Мартемьян Рютин¹⁵² был приговорен к 10 годам лагерей, а через четыре года расстрелян. Вместе с ним сначала отправлены в лагеря, а потом и расстреляны были и его товарищи.

Насколько я знаю, это было последнее выступление, в котором участвовали крупные партийные чиновники. Последующие сталинские репрессии против крупного начальства обуславливались дворцовыми интригами в значительно большей степени, чем ценностными установками жертв. Некоторые легенды мне приходилось слышать о красных командармах, которые якобы вступили в контакт с немецким генералитетом с целью одновременного устранения Гитлера и Сталина. Контакты касались гарантий взаимного ненападения Германии и Советского Союза в момент готовившихся переворотов. Я лично думаю, что все это не более чем красивая сказка.

Циничное отношение к социалистическим ценностям, характерное для властной верхушки, естественно распространялось и в низы, но там еще находились люди, верившие в «идеалы Октября». Время от времени в стране появлялись и почти сразу же арестовывались молодежные группы социалистического направления. Одной из таких групп посвящена повесть Анатолия Жигулина «Черные камни». Жигулин сам был членом подобной группы, был арестован в 1949 г. и долгие годы провел в колымских лагерях.

¹⁵² М.Н. Рютин провозгласил «Союз марксистов-ленинцев» и попытался объединить вокруг него все оппозиционные силы. В обращении «Ко всем членам ВКП(б)» (1932) Рютин обвинил И.В. Сталина в извращении ленинизма, узурпации власти. (Ред.)

Мне хорошо известно о деле Пименова по воспоминаниям его подельника, с которым я познакомился позднее, Бориса Вайля («Особо опасный». Харьков, 2005). Хорошо знаком я и с делом будущего депутата Верховного Совета РСФСР и первого созыва Думы России Михаила Молоствова.

В июне 1965 г. за такую же деятельность была арестована группа из девяти и человек в Ленинграде, одним из арестованных был и я.

Нам казалось, что достаточно довести наши идеи до широкого круга граждан, чтобы положение в стране кардинально изменилось. В лагере же мы столкнулись с таким широким спектром идей и мнений, какого на воле мы себе и представить не могли.

Мы и некоторые другие группы нашего типа возникли, действовали и сидели в совершенно иное время, нежели Жигулин и его товарищи.

После смерти Сталина в стране произошли громадные изменения, произошли они сверху, по воле Хрущева и его окружения. В какой-то мере некоторыми из реформаторов двигали и идеологические мотивы, но причины того, что партийная верхушка поддержала Хрущева, крылись в другом — «новый класс» посчитал свое положение достаточно устойчивым от выступления снизу и понял, что основная опасность для него исходит не от инакомыслящих, а от единоличной диктатуры вождя, опирающегося на отлаженный репрессивный аппарат.

В первых числах сентября того же 1965 г. в Москве были арестованы писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль. Я считаю, что правозащитное движение как таковое можно датировать именно арестом этих писателей.

Вернувшись в разные сроки из лагерей, члены нашей группы тоже примкнули к этому движению.

На истории правозащитного движения я останавливаться не буду — на эту тему есть немало публикаций, назову наиболее общую и подробную: Людмила Алексеева, «История инакомыслия в СССР».

Инакомыслящие были объединены, да и то далеко не всегда, только общим врагом. Всех диссидентов того времени можно разделить на две категории.

Одни из них боролись за свои собственные права — художники хотели рисовать так, как они видят окружающий мир, писатели — писать вне идиотской партийной цензуры, которая, независимо от намерений автора, видела в каждом лысом персонаже намек на Ленина.

Верующие хотели отправлять свои обряды без вмешательства атеистов из Комитета по делам религии и КГБ. Крымские татары хотели вернуться в Крым. Прибалты боролись за независимость своих стран, сионисты — за право уезжать в Израиль.

На примере Гамсахурдии, Дудко, некоторых прибалтийских и украинских националистов мы можем видеть, что права человека их интересовали меньше всего. И в Израиле многие бывшие диссиденты стоят на ультранационалистических позициях.

Другая категория диссидентов исходила из этического, я бы даже сказал — эстетического императива.

Есть у А.С. Грибоедова коротенький стишок в альбом:

*По духу времени и вкусу
Я ненавидел слово «раб»...
За что был вызван в Главный Штаб
И там притянут к Иисусу!..*

Вот так и нами, мной, по крайней мере, прежде всего, двигало именно эстетическое неприятие насковозь лживого режима, но это я понял гораздо позже.

Думаю, что и большевиками вплоть до начала 1920-х годов двигало то же самое эстетическое чувство — протест против уродства жизни и стремление построить прекрасное будущее.

Эта часть диссидентов боролась за свои права, как за права человека вообще, вовсе не ставя перед собой вопроса, насколько «человеку вообще» эти права нужны. Участники «социалистических» групп, в своем огромном большинстве, примыкали именно к этой категории.

Впрочем, далеко не все — многие, попавшие в «зону» как социалисты, там становились националистами. В первую очередь это касалось евреев и русских. В 1967 г. была арестована группа Игоря Огурцова, объединявшая русских националистов еще до посадки.

Обратного движения — от националистических идеалов к социалистическим или общелиберальным я не наблюдал.

Как социалистически настроенная часть оппозиции идеализировала «трудящихся», так националисты идеализировали государство и идеологию, им казалось и многим кажется до сих пор, что можно создать идеологически чистого чиновника, свободного от личных амбиций и корысти, и передать в руки этих идеальных исполнителей судьбы всех остальных людей. Мы можем не соглашаться с эстетическими вкусами данной категории людей, но необходимо признать тот факт, что и они в первую очередь руководствуются не интересами, а эстетическими принципами.

Либеральное крыло оппозиционного движения, даже те, кто вовсе не считал себя социалистами, называли себя «левыми», правящую партию же считали «правыми» и не без основания. Вспомним Окуджаву: «Те, что справа, стоят, стоят. Но те, что идут, всегда должны держаться левой стороны». Впрочем, и социалистическая оппозиция КПСС считала КПСС «правой».

Начиная с французского Национального собрания времен революции «левые» защищали права гражданина от государства, противопоставляли личность и государству, и нации, боролись против любой унифицирующей идеологии, которой в те времена были государственные религии. «Правые», наоборот, обоготворяли государство, нацию, официальное вероисповедание, традиции, выступали с консервативных позиций. До прихода к власти коммунисты были «левыми» — они исходили из «Коммунистического манифеста», где «свобода каждого» провозглашалась условием «свободы всех», обещали «полное отмирание государства» и т.д. и т.п.

В этом смысле мы опять оказались в зазеркалье — коммунистов зовем «левыми», а демократов «правыми». Некоторые даже именуют себя консерваторами. А что нам консервировать, кроме КГБ?

В «зазеркалье» мы попали не случайно. Те, кто боролся за реальные интересы, своего добились.

Боролись за национальные права? Татары живут в Крыму. Союзные республики получили независимость. Евреи могут ехать в Израиль.

Требовали свободы передвижения? Виноградов танцует в Америке, не опасаясь укола зонтиком.

Боролись за то, чтобы слушать и читать без райкомовской и гэбистской цензуры? Читайте.

За то, чтобы рисовать, как хочется? Рисуйте. Писать все что угодно, вплоть до лимоновского мата? Пожалуйста.

К правозащитному движению не принадлежала так называемая «экономическая оппозиция» — те, кто, нарушая абсурдные с экономической точки зрения законы, радел о своем кармане. Были и исключения — некоторые заботились о процветании своего предприятия или колхоза, например, погибший в лагере Худенко. И те и другие получили возможность — одни воровать, другие создавать. Вторых было меньше.

Те же, кто шел в лагеря ради абстрактной справедливости, не добились ничего. Напомню, что правозащитники демонстративно и искренне заявляли, что они политикой не занимаются, поскольку политика — грязное дело. Если сантехник занимается поборам и делает *(свою работу. — Ред.)* кое-как, то и сантехника — грязное дело. У порядочного человека все дела чистые, в том числе и политика. Правозащитники были бескорыстными, не стыдились личных амбиций и не мечтали о постах и местах, а жаль. Может быть, имей мы властные амбиции, нам удалось бы чего-нибудь добиться. Когда спохватились, было уже поздно.

Политическая деятельность заключается не в том, чтобы свергать власть — та разваливается от внутренних причин. Политическая деятельность дает возможность организовать новые отношения, когда старые перестают функционировать.

Действительно ли диссиденты, в том числе и правозащитники, разрушили «реальный социализм»? Хрущевская реформа обошлась без них — появившиеся единицы в это время катали тачки на Колыме.

Конечно, диссидентское движение в республиках способствовало активизации национальных элит, у которых появилась возможность опереться на что-то иное, нежели московский штык. Диссидентское движение дискредитировало дряхлеющую власть в глазах мирового общественного мнения, а начальству уже хотелось выглядеть импозантно, да и упадок экономики делал Союз зависимым от развитых стран.

Но вовсе не правозащитники предложили идею разделить между собой воровской обшак, награбленный в двадцатых годах экспроприаторами и умноженный в тридцатых рабовладельцами. Я знаю гэбэшника, который сразу же после отмены статьи конституции о руководящей роли КПСС бросил старую жену и взял молодую — раньше у него были бы неприятности. Впрочем, любовниц он мог иметь, и суть шла не о принципах, а о форме.

К сожалению, дело не только в этом. По тем или иным причинам правозащитные принципы не имеют в нашей стране массовой поддержки. Тоталитарные идеи выглядят в глазах огромного количества людей гораздо эстетичнее. Причины этого — тема особой лекции.

Сегодня фашизм — главная угроза стране и ее гражданам, и не суть важно, как будут называть себя его лидеры: национал-социалистами или коммунистами. В отличие от авторитарного режима, который обычно исходит из прагматических потребностей элиты, тоталитарный — базируется на эстетических предпочтениях его лидеров и ведомых ими масс.

Антифашизм, конечно, тоже базируется на эстетике, естественно, иной, нежели фашизм. Но не только на ней. Эти принципы, чтобы стать действенными, могут и должны опираться на прагматический интерес.

В чем же конкретная опасность фашизма, который, если исходить из наших традиций, примет отнюдь не итальянские формы и даже не гитлеровские. Там, по крайней мере, под видом евреев не уничтожали никого, кроме евреев. У нас же ежели нельзя было назвать кулаком — называли подкулачником.

Борьба политических амбиций, страх перед нелояльностью вчерашних соратников примет сталинские формы, и в этот водоворот будут втянуты не только те, кто претендует на власть.

Для реализации утопических проектов наличный человеческий «материал» всегда оказывается неподходящим, и поэтому такие режимы не обходятся без попыток вывести новую человеческую породу, апеллируя, прежде всего, к насилию.

Это тем легче делать, поскольку организация производства может быть основана только на двух принципах: материальной заинтересованности или внеэкономическом принуждении, и второй способ, поскольку сила есть — ума не требует, легче и проще реализуем, то всякий репрессивный режим непременно прибегает к нему. Гитлер пользовался рабским трудом людей оккупированных территорий. Сталин обратил в рабов миллионы своих граждан. В его время шахтеры не стучали касками — заключенных спускали в забой и без касок. Население лагерей определялось не столько политической необходимостью, сколько экономическими требованиями.

Наконец, фанатики, получившие абсолютную власть в стране, вооруженной термоядерным оружием, могут втянуть человечество в такую

авантюру, перед которой Вторая мировая покажется детской игрой. Некоторые из них, еще не имея в руках термоядерной кнопки, уже прославляют эстетику Апокалипсиса. Но война может быть развязана не только фашистской властью — испуганные соседи по планете могут решиться на превентивную бомбардировку.

Страна, пережившая «красного» Сталина, должна остерегаться его и в иной форме. И в этом реальный интерес каждого, кто не мечтает или не надеется удрать из нее. Насколько этот реальный интерес будет понят каждым, настолько у нас есть шансы избежать повторения пройденного.

08.03.1999

Обучаемы ли мы? (Лекция, ч. II)

Умный учится на чужом опыте. Дурак не учится даже на своем собственном.

Угроза фашизма становится в России все реальнее, и мне кажется, что ни наша правящая элита, ни наши граждане так и не могут учесть не только опыт фашистской Германии, но и свой собственный горький опыт тоталитарной власти.

Я здесь говорю именно о Германии, а не об Италии, хотя слово фашизм родилось именно там, потому, что в российском политическом лексиконе именно термином «фашизм» определялся режим тотальной националистической диктатуры. В Германии это явление называлось «нацизмом».

Режимы Муссолини, Франко или Пиночета (тоже именовавшиеся в советской пропаганде фашистскими) представляли собой крайнюю форму авторитаризма, в то время как Гитлеру удалось создать тоталитарный режим. При авторитаризме государство становится собственностью вождя и окружающей его клики. Это же справедливо и для тоталитарного режима с одним существенным добавлением — все граждане страны становятся собственностью государства. Такое добавление очень существенно.

В последнее время много говорилось о сходстве между сталинским и гитлеровским режимами. К сожалению, о различиях говорилось меньше, если вообще говорилось.

Германия имела опыт правового государства. Уничтожение евреев было варварством, но, насколько мне известно, как евреев уничтожали только евреев. В России же, когда пришла пора «борьбы с кулачеством», все неугодные бедняки были объявлены «подкулачниками».

Сегодня, когда разыгрывается карта национализма, еще до возможности реальной расправы, можно услышать, что Ельцин это Эльцин, а Лужков — жид.

Другим серьезным отличием было то, что гитлеровская идеология базировалась на уже архаичной для Европы родоплеменной языческой сакрализации кровного родства, насилия и жестокости. Что касается советской пропаганды, то она апеллировала к Состраданию, Интернационализму, Свободе, Равенству и Братству, т.е. к тому, что было квинт-эссенцией европейской культуры. Именно это, а не концлагеря, как нам пытаются внушить коммунисты, позволяет рассматривать социалистическую идеологию как наследницу христианства.

Действительно, в «Коммунистическом манифесте» говорится о «свободном развитии каждого, как условия свободного развития всех». Даже сталинская пропаганда никогда не сакрализовала насилие — нам все время твердили, что насилие — это суровая необходимость сегодняшнего момента, и обещали отмирание государства как орудия этого самого насилия. Поэтому европейские либералы предпочитали не замечать, а иногда и оправдывать, сталинские убийства и концлагеря, не прощая того же самого Гитлеру.

Соответственно, и крах этих режимов привел к совершенно разным последствиям. В Германии вместе с режимом потерпела поражение и человеконенавистническая идеология Гитлера. На территории бывшего СССР вместе с крахом так называемого «социализма» была дискредитирована европейская система ценностей, использовавшаяся коммунистами в качестве идеологического прикрытия.

Оказалось, что все разговоры о свободе, равенстве и братстве — только антураж, позволявший удовлетворять свои личные амбиции партийно-государственной верхушке.

Все, что мы имеем в России сейчас, — прямое следствие дискредитации социалистических ценностей, связанное с семидесятилетней властью коммунистов и полным непониманием этого нашими демократическими СМИ.

В начале 90-х годов одна либеральная газета поместила статью заместителя главного редактора. Суть ее была в том, что, дескать, коммунисты вдалбливали ему коллективистские ценности и представление об ответственности за страну, поэтому он на дружеских застольях пел оруджавинские «Возьмемся за руки, друзья!». Теперь он эту песню больше не поет и «чувство локтя» воспринимает как чувство локтя, упертого в живот соседу. Дескать, капитализм (тот самый, который он обличал в советское

время за неплохую зарплату) не знает коллективизма (поверил в собственное вранье?) и поэтому он теперь не поет «Возьмемся за руки...». На мой вопрос, участвует ли автор в застольях, что тоже является формой коллективизма, или пьет в одиночку, я ответа не получил.

Итак, какой мы видим сегодня Россию в зеркале СМИ? Верхи — коррупция, компроматы, презентации, цинизм, богатство.

Народ — невыплаченные зарплаты, бедность, проституция, нищенство, дедовщина и т.д. и т.п.

Во-первых, это не совсем соответствует действительности — я до выхода на пенсию работал на заводе, который увеличивал число рабочих, вовремя платил и платит зарплату.

Сколько писали о Собчаке, сколько эфирного времени ему было предоставлено! И никто не сказал, что Собчак предал своих избирателей. И не только квартирными махинациями, в которых его обвиняли, а самым фактом бегства за рубеж. Если обвинение политическое — тем более. Любовь к свободе толкала людей на костер и баррикады. А Собчак клался в любви и... пшик!

Дети убежали с урока. Мой сын-первоклашка не сбежал вместе с остальными. Я у него спросил: «Ты остался потому, что убежать было страшно или стыдно?» Сегодня убежать не страшно и, увы, не стыдно.

А кто за все это время вспомнил депутатов Верховного Совета еще СССР, например, умницу Гаер или реформатора армии Лопатина?

СМИ — «не отражающее зеркало, а увеличивающее стекло». Мало дать сиюминутную «горяченькую» информацию, — ее необходимо еще и проанализировать. Мне могут возразить: «Вот в Америке...», но еще Гегель возражал против представления, что толпа мыслит конкретно, а философ — абстрактно. По мысли Гегеля, услышав про казнь убийцы, именно толпа судит абстрактно, умный же человек мыслит конкретно: что толкнуло преступника к убийству, как и кого он убил¹⁵³.

В нашей конкретной ситуации задача СМИ не только сообщать, но и обобщать. Что хорошо для Америки — русскому смерть. Существует длительная традиция, приучившая наших граждан искать в печатном слове ответы на все вопросы жизни, а не только «жареные» факты.

Ладно бы хоть факты подавались честно. Вот в либеральной газете академик обличает крупного чиновника Госкомстата. У того-де пятикомнатная квартира. При этом не говорится о том, в каких квартирных условиях живут все остальные чиновники такого ранга, не выясняется,

¹⁵³ См.: Гегель Г.В.Ф. Кто мыслит абстрактно? // Вопросы философии, 1956, № 6. (Электронная версия — <http://caute.net.ru/ilyenkov/tra/denkaba.html>).

кто конкретно нарушил закон, вселяя чиновников в жилье, предназначенное для беженцев, платил ли чиновник за эту квартиру и, вообще, является ли эта ситуация криминальной.

Кстати, этот академик живет тоже, думаю, не в коммуналке. Ту квартиру, которую дала ему еще советская власть, он получил таким же образом, как и уничижаемый им чиновник — по рангу, отнюдь не оправданному успехами советской экономики.

Газета выполняет заказ по дискриминации конкретного человека или группы. Побочные явления — всеобщее растление населения, причем не самим фактом сообщения, а именно формой его подачи, — редакцию не интересуют. Апелляция к зависти и агрессивности, да еще в таких дозах, не может не привести страну к печальным последствиям.

В Библии приводится притча о царе Соломоне. Пришли к нему две женщины, принесли ребенка. Обе они родили в одно время, но у одной он умер. Каждая из них утверждала, что истинная мать она. Царь приказал ребенка разрубить на две части, одна из женщин согласилась с таким решением, но истинная мать закричала: «Пусть хоть и у мачехи, но живой!»

Все сегодняшние «демократы» плевали на свое дите, демократию, — режь ее, руби, но «мачехе» мы ее не уступим. И таким поведением каждая из «партий» дискредитирует не только своих противников, но в той же мере и самую себя — «власть не поделили», говорит обыватель и правильно говорит — по-иному ведут себя люди, имеющие общими основные ценности и расходящиеся в конкретных способах их достижения.

Ситуация, в которой оказались все мы, — безобразная, отвратительная. Я не случайно прибегаю к эстетическому ее определению — нарушение этических норм человеком воспринимается, прежде всего, как нечто антиэстетичное.

Утопия всегда эстетичнее действительности, поскольку она искусственна (искусство), в том числе и фашистская утопия. Сочиненный дизайнерами или позаимствованный антураж — это только некая добавка, хотя и он имеет значение.

Мы сами толкаем хороших ребят к коммунистам и фашистам, провозглашая словом и делом — преуспевание любой ценой. Рынок есть только средство и никогда не может стать идеалом сам по себе, разве что для того, кто мечтает украсть и удрать.

России очень повезет, если ей удастся избежать фашизма. Коммунизм себя уже дискредитировал — появление большого количества фанатиков-коммунистов маловероятно. А установление тоталитарного режима требует массового фанатизма.

Фашизм Россия еще не пробовала. Люди, помнящие Гитлера, уходят с политической арены и из жизни. Приходят те, кто видел бравых фашистских молодчиков в «Семнадцати мгновениях весны», и те, кто сегодня видит баркашовцев на улицах.

Фашизм тем более вероятен потому, что за национализмом и государственностью, т.е. за силовые методы решения всех вопросов начинают помаленьку выступать все больше представителей культуры.

Опасности, которую представляет собой тоталитаризм, никто толком себе не представляет. Для фигур, принадлежащих к политической элите, ее и не существует — удерут, да еще представятся оппозицией, а то и правительством в эмиграции, и будут жить на деньги тамошних налогоплательщиков.

В чем опасность тоталитарного режима?

Первая и основная опасность заключается в том, что стимулом материального производства может быть либо материальная заинтересованность, либо насилие. В «Утопии» Т. Мора путешественник спрашивает утопийца: «Кто же выполняет у вас грязную и тяжелую работу?», и получает ответ: «Секта альтруистов. Но поскольку альтруистов не хватает, мы используем для этой цели преступников, обращенных в рабство». Это — в выдуманной утопии.

Не секрет, что сталинская экономика была основана на рабском труде заключенных и крепостном труде колхозников, прикрепленных к земле и работавших за «палочки» под угрозой превращения каждого из них в раба-заключенного за невыполнение нормы трудодней. Гитлер набирал рабов на покоренных территориях.

Я думаю, что сталинские аресты, как и гитлеровская агрессия, в первую очередь стимулировались экономическими причинами. Политические репрессии были нужны только для того, чтобы держать в повиновении всю эту массу рабов и крепостных.

Зюганов, может быть, и очень приличный человек, но ему в спину дышат уже илюхины, макашковы-баркашовы и селезневые, уже сегодня мечтающие о каторгах, на которых заключенные будут подыхать. Конечно, виновные, но ведь у них и «Сталин невиновных не сажал».

Запутавшись в своих противоречиях, тоталитарный режим может толкнуть страну в военную авантюру. Дугин, кажется, уже разглагольствует об эстетике апокалипсиса. Не толкнет ли приход тоталитарной силы другие страны к превентивным мерам? И в этом случае для России хрен не слаще редьки.

Сегодня коммунистические и фашистские утопии выглядят приличнее существующей действительности. Чем они могут обернуться?

И это все надо объяснять и не раз, и не два. Пропаганда добра строится по той же технологии, что и пропаганда зла, исключая ложь и хамство. Нам ни то, ни другое не нужно. Но доходчивые и многократно подтверждаемые лозунги — нужны. Тексты, рассчитанные не на снобов, а на нормальных людей, не всегда политически грамотных, тоже нужны. Защита наших принципов — нужна. Готовность к жертве — тем более.

Года три тому назад, выступая на семинаре Хельсинкской группы, я предложил создать суд журналистской чести. Теперь его собираются создавать те, у кого честь и не ночевала.

Может быть, извлечем уроки?

Может быть, начнем создавать антитоталитарный фронт раньше, чем окажемся на лагерных нарах?

«Если я не за себя, то кто за меня? Если я только за себя, то зачем я?» — это было сказано давно.

В ваших руках большая сила. Не расходуйте ее на суету. Мы привыкли ссылаться на обстоятельства. То у нас виноват Сталин, то коммунисты, то зависимость СМИ от денежного мешка. С такой позиции зло оказывается всесильным. Но если каждый из нас будет твердо уверен, что он отвечает за себя и за страну, — они не пройдут! Я хотел бы кончить свое выступление стихами моего друга Юлия Даниэля, написанными им в концлагере:

*Я ведь — не человек:
(Рост — 177),
Я твой окол, Добро,
(Вес 66),
Я — смотровая щель
(Руки мои тонки),
Пушки твоей ядро,
(Мышцы мои слабы),
Камень в твоей пеще.*

08.03.1999

Ленин и Сталин

В течение всего сталинского периода истории России в ходу был лозунг, сочиненный Горьким: «Сталин — это Ленин сегодня!» После XX съезда КПСС возобладала иная точка зрения. Партия, а вместе с ней и многие беспартийные многозначительно вздыхали: «Если бы был жив Ленин...»

После окончания хрущевской оттепели и власть, и многие из диссидентов вернулись фактически к старому лозунгу.

Между тем еще Гегель замечал, что мыслить — это значит видеть в сходном различное и в различном — сходное. Эту максиму я в очередной раз вспомнил, посмотрев фильм Е.А. Киселева «Самый человечный человек».

Киселев, по сути, вернулся к горьковскому лозунгу, сменив оценку деятельности того и другого на противоположную. Свой рассказ о Ленине он начинает с того, что пытается опровергнуть точку зрения тех, кто противопоставляет эти две знаковые фигуры новейшей истории. Соответственно подбирается и материал.

Но даже подобранный материал сопротивляется авторскому замыслу. Среди десятков людей, окружавших Ленина, названных в тексте, и тех, кого я смог идентифицировать по фотографиям, только трое: Микоян, Молотов и Каганович — не были расстреляны Сталиным.

Мог ли Ленин организовать «дело врачей» и что сделал бы он с Макашовым, ежели услышал бы его выступление перед казаками? И вовсе не потому, что в нем была капля еврейской крови. Дзержинский поступил бы с Макашовым, да и его слушателями, кричавшими: «Любо!», точно так же — поставил бы их к стенке.

Ленин, знавший, что франко-прусская война привела к Парижской коммуне, а Русско-Японская к революции 1905 года, выдвинул лозунг о превращении империалистической войны в войну гражданскую, но еще до начала войны большевистская фракция IV Думы голосовала против военных ассигнований, еще на съезде II Интернационала Ленин выступал против войны. Ленину не могли и в голову прийти идеи славянского или, тем более, православного братства, несмотря на то, что он был крещен. Между прочим, не Ленин крестился, а Ленина младенцем крестили. Это нельзя смешивать с тем, что некто сначала состоял в КПСС (не в октябристах!), а после оттуда вышел. Ленин достаточно рано стал убежденным атеистом, это Сталин начал заигрывать с государственной религией — православием. Мне могут привести цифры уничтоженных при Сталине священников. Думаю, они немногим будут отличаться от количества работников НКВД—МГБ, попавших в ту же мясорубку. Таков был сталинский метод ротации кадров, которые «решают все».

Ленин начал в больших масштабах использовать принудительный труд. Так, еще в «Утопии» Томаса Мора грязные и тяжелые работы выполняла секта альтруистов, а поскольку таковых не хватало, то и преступники, обращенные в рабство. Так то в выдуманной стране!

Действительно, отмена материальных стимулов деятельности неминуемо влечет за собой возвращение к более архаичной системе внеэкономического принуждения. Осознав, что на альтруистов в ближайшее время рассчитывать не приходится, Ленин перешел к иной («новой») экономической политике. А Сталин закрепостил крестьянство и миллионы людей отправил в концлагеря, на рабский, в самом прямом значении этого слова, труд.

Ленин был крайне левым фанатиком, Сталин — крайне правым диктатором. Впрочем, поскольку мы живем в зазеркалье, немудрено, что путаем лево и право. За 200 лет до российской Перестройки во французском Национальном собрании слева сидели те, кто выступал за права человека, апеллировал к личности и прогрессу. Справа же сидели сторонники жесткой государственной власти, национального единства и уважения к традициям, внеэкономическим формам организации общества (т.е. к методам прямого насилия). С тех пор так и повелось. Большевики всерьез мечтали о полном отмирании государства, были искренними интернационалистами, надеялись в полной мере и немедленно осуществить девиз Великой французской революции: «Свобода, Равенство и Братство!» и поэтому были крайне левыми.

Сегодня модно говорить о несовместимости положений этой триады. Но демократические страны потому и демократические, что умеют находить некий подвижный баланс между ними. Сегодня мы на опыте знаем, что эти идеалы нельзя осуществить немедленно и в полной мере. Мы должны понять, что фанатики в случае успеха неминуемо превращаются в палачей и сами становятся жертвами палачей циников, коим прокладывают дорогу. Сегодняшние коммунисты являются крайне правыми, правее их, а может быть, просто откровеннее, только Баркашов.

Их идея совместить преимущества капитализма с преимуществами социализма сводится к одному — все отдать государству, чтобы было вольготно воровать, как при социализме, а пользоваться наворованным, не таясь, как пользуются собственностью при капитализме.

Для того же, чтобы было чего воровать, — восстановить ГУЛАГ как фактор экономической политики. (Селезнев уже мечтает о каторгах, на которых будут умирать заключенные). Методы любые — от гражданской до мировой войны. Деньги — кто бы ни дал, возьмут. Именно на эту часть ленинского наследия они сегодня и претендуют.

Что касается целей, во имя которых Ленин готов был пойти на жертвы, кровь, моральные компромиссы, этого сегодняшним коммунистам не нужно.

Эти идеалы нужны демократии. Мы должны понимать и помнить, что общество, отвергающее идеалы интернационализма, свободы, равенства и братства неминуемо превращается в криминальную банду или в концлагерь. На эту часть ленинского наследия мы должны заслужить право.

23.04.1999

О программе РОСДП¹⁵⁴

Уважаемые товарищи!

Мы прочли проект программы РОСДП и со многим согласны. Но, странное дело, в этом документе вовсе не упомянута война в Чечне. Эта преступная война — самая большая беда сегодняшней России.

Страшной ошибкой социалистических партий II Интернационала в свое время было отношение к военным бюджетам своих стран и к еще будущей тогда войне (Первой мировой). Возможно, именно эта роковая ошибка и определила столь страшный XX век, начавшийся именно в 1914 году.

Впоследствии социал-демократии, как правило, отрицательно относились и к милитаризации, и к колониальным войнам.

Эти уроки следует обязательно учесть. И негоже партии, претендующей на роль идеологической, из конъюнктурных соображений игнорировать моральные проблемы. Без возрождения морали, без умения отличать добро от зла ничего хорошего в будущем ждать не приходится. Когда-то еще Бернштейном было сказано, что главное в марксизме — это не его экономические выкладки, довольно сомнительные, а нравственная, этическая сторона. Там, где такая точка зрения в конце концов восторжествовала, социал-демократия добилась многого, миновав гражданские войны, ГУЛАГ и прочие прелести тоталитарного режима.

Чеченская война — атавизм великодержавной идеологии. Эта идеология в свое время втянула Россию в войну, которая и стала главной причиной победы большевизма, затем закономерно проигравшего той же имперской идеологии в ее сталинском варианте.

*Молоствов М.М., Ронкин В.Е., Хахаев С.Д.
Конец 1999 г.*

¹⁵⁴ РОСДП — Российская объединенная социал-демократическая партия — создана на учредительном съезде 11 марта 2000 г. (Ред.)

Политические партии современной России

В связи с принятием закона о политических партиях, который на долгий период закрепил существующий расклад политических сил в Думе, представляется полезным проанализировать позицию каждой из представленных там партий.

Мы считаем, что главной задачей является построение в России правового социального государства, с широкой региональной автономией, что соответствует нынешней конституции РФ. (Наиболее близкими к такому идеалу являются скандинавские страны и современная Чехия).

Именно с точки зрения отношения к этому идеалу мы рассмотрим политические партии, представленные в Думе.

На крайне реакционном фланге стоит КПРФ, которая стремится вновь возродить в стране «азиатский» способ производства, где, как писал Плеханов, «...вместо перувианских “сынов солнца” и их чиновников национальным производством будет заведовать социалистическая каста». (Плеханов Г.В. «Социализм и политическая борьба»).

Эта система действительно обеспечивала ряд социальных гарантий некоторым категориям трудящихся, но лишила их всяких политических прав, и ее существование невозможно без чудовищного государственного террора и тотального превращения граждан в собственность государства.

В свое время, придя к власти на волне революции, которая, согласно большевистской догме, считалась пролетарской, коммунисты до последнего дня существования Союза боялись рабочего класса, чем и объясняется «патернализм» этой «социалистической касты».

При этом крестьяне, которых большевики, согласно их теории, не боялись, были лишены всяких социальных гарантий, как, например, колхозники при Сталине, не имевшие ни паспортов, ни отпусков, ни пенсий, а только трудовни, которые могли вообще не оплачиваться.

Идеология КПРФ, являющейся наследницей худших традиций КПСС, органически враждебна идеям правового социального государства, не случайно Сталин считал социал-демократов более опасными врагами, чем фашистов.

Тем не менее, резкое ухудшение материального положения масс в начале 90-х годов в результате рыночных реформ и распада СССР, наглость нуворишей и полный идеологический вакуум обеспечил идеологии КПРФ значительную поддержку народа, которая будет сохраняться еще значительное время и тормозить преобразования в стране.

Примыкающая к КПРФ аграрная партия, возглавляемая полковником госбезопасности Харитоновым, представляет интересы бывшей коммунистической сельскохозяйственной бюрократии и сельских маргиналов, которые раньше разворовывали колхозно-совхозное добро, а ныне поджигают фермерские хозяйства. Огромные дотации сельскому хозяйству, выбиваемые аграрниками и коммунистами, разворовываются и исчезают бесследно.

По любви к диктатуре, имперским амбициям и ненависти к демократическому Западу с КПРФ соперничает так называемая «либерально-демократическая» партия во главе с чекистом Жириновским. Не являясь ни либеральной, ни демократической, эта партия представляет собой специфически российское явление. Созданная в период идеологического краха коммунизма, она в 1993 году на фоне гайдаровского ценового шока, расстрела Ельциным парламента, собрала вокруг себя большой протестный электорат, отобрав голоса как у коммунистов, так и у демократов. Крепнущая российская бюрократия всячески тогда этому способствовала — ей уже не нужны были демократы, и она еще боялась коммунистов. ЛДПР, несмотря на эпатажную демагогию, голосует всегда так, как угодно правительству, и побила все рекорды по цинизму в получении взяток за эти голосования. Эта партия и в дальнейшем будет пользоваться поддержкой маргинальных слоев электората, играя на их предрассудках и мифах.

Партия власти — «Единство». Эта партия является партией власти не потому, что волей избирателей она получила большинство в Думе, а наоборот, большинство в Думе она получила благодаря поддержке тогда еще главы правительства (фактически и.о. президента). Как и черномырдинская, менее умело организованная НДР (*«Наш дом — Россия»*. — *Ред.*), нынешняя партия власти отражает ее, власти, интересы.

Сегодняшняя власть ориентирована, прежде всего, на имперские амбиции, стремление стать руководством сверхдержавы, а не на интересы граждан России. (США, прежде чем претендовать на эту роль, пережили полтора века изоляционизма, обеспечили себя передовой технологией, а своих граждан высоким жизненным уровнем).

В России все еще жив миф о Третьем Риме, в жертву которому уже несколько веков приносятся интересы простых людей, и власть это знает гораздо лучше, чем сами граждане.

Понимая, что рано или поздно электорат разочаруется в ней, власть пытается, и пока успешно, взять под контроль СМИ, усилить и приблизить к себе силовые структуры. Чем менее власть зависит от избирателей, тем больше она начинает зависеть от чиновничьего аппарата. Именно

интересы этого аппарата и представляет «Единство», тем более что членство в этой партии предполагает и карьерные успехи не только на партийном, но и на государственном поприще, что удовлетворяет не только властные амбиции, но и, как показывает практика, дает возможность залезать в государственный карман.

Интересы чиновничества представляет и ОВР (Отечество – Вся Россия), однако эта партия ориентируется больше на региональные элиты, нежели на центральную власть. Поэтому она в значительной мере меньше интересуется имперскими амбициями и в большей – интересами своего региона. Если эта партия уйдет с политической арены, ее место займут независимые депутаты, чьи выборы будут поддерживать и уже поддерживают региональные элиты (сегодня это фракция «Регионы России»).

К сожалению, врагом создания социального правового государства оказался и Союз Правых Сил. Начав с членства в демократических организациях, лидеры СПС быстро правели, что отражалось и в эмблематике. Уже Медный Всадник как символ Демократического Выбора России, с одной стороны символизируя «окно в Европу», с другой – напоминал о бесчеловечности и авторитарных методах петровских реформ.

Демократическое прошлое многих активистов СПС находится в противоречии с нынешней политикой партии, поэтому внутри нее еще возможны острые идеологические дискуссии и расколы, но в главном политика партии уже определилась.

В настоящее время большинство руководителей СПС представляют интересы крупного капитала, той самой финансовой олигархии, которая была искусственно создана в период чубайсовской приватизации и грабила Россию в течение последних десяти лет.

Нечто подобное уже имело место во Франции после вторичного свержения Бурбонов – революции 1830 года. Тогда, как писал К. Маркс, установилось господство финансовой аристократии, заинтересованной в задолженности государства, так как «государственный дефицит был предметом ее спекуляций, важнейшим источником ее обогащения», «государство, искусственно поддерживаемое на пороге банкротства, должно было заключать займы у банкиров на крайне невыгодных условиях. Кроме того, каждый новый заем давал возможность грабить публику...». «Эта система постоянно угрожала опасностью и вредила интересам торговли, промышленности, земледелия, судоходства, интересам промышленной буржуазии». К финансовой аристократии Маркс относил не только собственно банкиров и биржевиков, но и железнодорожных королей, владельцев угольных копий, железных рудников и т.п. (См.: К. Маркс. «Классовая

борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»). Нелишне напомнить, что во Франции господство олигархии окончилось революцией 1848 года.

В отличие от Франции, нынешняя российская финансовая олигархия была искусственно создана правящей бюрократией, видные представители которой вошли потом в ряды этой финансовой аристократии или пристроили там своих родственников. Поэтому главным залогом успеха для олигархов является именно близость к верхушке управленческого аппарата, центрального или местного и гарантия безопасности незаконных махинаций.

Поэтому СПС, хотя и защищает право собственности, как и все вышеперечисленные партии, остается партией чиновников. Веря, что нынешние коррумпированные чиновники защитят это право собственности, лидеры СПС готовы пожертвовать и демократическими свободами, и материальными интересами народа.

На левом фланге сегодняшней Думы стоит фракция «Яблоко». По своему электорату эта партия является партией демократически настроенной интеллигенции. Она, так сказать, озвучивает ее идеалы и размышления. К сожалению, партия «Яблоко» часто поступала как раскольник в демократическом движении, особенно на региональном уровне во время выборов.

Это показывает, что среди активистов «Яблока» есть значительное число людей, больше озабоченных личной карьерой, чем политическими судьбами страны. Получить массовую поддержку «Яблоку» много лет мешает расплывчатый характер ее социальной программы.

Таким образом, мы видим, что в Думе полностью отсутствуют как представители интересов мелкого и среднего бизнеса, так и представители интересов наемного труда.

На роль представителя среднего и мелкого бизнеса могла претендовать партия К. Борового, однако она не состоялась как по субъективным причинам, так и потому, что российский бизнес вообще не созрел для активной поддержки такой партии. Частично ее потенциальные избиратели еще по инерции поддерживают СПС, который когда-то претендовал на выражение интересов всего бизнеса, а не только олигархов.

На роль представителя интересов наемного труда претендуют несколько социал-демократических партий. Предпринимаемые в последнее время М.С. Горбачевым попытки создания объединенной социал-

демократической партии отражают объективную необходимость такого процесса. К сожалению, личность Горбачева является слишком одиозной, память о его прошлых ошибках и провалах будет висеть над этой партией тяжелым грузом, не случайно половина ее программы носит характер самооправдания Горбачева.

Нам представляется, что основой подлинной социал-демократической партии могут быть только подлинно независимые профсоюзные организации. В современном профсоюзном движении ведущую роль играет ФНПС, которая является наследником коммунистических профсоюзов.

ФНПС также унаследовала имущество ВЦСПС, которое обеспечивает финансовую базу как организации, так и ее функционеров. Поскольку ВЦСПС, как и все значительные организации того времени, был фактически не общественной, а государственной организацией, передача имущества ВЦСПС в руки ФНПС может быть в любой момент признана незаконной.

Это делает ФНПС послушным орудием в руках государственного бюрократического аппарата.

Немногочисленные действительно независимые и от госаппарата, и от собственников предприятий профсоюзы в настоящее время слишком слабы и малочисленны. Неблагоприятная экономическая ситуация в стране в последнее десятилетие делала невозможным расширение и укрепление независимого рабочего движения. В настоящее время определенный экономический подъем и растущая нехватка рабочей силы в крупных городах позволяет ожидать резкого обострения борьбы рабочих за свои права.

*В соавторстве с С.Д. Хахаевым
Начало 2000 г.*

Письмо президенту¹⁵⁵

Господин Президент!

В настоящее время проблема целостности России в первую очередь касается не Северного Кавказа, а Восточной Сибири. На российско-китайской границе плотность населения, если я не ошибаюсь, составляет 1 человек на кв. км — севернее ее, и 17 — южнее. При такой разнице

¹⁵⁵ 7 мая 2000 г. в должность Президента РФ вступил Путин В.В.

«давлений» надежность существующей «перегородки» вызывает сильные сомнения. Инфильтрация китайского населения на российскую территорию уже началась, и в скором времени в этом районе можно ожидать ситуацию, аналогичную косовской, с той только разницей, что Китай может вмешаться в события более активно, чем маленькая Албания.

Развитие событий в этом случае будет во многом зависеть от позиции стран Запада, для которых столь значительное усиление Китая явно невыгодно. Однако серьезное вмешательство в конфликт таких супердержав будет зависеть не только от политических лидеров западных стран, но и, в первую очередь, от точки зрения рядовых избирателей, не искушенных в политической футурологии. Для этой категории людей главную роль будет играть оппозиция «свой—чужие». Одно дело, если в массовом сознании граждан западных стран эти события будут выглядеть как «разборка» двух азиатских бандитов, и совсем другое, если они будут восприниматься как агрессия «их» против «нас», а такое восприятие возможно только в том случае, если новой России удастся сформировать в глазах западной общественности свой «западный» имидж.

Сейчас по поводу освещения западной прессой чеченского синдрома модно цитировать Пушкина: «О чем шумите вы, народные витии...», при этом как-то забывается, что Польша, о которой шумели эти самые «витии», уже без малого сто лет как является независимой. И Россия на этом ничего не потеряла, оказалось, что речь шла не о будущем нашей страны, а всего лишь об амбициях императоров и генералов — «Муравьевых-вешателей». Все принесенные в жертву человеческие жизни, как русских солдат, так и поляков, — оказались напрасными. Между тем многочисленные «усмирения» Польши вредят образу России до сих пор. Не подлежит сомнению, что государственная мудрость заключается не в потворстве сиюминутным амбициям, а в глобальном предвидении ситуации. Ичкерия на положении Пуэрто-Рико при США гораздо выгоднее для России, нежели озлобленный народ, насильно включенный в состав государства. Мудрые американские руководители отказались от присоединения Пуэрто-Рико в качестве штата, несмотря на желание большинства тамошнего населения, выраженное плебисцитом, потому что предвидели вечную партизанскую борьбу, к которой прибегнет недовольное меньшинство.

Что сделано, то сделано. Мертвых не воскресить. Но факт нарушения хасавюртовских соглашений, нарушения оскорбительного как для Российского государства, так и для института президентства в России, в глазах не только наших возможных западных союзников, но и всего

мира, — еще можно исправить. Для этого надо согласиться на переговоры с Асланом Масхадовым как с законным президентом Чечни.

Надо передать ему, по договоренности с федеральной властью, с учетом интересов России, под контроль не всю территорию республики, а ровно столько, сколько он реально сможет контролировать. Часть территорий по тейповому принципу, при номинальном руководстве Масхадова, передать на тех же условиях некоторым из полевых командиров. Федеральное правительство должно взять на себя роль арбитра в случае возможных конфликтов между ними.

Федеральные вооруженные силы должны оставаться только там, где чеченские лидеры, заключившие договор, не возьмут на себя ответственность за наведение и поддержание надлежащего порядка.

Традиции США и Европы предусматривают немедленное увольнение генерала, позволившего себе вмешиваться в политику страны. (Де Голль именно так решил алжирскую проблему). И не надо бояться генералов — вся их сила в солдатах и младших офицерах, а они никогда не станут на сторону того, кто готов солдатскими жизнями оплачивать собственные амбиции. Такая позиция может только усилить авторитет президентской власти внутри страны и авторитет России во всем мире.

08.05.2000

Какие и кому нужны реформы юстиции?

Недавно по телевидению в очередной раз выступил с оценкой возможной судебной реформы генеральный прокурор России г-н Устинов. Суть его выступления сводилась к тому, что защитники прав человека, предлагая свой вариант реформы, забывают, что жертвы преступлений тоже люди. Впечатление создается такое, что, когда речь идет о правах человека, имеются в виду исключительно права преступников. Это и неудивительно — еще совсем недавно (с исторической точки зрения) в СССР сама апелляция к правам человека считалась преступлением.

Такое отношение к правам человека вызывалось тем, что эти права предполагались противостоящими, если не враждебными, правам государства. Но государство, в котором бюрократия не находится под самым жестким контролем общества, неизбежно «приватизируется» бюрократией, становится ее корпоративной собственностью и, следовательно, в таком государстве права государства означают фактически классовые права бюрократии.

Слова «бюрократия», «чиновничество» приобрели в русском языке явно отрицательный эмоциональный оттенок, хотя, кроме партийных секретарей и работников КГБ, чиновниками были и работники совесов, и директора школ, и пожарные инспекторы. Эти и еще многие другие бюрократы выполняли явно необходимые людям функции. Очень хотелось бы отнести к этой же категории и прокурорских работников. Но вспомним советское время, когда жертвами нашей «юстиции» оказалось такое количество людей, сколько за это же время не смогли ограбить и уничтожить все преступные сообщества мира там, где прокуратура была подконтрольна обществу. Как обстоят дела в сегодняшней России, мы можем судить только фрагментарно из случайных публикаций или по рассказам знакомых. Получается довольно мрачная картина.

«Так как бюрократия, — писал Маркс — делает свои “формальные” цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с “реальными” целями». Поэтому «всеобщий дух бюрократии есть тайна...». То же самое писал больше чем полвека спустя и «буржуазный» (по советским оценкам) социолог Макс Вебер: «...Бюрократическое управление всегда есть управление, исключаяющее публичность».

Прежде всего, сторонники прав человека предлагают отчетность и подконтрольность юстиции обществу — в лице присяжных на суде, адвокатов, прессы и общественных организаций. И это главное в судебной реформе.

Суд присяжных уже доказал свои преимущества перед различного рода «тройками». Двенадцать непрофессионалов, принимающих вердикт, это абсолютно независимая коллегия, способная оценить работу следствия на уровне здравого смысла. Если следствие не смогло убедить «человека с улицы» в том, что обвиняемый действительно виновен, значит, вне суда присяжных наказан был бы тот, чья вина, по меньшей мере, сомнительна.

И г-н Устинов болеет отнюдь не за жертв преступлений, он понимает, что реальные цели достигаются гораздо труднее, чем формальные. И если прокуратура, да и другие органы юстиции будут реально работать, а не отчитываться первым попавшимся под руку бедолагой, то и жертв преступлений станет меньше, ибо жертва, кто бы ни совершил преступление — оперативник или бандит, в конечном итоге жертва плохой работы юстиции. А если данный чиновник будет работать по-старому, то ему придется искать другое место работы, где он сумеет справиться с реальным делом (и это в первую очередь беспокоит чиновников).

Но у проблемы юстиции есть и другая сторона. Я, как инженер-технолог, знаю, что абсолютно точно нельзя разделить ни жидкости, ни газы, ни порошки, ни даже жидкость от газа — всегда в одной из фракций будут присутствовать частицы другой. Это проблема не только технологическая, но и философская, а в данном конкретном случае и юридическая. Отделить честных людей от преступников со стопроцентной гарантией невозможно.

Сегодня это делается из рук вон плохо — в тюрьмах сидят невинные, в то время как преступники гуляют на свободе. И чем выше качество работы юстиции, тем лучше ее селективность.

Но даже в идеальном случае мы можем предположить, что либо часть преступников (пусть сколь угодно малая) окажется безнаказанной, либо наказанными будут абсолютно невинные. И нам, обществу, предстоит выбирать, помня, что таким невинным может оказаться каждый из нас или наших близких.

Есть у российской юстиции и еще одна важная проблема, полученная в наследство от прошлого, — это проблема особого (военного) судопроизводства, когда вопрос виновности человека решают лица, фактически подконтрольные его командованию. Такой подход предполагает армию оккупационную и рабскую одновременно, каковой российская армия сделалась еще со времен Петра I.

Почему (в мирное время!!!) грабители или хулиганы в военной форме должны подлежать особому (пристрастному!) суду? Да потому, что военным чиновникам не хочется «выносить сор из избы», демонстрировать перед обществом свои промахи и недостатки. Вне практики военных трибуналов с «дедовщиной» и своеволием офицеров в армии было бы покончить гораздо проще. И в этом случае защита подсудимых или жертв произвола (а следовательно, и порядок в армии) получает гораздо более надежные гарантии.

И не нужно бояться, что присяжные разгласят какие-либо государственные или иные тайны, достаточно в каждом конкретном случае брать с них подписку о неразглашении. Опыт, и не только российский, показывает, что госчиновники идут на сотрудничество с иностранными спецслужбами не менее охотно, чем это делают рядовые граждане.

Юстиция должна защищать права каждого из нас, а не привилегии бюрократии.

25.05.2001

Мачехи демократии¹⁵⁶

Существует старинная притча о царе Соломоне. В ней говорится, что к Соломону пришли две женщины и принесли ребенка. Каждая утверждала, что она его мать. Выслушав обеих, мудрый царь предложил ребенка разрубить надвое. Одна из женщин согласилась, другая отказалась от ребенка. Ее и признал Соломон настоящей матерью.

Эта притча вспомнилась мне, когда распалось (*политическое движение. — Ред.*) «Демократическая Россия» и на его обломках возникли различные партии, в том числе «Яблоко» и «Демократический выбор России». Тогда казалось, что во всем виноваты Явлинский и его окружение, что в «Яблоке» оказались те, кому не хватило мест в первых рядах «Демвыбора». Эта точка зрения подтвердилась очень скоро — на выборах в первую Думу в одном из районов Санкт-Петербурга, когда, несмотря на прогнозы социологов, яблочник Нестеров отказался снять свою кандидатуру в пользу депутата «Демвыбора». Он, как и предсказывалось, набрал очень немного голосов. Депутат от «Демвыбора» набрал гораздо больше, совсем чуть-чуть ему не хватило до первого места, и в Думу прошел одиозный Невзоров.

На последних выборах в Думу по округу, где баллотировался истинный демократ Юлий Рыбаков (как независимый), СПС выставил никому не известного кандидата (Титова), который оттянул голоса. Рыбакову для победы не хватило 0,3%. Сам Титов набрал около 1% голосов и в Думу, естественно, не прошел. Сделано это было только для того, чтобы накачать Рыбакова за выход из СПС.

У российской демократии не оказалось матери — ее представляли мачехи. Перед последними выборами это откровенно озвучил Чубайс. На вопрос корреспондента о взаимоотношениях с «Яблоком» он откровенно ответил: «Внутривидовая борьба за экологическую нишу является наиболее жестокой». Внутривидовая борьба, как известно, ведется на персональное выживание и ни к социальным, ни к моральным ценностям никакого отношения не имеет.

Вернемся, однако, к более ранним временам. Из движения «Демократическая Россия» выделился предвыборный блок «Выбор России», а его эмблемой сделали «кумир на бронзовом коне» и слоган «Свобода.

¹⁵⁶ Выборы в Государственную думу Федерального Собрания России четвертого созыва состоялись 7 декабря 2003 года. 5-процентный барьер при пропорциональных выборах половины депутатов преодолели 4 списка: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Родина». Фракции в ГД утратили СПС (3,97%) и «Яблоко» (4,3%). (*Ред.*)

Собственность. Законность». Свобода и Законность как-то мало вязались с образом «кумира»; что касается собственности, то имелась в виду, очевидно, только очень крупная. Иначе Егор Гайдар не объявил бы все накопления граждан, обесценившиеся во время его реформ, «конфетными фантиками». Питерский руководитель «Выбора» (кажется, Томчин) так и заявил: «Мы являемся партией крупного капитала».

«Митинговая демократия», которая немало способствовала выходу представителей этой партии во власть, была объявлена вульгарной.

Затем появился бренд «Союз Правых Сил». До перестройки «не-согласные» (*лат. «диссиденты»*) — несогласные с тоталитарным режимом — считали компартию «правой», а себя «левыми». Правыми же считались и националисты разных толков. Вспомним Булата Окуджаву: «Те, что справа, стоят, стоят. Но те, что идут, всегда должны держаться левой стороны». Такая точка зрения имела и глубокие исторические аналогии.

Очевидно, одной из побудительных причин такого выбора было стремление вычеркнуть из памяти то время, когда защита либеральных ценностей не сулила иной экологической ниши, кроме заключенной зоны, и находились люди, готовые эту нишу занять.

Поначалу наименование «Союз Правых Сил» вызывало некоторое удивление. Однако заявление микрофюнера Чубайса о том, что противостояние чеченской войне есть «измена и нож в спину российской армии» (осень 1999 г.), поставило все на свои места. Стоило полковнику ГБ стать еще не президентом, а всего лишь премьером, как один из «главных демократов» заговорил голосом сталинского прокурора. Кстати, российская конституция запрещает использование армии на территории России. В Чечне не было даже объявлено чрезвычайное положение. Так как же «законность»?

СПС, как и подобает правым силам, отнюдь не протестовал против подчинения НТВ президентской вертикали. Удушение этого телеканала было проведено руками Коха. Как специалист по СМИ Кох возглавил избирательный штаб СПС.

Таким образом, Чубайс оказался совсем немного левее Рогозина, а Кох, судя по всему, даже правее. (Я пользуюсь классификацией, принятой во всем мире, а не той, что принята «в российском зазеркалье»).

В Питере СПС провел предвыборный митинг, якобы памяти убитой Галины Старовойтовой. С трибуны выступавшие несли чушь, свидетельствующую о полном пренебрежении историческими фактами. Нанятые молодые люди изображали молодой электорат, некоторые даже

держали плакаты. Болтали между собой о чем угодно, только не о политике, а ответственный за мероприятие проверял явившихся по списку. О том, что подобная практика (найма митингующих за плату) толкает этих молодых людей в стан Жириновского и уж точно отвращает от идей демократии, никто не думал. («Бабки важнее, чем понты» — так на блатном жаргоне сформулировала свою позицию предвыборная газета Правых Сил. Статья за подписью Свиначенко — впечатление, что это значимый псевдоним).

То, что демократия обозначила себя как «правая» сила, имело и другие последствия. Левый фланг занял муляж — КПРФ, по сути черносотенная, т.е. ультраправая организация, препятствующая возникновению социал-демократии. До прихода к власти большевики выглядели крайне левыми и сами в это верили, захватив власть, ликвидировав буржуазию, построив бюрократическую властную вертикаль, ВКП(б) очень скоро превратилась в ультраправую партию с огромным аппаратом подавления и имперскими амбициями.

Попытки теперешних лидеров КПРФ вмешиваться в политику (как правило, справа) привели к синтезу «Родины» с нынешней властной вертикалью.

Таким же муляжом являются и профсоюзы (*ФНПР. — Ред.*), наследники советских профсоюзов не только идеологически, но и материально. Признав за ВЦСПС статус общественной организации (как будто до перестройки таковые организации могли существовать), еще ельцинская власть передала ее наследникам всю собственность прежних «профсоюзов». Это офисные здания, гостиницы, дома отдыха и т.п. Профсоюзные чиновники от эксплуатации этой собственности получают гораздо больше, чем от членских взносов, и становятся независимыми от рядовых членов профсоюзов. Подконтрольность же власти обеспечивается тем, что эта собственность и в каждом отдельном случае, и вся целиком может быть вполне законно отобрана.

«Яблоко» — наиболее левая (по нормальному исчислению) часть официального российского политического спектра, однако и она не решилась позиционировать себя таким образом.

В лице своего лидера Явлинского «Яблоко» время от времени вступало в переговоры о едином демократическом союзе, но всякий раз имело в виду, что такой союз должен возглавляться именно им. Даже после поражения на последних выборах, при одном только упоминании о едином кандидате демократических сил, Явлинский заявил о том, что таким кандидатом окажется какой-то Пупкин, которого назначит президент.

Подобная опасность действительно существует, но если утверждать, что таковым окажется всякий, кроме Григория Алексеевича, то это звучит, мягко говоря, как опасный перебор. Сам он все мягче и мягче оппонировал этому президенту, которого Явлинский как главный оппозиционер, очевидно, устраивал, иначе с чего бы Путин стал перед самыми выборами фотографироваться с Явлинским. Явлинский, справедливо критикуя СПС, в то же время не предлагает своей четкой программы. На вопрос, а как же надо было сделать, он чаще всего отвечает: «А не так!» — «Так как же?» — «А не так!»

В настоящее время существует несколько микроскопических партий, именующих себя социал-демократическими, но в большинстве своем таковыми не являющихся, ибо они почти все поддерживают имперскую политику власти и не хотят видеть в сегодняшней бюрократии главное зло.

Проигрыш «правых сил» для России благо — демократию должны представлять подлинные демократы, а не борцы за собственную экологическую нишу.

03.01.2004

Кто о чем думает (Старый анекдот)

Есть такой старый анекдот, которому уже более ста лет.

В купе едут четверо: жандармский полковник, старая дева, хорошенькая девушка и студент. Поезд въезжает в тоннель. В темноте раздается звук поцелуя, а затем — звук пощечины. Тоннель кончился и в вагоне снова светло. Полковник потирает покрасневшую щеку.

Кто о чем думает?

Проницательный полковник: «Студент поцеловал девушку, а пощечина досталась мне».

Старая дева: «Если бы поцеловали меня, я бы драться не стала».

Девушка: «Полковник хотел поцеловать меня, а подвернулась старая дева».

Студент: «Здорово! Чмокнул себя в руку и дал по морде жандарму!»

Кончился XIX век, прошел XX, в третьем тысячелетии началась дележа большевистского общака. В одночасье появилось множество миллиардеров с подозрительным пятым пунктом, прямо-таки зафиксированным на их довольных физиономиях.

Кто о чем думал?

Антисемиты думали о заговоре сионских мудрецов.

Свежеиспеченные «олигархи» — о том, какие они умные.

Чиновники, производившие дележку, думали о том, у кого легче всего можно будет все отобрать, чтобы начать новую экспроприацию, и выбрали тот самый пятый пункт.

О чем думаю я?

Я помню историю. Я знаю, что эти жандармские полковники в карьерном раже мочили своих коллег-конкурентов с помощью таких прокураторов, как Дегаев, Азеф, Багров и многие поменьше рангом.

Я знаю, как потом чекисты мочили жандармов, НКВД под водительством Ежова мочил чекистов, под водительством Берии мочил ежовцев, пока, наконец, военные не расправились и с Берией, и с его подручными.

Это достаточно сбило спесь с проницательных и компетентных органов, и они занялись тем, за что им платили деньги и пускали в спецраспределители — только охраной власти от народа.

Правда, когда Андропов стал генеральным секретарем ЦК КПСС, он посчитал себя достаточно компетентным для спасения экономики Союза и ради этого стал отлавливать в пивных, банях и сортирах тех, кто, по его мнению, в тот момент должен был работать.

В результате Союз таки развалился. Прошел первый страх, и у бойцов невидимого фронта снова появились амбиции. Начался передел уже однажды поделенного. Правильно, начали с пятого пункта. И разделят все. А тем временем подрастут новые кадры, которым ничего не досталось и не осталось.

Правильно, начнется новый передел и опять они начнут мочить друг друга в сортирах. Но всем остальным от этого легче не будет.

27.12.2004

Свобода и справедливость

*Октябрь 1993 г. По призыву Е. Гайдара
люди собираются для того, чтобы защитить демократию.
«Передо мной идут две женщины в потертых пальто
и стоптанной обуви. Одна из них говорит другой:
«Подумать только! Они собираются запретить частные банки!»*

(Из газет)

С интересом прочел статью М. Кругова в очередном номере «Новой газеты» [04 (1029)]. В целом я с ней согласен, но проблема, как всегда, в частностях.

Во-первых, как конкретно понимать справедливость? Автор пишет: «И банкир, и слесарь должны отработать на нужды достижения общих целей одинаковый срок — по полтора месяца». Во всех известных мне буржуазных странах подоходный налог взимается по прогрессивной шкале — чем больше доход, тем выше процент налога. Россия, как всегда, идет своим путем.

Во-вторых, как разделить социальное и интеллектуальное? Когда началась паника вокруг «Селенги», один из помощников Чубайса выдал этой фирме лицензию, и я, голосовавший за «Демвыбор», не стал снимать деньги со счета, решив, что своим голосом я доверяю Чубайсу страну и неэтично в такой ситуации беспокоиться о деньгах.

Очевидно, у меня низкий интеллект, а у жуликов высокий. Я еще некоторое время голосовал за «Демвыбор России», пока тот же Чубайс не заговорил языком КГБ: «Предательство! Нож в спину нашей армии!», тут даже я все понял.

Но ведь и у него интеллект не выше моего. На вопрос, почему он так нападал на «Яблоко», Чубайс простодушно ответил: «Внутривидовая борьба за экологическую нишу всегда самая жесткая!» Ну, сказал бы втихую, а то на всю Россию: «Голосуйте за мою экологическую нишу!»

В вагоне метро читаю у соседа заголовок в бульварной газетенке: «Икс (указывается известный нефтебарон) подарил (указывается какая-то телезвезда) бриллиантовое ожерелье!» Это в нищей стране! О каком интеллекте может идти речь? Для кого свобода?

Оставим, однако, скользкую этическую платформу. Поговорим о прагматике. Кто привел к власти ФСБ (*девичья фамилия — КГБ*)? Очевидно, наши «интеллектуалы», начитавшись советских газет, и впрямь решили, что во всем мире силовые структуры защищают капиталистов от народа.

Кто дал возможность прикрыть НТВ? Все молчали. Стоило Ходорковскому заикнуться про коррупцию, как он оказался за решеткой. И что братья по классу? Съели, зато теперь могут дарить бриллиантовые кольца.

В существующей ситуации всеобщей коррупции впору заговорить по фене: «жадность фраера губит».

Героическим периодом капитализма назвал М. Вебер времена реформации. Героическим периодом капитализма в католических странах оказалось участие в антифашистском сопротивлении. Недаром после войны заговорили про «итальянское чудо». Кто поверит в идеологию ничем не оплаченную? Одного Ходорковского на всю страну мало. За свободу надо платить — даром ничего не дается.

Частная собственность делает человека хоть в какой-то степени независимым от государства и тем самым от бюрократии. В этой ситуации чиновник оказывается в двойственном положении, — с одной стороны, он хотел бы тоже не зависеть ни от прихотей своего начальства, ни от козней своих конкурентов. С другой стороны, он знает, что своим высоким положением, в том числе и возможностью получить собственность, он обязан именно своей должности во властной бюрократической системе, а широкое развитие частнособственнического сектора ведет, во-первых, к ослаблению казны, от которой этот чиновник кормится, во-вторых, к ослаблению бюрократии как властвующего сословия, ибо наличие независимых людей несет угрозу самому бюрократическому всевластию.

«Поэтому бюрократия, не препятствуя существованию частной собственности, всегда держала ее под подозрением, а собственников — в зависимости от власти и в неуверенности в завтрашнем дне» (*) (Васильев Л.С. История Востока. М., 1994. Т. 1, с. 226).

У чиновников в России никогда никакой идеологии не было, все, что они проповедовали, было для тех, с кого они драли семь шкур.

Оказавшись без поддержки народа, не получившего ни свободы, ни справедливости, буржуазия стала заложницей бюрократии. И ничему не научилась (см. выше о подоходном налоге).

«В то время как борьба других общественных элементов до известной степени отвоевывала условия и для более нормального развития промышленности, сами промышленники, замкнувшись в свои организации, в тесном взаимодействии с органами государственной власти систематически и энергично извлекали для себя групповые выгоды, держась в стороне от широкого политического движения» (*).

«...Слой крупнейших капиталистов, конечно, экономически господствует над всеми остальными, подавляя их безусловно размерами

своих оборотов; все это несомненно. Но все же это — слой, а не класс. Дистанция огромного размера отделяет, например, политическую роль представительных организаций этого слоя от его политического господства, а его политическое господство — от политического господства торгово-промышленного класса... Они (*промышленники. — В.Р.*) становятся рабски на государственную почву, не их классом созданную, и на этой почве “ходатайствуют” об интересах своего сословия, своей группы, своего слоя, не поднимаясь даже и тут до широкого понимания интересов всего класса».

Это не современные размышления, это 1912 год. Первое высказывание принадлежит кадетскому идеологу А. Ерманскому («Наша заря», № 1–2, 1912, с. 50), второе — Ленину (ПСС. Т. 21, с. 291–295). Чем все это окончилось для русской буржуазии всего-то через пять лет, мы хорошо знаем.

25.01.2005

О «Другой России»

Доперестроечное сопротивление тоталитарному режиму своим бескорыстием и жертвенностью накопило некоторый «капитал». Этот «капитал» обеспечил победу над ГКЧП, обеспечил прохождение в парламент партий, которые называли себя демократическими. Однако лидеры этих партий во имя личных амбиций и корысти тот «капитал», заработанный диссидентским движением, бессовестно растранижили.

Теперь участники Маршей несогласных снова начали зарабатывать уважение общества. Не растранижить бы и это уважение своекорыстием и амбициозностью.

Говорить о шансах на прохождение (*на выборах. — Ред.*) кого-либо, кроме кремлевского ставленника, серьезно не приходится. Слишком много теряют те, кто сегодня у власти, и во имя этого они способны на любую, в том числе и силовую, акцию.

Участие в «президентской гонке» может преследовать только пропагандистские цели:

- 1) доказать бескорыстие оппозиции;
- 2) доказать ее единство;
- 3) объединить вокруг ее кандидата как можно больше людей.

На мой взгляд, всем этим задачам наиболее соответствует выдвижение кандидатом Виктора Геращенко.

Особого пути в будущее не существует. История реализовала два варианта: **рациональный**, когда и граждане, и политики способны использовать многоступенчатые стратегии, и **иррациональный**, когда поведение людей подчиняется сиюминутным эмоциям.

В своем выступлении социолог «Левада-центра» Борис Дубин отметил, что у нас, в России, плохо совмещаются конкуренция и солидарность. На Западе конкуренция определяется сравнительно короткими стратегиями, в то время как длинные стратегии предполагают солидарность. К сожалению, у нас длинные стратегии практически не работают.

Вывод отсюда очевидный: или участники движения смогут подчинить свои амбиции и эмоции общей задаче, или всевластная и безразличная к людям бюрократия и дальше будет править бал в нашей стране.

Вспомним Пушкина: «И всюду страсти роковые, и от судеб исхода нет».

02.11.2007

Мачехи демократии-2

Демократические партии (СПС и «Яблоко») опять не прошли в Думу. Почему?

Во время предвыборной агитации обе партии объявляют себя борцами за демократию и сторонниками европейского пути развития России. В Европе партии, близкие по идеологии, поддерживают друг друга. Исключение составляли коммунисты, которые по указке Кремля всячески «топили» социал-демократов, да и то в 1960-х годах эту практику они прекратили.

У нас все наоборот. Во время подсчета результатов голосования в конце 2003 г. одному из членов политсовета СПС задали вопрос: «Почему во время предвыборной борьбы СПС так активно нападал на “Яблоко”?» Ответ был честным: «Потому, что внутривидовая борьба за экологическую нишу является наиболее жестокой».

Спрашивается, почему я должен бросать все дела и идти на избирательный участок только для того, чтобы обеспечить «экологическую нишу» людям, мне вовсе не знакомым?

А если даже и знакомым? Во время приезда в Питер одного из лидеров «Яблока», с которым мы были знакомы, я в разговоре упомянул притчу о суде царя Соломона. (Интересующимся даю ссылку: 3Цар. 3:16–28). Там идет речь о двух женщинах, которые принесли царю

новорожденного ребенка. Каждая из них утверждала, что это ее ребенок. Соломон приказал разрубить младенца на две части, чтобы никому не было обидно. Та, кто действительно была матерью, отказалась и уступила другой.

Конечно, у мачехи ребенку было бы хуже, чем у матери, но все-таки он остался бы живым. Не пойти ли вам на уступки?

В ответ я услышал: «Это очень сложный вопрос», после чего мой собеседник разговор прекратил. А я ведь был его потенциальным избирателем. Мало того, к моему голосу прислушивались и люди, ему вовсе не знакомые. Не знаю, партийные тайны или «высокопоставленное» чванство помешало ему обсуждать эту проблему. «Отойдите, непосвященные!»

А сколько раз и та, и другая партии выставляли своих кандидатов в одном избирательном округе, в результате чего в Думу проходили всякие прохвосты?

Правда, перед самыми выборами СПС принял участие в Марше несогласных, но было уже поздно. Отсюда, только по Питеру оглашено 17,5 тыс. испорченных бюллетеней, на деле, возможно, было и больше. Отсюда низкая явка демократического электората. Отсюда голоса, отданные «Гражданской силе».

На одной из лекций мне пришлось слушать социолога «Левада-центра» Бориса Дубина. В числе прочего он сказал: «В России не умеют совмещать конкуренцию и солидарность. На Западе конкуренция осуществляется на коротких стратегиях, а солидарность — на длинных».

Но у нашей «демократической» элиты никаких длинных стратегий нет.

Правозащитное движение еще в «стране реального социализма» своим бескорыстием и единством накопило на будущее некий моральный и политический капитал. Те, кто оказался у власти в 90-е годы, этот капитал растранижили, конвертировав его в личные выгоды.

На маршах несогласных снова бескорыстие и единство начали привлекать людей, и казалось, общество, пусть и не сразу, готово воспринять демократические ценности. И снова мираж «президентских выборов» и личные амбиции сделали свое дело. Об этом я хотел сказать на питерских праймериз в сентябре этого года.

Пора, наконец, разобраться, что нужно лидерам, претендующим на статус демократических, — «конституцию или севрюжину с хреном» — и понять, что в нашей стране в «одном флаконе» они не подаются. А ради севрюжины лучше вступать в «ЕдРо».

11.12.2007

2. РЕЦЕНЗИИ И ПИСЬМА

Автопортрет на фоне органов

*Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.*

М. Светлов

*Сегодня приказчик,
а завтра
царства стираю в карте я.*

В. Маяковский

*Чтобы нас, мерзавцев, содержали в холе
и в неженье, а прочих всех — в кандалах...*

М.Е. Салтыков-Щедрин

Воспоминания генерал-лейтенанта НКВД П.А. Судоплатова¹⁵⁷ — интереснейший документ, позволяющий нам понять нравы, царившие в среде работников организации, с которой он был связан всю сознательную жизнь. Непонятно, как человек, столь умудренный в конспирации, так откровенно представляет своих коллег и себя самого в столь неприглядном виде. То ли автора подвел преклонный возраст, то ли он рассчитывал на какой-то особо циничный круг читателей.

В этой связи интересно сопоставить дату, когда книга была сдана в набор, — 25.06.1997, и дату, когда она была подписана к печати, — 12.08.1999. Вообще-то, верить С-ву нельзя. Он говорит правду не тогда, когда что-либо утверждает, а чаще всего, когда хвастает или проговаривается.

¹⁵⁷ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М.: Олма-пресс, 1997. (Электронная версия — http://militera.lib.ru/memo/russian/sudoplatov_pa/index.html). (Ред.)

Естественно, не имея доступа к засекреченным до сих пор документам, я не могу доказать того, что в 1941 г. Сталин пытался договориться с Гитлером о мире ценой территориальных уступок (с. 228 названной книги и далее), не могу утверждать о причастности С-ва к тем убийствам, о которых он не сообщает сам, не могу доказать причастность Сталина к убийству Кирова, которое С-в категорически отрицает. Но умолчание о некоторых известных фактах, связанных с этим убийством (гибель охранника Кирова, безнаказанное появление в Смольном Николаева с оружием), лишает его доводы всякой убедительности.

Этих целей я перед собой и не ставил. Я попытался вычленить из текста мемуаров психологию тех, от кого зависели и, боюсь, все еще зависят судьбы и жизни простых граждан моей страны (с той только разницей, что они учились не по книгам Бухарина, а по лекциям С-ва и ему подобных (с. 658).

* * *

В 12 лет С-в убежал из дома с полком Красной армии. «Мое восприятие событий можно считать типичным для семьи с низким достатком, которым нечего было терять. Вполне естественно, я всей душой поверил, прочтя написанную Бухариным “Азбуку коммунизма”, что общественная собственность будет означать построение справедливого общества, где все будут равны, а страной будут управлять представители крестьянства и рабочего класса в интересах простых людей» (с. 16).

Еще в начале 30-х годов он вспоминает о судьбе рабочих и крестьян в связи с голодом на Украине, при встрече с руководителями украинской компартии Косиором и Хатаевичем. Те объяснили комсомольцам (С-ву и его жене), что все это «временные трудности, которые следует преодолевать всеми возможными способами». Они также объяснили, что необходимо «...воспитать новое поколение, преданное делу коммунизма и свободное от всяких обязательств перед старой моралью» (с. 21).

В 1938 г., узнав об исключении из партии своих учителей (тогда для таких фигур это означало арест, а в данном случае расстрел), он отнесся к этому без излишних эмоций: во время голода непоследовательный партийный лидер распорядился продать голодающим часть муки из неприкосновенного запаса. За что и получил партийный выговор. «Может быть, думал я, он совершил еще какую-нибудь ошибку в этом же роде. Повторяю снова: увы, я был наивен» (с. 70). Не настолько, однако, чтобы вступить за своих бывших кумиров.

Свобода от всяких обязательств перед старой моралью обернулась для прошедших партийно-государственный отбор свободой от морали вообще, в том числе и коммунистической.

Рассказывая об одном из своих агентов, С-в передает историю его вербовки: В 1929 г. по доносу друга его арестовали «за незаконное хранение оружия и антисоветскую пропаганду». На самом деле пистолет был подброшен. В результате этой акции он был принужден к негласному сотрудничеству с ГПУ (с. 241).

Как опытная проститутка изображает из себя наивную девушку, С-в не перестает кокетничать своей наивностью на протяжении всей книги: «В те дни я искренне верил — продолжаю верить и сейчас, — что Зиновьев, Каменев, Троцкий и Бухарин были подлинными врагами Сталина. В рамках той тоталитарной системы, частью которой они являлись, борьба со Сталиным означала противостояние партийно-государственной системе советского государства. Вот почему мне казалось, что даже если обвинения, выдвинутые против них, и преувеличены, это, в сущности, мелочи. Будучи коммунистом-идеалистом, я слишком поздно осознал всю важность такого рода “мелочей” и с сожалением вижу, что был не прав» (с. 88).

«...Мы искренне и безусловно верили в безусловную честность наших непосредственных руководителей» (с. 69).

Наивность нашего героя сразу улетучивается, как только дело касается его собственной шкуры. После «разоблачения» Ежова, когда началась очередная чистка «органов», С-в задумался: «Впервые мы боялись за свою жизнь, оказавшись под угрозой уничтожения нашей же собственной системой. Именно тогда я начал размышлять над природой системы, которая приносит в жертву людей, служащих ей верой и правдой» (с. 99).

Однако все обошлось — С-ву поручили убийство Троцкого.

Следующий раз возмущение С-ва вызвали кампания против «сионизма» и «дело врачей», этому посвящена даже целая (десятая) глава воспоминаний. Объясняется это тоже очень просто — жена С-ва была еврейкой. Он опять боялся за свою семью и собственную шкуру.

Страхи проходят, и к С-ву опять возвращается прежняя наивность. С-в снова рассуждает о менталитете идеалистически настроенных коммунистов конца 40-х — начала 50-х. Для них самым ужасным преступлением... была фальсификация партийных выборов. «Дело партии было священным, и в особенности внутрипартийные выборы тайным голосованием, которые считались наиболее эффективным инструментом внутрипартийной демократии. Поэтому, когда Анна рассказала мне, что

партийные лидеры Ленинграда (*Кузнецов и Вознесенский. — В.Р.*) фальсифицировали результаты выборов на партконференции, эти люди для меня перестали существовать». (С-в делает вид, будто узнал о «ленинградском деле» только после того, как все «люди Жданова и соперники Маленкова» были расстреляны). (См. с. 515–516).

Пикантно то, что упомянутая С-вым Анна — это А. Цуканова, заместитель Маленкова, с которой автор познакомился «в конце 40-х» на встрече в ресторане «Арабат» (см. с. 508). Поскольку квартиры высшего эшелона власти прослушивались, свидание в ресторане было, скорее всего, деловым. Одна из глав воспоминаний так и называется «Соперничество групп Маленкова—Берии и Жданова—Кузнецова». Если обратить внимание на тот факт, что невестка С-ва работала в секретариате Маленкова (см. с. 571), становится очевидным, на чьей стороне в данной сваре был наш герой.

Вполне возможно, что суровый приговор С-ву как соучастнику Берии (15 лет заключения), который оставался в силе и при Хрущеве, и при Брежнев, отказ от реабилитации во все последующие годы (даже при Андропове) говорит о том, что С-в с большой вероятностью был причастен и к смерти Жданова. Реабилитирован он был только после августовских событий 1991 г., по рекомендации КГБ (см. с. 660 и далее), — «...незадолго до ухода в отставку, главный военный прокурор прекратил наши (*С-ва и Н.И. Эйтингона — В.Р.*) дела... и подписал постановление о реабилитации...». Сам С-в свою вину отрицает (см. с. 595).

«Во время похорон Сталина мое горе было искренним; я думал, что его жестокость и расправы были ошибками, совершенными из-за авантюризма и некомпетентности Ежова, Абакумова, Игнатьева и их подручных» (с. 534). Отметим, что Берия здесь не упомянут.

Вспоминая о том, что «...для усыпления бдительности Берии ЦК сознательно пошел на обман...», С-в называет это «беспрецедентным»: «Все мы верили, что наше руководство ни при каких обстоятельствах не примет директивы для обмана членов партии, даже ради самой благородной цели». И опять прикидывается простачком: «Я был настолько наивен, что верил: при Сталине все было по-другому» (с. 578).

И при этом на всем протяжении книги С-в пишет о пытках, которым одни его коллеги подвергали других его коллег (см. с. 94, 99, 169, 256, 257, 512, 525). Пытали и при Ежове, и при Берии, и при Абакумове.

Наивность С-ва тем более удивительна, что он сам многократно и с гордостью описывает, как лгала власть в целом и органы в частности.

«Наши заявления Рузвельту накануне Ялты в том, что советские граждане пользуются свободой вероисповедания, вовсе не означали конца противоборства с украинскими католиками или униатами» (с. 409).

В «Спецоперациях» С-в утверждает, что в 1937 г. немецкие спецслужбы спровоцировали мятеж троцкистов в столице Каталонии — Барселоне, однако другие источники (Р. Конквист. «Большой террор»; «Черная книга коммунизма»; Дж. Оруэлл. «Памяти Каталонии») сообщают, что начало событиям положило нападение каталонской полиции на синдикалистские и троцкистские организации. Начальником полиции был В. Сала, по словам С-ва, завербованный НКВД (см. с. 76).

Полиция захватила руководителя троцкистов Андре Нина и упрятала в тюрьму, где работники НКВД пытали его несколько дней, затем его вывели из тюрьмы и расстреляли. О пытках С-в не пишет, а о похищении сообщает следующее — оно было организовано группой немецких коммунистов, «...участие немцев в этой акции как бы подтверждало версию... о причастности немецких спецслужб к похищению своего агента из республиканской тюрьмы» (с. 76). После убийства Нина его организатор Орлов от имени убитого распространил антитроцкистский памфлет и создал версию о содействии немецких спецслужб побегу Нина из-под стражи. «Эта акция нанесла серьезный урон престижу троцкистского движения в Испании» (с. 77).

При подготовке убийства Троцкого «...важно было выдвинуть подходящий мотив убийства, чтобы скомпрометировать самого Троцкого и таким образом дискредитировать его движение... Если бы Меркадера схватили, ему надлежало заявить, что троцкисты намеревались использовать пожертвованные им средства в личных целях, а вовсе не на нужды движения, и сообщить, что Троцкий пытался уговорить его войти в международную террористическую организацию, ставившую своей целью убийство Сталина и других советских руководителей» (с. 120).

В 1978 г. накануне ареста руководителя солженицынского фонда Александра Гинзбурга «Литературная газета» обвинила его в том, что на деньги фонда он устраивает пьяные оргии. Те же методы, хотя С-в тогда еще не был реабилитирован.

Лжет С-в и тогда, когда заводит речь о Степане Бандере, утверждая, что ему протезировали фашистские спецслужбы и он сам служил оккупантам. За организацию убийства польского министра Перацкого Бандера был заочно приговорен к смертной казни. Немецкое правительство выдало его Польше (это признает и С-в). Смертная казнь ему была заменена в связи с амнистией, а не под давлением Германии. После нападения Германии

на Польшу он не был освобожден немцами, а бежал из Брестской крепости, где отбывал пожизненное заключение. После провозглашения независимости Украины Бандера оказался в концлагере Заксенхаузен, а не просто был интернирован. Массовым уничтожением евреев во Львове занимались не бандеровцы, а мельниковцы (см. с. 26, 27, 412).

Все противоречия между Бандерой и Мельником С-в сводит исключительно к борьбе за власть. Действительно, бандеровцы и мельниковцы воевали между собой. Но причина этих стычек была совсем иная. Мельник считал фашистов освободителями Украины, а Бандера — оккупантами, с которыми надо вести войну. О репрессиях оккупантов против бандеровского движения мне лично приходилось слышать как от тех, кто к этому движению принадлежал, так и от сторонников Мельника.

К сожалению, наши российские СМИ до сих пор не могут или не хотят разобраться в этой проблеме и изображают всех украинских «самостийников» сотрудниками фашистских оккупантов.

С-в клеветает, когда, рассказывая о действиях во время Отечественной войны на Кавказе диверсионных отрядов альпинистов, утверждает, что эти отряды находили поддержку среди всех горцев и «...только в Чечне местное население не оказывало им помощи» (с. 235). О партизанском движении в Чечне сообщает даже БСЭ. Газета «Правда» (20.10.1942) писала: «Рядом с русскими встали черкесы, чеченцы, ингуши, осетины». Наверное, автор «запамятовал» сообщение партийной газеты, которой, как он уверяет, он свято верил.

В 1953 г. Сталин поставил вопрос об убийстве Тито. Ознакомившись с планом операции, предложенным его коллегами из другого отдела, С-в назвал его наивным, отражающим опасную некомпетентность разработчиков. «Мы должны отнестись к Тито как к серьезному противнику... при этом я сослался на нашего агента, Джуровича, генерал-майора в охране Тито. По его словам, Тито был всегда начеку. К сожалению, он, в связи с внутренними интригами, не так уже отличавшимися от наших, потерял расположение Тито и в настоящее время сидел в тюрьме».

Опять возникают сомнения в искренности автора. Последнюю фразу он Сталину явно не говорил. Если агент враждебного государства оказался в тюрьме, при чем тут «внутренние интриги»? Если это действительно «внутренние интриги», то, вероятнее всего, С-в соврал Сталину, так как проверить, был Джурович завербован или нет — было уже невозможно, да и без донесений агента можно было утверждать, что «Тито всегда начеку». «...Упоминание высокопоставленного источника информации из службы безопасности Тито произвело впечатление на Сталина» (с. 531).

Далее С-в замечает, что досье на Тито «...включали в себя идиотские резолюции Молотова: искать связи Тито с профашистскими группировками и хорватскими националистами» (с. 532). О том, как устанавливались режимы «народной демократии» в Польше, Болгарии и Чехословакии С-в мимоходом сообщает на стр. 381–383.

«Генерал-полковник Штеменко, заместитель начальника Генштаба, как инициатор... “предательских планов”, которому еще не было и пятидесяти, вынужден был уйти в отставку (*как ставленник Берии. — В.Р.*) ...В действующую армию Штеменко вернул Брежнев почти пятнадцать лет спустя для разработки планов военного вторжения в Чехословакию» (с. 593).

Здесь С-в пытается оболгать нелюбимого им Хрущева. БСЭ сообщает, что Штеменко в 1962 г., т.е. еще при Хрущеве, был назначен первым зам. главнокомандующего сухопутных войск. А в статье в «Военно-историческом журнале» (1977, № 2) говорится о том, что его вообще не увольняли из армии, а только, понизив в должности, перевели на периферию. Маловероятно, что автор ошибся за давностью лет — за всеми перемещениями людей такого рода С-в, как видно из его воспоминаний, следил довольно пристально, к тому же его сын, редактировавший книгу (которому издательство выражает благодарность за помощь в подготовке издания) должен был сверять данные хотя бы по энциклопедии.

Иногда С-в врет просто смешно: «Из записей, которые вела жена, следует, что я оставался в психиатрическом отделении в Бутырках больше года и все это время меня принудительно кормили. Я смог выжить только благодаря тайной поддержке жены. Через два-три месяца я начал чувствовать эту поддержку: каждую неделю в тюрьму доставлялась передача, и санитары выкладывали передо мной, чтобы пробудить аппетит, — свежие фрукты, рыбу, помидоры, огурцы, жареную курицу...» (с. 597). Очевидно, этими деликатесами и кормили принудительно нашего героя!

«На допросах меня не били, но лишали сна. Следовательские бригады из молодых офицеров, сменявшие друг друга, до пяти утра, повторяли один и тот же вопрос: признаете ли вы свое участие в предательских планах и действиях Берии?» (с. 594). Далее он пишет, что его лишали сна в течение трех месяцев (611).

Всякий, кто читал воспоминания заключенных сталинского времени, знает, что через несколько суток непрерывных допросов человек начинает засыпать в любом положении и только жестокими побоями удается прервать такое забытие.

И полная несуразица: «Полковник Людвигов, начальник секретариата Берии в Министерстве внутренних дел, был арестован за то, что слишком много знал о нем и его любовных похождениях» (с. 631). Как будто Хрущева больше всего заботила тайна бериевских амуров.

«Мотивы преступных репрессий, в которых повинны руководители страны и органы безопасности, были связаны не только с личными амбициями Сталина и других “вождей”, но и с той борьбой за власть, которая постоянно шла внутри их окружения. Эту борьбу всегда умело прикрывали громкими лозунгами — “борьба с уклонами” в правящей партии, “ускоренного строительства коммунизма”, борьба с “врагами народа”, “борьба с космополитами”, “перестройка”» (с. 5). (О борьбе с терроризмом (с. 7) автор отзывается весьма положительно).

Этот взгляд, начиная с предисловия, С-в проводит через всю книгу.

«В течение 1936–39 годов в Испании шла, в сущности, не одна, а две войны, обе не на жизнь, а на смерть». Война между франкистами и республиканцами у нас хорошо известна. Но, оказывается, шла и другая война: «С одной стороны, Сталин в Советском Союзе, а с другой — Троцкий, находившийся в изгнании: оба хотели предстать перед миром в качестве спасителей и гарантов дела республиканцев и подчинить своему руководству испанское революционное антифашистское движение» (с. 55). Этот тезис можно выразить и иначе — исходя из реальной обстановки и личного опыта, Троцкий не желал для Испании сталинской диктатуры, а Сталина устраивала только его диктатура, в ином случае франкистская Испания была для него предпочтительней.

«Чтобы понять природу ежовщины, необходимо учитывать политические традиции нашей страны... Руководители партии и НКВД получили возможность решать даже самые обычные споры, возникавшие чуть ли не каждый день, путем ликвидации своих оппонентов» (с. 99).

«Я был не врагом народа, а врагом завистливых коллег — таков был заурядный мотив для травли в годы чисток» (106).

«Берия и его враги в руководстве страны исповедовали одну мораль... Единственная разница между Берией и его соперниками только в количестве пролитой ими крови». Впрочем, и этой разницы С-в не видит. С его точки зрения Хрущев, Булганин и Маленков совершали столь же чудовищные преступления (с. 662–663). Осужденный при Хрущеве, этот недочеловек приравнивает судьбы сотен тысяч людей, выпущенных из лагерей, условия в которых были гораздо страшнее его

тюремного режима, к своей собственной. Прекращение пыток на допросах, огульных арестов, улучшение условий жизни населения страны для С-ва ничего не значат.

Впрочем, находясь под следствием, он оценил хрущевские реформы (например, отмену репрессий жен арестованных и осужденных) и даже пытался ими пользоваться (см.: с. 587, 599, 613, 626).

С моей точки зрения, рассуждения С-ва о грызне в правящем слое искренни. Не стоит отрицать, что властные амбиции играют немалую роль в любом историческом событии, но не меньшую роль играют политические и моральные установки. Последние пониманию С-ва абсолютно недоступны.

Свары за власть не мешали превращению его окружения в блатную кодлу. Несмотря на кажущуюся «наивность», С-в с удовольствием цитирует остроту своего коллеги, сказанную еще в годы первых пятилеток: «В четвертом завершающем блат является решающим» (с. 97).

По блату устраивают детей в дом отдыха (см. с. 567), в институт (см. с. 639), устраивают родственников на работу (см. с. 479), получают разрешение на частную практику (см. с. 245), получают квартиры (см. с. 157), узнают государственные секреты (см. с. 571), вмешиваются в ход следствия (см. с. 600, 603), получают поблажки в тюрьме (см. с. 632, 640, 643).

Интересно само описание установления блатных связей: «Известие, что я буду находиться во Владимирской тюрьме, вызвало скрытую радость: в этом городе жила младшая сестра жены, ее муж Александр Комельков был ответственным сотрудником аппарата МВД Владимирской области, заместителем начальника ГАИ. Они жили в том же доме, где и все тюремное начальство... Со всеми своими соседями Комельков и его жена были в отличных отношениях. Вскоре на летние каникулы во Владимир приехал мой младший сын Анатолий. Там он подружился с Юрием, мальчиком своего возраста, сыном начальника Владимирской тюрьмы полковника Козика. С ними в компании была Ольга, дочка заместителя Козика, жившего по соседству» (с. 623). На этот раз успех С-ва был недолгим, руководство тюрьмы сменилось, и ему пришлось бы довольствоваться общим для всех режимом, если бы не «рацпредложения», направленные Хрущеву. За первое они с сокамерником получили два килограмма сахара (см. с. 641), за второе им разрешили получать вместо одной пищевой передачи в полгода — две. Читатель может поразмыслить, сколько человеческих жизней стоит за этими гэбистскими рацухами.

По блату становятся писателями (см. с. 627) и даже философами (см. с. 216). В качестве «видного философа» он рекомендует полковника

КГБ в отставке, некую Морджинскую. В каталоге Публички я посмотрел труды Морджинской и ничего не нашел, нашел я Модржинскую Е.Д., защитившую докторскую диссертацию в 1964 г. Судя по названиям ее работ и по тому, что я просмотрел, Е.Д. — плохонький заказной публицист на темы «колониализм—сионизм—ревизионизм». Вероятнее всего, С-в пишет о ней.

Мне стало понятным, почему, обругав Хрущева, Маленкова, Горбачева, выставив идиотом Молотова, С-в ни одним худым словом не обмолвился о Ельцине, во времена которого писались воспоминания. Кажется бы, карьере ему уже делать было поздно, репрессии не грозили, а ведь именно Ельцин разрушил то, что С-в создавал всю свою жизнь. Поскольку органы — «ГПУ, позднее НКВД—КГБ (ныне ФСБ)» — такой ряд выставляет сам автор (с. 19) — поддержали первого президента России, их неудовольствие могло привести к изгнанию его (С-ва, а не президента) из блатного сообщества.

Мало того, следуя новым веяниям, С-в сообщает о том, что он был крещен в русской православной церкви, а также о том, какую пользу государству приносили церковные служители, среди которых было немало агентов НКВД (с. 240, 252). Правда, случались и «проколы» — «разведчик, посланного в тыл к немцам, выдал священник, агент местного НКВД, который к тому времени сотрудничал с гестапо» (с. 201). Зато к партии он стал относиться гораздо строже — «создавался миф о здоровом ядре в ЦК во главе с Кировым в противовес Сталину», при этом описываются кировские амурные дела (с. 84, 85).

Суверенитет Украины, против которого С-в боролся всю жизнь (см. главки: «Смертельный поединок с ОУН» (с. 22), «Разгром вооруженного националистического подполья» (с. 408)), теперь его вполне устраивает. Он осознает себя украинцем и беспокоится о судьбе украинского флота в Крыму (с. 666). При этом «вес, который имела Украина» в рамках СССР, стал «прелюдией к обретению ею... статуса независимого государства...» (с. 432). А в том, что Украина оставалась в Союзе, немалая заслуга С-ва. Прямо по Щедрину: «Чтобы нами, мерзавцами, сделанный вред за пользу считался, а прочими всеми если бы и польза была принесена, то таковая за вред бы считалась».

О воровстве или взяточничестве среди своих непосредственных коллег С-в не пишет. Сообщает о том, как наше государство попыталось присвоить испанское золото: в 1936 г. испанские республиканцы согласились сдать на хранение в Москву большую часть испанского золотого запаса, более полумиллиарда долларов. После опубликования этих сведений

бежавшим на Запад агентом НКВД Орловым, в 60-х годах «наверху» было принято решение компенсировать испанским властям золотой запас поставками нефти (с. 70 и дал.). Почему за все эти годы о золоте не обмолвился ни один испанец, остается только гадать; вполне возможно, что все, кто непосредственно был связан с этой операцией, были уничтожены С-вым, но об этом он ничего не пишет.

Зато пишет о том, что «ЦК не всегда принимает меры по фактам взяточничества, “разложения” и т.п. по докладам Комиссии партийного контроля и органов безопасности. Сталин и Маленков предпочитали не наказывать преданных высокопоставленных чиновников. Если же они причислялись к соперникам, то этот компромат сразу же использовался для их увольнения и репрессий» (с. 508).

Единственный из работников КГБ, упомянутый им в этой связи, это начальник кремлевской охраны Власик, арестованный еще Сталиным и остававшийся в заключении до 1955 года, когда его осудили за растрату фондов на проведение Ялтинской и Потсдамской конференций (с. 525).

«В 1991 г. органы военной юстиции пришли к заключению, что дело Абакумова было сфабриковано и, хотя он нес ответственность за незаконные репрессии, он не был виновен в государственной измене или преступлениях против партии» (с. 666).

Хороши же государство и партия, для которых страдания и уничтожение миллионов людей (в том числе и членов партии) не являются изменой. Изменой являются только покушения на власть верхушки или на их привилегии. Что касается лично С-ва, то у него к Абакумову претензий нет. Несмотря на то, что во время войны с Абакумовым были натянутые отношения, тот, став в 1946 г. министром ГБ, «...проявил достаточно такта, чтобы не лишать меня тех привилегий, которые я получал в годы войны: мне сохранили государственную дачу, меня продолжали включать в список лиц, получавших сверх служебного оклада ежемесячное денежное вознаграждение, а также имевших право на спецобслуживание и питание в кремлевской столовой» (с. 396).

После ареста Берии проводивший обыски военный прокурор Суханов «...вынужден был сознаться в краже ценностей из сейфов Берии и его подчиненных, за что был приговорен к десяти годам тюремного заключения. Об этом скандале, хотя никаких официальных сообщений не было, говорила вся Москва. Он (Суханов. — В.Р.) подорвал доверие

к следователям, которые занимались делом Берии, и даже интерес к разоблачениям всякого рода грязных интриг, которые ему (*Берии. — В.Р.*) приписывались, начал падать» (с. 625).

Во-первых, здесь автор опять врет, интерес к такого рода «грязным интригам» в кругах тех, которых он называет «вся Москва», никогда не утихал. Во-вторых, огромное количество москвичей связывали с арестом Берии надежды на спасение своих близких из лагерей и тюрем, освобождение от страха самим оказаться там, о чем можно было С-ву прочесть в мемуаристике конца 80-х — начала 90-х годов. Но зачем ему было читать мемуаристику, если не только «вся Москва», вся Россия для него — только собственная блатная малина, вся наша действительность — только волчья грызня за власть и привилегии.

Вот что пишет он, вспоминая о своих сокамерниках во Владимире: «...Через год мне подсадили сначала Брика (*племянника друга Маяковского, арестованного при попытке бежать в США. — В.Р.*), затем Штейнберга (*нелегала НКВД в Швейцарии, в 30-х гг. отказавшегося вернуться из-за грозившей ему опасности быть расстрелянным и попавшего после смерти Сталина на удочку обещанной амнистии. — В.Р.*), а позже бургомистра Смоленска при немцах Меньшагина. Наши отношения были вежливыми, но отчужденными. Хотя все они были интересные люди, но их прежняя жизнь и поверхностное знание нашей действительности меня раздражали...» (с. 632—633).

К простым людям, которых он собирался защищать в ранней молодости, он потерял всякий интерес. Речь о произволе, пытках, расстрелах он заводит только тогда, когда это касается его самого или таких же, как он. Зато при упоминании о начальстве С-вым овладевает лакейский восторг.

С-в описывает свою первую встречу с большим начальством: «Нам с женой льстило, что такие люди, как Косиор и Хатаевич, разговаривают с нами, как со своими товарищами...» (с. 21). Это еще можно понять — молодых людей, еще комсомольцев, принимают партийные лидеры с дореволюционным подпольным прошлым. Но и в дальнейшем он не только испытывает нечто похожее, но и не стесняется об этом писать.

«Ежов внезапно предложил, чтобы я сопровождал его в ЦК. Я был просто поражен, когда наша машина въехала в Кремль, допуск в который имел весьма ограниченный круг лиц» (с. 37).

«В этот момент я испытывал те же чувства, что и в прежние встречи со Сталиным: волнение, смешанное с напряженным ожиданием, и охватывающий всего тебя восторг» (с. 103).

7 ноября 1941 г. состоялся парад на Красной площади. «На моем пропуске стоял штамп “Проход всюду” — что означало, что я могу пройти и на главную трибуну Мавзолея, где стояли принимавшие парад советские руководители» (с. 212). Мог, да не пошел, ибо хорошо знал свое место, знал, чем закончилась бы для него попытка появления на трибуне Мавзолея.

«Помню большой прием в Георгиевском зале Кремля, где я удостоился чести сидеть за одним столом с...» далее следует перечисление имен генералитета (см.: с. 271 и далее). Пропуск на Красную площадь со штампом «Проход всюду» и пригласительный билет на прием в Кремле С-в включил даже в фоторяд своих воспоминаний.

Читая «Спецоперации», не перестаешь удивляться, какой жуткий-комплекс неполноценности терзал автора и ему подобных. Привилегии для них были не только материальными благами, но и показателем превосходства над всеми остальными, иначе не стал бы С-в столь подробно перечислять их читателю, той же цели служит и демонстрация своих бластных возможностей. Этот комплекс неполноценности оказывался сильнее животного страха, который они испытывали во время пресловутых «чисток».

Все вместе и каждый из них чувствовали, что их не за что уважать, уважение им заменял его суррогат — страх.

С упоением С-в пишет в предисловии, как ему и ему подобным «...удалось создать ценой колоссальных жертв могущественное государство, ставшее сверхдержавой, державшее в страхе не только своих граждан, но и весь мир. Его сила была в ликвидации нищеты и разрухи, охвативших страну после гражданской войны (*нищету: голод, бараки, коммуналки — начал ликвидировать нелюбимый С-вым Хрущев. — В.Р.*), в глубокой вере в правоту великой социальной революции XX века. Именно поэтому, симпатизируя СССР, его напрямую и косвенно поддерживали такие великие умы современного мира — Нильс Бор, Энрико Ферми, Роберт Оппенгеймер, Альберт Эйнштейн и другие» (с. 13).

Это в предисловии, а в тексте книги написано по-другому: «Идея пропаганды сверху коммунистической революции во всем мире была дымовой завесой идеологического характера, призванной утвердить СССР в роли сверхдержавы... Такая возможность открылась перед нашим государством после подписания Пакта Молотова—Риббентропа. Ведь отныне, как подтверждали секретные протоколы, одна из ведущих держав

мира признавала международные интересы Советского Союза и его естественное желание расширить свои границы» (с. 155).

«...Идея о роли и политической ответственности ученых в ядерную эпоху была доведена до Ферми, Оппенгеймера и Сциларда, которые решительно выступили против создания водородной бомбы. В своих доводах они были совершенно искренни... Действуя как антифашисты, они объективно превратились в политических союзников СССР» (с. 333).

Автор проговаривается, противопоставляя субъективные мотивы деятельности западных ученых ее объективным результатам. Проговаривается он и в следующем:

«...Стратегия Сталина сводилась к созданию опорной “оси” СССР—Китай в противостоянии западному миру» (с. 471). В советском политическом жаргоне слово «ось» в значении «союз» употреблялось только в выражении «ось Берлин—Рим—Токио», по-другому — «Антикоминтерновский пакт», к которому собирался примкнуть и Сталин. В «Политическом словаре», подписанном к печати в декабре 1939 г. и изданном в 40-м, «Антикоминтерновский пакт» вообще не упомянут, а про «ось Рим—Берлин» говорится, что «острие германо-итальянского союза направлено главным образом против Англии и Франции». Из этих оговорок, на мой взгляд, следует, что С-в не ощущал большой идеологической разницы между СССР и гитлеровской Германией.

Отечественная война — тот короткий отрезок времени, когда интересы правящей клики совпадали с интересами народа. Но и в этом случае совпадение было далеко не полным. Не будем уже говорить о том, как отдельные командиры бросали солдат в бой, иногда на верную смерть, чтобы к очередной торжественной дате взять рубеж, село или высоту. (К таким датам давали ордена и повышали в званиях).

«В 1943 г. Сталин отказался от своего первоначального плана покушения на Гитлера, потому что боялся: как только Гитлер будет устранен, нацистские круги и военные попытаются заключить сепаратный мирный договор с союзниками без участия Советского Союза» (с. 173). Такой договор, вероятнее всего, сделал бы невозможной оккупацию Союзом Восточной Европы, от которой она освободилась только в начале 1990-х гг., но сколько жизней было бы сохранено, если бы война кончилась на два года раньше!

История ничему не учит. По поводу реакции некоторых западных журналистов на события в Чечне, кажется, Никита Михалков цитировал

пушкинское «Клеветникам России», забыв, что оно посвящено Польше, независимому суверенному государству, и что Россия, если иметь в виду ее народ, а не правящую верхушку, ничего от этого не потеряла. А те, чьи амбиции тешились покорением поляков, давно сгнили, и, если верить материалистам, «лопух вырос», а ежели подходить с христианской точки зрения — в аду искупают ту кровь, которую они пролили ради своей гордыни.

Это касается и сегодняшних наших властителей. Огромные жертвы в Чечне как среди чеченцев (тоже российских граждан), так и среди военнотружущих, гибель и страдания солдат от неуставных отношений, повышение смертности, в том числе и из-за невозможности купить лекарства — кого из наших властителей волнуют подобные мелочи! Большевики, ограбив страну, создали гигантский «общак» (в «Словаре блатного жаргона» это слово обозначает «коллективную собственность воровской группы»), который теперь разделили по блату среди блатных.

К сожалению, неуважение к личности, которое продолжает демонстрировать наша власть, да и рядовые граждане по отношению друг к другу, очень часто сводит знаменитый вопрос «Ты меня уважаешь?» к агрессивному утверждению «Ты меня должен бояться!». Отсюда тоска по Союзу, поддержка любой агрессии и страх перед всем миром.

16.09.2002

Тоска по себе самому

Когда человек весь отдается лжи, его оставляют ум и талант.

В.Г. Белинский

Газета «Консерватор» № 11 за 2002 г. поместила разворот под названием «Конец вороньей слободки», посвященный правозащитному движению. Заголовок определяет и тональность материалов, очевидно заказных — уж очень обидно стало кое-кому, что экстрадиция Закаева не удалась.

Начинается подборка статей некоего И. Давыдова под любопытным заголовком «Карьерная катастрофа», в которой есть фраза: «критика власти, помимо всего прочего, еще и способ делать карьеру».

Такого рода синдром — объяснять все карьерными соображениями, я наблюдал еще в 1965 г., тогда следователи КГБ всерьез выясняли у нас, на что мы рассчитывали и какие посты надеялись занять (карьера моя

в тот момент обозначилась, как 7 лет лишения свободы и 3 года ссылки). Очевидно, для определенной категории людей иные стимулы деятельности просто непредставимы.

Я не считаю нужным анализировать все статьи, представленные под общим заголовком. Остановлюсь только на одной: «О ничтожестве российской правозащиты», за подписью «Глеб Павловский — президент Фонда эффективной политики». Говорить я буду не только о статье, но и о ее авторе.

Мой выбор определился, с одной стороны, тем, что Павловский — наиболее известная фигура из всех авторов этой подборки, с другой — тем, что в годы перестройки я был лично с ним знаком (нас познакомил, кажется, М.Я. Гефтер).

Глеб в это время был членом редакции и одним из авторов журнала «Век XX и мир», его статьи из этого журнала я и буду цитировать.

Тогда он производил впечатление умного человека, способного журналиста и искреннего демократа. Вероятнее всего, что так оно и было. В 1991 г. он писал: «Сильной стороной интеллигента считалось до сих пор то, что, в отличие от власти, он не стоит в луже крови» (№ 4 названного журнала).

В 1991 г. Павловский противопоставлял идее национального суверенитета идею суверенитета личности. «Мы развалим на этой земле любое государство, которое попытается вновь наступить сапогом на лицо человека» (Век XX и мир, 1991, № 6).

А теперь вернемся к его же статье в газете «Консерватор».

«В советское время движение *(имеется в виду — правозащитное. — В.Р.)* было готово вести и вело уважительный диалог с самой враждебной тоталитарной властью», — пишет Павловский. Впрочем, как та власть, так и эта никогда не признает «уважительным» указание на ее ошибки или, тем более, преступления. «Доводы» ее как тогда, так и теперь сводятся к декларациям и ругани. Статья бывшего диссидента Павловского это блестяще подтверждает. Беспристрастно отмечу, что «тогда» еще и сажали всех протестующих. Ныне всех не сажают, но некоторых уже избивают и даже убивают.

Павловский возмущается тем, что штурм Театрального центра *(на Дубровке. — Ред.)* СПб «Мемориалом» назван «государственным терроризмом», и при этом не забывает провозгласить, что главное — забота о «свободе и безопасности реального человека, каков он есть».

«Все для человека, все ради человека» — объявлял еще большевистский режим. И гнал наших парней в Афганистан. Ничего не изменилось.

Штурм в первую очередь проводился ради властных амбиций высших чиновников и в последнюю — для спасения людей. Об этом свидетельствует огромное число погибших. Ради этих же амбиций и возможности «урвать» затеяна и вся чеченская авантюра.

Как профессиональный историк Павловский знает, что ситуация, аналогичная чеченской, в истории России уже была — это Польское восстание 1863 г. Тогда образованная Россия тоже разделилась на два лагеря. Одни сочувствовали полякам; другие ненавидели их, а сочувствующих обвиняли в предательстве. Прошло время — Польша стала независимым государством, Россия от этого ничего не потеряла. Имена тех, кто сочувствовал поработанному, сегодня служат залогом улучшения отношений между народами, а имена теоретиков из противоположного лагеря сегодня знают только узкие специалисты по исторической гельминтологии.

В 1992 г. Павловский с осуждением пишет о советской, да и российской традиции: «Брали Будапешт, брали Прагу... брали Кавказ и Среднюю Азию... “Татары назвали Козельск злым городом — они брали его семь раз” ...Как Будапешт!» (Век XX и мир, 1992, № 2). Добавлю — и как Грозный.

На этом фоне еще милее следующий пассаж. «Выступая с позиций разоружения государства перед его врагами, они (*«Солдатские матери»*. — В.Р.) — просто своекорыстная лоббистская сеть: матери, добывающиеся, чтобы в армии служили сыновья других матерей, а не их собственные». Я уж не говорю о совести автора (не может он не знать, что у большинства членов этой организации сыновья уже погибли если не в Чечне, то от дедовщины), элементарный профессионализм журналиста не позволяет высказать предположение, что спасение от армии только их сыновей не может угрожать разоружением российскому государству, ибо по благу или за взятку от армии освобождаются гораздо больше.

«Правозащитное движение 60–80 годов прошлого века было продолжением войны против Гитлера иными средствами. Зато обвал ялтинской системы, став невероятным успехом правозащитного движения, упразднил его основания. Победа над новым мировым врагом даст миру новые основания, то есть новую концепцию человека, его свободы и его суверенных прав». С этим лихим оборотом уместно сопоставить возмущенную тираду 1992 г.: «Противостоящий блок не мешает более бомбить Ливию — это значит, что в Третьем мире стало безопасно “бомбить” и личность: личность на Востоке и Юге более не мировая реальность и не международно-правовой субъект» (Век XX и мир, 1992, № 4). Легализация откровенно фашистской Национал-Державной партии — лучшее

доказательство преждевременности надежд на то, что правозащитники свою функцию уже выполнили.

Оценивая результаты победы над путчистами и утверждение новой власти, Павловский в конце 1991 г. писал: «Государство — правовое государство, а не “сильная власть”, не “возрожденная Россия” становится здравым смыслом этих дней... У интеллектуалов появляется их собственная... функция — не дать стране соглашаться с властью». И пророчески предупреждал: «...Эти люди (*оказавшиеся у власти*. — В.Р.) будут убивать, они просто не знают разницы между властью и государством...» (Век XX и мир, 1991, № 12).

Салтыков-Щедрин тоже про это писал в «Благонамеренных речах»: «Одни смешивают его (*государство*. — В.Р.) с отечеством, другие — с законом, третьи — с казною, четвертые — громадное большинство — с начальством».

А у каждого из начальников-бюрократов свой корыстный интерес, у всех же вместе интерес корпоративный. Интерес этот заключается в том, чтобы превратить государство из слуги общества в ее хозяина. И если общество через свои общественные организации, независимые от бюрократии, не возьмет ее под свой контроль, то те, кто не хочет знать «разницы между властью и государством», будут убивать. А нынешний Павловский предлагает превратить общественные организации в помощников неконтролируемой бюрократии, т.е. освободить чиновников не только от ответственности, но и от всякой заботы.

Простейший пример тому — «Фонд эффективной политики», им руководимый. Каковы средства этого фонда, на что тратятся? Кое о чем мы можем только догадываться — берутся деньги у населения, тратятся на политику, эффективность которой оценивается уровнем удовлетворения амбиций и привилегий Павловского и ему подобных. Очень изменился бывший демократ с той поры, когда я его еще знал.

Впрочем, первые толчки, предвещавшие будущую метаморфозу нашего героя, можно было услышать еще в конце 1991 г. «Прежде по кухням, по чердакам — теперь поют по кабинетам гладкие ребята с кредитными карточками. Тут уж не подпоешь — или не всякий подпоет» (Век XX и мир, 1991, № 4). «Чистое общество» «...не столько вспоминало, сколько вытесняло политических конкурентов из бывших ЗК» (Век XX и мир, 1992, № 4).

Обидно-то до чего — пришли, вытеснили. И ни тебе кабинетов, ни кредитных карточек. Зависть — роковая страсть, опасная не только для окружающих, завистник никогда не может быть счастлив.

Новая «элита», как она любит себя называть, надела малиновые, как у гоголевского Чичикова, пиджаки.

И захотелось подпеть. И захотелось делать жизнь с Чичикова. «Довольно я видел скотов и превращение в них, я и сам бывал превращаю — может быть, поэтому я не верю в возможность делать это с одними людьми дважды и трижды» (Век XX и мир, 1991, № 4).

Тогда, в далеком уже 1974 г., Павловский «был превращаю», в наше пока еще сравнительно вегетарианское время он сделал выбор сам — нельзя одновременно быть «отцом русской демократии и особой, приближенной к государю-императору».

Статья его, написанная непрофессионально и неумно, вместе с тем дышит страстью. Все той же — завистью. Завистью к себе самому, когда-то умному, талантливому и искреннему. Недаром в тексте своего сомнительного опуса Павловский проговаривается, вспоминая бывших правозащитников 70-х гг.: «В Движении презирали предателей и перебежчиков».

15.12.2002

Что такое социал-демократы и как они воюют против «друзей народа»

*Горе вам, прибавляющие дом к дому,
присоединяющие поле к полю,
так что другим не остается места,
как будто вы одни поселены на земле.*

Ис. 5:8

*Мы хлеб едим и воду пьем,
Мы укрываемся тряпьем
И все такое прочее,
А между тем дурак и плут
Одеты в шелк и вина пьют
И все такое прочее.*

Роберт Бернс

Под почти таким же заголовком в № 4—5 за 2003 г. газеты «Правое дело» опубликована статья В. Новодворской (я только заключил в кавычки последние слова). В статье Н-ской можно выделить три тезиса,

которые она повторяет по несколько раз: 1) все бедные во все времена сами виноваты в своей бедности; 2) всякое богатство есть признак социальной полезности того, кто им обладает; 3) всякое перераспределение в обществе является прямым грабежом.

Отсюда вытекает и следующее — жизнь бедняка «и гроша ломаного не стоит», а вот если жизнью рискует «благоустроенный человек, имеющий виды на будущее, престижную работу и счет в банке, то это значит, что в героизме есть некоторая общественная потребность, и тогда жертва дорогого стоит».

Осталось только налоговой полиции проверить имущественное состояние тех, кто уходил в «Народную Волю», в эсеры или большевики, и мы сразу же отделим овец от козлищ. А уж бен Ладен — он и впрямь окажется героем из героев. Вообще-то, статья Новодворской напомнила мне давнишние, но вывернутые наизнанку, опусы коммунистической пропаганды, тогда социал-демократов ругали за то, что они защищают богатых, обманывая рабочих, Новодворская, утверждает, что социал-демократы обманули народ, побудив его ограбить богатых. Тот же и стиль — ругань, заменяющая аргументацию, вырванные и искаженно истолкованные цитаты и из Щедрина, и из Куприна.

Ее ссылки на христианство и протестантскую этику свидетельствуют о том, что Новодворская просто не читала Евангелия («Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19:24), см. также притчу о бедном Лазаре (Лк. 16:19 и далее)). Не читала она и «Протестантской этики» М. Вебера. Там написано, что зажиточные протестанты (в окружении бедного населения) рассматривали свое богатство как способ служения обществу и поэтому считали суетой и грехом роскошь (одеяния, кареты, дворцы и т.п.).

В сегодняшней России обвинять учителей, врачей, рабочих и безработных в их бедности кощунственно, а утверждать, что всякое богатство есть признак социального служения — глупо. Но дело ведь не только в богатстве — кому не известно, как сегодня высок уровень производственного травматизма и профзаболеваний, кто не знает случаев, когда хозяева, запугивая свидетелей и подкупая судей, сваливают вину за травмы на самих пострадавших, лишая покалеченных или заболевших социальной помощи. Не подлежит сомнению и тот факт, что у нас богатство отнюдь не является результатом и мерой вклада его обладателя в экономическое развитие страны. Наоборот, население страны может и должно предъявлять власть имущим (в том числе и имущим экономическую власть) претензии за то, что в стране происходит, ибо человеческий эгоизм «элит»,

не встречая сопротивления снизу, может стать роковым и для страны, и для народа, и для самих «элит».

Впрочем, у меня нет ни малейшего желания переубеждать Новодворскую — упаси Боже! Случись ей по-иному взглянуть на проблему, как она сразу же призовет народ к революции, притом непременно кровавой.

Факт опубликования такой статьи свидетельствует о том, сколь необходима для общества хоть какая-нибудь информация о социал-демократии и ее принципиальном отличии от коммунистов.

Термин «социализм» принадлежит аббату Ламинне (1834 г.), он первоначально получил распространение в сочетании «христианский социализм», затем им стала пользоваться и леворадикальная публицистика (Ламинне же впервые употребил в новом значении слова «пролетариат»). Огромную роль в объединении различных социалистически настроенных движений имела деятельность Маркса и Энгельса. В 1863 г. в Германии была создана первая социал-демократическая партия. В то время как христианский социализм игнорировал или даже отрицал ценность демократических свобод, социал-демократы считали их не меньшей ценностью, чем равенство. Первоначально социал-демократия ориентировалась на революцию, затем, после того, как стало появляться всеобщее избирательное право, они все больше склонялись к мирному осуществлению своих идеалов.

Время появления социал-демократической идеологии определялось вовсе не накопленными обществом огромными богатствами (эгалитаристские движения крестьян, начиная с манихейства, потрясали многие годы всю средневековую Европу), а тем, что в городах начало сосредотачиваться большое количество наемных работников.

В 1899 г. появилась работа Э. Бернштейна «Проблемы социализма и задачи социал-демократии», в которой он доказывал экономическую и политическую несостоятельность марксизма. Бернштейн утверждал, что диктатура пролетариата на деле окажется диктатурой клубных ораторов, что капитализм отнюдь не ведет к абсолютному обнищанию, а наоборот, еще при Марксе жизненный уровень трудящихся заметно начал повышаться. Значение Маркса заключается вовсе не в этих областях, а в той системе ценностей, которые он предложил. Цель, предлагаемая марксизмом, неосуществима, важно направление движения, ориентированное на эту цель.

Действительно, трудовая теория стоимости, измеряемая в рабочих часах и фактически игнорирующая качество труда, с экономической точки зрения является абсурдной, но с нравственной стороны час жизни,

отданный обществу одним человеком, абсолютно равен часу жизни любого другого.

Сначала выступление Бернштейна не встретило поддержки в рядах социал-демократии, однако «уроки Октября» заставили многих пересмотреть свои взгляды и освободиться от утопических иллюзий. Но стремление к преодолению отчуждения человека от труда, собственности, власти и культуры, обеспечение ему свободного развития, ибо «...свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (Маркс К., Энгельс. Ф. Соч. Т. 4, с. 447), не было выброшено за борт.

Когда немецкий национал-социализм был разгромлен, вместе с ним потерпела крах и его система ценностей, апеллировавшая к родоплеменной идеологии: культу силы и страсти, противопоставленных разуму; культу братства по крови, противопоставленному всемирному братству; культу племенного единства, по сравнению с которым ценность отдельной судьбы есть ничто. Надо сказать, что Новодворская в свое время отдала дань и подобным взглядам, правда, без апологии «братства по крови» (любопытные могут прочесть ее статью в журнале «Век XX и мир», 1992, № 4).

России не повезло. У нас гибель тоталитарной системы, по сути исповедовавшей те же фашистские идеалы, обернулась крушением европейской системы ценностей, сформулированной Марксом, ибо она была использована коммунистами для прикрытия своей античеловеческой сущности.

Надо сказать, что, вопреки Марксу, коммунистическая идеология победила отнюдь не в тех странах, где процветала социал-демократия и пролетариат составлял значительную часть населения. В России, Китае, Югославии, Албании, Вьетнаме, Эфиопии и на Кубе преобладало крестьянское население, которое и выбрало «некапиталистический путь развития». В странах Восточной Европы коммунизм был установлен и поддерживался советскими танками. Что касается родины социал-демократии, Германии, то там Гитлер пришел к власти не благодаря социал-демократам, а в том числе и потому, что немецкий обыватель, напуганный результатами Октябрьского переворота, так же как и Новодворская, не сумел отличить немецких социал-демократов от русских коммунистов.

Безусловно, рыночная экономика, а следовательно, и связанное с нею экономическое неравенство есть необходимое зло, как, впрочем, и государство, ибо человек есть человек, со всеми присущими ему достоинствами и недостатками. Это зло нельзя полностью устранить, но его можно и нужно минимизировать. Нужно признать, что интересы разных слоев общества не полностью совпадают, как и не являются абсолютно противо-

положными, поэтому необходимы поиски компромисса. И если у одних есть средства давления — посты, связи, деньги, то и другие должны их получить в виде партии, опирающейся на массы, которые сегодня составляют недовольные, партии, которая может предложить бескровное решение всех проблем. Если сегодня народ не сумеет сплотиться вокруг социал-демократии, завтра ему предложат свои услуги национал-социалисты. И тогда будет плохо всем. Это должны понимать и низы, и верхи.

17.01.2003

Монахову Н.А. по поводу его книги «Плоды подсознания»¹⁵⁸

Уважаемый Николай Андреевич!

Получил Вашу книгу и с удовольствием ее прочел. Мы подходили к этой проблеме, судя по всему, с разных сторон. Я тоже начал с этологии, генетики, соц. психологии и проч. Но дальше того, что, скажем, ревность или внутригрупповая иерархия запрограммированы в наследственной информации (являются инстинктами, доставшимися нам от далеких предков), не пошел.

Тогда я решил идти в ином направлении — от культуры. Наиболее ее архаичными проявлениями являются мифы, как древние, так и современные (т.е. «переодетые» в современные словесные формулировки).

В «Звезде» (1994, № 11) мне удалось опубликовать с некоторыми сокращениями, не затрагивающими сути, статью «Город-сад», посвященную истории коммунистической идеи. Есть и еще кое-что, увы, не опубликованное.

Теперь о несовпадениях наших точек зрения. Начну с приложения. Вы сводите территориальный инстинкт к реакции на «чужака». Действительно, животные имеют только образное представление о своей территории, а человек даже и образного может не иметь (например, о Курилах), «отмычкой» (очень хороша Ваша аналогия) служит слово «наше», и эта «отмычка» действует безукоризненно. Можно загадить полстраны радиацией, ртутью, чем угодно, но отдать «наше» кому-то нельзя ни в коем случае. Государство, в его силовой ипостаси, **символизирует** когти и зубы звериной стаи и годится в качестве заменителя.

¹⁵⁸ Монахов Н.А. Плоды подсознания: Очерки об инстинктах, формирующих человеческие конфликты. М., 1995.

Мне кажется, что Вы преуменьшаете роль инстинкта иерархии. В младшей группе детского сада уже начинается борьба за лидерство и ранг. Инстинкты в редких (крайних) ситуациях исполняют сольные партии, обычно они «играют» как слаженный оркестр. Половое созревание усиливает борьбу за ранг, но не порождает. Усиливает не только потому, что с этого момента начинается конкуренция за самку, но и потому, что детеныш в стае стоит вне порядка иерархии — ему уступают пищу, его спасают, за ним ухаживают («пусковым ключом» служит отношение размеров головы к телу — недаром все куклы большеголовые), с наступлением пубертатного периода все изменяется — животному всерьез приходится бороться за ранг в сообществе.

Инстинкты, связанные с «порядком клевания», — важный приспособительный фактор, избавляющий наиболее приспособленных представителей вида от излишнего риска и траты сил на выяснение отношений всякий раз, когда возникает конфликт за корм, «удобства» (место гнездования и т.д.) или самку, которая тоже знает свое место в стае или на птичьем базаре и борется за ранг среди себе подобных («женское первенство»).

Человеческое общество не игнорирует этот инстинкт, но люди осуществляют его требования *символически*: один собирает марки, другой делает модели, третий может перепить всех, а бабки в поликлинике хватают своими болезнями. И везде конкуренция за статус.

О том, что доминирование и подчинение суть различные проявления одного инстинкта, я понял из Вашей книги, подумал и согласился.

О конформизме (гл. «Стереотипы подобострастия»). Вы, к сожалению, этим термином не воспользовались. У животных, образующих сообщества, он тем сильнее, чем примитивнее его (сообщества) организация. У селедок, чем крупнее косяк, тем более он обладает притягательной силой и для особей, в него инкорпорированных, и для случайно встретившихся. Недаром общество, исполненное конформизма, мы называем стадом. Такое поведение, особенно при опасности, дает возможность животным, да и людям, не тратя времени на анализ ситуации, принимать *статистически* правильные решения. То, что хорошо для стада баранов или даже для группы павианов, — убийственно на корабле или в городе во время землетрясения — паника. Поэтому при опасности, а ее создает и диктатура, уровень конформизма повышается.

Мне кажется, что в своей работе Вы недостаточно внимания уделили инстинкту самосохранения. Животное испытывает страх только ситуативно. Человек знает о том, что он смертен, и подавляет чувство

страха опять-таки *символически*. Все существующие религии гарантируют верующим, прежде всего, бессмертие души. Ислам еще и телесные наслаждения с гуриями, восточные культы — праведникам память о прошлых реинкарнациях. Но поскольку такие вещи сенсорно не проверяемы, возникают дополнительные символические системы.

Времена создания эпосов знают культ *славы*. Поскольку имя человека на самых ранних этапах культуры связывается с его жизненной силой, душой, то и сохранение имени оказывается равнозначно бессмертию. Даже Библия устанавливает некое тождество души и славы (Быт. 49:6). Русская поговорка утверждает, что «на миру и смерть красна». В немецком языке «Glorie» — слава, «Glorienschein» — нимб на иконе.

*...Душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я...*

Это Пушкин, а вот Маяковский:

*...Сочтемся славою —
ведь мы свои же люди, —
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.*

Приведенные строки предлагают еще один способ психологической (символической) защиты, названный Фрейдом «отождествление». В этом случае человек отождествляет себя с чем-то непреходящим — Маяковский с социализмом, верующий с Богом, патриот с Родиной, гуманист со всем человечеством. Евангельское выражение «смертью смерть поправ» применялось и атеистами, так же как и «навечное зачисление в списки части». Диккенсовский Копперфильд отождествлял себя с фирмой. Родители видят свое бессмертие в детях.

Слабый отождествляет себя с сильным, отсюда народная вера в добро-го царя, диктатора, который и позаботится, и защитит от бояр или парт-аппаратчиков, отсюда поддержка Сталина в его «борьбе с оппозицией».

Самопожертвование во имя идеи или коллектива — это прежде всего, как ни покажется странным, проявление инстинкта страха смерти и *символическое* его преодоление.

Напоследок еще одно. Как известно, различные группы людей очень любят демонстрировать свою сплоченность и свое отличие от «иных».

На бытовом уровне это проявляется в различных жаргонах, значках; на национальном — проявлялось в языке и одежде. (Существует даже мнение, что именно этим фактором определялось языковое расхождение человечества). Э. Эмерсон называет такие общности псевдовидами, ибо такие различия имеют все признаки различий видовых, вплоть до ограничения или полного запрещения браков между такими псевдовидовыми группами. Этим и только этим можно объяснить убийство детей, и не бомбой во время ковровых бомбардировок, а за ноги и головой о стенку! У высших млекопитающих существует тормоз на подобного рода агрессивность, но только если речь идет о представителях того же вида.

Симонов («Эмоциональный мозг») сформулировал синдром «эмоционального резонанса», согласно которому животное, получающее сигналы о страдании своего совида (и только совида!), ведет себя так, чтобы минимизировать их. Примерно 30% крыс и собак, на которых проводились эксперименты, так себя и вели, еще 30% беспокоились в такой ситуации, остальные же не обращали на нее внимания. Похоже, и у людей способностью к активному сочувствию тоже обладает треть (не помню, где это мной читано). Но это сочувствие проявляется только в том случае, если страдающая особь воспринимается как особь своего вида.

19.01.1997

Письмо Д.Я. Травину по поводу его книги

(Курсивом отмечены цитаты)

Уважаемый Дмитрий Яковлевич!

С большим вниманием прочел Вашу книгу. *(Речь идет о книге «Железный Винни-Пух и все, все, все... Либерализм и либералы в российских реформах»; СПб.: Дело, 2004. — Ред.).*

Во многом был согласен сразу, кое-что пришлось перечитывать, чтобы понять и согласиться. Кое с чем согласиться не могу. Итак, выдав некоторое количество комплиментов, совершенно искренних, перехожу к «нашим разногласиям».

Начну с того, кем являются либералы. Вы утверждаете, что *«либералы являются пессимистами, а тех, кто... последовательно занимается разного рода улучшениями, — оптимистами»* (*). Я же, наоборот, считаю оптимистами даосистов с их теорией недеяния. Ибо можно с таким же

успехом сказать и обратное: те, кто слишком надеется на Провидение или на «невидимую руку», — оптимисты (см.: Вольтер. «Кандид, или Оптимизм»), а те, кто считает «На Бога надейся, но сам не плошай», — пессимисты. Вы кончаете статью о Хайеке словами *«излишнее упование на возможности государственного регулирования порождает серьезные перекосы в хозяйственной системе»* (*). С этим я могу согласиться. «Ничего сверх меры» — такая надпись, по словам Платона, украшала еще святилище в Дельфах.

Сложность состоит в том, что определить эту меру можно только опытным путем (новая информация может быть получена только методом проб и ошибок) или она предоставлена Авторитетом (последний способ мне доверия не внушает).

«Тип человека, который начал формироваться в эпоху Ренессанса, абсолютно несовместим с либерализмом. Этот человек все больше и больше освобождался от сковывающего его силы представления об управляющем нашей жизнью всемогущем Боге. Он преодолевал традиционное отношение к природе... и при этом полагался уже не на высшие силы, а на самого себя» (*). Мне эта посылка кажется некорректной, ведь рыночный механизм в его наиболее либеральном варианте возник только там, где появился *«человек эпохи Ренессанса»*. Во всем остальном мире (где человек не полагался на самого себя) процветало либо первобытное людодство, либо жесткий этатизм.

Надо ли ставить вопрос, о каком Боге идет речь? В Коране от имени Аллаха говорится: «Мы помогаем им богатством и сынами» («Верующие»). В даосизме поклоняются Цай Шеню — божеству богатства. Евангелие богатство порицает: «Не можете служить Богу и Маммоне» (Лук. 16:13; Мф. 6:24). И тем не менее, христианская Европа стала богатой раньше Азии. Объясняется это, на мой взгляд, иным отношением к свободе, что неизменно полагает надежду *«не на высшие силы, а на самого себя»*.

Формулируя понятия «античное рабовладение», «средневековый феодализм», Маркс замечает: «Это не относится, например, к Востоку, при существующем там поголовном рабстве, это так *только* с точки зрения европейской». «Отсутствие частной собственности на землю действительно является ключом к пониманию всего Востока».

Энгельс писал Каутскому: «...первобытный коммунизм на Яве, как и в Индии и в России, образует... великолепную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма».

По сути, и Маркс, и Энгельс, делавшие ставку на европейский пролетариат, преуспели не больше, чем Оуэн или Фурье. Ленин же учился во все не у Маркса, а у Нечаева и его последователя Ткачева, которых жестко и беспощадно критиковали и Маркс, и Энгельс. Ленин, по воспоминаниям Бонч-Бруевича, Нечаевым восхищался. Что касается Ткачева, то следует сравнить заглавие ленинской книги «Государство и революция» с заглавием основополагающей статьи Ткачева — «Революция и государство». (Сталин восхищался Иваном Грозным и его опричниной, которую он считал «наиболее прогрессивным явлением своего времени»).

О возможных результатах революции в России задолго до нее писал социал-демократ Плеханов (сначала имея в виду Ткачева, потом и Ленина), что им придется «...искать спасение в идеалах “патриархального или авторитарного коммунизма”, внося в эти идеалы лишь то видоизменение, что вместо перувианских “сынов солнца” и чиновников национальным производством будет заведовать социалистическая каста». То же самое он говорил и о большевистской программе национализации земли: «...Ведь и китайские общественные перевороты состояли в том, что земля отбиралась у “приближенных” и передавалась Левиафану-государству... Нам не нужно китайщины».

Исторический опыт показал, что самостоятельно так называемый «социализм» победил только в тех странах, где не было или почти не было пролетариата. Европейским странам, в том числе и Прибалтике, он был навязан силой оружия. В.В. Иофе отметил, что в Европе граница между социал-демократией и большевизмом прошла по той же границе, которая разделяла западную и восточную церкви.

Ссылка на Достоевского для меня крайне подозрительна. Обратите внимание на разговор, который подслушивает Раскольников (ч. I, гл. VI). Его ведут студент и офицер. Студент предполагает возможность убийства старушки, поскольку «природу поправляют и направляют», а офицер (профессиональный убийца) высказывает взгляды автора. Следовательно, речь идет не об убийстве вообще, а только о «приватизированном» убийстве. Против «усмирения» Польши автор, как известно, не протестовал. Достоевский, как и все славянофилы, вообще относился к «приватизации» личного начала весьма скептически и одобрял крестьянскую общинную собственность на землю, впрочем, как и Герцен, как и народovolьцы. Только кадеты и социал-демократы приветствовали развитие капитализма в России. Вторые с целью вырастить пролетариат и создать материальную базу коммунизма. В течение этого процесса они, вероятнее всего, поумнели бы, как и их западные единомышленники.

Кстати, Поппер, на которого Вы ссылаетесь, критиковал «историчистов» за то, что они расценивают «существование общественных институтов как “требование Бога”, “веление судьбы”, “исторической необходимости” и т.п.». Маркс, следовательно, может быть назван «провиденциалистом», ибо искренне считал, что он не придумал коммунизм, а «вычислил» его, как тот еврей из анекдота. Ленин же, действительно, полагал, что не история управляет человеком, а человек историей, и в этом отношении он сходилась и с иезуитом Лойолой, и с коммунистом Горбачевым, и с католиком Пиночетом, и с мусульманином Хомейни.

Рассуждая так, я вовсе не занимаюсь атеистической пропагандой и не хочу доказывать отсутствие Бога. Протестант считает, что «у Бога нет рук, кроме моих».

Безотносительно к вере или неверию в существование Бога в становлении рыночной экономики (капитализма), безусловно, сыграла протестантская **этика**. Именно в протестантских странах рынок укрепился прежде всего и дал лучшие результаты. Я еще вернусь к этому вопросу.

Пока обратимся снова к невидимой руке. В природе достаточно много процессов, которые можно назвать саморегулируемыми. Это не только рынок, но и биоценоз, и живой организм, в том числе и человеческий, и даже простой холодильник. В любом случае саморегуляция не может быть совершенной. Поэтому в такие процессы приходится вмешиваться. Человек принимает лекарства, делает операции, которые не всегда кончаются благополучно, лесничие отстреливают излишне расплодившихся волков, а иногда и оленей; при поломке холодильника вызывают мастера, и все это не является святотатством. На церквях и мечетях ныне ставят громоотводы. Очевидно, есть явления, в которые Божья воля не вмешивается.

Таким образом для меня никак не доказана причастность Бога к саморегуляции рынка или чего-либо другого.

Если бы я был верующим, то предположил бы (при сегодняшней системе знаний), что в ведении Бога остаются только человеческая **совесть** и вечная жизнь. О совести я выскажусь далее; что касается вечности, то я согласен на вариант Базарова: «лопух вырастет». Прибавлю, что православный священник, отец Сергей Желудков (член Хельсинкской группы, писавший письма в защиту Сахарова) считал что такие атеисты, как Андрей Дмитриевич, являются анонимными (т.е. не знающими о своей причастности к вере) христианами.

В заключение этого раздела выскажу мнение, что ни государство, как говорят анархисты, ни рынок, как говорят коммунисты, не есть абсолютное зло, так же как ни то, ни другое не является абсолютным добром. Их не надо сакрализировать — относить по ведомству либо Бога, либо Сатаны. И то, и другое — инструменты, которыми надо уметь пользоваться. Молотком удобно забивать гвозди, хотя при неумелом обращении можно врезать по пальцам. Серпом надо жать, хотя можно и порезаться.

Кейнс вместе с Рузвельтом вывели США из кризиса, за что спасибо Кейнсу. В другой ситуации его теория не работала — не стоило и при-
менять.

Экономика — особая наука. Физика и химия работают с атомами и молекулами, которые остаются неизменными. Медицина заботится о человеке, физиология которого не изменяется. Для того чтобы учитывать возрастные изменения, существуют постнатальный, подростковый, взрослый, геронтологический разделы медицины. Каждый врач занимается своим делом, имея тысячи почти одинаковых пациентов, наука в целом имеет дело с миллионами. Поэтому наука может накапливать знания о своем предмете.

Экономика изменяется постоянно, и ученый каждый раз имеет дело практически с новым явлением. Поэтому вероятность его успеха гораздо меньше, чем у иных наук. Ясно одно: универсальной отмычки существовать не может.

Нельзя винить в войнах и политике протекционизма только государство и чиновников. Скорее наоборот, буржуазия использовала государство в своих интересах. Утилитаристы (И. Бентам) утверждали, что индивидуальный эгоизм в конечном итоге является залогом общего счастья. И как только английской, наиболее передовой буржуазии, а вместе с тем и остальному населению, протекционизм переставал быть выгодным, английское государство отменило соответствующие законы. В тех странах, где фритредерство еще не было выгодно, буржуазия делала протекционизм государственной политикой. Континентальная блокада Великобритании была выгодна французскому предпринимательству, так как Англия являлась серьезнейшим конкурентом Франции. Другое дело, что после первых побед Наполеон так увлекся, что военные победы для него превратились из средства в цель.

На первых порах европейское государство целиком стояло на стороне богатых против бедных. Сегодня оно является арбитром между классами, имеющими различные интересы. Если строго следовать принципам свободного рынка, то рабочий в такой же мере может определять цену

своего труда, как и наниматель. Проблема в том, что рабочий меньшее время может прожить без зарплаты, чем предприниматель без прибыли. В силу этого появились рабочие синдикаты (профсоюзы), но еще ранее возникли синдикаты предпринимательские.

Теперь несколько слов о Пиночете. Статья о нем очень интересна. Но и к ней у меня есть вопросы. Я думаю, что причиной переворота послужило отнюдь не государственное регулирование экономики. Во время правления С. Альенде в экономике были и взлеты, и падения, было и падение цен на медь (о чем Пиночет знал). Было это и в его правлении. И вряд ли сей генерал настолько разбирался в экономике, чтобы понять, куда ведет дирижизм.

Было, на мой взгляд, другое — силовое прекращение забастовки шоферов грузовых машин и жесткий разгон демонстрации женщин, протестовавших против запрещения преподавания Закона Божьего в школах. Среди демонстранток были избитые и раненые. Предполагаю, что именно генерал Пратос так или иначе командовал этим «парадом». Пиночет на первых порах поддержал Альенде вовсе не для того, чтобы впоследствии устроить заговор — в такого рода конспирологию я не верю. Очевидно, что он, как и Альенде, надеялся на третий путь. Не капитализм, при котором большей части населения плохо, а меньшей хорошо, и не «коммунизм», при котором плохо почти всем.

Силовые методы показали ему, что бал правит не Альенде, а Корвалан. Согласие на снятие Пратоса Альенде дал из этих же соображений, но хунта решила больше не рисковать. Альенде погиб в бою, а Корвалан, который, очевидно, сопротивления не оказывал, был арестован, а позже обменян, прикреплен к спецраспределителю и спокойно проживал в Москве.

«Чикагские мальчики» начали вытаскивать и вытащили страну из проблем»... У меня опять возникает вопрос. Поскольку США уже ранее имели советские ракеты на Кубе, поскольку в нестабильном регионе советизация Чили могла привести к цепной реакции и в самом слабом варианте Штаты могли остаться без меди — вопрос о том, «чей сукин сын» возглавит Чили, стоял достаточно остро. Могу предположить, что, кроме «чикагских мальчиков», Пиночет получил достаточную для страны с десятью миллионами граждан долларовую накачку. Пока я не узнаю точно, что этого не было, я не могу признать чилийский эксперимент, как говорят физики и химики, «чистым».

За пятьдесят лет до Чилийской диктатуры в различных странах Европы начали приходить к власти диктаторы. Их приход приветствовался буржуазией и не вызывал сильного отторжения у остального населения. Объясняется это страхом перед большевистской экспансией — ибо авторитарное государство лучше подготовлено к сопротивлению. Безусловно, и у самих диктаторов, и у сопутствовавшей им бюрократии были и свои амбиции, которые местному населению приходилось терпеть, чтобы не попасть из огня да в полымя.

В этой связи рискну высказать свое мнение о том, чем отличается авторитарный режим от тоталитарного. При авторитарном режиме правящая клика превращает государство в свою коллективную собственность. Это справедливо и для тоталитарного режима, но тоталитарный режим превращает всех граждан в собственность государства. Гражданин не только не должен противостоять власти — он обязан ее поддерживать.

Наиболее яркой иллюстрацией о поголовном рабстве служила статья УК об измене Родине, применявшаяся ко всякому, кто пытался покинуть страну без разрешения властей. Статья эта предполагала санкции вплоть до смертной казни и была отменена только при Горбачеве.

Переворот 1917 г. откинул Россию чуть ли не на тысячелетие назад. НЭП никакого отношения ни к марксизму, ни даже к теориям Ткачева не имел. Скорее он соответствовал «Государству» Платона. Во главе советского государства стояли касты «философов» (идеологов) и «воинов» (силовики), которые не имели права на собственность, но имели всю политическую власть. Остальное население могло обладать собственностью, но от власти было полностью отстранено. Система оказалась неустойчивой, все средства производства тоже превратились в собственность правящей касты.

Экономическое принуждение заменилось внеэкономическим — силовым. Крестьяне, а затем и рабочие превратились в крепостных (ни те, ни другие не могли свободно продавать свой труд). В массовых концлагерях рабочая сила превращалась в рабов в полном смысле этого слова. Соцстраны превратились в аналоги восточных деспотий древности. Однако хорошо налаженный камуфляж и «социалистическая» демагогия создавали в других странах иллюзию прогрессивного социального строя. Там, где коммунисты приходили к власти, социал-демократы полностью уничтожались.

В свое время КПСС однозначно определялась диссидентством как правая сила. Левым был либеральный «Новый мир», правым —

простаинский «Октябрь». Окуджава пел: «Те, что справа, стоят, стоят. Но те, что идут, всегда должны держаться левой стороны».

Представление о «левых» и «правых» возникло во времена французского Национального Собрания, в котором этатисты занимали правые места, а сторонники буржуазии — левые. В дальнейшем, задолго до Октября, левыми стали называться социалисты, желавшие распространения Свободы, Равенства и Братства и на тех, кто трудится. Мы же живем в Зазеркалье. Сегодня коммунисты, и «Родина», вплотную примыкающие к фашистам, почему-то именуются «левыми». То ли это получилось из-за исторической безграмотности, то ли для того, чтобы заполнить левый фланг страшилками, дабы там не появились социал-демократы. (Предполагаю, скорее, первое. Где-то в начале 90-х годов я познакомился с активистами Консервативной партии России. На мой вопрос, что они собираются консервировать, они так и не сумели ответить).

Сегодня, когда режим Путина, с одной стороны, покрывает фашистов, а с другой — поддерживается СПС, понятия «левый» и «правый» начинают приобретать свой исторический смысл.

Теперь я перехожу к разговору о главных героях Вашей книги. «Винни-Пух и все, все, все...». Сначала о Гайдаре. Необходимость того, что он сделал в 1991 г., сомнению не подлежит. Насчет «камикадзе», конечно, сказано слишком громко, но решительность он проявил, безусловно. (Мне рассказывали, что то ли перед «призванием» Гайдара, то ли после его отставки Ельцин «валялся в ногах у Явлинского», предлагая ему возглавить правительство. Впрочем, передавали мне «через третьи уши», так что за точность не ручаюсь).

В чем состоят мои претензии к Гайдару?

«Он, как истинный ученый, ставил эксперимент» (*). (В годы советской власти был распространен анекдот: «Ленин — ученый? — Нет! Ученые свои эксперименты ставят на собаках»). Надо было не «ставить эксперименты» над людьми, а вместе с людьми.

Беда Гайдара в том, что он «отказался от политического подхода вообще», отказался от «манипулирования сознанием людей» (*). Манипулировать сознанием людей нехорошо, а разъяснять и доказывать можно и нужно. На вопрос газеты (какой не помню): «Что бы вы сделали, если бы стали президентом?», Тимур Гайдар ответил: «Назначил бы моего сына премьером, но велел бы ему объяснять людям каждый свой шаг».

«Массам ничего не докажешь с помощью интеллекта и образованности» — откуда у *«истинного русского интеллигента»* (*) такое барское пренебрежение к людям? (раздел «Винни-Пух как русский интеллигент»).

В 1993-м, призвав людей к мэрии, Гайдар поступил, по-моему, правильно. Я жалел, что не смог быть с ним. Артист С. Юрский, который внял призыву, рассказывал: «Передо мною шли две женщины в старых пальто и стоптанных туфлях. Слышу, как одна из них говорит: “Подумать только, — они хотят уничтожить частные банки!”» Люди поверили, что рынок — это демократия.

В американской социологии существует термин «ретрансляторы» (кажется, так). Поясню его смысл на примерах.

Девушка приносит в колледж модный журнал: «Смотрите, какая чудесная шляпка!» Если ее рейтинг в этом смысле в группе высок, ее подруги не только приобретут такие же шляпки, но и в других кругах будут пропагандировать их. Так рождается мода. Человек, довольный проведенным вечером, будет среди своих знакомых расхваливать кафе, «которое на углу Липовой и Мушкетеров», — так формируется престиж кафе. Общественная оценка книги, фильма или телепередачи тоже формируется ретрансляторами. **Важно одно: человек, который нечто хвалит или ругает, не может быть заподозрен в личной выгоде!** Иначе ему не поверят. (Такая вера появляется или разрушается на подсознательном уровне).

Не представляет исключения и политика. В 1991-м еще было много людей, способных быть ретрансляторами либеральных идей (слово «либеральных» я употребляю в обоих значениях: политическом — «сторонник демократии» — и экономическом). Гайдар, которому, естественно, не было времени заниматься разъяснениями сути реформы самому, мог создать некий штаб из журналистов, поставив задачу комментировать каждый шаг — для чего было сделано, что ожидалось, что получилось, почему так вышло, как исправить неожиданный результат, какой следующий шаг будет сделан. И уже на этом этапе женщины, о которых говорил Юрский, он сам, я, мои друзья могли бы выступить в роли ретрансляторов. Увы, я и сам не понимал, что и как происходит.

Всю жизнь я чувствовал себя субъектом истории — и когда боролся со шпаной, и когда бесплатно работал на стройках, и когда печатал листовки, и когда участвовал в лагерных голодовках. В 1991-м я почувствовал себя объектом непонятных мне экспериментов, хотя очень внимательно слушал причмокивающего Гайдара, которому безусловно доверял.

А как по-хамски были обесценены вклады?! Где уж тут Раскольникову, который обокрал всего одну старушку. Наши реформаторы обошлись без

топора, но невозможность купить лекарства, страх перед будущим, инфаркты — немало жизней сократили. Очевидно, как и у Достоевского, госслужащему, хотя бы и штатскому, «все дозволено». Старикам объявили, что деньги, заработанные ими, фальшивые, ибо ничем не обеспечены, и баста!

Но ведь это — неправда. На советских дензнаках значилось — «обеспечиваются всем достоянием государства». Достояние было, и те люди, которых ограбили, внесли в его сотворение свой вклад. Можно было бы вкладами (до определенной суммы каждого из них) обременить предполагаемую к приватизации собственность.

Убедить граждан, что священна только крупная собственность, а мелкая вовсе даже и не священна, — невозможно. И это было очевидно всем. В результате собственность как таковая оказалась нелегитимной. В результате при любом конфликте между собственником и чиновником, якобы представляющим собой государство, население оказывается на стороне чиновника.

При такой ситуации никакой нормальный рынок функционировать не может. Прав был Черномырдин, говоря, что в России строится не рынок, а базар. (Слово «рынок» — *rinс*, что означает *круг, площадь*, — пришло к нам с Запада, а «базар» с Востока принесли монголы). Но Черномырдин и сам не представлял всей глубины своей правоты. «БАЗАР — шум, сума-тоха, скандал, устраиваемые для отвлечения внимания (напр., во время кражи)» (Словарь блатного жаргона).

И последнее, что я могу сказать по поводу Егора Тимуровича. Вышла его книга «Долгое время»¹⁵⁹. «Воспоминания о бедствиях уже испытанных» в ней наличествуют, а вот о «приготовлениях к бедствиям еще предстоящим» — ни слова. А ведь блатной базар, созданный не без участия Егора Тимуровича, не располагает нас к особому оптимизму.

Основным доводом в пользу оптимистических прогнозов Гайдар считает увеличение ВВП. Весь вопрос в том, как эта аббревиатура расшифровывается. Имеется несколько вариантов:

ВВП — это чье-то И.О.Ф.; столь же вероятно, что это коллективный псевдоним некой ОПГ.

ВВП — Властная Вертикаль Президента.

ВВП — Всеобщая Воинская Повинность.

ВВП — Вселяющий Воодушевление Прогноз.

ВВП — Внутренний Валовой Продукт.

¹⁵⁹ Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. СПб.: Дело, 2005. (Ред.)

Анализ трех первых вариантов расшифровки у меня большого оптимизма не вызывает. Насчет самосбывающихся прогнозов я кое-что слышал. Но, как правило, в таких случаях сбываются худшие прогнозы. Остается пятый пункт.

Не будучи по образованию экономистом, я с некоторым трепетом осмеливаюсь приступить к его анализу. Внимательно читаю Гайдара («Долгое время»). Внимательно читаю: «Экономисты и политики обсуждают вопрос о природе экономического роста, который наблюдается в России с 1999 г. На этот счет есть две основные точки зрения. Первая комплиментарна к правительству: к власти пришел Путин. *(Уже хорошо, значит ВВП — это вовсе не чьи-то инициалы. — В.Р.)* Последовала политическая стабилизация, начались структурные реформы, они-то и вызвали рост. Вторая позиция за правительством особых заслуг не признает и связывает рост с высокими ценами на нефть и обесценением рубля... К сожалению, почти никто не высказывает третью — наиболее обоснованную — точку зрения: начавшийся рост является органическим следствием проведенных реформ».

В книге Гайдара около полутора сотен таблиц и графиков. В тексте приводится масса цифр. Вот тут-то бы и подкрепить свою «наиболее обоснованную точку зрения». Привести долю нефтяных продуктов в экономике в целом и отдельно в экспорте. Указать, какую долю в экспорте составляет продукция глубокой переработки углеводородного сырья. Дать прогностическую таблицу, что будет с Россией и со мной лично, ежели цены на нефть упадут на 10, на 20, на 50 и более процентов. Не только для того, чтобы доказать собственную правоту (это его дело), а для того, чтобы как-то понизить уровень моей футурофобии. «Куда ты несешься, птица-тройка? ... Нет ответа».

Впрочем, чем бы ни обуславливался рост ВВП, я предполагаю, что реально он гораздо выше. Если женитьба хозяина на своей экономке показывает падение ВВП, то неучтенные финансовые потоки («черный нал») — тем более, ибо это теневая часть этого самого ВВП. Я представляю себе ВВП в виде каскада мельниц, стоящих на одной реке, в нарушение закона физики (но не информации!), каждая мельница еще и усиливает напор. Беда только в том, что река эта нефтяная и окончание ее скрывается в зарубежных офшорах.

На рентные претензии Глазьева (человека, который мне не очень приятен), мне кажется, Вы нападаете зря. Ресурсная рента объективно

существует и, следовательно, куда-то уходит. Если Дума делает вид, что это не так, значит, тут что-то кроется. Куда же рента уходит? Собственнику? Возможно, кое-что остается и собственнику, остальное же идет чиновникам. Можно воровать и из бюджета, но так гораздо удобнее. Нет закона о ренте, значит, и ренты нет, а на нет и суда нет.

Правда, о собственниках в нынешней России говорить не приходится — есть управляющие, поставленные на кормление, которых настоящие хозяева могут выгнать, посадить, ликвидировать, как только им взбредет в голову.

Теперь я хочу приступить к самому трудному для меня разделу. Не потому, что я не осмыслил затронутый вопрос. Мне трудно сформулировать его так, чтобы не обидеть Вас, нападая на Ваших друзей. Для меня же истина дороже Платона. Я не претендую на ее абсолютное знание, но пока факты не доказали обратного или кому-нибудь не удалось убедить меня, что я их неправильно интерпретирую, я остаюсь на своих позициях. Поскольку Вы согласились выслушать (прочсть) мое мнение, я излагаю его, надеясь на Вашу терпимость.

Этот раздел, в отличие от предыдущих, я решил даже озаглавить. Название я украл, что символично для тематики. Итак, **«Короли и капуста»**.

Начну с Коха. *«Понятно, что человек, родившийся сыном врага народа, да еще у черта на рогах, должен приложить все усилия для достижения хоть какого-то жизненного успеха» (*)*. Насчет «сына врага народа» это сказано слишком эмоционально, таких сынов в 1981 г., когда Альфред решал, кем быть, и в литературе, и в науке, и даже во власти было хоть пруд пруди, то же можно сказать и о месте рождения. Ему нравился не просто рынок, а рынок, где можно наживаться любыми способами. Удрав в Германию, Кох опубликовал статью, от которой даже тех, кто очень критически относится к России, тошнило. Ранее, говоря о протестантской этике, я не упомянул о времени инквизиторского террора, которое М. Вебер, назвал героической эпохой капитализма. Тогдашние буржуины шли на костер не ради денег, а за свои убеждения. А такие, как Кох, служили в инквизиции, в XX в. они загоняли иголки под ногти в НКВД или выдирали золотые зубы у евреев в концлагерях.

«Сам запал Коха в борьбе с Киселевым определялся не его ненавистью к демократии, а личным отношением к Киселеву и Гусинскому» ()*,

добавлю — и тем куском, который ему обещал Путин. А меня это и не интересует. Дмитрий Яковлевич, Вы позиционируете себя как рыночника. НТВ предоставляло мне (и не только мне) качественный продукт и было ликвидировано явно не рыночным «дирижистским» способом. Как можно утверждать, что Кох рыночник? Побойтесь Бога!

И еще — Вы утверждаете, что, поскольку все СМИ принадлежат олигархам, никакой свободы информации быть не может. Эту точку зрения я читал еще в «Кратком курсе». Так ведь **разным** олигархам, которые, воюя между собой каждый в отдельности, все вместе и обеспечивают людей достаточно полной информацией.

«С Кохом или без Коха, события развиваются у нас в стране примерно по одному сценарию» (*). Когда речь идет о социальной статистике или национальном характере, такая точка зрения совершенно справедлива. Но когда речь идет о каждом конкретном человеке, вступают в силу иные суждения — этические. Именно потому у нас в стране все идет по одному сценарию, что таким, как Кох, подают руку.

Личной обиды на Чубайса у меня нет и имущественных претензий тоже. Наш завод приватизировался по, кажется, четвертому «коммунистическому» типу. Имея 5 семейных ваучеров и прикупив еще 4, мы получили акции, продав которые сумели в 2003 г. купить комнату в Питере. А этические претензии есть. В период самой острой инфляции на заводе выдавали дивиденды. В Луге, где мы тогда жили, появилось отделение «Селенги», которая якобы собиралась строить жилье. Мы съездили в Питер, поинтересовались движением цен на недвижимость и вложили деньги. Через некоторое время в городке началась паника, все стали забирать деньги. В этот момент в газетах появилось сообщение о том, что «Селенге» выдана лицензия за подписью то ли самого Чубайса, то ли его заместителя. Я сказал жене: «Деньги забирать не будем. Мы голосуем за “Выбор России” и доверяем этим людям страну, деньги пропадут — черт с ним, страну жалко». Деньги пропали, а я выдумал для себя миф: «Ожидаются аукционы, больших денег в России ни у кого нет. Это способ аккумуляции денег. Нехорошо, конечно, но ведь кризис!» Когда я услышал про историю с гонорарами, опять создал себе байку: «Наверно, взяли для того, чтобы подкупать коммунистов и жириновцев в Думе». Эту свою гипотезу я декларировал у себя на заводе. Потом встретился с Мишей Молостовым и поделился своими соображениями с ним. «К сожалению, ты ошибаешься», — грустно ответил он. А потом было мерзкое заявление Чубайса на встрече с Явлинским, чьи антивоенные высказывания квалифицировались как «национальное предательство и нож

в спину возрождающейся российской армии». Гэбист не стал еще президентом, а «демократ» заговорил голосом Вышинского, который тоже ранее был демократом и даже выписывал ордер на арест Ленина. А потом, во время подсчета голосов, на вопрос журналиста: «Почему вы так яростно нападаете на “Яблоко”?», Чубайс, который считал, что СПС уже прошел в Думу, ответил: «Внутривидовая борьба самая жесткая». Внутривидовая борьба даже у животных имеет свои ограничения, за это открытие К. Лоренц получил Нобелевскую премию. Такого рода борьба ведется на выживание индивида и не имеет ни морального, ни идеологического аспекта. Зачем мы должны шляться на выборы, чтобы обеспечить чубайсам да кохам место под солнцем?! В демократических странах близкие по духу партии создают блоки и помогают друг другу. А у нас базар — рви друг другу глотку!!! (Может, АБ и хороший организатор, но умный человек такого бы не позволил себе сказать перед телекамерами).

Когда мне говорят, что Кох, Чубайс или кто-то еще так много сделали для страны, что имеют право жить безбедно, в их, разумеется, понимании, я задаюсь вопросом: кто оценивал сделанное? Чиновник должен работать на зарплату. Не устраивает? Бастуй или иди в бизнес. Почему рабочий должен довольствоваться своей зарплатой, и если он тянет с завода, его справедливо называют вором? Прямо по Крылову: «Что сходит с рук вора, за то воришек бьют». Если предположить, что российским базаром руководит Бог, то за что платить деньги Чубайсу? А ежели Чубайс и есть его рука, то представить Бога придется как однорукого с одной правой и притом сильно мохнатой лапой (см. Словарь блатного жаргона). При такой внешности он скорее смахивает на Сатану, тем более что в переводе слово «Сатана» означает «осведомитель».

<...>

Очень уважаемый Вами С. Витте писал: «Нужно вообще сказать, что если в левых партиях и есть негодяи, то во всяком случае негодяи эти большей частью все-таки действуют принципиально, из убеждений, но не из-за корысти, не из-за подлости, но кажется, во всем свете, во всяком случае в России, большая часть правых деятелей — негодяи, которые делаются правыми, и действуют будто бы ради высоких консервативных принципов, а на самом деле преследуют при этом исключительно свою личную пользу. Так что, я мог бы в этом отношении сказать такую формулу: негодяи из левых, совершая гадкие дела, совершают их все-таки большей частью из принципа, из идеи, а негодяи из правых совершают гадкие дела всегда из корысти и из подлости, что мы видим и теперь в России».

Чем все это кончилось, мы знаем.

В Европе у левых хватает ума не прибегать к крайним средствам, а у правых — ограничивать свою корысть. Беззастенчивая корысть одних порождает бездумный фанатизм других. Сегодня эти другие — фашисты, еще более правые, чем СПС. Надеяться на российского Пиночета бессмысленно. У того была католическая этика, а у этих гэбэшная.

Мне припомнился эпизод из детского приключенческого рассказа. В каюте корабля сидят хозяин судна, капитан и штурман и обсуждают курс. Вдруг вбегает маргинал-юнга и кричит: «У пятого люка пахнет дымом!» — «Пошел вон!» — отвечает ему хозяин, выходит, возвращается и говорит, что никакого дыма нет. Впоследствии оказывается, что он застраховал судно и приготовил себе способ спастись.

Вам это ничего не напоминает? Стабилизационный фонд на Западе, и вряд ли тамошние власти будут принимать иски к правительству в эмиграции от «кровавого Баркашова». Наверное, я сильно сгущаю краски, жизнь сложнее, чем конспирологические прогнозы. Но посудите сами, что может удержать людей от такого способа «извлечения прибыли», ежели они действуют только в своих, ничем не ограничиваемых корыстных интересах, мотивируя свою подлянку коммунизмом, либерализмом, религией или атеизмом. «Все дозволено».

Заглавие раздела я выбрал по той причине, что в Словаре блатного жаргона слово «*капуста*» имеет два значения: 1. Деньги; 2. Болезнь прямой кишки у пассивных гомосексуалистов. А мораль? Мораль простая: чем больше наша буржуазия во имя капусты (в первом значении) будет отталкивать от себя народ, тем активнее бюрократия будет ее опускать до капусты (во втором значении).

Мне кажется, что Вы очень несправедливы к Ходорковскому. Вы пишете: «*Когда олигарх говорил, что он готов к аресту и за границу не поедет, он явно блефовал*» (*). Вы пишете это уже после его ареста. Каким образом можно так глубоко проникнуть в глубину чужой души? В тюрьме уже сидели его друзья, которых он не захотел предать. Я думаю, что это было основной мотивацией Ходорковского. И это не плохо, на фоне всеобщей беспринципности наших «новых русских». Возможно, он не был твердо уверен в том, что его ждет, но на риск МБХ все-таки пошел. «*Ждали худшего лишь сторонники неизменной гэбистской сущности президента*» (*); практика — критерий истины, — они оказались правы. А то, что эти люди «ждут повторения 37-го года», а этого не происходит, — как сказать! Некоторые катастрофы и заказные убийства наводят на грустные мысли.

Факт тот, что ГБ стоит у власти в стране и вмешивается в экономику. Идя на риск, МБ, очевидно, надеялся на классовую солидарность капитала, но он плохо знал русскую историю.

Еще Ключевский писал: «Отстаивая свои притязания, бояре не поднимались открыто против своего государя, не брали в руки оружия, даже не вели дружной политической оппозиции против него. Столкновения разрешались обыкновенно придворными интригами...» Это о боярстве. О русских капиталистах в 1912 г. писал Ленин: «...Слой крупнейших капиталистов, конечно, экономически господствует над всеми остальными, подавляя их безусловно размерами своих оборотов; все это несомненно. Но все же это — слой, а не класс... Они становятся рабски на государственную почву, не их классом созданную, и на этой почве “ходатайствуют” об интересах своего сословия, своей группы, своего слоя, не поднимаясь даже и тут до широкого понимания интересов всего класса».

Повторяю: чем все это кончилось, мы уже знаем. Но история ничему нас не учит.

Вторая статья о МБХ не лучше первой. Ну, во-первых, тому, «кто тюремной похлебки не ведал», грех иронизировать над слабостью человека, приговоренного к такому сроку. Во-вторых, несколько покоробившее меня признание законности избранного президента, по существу, есть констатация факта. Но ведь не это вызвало у Вас отторжение. *«Неужто олигарх признал несправедливость нажитого? Неужто понял то, о чем твердили нам все левые? ...Но вот, с точки зрения Кремля, появление статьи Ходорковского — дело чрезвычайно полезное»* (*). Далее следует рассуждение, что МБХ тем самым предлагает гражданам сплотиться вокруг президента против Рогозина и Жириновского. (С Рогозиным, как мы видим, Кремль справился и без его помощи, а Жирик — всего лишь винтик президентского механизма). Статья Ходорковского говорит совсем о другом.

Он действительно многое понял, оставаясь крупным капиталистом. **Он поднялся до понимания объективных интересов своего класса**, понял, что «левый поворот» **объективно** в интересах его класса. Класс не сумел оценить размышления Ходорковского, зато его правильно оценили в Кремле — последующие события это очень хорошо доказали.

Суть размышлений Ходорковского предельно проста: если буржуазия не хочет стать игрушкой в руках бюрократов, ей необходимо искать себе союзников.

В качестве иллюстрации к высказанному мной, развлеку Вас байкой из английской истории. В 1215 г. английские бароны потребовали

гарантий от своеволия короля и его бюрократии. Бароны осознали общность своих интересов и впервые выступили в качестве единой группы. Этим же гарантиям они потребовали и для рыцарей, клириков, горожан и свободных крестьян. Перед лицом единой оппозиции королю пришлось пойти на уступки. О правах своих крепостных бароны, естественно, не заботились. Король остался в одиночестве. Но в 1267 г. сам король инициировал закон, по которому вилланы (крепостные) получили возможность возбуждать иск против своего сеньора в случае убийства, увечья или грабежа имущества. (См.: Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента. Из истории английского общества и государства XIII в. М., 1960).

Жандармский полковник Зубатов пытался организовать союз царя и его бюрократов с рабочими против буржуазии, но ему это не удалось. После революции 1905 г. промышленники Москвы и Центрального района отправили адрес на имя императора с предложением разрешить создание рабочих профессиональных союзов. Объясняли это свое предложение так: «Конкуренция заставляет всех нас следовать за наиболее жадными и жестокими предпринимателями, что может довести Россию до очередной революции. Государственные инспекторы подкупны и некомпетентны. Пусть рабочие защищают свои интересы сами, и тогда наиболее наглые предприниматели окажутся в худшем положении».

Несмотря на все разговоры о диктатуре пролетариата, большевики расстреляли рабочую демонстрацию, протестовавшую против разгона Учредительного собрания. В армии Колчака под красным знаменем героически воевал полк, целиком сформированный из рабочих. А разве не рабочая «Солидарность» в Польше нанесла самый тяжелый удар по тоталитарной коммунистической идеологии и тем способствовала ее краху?

Если бы основное трудящееся население России состояло не из крестьян (или рабочих первого поколения, не изживших крестьянской психологии), мы жили бы сегодня иначе.

Профессор А.А. Аузан (статья в «Новой газете») связывает мораль со способностью человека строить многошаговые стратегии.

Нельзя обосновывать свои действия слоганом: «цель оправдывает средства». Это ложный постулат. В мире все подчинено причинно-следственным связям. Средства, как причины, и определяют результат. Исторический опыт убедил человечество, что некоторые средства никогда не приводят к достойным целям. Такие средства и именуются аморальными.

Марксизм был утопией, основанной на квинтэссенции выработанной Европой морали. С точки зрения здравого смысла и практики трудовая теория стоимости, при которой взнос человека в социум можно измерять временем труда, не выдерживает никакой критики. Но ведь время, отданное работе, — это часть жизни человека. И можно ли с точки зрения Бога, о котором уже шла речь (или с точки зрения любой достаточно многошаговой стратегии), жизнь одного человека оценивать дешевле, чем жизнь другого? Что поделаешь — мир несовершенен.

«Ревизионист» Э. Бернштейн (1898 г.) оценил несовершенство и противоречивость нашего брэнного мира. Он заявил, что экономические прогнозы Маркса не оправдались — обнищание рабочих оказалось фикцией, он предугадал, что диктатура пролетариата вырождается в диктатуру партийных ораторов. Единственно ценное, что он нашел в марксизме, — это его нравственное начало. Отсюда он сделал вывод, что цель, указанная Марксом, как и любой идеал, недостижима, но возможно движение в направлении к этой цели.

Немцам повезло. Крах нацизма определил и крах архаичной родоплеменной морали, которую им навязали нацисты (фрагменты подобных взглядов можно обнаружить в некоторых местах Ветхого Завета).

России не повезло. Вместе с крахом тоталитарного режима рухнула и та декорация, которой он себя маскировал и легитимизировал — марксистская этика. И ничего не осталось — все дозволено (который раз мне приходится повторять эту фразу).

В метро сидят женщина и ее дочка. Входит старушка, и девочка поднимается, чтобы уступить ей место. Мать дергает ее: «Сиди! Я всю жизнь уступала и ни с чем осталась!» (Наблюдение конца 90-х).

Вот в чем, а не в экономических вопросах проблема сегодняшней России.

В 1930-х годах многие еще продолжали верить, что СССР — самая свободная и справедливая страна в мире. Мне кажется, и сегодня Вы веруете в российский либерализм на том же основании — так спокойнее жить.

Уважаемый Дмитрий Яковлевич! Надеюсь, Вы дочитали мой опус. Благодаря Вам я познакомился с взглядами и идеологией тех, кого называете «правыми». Со своей стороны я попытался познакомить Вас

с идеологией, которую считаю «левой». Хотелось бы обсудить эти проблемы в личной беседе. Ваша статья о Яцеке Куроне дает мне на это надежду.

Прилагаю к тексту давнюю статью о Сванидзе, которую я ему так и не отсылал, стало противно.

03.06.2006

Приложение

Прощайте, господин Сванидзе

В воскресенье, 8 сентября (1996 г. — *Ред.*), в программе «Зеркало» мы услышали потрясающее сообщение: некая женщина из Всеволожска (ее телефон имеется в редакции) сообщила, что ее престарелые родители, ветераны войны и труда, расстреляны боевиками Басаева, проводившими по спискам расстрелы русских в Грозном.

Редакция «Зеркала» обратилась к секретарю Совета безопасности Лебедеву с просьбой помочь в эксгумации тел погибших и доставке их во Всеволожск.

Лучшего сообщения для торпедирования переговоров и возбуждения античеченских, а заодно и антилебедевских настроений не придумаешь.

Телезрители вздрогнули. Аудитория Невзорова — от восторга. Аудитория (надеюсь — бывшая) Сванидзе — от растерянности и ужаса — кому верить? Человек, казавшийся честным и умным, в который раз продемонстрировал, что в сегодняшней России разговоры о нравственности для некоторых только камуфляж самых грязных политических махинаций, что чужая кровь совсем не пугает тех, кто стоит у котлов политической кухни.

Сообщение построено по самому примитивному геббельсовскому рецепту: «В каждой лжи должна быть доля правды». В данном случае безусловным является только то, что город Всеволожск Ленинградской области действительно существует, и то, что у некоторых его жителей есть телефоны. Может быть, что существует и такое письмо; вероятно и то, что родители этой женщины погибли и захоронены в Грозном. Однако редакция передачи почему-то не удосужилась выяснить и сообщить зрителям:

1. Каким образом эта женщина узнала о массовых расстрелах, да еще с участием именно басаевцев?

2. Почему об этих массовых расстрелах ничего раньше известно не было?

3. Когда эти расстрелы произошли (если они действительно были) до появления Лебеда в Грозном или уже в начале переговоров?

4. Не является ли все это провокацией некоей заинтересованной стороны?

Эта неопределенность выглядит настолько нарочитой, что, по крайней мере, дает вполне определенный ответ на четвертый вопрос — да, все это является провокацией. Особенно если учесть, что за пару дней до того в программе «Герой дня» Лебедь заявил, что Басаев, вероятно, не будет препятствовать мирному урегулированию, и даже подчеркнул, что, кроме Буденновска, Басаев себя ничем особо не проявил.

Обращаясь к Лебедю, Сванидзе вовсе не требует от него выяснить, насколько этот факт соответствует действительности, и пресечь саму возможность такого рода событий, он, по сути, предлагает ему вместо бесполезных (расстреливают же, да еще и по спискам) переговоров с «бандитами» заняться хотя бы эксгумацией жертв.

Хотел того Сванидзе или нет, частое появление на экране «Зеркала» Чубайса с его сомнениями и державными декларациями воспринималось как указание на заказчика этой провокации. Особо подлым в этом контексте выглядит мимоходом, со ссылкой на неких экспертов, замечание о крепнушем тандеме Лебедь—Чубайс.

Пока шла война — все боролись за мир. Как только наметилась возможность ее прекращения, оказалось, что нужен только такой мир, который бы не задевал чьих-нибудь интересов. Иначе — «на войне, как на войне».

Предположим, что автором и героем передачи двигали самые добрые намерения — защита демократии от возможной диктатуры генерала Лебеда. Действительно возможной. Но защищать-то надо по-другому!

Неужели столь искушенные в политике люди не понимают того, что не цель оправдывает средства, а, наоборот, средства определяют результат? «Демократия», защищаемая таким образом и такими людьми, оказывается ненамного лучше диктатуры. А генерал, останавливающий кровопролитие, безусловно, предпочтительнее демагогов, не опасющихся спровоцировать очередной виток пляски смерти. В чем мы уже давно могли убедиться.

3. О ДРУЗЬЯХ

Юлий Даниэль на фоне зоны (Воспоминания)¹⁶⁰

Фамилии Синявский и Даниэль впервые стали известны мне на этапе. После суда и всяческих гэбистских проволочек в феврале 1966 года нас всей компанией погрузили в «столыпин» и повезли, как оказалось, в Дубравлаг, в Мордовию. Мужская часть нашей группы оказалась в одном «купе». Там-то, в поезде, нам и попались газеты, в которых сообщалось о разоблачении «особо опасных государственных преступников» — Синявского (Абрама Терца) и Даниэля (Николая Аржака). Автор сообщения (кажется, Ю. Феофанов) утверждал, что Абрам — сионист, а Аржак — антисемит. Впрочем, в другой заметке говорилось, что антисемит — это Синявский, а сионист — Даниэль.

Еще о Даниэле было сказано, что он «тип с замашками уголовника» и что он призывал к расправе с начальством — «от живота веером».

С Андреем Донатовичем Синявским мне встретиться так и не пришлось. С Юлием Даниэлем я пробыл весь свой лагерный срок и часть тюремного. Мне всегда везло в жизни, — и встречу, знакомство, а потом и дружбу с Юлием я отношу к числу самых значительных своих жизненных удач.

В середине марта 1966 года наша компания появилась на территории зоны 11 л/о мордовских лагерей. Был солнечный весенний день, и по лагерному обычаю уже у вахты нас встречал любопытный народ. Среди прочих оказался худошавый и, как мне показалось тогда, высокий

¹⁶⁰ Опубликовано в: Предлог 2001, № 5, с. 160—172.

Публикуемые воспоминания о Ю.М. Даниэле хранятся в архиве НИПЦ общества «Мемориал». Мы сочли возможным напечатать их без комментариев. Дополнительные сведения о людях, а также о культурных, общественных и специфических «лагерных» реалиях, упоминаемых в тексте, заинтересованный читатель может найти в книге: Юлий Даниэль «Я все сбиваюсь на литературу...» Письма из заключения. Стихи. М.: Изд. «Звенья», 2000. (Прим. В.Р.)

человек с добрым, интеллигентным и в то же время простым лицом. «Марксисты?» — спросил он нас, едва мы успели обменяться именами и рукопожатиями. Мы ответили утвердительно. «Жаль, что мы не познакомились раньше, — я бы вас разубедил». Сказано это было так, что я подумал, будто имею дело с великим политологом. Увы, политическая философия оказалась не самым большим достоинством нашего нового знакомого, — а это и был Юлий.

Не лучше обстояло дело и со сферой технических знаний. Много позже, уже после своего освобождения, он писал мне в ссылку из Калуги, где пытался зарабатывать на хлеб техническими переводами: «Попалось слово гидропередача. Что такое гидра и передача по отдельности, я знаю, а что это значит вместе — хоть убей!» Впрочем, когда Юлий рассказывал байки, трудно было отличить факт от вымысла или от «литературной обработки». Немало острили и мы по поводу его технической безграмотности. Однажды в каком-то журнале прочли о таком эксперименте: обезьяне давали веревочку с привязанной к ней гирей, гвоздь, молоток; гвоздь нужно было забить в стену, груз на веревочке раскатать, как маятник, — и обезьяна получала банан; когда она хорошо усваивала последовательность операций, молоток у нее внезапно отбирали; цель опыта состояла в том, чтобы выяснить, сколько подопытных догадаются использовать вместо молотка гирию. Мы немедленно составили заговор, объяснили Юлию, что от него требуется, но только он собрался ударить по шляпке гвоздя, как прибежал, кажется, Мошков и, сказав: «Юлик, дай на минуточку», взял у него молоток и убежал. С веревочкой, на которой болталась гирия, в одной руке и гвоздем — в другой, Юлий терпеливо ждал возвращения Мошкова. Мы начали хихикать, объяснили ему, наконец, суть затеи. Юлий Маркович не обиделся, он умел ценить шутку. «Если бы вы мне обещали банан...» — сказал он. (В защиту Даниэля добавлю, что студенты какого-то американского технического колледжа оказались не сообразительнее обезьян).

У Юлия, конечно, были недостатки и кроме технической несообразительности, но получалось как-то так, что, глубоко уважая его за достоинства, любили как раз за недостатки.

Лагерные условия Юлий, на мой взгляд, переносил гораздо тяжелее, чем я, да и многие другие з/к. Состояние небритости доставляло ему чуть ли не физическое страдание, очень угнетающе действовало отсутствие ярких красок (я обнаружил, что это действует и на меня только в тюрьме — на свидание приехала жена, и я вдруг поймал себя на том, что люблю ее ярким шарфиком как бы отдельно от всего происходящего).

Как и все мы, Юлий тяжело переживал отрыв от своих многочисленных московских, да и не только московских, друзей. Страдал от отсутствия женского общества. Чувствовалось, что он умел ценить женщин, и они ценили его, хотя о своих амурных похождениях он никогда не рассказывал, даже в наиболее интимных разговорах.

Очень тяжело переживал он обыски, цензуру, всякое насильственное прикосновение к своему личному. Однажды, во время очередного шмона, мент начал читать полученное ранее Юлием письмо. (Это было нарушением правил — правом чтения нашей переписки обладал лишь цензор; но кто считался в лагере с такими «мелочами»). Юлий начал качать права, было видно, что он вот-вот может сорваться, и тогда — хорошо, если 15 суток карцера, — дело могло кончиться и добавочным сроком. «Юлинька, чего ты волнуешься, ну ползет по письму муха, так что?» — сказал я. Мент начал доказывать, что он не муха, и после чьей-то реплики, что он и не под мухой, — обстановка разрядилась. Мы все считали наших тюремщиков «нелюдями», чье поведение ничего, кроме брезгливости, вызывать не должно. Декларировал эту точку зрения и Юлий, хотя, как мне кажется, только декларировал. Как-то в лагере появилась молоденькая ментовка из соседней женской зоны. «Смотри, какая хорошенькая», — сказал Юлий. «Фи, Юлинька! Это же скотоложество!» — ответил я. Он согласился, но не знаю, совсем ли искренне. Впрочем, чувство юмора часто спасало его, как и всех нас, в тех ситуациях, когда, казалось бы, только и оставался выбор между бессмысленным, с тяжелыми последствиями, бунтом и полным отупением.

Однажды Виктор Калниньш рассказывал нам что-то о древних цивилизациях и рисовал на листочке бумаги знаки критского письма; в это время начался шмон. Юлий мгновенно схватил листок и разорвал его в клочки на глазах у надзирателей. «Теперь-то критское письмо будет, наконец, расшифровано», — сказал он, глядя, как тщательно они собирают с пола обрывки. Увы, он преувеличил их возможности. Хотя было известно, что одного з/к, грузина, попросившего в письме привезти ему на свидание «несколько гранат» (он хотел сказать — гранатов), подвергли дотошному допросу, чтобы выяснить, откуда у его матери могут быть гранаты и как он собирается их использовать.

Было бы неверно представлять, что все наше лагерное сопротивление сводилось к различным хохмам и травле ментов. Но патетика чужда моему стилю, кое-какие документы и свидетельства сохранились и без меня, поэтому о серьезном я буду говорить (надо все-таки!) коротко и конспективно.

У меня сложилось впечатление, что в лагере Даниэль подвергался гораздо более сильному нажиму, чем его друг и поделщик Андрей Синявский. Возможно, ГБ посчитало его более слабым и надеялось от него первого получить раскаяние и просьбу о помиловании. Но «компетентные» просчитались. Ответом Юлия стала серия лагерных стихов, которые, несмотря на все усилия лагадминистрации, регулярно попадали в «большую зону», а оттуда и в мир. Ответом его стало участие в голодовках заключенных, подписи под письмами протеста, направляемые нами в различные официальные инстанции и попадавшие в сам- и тамиздат.

Безусловно, свою роль сыграло и то окружение, та зековская компания, которая сложилась вокруг него, или которую он выбрал сам из всех неформальных групп, существовавших в зоне.

Юлий понимал, что его имя значит очень много («дело» Синявского и Даниэля не сходило со страниц мировой прессы), и, хотя ему далеко не всегда хотелось вступать в наши акции, чувство товарищества, очень ему свойственное, идея лагерного братства делали свое дело.

По своему характеру Юлий был абсолютно чужд политике — власти добились-таки его вступления в политическую борьбу. Позже, к Новому (1969) году я посвятил Юлию эпиграмму:

*Писал, писал... И вот тюрьма...
Нам жаль писателя Аржака,
Но Юлий Даниэль, однако,
Поднаберется здесь ума.*

Политическим деятелем, впрочем, он так и не стал, но его участие в совместной нашей борьбе за статус политзаключенного (термин этот возник несколько позже, когда и Юлий, и я уже были изолированы в камере Владимирской тюрьмы) хотя и ухудшило его бытовые условия во время «отсидки», облегчило его жизнь в заключении морально. Гораздо легче было и тем, кто его окружал. С одной стороны, власти, не желая усиливать скандал вокруг его ареста и лагерных репрессий, распространяли некоторое соблюдение законности (странно для них, наверное, все это было) и на его ближайшее окружение, с другой, и это главное, его доброта, его юмор, его культура, общение с ним делали нашу, по крайней мере, мою жизнь в зоне и тюрьме менее мрачной.

Когда Юлий Маркович прибыл на 11 л/о, его поставили работать в *аварийную бригаду*; название чисто советское, потому что сформирована эта бригада была в ожидании не землетрясений, наводнений или пожаров, а прибытия грузов. Ее задачей была разгрузка вагонов с материалами

для лагерного предприятия (в зоне был мебельный комбинат) — в основном, леса.

В бригаде были собраны по большей части молодые здоровые парни, но, кроме интересов дела, существовали еще интересы «государственной безопасности». Исходя из этих интересов Юлия с фронтовым ранением локтя правой руки и направили в «аварийку». В бригаде уже был «Глухой» — Толя Марченко, который действительно плохо слышал и поэтому вечно рисковал быть раздавленным покотившимся бревном. Теперь прибавился и Даниэль.

«Рафинированный интеллигент» и эстет, Юлий Маркович Даниэль легко вошел в коллектив этой бригады, большинство работников которой было значительно сильнее его.

Он мне рассказывал, что в один из первых дней его и еще одного зека-аварца по имени Нажметдин (прости, друг, что фамилию забыл) — отправили на разгрузку платформы с углем. Нажметдин был огромного роста, широк в плечах, бородат и выглядел очень мрачно, хотя на деле был добр и уживчив. Они начали разгружать платформу с двух сторон. Вдруг Юлий услышал сказанное мрачным голосом: «Сыды, куры!» Юлий стал убеждать Нажметдина, что он справится и не хочет перекладывать на него свою долю работы. «Как хочешь», — ответил тот. Через какое-то время Юлий опять услышал: «Сыды, куры!» Он повернулся и увидел, что большая часть угля уже разгружена, сзади него платформа уже пуста, сам же он успел очистить только малый угол. «Сыды, куры. Нэ мешай!» Вечером Нажметдин подошел к бригадиру (из полицаев), свернул кулачище, огромный, как арбуз, поднес его к носу бригадира и сказал: «Во! Если пошлешь Юлия на работу без меня!» Впрочем, и остальные члены бригады, каждый в меру своих сил, старались помочь ему, как, конечно, они помогали и друг другу.

Лагерное начальство поняло, что ребята из «аварийной» не дадут повода наказывать Юлия за невыполнение нормы, несмотря на раненую руку, и перевело его в цех. Там он был поставлен за станок, при работе на котором на раненую руку приходилось большое усилие, норма здесь была индивидуальной, а не групповой. Ранение начало болеть, шрам гноиться, осколки кости начали выходить через кожу. Даниэлю сделали рентгеновский снимок; собирались лечить, но вдруг снимок куда-то пропал (в тюрьме выяснилось, что он был там, где и положено, — в личном деле), Юлия объявили симулянтom и посадили в карцер.

«Симуляция» выразилась в том, что он якобы засовывал в рану щепки, которые выдавал за осколки кости.

Лагерный врач, женщина в общем-то не злая, но тем не менее поставившая свою подпись под заключением о симуляции, при встречах с Даниэлем отводила глаза и бормотала нечто несурзное.

Украинец Святослав Караванский предложил нам объявить коллективную голодовку. К этому мы еще не были готовы, кроме того, свое предложение он сделал в полный голос, при явных стукачах, а мы в лагере еще не пообтерлись; и я ответил, что такого рода призыв «либо глупость, либо провокация». Об этом своем ответе я потом немало сожалел, но извиниться перед Святославом не имел возможности — нас развезли; делаю это сейчас.

В Москве начался очередной скандал, — правозащитное движение уже родилось, а начальство еще не знало, что ему делать в условиях хотя бы относительной гласности.

Вообще позиция Марии Синявской и Ларисы Богораз, впервые в истории ГУЛАГа открыто рискнувших установить связь с западной прессой, сделала лагерную жизнь конца 60-х, начала 70-х годов достаточно сносной. Тем, кто пришел в лагеря и тюрьмы за нами, стало уже гораздо хуже — власти, пережив первый шок после оккупации Чехословакии, перестали заботиться о том, что о них скажет просвещенный мир. Особенно ухудшились условия в зоне при Андропове, который считал, что вверенные ему органы могут все, и даже экономические проблемы страны пытался разрешить с помощью милицейских рейдов по пивным и магазинам.

Но в те времена Андропов еще далеко не был персоной номер один. В лагере еще разрешалось получать бандероли с книгами. Наши близкие доставали по нашей просьбе то, что, казалось бы, достать невозможно. Юлий, кроме той литературы, которую ему присылали близкие, получал книги и от совсем незнакомых людей. Иногда это были авторы — ему прислал первую свою книжку Шаламов, свою книгу о Тынянове — Белинков.

В зоне начала складываться интернациональная компания, в которую, кроме москвичей Юлия Даниэля и Леонида Ренделя, ленинградцев Смолкина, Гаенко, Германа Кривоносова и меня, входили эстонцы: Энн Тарто и Март Никлус, грузины — братья Кабаля, украинцы: братья Горыни, Микола Осадчий, казах Мамед Кулмагомбедов...

Однажды во время обеденного перерыва один из братьев Кабаля прилег вздремнуть в цеху на скамейке. Вдруг появился офицер и потребовал пойти и кого-то разыскать. «Я норму выполняю, а сейчас — обед», — ответил зек. Возмущенный офицер ударом ноги выбил из-под

него скамейку, и грузин оказался на полу. В следующий момент скамейка в руках Кабалия оказалась над головой офицера. Юлий, бывший рядом, успел перехватить ее, но и теперь парню грозил новый, весьма продолжительный срок.

Юлий немедленно собрал нас всех. Паре «повязочников», присутствующих при инциденте, мы весьма недвусмысленно предложили молчать. Потом они заявили, что ничего не видели, т.к. их в цеху не было. Юлий отправился в штаб и изложил начальству ситуацию со своей точки зрения, а также предупредил, какой резонанс дело может получить за лагерной колючкой. Пригрозил и акциями зеков внутри зоны. Кабалия получил три месяца ШИЗО, но от возбуждения нового уголовного дела администрация воздержалась.

Население лагеря по полублатной терминологии делилось на три категории: «суки» — «повязочники», «глухари» — старики, не шибко грамотные, попавшие в зону за участие в национальных партизанских движениях, за свои религиозные взгляды или за сотрудничество с оккупантами во время войны, и «студенты» — лагерная молодежь, честно получившая свои сроки «за политику». К «студентам» был отнесен, конечно, Даниэль (наверное, Синявский тоже).

Мы продолжили традицию встреч, которые проводили различные внутрилагерные политические группы и течения. Украинцы рассказывали о Шевченко, латыши — о Райнисе, я сделал доклад о Плеханове, в его годовщину. Юлий читал свои стихи и переводы стихов нашего солагерника Кнута Скуениекса.

Устраивали мы свои «мероприятия» и во время официальных встреч с заезжими лекторами. Однако до настоящего сопротивления тогда еще дело не доходило.

Несмотря на нашу тогдашнюю нерешительность, начальство, обеспокоенное нашей активностью, этапировало Ренделя, Калниныша, Тарто, Юлия и меня в 17 лаготделение — глухую периферию Дубравлага. Это было в конце 1966 года, новогоднюю ночь мы уже встречали там.

Кроме нас, из «студентов» на 17 л/о оказались мой подельник Сергей Мошков, баптист Борис Здоровец, украинец Юрий Шухевич, отбывавший свой второй десятилетний срок (а впереди был еще и третий — 10 лет лагеря и 5 ссылки), литовец Балис Гаяускас (отбывавший свои 25 лет за то, что и при немцах, и при русских клеил листовки: «Оккупанты, вон из Литвы», а впереди у него были еще 10 лет и ссылка за перевод солженицынского «Архипелага»). Но мы тогда об этом еще ничего не знали, все было впереди.

На 17 л/о Юлий, Виктор, Сергей и я образовали «колхоз» — так на жаргоне назывались лагерные микрокоммуны. Члены колхоза вместе питались — ларек (5 руб. в месяц) и то, что удавалось купить на нелегально пронесенные со свидания деньги (деньги эти тоже были общими), или продукты, опять-таки незаконно пронесенные со свидания.

Позднее к нашему «колхозу» примкнули Алик Гинзбург и Юра Галансков. Но это было уже, кажется, в 68-м году, в июне.

17 л/о, куда мы прибыли, состояло из двух небольших лагпунктов, № 17 (женская бытовая зона) и № 17-а (мужская зона). Заключение шили рабочие рукавицы-верхонки, кроили их в соседней, женской зоне.

Еще до отъезда, зная, куда нас повезут, и предполагая, что «обслуживать» нас будут надзирательницы-женщины, Юлий и Леня Рендель затеяли спор — кем они окажутся — «гуриями» или «фуриями»? На новом месте нас прежде всего ожидал шмон. Нас загнали в коридор рабочего барака, откуда мало-помалу вызывали в швейный цех, где и происходило главное действо. Леня попал туда первым из нашей компании. На 11 л/о были некоторые послабления — разрешали носить лыжные брюки (тогда еще их шили из грубой фланели), ковбойки и прочие «вольные» мелочи вместо лагерной форменной одежды. Теперь этому пришел конец. У Лени отобрали его штаны, а т.к. форменных у него не оказалось, то он бродил по цеху в кальсонах, подслеповато шурясь и требуя бумагу для жалобы в прокуратуру. Все это нам было видно через большие окна, освещавшие коридор и цеха. Юлий не выдержал, сунул голову в дверь и сказал: «Фи, Леня, в таком виде при гуриях!», на что Леня ответил ему что-то насчет серьезности политического момента и неуместности шуток.

Кроме того, мы узнали, что охрана отбирает котелки. Дело в том, что заключенным разрешалось получать в посылках кофе (никто из нашей братии, разумеется, никогда права на получение посылок не имел, но кофе мы все-таки добывали), а вот варить его мы права не имели, и делалось все это подпольно; в зоне найти котелок ментам было сложно, но вот при таком шмоне котелки отбирались. Юлий предложил быстро переложить в котелок из банки какие-то консервы, купленные в ларьке, что и было сделано. Когда очередь дошла до нас, мы предъявили котелок с консервами. Мент хотел было выложить консервы на газету, но мы хором заявили, что в газете они испортятся, газета размокнет, и мы будем жаловаться. Менты, привыкшие к безгласной покорности верующих женщин (а именно они составляли большинство заключенных женской зоны), котелок нам отдали.

В зоне Юлий произнес свою историческую фразу, определившую в дальнейшем наши взаимоотношения и с начальством зоны, и с властью вообще: «Край непуганых дураков. Необходимо пугнуть». Сочинил ее, конечно же, Ильф, но афоризм становится таковым в определенных условиях.

Несколько позже этот котелок у нас все-таки забрали при очередном шмоне — кто-то из нас потерял бдительность. И вот я и Юлий отправились к майору Анненкову добывать его обратно.

«Вы нормальный человек, майор, а надзиратель такой-то, очевидно, считает Вас идиотом. Но Вы же не идиот?» Майор был явно заинтересован. Юлий объяснил, что раз зеки имеют право пить кофе, они имеют право и варить его, для чего и необходим котелок. «А надзиратель такой-то отобрал его у нас и при этом ссылался на Ваше распоряжение, но мы не можем поверить, что Вы способны были отдать такой идиотский приказ, ведь Вы же не идиот...» Кончилось тем, что майор вызвал надзирателя и велел вернуть нам нашу собственность. Тот было заикнулся: «Товарищ майор, Вы же сами...», но был оборван жестким: «Верни!»

Итак, прибыв на новую для нас зону, вечером 31 декабря наша компания собралась, чтобы встретить новый, 1967 год. По кругу пошла кружка крепкого кофе, вспоминали старую зону, гадали о порядках на новой. Фраза Юлия «край непуганых дураков» повторялась неоднократно. Решили пугнуть.

Числа второго нас поодиночке стали вызывать к начальству, сидела целая комиссия, которая задавала вызванному несколько формальных вопросов, а затем начинала пугать его различными карами, предусмотренными и не предусмотренными «правилами внутреннего распорядка». При появлении перед этой комиссией следовало рапортовать: «Заключенный такой-то явился».

Мы заранее договорились, что рапортовать будем по-иному: «Политзаключенный имярек явился».

Поскольку, согласно официальной идеологии и, соответственно, юриспруденции в СССР отсутствовали антагонистические классы, никакой политической основы для противодействия властям быть не могло, и, следовательно, все мы были просто уголовными преступниками. Менее изощренные менты формулировали это проще: «судили вас по уголовному кодексу, значит, вы и есть уголовники». Объявление себя политзеком считалось недопустимой дерзостью и влекло, как правило, кары.

Юлий смущался этого титула, политиком себя не считал, врать и притворяться не умел. На вызов к начальству он попал не первым.

Несколько человек, вызванных ранее и отрекомендовавшиеся «политзеками», настолько ошарашили наших будущих «воспитателей», что, когда вошел Юлий и сказал: «Здравствуйте, я Юлий Даниэль. Вы меня вызывали?» — это грубейшее нарушение лагерной обрядности прошло незамеченным.

На следующий день нас распределили на работу — нашей компании, в числе прочих, досталась работа на стройке жилого дома, в котором должны были поселиться менты и их командиры. (Никакого другого населения в поселке Озерном, где размещалась наша зона, не было). Обсудив положение, мы решили, что эту работу мы выполнять не будем. К счастью для нас, на зоне не оказалось спецодежды, и начальство попробовало загнать нас на стройку в том, в чем мы ходили в жилой зоне. Мы потребовали соблюдения правил, нас промурыжили дней пять и отправили шить рукавицы. Эта работа не противоречила нашим взглядам.

Через какое-то время, как это и положено, нас вызвали на медкомиссию, чтобы поставить в «деле» очередную «галочку». Когда мы с Юлием вошли в кабинет врача, то увидели там очень молодого человека в лейтенантских погонах, перед которым стоял дед с огромной седой бородой. Врач сидя командовал: «Встань, повернись, подойди ко мне».

Юлий обратился к нему: «Как Вам не стыдно, перед Вами стоит человек, который Вам в деды годится, а Вы ему “тыкаете” и стул не предложили. Вы же врач, а не надзиратель. Вот узнаем, какой институт Вы кончали, и напишем Вашим бывшим однокашникам». Юноша покраснел, предложил деду стул и перешел на «Вы».

Он оказался хорошим человеком. Неоднократно вступался за зека перед администрацией. Когда менты избili одного полублатного парня, а тот, сопротивляясь, ударил ногой в пах офицера, наш доктор потребовал составления двух медицинских актов: акта обследования заключенного и акта обследования офицера. Начальство, разумеется, отказалось, и парень избежал нового срока. Во всех критических ситуациях молодой врач повторял фразу: «Я врач, а не надзиратель».

Зиму и весну на новом месте мы прожили относительно спокойно, но к началу лета Юлия снова отправили в карцер, затем сразу же еще раз. Лагерные правила позволяли держать в карцере не более 15 суток, но ничто не мешало начальству, выпустив человека, через час посадить его снова, якобы за другую провинность.

На этот раз Юлий захватил с собой тубик мази «Тайга» от комаров, коих в БУРе было великое множество. Менты стали этот тубик отбирать,

Юлий сопротивлялся. Результатом был синяк у него под глазом. Вся эта эпопея стала известна и в Москве и далеко от Москвы. Майора Анненкова вызвали в Москву. Вернувшись, он засадил в карцер всю нашу братию.

А через некоторое время Юлию дали шесть месяцев ШИЗО (точнее, ПКТ — помещение камерного типа — внутрилагерная тюрьма для отбывания долгосрочного наказания). Еще через месяц к нему посадили и меня. Пять месяцев мы провели вместе на одних, достаточно, впрочем, широких нарах.

Тогда же я подарил ему свою вторую эпиграмму:

*Люблю грозу в конце апреля,
Когда весенний первый гром,
Как будто голос Даниэля,
Грохочет в небе голубом.*

*Тут Даниэль, замечу кстати,
Помянут мной не рифмы ради —
Припомнил я, как мазь — «Тайгу»
Он не хотел отдать врагу.*

*А что касается апреля,
Вот он-то — ради Даниэля.*

Первое время в ПКТ мы сидели довольно спокойно. Нам дали толстую капроновую нить в мотках и обязали вязать сетки-авоськи. Что мы и делали по мере возможности.

Сидеть в его компании, да простится мне такое выражение, было одно удовольствие. В первый же день моего появления надзиратель сунул нам в кормушку шашечную доску и мешочек шашек. Мы сели за игру. Я не очень люблю настольные игры, но надо же как-то скрасить время своего соседа. Сыграли раз, другой. Юлий спрашивает: «Валерий, Вы очень любите шашки?» — «Когда — как», — дипломатично отвечаю я. «А Вы?» (Тогда мы были еще «на Вы»). «Иногда», — говорит он. Играем дальше. Наконец я интересуюсь, не устал ли сосед. А потом мы долго и весело смеемся. Не желая играть, каждый из нас мучился, но считал, что развлекает другого. Та же ситуация повторилась, уже когда мы были в тюрьме, — голосило радио. Мы оба думали, что сокамерник слушает, и не хотели ему мешать.

Юлий был идеальным сокамерником. Таким, с одной стороны, делала его деликатность, с другой — фантастическое знание стихов самых различных поэтов. Я до сих пор не могу не удивляться этой его способности — читать стихи, каждый раз новые, попадая при этом в резонанс

со слушателем, учитывая его вкусы и настрой, который, конечно, менялся в зависимости от ситуации.

Вообще литературные ассоциации Юлия были неожиданны и точны. Как-то, когда мы были уже снова в зоне, он увидел, что кто-то читает селедку с хвоста. «Чехова надо читать, — наставительно произнес Юлий. — Знаешь, за что попало Ваньке Жукову?»

Напротив нашей камеры располагалась камера-карцер. Отличалась она от той, в которой находились мы, только функционально — туда сажали на срок до 15 суток, с запрещением курить. Мы, как могли, передавали туда спички и курево. Как-то посадили в карцер полусумасшедшего блатняка (кричал у себя в уголовной зоне: «Коммунисты — сволочи!» — и заработал политическую статью). Мы передали ему спички и махорку, ему показалось мало. Во время обхода он пристал к надзирателю: «Дай покурить». Тот не дал. «Ах, так, — сказал наш сосед, — тогда я подожду карцер!» Надзиратель ушел.

Зона наша была маленькая, всего человек 200, надзиратели в карцере не дежурили, сделают обход и уйдут. Помещение, где мы сидели, было деревянным. Через какое-то время мы почувствовали запах гари, — сосед устроил-таки пожар.

Мы прикинули, что выбить решетку на окне особого труда не составит, собрали в пакетик книги, фотографии, письма и продолжили наши беседы — дело было в выходной день. В камеру начал пробиваться дым, но мы продолжали читать или беседовать, уж и не помню. Наконец прибежал надзиратель и начал кричать в телефонную трубку: «Пожар!! Пожар!!», потом вывел на улицу нас и соседа, которому Юлий сразу же, к удивлению ментов, дал закурить.

Мы бродили по зеленой травке вокруг БУРа, наслаждались солнышком, глядели на суету пожарников и беседовали. «Знаете, Юлий Маркович, очень жаль, что Вы не сгорели», — высказался я. «Почему?» — спросил Юлий. «Представляете, какой международный резонанс это бы вызвало. А я написал бы чудесный некролог!»

Наша беседа была подслушана. Я узнал, что в своих «воспитательных беседах» начальство использовало ее фрагмент, утверждая, что зеки ради «международного резонанса» готовы посжигать друг друга.

Всемирную славу Юлия Марковича наш «колхоз» действительно использовал, хотя и не столь мрачно. Например, нужно было раздобыть чайную или кофейную заварку. «Уважаемый всемирно известный писатель, — обращались мы к нему, — стрельните-ка чего-нибудь у кого-нибудь, Вам, с Вашей всемирной известностью, наверное, не откажут».

Юлий смущался, но шел на поиски и, как правило, чего-нибудь приносил.

Но это бывало в зоне, а здесь, в ПКТ, нам приходилось обходиться без всяких чаев и кофеев. Разве что, когда поведут в баню, ребятам удастся что-нибудь там припрятать и передать нам. Сидя в камере, мы охотно вспоминали прошлое, заочно знакомили друг друга с теми, кто остался в «большой зоне».

Помню такую историю. По делу Юлия был вызван на допрос его друг А.В. Воронель, известный физик. У гэбистов в те времена была такая манера: вызванного на допрос с воли человека приводили в кабинет, потом следователь куда-то отлучался, а допрашиваемый оставался в кабинете на час или два. По мысли постановщиков спектакля, за это время он должен дозреть и стать шелковым. Так было и на этот раз. Воронель достал свою записную книжку и углубился в какие-то научные расчеты. Наконец следователь вернулся и спросил: «Что это Вы пишете?» И услышал в ответ: «Шифровку в ЦРУ». Сценарий не сработал, запугать и вывести из себя человека не удалось, и следователь, возмущенный неудачей, раскричался: «Тут люди дело делают, а Вы сюда шутки шутить приходите!» — «Ладно, не буду приходить», — ответил Воронель.

А известный лингвист Вячеслав Всеволодович Иванов, рассказывал Юлий, перед поездкой на международный конгресс славистов был по телефону приглашен в КГБ: «Нам надо поговорить». — «О чем? О славяноведении? А вы, что, и этим занимаетесь?» — «Как Вы не понимаете», — отвечали ему. «Не понимаю!» — и ученый повесил трубку. На этот конгресс он не поехал.

Однажды Юлий получил очередное письмо от жены (Л.И. Богораз). Она писала, в частности, что была на приеме в ГУИТУ и с ней разговаривал какой-то чин, а какой — она не знает, поскольку в погонах не разбирается. Я в то время пытался освоить Гегеля и изредка цитировал сокамернику наиболее трудные места. Прочитав письмо от Лары, Юлий немедленно сел за ответ: «Эх ты, серость необразованная, не можешь отличить полковника от ефрейтора, в то время как самобытная самость...» Далее следовала длинная цитата из Гегеля, не имевшая к теме ни малейшего отношения. Это письмо шло до адресата лишних три месяца, — компетентные органы искали тайный смысл в раскавыченной цитате.

Получив в письме фотографию сына Сашки, Юлий повесил ее на стенку у себя над головой, что было нарушением правил содержания в ПКТ. Майор Анненков пригрозил фотографию отобрать. Юлий ее снял, но был этим очень расстроен. Тогда мы взяли реванш. У меня

был альбом «Египетский портрет», присланный мне женою в подарок (в то время зеки еще имели право получать книжные бандероли). Мы раскрыли книгу на той странице, где была помещена репродукция древнехристианской иконы, и поставили альбом на стол вертикально. В камере оказалась икона! «Почему у вас книга стоит так?» — спрашивал обеспокоенный майор. «А разве правила запрещают?» Правила такой ситуации не предусматривали.

Сидя в ПКТ, мы не могли участвовать в «общем трудовом процессе», и начальство придумало для нас «индивидуальную деятельность» — плести, как я уже говорил, сетки-авоськи. Работа не трудная, но требующая сноровки и практики. Ни того, ни другого у нас не было, и о выполнении нормы не могло быть и речи. Нас перевели на пониженную норму питания — голодный паек, и тогда мы вообще прекратили работу. Я написал жалобу в прокуратуру, дело получило огласку, нежелательную для Москвы, к нам прибыла комиссия, и вопрос был улажен. Вскоре, впрочем, наша трудовая деятельность закончилась — по рассказу надзирателя, кто-то из лагерного начальства, рангом повыше, чем наш майор, в ходе разбирательства усмотрел, что мы бесполезно переводим хорошую капроновую нить, из которой можно плести рыболовные снасти, и эту нить упер.

В полном соответствии с зековским афоризмом: «Раньше сядешь, раньше выйдешь», Юлий покинул ШИЗО на месяц раньше меня. В середине февраля 1968 года вышел в зону и я¹⁶¹. Там меня встретила наша дружная компания — Сергей Мошков, Виктор Калниньш, Даниэль, — и первым, что я услышал, было предложение объявить коллективную голодовку. Сразу же было условлено, кто попытается сообщить об этом «на волю» и в соседнюю 11-ю политзону, с кем имеет смысл поговорить в нашем лагпункте, как сформулировать требования и т.п.

Через некоторое время наши сообщения были получены. На 11-м лаготделении нас поддержать отказались. На 17-м — к нам присоединились Борис Здоровец и Юра Шухевич. Утром мы отнесли на вахту свои заявления, после чего нас немедленно постригли и оставили в покое. Когда майор Анненков волновался, он первым делом приказывал стричь заключенных, — так было и в БУРе после пожара, так было и теперь.

¹⁶¹ Здесь мемуаристу изменяет память: Ронкин был выпущен из ПКТ не позднее 19 января (см.: Юлий Даниэль. «Я все сбиваюсь на литературу...». Письмо тридцать шестое, запись от 19/1-68). Соответственно, датировка дальнейших событий, связанных с коллективной голодовкой, в очерке сдвинута на более позднее время: на самом деле голодовка проходила с 13 по 22 февраля 1968 г.

Днем мы успели получить очередную почту, в том числе письмо от Лары. В нем приводилась польская поговорка: «То не штука забить крука, а то штука, цѣлком свежа, голым дупом забить ежа!» (То не фокус убить ворону, а фокус в том, чтобы голым задом убить ежа). Мы поняли, что за зоной знают о наших намерениях, и начали «голым дупом забивать ежа».

Наутро нас погрузили в «воронок» и отправили в следственный изолятор лагерного управления. Внешний конвой состоял из обычных ребят-призывников, которые тяготились своей службой не меньше, чем мы — заключением. На сей раз нас сопровождал молоденький армянин, дальний родственник которого тоже сидел «за политику». От него первого мы услышали, что о нашей голодовке уже сообщили «голоса». Он был очень доволен, что «видел живого Даниэля». «Приеду к себе в деревню, всем буду рассказывать: с самим Даниэлем знаком!»

Второй раз о реакции «из-за бугра» мы узнали от женщины-врача во время медосмотра в изоляторе. Осматривая нас, она жалобно причитала: «Что ж вы делаете, мальчики, что делаете». И, наклонившись, шепотом: «Про вас уже весь мир говорит».

Многие документы, связанные с этой акцией, опубликованы в «там-издате» под заголовком «История одной голодовки»¹⁶². К этой книжке я и отсылаю желающих узнать подробности. Требования наши вкратце были таковы: разрешить в зонах свободу творчества, разрешить получение и хранение религиозной литературы, исполнение обрядов, прекратить практику произвольного лишения свиданий, необоснованной конфискации переписки, изъятия бумаг и пр.

Нас разместили поодиночке в камерах изолятора. На следующий день к нам снова явился врач, тоже женщина, но в полной ментовской форме, и начала свою речь с пожелания всех нас расстрелять. На этом наше общение с медициной окончилось.

Хотя мы сидели в разных камерах, тем не менее переговаривались, особенно в первое время, пока были силы кричать. Надзиратели требовали «прекратить разговорчики», но мы вежливо отвечали: «А вы

¹⁶² Еще одна ошибка памяти мемуариста: брошюра «История одной голодовки» посвящена не этой голодовке политзаключенных 17-го лаготделения, а следующей — голодовке Александра Гинзбурга в мае—июне 1969 г. за право на свидание с женой, о чем автор упоминает ниже. В начале июня к этой голодовке присоединился и В. Ронкин, а за ним — Ю. Галансков, Л. Бородин и В. Платонов. Голодовка была выиграна, но вскоре после ее окончания Ронкин и Даниэль (чей очерк «Письмо другу», посвященный ситуации, сложившейся вокруг Гинзбурга, был опубликован за рубежом) были отправлены до конца срока во Владимирскую тюрьму.

посадите нас на пониженный паек или лишите ларька». Было приятно сознавать, что, добровольно отказавшись от пищи, мы тем самым лишили власть ее любимого оружия — угрозы голода.

Нам дали книги — принесли и сунули, кому что придется. Юлию попалась книжка о каком-то революционере. «Слушайте, ребята! На третий день голодовки могучий организм Петра не выдержал, и начались галлюцинации». Мы голодали уже пятый день.

Каждое утро в камеру приносили завтрак и оставляли его до обеда, обед оставляли до ужина, а ужин — до утра. Сначала мы хотели выкидывать все принесенное в парашу, но потом решили не тешить таким образом начальство. Однажды ко мне снова вошла врачиха в форме. «Когда у вас забирали завтрак, случайно оставили порцию сахара. Вы ее съели, и голодовка считается снятой!» — «Где оставили, там и лежит», — ответил я. Порция нашлась.

На переговоры с нами явился капитан КГБ Круть. Ошеломленное международным резонансом начальство сочло за благо пойти на компромисс. Некоторые наши требования были удовлетворены, а остальным посулили «рассмотрение в соответствующих инстанциях». Мы догадывались о результатах такого рода работы, но многие из нас, в том числе и Юлий, выглядели, мягко говоря, неважно. Голодовку, длившуюся десять дней, было решено прекратить.

Нас вернули в 17 л/о, и жизнь пошла своим чередом. Вскоре в лагере появились новые люди. В частности, Бородин и Платонов — первые представители русского национального движения, с которыми мы познакомились. Отношения у нас сложились хотя и не близкие, но вполне приятельские. Впрочем, на своем начальном этапе это движение никак не выглядело ни черносотенным, ни фашистским. Надеюсь, что наши солагерники так и не эволюционировали к худшему.

С появлением же Гинзбурга и Галанскова перемирие, установившееся между нами и администрацией, вновь было нарушено. Как и всякого, вновь прибывшего, начальство стало пробовать их «на прочность». С нашей стороны немедленно последовали протесты. Было написано обращение к Верховному Совету СССР. В нем мы указывали, насколько лагерные правила противоречат принятым во всем цивилизованном мире нормам обращения с людьми и насколько даже эти правила нарушаются, когда речь идет об элементарных правах заключенных. Мы напоминали о том, что многие сталинские приспешники позднее ссылались на свою неосведомленность. «Теперь вы все знаете, и уклониться подобными ссылками от ответственности вам не удастся».

Обращение мы отправили по назначению, но встал вопрос, как передать его в «большую зону». Ближайшее свидание было у Даниэля. Копия обращения, стихи Юлия и еще что-то были переписаны Мошковым самым мелким почерком на папиросной бумаге и завязаны в палец от медицинской перчатки. Оставалось перед свиданием поглубже засунуть получившийся цилиндрик Юлию в задний проход и рассчитывать на удачу. (Тогда еще этот метод действовал безотказно, это потом перед выходом из зоны менты начали совать носы в наши задницы). Неожиданно взбунтовался Юлий. Он заявил, что это настолько неэстетично, что об исполнении и разговора быть не может. К счастью, время еще оставалось, и Юлий успел найти другой, более эстетичный способ пронести послание в дом свиданий.

Последняя лагерная голодовка, в которой мы все собирались принять участие, была связана с требованием разрешить Алику Гинзбургу и его невесте Арине Жолковской оформить заключение брака. Заявление в ЗАГС у них было уже подано, но Алик был арестован, и теперь не имел права на свидание с ней. Алик решил объявить голодовку, мы — его поддержать. Было решено, что через некоторое время после объявления им голодовки часть из нас напишет заявления во всевозможные инстанции, а потом начнет присоединяться к голодовке. В кампанию будут постепенно втягиваться все новые люди. Те, кто по разным причинам к голодовке не готов, — ограничатся заявлением. В акции приняли участие Лёня Бородин, Дмитро Верхоляк, Балис Гаяускас, Юра Галансков, Юлий Даниэль, Виктор Калниньш, Сережа Мошков, Степан Сорока, Слава Платонов и я.

Из Москвы пришло, наконец, разрешение на бракосочетание, в результате Алика и Арину зарегистрировали. Но когда это произошло, Юлия и меня в Озерном уже не было. Регистрация состоялась в конце августа 1969 года, а еще в начале июля нам с Даниэлем объявили, что нас этапируют в Явас.

В Явасе — «столице» Дубравлага — привели в красный уголок железнодорожной станции и зачитали приговор суда: «Перевод на тюремный режим до конца срока». (Юлию оставалось чуть больше года, мне — чуть меньше трех). А потом — этап во Владимир. Где-то, кажется, в Потье, Юлий обратил мое внимание на две надписи из тех, что украшали стены пересыльной камеры. Одна по-немецки: «Мой Бог! Все проходит, пройдет и это ужасное время. Дай мне сил выдержать его и не пасть духом». Другая, рядом, на русском языке: «Мы етали — не пропали, мы етем — не пропадем. Провались земля и небо — мы на кочке проживем!» Нам, пожалуй, ближе было второе граффити. Жаль, что стены в тюрьмах изредка перекрашивают и надписи, даже столь мудрые, пропадают.

Потом были два месяца совместного житья-бытья в одной из камер Владимирской тюрьмы. Снова Юлий читал мне свои и чужие стихи. Вспоминали сокамерников, строили планы на будущее. Мы знали, что уже возобновилась эмиграция, но Даниэль никогда о ней не помышлял. Россия была для него всегда «моя Россия».

Встретились мы снова через три с лишним года. Он приехал к нам в ссылку, в Нижнюю Омру. Привез новости и какие-то чудные бутылки.

Потом я заходил к нему в гости, приезжая в Москву. В последние приезды он был уже тяжело болен, с трудом передвигался по комнате, но вел себя так же, о болезнях предпочитал не говорить, вспоминал друзей, рассказывал о своих новых переводах, строил планы.

В последний раз живым я видел его в больнице. Он лежал полностью парализованный. Около него постоянно дежурили новая жена Ира Уварова, Лара и сын Санька, уже совсем взрослый. Когда я вошел в палату, Лариса сказала: «Юлинька, Бен пришел». (Бен — мое студенческое и лагерное прозвище). Кажется, его лицо чуть дрогнуло, хочу в это верить.

Я остался с Ларой на ночное дежурство, чтобы она хоть чуток могла отдохнуть. Вечером Лара читала ему вслух, читала и первую появившуюся о нем статью с его лагерными стихами. Надеюсь, что он еще был в состоянии услышать и понять. Потом она задремала, а я сидел и мысленно, а иногда и вслух, беседовал с ним все о том же, о чем мы болтали на лагерных и тюремных нарах, — о наших общих друзьях, о стихах и литературе...

Март 1992

Михаил Молоствов¹⁶³

Молостовы узнали про нас гораздо раньше, чем мы о них. В августе 1965 г., когда у Миши кончился срок и они на короткое время появились в Питере, один из мишиных сокамерников, освободившийся раньше него, сообщил им: «Ваших опять похватали». (Шел второй месяц нашего следствия).

¹⁶³ В конце 1956 — начале 1957 гг. М.М. Молоствов написал «Status quo» — свою первую работу, в которой он подверг критическому анализу советскую государственную систему.

25 июля 1958 г. Михаил Молоствов и его товарищи Леонтий Гаранин, Евгений Козлов и Николай Солохин были арестованы. М. Молоствов был приговорен к семи годам лагерей по ст. 58—10 и 58—11 УК. Срок отбывал сначала в Воркутлаге, а затем в Дубравлаге в Мордовии. Освобожден в 1965 г.

В феврале 1973 года в поселок Нижняя Омра Коми АССР, где я отбывал ссылку, нам пришло письмо из Омской области от Молоствовых. Наш адрес им дал Боря Вайль. Это был щедрый подарок, который нам с Бориной помощью преподнесла судьба.

Мы (я и моя жена) стояли около Миши в последние минуты его жизни. Между этими событиями прошло 30 лет.

За эти годы, сначала по переписке, а потом, когда мы после ссылки обосновались в Луге, а Молостовы перебрались поближе к Ленинграду и мы познакомились «лицом к лицу», мы стали близкими друзьями. Общность взглядов, безусловно, способствовала нашей дружбе, но этого было бы далеко недостаточно — в сорокалетнем возрасте сложно приобретать новых друзей.

Меня, да и не только меня, покоряло Мишино чувство юмора, которое удерживало его от злобности даже по отношению к его идеологическим противникам — жесткое неприятие тех или иных взглядов у Миши не сочеталось с ненавистью к их носителям.

Чувство юмора, умение посмеяться и над самим собой, спасало его как от фанатизма, так и от модного в России XXI века цинизма. Я видел Михаила разным — спокойным и раздраженным, иногда сердитым, но никогда — злым.

А любить он умел! И тот же юмор давал ему возможность прощать мелкие недостатки, которые свойственны каждому из нас. Он очень любил свою Риту — жену и товарища, любил своих дочерей, любил внуков. Любил невероятное количество своих родственников и свойственников, которых называл «наш клан». Любил друзей.

Любил Россию. Любовь к России привела его в январе 1991 года в Вильнюс под прицел советских спецназовцев, которым было приказано сохранять СССР в прежних границах, эта же любовь привела его в Грозный в конце 1994 года и в Буденновск в июне 1995 года под бомбежки и выстрелы, с помощью которых теперь уже российская власть защищала свое «конституционное» пространство.

Михаил Молостов и в Вильнюсе, и в Чечне спасал честь России, ибо честь для него была высшей ценностью всей его сознательной жизни. Он любил Россию, не путал «Отечество» и «Ваше превосходительство», любил, а не «занимался любовью», превращая любовь в источник доходов. От своих трудов праведных Миша не нажил палат каменных, не за этим он шел в лагерь, во власть, под пули спецназа. Он бескорыстно любил. Людей, среди которых он жил, природу своей страны. Всю свою жизнь он посвятил этим людям, желая для каждого из них простого человеческого счастья.

Еще одной ценностью для Молостова была истина. Всю жизнь, буквально до последнего дня он искал ее. Миша был умелым спорщиком, но никогда он не спорил ради победы — только ради истины. Он неимоверно много знал и всю жизнь читал, пополняя свои знания. Миша был мужественным человеком, не только «физически» — не боялся реальной опасности, но и нравственно — не верил он ни в потустороннюю жизнь, ни в загробную награду и не ради награды честно делал то, что считал правильным и справедливым. Не только в жизни, но и в своей философии Михаил был светлым человеком, не ярким, слепящим глаза окружающим, а именно светлым — он стремился сделать понятным сложное, а злое добрым. «Может, и не станешь победителем, но зато умрешь как человек», — пел Окуджава, которого так любил Михаил. Как жил Миша, так и умер — хорошим светлым человеком.

Молостов всю жизнь считал себя марксистом. При этом не был начетчиком, для которого любая цитата из Маркса есть непреложная истина. Не цитаты, а метод анализа привлекали его в марксизме, метод, исключавший неверифицируемые категории типа «Дух», «История», «Государство». Михаил оперировал такими понятиями без восторженного придыхания, не употреблял прописных букв при написании этих слов и старался досконально вникнуть в существо вопроса. Не была ориентирована на эти понятия и его система ценностей — Михаил, прежде всего, болел за человека, каждого человека, приносимого в жертву истории ли, духу или государству. И любил повторять цитату из «Коммунистического манифеста»: «Свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Он был марксистом еще и потому, что разделял ту систему ценностей, которую принимал Маркс: Свобода, Равенство и Братство. Михаил понимал всю сложность взаимоотношений между этими категориями, понимал, что их немедленное и абсолютное воплощение в жизнь невозможно. Но это был тот идеал, в соответствии с которым он считал необходимым решать каждую из возникающих сиюминутных проблем.

Кроме серьезных статей, Михаил Молостов¹⁶⁴ оставил стихи, рисунки, письма. В этом тоже он — с чувством юмора и добротой.

Светлый человек. Светлые стихи. Светлые шаржи.

Май 2003

¹⁶⁴ См. его книги: «Прямые, которые не пересекаются» (М., 2000); «Из заметок вольнодумца: Сборник статей» (СПб., 2003).

4. СТИХИ

1. Школьное

«Неправо о вещах те думают, Шувалов,
Которые Стекло чтут ниже Минералов», —
Так Ломоносов некогда изрек,
Но в этом случае ошибся сей пророк.
Возьмем, к примеру, мы кусок гранита.
Удар! И вот стекло оконное разбито.
А если бы из камня сделали окно,
То от удара уцелело бы оно.

Руль налево, руль направо...
Курс, меняя постоянно,
Хоть с трудом, но все же браво
Шел моряк из ресторана.

1952 г.

Неправо о вещах подумают те, кто решит, что еще в школе я критиковал политику партии¹⁶⁵.

2. Институт

Венгрии

Гремели залпы, зарево пожаров
Багрово освещало небосвод.
И чудилось, что над планетой старой
Встает иной, невиданный, восход.
Но день настал, и не сбылись надежды:
Вновь грохот залпов и пожаров гарь.
И свой закон в Познани, в Будапеште
Штыками утверждает Русь, как встарь.

1956 г.

¹⁶⁵ Здесь и далее — курсивом — позднейшие примечания автора. (Прим. ред.)

Марш рейдбригад

Прекрасны сады Ленинграда
И белые ночи весной.
Вперед, комсомольцы,
Вперед, рейдбригады,
Очистим наш город родной!

Здесь нет хулиганам пощады,
Суров разговор со шпаной.
Вперед, комсомольцы,
Вперед, рейдбригады,
Очистим наш город родной!

Нам дружба дороже награды.
Мы связаны волей одной.
Вперед, комсомольцы,
Вперед, рейдбригады,
Очистим наш город родной!

Мы сломим любые преграды.
Пусть песня летит над Невой.
Вперед, комсомольцы,
Вперед, рейдбригады,
Очистим наш город родной!

1956 г.

Мир засыпает. Звездами алая,
Кремль над водой Москвы-реки заснул.
У каменной твердыни мавзолея
Не дремлет лишь почетный караул.
У входа молча часовые стали,
Чуть приглушив биение сердец.
Спит Ленин, рядом примостился Сталин,
Как временно прописанный жилец.
А что б случилось, если б в тишине
Из мавзолея ночью вышел Ленин?
Прошелся бы неслышно по стране,
По фабрикам, заводам и селеньям?
Узнал бы он тогда мечты людские,
Услышал бы молвы народной гул,
Увидел бы... Но ночью часовые
Несут у мавзолея караул.

1956 г.

Отрывок

Из лунного света
Черпались сюжеты,
Из лунного света
Вязались сонеты.
Куинджи луну
Припаял к полотну.
И Фетом воспета...
Но я не про это...
Да ну ее к бесу, луну.

Уфа, 1960 г.

Последняя строка вставлена позднее, чтобы как-то закончить этот отрывок из плохого стиха. — В.Р.

3. Следственная тюрьма на Шпалерной

Дон Кихот

Вскоре после свадьбы я подарил Иринке статуэтку Дон Кихота.

Всегда вперед, всегда в поход!
Он вечно рвался в бой.
Таким остался Дон Кихот
На памяти людской.

Он был костист,
Он был высок,
Он был упрям и смел.
Он много сделал... Если б смог.
Да жаль, что не сумел.

Не испугавшись ничего,
Он в наши дни шагнул,
У изголовья твоего
Он встал на караул.

Среди забот,
Среди хлопот
Он даст тебе совет.
Литой чугунный Дон Кихот –
Мой маленький полпред.

Октябрь 1965 г.

В коридоре шаги надзирателя
У дверей затихают моих.
На меня он посмотрит внимательно
И уйдет поглядеть на других.

Все продумано просто и строго
Для того, чтобы не умереть,
Оказалось не так уж и много
Заклученному нужно иметь.

Есть и ложка, и кружка, и миска.
Только вот без тебя нелегко.
Если мерить шагами — ты близко,
Если сутками — так далеко...

Я хожу, я сижу на кровати,
Я читаю, а мысли с тобой
От жестокого слова «вставайте»
До желанного слова «отбой».

Изолятор КГБ. Декабрь 1965 г.

Двор тюремный глубоким колодцем,
Только угол в весенние дни
Иногда освещается солнцем,
Остальное пространство в тени.

Посредине — клетушки-загоны
Разгорожены стенкой глухой.
На прогулку сюда заключенных
Ежедневно выводит конвой.

Тишина. Лишь порой долетают
Издалека трамваев звонки.
Да кричит воробьиная стая.
Да за стенкой соседа шаги.

Я не видел его и не знаю.
Здесь сидит всевозможный народ.
Иногда мой сосед напевает,
Про враждебные вихри поет.

Это значит — за стенкой загона
Та же участь, та же статья.
Это значит — сосед-заключенный
Политический, так же, как я.

Декабрь 1965 г.

Встать! Суд идет. Мы под судом.
Дела, слова, мечты, идеи —
Все говорит, что мы злодеи,
Весьма опасные при том.
Не убедить, не доказать...
Пока они еще сильнее,

Все их противники злодеи,
Которых следует вязать.
Слова уходят в пустоту.
Бормочет прокурор уныло.
Но день придет, и наша сила
Докажет нашу правоту!

Ноябрь 1965 г.

Нашим матерям

Когда о сыне спросят Вас,
Не опускайте в землю глаз.
Не говорите: «Он в отлучке».
Скажите честно: «За колючкой
Мой сын находится сейчас».

Он не мошенник и не вор,
С ним по статье семидесятой
Сидят такие же ребята.
Нам эта правда — не позор».

Мы все уверены, что будет
На нашей улице заря.
И те, кто нас сегодня судит,
Заполнят завтра лагерь.

Декабрь 1965 г.

Люсе Климановой

Не грусти. Промчатся злые годы.
Срок судьбой отмеренный пройдет.
Снова будут песни и походы
И над лесом звезд ночной полет.

Через реки, через перевалы
Нас сведут когда-нибудь пути.
И поднимем тост мы, как бывало:
«Чтобы смерть нас не могла найти!»

28 декабря 1965 г.

Сергею Хахаеву

Суд окончен давно и готовы бумаги.
Значит, нам суждено жить с тобой в Дубравлаге.
По подъему вставать, дожидаться отбоя...
Дни и ночи считать, дни и ночи считать
Суждено нам с тобою.

Здесь и днем, и в ночи мысли голову кружат.
Стиснув зубы, молчи, чтобы не было хуже...
И не мучай души сожаленьем напрасным —
Это строгий режим, это строгий режим
Для особо опасных.

Здесь порою часы, как недели, проходят,
Здесь свирепые псы, автоматы на взводе,
И колючкой не зря огорожена зона —
Это спецлагеря, это спецлагеря
Для политзаключенных.

Не жалеешь ты, Русь, арестантской баланды!
Декабристов союз угодил в арестанты.
Чернышевский был там и Народная Воля,
А теперь вот и нам, а теперь вот и нам
Эта выпала доля.

Перед этапом. Февраль 1966 г.

Сонет*К 15.01.1966*

Мне выпала доля не частая
С тобой повстречаться в пути,
Делить и тревоги и счастье,
И петь, и мечтать, и грустить.

Дорога трудна непробитая,
Но даже в крошечном аду,
Как компаса стрелка магнитная,
Тебя я, как север, найду.

Мне выпало счастье нелегкое,
Но я не обижен судьбой.
Ты ждешь меня, радость далекая,
А значит, мы вместе с тобой.

И наша любовь не кончается.
Не надо, родная, печалиться.

*Январь 1966 г.***4. Лагерное**

Прожектора, колючка, вышки,
Собачий лай издалека.
И мы, вчерашние мальчишки —
Политзека, политзека.

Когда в ночи темно и душно,
И не дает уснуть тоска,
Оружье наше — наша дружба,
Политзека, политзека.

Наш быт совсем не из приятных
И доля наша нелегка,
Но мы не повернем обратно,
Политзека, политзека.

Пусть о нас никто не знает,
И маловато нас пока,
Сегодня на переднем крае
Политзека, политзека.

11 л/о, Явас, 1966 г.

Юбилей! О юбилее
 Рассуждения, разговоры...
 За «Амнистию» болеют
 И политики, и воры.
 Рассуждают инвалиды,
 Предрекая судьбы наши,
 Как ракеты на орбиты
 Запускаются парашаи.
 Говорят, что всю Европу
 Мы волнуем чрезвычайно —

Быть Указу! — только б стропы
 Не запутались случайно.
 Не запутались бы стропы,
 Не задрались бы евреи,
 Не попал бы репей в жопу
 Режиссерам юбилея.
 Юбилей! О юбилее
 Рассуждения, разговоры...
 Свежей известью белеют
 Подновленные заборы.

1967 г.

К этому стиху надо дать некоторые объяснения:

«Парашаи» — 1. Бачки для оправки естественных надобностей, устанавливаемые в камерах. 2. Слухи.

«Запутавшиеся стропы» — официальное объяснение гибели экипажа космического корабля, запущенного в преддверии юбилея.

«Задравшиеся евреи» — намек на шестидневную войну (летом 1967 г.).

«Юбилей» — 50-летие Октябрьской революции.

Ю. Даниэлю

Громады глыб лежат веками
 И ждут, вцепившись в складки скал,
 Когда сорвется первый камень,
 Чтобы начать Большой Обвал.

Еще ничем не знаменитый,
 Лежит он где-то, мал и тих,
 Кусок обычного гранита,
 Неотличимый от других.

Но дрогнет твердь под небесами,
 Когда, назначенный судьбой,
 Рванется в бездну первый камень,
 Лавину двинув за собой.

17 л/о, Озерный, 1967 г.

ДОЧКЕ

Первые четыре стихотворения написаны в ПКТ¹⁶⁶ на 17-а л/о, п. Озерный в 1967 г. и присланы дочке.

За окошком снег глубокий,
На снегу сидят сороки.
Смотрят в камеру* ко мне
Сквозь решетку** на окне.
Говорит одна другой:
«Это что за зверь такой?»
Отвечает ей другая:
«Я зверей таких не знаю.
Не медведь и не енот,
И не заяц, и не крот.
Не похож он на лису,
И на волка тоже.
Я не видела в лесу
На него похожих.
Нет ни шерсти, ни хвоста!
Не похож он на кота,
На корову, на барана,
На собаку, на свинью —

Этот зверь какой-то странный,
Я его не узнаю».
Призадумалась тогда
Первая сорока:
«Очевидно, он сюда
Прибыл издалека.
Может быть, из Аргентины?
Или Антарктиды?
На огромного пингвина
Он похож по виду»...
Солнце спряталось за ели
И сороки улетели...

А с утра трещат опять,
Топчут снег глубокий,
Ничего вам не понять,
Глупые сороки.

Вариант для цензуры: * — «комнату», ** — «узоры».

Гость

На полу в углу — дыра,
В ней — мышиная нора.
Приглашаю мышку в гости —
Предлагаю рыбки кости,
Возле норки на виду
Корки хлебные кладу.

А потом нельзя скрипеть,
Разговаривать и петь,
И по камере* шагать,
Чтобы гостя не пугать.

Если тихо до поры,
Мышка выйдет из норы —
Понюхает немножко,
Не прячется ли кошка,
А потом сухую корку
На обед потащит в норку.

Рад я гостю моему —
Очень скучно одному.
Я хочу с ней поиграть,
А она спешит удрать.

Вариант для цензуры: «комнате»

¹⁶⁶ ПКТ — помещение камерного типа внутри лагеря, куда переводились заключенные для отбытия срока дополнительного наказания (до 6 мес. в год). (Прим. ред.)

Колыбельная

Спи, дочурка, спи, Маринка,
Закрывай глаза.
Засыпает на картинке
Старая коза.

Спят веселые козлята —
Дружная семья.
Серый волк ушел куда-то
В дальние края.

Под усталый вой метели,
Словно на кровать,
Дед-Мороз за синей елью
Завалился спать.

Спят на Марсе марсиане,
Странные на вид.
В Ледовитом океане
Засыпает кит.

Засыпай, моя родная,
Солнышко мое,
В Зоопарке затихает
Сонное зверье.

Спит лиса, уткнувши в лапы
Нос холодный свой.*
Где-то спит маришкин папа...
В лагерях отбой.

*Вариант для цензуры: * — «Мордочку свою. / Где-то спит маришкин папа... / Баюшки-баю».*

Считалка

На волну луна упала,
Медным колоколом стала.
Вдруг раздался
Громкий звон!
Кто попался —
Выйди вон!

Песенка Ланцелота

Не хмурь, родная, глазки,
Печально не гляди,
Поведаю я сказку,
А сказка впереди.

По сказочным законам
От стародавних лет
Положено драконам
Поганить белый свет.

По сказочным законам
Глубокой старины
Отважным и влюбленным
Дороги суждены.

Придумано не нами,
Однажды на пути
На камень с письмёнами
Случайно набрести.

«Когда пойдешь по левой,
Тебя невдалеке
Ждут ласковые девы
И деньги в кошельке.

На правом повороте
Ждут путника труды,
А после — жизнь в почете
До белой бороды».

По сказочным законам
От стародавних лет
Широкой да мощеной
Прямой дороги нет.

По сказочным законам
Тот край суров и дик, —
Не жалуют драконы
Идущих напрямик.

Не хмурь, родная, глазки,
Пугаться погоды, —
И это все не сказка,
А сказка впереди.

А впереди удачи,
И пир три дня подряд!
«Не может быть иначе», —
Нам сказки говорят.

К домашнему покою,
Дай срок, вернусь и я
С драконьей головою
На острие копья.

За сказкою иная
Ждет сказка впереди.
Не хмурь бровей, родная,
До встречи подожди.

ПКТ на 17-а л/о, п. Озерный, 31 декабря 1967 г.

Мы проходим зоной по пятеркам
Каждый день в один и тот же час.
Старшина в защитной гимнастерке,
Как рабочий скот, считает нас.

Мы идем, как будто, так и надо,
Подчиняясь правилам игры,
Только прячем в рукава бушлатов
Контрабанду тлеющей махры.*

Счет окончен. Можно расходиться.
Но, однако, странная игра —
Над запреткой, словно над границей,
Не уснут солдаты до утра.

Нас шмонают истово и часто,
В каждую бумажку сунут нос.
В кабинетах важное начальство
Нами занимается всерьез.

Может, это вовсе не по праву,
Может, мы совсем не так сильны,
Но и мы всерьез приемлем славу
И удел враждебной стороны.

Озерный, 1968 г.

** В свое время Даниэль утверждал, что эти две строчки я украл у него, когда и откуда, — не помню. — В.Р.*

Примазавшимся

Они приносят на арену
Свои изящные манеры,
Они желают непременно
Немного поиграть в тореро.

Но бык ногами землю роет,
Но бык рогами воздух чертит.
И отрезвляются герои,
Подумав о возможной смерти.

А отрезвись, меняют позу,
И зарабатывают лавры
На воспевании навоза
И гениталий Минотавра.

Озерный, 1968 г

Новогодние поздравления к 1969 г.

Юлию Даниэлю

Писал, писал и вот тюрьма.
Нам жаль писателя Аржака,
Но Юлий Даниэль, однако,
Поднаберется здесь ума.

Алику Гинзбургу

Он за героя стоял стеной,
На стену лез в журналистском раже.
Когда в тюрьму угодил герой —
Геройский автор полез туда же.

Юре Галанскову

Готов к дороге длинной,
Готов немедля в схватку.
Готов служить причиной
Любому беспорядку.
Готов ругаться матом,
Готов к сиянию славы.
Готов себя в дебатах
Признать всецело правым.

5. Владимирская тюрьма

Сонет

Еще одно свиданье позади.
А за окном осенние дожди,
А за окном три долгие зимы
За стенами Владимирской тюрьмы.

Сюда приводят разные пути.
Но я не грабил и не воровал,
Не бил ножом по пьянке наповал.
Ты за разлуку строго не суди.

Здесь каждый день берут, как перевал.
Натянут нерв, как альпинистский шнур.
Здесь каждое свидание — привал,
И каждая открытка — перекур.

Вот так мы и проходим свой маршрут.
Пишите письма — их здесь очень ждут.

Владимир, ноябрь 1969 г.

Не хулиганим, не бунтуем,
Крамольных песен не поем
И ежедневно рапортуем,
Что мы, мол, в камере вдвоем.

Подъем — встаем,
Отбой — по койкам, —
Всему положен свой черед,
И видим сны такие только,
Какие видит весь народ.

Так и живем, не без расчета,
Что, оценивши нас сполна,
Начальство на доске почета
Напишет наши имена!

Владимир, 1969 г.

Один зека...

Один зека
Пришел в ЦК,
Он зол был и ретив.
Свою вину он отрицал,
Свое начальство — порицал,
А это — рецидив.

Начальству не нужны морали,
А зеку нужен был урок —
Его опять арестовали
И намотали новый срок.

Зек, безусловно, виноват —
Свалял он дурака —
Не захватив с собой гранат,
Зачем идти в ЦК?!

Владимир, 1970 г.

Считалка для взрослых

Раз, два, три, четыре, пять —
Вышли зеки погулять.

Ежедневно по закону
Мы гуляем по загону.
Раз, два, три, четыре, пять —
Можно солнце увидеть.

Пять шагов загон длины
От стены и до стены.
Раз, два, три, четыре, пять —
Можно ноги поразмять

Раздается окрик гулко:
«Баста!» — кончена прогулка.
Раз, два, три, четыре, пять —
Завтра выведут опять.

Возвратился зек домой
Злой, но все-таки живой.
Раз, два, три, четыре, пять —
Можно снова начинать.

Владимир, 1970 г.

Экскурс в историю

Цари Иваны да Петры,
Их деды и отцы
Вели с адамовой поры
Россию под уздцы.

Дорога — гроб.
Хозяин крут
И не всегда тверез.
А потому считался кнут
Надежней, чем овес.

.....
Но, наконец, пришла пора —
Царей прогнали со двора.

.....
Клубились тучи грозовые,
И Ленин на броневике
Отважно предложил России
Приобрести кота в мешке.

Россия после царской ласки
Еще в рассудок не пришла,
А потому, не без опаски,
Решилась... и приобрела.

Но путь вперед тернистый,
К тому ж «мужик-дурак»
Затеи коммунистов
Не мог понять никак.

Чтоб управлять без риска
В крошечной этой тьме,
Пришлось вернуться к сыску,
Казарме и тюрьме.

Речисты и плечисты,
На вверенных постах
Трудились коммунисты
Противнику на страх.

И страх явился быстро,
Кого ни расспроси,
Боятся коммунистов
Отныне на Руси.

Владимир, 1970 г.

Туристская

Веселая картина,
Прекрасная игра:
Поют про бригадину
Ребята у костра.

Про подвиги и славу,
Про дальние моря...
(А за колючкой ржавой
Притихли лагеря).

Про горные вершины
Под шапкой снеговой...
(Гремят бронемшины
По пражской мостовой).

Кому-то надоело,
Кого-то где-то бьют.
А им какое дело —
Они себе поют...

Лихие патриоты,
Отчаянный народ —
У них одна забота,
И нет других забот.

Владимир, 1970 г.

Когда-то, много лет назад, увидев в газете очередное упоминание Сталина, я сочинил это стихотворение. Тогда мне самому показалось, что я хватил лишку. Сегодня эти стихи стали гораздо актуальнее.

Грохочут бубны, барабаны,
Фанфара хриплая гудит...
Камлают старые шаманы,
Шаманят новые вожди.

Какой экстаз, какие крики,
Какое жуткое вытье:
«Восстань, Великий из великих!
Да придет царствие твое!»

И кажется невероятным,
Чтобы опять явился в свет
Тот, похороненный двукратно,
Давно истлевший людоед.

Но барабаны бьют, однако,
И оголтелая орда
Зовет из гроба вурдалака,
И пляшет с пеною у рта.

Владимир, 1971 г.

Марш стукачей

И академики, и плотники,
Но, кроме службы основной,
Еще внештатные работники
Организации одной...

Мы не украшены мундирами,
Не щеголяем мы в строю,
Но регулярно информируем
Организацию сию.

Мы чтим свою организацию,
И это сущее вранье,
Что при удобной ситуации
Продать готовы и ее.

Мы патриоты, ясно каждому,
С крамолрой мы ведем борьбу!
А несознательные граждане
Желают видеть нас в гробу.

Владимир, 1971 г.

Размышления над некрологом

Нам сообщили утром рано
По эфиру и с экрана:
«Ныне умер имярек.
Был он дельный человек».

Он еще молокососом
На друзей писал доносы,
И за то, что был прохвост
Получил высокий пост.

Был на съездах делегатом,
Был «народным» депутатом.
От шампанского и баб
Организм его ослаб.

Смерть, она, известно, дура,
Что ей номенклатура!
Вышли сроки, пробил час,
Имярек покинул нас.

Вышли свежие газеты —
В рамках траурных портреты:
Имярек глядит на нас,
Величав и толстомяс.

Безответственное тело
В крематории сгорело,
А его высокий пост
Получил другой прохвост.

Владимир, 1971 г.

Последнее слово

Написано задним числом для моего соседа по камере (Анатолия Радыгина), осужденного по ст. 64 УК РСФСР, которая включала положение «бегство за границу или отказ возвратиться в СССР» и предполагала наказание вплоть до смертной казни.

Я осознал свою вину —
Я виноват всерьез:
Хотел покинуть я страну,
Где родился и рос.

Где материнским молоком
Поил меня народ.
А я хотел бежать тайком
От эдаких щедрот.

Но, если б я сумел бежать,
Но, если б он сумел бежать,
Но, если б все могли бежать,

Не ведая преград,
То кто же стал бы содержать
Партийный аппарат?

Кто возводил бы им дворцы
И дрался на войне?
Погибли б с голода «отцы»
Одни в пустой стране.

Поступка своего позор
Я осознал вполне.
Скорее требуй, прокурор,
Суровой кары мне!

Владимир, 1972 г.

6. Переводы

В изоляторе КГБ в 1965 году мне попалось несколько японских стихотворений с русской транскрипцией и подстрочным переводом (в «Путевых заметках» Крестовского). Позднее во Владимирской тюрьме в каком-то журнале я прочел подстрочник Теодоракиса тоже с транскрипцией. Украинские стихи перевел, пользуясь текстом, где-то опубликованным.

С японского

1. Без нашей любви Не пришлось бы отведасть Удивительный Горько-сладкий напиток, Который пьем мы теперь. (Народное)	3. Не надо грустить От любви безответной. Стебель с шипами Дарит весенней порой Ароматные розы. (Народное)
2. Средь бурной волны Можно корабль удержать Якорем цепким; Способов нет удержать Порывы нашей любви. (Народное)	4. Вернувшись домой После долгой разлуки, Цветов аромат Ты услышишь знакомый. Сердца лишь изменятся. (Ки-но Цураюки)
5. Меняют свой вид
 И цветы, распускаясь.
 Ими любясь,
 Не удивляйся тому,
 Что мы тоже стареем.
 (Оно-но Комати)
 Следственный изолятор КГБ, 1965 г.

О. Олесь***Ты не пришла...***

Ты не пришла в вечерний час.
 И день скончался бесполезно,
 И без тебя закат погас,
 И солнце закатилось в бездну.
 Ты не пришла в вечерний час...

Тебя, казалось, ждало море,
 И все не гасли склоны гор,
 Блуждая в сумрачном просторе.
 Напрасно их прощальный взор
 Искал тебя и ждал на море.

Ты не пришла в вечерний час...
 Печально солнце попрощалось,
 И грустно, грустно день погас.
 Кого-то сердце не дождалось...
 Кого-то нет в вечерний час.

Саранск, апрель 1968 г.

Из М. Рыльского

(«Трое в одной лодке, не считая собаки»)

Привязан челн, гореть пора костру.
Намокли сухари, и сахар вымок тоже.
И путники унять не могут дрожь,
Как лист осенний на сыром ветру.

Но не беда, друзья, немножечко терпенья,
Да острое словцо, да виски по глотку.
Скулит Монморанси — пойдем его тоску,
Но нам-то что? Ведь мы — разумные творенья.

Мы груза лишнего не взяли в путь-дорогу:
От голода — еда, от жажды — есть немного,
Коробка табаку, две-три любимых книги,
А наше все вокруг: деревья и вода,

И легкий плеск волны, и облаков стада,
И леса тихий шум, и резвых чаек крики.

Владимир, октябрь 1970 г.

Из Теодоракиса

Три жизни дано мне было.
Над ними клубились тучи,
Их бурями леденило
И било пургой колючей.

Один на один с драконом
Остался в пещерном мраке.
В руке моей меч каленый,
И сердце полно отваги.

В объятьях дракона стисну,
Сломаю дракону шею.
И выброшу вон из жизни —
Три жизни ведь я имею.

Я жизнями не играю —
Одна — испытанье в бедах,
Для страсти дана другая
И третья — для победы.

Владимир, 1971 г.

7. Луга

Когда наскучит ерунда
Обыденных забот —
Рюкзак на плечи и айда,
Ребята, — в турпоход.

Бежим из душных городов,
От пыльной суеты,
И под колеса поездов
Бросаются мосты.

Гитара тренькает не зря —
Дороги впереди.
Волнуют дальние моря
Тельняшку на груди.

Билет туда, билет сюда —
Горит зеленый свет.
Но есть другие поезда, —
Для них возврата нет.

Они несутся напролом,
Как будто с высоты,
И под последним колесом
Взрываются мосты.

Луга, 1980 г.

Песенка, которую напевают советские генералы, глядя на карту мира

В советских сейфах золота — навалом!
Интеллигентны наши атташе.
Мы в Токио купили генерала.
Французы! Голосуйте за Марше¹⁶⁷!

Нас любят в Будапеште, любят в Праге,
В Кабуле полюбили нас уже.
Мы всем покажем, где зимуют раки.
Французы! Голосуйте за Марше!

Любезней, чем нацистов при Петене,
Нас Марианна встретит в неглиже.
ГУЛАГ откроет филиал на Сене.
Французы! Голосуйте за Марше!

Луга, 1980 г.

¹⁶⁷ Жорж Марше — генеральный секретарь Французской коммунистической партии (ФКП) с 1972 по 1994 гг. В 1981 г. был кандидатом в президенты от компартии, занял 4-е место. (Прим. ред.)

Булату Окуджаве

А ваше дело свято —
Рассветы впереди,
Не вечно время холоду и мраку.
А вместо автомата —
Гитара на груди,
И все-таки вы с нею, как в атаку.

Проносит ветер тучи.
Храпят перед зарей,
Атаку чужь, боевые кони.
А струны — не колючка,
Но все-таки порой
От них кровоточат у вас ладони.

Не дедам и не внукам —
Самим держать ответ.
Кружит магнитофонная кассета...
Кружит слепая вьюга.
Но есть тепло и свет.
И все-таки вращается планета.

Луга, 1984 г.

Размышления о смысле жизни

Как-то по дороге бежала собака,
Весело при этом махая хвостом.
(Присказка все это, а сказка, однако,
Как и полагается, будет потом).

Так она бежала без цели и смысла.
Хвост ее, когда-то пушистый, облез,
Морда поседела и ухо обвисло,
К сексуальной жизни пропал интерес.

Если бы, однако, училась собака
Охранять границу, гонять соболей,
В цирке выступать для всеобщего блага,
Жизнь ее была бы куда веселей.

Если б, да кабы... Но, конечно, прекрасно,
Задирая ногу у всяких преград,
Знать, что это делаешь ты не напрасно,
Оставляя правнукам свой аромат.

Как-то по дороге бежала собака...

...

Луга, 28 декабря 1992 г.

5. ОТ ДИКТАТУРЫ БЮРОКРАТИИ К ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА

От авторов

Когда мы писали эту работу (1962–1963 гг.), нам нечем было руководствоваться, кроме трудов Маркса, Энгельса, Ленина, сборников стенограмм партсъездов, да старых советских газет, которые можно было получить с большим трудом.

Мы многого не знали. Нас привлекала этическая сторона марксизма, которую мы приняли «как руководство к действию». Гораздо позже мы поняли, что это утопия. Гораздо раньше нас это понял Эдуард Бернштейн. Но если нельзя реализовать идеал «здесь и сегодня», то можно стремиться и постепенно приближаться к нему.

Валерий Ронкин, 2007 г.

Прошло почти 50 лет с тех пор, как Ронкин В.Е. и я написали брошюру «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата», в которой определили тогдашний строй СССР как диктатуру нового класса — партийно-государственной бюрократии — и попытались наметить пути дальнейшего развития страны.

Следует сказать, что мы тогда были детьми своего времени, воспитывались на идеалах марксизма и, несмотря на всю критику в адрес реального советского строя, верили во многие его проповедуемые идеалы и считали возможным и желательным их осуществление. Кроме того, мы многого не знали о реальном положении дел в стране, отсюда наивные утверждения о превосходстве советских систем образования, здравоохранения и вообще всей системы социальной защиты по сравнению со странами Запада.

Поэтому же в брошюре ничего не говорится о национальном вопросе в СССР, о насильственном захвате Закавказья, Средней Азии в 1921 году, Прибалтики в 1939–1940 гг., крайне мало сказано об ужасах коллективизации и ничего о голодоморе 1931–1933 годов.

Мы ошибались, предполагая, что усиление вмешательства государства в экономику и контроль над банками приведет к приходу бюрократии к власти и в странах Запада. Практика показала что, благодаря наличию сложной системы общественных и профессиональных союзов, реальной многопартийной системы и менталитету населения этих стран, твердо ориентированного на демократические идеалы, был найден устойчивый компромисс, не позволяющий государственной бюрократии выйти из-под контроля общества и стать правящим классом.

Что касается центральной идеи марксизма о построении государства как системы союза трудовых коммун, в которых распределение продуктов труда и самого труда осуществляется по коммунистическому принципу, то она представляется нам теперь нереализуемой — как с точки зрения эффективности организации производства, так и с точки зрения согласия на равное распределение продуктов труда самих тружеников.

К этим взглядам мы с Ронкиным пришли уже в лагере и постепенно эволюционировали от правоверно-марксистских к социал-демократическим взглядам.

Социальные государства, реализованные в современной Скандинавии, являются, по нашему мнению, наиболее удачными формами развития общества (что, разумеется, не делает эти государства идеальными).

Нашу брошюру следует считать не призывом к борьбе за коммунизм (этот термин полностью дискредитирован в нашей стране на многие десятилетия), а просто памятником общественной мысли середины XX века, примером того, как общественно-активные люди нашей страны пытались, сквозь завесы лжи и фальсификации, понять и разобраться в советской действительности.

Хахаев С.Д., ноябрь 2011 г.

Ронкин В.Е., Хахаев С.Д.

От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата (Пути построения коммунизма в СССР)

Мы за такую республику, в которой бы снизу доверху не было бы ни полиции, ни постоянной армии (вместо нее, по нашему убеждению, должно быть всеобщее вооружение народа), ни чиновничества, пользующегося на деле несменяемостью и привилегированной, буржуазной, платой за труд.

Мы за полную выборность, за сменяемость в любое время всех чиновников и за пролетарскую плату им.

В.И. Ленин («Наши взгляды». Соч. Т. 26, с. 14)¹⁶⁸

Предисловие

Первое, что поражает человека, вступившего в сознательную жизнь в социалистическом обществе, — это громадное количество лжи и лицемерия, которым пронизана наша действительность. В самом деле: в печати и по радио неоднократно говорилось о неуклонном росте сельского хозяйства, а на деле цены на продукты сельского хозяйства повышаются; наша печать и советские и партийные руководители всюду, вплоть до трибуны партийного съезда и сессии Верховного Совета, заявляют о том, что у нас покончено с «культом личности» и восторжествовали ленинские принципы руководства, а Хрущев наследовал после Сталина не только всю полноту партийной и государственной власти, но и звание «истинного ленинца», «великого борца за мир» и позволил (а вернее, дал на это указания) создать о себе фильм. Где только можно заявляется, что основной заботой советского правительства является забота о благе трудящихся, а трудящиеся вынуждены отстаивать свои права, организуя забастовки (Череповец, Мурманск, Новочеркасск, завод «Электросила» в Ленинграде). Всему миру представляют Советское государство как образец демократии, а органы КГБ арестовывают

¹⁶⁸ Здесь и далее — цитаты из В.И. Ленина приводятся авторами по четвертому изданию Собрания сочинений. Выверено нами по Полному собранию сочинений (ПСС). (Прим. ред.)

участников экономических забастовок и студенческих диспутов (диспут «Отцы и дети» в Ленинградском университете), на которых молодежь пытается разобраться в причинах возникновения «культ личности» и существующем положении.

На последней сессии Верховного Совета Хрущев обвинил Сталина в переносе партийных разногласий на межгосударственные отношения с Югославией, в которой нет помещиков и капиталистов, а в отношении Албании, где также нет помещиков и капиталистов, фактически осуществляется экономическая блокада, от которой страдает народ, а не партийное руководство.

Столкновение со столь резкими противоречиями и отсутствие реальной возможности выразить свой протест против лжи и фальши вызывают у большинства людей стремление уйти от участия в политической и общественной жизни, не замечать теневых сторон нашего строя, считать все недостатки трудностями роста, которые пройдут сами собой. Но уйти от действительности не всегда возможно. С тех пор, как партийное руководство вынуждено было по ряду причин сделать достоянием гласности те грубейшие политические ошибки и страшный произвол, которые были допущены при жизни Сталина, все большее число людей задумывается над тем, что наше партийное руководство не является непогрешимым, что и сейчас не приняты меры для предотвращения в дальнейшем ошибок и преступлений партийно-правительственной верхушки, что причины, породившие «культ личности», остаются и в настоящее время. Думая над этим, люди задают себе вопрос: «Что такое Советская власть?»

Это стремление понять, наконец, окружающую действительность сделало возможным и необходимым появление этой книги. В ней мы пытаемся на основании фактов доказать, что как обещанное в XIX в. французскими просветителями «царство абсолютного разума» на деле оказалось «царством денежного мешка» (Энгельс), так и обещанное Коммунистической партией «светлое царство социализма» на поверку оказалось господством нового эксплуататорского класса партийно-государственной бюрократии.

Не подлежит сомнению, что многие люди, обманутые официальной пропагандой, сочтут эту книгу «происками империалистов». Действительно, очень многие наши недостатки широко критикуются буржуазной и правосоциалистической прессой. Причем некоторые авторы высказывают положения, совпадающие с отдельными положениями этой книги.

Однако уже Маркс и Энгельс в Коммунистическом манифесте писали о феодальном социализме, «подчас поражающем буржуазию в самое сердце своим горьким, остроумным, извительным приговором».

С другой стороны, правящие классы всех стран всегда пытались представить своих политических противников как иностранных агентов. Парижских коммунаров называли прусскими агентами, большевиков — германскими шпионами, а коммунистические партии в капиталистических странах до сих пор называют «агентами Москвы».

Чтобы заранее предупредить возможные сомнения, мы заявляем, что диктатура пролетариата является величайшим прогрессом в истории человечества, единственным путем, открывающим безграничные возможности для материального изобилия и всестороннего духовного роста всех трудящихся Земли. Октябрьская революция лишь начала выполнять эту задачу, но затем, в силу существовавших тогда в России и во всем мире неблагоприятных политических и экономических условий, диктатура пролетариата выродилась в диктатуру советско-партийной бюрократии. Однако в настоящее время, как мы попытаемся доказать, в СССР есть все объективные условия для того, чтобы свергнуть захватившую власть бюрократию и осуществить единственно правильную форму организации общества — коммуны, светлый идеал которой вдохновлял лучших сынов человечества.

Глава 1

В новой программе партии, принятой на XXII съезде, сказано, что в СССР существует уже даже не диктатура пролетариата, а «свободное общенародное государство». Это, однако, противоречит учению марксизма о государстве. Ленин в работе «Государство и революция» писал: «*Всякое государство есть “особая сила для подавления” угнетенного класса. Поэтому всякое государство несвободно и ненародно (курсив В.И. Ленина. — Авт.)*» (Ленин В.И. Соч. Т. 25, с. 370). Но, может быть, Ленин ошибался? Может быть, в условиях СССР государство перестало быть орудием правящего класса и стало чем-то другим? Чтобы разобраться в этом, рассмотрим классовый состав нашего общества. Конституция СССР заявляет, что «СССР есть социалистическое государство рабочих и крестьян». Однако, кроме рабочих и крестьян, в СССР имеется еще одна большая группа людей, в отличие от рабочих и крестьян не занимающаяся производительным трудом, но обладающая властью. Это профессиональные партийные, советские, профсоюзные и комсомольские

работники, формально избираемые на какой-то срок, но фактически пожизненно остающиеся в категории так называемых «руководящих кадров». Это офицеры армии, милиции, КГБ. Это председатели крупных колхозов, директора заводов, совхозов и весь административно-хозяйственный аппарат. Это редакторы газет и журналов, наконец, писатели и журналисты, являющиеся на деле чиновниками неофициального министерства пропаганды, т.к. они оплачиваются государством и увольняются от должности писателя (тем, что их лишают возможности печататься), если они плохо выполняют свою работу.

Все эти люди в настоящем времени представляют собой новый класс — класс бюрократии.

Действительно, что такое класс? Ленин определял это понятие следующим образом: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» (Ленин В.И. Соч. Т. 29, с. 322).

В самом деле, бюрократы как профессиональные руководители в силу существующего разделения труда противопоставлены остальной части общества, занятой производительным трудом. Что касается отношения к средствам производства, то, хотя формально они и являются общенародными, распоряжается ими все тот же класс бюрократии. Благодаря этому бюрократия может оценивать свой труд намного дороже, чем труд производителей и, присваивая их труд, ставить себя в материально привилегированное положение.

Бюрократия всячески старается затушевать свою классовую сущность. У нас много говорят о бюрократизме, но имеют в виду не политическую, а моральную сторону дела, — плохих чиновников.

Между тем Ленин называл бюрократами «...оторванных от масс... стоящих над массами, привилегированных лиц» (Ленин В.И. Соч. Т. 25, с. 457). Превращение должностных лиц, «слуг общества», в господ над ним становится, естественно, особенно опасным, когда в руках государства, а следовательно, его должностных лиц, оказывается вся экономическая, политическая и духовная жизнь общества. Когда-то Ленин выражал надежду, что революция позволит резко ослабить государственную машину,

т.к. «...народ подавить эксплуататоров может и при очень простой «машине», почти что без «машины» (Ленин В.И. Соч. Т. 25, с. 435). На деле же государственная машина социалистических государств намного мощнее любой буржуазной (за исключением фашистских государств), поэтому роль исполнительной власти особенно велика и вся она находится в руках бюрократов, людей, занимающихся только управленческой работой. В свое время марксисты неперенным условием социалистического общества считали выборность всех чиновников. У нас же проводится следующая система: в экономической жизни страны (а именно она имеет решающее значение) принцип выборности полностью упразднен. Исключение составляют колхозы, где общее собрание утверждает председателя по указке соответствующих партийных органов. В области политической положение более сложно, а именно: не избирается ни один чиновник в органах подавления (офицерский состав КГБ, милиции, армии) и в органах пропаганды (редакторы газет и журналов). Формально избираются председатели исполкомов всех ступеней и секретари партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, но во всех крупных организациях они избираются уже из класса бюрократов, т.е. из людей, занимающихся той же управленческой работой. Весьма распространено жонглирование: комсомольский аппарат — партийный — советский — профсоюзный — хозяйственный. Более мелкие бюрократы (начальники отделов, инструктора, инспектора) просто назначаются и, конечно, контролируются не снизу, а сверху. У масс полностью отсутствует право контроля, если не понимать под ним право подачи жалоб в вышестоящие инстанции, которое, как известно, существовало во всех государствах со времен Древнего Египта.

Такое положение приводит к тому, что только в наши центральные газеты «Правда» или «Известия» приходит в день около тысячи писем, большая часть которых содержит жалобы на произвол местных бюрократов. Если учесть, что такой же поток писем идет в местную печать, то становится ясно, что в нашей стране тысячи бюрократов ежедневно попирают советские законы и интересы советских граждан, будучи совершенно уверенными в том, что, если им удастся обойти начальство, они останутся безнаказанными. А тысячи других бюрократов смотрят на все это сквозь пальцы. Более яркого доказательства бесконтрольности трудно найти. А ведь в прессе сигналы появляются только тогда, когда более крупный бюрократ из редакции плюнет на бюрократа помельче во имя интересов бюрократии в целом. Органический порок системы заключается в том, что если на бюрократический пост попадает представитель из народа,

то на малом посту он ничего существенного сделать не сможет, будучи за-
давлен контролем сверху, а до большого поста он доберется, только если
станет образцовым бюрократом, т.е. изменит своему классу.

То, что быть бюрократом выгодно, в доказательствах не нуждается,
т.к. их привилегированное положение давно стало притчей во языцех.
Это привилегированное положение определяется не только высокими
окладами, но и массой других благ и преимуществ. Это распределение
премий, квартир, длительные отпуска, менее жесткая дисциплина тру-
да, возможность получения дефицитных товаров и продуктов, зачастую
за счет производства, пользование спецстоловыми, спецбольницами, го-
сударственным транспортом, персональной пенсией и т.д.

Но надо заметить, что бюрократия не однородна по своему составу.
Наряду с крупной бюрократией, действительно являющейся «хозяином
страны», существует мелкая бюрократия, практически не пользующая-
ся никакими привилегиями. Однако ее бюрократическую психологию
определяет стремление к росту, так же как психологию буржуа определя-
ет стремление разбогатеть.

Таким образом, носителем всей исполнительной власти в нашей
стране является особый класс бюрократов, противопоставленный осталь-
ной массе народа и находящийся в привилегированном положении.

Рассмотрим теперь, как обстоит дело с законодательной властью.
Во-первых, сама система выборов построена так, что превращает их в ко-
медию. Не говоря уже о том, что подавляющее число избирателей ничего
не знает о своем кандидате и может черпать информацию о нем только из
источников, оставляемых бюрократией, наличие в списке только одного
кандидата неизбежно приводит к избранию людей, заранее подобран-
ных свыше. Кто же эти люди? Рассмотрим, например, состав Верховно-
го Совета СССР, избранного на выборах 1962 г. Из 791 депутата Совета
Союза 425 принадлежат к классу бюрократов — это советские, партий-
ные, профсоюзные, комсомольские работники, директора заводов и сов-
хозов, генералитет, председатели крупных колхозов и т.д. Аналогичное
положение и в Совете Национальностей. Таким образом, класс, насчи-
тывающий, по официальным данным, 2 млн человек, посылает более
50% депутатов, а остальные классы общества, составляющие более 98%
избирателей, посылают менее 50%. Верховные Советы ранних созывов
имеют даже несколько худший состав.

Может быть, можно контролировать партийную бюрократию
на съездах партии? Нет. На XX съезде из 1355 делегатов 703 относятся
к классу бюрократии, на XXI съезде к классу бюрократии относятся

598 из 1269 делегатов, и только на XXII съезде процент представителей бюрократии упал за счет большого числа делегатов.

Однако всем известно, что ни Верховный Совет, ни партийный съезд (исключая первые послереволюционные годы) никогда не обсуждали серьезно ни один предложенный им документ. Те, кто сомневается в этом, пусть найдут хоть один пример того, чтобы какой-нибудь проект решения был сколько-нибудь существенно изменен после обсуждения его в этих органах, чтобы кто-либо из рядовых депутатов по собственной инициативе поднял действительно серьезный наболевший вопрос или позволил себе не согласиться с официальной позицией (хотя из истории известно, что иногда это было крайне необходимо). Присутствующие там рядовые депутаты и делегаты не представляют интересы тех классов, к которым они принадлежат, т.к., во-первых, они и до их избрания были в материально привилегированном положении по отношению к своему классу («рабочая аристократия»), во-вторых, их подбирают из людей, наиболее оболваненных пропагандистской машиной бюрократии, и в-третьих, их подкупают как материально с помощью денег на «депутатские расходы» и ряда других мелких материальных привилегий, так и морально самим фактом этих привилегий. Будучи неискушенными в вопросах политики, некомпетентными в сложных вопросах государственного управления, лишённые полной и объективной информации о вопросах, которые они должны решать, эти «представители народа» вынуждены идти на поводу у правящей бюрократии. Если бы дело обстояло иначе, представители колхозников ставили бы, например, вопрос о развале в сельском хозяйстве, не дожидаясь выступления Хрущева по этому вопросу. Но, даже имея столь послушные законодательные органы, бюрократия предпочитает все острые вопросы, вроде разгрома антипартийных группировок, отмены выплаты по займам или повышения цен, решать в органах, имеющих чисто бюрократический состав.

Может быть, бюрократию можно контролировать с помощью прессы? Но ведь известно, что вопросы об опубликовании материалов решаются теми же бюрократами из редакций, по согласованию с бюрократами соответствующих партийных органов. Кроме того, каждая бумажка, отпечатанная в типографии, проходит предварительную цензуру в определенных органах. О каком же тогда контроле может идти речь?

Из всего изложенного неслучайно вытекает следующий основной факт — вся власть в стране находится в руках материально привилегированного и стоящего над массами класса бюрократов, которые друг друга назначают, выбирают и контролируют. В руках этого класса

находится государство и все средства насилия и подавления, которые он, не задумываясь, применяет для сохранения своего привилегированного положения.

Глава 2

Советская бюрократия всячески отрицает свою классовую сущность, ссылаясь на то, что ее существование необходимо и ее деятельность полезна. Но ведь еще Энгельс, говоря о феодалах и капиталистах, указывал, что «в основе политического господства повсюду лежало отправление какой-либо общественной должностной функции» (Ф. Энгельс, «Анти-Дюринг»). Это положение Энгельса можно полностью распространить и на бюрократию. Бюрократия называет строй, при котором она господствует, социализмом. Слово «социализм» уже давно стало модным словом. Существует масса видов и разновидностей социализма, и его берутся строить на свой лад почти все деятели африканских и азиатских государств и многие правые социалисты на Западе. В результате этого из понятия «социализм» давно выхолощено его научное содержание. Под социализмом сейчас понимают превращение основных средств производства в государственную собственность и известное улучшение положения народа. Между тем классики марксизма указывали, что основными признаками социализма являются общественная собственность на средства производства и диктатура пролетариата. Уже в 80-х годах XIX века буржуазные экономисты делали попытки ревизовать эти положения, заявляя, что национализация сама по себе является путем к социализму.

Резко выступая против подобных иллюзий, Энгельс писал: «Чем больше производительных сил оно (*государство*. — *В.Р.*) возьмет в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями» (Ф. Энгельс, «Анти-Дюринг»). Широко известны аналогичные высказывания Ленина о государственно-монополистическом капитализме.

Однако возникает вопрос: к кому же перейдет власть, если класс буржуазии будет ликвидирован всеобщей национализацией? На этот вопрос дал ответ один из виднейших марксистов, основатель коммунистической партии Италии — Грамши. Он писал, что в этом случае «государство становится, таким образом, единственным владельцем аппарата труда, берет на себя все традиционные функции предпринимателя, превращается

в безликую машину, покупающую и распределяющую сырье, устанавливающую обязательные производственные планы, покупающую продукцию и распределяющую ее. Буржуазное государство превращается в государство несменяемых и некомпетентных бюрократов, политиканов, авантюристов и прохвостов» (Грамши А. Избранные произведения в 3 т. Т. 1. М., 1957, с. 117).

Таким образом, чиновники, осуществляющие государственную власть, которые так долго были просто слугами господствующих классов (зачастую входя в их состав), превращаются в новый господствующий класс — бюрократию.

Сейчас это положение признается и идеологами буржуазии, и правыми социалистами в виде широко распространенной теории об «обществе управляющих». Один из основателей этой теории американский профессор Джеймс Бернхэм в своей нашумевшей книге «Революция управляющих», вышедшей в 1941 г., писал: «Экономическая основа, на которой будет установлено господство управляющих, базируется на государственную собственность на средства производства. Управляющие будут осуществлять свой контроль над средствами производства и получать преимущества при распределении не непосредственно в силу частной собственности, а благодаря их контролю за государством. Государство и его институты будут, если можно так выразиться, собственностью управляющих. Этого будет вполне достаточно, чтобы эти последние очутились в положении правящего класса» (*). В предисловии к этой книге французский правый социалист Леон Блюм, также имея в виду приход к власти бюрократии, писал: «Революция будет совершившейся вещью, но она будет революцией управляющих, а не социалистической революцией. В этом смысле грядущая революция ничего не сделает для огромной массы пролетариев, которые лишь сменят старых хозяев и эксплуататоров на новых» (*). Этот новый правящий класс, естественно, будет и эксплуататорским классом. «Неоплаченные часы труда рабочего не идут больше на увеличение богатства капиталистов; они идут на удовлетворение appetitов бесчисленной массы агентов, чиновников, бездельников... Вооруженная сила держит рабочий класс в политическом и экономическом рабстве...» (Грамши А. Избранные произведения в 3 т. Т. 1. М., 1957, с. 117).

Основное отличие бюрократизма от предшествующих ему форм эксплуатации заключается в том, что бюрократы — коллективные собственники средств производства, а каждый отдельный бюрократ не является им. Такие случаи имели место и раньше, например, Древняя Спарта

и весь Древний Восток. При капитализме аналогичное явление (правда, в меньшей степени) представляют акционерные компании. Принципиально новым при бюрократизме является отсутствие передачи этого привилегированного положения по наследству, т.к. бюрократические посты непосредственно не наследуются (этим он отличается от древнего «бюрократизма», где такая наследственность имела место). Здесь уместно провести некоторую аналогию с католической церковью, прелаты которой находились в сходном положении: земли, дававшие основной доход, были собственностью церкви, а не духовенства, а его безбрачие исключало возможность передачи своего поста по наследству. В наших условиях (а именно Советский Союз, как было показано, является типичным бюрократическим государством) не наблюдается попыток бюрократии осуществлять наследственность в виде передачи данной должности (что, очевидно, теперь и невозможно), но зато четко выражена тенденция сохранять своих детей в классе бюрократов, стараясь облегчить их карьеру. Указанные особенности бюрократизма ни в коей мере не снимают вопроса об эксплуатации, которая, как известно, заключается в присвоении чужого труда, а это бюрократия проделывает под видом оплаты по труду, объявляя свой труд наиболее сложным и потому заслуживающим наибольшей оплаты. Точно так же и капиталисты заявляли, что получаемая ими прибыль не что иное, как оплата за организацию производства. Разница с экономической точки зрения заключается в следующем: капиталист получает весь прибавочный продукт в виде прибыли, и, хотя он тратит на личное потребление гораздо меньше того, что имеет на расширение и модернизацию производства, весь его доход представляется как паразитическое потребление правящего класса. При бюрократизме часть прибавочной стоимости, идущая на расширение производства, четко отделена от доходов бюрократии. Поэтому и кажется, что бюрократия получает гораздо меньше, чем капиталисты, но в обоих случаях прибавочная стоимость изымается и расходуется без согласия производителей. Как мы покажем далее, расходы на содержание бюрократов — лишь малая часть тех средств, которые бюрократия изымает у трудящихся и непроизводительно растрчивает.

Этот новый способ организации производства, полностью победив в странах «социалистического лагеря», пробивает себе дорогу и в остальном мире. Одной из таких форм победы бюрократии был фашизм. Фашизм — это отнюдь не «террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических... элементов финансового капитала» (Димитров Г. Наступление фашизма и задачи Коминтерна в борьбе

за единство рабочего класса против фашизма. М., 1935), как это утверждается обычно. Это довольно сложная форма союза между бюрократией и фактически свергнутой ею буржуазией, причем господство этих элементов осуществляется террористическими методами. Призвав к власти фашистов в страхе перед диктатурой пролетариата, буржуазия этих стран скоро потеряла контроль над деятельностью нацистского государственного и партийного аппарата. Установив в стране однопартийную систему и террор нацистской партийно-государственной верхушки, фашисты перестали нуждаться в поддержке буржуазии, которая могла бы оказывать (*сопротивление*. — *Ред.*) лишь весьма рискованными нелегальными методами борьбы. Сохранив и гарантировав буржуазии наследственные доходы от собственности и даже формально право собственности, фашизм фактически превратил капиталистов в послушных управляющих, власть и даже жизнь которых зависела от того, в какой степени они угождали фашистской бюрократии. Правда, личный состав этой бюрократии зачастую включал в себя этих капиталистов, но всякая попытка даже крупных капиталистов противопоставлять себя нацистскому государству сурово каралась, о чем свидетельствует случай с Тиссенем. Положение в фашистских государствах до некоторой степени напоминает положение в Англии после революции 1688 г.: формально — феодальная монархия, а фактически — буржуазная республика с сильными уступками старому дворянству. Не случайно Бернхэм и другие теоретики «общества управляющих» ставили знак равенства между СССР и фашистскими странами именно из теоретического анализа вопроса власти. Однако фашизм был сметен.

В настоящее время в несоциалистическом мире бюрократия постепенно идет к власти другими путями.

Первая группа стран — это развитые капиталистические государства. Здесь приход к власти бюрократии совершается эволюционным путем, прежде всего за счет национализации и создания новых государственных предприятий, банков и т.д. Этот рост государственного сектора экономики виден из *табл. 1* (таблица и все последующие статистические данные взяты из книги «Государственная собственность в странах Западной Европы»).

Из таблицы видно, что в этих капиталистических странах удельный вес государственного сектора в экономике непрерывно возрастает, причем увеличивается не только доля государства в национальном доходе, но в еще большей мере увеличивается доля государства в капиталовложениях. Надо еще отметить, что государство в первую очередь захватывает

Таблица 1

Страна	Годы	Доля государства в нац. доходе, в %	Доля государства в капиталовложениях, в %
Англия	1938	20,5	7
	1957	42,8	45
Франция	1938	14	–
	1957	45	–
ФРГ	1932	11,2	–
	1958	18	25
Италия	1958	–	19,4
Австрия	1958	28	–
Швеция	1938	15	27,9
	1968	26	42

такие ключевые отрасли экономики, как энергетика, транспорт, металлургия. Вот как обстоит дело с долей продукции национализированных предприятий в этих областях:

Таблица 2

Страна	Жел.-дор. транспорт	Производство электроэнергии	Добыча	
			Уголь	Газ
Англия	100%	100%	100%	100%
Франция	100%	80%	97%	95%
ФРГ	99%	96%	12,1%	91%
Австрия	86,6%	80%	98%	91%

Следует учесть еще смешанные предприятия, в которых государству принадлежит более 50% акционерного капитала и которые фактически управляются государством. Процесс национализации идет и в настоящее время: так, например, в 1962 г. крупная национализация электро-

энергетики была проведена в Италии. О том, что национализация будет продолжаться и впредь, говорит повышение производительности труда на национализированных предприятиях. Так, если в Австрии в целом по промышленности выработка на одного рабочего выросла с 1950 г. по 1957 г. на 53%, то в национализированных отраслях она выросла на 70%. Но национализация является не единственным средством вмешательства государства в экономику. Система государственных заказов, налоговая система, ограничения и запрещения, вводимые государством, ставят монополии под экономический контроль государства. Например, в США процент налога с оборота корпораций систематически возрастает: в 1925 г. он был равен 13,5%, в 1939 г. — 25%, в 1950 г. — 43,6%, в 1957 г. — 50% ([неразб.] «Народный капитализм»).

Государство путем предоставления кредитов, транспорта и т.д. вмешивается и в сельское хозяйство страны, устанавливая квоту посевных площадей под те или иные культуры, цены, поддерживаемые правительством (США), учреждая государственные селекционные станции (Италия), вмешиваясь в дела кооперативов (Израиль, скандинавские страны). Это приводит к усилению государственного сектора, и соответственно растет число государственных чиновников, управляющих этим сектором. Эти-то управляющие и являются основными сторонниками дальнейшей национализации, в свою очередь усиливающей могущество чиновников. Монополистическая буржуазия пытается ограничить рост госсектора, чувствуя в нем угрозу своему господству. Даже наши официальные экономисты, несмотря на все свои заявления о том, что национализация на Западе служит, прежде всего, интересам капиталистов, вынуждены признать: «что касается того направления в развитии госкапитализма, которое приводит к расширению рамок государственной собственности, — позиция монополистического капитала всех стран в общем одинаково отрицательна» (*) (Введение к книге «Государственная собственность в странах Западной Европы»). О борьбе монополий против государственного сектора и национализации можно прочесть в любой советской книге о госкапитализме. Факты показывают, что в большинстве случаев эта борьба остается тщетной. В настоящее время в большинстве развитых капиталистических государств сложилось такое положение, когда государственная бюрократия уже имеет экономическую власть, но, как это ни парадоксально, не имеет власти политической, которая все еще находится в руках у буржуазии. Аналогичное положение было накануне буржуазных революций, когда буржуазия, занимая ключевые позиции в экономике страны, политически находилась

под феодально-абсолютистским сапогом. Как известно, буржуазия вскоре завоевала и политическую власть.

Вторая группа стран — это молодые государства, которые получили независимость в последнее время при фактическом отсутствии в стране национальной буржуазии. Эти страны стихийно становятся на путь бюрократического развития, т.к. именно он может обеспечить необходимые темпы роста экономики и создать аппарат организации производства в кратчайшие сроки. В тех из этих стран, где национальная буржуазия занимала достаточно сильные позиции (Индия, Индонезия, Сирия и др.), параллельно с государственным существует и усиливается частнокапиталистический сектор. Опираясь на него, буржуазия господствует в стране политически и оказывает давление на бюрократию, стремясь усилить свои экономические позиции за счет государства. Однако, учитывая общую международную обстановку, такой результат маловероятен. В других молодых государствах, например, в ОАР, линия на проведение диктатуры бюрократии проводится настолько решительно, что ранее существовавший частнокапиталистический сектор ликвидируется полностью. Это хотя и революция, но, так сказать, революция «справа», т.к. она осуществляется не вооруженным народом, а бюрократической государственной верхушкой, которой, в силу особенностей внутренней и международной обстановки, удалось захватить в стране безраздельное политическое господство. В Мали, Гвинее и ряде других африканских стран бюрократия приходит к власти просто потому, что не имеет конкурентов. Она вырастает из прогрессивно настроенной интеллигенции, возглавлявшей национально-освободительное движение в этих странах. Их бесконтрольность, обусловленная политической отсталостью народов этих стран, и материально привилегированное положение приводят к тому, что она организуется в новый правящий класс.

Советская официальная пропаганда называет эти государства то идущими к социализму странами национальной демократии, то буржуазно-националистическими государствами, в зависимости от внешней политики руководителей этих государств. Но, как известно, буржуазии в этих государствах нет (либо ее не было, либо она экспроприирована), а говорить о диктатуре пролетариата здесь, разумеется, не приходится. Таким образом, надо либо, порвав с марксизмом, объявить о внеклассовом характере государства в этих странах, либо принять тезис о бюрократической сущности этих государств. Мы видели, что бюрократизм растет почти во всех странах в разных формах и с разной скоростью, заменяя предшествующие ему общественно-экономические формации. Очевидно, что это можно

объяснить только тем, что он является более прогрессивным общественным строем. В чем же его прогрессивность? Этот вопрос имеет значение, кроме всего прочего, еще и потому, что имеются люди, которые, справедливо возмущаясь результатами хозяйничанья советско-партийной бюрократии, приходят к неверному выводу, что бюрократизм если и не хуже капитализма, то уж и ничем не лучше его. Этот вывод усиленно протаскивается западной пропагандой. Поэтому, хотя в последующих главах мы подробно разберем все противоречия советской бюрократической системы и покажем, что эти антагонистические противоречия делают необходимым и неизбежным ее насильственную ликвидацию, здесь мы укажем на ее прогрессивность по сравнению с капиталистической системой. Бюрократическая система отвечает требованиям развития производительных сил, делающего необходимым их организацию во все большем масштабе (сначала в масштабах нации, а затем и в мировом). Развитие капитализма показало, что свободная конкуренция отдельных частных предпринимателей неизбежно рождает монополию в данной отрасли производства или группе смежных отраслей. Бюрократизм же позволяет сделать следующий шаг, уже недоступный капитализму — единую государственную монополию на средства производства. Здесь количественный рост концентрации средств производства на определенном этапе приводит к качественному скачку в производственных отношениях в стране, к смене общественной формации. Эта концентрация всей экономики в единых руках позволяет обеспечить очень высокие темпы развития производства, не заботясь о прибыли, развивать наиболее важные для страны (хотя и менее прибыльные) отрасли тяжелой промышленности, решать задачи, требующие крупных и долгосрочных капиталовложений. Капиталистические страны на данном этапе могут проделывать это, только привлекая государство к участию в экономике, т.е. постепенно сползая к бюрократическому способу организации производства. Поэтому, хотя капиталистический способ производства, возможно, и обеспечивает лучшую организацию труда на отдельном предприятии (это зачастую достигается угрозой безработицы), но в целом в борьбе с бюрократической системой капитализм обречен на поражение. Таких преимуществ бюрократизма, как планируемая экономика, отсутствие кризисов и безработицы, буржуазия тщетно пытается добиться в рамках капиталистической системы. Поэтому, несмотря на то, что темпы роста СССР перестали быть недостижимыми для капиталистических стран, несмотря на нынешнее превосходство американской экономики, несмотря на тяжелый сельскохозяйственный кризис во всем социалистическом лагере, экономическая

победа бюрократии несомненна. Страх перед победой бюрократических государств является одним из факторов, толкающих капиталистические страны к бюрократизму.

Помимо этого основного преимущества бюрократизм прогрессивен и в социально-политическом отношении. Правда, как свидетельствует история, победа бюрократии приводит к резкому сужению, а иногда и полной ликвидации всякой демократии в стране; в период строительства основ экономики ухудшается и экономическое положение масс. Однако впоследствии создание сильной экономики дает возможность значительно поднять благосостояние народа. Бюрократизм обеспечивает ликвидацию явно паразитических доходов (земельная рента, стрижка купонов, биржевая игра). Резко сокращаются личные расходы господствующего класса. Бюрократия берет в руки государства организацию и расходы по образованию, медицинскому обслуживанию, пенсионному обеспечению, страхованию и т.д.

Все это становится гарантированным, и человек, хотя бы в этом отношении, не чувствует себя брошенным на произвол случая. Бюрократическое государство также берет на себя защиту граждан от неприкрытого произвола отдельных бюрократов. Для бюрократизма характерен рост культуры населения страны, частично связанный с развитием техники. Мероприятиям по здравоохранению при бюрократизме также уделяется много внимания, и в рамках государства они становятся более эффективными. Благодаря тому, что основные привилегии бюрократа связаны с его пребыванием на определенном посту и потому не могут быть переданы по наследству, класс бюрократии менее замкнут, т.к., с одной стороны, каждый может попасть в правящий класс, заняв бюрократический пост, с другой стороны, дети бюрократов в свою очередь должны добиваться права принадлежать к господствующему классу. Этим несколько смягчается оторванность правящего класса от масс. Поскольку благополучие бюрократии непосредственно зависит от благополучия государства, бюрократия, смешивая из пропагандистских целей понятия государства и общества, выдвигает лозунги служения общественному благу, подчинения личных интересов общественным. Это способствует воспитанию в населении лучших общественных и гражданских чувств, но это воспитание зачастую обесценивается беззастенчивой практикой бюрократии. Власть денег в бюрократическом обществе также резко ослабевает, так как у денег отнимается их важнейшая при капитализме функция — служить средством эксплуатации. Все вышеуказанное приводит к более высокому чувству личного достоинства у трудящихся.

Важным преимуществом бюрократизма является отсутствие стремления поработить в той или иной форме другие народы. Имевшие место присоединения бюрократическими государствами соседних стран (Прибалтики к СССР, Сирии к Египту), добровольные или насильственные, не вели к порабощению и закабалению присоединенных народов. Отсталые народы, входящие в состав многонациональных бюрократических государств, не подавляются, а либо ассимилируются, либо стремительно развиваются. Подробные доказательства и иллюстрации к этим пунктам можно найти в любом официальном источнике.

Глава 3

Выше мы рассмотрели некоторые пути возникновения и роста бюрократизма в современных государствах. Однако есть группа стран, где капиталистический строй был разгромлен революционным движением широких народных масс. Именно этот путь был осуществлен в СССР, Китае, на Кубе и, с некоторыми оговорками, в Югославии и Албании (в остальных странах народной демократии бюрократизм победил благодаря вмешательству извне). Причем если в Китае и на Кубе революция носила преимущественно крестьянский характер, а роль пролетариата (особенно на Кубе) была незначительна, то в СССР Октябрьская революция в целом была пролетарской революцией. Как же могло случиться, что и здесь мы имеем диктатуру бюрократии? Является ли существующее положение случайностью, последствием ошибок и злой воли Сталина или приход к власти бюрократии в СССР был также закономерен? Для выяснения этого рассмотрим историю и конкретные особенности Октябрьской революции.

К моменту революции классовый состав населения России выражался следующими цифрами (перепись 1913 г.):

Рабочих 17%

Крестьян и кустарей 66,7%

Буржуазия и кулаки 16,3%

Споры о возможности построения социализма в стране с малочисленным пролетариатом велись в русской революционной среде с начала появления марксизма. Полемизируя с Лавровым, который считал, что достаточно революционной партии взять власть и построение социализма в России будет обеспечено, Плеханов еще в 1877 г. писал: «...Если ко времени революционного взрыва упомянутое разочарование (*в самодержавии царей.* — В.Р.) не будет достаточно сильно, то не будет

и народоправления, и совершившаяся революция может привести к политическому уродству, вроде древней китайской или перувианской империи, т.е. к обновленному царскому деспотизму на коммунистической подкладке... Земля, рудники, заводы и фабрики будут признаны собственностью государства. Но перемена собственника не означает еще перемены в организации производства» (Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1956, с. 323). Через 46 лет об этом же основном условии построения социализма говорил Грамши: «Рабочее правительство не может существовать, если рабочий класс весь целиком не в состоянии сделаться исполнительной властью рабочего государства. За выполнением законов рабочего государства должны следить сами рабочие. Только в этом случае рабочему государству не грозит опасность попасть в руки авантюристов и политиканов, не грозит опасность уподобиться буржуазному государству» (Грамши А. Избранные произведения в 3 т. Т. 1. М., 1957).

На этих же позициях стоял тогда и Сталин: «Социалистический идеал не является идеалом всех классов. Это идеал пролетариата, и в осуществлении его непосредственно заинтересованы не все классы, а только пролетариат. А это значит, что пока пролетариат составляет небольшую часть общества, до тех пор установление социалистического строя невозможно» (Сталин И.В. Соч. Т. 1. М., 1946, с. 342). Признавая это, Ленин в 1905 г. в книге «Две тактики...» указывал, что в предстоящей революции можно говорить не о диктатуре пролетариата, а о «революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства», надеясь, что победа революции в России «даст нам возможность поднять Европу, а европейский социалистический пролетариат, сбросив с себя иго буржуазии, в свою очередь поможет нам совершить социалистический переворот» (Ленин В.И. Соч. Т. 9, с. 65). К 1917 г. положение в этом смысле не изменилось, поэтому в резолюции апрельской конференции РСДРП «О текущем моменте» сказано следующее: «Пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелкокрестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования» (КПСС в резолюциях... Т. 1, с. 351) (*Здесь и далее — так у авторов. — Ред.*). А Ленин в это время писал: «...Если мелкие хозяйчики составляют большинство населения и если объективных условий для социализма нет, то как может большинство населения высказаться за социализм?! кто может говорить и кто говорит о введении социализма против воли большинства?!»

<...>¹⁶⁹

Таблица 3

Съезд	Дата	Состав в %		
		Большевики	Эсеры	Прочие
I	июль 1917	13	23	64
II	октябрь 1917	51	31	18
III	январь 1918	61	37	4 (>100?)
IV	март 1918	61	30	6 (<100?)
V	июль 1918	61	32	2 (<100?)

Мы видим, что в верховном органе страны твердую треть имели представители крестьянства — эсеры. В то время эсеры не только входили в Совнарком и ВЦИК, но и занимали командные посты в Красной армии (например, Муравьев) и в ВЧК. Относительно ВЧК Свердлов буквально за несколько часов до левоэсеровского мятежа говорил, что «в этой комиссии принимают равное участие во всех работах... и левые эсеры, и большевики» (Свердлов Я.М. Избранные произведения. Т. 2. М., 1959, с. 243). Эсеры входили также и в Верховный революционный трибунал республики. Преобладание большевиков в Советах объясняется тем, что, во-первых, выборы в основном проводились в городах, а во-вторых, что большевики, выгодно отличаясь от эсеров по вопросу о мире, по аграрному вопросу голосовали за эсеровский «наказ». Однако этот союз с эсерами не мог продолжаться долго. Дальнейшее резкое обострение классовой борьбы в стране сделало неизбежным применение самых решительных пролетарских мер по борьбе с голодом, которые означали разрыв с крестьянством в целом и союз лишь с беднейшей его частью. Таким вопросом стал вопрос о продразверстке. Позднее Ленин указывал: «Крестьянин должен несколько поголодать, чтобы тем самым избавить от полного голода фабрики и города. В общегосударственном масштабе, — это вещь вполне понятная, но чтобы ее понял распыленный, обнищавший крестьянин-хозяин, — на это мы не рассчитываем. И мы знаем, что без принуждения здесь не обойдешься, — без принуждения, на которое разоренное крестьянство реагирует очень сильно» (Ленин В.И. Соч. Т. 32, с. 164).

¹⁶⁹ Здесь в рукописи отсутствует одна страница — стр. 22. (Прим. ред.)

В стране начались крестьянско-эсеровские мятежи, подавляемые вооруженной силой. Эсеры были удалены из органов советской власти. Именно тогда, вместо старых тезисов о диктатуре пролетариата и крестьянства и невозможности немедленных социалистических преобразований, Ленин заявил: «...Или полная власть рабочего класса, или полная власть буржуазии, — середины нет...» (Июль 1918 г.; Ленин В.И. Соч. Т. 27). Логикой событий крестьянство из соправителя пролетариата превратилось, в лучшем случае, в его союзника, когда дело касалось борьбы с Деникиным и Колчаком, и его противника, когда дело касалось мероприятий военного коммунизма. В стране был взят курс на осуществление диктатуры пролетариата, результаты которого, как следует из приведенных ранее высказываний Плеханова, Ленина и других, были более чем сомнительны. Можно было, однако, надеяться на мировую революцию и помощь зарубежного пролетариата: «Ход развития революции в Германии и Австро-Венгрии, рост революционного движения пролетариата во всех передовых странах, распространение советской формы этого движения, т.е. такой, которая направлена прямо к осуществлению диктатуры пролетариата, все это показало, что началась эра всемирной пролетарской, коммунистической революции» (КПСС в резолюциях... Т. 1, с. 409). Позже, когда надежды на мировую революцию не оправдались, несоответствие между поставленной задачей и возможностью ее осуществления встало с грозной реальностью. Однако с самого начала провозглашения курса военного коммунизма начинается раздвоение политики. С одной стороны, курс на коммунизм требует демократии, уравнительности, выборности чиновников, пролетарской оплаты им и тому подобное, с другой стороны, слабость и малочисленность рабочего класса, «узость тонкого слоя рабочих, способных управлять» (Ленин), стремительное развитие событий, острота борьбы приводят к необходимости все шире использовать бюрократические методы, сосредоточивая в руках новых чиновников все больше прав и материальных привилегий. Ход дальнейших событий наглядно иллюстрирует следующее замечание Энгельса: «Самым худшим из всего, что может предстать вождю крайней партии, является вынужденная необходимость овладеть властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. Возможное для такого вождя зависит не от его воли, а от уровня достигнутого противоположностью интересов различных классов, уровня, в свою очередь, зависящего от степени развития материальных условий существования, отношений производства и обмена. С другой стороны, то, что такой вождь должен

делать то, что требует его собственная партия, также зависит не от него, но в то же время и не от степени развития классовой борьбы и не от ее условий; он остается связанным своими прежними доктринами и требованиями, которые также вытекают не из взаимного положения общественных классов в *данный момент*, не от *временных*, более или менее случайных отношений производства и обмена, — но обуславливаются способностью этого вождя к пониманию общих результатов социального и политического движения. Таким образом, перед ним неизбежно вырастает неразрешимая дилемма: то, что он *может* сделать — противоречит всем его предыдущим поступкам, его принципам и непосредственным интересам его партии; что он должен был бы делать — оказывается неисполнимым. Словом, он будет вынужден отстаивать не свою собственную партию, не свой собственный класс, а тот класс, для господства которого уже созрело движение. Он должен будет в интересах именно этого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделяться от своего собственного класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными интересами. Кто раз попал в это ложное положение, тот пропал безвозвратно» (Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. М., 1953, с. 96).

Ленин пытался найти выход из такого положения. НЭП был тем смелым шагом, который мог позволить вернуться на уровень демократической революции, подтянуть тылы, наладить промышленность, воссоздать распыленный войной рабочий класс и, увеличив «тонкий слой рабочих, способных управлять», создать предпосылки для действительной диктатуры пролетариата. Однако этого сделать не удалось. Во-первых, международная обстановка не позволяла ждать, а во-вторых, и это главное, в стране уже выросла новая государственно-партийная бюрократия, крепко державшая власть. Уже в период военного коммунизма диктатуре пролетариата приходилось постепенно отступать перед ее натиском. Первым серьезным отступлением от принципов диктатуры пролетариата явилось решение об отмене выборности комсостава в армии, закрепленное на VIII съезде партии. И партия знала, что это отступление, потому что в той же резолюции съезда было сказано: «...Чем менее зрелы части армии... чем меньше проверен молодой командный состав на опыте, тем меньше целесообразного применения может найти начало выборности командиров, и, наоборот, рост внутренней спайки частей, выработка у солдат критического отношения к самим себе и к своим начальникам, создание значительных кадров низших и высших боевых начальников, показавших свои качества в условиях новой войны,

создают благоприятные условия, в которых начало выборности лиц командного состава может получить все более и более широкое применение» (КПСС в резолюциях... Т. 1, с. 436). Вторым крупным политическим отступлением была замена «выборных и сменяемых чиновников, выполняющих свой труд за оплату рабочего», назначаемыми, несменяемыми и материально привилегированными. Если в мае 1917 г. Ленин писал: «Мы за полную выборность, за сменяемость в любое время всех чиновников, и за пролетарскую плату им» (Ленин В.И. Соч. Т. 24, с. 145), то уже в 1918 г. в работе «Очередные задачи Советской власти» на вопрос: «Совместимо ли вообще назначение отдельных лиц, облакаемых неограниченными полномочиями диктаторов, с коренными началами Советской власти?», он отвечал: да, совместно, ибо форма принуждения определяется лишь общими условиями страны, диктатуру через отдельных лиц осуществляют не только массы трудящихся, но и организации этих масс. (См.: Ленин В.И. Соч. Т. 27, с. 237).

Основные дебаты на тему, кто и как будет управлять государством — пролетариат ли в целом, через профсоюзы на основе выборности и коллегиальности, или партия на основе назначенчества и единоначалия — развернулись на IX и X съездах РКП(б). Уже в 1920 году на IX партсъезде представитель демократического централизма Сапронов заявляет: «Сколько бы ни говорили об избирательном праве, о диктатуре пролетариата, на самом деле это приводит к диктатуре партийного чиновничества».

И далее в выступлении делегата Скрынника говорилось: «Голос рабочих организаций, имеющих отношение к производству, имеется (не знаю ни одного профессионального союза, который бы принял другое решение), что коллегиальность в настоящее время — единственно целесообразная форма управления» (*). И хотя никто на съезде не оспаривал заявление Скрынника о мнении профсоюзов, на съезде восторжествовала позиция Ленина, сформулированная им в одной из статей во время дискуссии о профсоюзах: «Диктатуру пролетариата через его поголовную организацию осуществить нельзя... Диктатуру может осуществлять только тот авангард, который вобрал в себя всю революционную энергию класса» (Ленин В.И. Соч. Т. 32, с. 3).

XI и XII съезды подтвердили это решение. В резолюции XII съезда сказано следующее: «Партия ни в коем случае не может теперь ограничиваться только общей пропагандой и агитацией. Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т.е. Коммунистической партии» (КПСС в резолюциях...

Т. 1, с. 689). Впоследствии в «Вопросах ленинизма» Сталин заявлял, что эта фраза в резолюции — случайная оговорка. Однако, как видно из приведенного высказывания Ленина и ряда других высказываний делегатов съезда, это была генеральная линия партии, обусловленная слабостью русского пролетариата. На практике же «диктатура партии» неизбежно должна была привести и привела к диктатуре партийно-государственной бюрократии.

В соответствии с признанием необходимости диктатуры партии IX съезд пересмотрел задачи профсоюзов, провозглашенные в программе партии, принятой на VIII съезде. В пункт, гласивший: «...Профессиональные союзы должны прийти к фактическому сосредоточению в своих руках всего управления всем народным хозяйством, как единым хозяйственным целым» (КПСС в резолюциях... Т. 1, с. 422), было внесено следующее знаменательное дополнение: «Эти задачи профессиональные союзы должны выполнять не в качестве самодовлеющей, организационно-изолированной силы, а в качестве одного из основных аппаратов советского государства... Профсоюзы должны постепенно превращаться во вспомогательные органы, а не наоборот» (КПСС в резолюциях... Т. 1, с. 491). X съезд полностью подтвердил эти установки, на XI съезде уже прямо говорилось: «Всякое непосредственное вмешательство профсоюзов в управление предприятиями при этих условиях, должно быть безусловно вредным и недопустимым» (Протокол XI съезда). Необходимость этих мероприятий обуславливалась, как уже было указано, слабостью пролетариата. Это признавали как руководители партии, так и наши друзья за рубежом. Ленин писал: «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством?... Кто управлял из рабочих? Несколько тысяч на всю Россию, и только. Если мы скажем, что не партия проводит кандидатуры и управляет, а профессиональные союзы сами, то это будет звучать очень демократично, на этом, может быть, можно поймать голоса, но не долго. Это губит диктатуру пролетариата» (Ленин В.И. Соч. Т. 32, с. 40) Об этом же писал тогда и Грамши: «Новейшим опытом русских является милитаризация промышленности, которая в отдельных случаях привела к роспуску фабрично-заводских Советов. Дело в том, что из-за нехватки энергетических мощностей и промышленного оборудования рабочее государство вынуждено было допустить на некоторые предприятия огромные массы крестьянства, чуждые пролетарской идеологии и, следовательно, неспособные к самоуправлению в области производства» (*) (Грамши А. Избранные произведения. Т. 1).

Одновременно с ростом бесконтрольности чиновников росли и их материальные привилегии. До революции во всех статьях Ленина по этому вопросу («Государство и революция», «Задачи пролетариата в нашей революции», «О двоевластии» и др.) говорилось о необходимости платить высшим государственным чиновникам не выше, чем рабочим. Однако уже через десять дней после революции на заседании Петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов Ленин сказал: «Мы не собираемся лишать их пока (*Ленин говорит о буржуазных «спецах»*. — *Авт.*) привилегированного положения» (Ленин В.И. Соч. Т. 26, с. 261). В статье «Очередные задачи советской власти» опять говорится: «Нам пришлось теперь прибегнуть к старому, буржуазному средству и согласиться на очень высокую оплату «услуг» крупнейших из буржуазных специалистов... Ясно, что такая мера есть не только приостановка... наступления на капитал... но и шаг назад... Скрывать от масс, что привлечение буржуазных специалистов чрезвычайно высокими заработками есть отступление от принципов Коммуны, значило бы опускаться до уровня буржуазных политиканов и обманывать массы» (Ленин В.И. Соч. Т. 27, с. 220). Во второй программе партии, принятой на VIII съезде, говорится: «Стремясь к равенству вознаграждения за всякий труд и к полному коммунизму, Советская власть не может ставить своей задачей немедленного осуществления этого равенства в данный момент...» (КПСС в резолюциях... Т. 1, с. 423). Материальное неравенство начало проникать и в ряды партии, где подкупать высокими ставками явно было уже не нужно. IX Всероссийская конференция РКП(б) (октябрь 1920 г.) была вынуждена принять резолюцию, где указывалось, что в связи с допущенными в этой области временными отступлениями, вызванными войной, возникает «...необходимость еще и еще раз направить внимание всей партии на борьбу за проведение в жизнь большего равенства, во-первых, внутри партии; во-вторых, внутри пролетариата, а затем внутри всей трудящейся массы...» (КПСС в резолюциях... Т. 1, с. 509). Очевидно, решение конференции выполнено не было, т.к. X съезд партии в специальном разделе резолюции «Общие меры по оздоровлению партии» указал: «Съезд подтверждает решение Всероссийской партийной конференции 1920 г. и вменяет ЦК и контрольным комиссиям в обязанность решительную борьбу со злоупотреблениями со стороны членов партии своим положением и материальными преимуществами. Съезд целиком подтверждает курс на уравнительность в области материального положения членов партии» (КПСС в резолюциях... Т. 1, с. 521).

XI съезд (1922 г.), подтверждая решения X съезда, постановил: «Признавая крайне необходимым решительно положить конец большой разнице в оплате труда групп коммунистов, съезд поручает ЦК в срочном порядке урегулировать вопрос о чрезмерно высоких заработках для членов партии, установив пределы, свыше которых остальная сумма заработка поступает на партвзаимопомощь» (КПСС в резолюциях... Т. 1, с. 627). XII конференция РКП(б) (август 1922 г.) установила высшие ставки. XII съезд РКП(б) (1923 г.) заявил, что «...полностью подтверждает постановление августовской Всероссийской партконференции об урегулировании материального положения членов партии» (КПСС в резолюциях... Т. 1, с. 684), но не внес никаких конкретных предложений. А XIII партконференция (январь 1924 г.), констатируя «резкое расхождение в материальном положении членов партии в связи с разницей их функций», уже не требовала сокращения разрыва в ставках, а всего лишь предлагала запретить выдачу тантьем (тантьема — дополнительное вознаграждение из чистой прибыли предприятия), допустить таковую только из чистой прибыли, только отдельным особо добросовестным работникам и только с согласия профсоюза (КПСС в резолюциях... Т. 1, с. 800).

В дальнейшем ни профсоюзы, ни рабочие не только не решали вопроса об оплате высших государственных чиновников, но их даже не информировали, кто сколько получает, а «принцип уравнильности», верность которому подтверждали первые партийные съезды, был назван «мелкобуржуазной уравниловкой» и отнесен к числу измышлений ревизионистов. После окончания гражданской войны перед страной стала проблема восстановления народного хозяйства, нормализации отношений между государственной властью и крестьянством. Эту задачу должен был выполнить НЭП. Новая экономическая политика теоретически могла развиваться двумя путями. Первый путь — это возврат на уровень демократической революции, требовавший не только восстановления свободы торговли, но и допущения крестьянства в лице его партии к участию в управлении страной. Этот путь оказался невозможным, т.к. страшная разруха в стране и полная международная изоляция СССР среди враждебного капиталистического лагеря как вопрос жизни и смерти ставила задачу немедленного восстановления (*народного хозяйства*. — *Ред.*) и скорейшей индустриализации страны. Средства на индустриализацию можно было получить только за счет прибавочного продукта, создаваемого рабочим классом и крестьянством. Но в силу разрухи промышленности пролетариат не мог создавать сколько-нибудь

значительного прибавочного продукта, несмотря на то что зарплата рабочего класса в 1925 г. была ниже, чем в 1913 г. (по признанию Сталина на XIV съезде партии, она составляла 85% за человеко-день от уровня 1913 г.). Чтобы выйти из этого положения, надо было сначала вложить в промышленность определенные средства. Таким образом, единственными источниками необходимых средств становились крестьянство и остатки старых эксплуататорских классов. Но старые методы получения из деревни создаваемого там прибавочного продукта (методы военного коммунизма) в мирной обстановке были непригодны. Во-первых, после устранения непосредственной опасности возвращения помещиков крестьянство отвечало восстаниями, причем недовольство политикой военного коммунизма охватило также армию (Кронштадтский мятеж) и частично даже рабочий класс. «Тут проявилась стихия мелкобуржуазная, анархическая, с лозунгами свободной торговли и всегда направленная против диктатуры пролетариата. И это настроение сказалось на пролетариате очень широко. Оно сказалось на предприятиях Москвы, оно сказалось на предприятиях в целом ряде пунктов провинции. Эта мелкобуржуазная контрреволюция, несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые, потому что мы имеем дело со страной, где пролетариат составляет меньшинство, мы имеем дело со страной, в которой разорение обнаружилось на крестьянской собственности, а кроме того, мы имеем еще такую вещь, как демобилизация армии, давшая повстанческий элемент в невероятном количестве» (Ленин В.И. Соч. Т. 32, с. 160). Во-вторых, крестьянство в ответ на реквизиции сокращало производство продуктов до уровня собственного потребления, обрекая на голод остальное население.

Выйти из этого положения можно было, только экономически заинтересовав крестьянство в производстве, т.е. наладив товарообмен с городом. Эту задачу и выполнил НЭП, но предоставление крестьянству политической самостоятельности свело бы средства, получаемые из деревни, к минимуму. Кроме того, бюрократия понимала, что расширение демократии, а тем более возрождение многопартийной системы, серьезно подорвет захваченные ею во время гражданской войны позиции. В этом стремлении бюрократии к однопартийной диктатуре ее поддерживал и пролетариат, который по опыту гражданской войны подозрительно относился к мелкой буржуазии и ее партиям и не желал допускать ее к политической власти. В результате всего этого при проведении НЭПа был реализован второй путь — мелкая буржуазия (прежде всего крестьянство) получило некоторую экономическую самостоятельность, не получив

никаких политических гарантий. Вследствие этого доля государства в продукте, производимом деревней, несколько уменьшилась, но зато ее абсолютные размеры стали быстро расти.

Достигнутая экономическими уступками политическая стабилизация в стране создала условия для передышки, во время которой в стране был налажен к тому времени уже фактически бесконтрольный бюрократический аппарат. Об этом может свидетельствовать хотя бы тот факт, что в июне 1928 г., когда Сталин говорил о постановлениях местных организаций о снятии с постов хозяйственных работников, он подчеркивал, что это «постановления, не имеющие никакой обязательной силы» (Сталин И.В. Соч. Т. 11. М., 1949, с. 137). Опираясь на этот аппарат, государство могло бросить на нужды индустриализации не только средства, получаемые из деревни непосредственно в виде налога, но и средства, изымаемые с помощью так называемой системы «ножниц». О сущности этой системы Сталин в 1926 г. писал: «С крестьянством у нас обстоит дело в данном случае таким образом: оно платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно еще **переплачивает** на сравнительно высоких ценах на товары промышленности — это, во-первых, и более или менее **недополучает** на ценах на сельскохозяйственные продукты — это, во-вторых. Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии... это есть нечто вроде “дани”...» (Сталин И.В. Соч. Т. 11. М., 1949, с. 159). Кроме этого основного источника, средства на индустриализацию добывались и такими «социалистическими» методами, как, например, продажа водки. В беседе с иностранной рабочей делегацией в 1927 г. Сталин говорил, что «отказ от водочной монополии лишил бы нашу промышленность более чем ½ миллиарда рублей» (Сталин И.В. Соч. Т. 10. М., 1949, с. 233). Если вспомнить, что за 1927–1928 гг. в промышленность было вложено 1304 млн рублей (см. отчетный доклад Сталина на XVI съезде), то станет ясно значение торговли водкой. А ведь когда-то Ленин писал: «...В отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, потому что, как бы они ни были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму...» (Ленин В.И. Соч. Т. 32, с. 403). Еще одним источником накопления являлись внутренние займы, начавшиеся в период индустриализации и провадившиеся под нажимом.

Вторым важным вопросом, вставшим перед страной в период индустриализации, был вопрос о кадрах, т.к. промышленное строительство требовало, с одной стороны, большого количества дешевой

неквалифицированной рабочей силы (ввиду отсутствия строительной техники), с другой стороны, для обслуживания возникающей индустрии необходим был кадровый промышленный пролетариат. Источником этой рабочей силы могла быть опять-таки только деревня. Таким образом, в силу исторических условий развития России, перед страной вставала задача создать дешевую рабочую силу, выбив крестьянство из деревни <...> (*Здесь в рукописи — пропуск. — Ред.*) сельского хозяйства, чтобы накормить растущее городское население. Это было затруднено тем, что в результате революции крестьянство получило землю, и государство, проводя НЭП, было вынуждено поддерживать мелкотоварное крестьянское хозяйство с помощью системы налогов, законов о найме рабочей силы и т.д., препятствуя его разорению и укреплению крупных крестьянских хозяйств.

Пока у крестьянина сохранялась земля и пока ему было обеспечено более или менее сносное существование, он не хотел пополнять ряды пролетариата; с другой стороны, мелкотоварное хозяйство не смогло бы обеспечить хлебом растущий пролетариат. Все эти задачи были решены с помощью коллективизации, которая, во-первых, позволила ликвидировать последний эксплуататорский класс в стране (кулаков) и сделала невозможным его возникновение в будущем; во-вторых, резко ослабила связь крестьян с землей, превратив частные земельные наделы в коллективную собственность, что сделало сельское население более подвижным; в-третьих, т.к. коллективный труд более производителен, она повысила товарность сельского хозяйства и высвободила большое количество рабочих рук; в-четвертых, колхозы облегчили государству изъятие прибавочного продукта, т.к. при этом становилось невозможным его утаивание, сокрытие размеров урожая и т.д., кроме того изъятие продукта, переставшего быть его личной собственностью, не вызывало у крестьянина того возмущения, которое вызывала продразверстка.

Как известно, коллективизация была в основном проведена в течение семи—восьми лет (процент коллективизации по числу дворов вырос с 1929 г. по 1937 г. с 3,9% до 93%). Очевидно, что такие высокие темпы можно было обеспечить, только проводя коллективизацию бюрократическими методами. Еще Ленин указывал: «Дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков, есть дело, требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу... может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе» (Ленин В.И. Соч. Т. 32, с. 194). В условиях, когда

количество тракторов в стране было меньше числа колхозов (остальной техники было тоже крайне мало, а говорить об электрификации деревни в период коллективизации вообще не приходится), «переработка» психологии земледельца в течение восьми лет была осуществлена путем административного нажима (угроза раскулачивания и т.п.).

Правда, Сталин в статье «Головокружение от успехов» и ЦК в своем решении «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении» (март 1930 г.) пытались переложить ответственность за этот нажим на низовых работников, однако уже в сентябре 1930 г. ЦК предложил «усилить работу» по дальнейшему проведению коллективизации. В результате чего, если в 1929–1930 г. было коллективизировано 19,7% крестьянских дворов, то в 1930–1931 гг. – 28,1%. Коллективизация была, безусловно, прогрессивным мероприятием, т.к. она ликвидировала класс мелкой буржуазии, экономически заинтересованной в реставрации капитализма, она обеспечила рабочей силой строящуюся промышленность (только в 1927–1932 гг. из деревни в город перешло 8,5 млн человек). Однако, проведенная по указанным выше причинам бюрократическими методами, коллективизация имела ряд отрицательных последствий. Она сопровождалась резким падением валовой сельскохозяйственной продукции, что видно из следующей таблицы:

Таблица 4

Валовая продукция сельского хозяйства (1913 г. принят за 100)

Год	1913	1921	1929	1933	1937	1940	1945	1960
Объем продукции	100	60	191	101	134	141	86	214(?)

(Народное хозяйство СССР в 1960 г. М., 1961, с. 363)

Упала не только валовая продукция, но и производительность труда в сельском хозяйстве, если учесть, что посевные площади важнейших культур увеличились с 1913 г. по 1933 г. с 98,16 млн га до 112,9 млн га. Даже Сталин в январе 1933 г. был вынужден признать: «Среди колхозов и совхозов имеются старые, новые и совсем молодые... Понятно, что они не могут быть еще рентабельными в своем большинстве» (Сталин И.В. Соч. Т. 13. М., 1949, с. 196). Именно в силу недобровольности коллективизации крестьянство зачастую шло на поводу у классового врага, что привело к ряду антисоветских выступлений и массовому забою скота. (Только поголовье крупного скота сократилось в 1928–1933 гг.

с 66,8 млн голов до 33,5 млн. (См. «Народное хозяйство СССР», изд. 1956 г. *(так у авторов. — Ред.)*). Массовое раскулачивание, ликвидация городского капиталистического элемента привели к образованию значительных масс заключенных, дешевый принудительный труд которых был широко использован на всех крупнейших новостройках страны. Проведение коллективизации сопровождалось обострением классовой борьбы в стране: кулачество и нэпманы пытались бороться против своей ликвидации, середняки (составлявшие основную массу крестьянства) протестовали против бюрократических методов. В условиях полного господства бюрократии эта ситуация привела к усилению аппарата подавления и резкому расширению его функций, этому же способствовала напряженная международная обстановка. Именно в таких условиях партийно-государственная бюрократия перешла к новым методам осуществления своей диктатуры, методам, ныне известным под названием «культ личности».

Последние годы в жизни страны и последние съезды партии прошли под лозунгом борьбы против культа личности и его последствий. Оставляя в стороне тот факт, что деятели, громче всех кричащие о злодеяниях времен культа личности, сами повинны в них и что сорок человек из руководства ЦК партии, выбранного XXII съездом, входили в состав ЦК, избранного XIX съездом, который одобрил политику Сталина, рассмотрим вопрос по существу. Получается совершенно парадоксальная вещь: в стране якобы была диктатура пролетариата, обеспечивавшая широкую демократию для трудящихся, т.е. для громадного большинства народа, а на деле — господство террора и произвола, отсутствие демократии, попрание человеческой личности и многое другое, о чем подробно говорили в своих выступлениях делегаты XXII съезда. Объяснять это личными качествами Сталина и его окружения (Ежов, Берия, Молотов, Каганович, Жданов, Маленков, Шкирятов и др.), а также международной обстановкой, оставаясь на позициях марксизма, нельзя. Плеханов в работе «Роль личности в истории» писал: «Характер личности является “фактором” общественного развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения» (Плеханов В.Г. Избранные философские произведения в 5 т. Т. 2. М., 1956, с. 322). Утверждают, что культ личности сосредоточил в руках Сталина неограниченную власть. Но, согласно марксизму, неограниченная власть личности (диктатура) всегда служила выражением диктатуры какого-либо класса (диктатура Цезаря, Наполеона, Франко и т.д.). Говорить же, что диктатура Сталина выражала

диктатуру пролетариата, сейчас уже никто не решается. Однако бесспорно, что деятельность Сталина способствовала развитию и укреплению советско-партийной бюрократии, ее полному отрыву от народа. Именно в годы его правления эта верхушка стала в стране всемогущей и вышла из-под всякого контроля снизу, именно в эти годы завершилось образование чудовищного разрыва между народом и бюрократией в материальном и политическом отношении. Именно в эти годы правящая верхушка превратилась в правящий класс. Пусть Хрущев и подпевающая ему официальная пресса пытаются свалить ответственность на Сталина и его окружение, изображая культ личности как случайный нарост на системе диктатуры пролетариата, возникший вследствие особенностей построения социализма в СССР. Уже то обстоятельство, что культ личности имел или имеет место во всех странах народной демократии (Энвер Ходжа, Вилко Червенков, Иосип Броз Тито, Болеслав Берут, Клемент Готвальд, Чойбалсан, Мао Цзе Дун и др.), полностью разоблачает эту теорию.

Из всего изложенного в данной главе следует, что культ личности Сталина был не чем иным, как одной из форм диктатуры советско-партийной бюрократии, диктатуры, осуществляемой методами неприкрытого террора. Этот террористический путь партийно-государственная верхушка избрала отнюдь не случайно, не в силу особенностей Сталина, Молотова или Берии — наоборот, их стиль как раз и сформировался при проведении этой политики. Как видно из предыдущего, перед осуществлявшей в стране исполнительную власть группой революционеров стояла неимоверно тяжелая задача: построить социализм в отсталой крестьянской стране в условиях экономической и политической изоляции, временной стабилизации капитализма на Западе, страшной разрухи и усталости, а частично и деморализации масс внутри страны при отсутствии в ней твердой классовой базы социализма. Для осуществления этой задачи они располагали лишь государственным аппаратом, состав которого хотя и был сильно обновлен лучшими представителями пролетариата и революционной интеллигенции (а его руководство состояло целиком из профессионалов-революционеров), но суть государственной машины осталась той же, она не была подконтрольна народу и опиралась на насилие. Именно поэтому Ленин в конце 1923 г. говорил о задаче «...переделки нашего аппарата, который ровно никуда не годится и который перенят нами целиком от прежней эпохи». (Ленин В.И. Соч. Т. 33, с. 439). Почему он не был переделан, ясно из предыдущего, (*этот аппарат. — Ред.*) был необходим, чтобы изымать весь создаваемый

трудящимися классами прибавочный продукт (а таковым объявлялось все за исключением голодного минимума) и использовать его для форсированного развития промышленности.

В этих условиях неизбежно создавался громадный аппарат насилия, он ставился вне контроля снизу и подкупался высокими ставками и прочими привилегиями. Именно в эти годы (1922–1923 гг.) окончательно восторжествовал принцип единоначалия, контроля сверху, и окончательно забылись все фразы о материальном равенстве хотя бы среди членов партии. В государственной и партийной верхушке наблюдается смена кадров, решающая роль начинает принадлежать сторонникам «строительства социализма любой ценой», на практике это неизбежно приводило к созданию могущественного государства, в котором отсутствовала частная собственность, но которое управлялось неконтролируемой бюрократией. Эти люди сплотились вокруг кандидатуры Сталина, лучше других понимавшего историческую необходимость построения нового общества в Советском Союзе именно бюрократическим путем.

Старые лидеры, выступавшие против линии Сталина, не важно — с правых или левых позиций, оказались обреченными на поражение именно потому, что в условиях отсутствия сильного пролетариата, способного взять власть действительно в свои руки, удержать основные завоевания революции (ликвидацию частной собственности на средства производства) можно было лишь скорейшим созданием мощного государства. Партийно-правительственная бюрократия была единственной группой (тогда еще не классом), способной решить эту задачу. В этот момент ее интересы совпадали с интересами народа, ибо могущество государства всегда связано с благосостоянием народа. Если процветает государство, то в первую очередь процветают ее правящие классы, но и народ такого государства находится в лучшем экономическом положении, чем народ государства экономически слабого или порабощенного. Поэтому все уклоны, начиная с «рабочей оппозиции» и кончая бухаринской группой, были идеологически разгромлены, а их лидеры отстранены от управления. Несмотря на то, что такие группы, как «децисты» и «рабочая оппозиция», выражали в тот момент интересы пролетариата, они не встретили его широкой поддержки, ибо «пока известный способ производства находится на восходящей стадии своего развития, до тех пор ему воздают хвалу даже те, кто остается в убытке от соответствующего ему способа распределения... и если протесты и раздаются в это время, то они исходят из среды самого господствующего класса и как раз в эксплуатируемых массах не встречают никакого отклика» (Энгельс Ф. «Анти-Дюринг»).

Именно в это время, в разгар внутрипартийной борьбы, подогревается культ Сталина, чтобы противопоставить его авторитет авторитету свергаемых с пьедестала старых вождей (Барбюс уже в 1928 г. в книге «Сталин» писал, что в России существует подлинный культ Сталина). Как уже указывалось, в годы коллективизации в стране обострилась классовая борьба, причем против «генеральной линии партии» выступили не только классовые враги (кулаки, нэпманы), но и широкие слои среднего крестьянства. Эта борьба захватила и партию. Остатки идеологически и организационно разгромленных старых фракционных группировок объединились в борьбе против бюрократических методов нового руководства. С точки зрения новых лидеров все эти потоки сливались в один, и реакцией на это было дальнейшее усиление аппарата подавления, ГПУ получает все новые функции и права. С помощью этого аппарата путем репрессий правящей верхушке удалось сломить всю оппозицию в стране. Деятельность правительства, уже давно стоящая вне контроля снизу, становится вне критики. Казалось, что все решено, и тут-то обнаружилось, что чем крепче партийно-бюрократическая верхушка зажимает рот народу, тем большую роль внутри самой этой верхушки начинают играть люди, непосредственно связанные с органами подавления.

Официальная литература не в силах объяснить причины того, почему в 1936–1938 гг. сталинский режим принял такой резко террористический характер, также не объясняется, почему волна террора в 1939 г. вдруг спала. В свете изложенного выше дело заключается в следующем: в эти годы верхушка органов подавления попыталась полностью выйти из-под контроля партийно-государственной бюрократии и захватить власть внутри класса бюрократии, а соответственно, и в стране. Свою власть она могла поддерживать только страхом перед ней, с одной стороны, и страхом перед «заговорами империализма» — с другой. Именно поэтому эти «заговоры» то и дело разоблачались, и, поскольку они должны были представлять опасность, в них объявлялись замешанными многие крупные бюрократы, чем-либо не угодившие верхушке органов госбезопасности. Может возникнуть вопрос: если культ личности Сталина был террористической формой диктатуры бюрократии, то почему именно на высших бюрократов приходится такое большое число жертв? Однако подобные явления наблюдаются в истории не впервые, достаточно вспомнить проскрипции Суллы, террор Нерона, войну Алой и Белой роз и т.д., когда различные группировки внутри правящего класса с завидным усердием расправлялись друг с другом в борьбе за власть.

В условиях диктатуры одной партии, когда массы были лишены каких-либо способов выразить свою волю, наибольшую опасность для правящей бюрократии представляла внутрипартийная оппозиция, которая могла иметь какие-то шансы на победу. Поэтому с ней и расправились наиболее жестоко — все деятели ранее разоблаченных оппозиционных группировок теперь были физически уничтожены. На следующем этапе жертвами разоблачения мнимых заговоров стали очень крупные (но не ведущие) деятели партии и государства, такие как Эйхе, Косиор, Тухачевский, Крыленко и др., которые не примыкали к оппозиции, но их имена, широко известные в стране, использовались для устрашения населения, демонстрируя, с одной стороны, опасность заговоров, с другой — мощь органов НКВД.

Волна репрессий захватила и рядовых советских граждан, преимущественно интеллигенцию, арестовывая которых низовые работники органов госбезопасности демонстрировали свою бдительность. Воцарились террор и произвол, безумная подозрительность и ложь. Имя и авторитет Сталина прикрывали все это, обеспечивая «гладкое» проведение репрессий. Сталин и окружавшая его высшая бюрократия поощряли эту деятельность НКВД, т.к. она укрепляла их личную власть. Террор подавлял политическую активность масс, частично сохранившуюся со времен революции (это было выгодно бюрократии как классу) и делал более послушным партийный и государственный аппарат, низводя низовых работников до роли пешек в руках вождей.

Однако так долго продолжаться не могло. Террор верхушки органов госбезопасности слишком сильно ущемлял классовые интересы остальной бюрократии. За классовые привилегии приходилось платить страхом потерять собственную шкуру. Кроме того, откровенное царство произвола подрывало престиж советской бюрократии как в массах, так и за границей.

Хотя террор 1936–1938 гг. не менял сути бюрократической системы, он делал положение каждого отдельного бюрократа очень неустойчивым, поэтому классовые интересы бюрократии в целом требовали, чтобы он был введен в определенные рамки. Это и было сделано. К 1939 г. волна террора спала, и вся ответственность за него была возложена на смещенного Ежова. Вопрос о том, кто будет командовать в стране: бюрократия ли в целом или ее отряд, связанный с органами госбезопасности, — был решен в пользу партийно-государственной бюрократии. Однако это отнюдь не означало ни конца культа личности, ни торжества демократии в стране. Террористический метод диктатуры класса

бюрократии продолжал существовать вплоть до смерти Сталина, породив еще немало новых преступлений. Однако теперь основным объектом репрессий была уже не бюрократия (хотя с отдельными группами расправлялись по-прежнему — например, «ленинградское дело»), а народные массы, и классовый характер террора стал еще ошутимее.

Но этот террористический путь постепенно изживал себя: в условиях культа личности все решения принимались узким кругом бюрократии, эта верхушка именно благодаря страху, который она всем внушала, была сама лишена правдивой информации, необходимой для принятия правильных решений; слыша непрерывные восхваления их мудрости и сообщения об успехах, эти люди заболели манией величия и заставляли страну решать задачи, на которых она неизбежно должна была надорваться. Это хорошо выразил Твардовский:

*И за наметкой той вселенской
Уже как хочешь поспевай —
Не в дальних даях, — наш смоленский
Забывший им и богом,
Женский
Послевоенный вдовый край.*

(«За далью даль»)

Справедливо считая форсированное развитие промышленности основной задачей, сталинское правительство взвалило основное бремя финансирования этого развития на совершенно разоренное войной сельское хозяйство, по указанным выше причинам потеряло чувство реальности и поставило основные сельскохозяйственные районы страны на грань катастрофы. Но и в промышленности положение было далеко не удовлетворительным: полнейший зажим всякой критики и чудовищная лакировка, давно ставшие привычной нормой, привели к тому, что и здесь недостатки пытались выдавать за успехи. Руководящие бюрократы были не только безответственны, но, как и предвидел Грамши, некомпетентны. Они цеплялись за старое, привычное в политике и технике, признавая единственным методом руководства грубый нажим и администрирование. Многолетнее подавление политического сознания привело к перестраховке, полному отсутствию самостоятельности и инициативы. Крупные бюрократы утонули в ворохе мелких дел и окончательно потеряли способность к ориентировке. Поэтому каждый шаг вперед давался все с большим напряжением сил. Необходимо было коренное изменение всей политики. Однако нужно отметить, что это изменение стало

возможным именно на базе уже имеющихся достижений — в стране была создана мощная материальная база, которая уже начала приносить свои плоды, позволяя взять курс на повышение жизненного уровня населения. (Это повышение началось еще при Сталине, но носило крайне неравномерный, а зачастую и необоснованный характер).

Изменение методов диктовалось и изменениями международной обстановки. Громадный рост могущества и престижа страны, наличие социалистического лагеря, появление новой силы в лице молодых нейтралистских государств открывали широкие перспективы для активных действий на международной арене. Экономические и политические интересы страны требовали ликвидации «железного занавеса» и более широкого контакта с границей. Это было также невозможно без некоторой либерализации внутри страны, отказа от наиболее вопиющих методов грубого подавления, тем более что угрозой реставрации капитализма, которой так долго прикрывался террор, спекулировать далее было невозможно. Все требовало перемен, но на пути к ним стояли те представители бюрократии, которые в силу своих деловых и личных качеств могли управлять только старыми методами. (А ведь именно эти люди составляли основной костяк всего партийного и государственного аппарата). На пути этих преобразований стояли руководители МГБ, прекрасно понимавшие, что либерализация режима лишит их прежней власти. И, наконец, на пути стояли личность и авторитет Сталина, которые приобрели почти магическую силу.

Однако сразу после смерти Сталина сила необходимости взяла верх. Наиболее дальновидные из старых и новых соратников Сталина (Молотов, Маленков, Каганович, Хрущев и др.) поняли неизбежность перестройки и, надеясь на то, что они всегда смогут контролировать положение, выступили как ее инициаторы. Эта объективная необходимость, прокладывая себе дорогу через сложные комбинации личных интересов, привела к провалу попытки Берии захватить власть, сделала сравнительно незаметного Хрущева первым секретарем ЦК и т.д. Но происходящие перемены были достаточно серьезны, необходимо было сменить значительную часть партийного и государственного аппарата, пробудив инициативу масс (оставив ее, конечно, в достаточно жестких рамках). Логика событий требовала осуждения сталинских методов, а тем самым и личности Сталина. Видимо, это поняли даже те, кто прошел с ним весь путь кровавых репрессий 1936—1938 гг. и для кого это осуждение означало политическое банкротство (Молотов, Каганович и т.д.). Осуждение личности Сталина дало возможность списать на его счет не только все

прошлые неудачи и преступления, но и объявить последствиями культа личности все органические пороки бюрократической системы. (Гитлеровские генералы также всю вину за все неудачи сваливали на покойника — Гитлера). На этой почве высшей бюрократии удалось прийти к соглашению, и прозвучал доклад Хрущева на XX съезде.

Подводя итоги рассмотрения периода «культа личности», надо еще раз подчеркнуть основной вывод, вытекающий из событий 1934–1953 гг.: конечно, личные качества и недостатки деятелей того периода всегда накладывали свой отпечаток на ход событий, но, как уже указывалось, сама возможность того, что «недостатки личности стали фактором общественного развития», появилась в результате господства в стране бюрократии с ее антидемократическими методами.

Глава 4

Не следует недооценивать значительных изменений, которые произошли в стране с 1953 г. по настоящее время. Методы господства бюрократии во многом стали иными. Однако сохранилось основное: классовый характер советского государства, являющегося орудием в руках бюрократии. В самом деле, что являлось и является основной задачей любого государства, в чем проявляется его классовый характер? Основной задачей государства является охрана данного способа распределения, основанного на существующем способе производства. Классовый же характер его проявляется в том, что господствующий при данном способе производства класс присваивает себе громадную массу материальных, духовных и иных благ за счет подавляющей части общества, занятого производительным трудом. В зависимости от способов производства менялись господствующие классы и методы изъятия прибавочной стоимости, но сам принцип выделения привилегированного меньшинства оставался неизменным.

В первой главе мы показали, что в советском государстве это положение полностью сохраняется: имеется господствующий класс, который не подлежит контролю трудящихся и обеспечивает себе материальные привилегии, а в предыдущей главе — историю прихода к власти и методы господства этого класса в СССР. Каким же образом он изымает прибавочный продукт? Какими методами бюрократия организует производство и отвечают ли эти методы интересам развития производительных сил в СССР? Какие черты политической надстройки должны неизбежно соответствовать этому базису (бюрократическим производственным

отношениям) и каковы тенденции этой надстройки? И наконец, основной вопрос: находится ли бюрократизм в СССР на подъеме или он уже загнивает и требует ликвидации? Рассмотрение этих вопросов начнем с вопроса об изъятии прибавочного продукта.

Рабочая сила в СССР остается на положении товара, причем это положение распространяется и на сельское хозяйство, где при капитализме еще сохраняется большое количество мелких производителей. Официальная экономическая наука оспаривает это положение, утверждая обратное. Но это не более как намеренный обман. Хотя общественные фонды в наших условиях и играют известную роль, основным средством существования трудящегося является заработная плата. Государство покупает рабочую силу работников, оторванных от орудий и средств труда и лишенных возможности зарабатывать себе на хлеб другим способом, кроме продажи рабочей силы. Советские экономисты утверждают, что рабочая сила в СССР не является товаром, т.к. государство находится в руках трудящихся. Выше мы доказали, что государство находится в руках бюрократии, и, конечно, рабочая сила не перестает быть товаром от того обстоятельства, что она продается не отдельному бюрократу непосредственно, а всему классу бюрократии в целом.

Теперь рассмотрим вопрос о самой бюрократии (оставляя в стороне мелкую бюрократию, которая фактически к господствующему классу не относится). Бюрократизм в общем ликвидировал так называемые «нетрудовые доходы», которые при капитализме и ранее являлись для правящего класса основной формой присвоения прибавочной стоимости. (Наличие в стране определенного процента жуликов, спекулянтов и т.д. не меняет дела). При бюрократизме процесс перераспределения продуктов имеет более завуалированный вид оплаты по труду. Уже рассматривая капитализм, мы видим, что к правящему классу — буржуазии — нужно отнести не только самих владельцев предприятий, но и всю категорию высших служащих («управляющих»). Эти люди, формально не получая нетрудовые доходы в форме капиталистической прибыли (отбросим для простоты доходы от дивидендов), получают свою долю в форме высоких жалований. По данным самих буржуазных экономистов, лишь 10% их жалования может быть отнесено к трудовым доходам (Вестник экономической статистики, 1962, № 3). Аналогичная картина имеет место и в СССР, хотя и в менее резкой форме. На определенной ступени бюрократической лестницы человек, формально оставаясь продавцом рабочей силы, фактически (в силу своей принадлежности к господствующему классу) становится ее покупателем и получает возможность присваивать

чужой труд. В отличие от капитализма, при бюрократизме это делается не непосредственно, а косвенно, через государство. Как уже указывалось ранее, эта возможность отнюдь не является единственной привилегией бюрократии как правящего класса. Теоретическим обоснованием этой новой формы эксплуатации служит принцип «оплаты по труду», необходимый якобы на первой фазе коммунизма (в седьмой главе мы подробнее разберем взгляды классиков марксизма по этому вопросу), а пока рассмотрим этот принцип так, как он проводится на практике.

Принцип оплаты по труду предполагает возможность сравнения различных видов труда, предполагает наличие какого-либо коэффициента ценности, сложности труда. Если еще можно сравнить между собой труд двух землекопов или двух токарей (по его результатам – например, по количеству деталей), то уже сравнение труда двух чиновников значительно сложнее, а сравнение труда рабочего и чиновника вообще невозможно. Пользуясь этим, бюрократы, стоящие у власти, толкуют сравнение ценности различных видов труда в свою пользу. Именно этим объясняется то, что рабочие, врачи, учителя и ряд других представителей общественно необходимых профессий получают значительно меньше, чем титулованные чиновники многочисленных канцелярий. Положение рабочей силы как товара приводит к тому, что заработная плата зависит далеко не от количества и качества труда, как нас пытаются уверить официальные экономисты, а регулируется, в основном, рыночным законом спроса и предложения, что приводит к чудовищной неразберихе в оплате различных групп работников. Спрос в данном случае определяется не столько интересами общества, сколько интересами правящей бюрократии.

Известно, что в Советском Союзе ощущается большой недостаток медицинских работников, работников детских садов, яслей и т.д. Одной из важнейших причин этого является низкая заработная плата в данных отраслях. Известно также, что рабочие одинаковой квалификации за одну и ту же работу получают по-разному в зависимости от того, работают ли они на военных заводах или на предприятиях легкой промышленности. Надо отметить, что при оценке труда бюрократии, как это ясно из вышеизложенного, закон спроса и предложения труда не имеет места. Таким образом, из бюрократического тезиса «оплаты по труду» вытекает резкое различие в жизненном уровне низших слоев населения и правящей верхушки, а так как даже на самом нижнем уровне оплата должна обеспечивать определенный прожиточный минимум, то на другом конце социальной лестницы неизбежно создается роскошь,

зачастую не нужна тем, кто ее получает, и развращающе действующая не только на них, но и на все общество в целом. Как мы уже говорили ранее, личное потребление бюрократии отнюдь не поглощает основную часть изымаемой ею прибавочной стоимости. Куда же идет остальной прибавочный продукт? Для ответа на этот вопрос рассмотрим основной экономический закон бюрократизма.

Как известно, капиталист, организуя производство, заинтересован, главным образом, в получении наибольшей прибавочной стоимости, причем именно в ее денежной форме. Продукты производства выступают там как товары, и от реализации их как товаров зависит возможность воспроизводства, а тем более расширенного воспроизводства. При бюрократизме дело коренным образом меняется. Хотя предметы потребления действительно выступают как товары (в силу распределения их по труду), но, благодаря экономической монополии государства, возможности его диктовать цены, а также (*благодаря. — Ред.*) тому обстоятельству, что все суммы наличных денег населения поступают от государства и возвращаются к нему же, снимая с государства заботу о реализации масс товарной продукции, производство перестает быть товарным. Отдельные виды товаров могут оставаться нереализованными, но при сколько-нибудь правильном планировании убытки от этого будут сравнительно невелики. Процесс производства при бюрократизме совершенно не зависит от реализации этой товарной массы, т.к. предприятие в любом случае будет обеспечено и рабочей силой, и сырьем. (Наличие свободного рынка для сельскохозяйственных продуктов несколько осложняет вопрос, но не меняет существа дела из-за возможности государства оказывать давление на рынок экономическими и внеэкономическими методами).

Продукты добывающей и тяжелой промышленности с самого начала являются товаром чисто формально. Государство просто перекладывает из одного кармана в другой, подобная картина была бы, если бы на капиталистическом предприятии один цех оформлял как продажу передачу своей продукции другому. Кроме удобства контроля, для владельца предприятия это ничего не изменило бы. При бюрократизме продукты тяжелой и добывающей промышленности реализуются не как товары, а непосредственно поступают в распоряжение государства, которое расплачивается с рабочими этих отраслей прибавочным продуктом, созданным в сельском хозяйстве и легкой промышленности. Таким образом, при бюрократизме процесс воспроизводства зависит отнюдь не от реализации продуктов предыдущего цикла как товаров, а исключительно от натуральной формы этих продуктов, т.е. от наличия сырья и оборудования.

Это, разумеется, существенно упрощает организацию производства, существенно суживается сфера действия рыночных законов, и возникает возможность поставить и решить задачу планирования. Однако бюрократизм не может ограничиться простым воспроизводством.

Рост населения, рост appetites господствующего класса, конкуренция на международной арене, рост и развитие новых отраслей техники, возникновение новых потребностей общества делают необходимым расширенное воспроизводство. Все эти причины действуют и при капитализме, однако закон максимальной прибыли, рыночные законы спроса и предложения и т.д. зачастую мешают расширению производства. Бюрократизм снимает эти противоречия, и тенденция к расширению производства реализуется с полной силой, пока ей не начинают мешать новые противоречия, обусловленные бюрократической системой организации производства.

Из вышеизложенного становится ясным, что должно явиться основным экономическим законом бюрократизма. При капитализме основным для капиталиста является прибыль, ибо только реализация произведенного продукта как товара и с определенной прибылью является условием, позволяющим капиталисту вести расширенное воспроизводство и сохранить свое положение капиталиста в условиях конкурентной борьбы. Это положение и было раскрыто Марксом в его тезисе, что целью капиталистического производства является извлечение максимальной прибыли. Иначе обстоит дело при бюрократизме. Здесь для каждого бюрократа-хозяйственника (а фактически ими являются все крупные бюрократы, в том числе и партийно-советские работники) основным становится не прибыль предприятия, а выполнение плана. Именно выполнение плана (в том числе и плана по прибыли) позволяет бюрократу сохранить за собой свой пост, получить соответствующие премии и создать условия для продвижения по служебной лестнице. Поэтому основной задачей каждого бюрократа является выполнение плана, что на практике приводит к положению «план любой ценой». Но, в силу изложенной выше необходимости для бюрократизма расширенного воспроизводства, план всегда включает в себя и расширение производства. Поэтому бюрократ из карьеристских или из более высоких соображений, заботясь о выполнении плана, объективно проводит в жизнь основной экономической закон бюрократизма — производство для расширенного воспроизводства.

Таким образом, здесь производство становится как бы самоцелью, а точнее, имеет целью укрепить и увековечить господство данных общественных отношений. Это продолжение тенденции капитализма,

которую в свое время заметил Маркс. В работе «О докапиталистических формациях общественного производства» он указывал, что при капитализме, в отличие от предшествующих общественных формаций, существует не производство для потребления, а наоборот – потребление для производства.

Советские официальные экономисты всячески пытаются исказить этот факт и представить дело так, что целью бюрократического производства (они называют его социалистическим) является «максимальное удовлетворение материальных и духовных потребностей трудящихся». (Удивительно, до чего все правящие классы любят выставить себя благодетелями народа). Что это не соответствует действительности, можно видеть из следующих примеров:

1) В резолюции Шестой (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП (1912 г.) «Об отношении к думскому законопроекту о страховании рабочих» сказано: «Наилучшей формой страхования рабочих является государственное страхование их, построенное на следующих основаниях:

А. Оно должно обеспечивать рабочих во всех случаях утраты ими трудоспособности (увечье, болезнь, старость, инвалидность; у работниц, кроме того, беременность и роды; вознаграждение вдов и сирот после смерти добытчика) или в случае потери заработка в результате безработицы).

Б. Страхование должно охватывать всех лиц наемного труда и их семейства.

В. Все застрахованные должны вознаграждаться по принципу возмещения полного заработка, причем все расходы по страхованию должны падать на предпринимателей и государство...» (КПСС в резолюциях... Т. 1, с. 279).

Мы видим, что «социализм» не дал трудящимся даже того, что большевики требовали у буржуазии и считали возможным даже при тогдашнем уровне производительных сил. Мы знаем, что страхование по старости, инвалидности и в случае потери кормильца (пенсии) достигает полного заработка только разве в случае персональных пенсий. Пенсии по старости мужчины, при средней продолжительности их жизни 64 года (Валентей Д.И. Проблемы народонаселения. М., 1961, с. 155), получают только с 60 лет, а пенсии по инвалидности, при том же рабочем стаже трудящихся, значительно меньше пенсий по старости. Страхование по болезни и увечью (оплата бюллетеня) также далеко от полного заработка (за исключением производственных травм).

Нетрудоспособность в результате травматизма продолжительностью меньше трех дней вообще не оплачивается, в остальных случаях размер оплаты зависит от членства в профсоюзе, стажа и т.д. и никогда не достигает 100% заработка. Этот факт приводит зачастую к тому, что рабочие не обращаются к врачу и выходят на работу в больном состоянии. Надо отметить, что 100% оплата бюллетеня уже существовала в стране до 1955 г. и в этом отношении наблюдается явный регресс. Следует еще учесть, что эти виды страхования почти не распространяются на колхозников, которые не являются наемными рабочими только юридически.

2) Одним из требований рабочих было требование о запрещении ночного труда там, где он не вызывается технологической необходимостью. Известно, что ночная работа отрицательно влияет на здоровье и психику трудящихся.

«Постоянно говорят: рабочий должен учиться. Как же он будет учиться, работая ночью?» (*) Это сказано не сейчас, это сказал Франкель, член Парижской Коммуны, когда она принимала соответствующий декрет (Протоколы заседаний Парижской Коммуны. В 2 т. М., 1959–1960, с. 198 (*Так у авторов. — Ред.*)). Могут возразить, что в СССР рабочие, которые учатся в вечерних школах, освобождаются от ночных смен, но это положение на большинстве заводов не выполняется. Советская бюрократия не только не уничтожила ночную работу там, где она не вызвана технологической необходимостью, но даже, идя по пути увеличения сменности работы оборудования, расширяет сферу ее применения. Погоня за увеличением прибавочной стоимости приводит к тому, что здесь мы не только не видим прогресса, вызванного укреплением социалистической экономики, но наблюдаем регресс, объясняемый законом форсирования расширенного воспроизводства.

3) Во второй программе партии, принятой на VIII съезде РКП(б) в 1918 г. и давно «выполненной», говорилось о предоставлении «месячного отпуска с сохранением содержания всем трудящимся, проработавшим свыше одного года». В настоящее время его имеют лишь 12% рабочих и служащих, а 43% имеют отпуск продолжительностью в 12 рабочих дней. Причем из числа 12% надо исключить всю бюрократию (см.: Народное хозяйство СССР в 1960 г. М., 1961). Колхозники (тоже трудящиеся) вообще никаких отпусков не имеют.

4) В той же программе партии говорилось о снабжении всех учащихся пищей, одеждой, обувью, учебными пособиями за счет государства и о материальном обеспечении учащихся с целью дать фактическую возможность пролетариям и крестьянам воспользоваться высшей школой.

Первое положение, целью которого было уменьшить разрыв в обеспечении детей, происходящих из различных слоев, полностью не выполнено. Что касается второго положения, то стипендии в большинстве вузов не обеспечивают даже голодного прожиточного минимума, что опять-таки ставит в преимущественное положение детей бюрократа.

5) Вторая программа партии признавала необходимым обеспечить всех граждан «общедоступной, бесплатной и квалифицированной лечебной и лекарственной помощью». Надо отметить, что в этом отношении в СССР сделано достаточно много по сравнению с капиталистическими странами. Однако обещания второй программы не выполнены и здесь. Лекарственная помощь у нас в основном платная. Что касается медицинской помощи, то, несмотря на то, что СССР вышел на первое место в мире по обеспеченности населения медицинскими кадрами и по количеству коек в больницах, в стране наблюдается явная нехватка того и другого, особенно в сельской местности. Всячески экономя и на здравоохранении (на зарплате медперсонала и на расходах по содержанию больниц и поликлиник), советское правительство, отходя от основных своих принципов, создало в стране сеть платных поликлиник.

6) Известно также, что советское правительство в ноябре 1917 г. установило, кроме воскресных, еще 15 праздничных дней (Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1, с. 20) (*Так у авторов. — Ред.*). С тех пор количество их непрерывно сокращалось, и хотя их осталось совсем немного, возможно дальнейшее сокращение. Бюрократизм ставит себе в заслугу наличие в стране 41-часовой недели (7-часового рабочего дня), однако возврат к 7-часовому рабочему дню, существовавшему в стране до войны, начал осуществляться уже после того, как Всемирная федерация профсоюзов приняла решение о борьбе рабочих капиталистических стран за 40-часовую рабочую неделю. Заметим, что еще в 1949 г. У. Фостер (тогдашний председатель компартии США) в книге «Закат мирового капитализма» писал: «Теперь 8-часовой рабочий день и 5-дневная неделя распространены очень широко» (*). Это наблюдающееся везде сокращение продолжительности рабочего дня связано с ростом техники, который приводит к тому, что: «повышение степени интенсивности (*труда совместимо. — Авт.*) лишь с сокращением рабочего дня» (Маркс К. Капитал. Т. 1, с. 388). Заметим, что в СССР продолжительность рабочей недели до сих пор выше довоенной, когда существовала 5-дневная неделя при 7-часовом рабочем дне.

Невыполнение всех этих обещаний программы партии не случайно. Ссылки бюрократии на отсутствие средств нельзя признать

удовлетворительными уже потому, что, как мы видели, в некоторых вопросах наблюдается явный регресс, хотя материальная база общества значительно выросла. Конечно, материальное положение трудящихся существенно улучшилось по сравнению с их положением в царской России, но ведь и на Западе нельзя сравнивать уровень жизни современных рабочих с уровнем жизни рабочих в начале века. Рост производительных сил в стране обязательно приводит к повышению жизненного уровня населения, но правящий класс выигрывает от этого в первую очередь и в наибольшей степени. О том, что улучшение положения рабочих не является подарком бюрократии, свидетельствует тот факт, что, при росте производительности труда с 1913 г. по 1961 г. в 11,4 раза, реальные доходы трудящихся возросли в 5,5 раза, а ведь в это увеличение доходов полностью включены все общественные фонды, такие как бесплатная медицинская помощь, образование и т.д. (Сюда включены и доходы класса бюрократов, что, конечно, искажает картину). Заметим, что в США производительность труда с 1900 г. по 1959 г. выросла на 277%, а реальная заработная плата — на 265%. Таким образом, мы видим, что в СССР все время росла норма прибавочной стоимости, «норма эксплуатации». (Наиболее интенсивно этот процесс шел в годы первых пятилеток). В настоящее время разрыв в темпах роста производительности труда и реальной заработной платы несколько сократился, но бюрократия применяет другие методы для увеличения прибавочной стоимости. Достаточно сказать, что различные цены на продовольственные товары даже до их крупного повышения в 1962 г. были на 25—30% выше довоенных, а цены большинства промышленных товаров выше довоенных на 60—70%. (См.: Народное хозяйство СССР в 1958 г. М., 1958, с. 770). А ведь известно, что производительность труда за это время значительно выросла и издержки производства этих товаров намного ниже довоенных. Как известно, Р. Оуэн пришел к своим социалистическим убеждениям, когда он увидел, что 2500 человек создают такое же количество общественных благ, какое раньше могли бы создать 600 тыс. человек, и спросил: «Что стало с разницей между количеством благ, потребляемым 2500 чел., и количеством, которое было бы потреблено 600 тыс.?» (*) (Оуэн Р. Избранные сочинения в 2 т. М.-Л., 1950). Действительно, куда же идет вся эта огромная масса прибавочной стоимости? В соответствии с основным экономическим законом бюрократизма, она пошла на форсирование расширенного воспроизводства. Благодаря этому объем промышленного производства увеличился с 1913 г. по 1959 г. в 40 раз, что позволило советской бюрократии занять ведущие позиции в мире и бросить вызов США.

Это принесение в жертву интересов народа ради расширения производства полностью сохраняется и на современном этапе развития советского бюрократического государства. Примером этого является освоение целинных земель. Выступая на совещании в Алма-Ате в марте 1961 г., Хрущев признал, что за годы освоения целины в новые совхозы Казахстана было вложено: на производственные постройки — 18,2 млрд руб., в жилищное строительство — 3,65 млрд, а в культурно-бытовое — 0,51 млрд (в старых деньгах). На все школы, больницы, столовые, ясли, детские сады, клубы и т.д. в громадном районе за 7 лет — 514 млн руб.; «злые языки» утверждают, что во столько же обошелся один Дворец Съездов.

На страницах советских газет много материалов о текучке кадров на целине, о трудностях быта, недостатке жилья, причем обычно велят это на местных руководителей. А дело в основном экономическом законе бюрократизма, в том, что, получив (см. выступление Хрущева в Целинограде 14 марта 1961 г.) только за счет товарного зерна 32 млрд чистой прибыли с целины, советское государство, целью которого якобы является всемерное удовлетворение потребностей трудящихся, смогло выделить на удовлетворение их самых элементарных и насущных потребностей, на все культурно-бытовое строительство в Казахстане, давшем примерно половину этой прибыли, лишь 4% указанной суммы. Вопиющим противоречием бюрократической системы является то, что подобная политика приводит к большим материальным потерям, в конечном счете, идет во вред тому расширению производства, во имя которого она якобы проводится. Отсутствие на целине постоянных кадров и вызванная этим необходимость ежегодной переброски туда механизаторов, студентов, солдат, варварское отношение к технике со стороны случайных работников приводит к большим потерям урожая и удорожает продукцию. Эти потери намного превосходят средства, «сэкономленные» на культурно-бытовом и жилищном строительстве. Такая же картина наблюдается и на всех крупных и мелких стройках страны.

Блестящий пример этому — факты, приведенные первым секретарем ЦК ВЛКСМ Павловым на пленуме ЦК КПСС в ноябре 1962 г. Он указывал, что в Братске детских садов в 5 раз меньше, чем полагается по нормам обычного города. На 100 тыс. населения приходится 3 домовые кухни, 4 парикмахерские, 1 прачечная, 2 сапожные и 2 швейные мастерские. «Планы ввода новых домов здесь постоянно не выполняются». Виновниками всего этого являются отнюдь не местные бюрократы или объективные трудности, а то, что «министерство энергетики и электрификации СССР, стремясь во что бы то ни стало снизить стоимость квт-часа, произвольно

занижает нормы жилищного и культурно-бытового строительства. Например, количество детских садов и яслей уменьшено в 3 раза по сравнению с тем, что рекомендует Академия Архитектуры и строительства» (Комсомольская правда, 23 ноября 1962 г.). Эту же политику можно проследить на примере обеспеченности населения детскими учреждениями по стране в целом. На 33,4 млн детей дошкольного возраста к концу 1960 г. имелось лишь 3,1 млн мест в детских садах и яслях. При существующих темпах строительства (за 1956–1960 гг. в СССР построено детских учреждений на 1,5 млн мест, при рождаемости 5 млн в год) очевидно, что эта проблема не будет решена в течение ближайших 100 лет. Даже если считать, что темпы строительства увеличатся в 3 раза, то через 20 лет 30% детей не будут обеспечены детскими садами и яслями.

Тенденция к экономии на нуждах трудящихся не ослабевает, а наоборот, возрастает, о чем свидетельствуют указанные выше факты об уровне розничных цен, экономии на бюллетенях и т.д. Ярким примером этой экономии является и так называемое кооперативное строительство. Как известно, одним из достижений СССР является низкая квартирная плата и бесплатное предоставление жилищ. Находясь в тисках финансового кризиса, советская бюрократия начала наступление и на это завоевание трудящихся. Пользуясь острой нехваткой жилья в стране, бюрократия хочет выкачать деньги у трудящихся, заставляя их оплачивать строительство жилья из личных средств. О том, что эти расходы в основном должны лечь на плечи среднеоплачиваемых слоев населения, говорит тот факт, что высокооплачиваемые бюрократы и так имеют достаточно хорошие квартиры, положенные им по чину. Низкооплачиваемые слои трудящихся, которые при всем желании не в состоянии будут вступить в кооператив, также проиграют на этом ввиду того, что темпы государственного строительства неминуемо замедлятся, если кооперативное строительство приобретет сколько-нибудь значительный размах. Таким образом, говорим ли мы о социалистическом строительстве в целом или об отдельных его проявлениях, вроде освоения целины или строительства Братской ГЭС, всюду мы имеем дело с основной характерной чертой бюрократических методов руководства, вытекающих из основного экономического закона бюрократизма: во имя расширенного воспроизводства можно не только не стремиться к «максимальному удовлетворению постоянно растущих потребностей трудящихся», но и прямо игнорировать эти потребности.

Весьма высокие темпы развития зачастую достигаются за счет потребности трудящихся, в результате наплевательского отношения к их

нуждам со стороны правящей бюрократии. Причем продажная пресса пытается внушить народу, что именно в этом и заключаются его долг и счастье, что эти жертвы нужны стране и вызываются объективной необходимостью, а не просто есть результат хозяйничанья бюрократии, кстати сказать, избавленной от этих жертв. Здесь, однако, имеется известный предел. В отличие от предшествующих господствующих классов, процветание которых зависело от благосостояния государства лишь косвенно, бюрократия связана с ним совершенно непосредственно. Поэтому она способна призывать к порядку отдельных, особо зарвавшихся бюрократов и даже целые группы бюрократии; как только недовольство масс начнет серьезно угрожать бюрократической системе, тогда бюрократия (как и другие правящие классы) способна идти на довольно широкие уступки трудящимся массам. Однако природа бюрократизма такова, что он может руководить производством, в расширении которого он кровно заинтересован, только бюрократическими методами. Что это за методы?

Как было указано выше, основным законом бюрократизма является производство ради форсированного расширенного производства. Это может быть реализовано только путем «борьбы за план». Таким образом, если при капитализме получение максимальной прибыли осуществляется путем конкурентной борьбы, победа в которой дает возможность процветания данному капиталисту, при бюрократизме место конкурентной борьбы занимает борьба данного бюрократа за выполнение плана. И там, и там в ход пускаются любые средства, причем это положение распространяется не только на экономическую, но и на другие стороны общественной жизни. Однако в то время как для определения победы в конкурентной борьбе существуют объективные критерии (прибыль), при бюрократизме контроль за выполнением плана осуществляется вышестоящей инстанцией по определенным цифровым показателям, что дает дорогу штурмовщине, очковтирательству и т.п.

Организация производства при бюрократической системе покоится на следующих основных принципах:

А) Принцип бюрократического централизма.

Б) Принцип личной материальной заинтересованности.

Рассмотрим каждый из этих принципов.

А) Само понятие бюрократической системы требует, чтобы директор завода отвечал перед главком, совнархозом или министерством, а отнюдь не перед рабочими данного завода. Поэтому, несмотря на все разговоры о контроле снизу (особенно усилившиеся в связи с созданием Комитета

партийно-государственного контроля), действительный контроль снизу остается болтовней, т.к. вопросы о снятии, назначении, поощрении и наказании руководящих работников решаются только верхами. Низы, конечно, могут помогать и сигнализировать о тех или иных фактах, но с их голосом считаются только тогда, когда находят это нужным. (В советских газетах можно найти массу примеров, когда вопросы снятия даже мелких начальников по требованию коллектива решаются годами). Контроль же сверху может осуществляться лишь с помощью контрольных цифр. Как бы хитро и продуманно эти цифры ни подбирались, всегда остается возможность для очковтирательства и показухи. Чтобы избежать этого, применяется система мелочной опеки, которая делает управление громоздким, неповоротливым и дорогостоящим, приводит к волоките, бесконечной бумажной переписке, раздутому административному аппарату и громадным потерям, набегаящим по мелочам. Попытки контроля путем инспекций (личных поездок по местам, широко практикуемых Хрущевым) приводят лишь к новым затратам на организацию так называемых потемкинских деревень, не давая исчерпывающей информации о положении на местах. До тех пор, пока народное хозяйство было относительно небольшим, бюрократический централизм был необходим и полезен, и его положительные стороны (о которых говорилось во второй главе) преобладали над отрицательными. В настоящее время все возрастающее усложнение хозяйственной жизни делает неизбежной экономическую децентрализацию, которая подрывает основные принципы бюрократической системы. Понимая неизбежность экономической децентрализации и стараясь удержать ее в рамках бюрократической системы, Хрущев и его окружение проводят определенные реформы. К их числу относятся создание совнархозов, перестройка руководства сельским хозяйством, перестройка партийных организаций по производственному принципу, создание объединенной партийно-государственной инспекции. Все эти полумеры не могут дать значительного эффекта, т.к. они оставляют неизбывными основные принципы бюрократизма, а вместе с ними и то положение, при котором руководители не заинтересованы в наиболее полном использовании всех возможностей своего предприятия, получении наиболее напряженного плана и т.д. Эти факты признало большинство советских экономистов в дискуссии, поднятой на страницах газет и журналов в 1962 г. Непосредственный производитель также фактически не заинтересован в результатах деятельности своего предприятия, ибо он знает, что выполнение плана зависит не столько от его усилий, сколько от сложных махинаций руководства, повлиять на которые он бессилён.

Многолетний опыт показал рабочему, что не он, а директор является полным хозяином на заводе. (Молодое поколение в этом отношении быстро развращается уроками жизни и влиянием старших).

Поэтому все призывы к бережливости, заботе о государственной собственности, хозяйскому отношению к своему предприятию повисают в воздухе, а все мероприятия по экономии государственных средств проводятся административным путем. Система бюрократического производства делает низы незаинтересованными в росте производительности труда. Руководство страной все более запутывается в объективных противоречиях бюрократической системы.

Б) Теперь остановимся на принципе личной материальной заинтересованности. При бюрократическом методе организации производства бюрократия может добиться выполнения трудящимися своих обязанностей, только применяя этот принцип. Поскольку рабочий не является хозяином произведенного им продукта, «сознательность» не может явиться стимулом его труда, и, чем больше противопоставляет он себя государству, тем на меньшую его «сознательность» в этом вопросе государство может рассчитывать. В первые годы советской власти широкое распространение получили субботники — бесплатный, неконтролируемый, добровольный труд. Ленин очень высоко ценил их политико-воспитательное значение. Однако крестьянский характер страны обуславливал и другую тенденцию: «...Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма... на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете...» (Ленин). В дальнейшем, с укреплением позиций бюрократии, с усилением классового характера государства, последовательное использование принципа сознательности оказалось совсем неприемлемым. Поэтому все попытки советской бюрократии опереться на сознательность и энтузиазм через некоторое время кончились провалом. Таким образом, единственным средством развития производства оставался принцип личной материальной заинтересованности. «Этот принцип индивидуальной заинтересованности, противоречащий, как это всегда бывает, общественному благу, рассматривается всеми известнейшими политико-экономами как краеугольный камень всей социальной системы, без которой общество не могло бы существовать... Из этого принципа личной заинтересованности возникли все виды разделения человечества, бесчисленные ошибки и бедствия, создаваемые классами, сектами и партиями, национальная вражда... все преступления и бедствия, испытываемые человеком» (Оуэн Р. Избранные сочинения в 2 т. М.-Л., 1950). Рассмотрим, к каким последствиям приводит применение этого принципа в Советском Союзе.

1) Принцип материальной заинтересованности дезорганизует производство. Например, рабочие, работающие на сдельщине, заинтересованы выдать возможно большее количество продукции, что зачастую достигается ее низким качеством, большим износом оборудования, перерасходом сырья. Все это требует громадного аппарата контроля. Борьба за премии (за выполнение и перевыполнение плана) приводит к авральщине и припискам. Принцип личной материальной заинтересованности мешает повышению производительности труда, так как рабочие знают, что значительное повышение производительности труда приводит к пересмотру норм и расценок, в чем рабочие лично материально не заинтересованы. Этот принцип в значительной степени тормозит внедрение новой техники, т.к. ее освоение связано с риском перевыполнения плана и, следовательно, лишения премиальных, а также снижения расценок, когда техника будет внедрена (снижение расценок зачастую опережает повышение производительности труда).

2) Принцип личной материальной заинтересованности развращает людей, противопоставляя личные интересы общественным. В тех случаях, когда личные и общественные интересы совпадают, он, возможно, дает определенные положительные результаты, но, когда личные интересы необходимо подчинить общественным, люди, воспитанные на принципе личной материальной заинтересованности, зачастую жертвуют общественными интересами. Отсюда очковитительство, расхищение народной собственности, наплевательское отношение к нуждам общества и государства. Этот принцип в руках бюрократии является средством давления на трудящихся (распределение более выгодной работы, «хорошее» закрытие нарядов, повышение разрядов и т.д.).

3) Этот принцип часто мешает людям найти свое место в жизни, приковывая их к случайно выбранной профессии; увековечивая тем самым разделение труда, он затрудняет смену профессий. Это приводит к тому, что большая масса людей работает, будучи совершенно равнодушной к своей профессии. Труд для них становится только способом получения средств существования, постылой, неприятной обязанностью. Именно этот принцип вызывает появление бесполезных диссертаций, бездарных, полухудожественных литературных произведений. Именно этот принцип порождает стремление пролезть «наверх» в номенклатурные работники, в науку, в искусство, стремление людей, неспособных приносить обществу пользу в этих областях и подгоняемых лишь личной материальной заинтересованностью; отличаясь большей частью неразборчивостью в средствах, эти люди мешают появлению

там действительно ценных для общества работников. Видя отрицательные последствия принципа личной материальной заинтересованности, советская бюрократия пытается найти выход, применяя принцип коллективной заинтересованности (премии за выполнение плана предприятия и т.д.). Однако, в силу бюрократического централизма, при котором, как было указано, выполнение плана зависит не столько от рабочих, сколько от махинаций администрации, этот принцип фактически превращается в принцип личной материальной заинтересованности управленческого персонала. Для рабочих же он превращается также в принцип личной материальной заинтересованности, осуществляемый путем депремирования. Принцип коллективной заинтересованности может быть по-настоящему применен только в действительно социалистическом обществе. Недостатки этих принципов (бюрократического централизма и личной материальной заинтересованности) — это недостатки самой бюрократической системы, эти принципы и система неразделимы, причем отрицательные последствия применения этих принципов сказываются с нарастающей силой. Прежде всего это относится к сельскому хозяйству. Как мы видели в третьей главе, форсирование промышленного строительства в СССР стало возможным благодаря разорению деревни, поэтому на ее экономике отрицательные стороны хозяйничанья бюрократии сказывались особенно резко. Правда, бюрократии с грехом пополам пока удастся обеспечить все городское население страны, но недаром проблемы сельского хозяйства вот уже 10 лет не сходят с повестки дня пленумов ЦК. Советские экономисты очень любят цитировать положение Ленина о том, что производительность труда есть, в конечном счете, самое главное для победы нового общественного строя. Посмотрим, как обстоит дело, если сравнить производительность труда в сельском хозяйстве СССР и США (см. табл. 5).

Цифры эти говорят сами за себя. Существенно отстает СССР и по урожайности основных сельскохозяйственных культур (см. табл. 6).

Более того, советские экономисты вынуждены признать даже такой печальный факт: «статистический ежегодник ЦСУ показывает, что урожайность в личных подсобных хозяйствах заметно выше, чем в колхозах и совхозах» (*) (Вопросы экономики, 1962, № 7).

Это отставание вызвано не только нехваткой техники и удобрений, но и качественно неполноценным составом сельскохозяйственного населения. Как известно, в СССР идет интенсивный отлив населения из деревни, причем уходит, в основном, наиболее ценная рабочая сила

Таблица 5

Затраты времени в человеко-часах на производство одного центнера сельскохозяйственной продукции (СССР среднее за 1956–1957 гг., США – за 1956 г.)

	США	СССР	
		в совхозах	в колхозах
Зерно	1,0	1,8	7,3
Картофель	1,0	4,2	5,2(?)
Сахарная свекла	0,5	2,1	3,1
Хлопок	18,8	29,8	42,8
Привес крупного рогатого скота	7,9	52,0	112,0
Привес свиней	6,3	43	103

(СССР – США. Справочник. 1957 г.)

Таблица 6

Сравнительные данные разных стран по урожайности важнейших сельскохозяйственных культур (в центнерах с га) и по поголовью скота на 100 га

		Пшеница	Рожь	Кукуруза	Картофель	Сахарная свекла	Поголовье скота на 100 га
СССР	яровая	6,1	х	14,9(?)	92	157	10,1
	озимая	14,7					
США		13,5	8,2	28,7	197	350	21,1
Канада		16,9	9,9	35,2	147	254	15,8
ФРГ		32	25,2	28,4	236	350	82(?)
Швеция		24	21,7	–	165	356	55,5

(Цифры по капиталистическим странам взяты из справочника «Сельское хозяйство капиталистических стран»). (Сельское хозяйство капиталистических стран. Статистический справочник. М., 1959).

(Цифры по СССР взяты из сборника «Народное хозяйство СССР» за 1960 г. Данные относятся к 1956–1957 гг.).

(мужчины, молодежь). Даже после мероприятий 1953–1954 гг. положение не изменилось. Как следует из доклада Хрущева на пленуме ЦК в марте 1961 г., за период с 1953 г. по 1961 г. из деревни ушло более 8 млн человек. Комсомольские призывы и другие аналогичные мероприятия дают лишь временный эффект и далеко не компенсируют этот отлив. Он будет, безусловно, продолжаться, не случайно советские экономисты говорят о том, что из деревни надо перебросить в ближайшие годы около 25 млн человек (Вопросы экономики, 1960, № 7; статья Струмилина). Так как это будут наиболее полноценные работники, качественный состав аграрного населения еще более ухудшится. Никакая техника не спасет положение, если в деревне останутся женщины, дети, старики и случайные элементы. Кризису в сельском хозяйстве немало способствовали и бюрократические методы руководства, о чем сейчас достаточно много пишут в официальной прессе, сваливая ответственность за эти методы на Сталина и объявляя их изжитыми. Однако положение, по сути, не изменилось, что можно видеть на следующем примере: как известно, в 1958 г. Хрущев бросил лозунг догнать в 2–3 года США по производству молока и мяса на душу населения. Этот лозунг был немедленно широко разрекламирован, и его тотчас начали претворять в жизнь. Между тем академик Струмилин справедливо указывал: «Цены продуктов (имеются в виду закупочные цены) во многих районах оказываются еще ниже этого уровня (имеется в виду уровень себестоимости) или даже явно убыточны. Если сопоставить эту ориентировку цен с текущими планами догнать и превзойти в ближайшие годы США по производству на душу населения мяса, масла и молока, то можно подумать, что, планируя такие цены, кто-то задался специальной целью подвергнуть наших колхозников серьезнейшему испытанию» (*) (Вопросы экономики, 1960, № 7, с. 88). Но бюрократическая машина работала на полную мощность, не останавливаясь ни перед поголовным забоем скота, ни перед приписками (чего стоит хотя бы история с Рязанской областью). Результаты известны. По статистическим данным, СССР обогнал США по производству молока и масла, в стране возникла острая нехватка мясных и молочных продуктов (за исключением нескольких центральных городов) — и, как итог старых и новых авантюр в этой области, крупное повышение цен в июне 1962 г. О том, что подобные авантюры будут продолжаться и впредь, свидетельствуют методы перехода на пропашную систему земледелия, перехода, не обеспеченного ни техникой, ни удобрениями, но уже осуществляемого под нажимом сверху. Это положение в сельском хозяйстве является оборотной стороной известных успехов, достигнутых

в промышленности, и неразрывно связано с бюрократической системой. Дальнейшее обострение сельскохозяйственного кризиса — часть общего кризиса бюрократизма в стране.

Что касается промышленности, то, на первый взгляд, кажется, что здесь дело обстоит значительно лучше. И действительно, промышленное производство в СССР выросло с 1913 г. по 1960 г. в 45 раз, а доля страны в мировом промышленном производстве увеличилась за то же время с 3% до 20%. Выше мы, однако, видели, какими средствами это было достигнуто. Советская промышленность строилась за счет форсированных капиталовложений, сэкономленных на потреблении. Процент капиталовложений в СССР значительно выше, чем в капиталистических странах, так, например, за 195... (*неразб. — Ред.*) — 1959 гг. ежегодная доля национального дохода, идущая на накопление, составляла 27–28% (см., например, Хавина «Против буржуазных экономических псевдотеорий социализма»). Это 2–3 раза превышает американские нормы. «...Уже одно это, не считая даже всех других преимуществ планового хозяйства, объясняет, почему темпы роста продукции и производительности труда в странах социализма в несколько раз превышают темпы развития капиталистической экономики» (Струмилин В.Г. Проблемы социализма и коммунизма в СССР. М., 1961, с. 22). Бюрократическая система позволяет изымать и централизованно направлять эти средства на расширенное воспроизводство. Но уже на данном этапе проявляется неспособность бюрократической системы их правильно использовать, в результате чего эффект капиталовложений зачастую крайне мал. Это опять-таки можно проследить на примере производительности труда. Вот факты, приведенные в докладе Булганина Н.А. (бывшего тогда председателем Совета Министров) на пленуме ЦК в июле 1955 г. В 1940 г. на шахтах министерства угольной промышленности было всего 24 комбайна, в 1954 г. их было 1600, породоразгрузочных машин было 36, а стало более 3 тыс., число электровозов возросло почти в 6 раз. Несмотря на это, производительность труда в угольной промышленности в 1954 г. лишь немного превысила уровень 1940 г. Лесозаготовительные предприятия в 1954 г. имели больше, чем в 1940 г., тракторов почти в 6,5 раз, лесовозных машин — почти в 3 раза, паровозов и мотовозов — более чем в 7 раз. На этих предприятиях имеется свыше 120 тыс. электропил, которых до войны не было совсем. Между тем производительность труда на лесозаготовках и сплаве увеличилась лишь на 6%. (См.: Правда, 18 июля 1955 г.). Это же положение характерно, в менее острой форме, и для всей промышленности в целом. По данным

академика Струмилина, Россия отставала от США в 1914 г. по выработке на одного рабочего в 4 раза (Струмилин В.Г. Проблемы социализма и коммунизма в СССР.. с. 314). В настоящее время выработка на одного рабочего, занятого в промышленности и строительстве, в СССР в 2–2,5 раза ниже американской («Народное хозяйство СССР в 1961 г., с. 139). В то время, как разрыв по выпуску промышленной продукции сократился с 10 до 1,8 раза, мы видим, что сокращение разрыва в производительности труда шло гораздо медленнее, это и понятно в свете того, что говорилось о бюрократических методах организации производства. В настоящее время наблюдается заметное снижение темпов роста производительности труда (несмотря на то, что внедрение новой техники происходит достаточно интенсивно). Это видно из следующей таблицы (Мировая экономика... 1962, № 1, с. 57):

Таблица 7

Годы	1929–32	1933–37	1938–40	1941–50	1951–55	1958–60
Процент прироста	9,0	12,7	9,9	3,2	7,6	6,7

Из сообщений ЦСУ о выполнении плана 1961 и 1962 годов известно, что предусмотренный на 1960–1980 гг. ежегодный процент прироста в 7,2% не достигнут, в 1962 г. он составил 6%. Бюрократические методы форсирования производства за счет капитальных вложений также оказываются недостаточными, поэтому наблюдается снижение темпов роста советской экономики. Это приводит к тому, что некоторые капиталистические страны за счет государственного вмешательства в экономику и увеличения доли накоплений в национальном доходе развивают такие же темпы. Если в СССР прирост промышленной продукции составлял в 1961 г. 9,5%, то в Италии — 9,05%, в ФРГ — 8,4% (Мировая экономика... 1962, № 3). Бюрократия, чувствуя все эти тревожные тенденции, как уже указывалось выше, ищет выход в перестройках и реорганизациях. Эти бюрократические перестройки академик Струмилин в свое время охарактеризовал следующим образом: «Неуклонно разбухавший административный аппарат чуть ли не ежегодно беспощадно сокращался, но он, как феникс из пепла, возрождался вновь. Одна административная перестройка следовала за другой, министерства разукрупнялись и вновь укрупнялись. Число их сокращалось и вновь умножалось. Госплан расчленялся на свои элементы и снова восстанавливал свое единство» (*).

(Струмилин В.Г. Проблемы социализма и коммунизма в СССР. М., 1961, с. 303). В настоящее время частота и размах этих перестроек приобрели еще более грандиозные масштабы. Одновременно с докладом Хрущева, возвещающим об очередной перестройке системы управления народным хозяйством (пленум ЦК в ноябре 1962 г.), совещание крупнейших советских экономистов настаивает на необходимости коренного изменения в системе материального стимулирования деятельности предприятий (см.: Вопросы экономики, 1962, № 10). Однако выше мы показали, что причиной всех бед и неполадок являются не столько те или иные организационные дефекты, сколько сама бюрократическая система. Все средства, которыми в настоящее время пытаются излечить противоречия бюрократизма — децентрализация управления, упор не на личную, а на коллективную материальную заинтересованность, предоставление трудящимся некоторых прав в области контроля, а частично, и управления производством, уголовные наказания для недобросовестных бюрократов — по самой своей сути враждебны бюрократической системе, подрывают основные принципы бюрократической организации производства. Поэтому бюрократия может применять их лишь в такой дозе и в таких формах, которые могут дать лишь временный и частичный эффект, именно поэтому последующие мероприятия являются зачастую прямой противоположностью предыдущих.

Подводя итоги, следует еще раз рассмотреть сущность эксплуатации при бюрократизме. Вопрос о наличии эксплуатации фактически сводится к вопросу о том, куда идет создаваемая трудящимися прибавочная стоимость, насколько целесообразно с их точки зрения она используется. На первый взгляд кажется, что рабочий теряет не так много и только за счет того, что крупные бюрократы получают высокие жалования, вместо того чтобы получать заработную плату среднего рабочего. Однако это лишь самая наглядная, но далеко не самая большая часть потерь. Для того чтобы сохранить свое господство, бюрократия должна содержать большой дорогостоящий аппарат насилия и громадный аппарат пропаганды. На эти органы также расходуется немалая часть прибавочного продукта. Но основная доля потерь общественных производственных сил приходится на саму бюрократическую систему организации производства. Анархия бюрократического производства, проявляющаяся в штурмовщине, местничестве, мелочной регламентации, несогласованности деятельности отдельных бюрократов, очковитирательстве, приписках, работе ради формального выполнения плана, приводит к таким потерям, по сравнению с которыми потери на более высокую оплату бюрократов

невелики. Попытки ограничить эту анархию производства приводят к колоссальному усложнению бюрократического аппарата, содержанию огромного штата (по переписи 1959 г. — около 6 млн) бухгалтеров, учетчиков, ревизоров и контролеров. Это приводит к новым расходам, которые также ложатся на плечи трудящихся. Все это и материальное неравенство, и чувство беспомощности перед бюрократической анархией производства приводит к тому, что и рабочий начинает плевать на интересы производства, равнодушно проходить даже мимо тех недостатков, которые он в состоянии устранить. В результате этого бесполезные для общества расходы при бюрократизме отнюдь не сокращаются, а прибавочная стоимость идет не столько на расширение производства (что, в конечном счете, принесло бы пользу трудящимся), сколько на покрытие все возрастающих «издержек» бюрократической системы. Только ликвидация этой системы позволит ликвидировать бюрократическую анархию производства.

Теперь рассмотрим, какая политическая надстройка соответствует бюрократическому базису. Экономической монополии государства соответствует политическая монополия одной партии, выражающей интересы бюрократии. Для капитализма характерна многопартийная система. Это вызвано следующими обстоятельствами:

1) Независимо от того, какая буржуазная партия находится у власти, капиталист остается капиталистом, т.к. средства производства остаются в его руках.

2) Экономическая конкурентная борьба между отдельными группами капиталистов отражается в политической борьбе различных буржуазных партий.

3) С помощью многопартийной системы буржуазия обеспечивает себе послушность государственного аппарата, т.к. все высшие государственные чиновники периодически меняются и всегда чувствуют свою зависимость от тех капиталистов, которые поддерживают у власти их партию.

Многопартийная система обеспечивает в стране определенную демократию, что делает возможным легальное существование рабочих партий, враждебных самой сути капитализма. С другой стороны, существование этих партий является вынужденной уступкой, вырванной у буржуазии пролетариатом в упорной классовой борьбе. Более или менее мирясь с существованием коммунистических партий, пока они не представляют для нее непосредственной опасности, буржуазия в моменты обострения классовой борьбы беспощадно применяет все меры

подавления к этим партиям. (Отсюда следует, что мирный приход коммунистов к власти надо признать маловероятным и ориентироваться на него нельзя). При обострении политического кризиса буржуазия зачастую вынуждена искать спасения в сильной власти и установлении единопартийной диктатуры. Однако в этом случае высшие государственные чиновники, оказавшиеся практически несменяемыми, выходят из-под контроля поставившего их класса (буржуазии), приобретают свои собственные особые интересы и, в конечном итоге, как показывают примеры Египта, Бирмы и т.п., приобретают и экономическую власть, национализуют частную собственность и превращаются в бюрократию. Таким образом, мы видим, что буржуазное государство может оставаться буржуазным, лишь сохраняя многопартийную систему и связанный с ней минимум демократических свобод. Иначе обстоит дело при бюрократизме. Здесь бюрократ принадлежит к господствующему классу только в силу того, что занимает определенный пост. Поэтому наличие в стране нескольких партий и связанная с этим периодическая смена высших государственных чиновников не только ставит под угрозу личное пребывание отдельных лиц на высших постах (и тем самым их принадлежность к бюрократической верхушке), но и делает весь класс бюрократии до известной степени подконтрольным массам, т.к. бюрократическая верхушка данной партии, для того чтобы удержаться у власти или прийти к ней, должна будет апеллировать к массам, в какой-то мере служить их интересам и заставлять это делать низовую бюрократию. Отсюда следует, что для бюрократизма многопартийная система практически неприемлема. (Отметим, что для пролетариата многопартийная система нужна, т.к. является существенной гарантией от того, чтобы депутаты и чиновники, выбранные народом, из слуг общества не превратились в его господ).

На первый взгляд, положению о необходимости для бюрократизма однопартийной системы противоречит тот факт, что в большинстве стран народной демократии существуют несколько партий. Однако очевидно, что такое положение не может быть названо многопартийной системой, т.к. партии объединены в единый блок, признают руководство соответствующей коммунистической партии и на выборах выступают не как конкуренты коммунистической партии, а выставляют единый список кандидатов, состав которого определяется межпартийным соглашением, т.е. соглашением между бюрократическими верхушками этих партий. Наличие в стране однопартийной системы приводит к полному сращиванию между партией и государством, и так как все материальные средства пропаганды (типографии, радио и т.д.) находятся в руках государства, они

тем самым находятся в руках правящей партии. Слияние партии с государством приводит к тому, что всякое выступление против партии является выступлением против государства. Для расправы со своими противниками партия может использовать мощный государственный аппарат подавления. Все это неизбежно приводит к полной бесконтрольности партии, подавлению всякой оппозиции и ликвидации всех демократических свобод. В таких условиях становится невозможной и внутрипартийная демократия, т.к. аппарат подавления непосредственно находится в руках не всей партии в целом, а в руках партийно-государственной верхушки, и она может использовать его и против любого члена своей партии, выступившего против ее политики.

Наличие в руках той же верхушки всех средств пропаганды и невозможность для рядовых членов партии получать информацию из каких-либо других источников делают власть этой верхушки еще более бесконтрольной. Поэтому внутрипартийная демократия, существовавшая в КПСС в первый период после революции, была ликвидирована, как только бюрократия организовалась как класс. Репрессии времен культа личности (как уже указывалось) были, в частности, нужны и для того, чтобы окончательно ликвидировать у членов партии всякое желание обсуждать указания сверху и превратить их в нерассуждающих исполнителей. В настоящее время много говорится о возрождении внутрипартийной демократии, создается видимость обсуждения проектов решений ЦК, а в программе КПСС говорится даже о возможности внутрипартийной дискуссии. Однако известно, что проект «Сталинской конституции» тоже всенародно обсуждался и одобрялся в 1936 г., но все права, гарантированные этой конституцией, не спасли население СССР от репрессий 1937–1938 гг.

За партийно-правительственной верхушкой остается право ставить на обсуждение тот или иной вопрос (как известно, вопросы о повышении цен и возобновлении испытания ядерного оружия вообще открыто не обсуждались). Во-вторых, для обсуждения того или иного вопроса необходимо, чтобы обсуждающие были правильно информированы о нем, что опять-таки предоставляется на усмотрение бюрократии. Кроме того, все проводимые обсуждения носят чисто консультативный характер, а право окончательного решения бюрократия оставляет за собой. Отсюда следует, что партия в условиях СССР может быть только орудием в руках бюрократического руководства, которое используется, с одной стороны, как армия пропагандистов для рекламы бюрократического строя, с другой стороны, стараясь привлечь туда наиболее активную часть населения,

бюрократия использует партию как рычаг для руководства остальной массой народа. В этих условиях даже лично честные и преданные делу коммунизма люди, являясь членами партии, объективно приносят вред, т.к. их авторитет и деятельность используются бюрократией для укрепления своего господства. Поэтому название «коммунистическая» не имеет к деятельности КПСС никакого отношения. Лучше всего ее роль можно охарактеризовать словами Грамши: «Трудно допустить, чтобы какая-либо политическая партия... не выполняла также и полицейскую функцию, то есть функцию защиты определенного узаконенного политического порядка... Отличительным критерием какой-либо партии служит характер ее деятельности: если партия является прогрессивной, она выполняет эту функцию “демократически” (в смысле демократического централизма); если партия является регрессивной, она выполняет эту функцию “бюрократически” (в смысле бюрократического централизма). Во втором случае партия представляет собой простого нерассуждающего исполнителя, она является (в техническом отношении) полицейской организацией, и ее название — “политическая партия” — представляет собой простую метафору, носящую мифологический характер» (Грамши А. Избранные произведения в 3 т. Т. 3. М., 1959, с. 142–143).

А о том, что КПСС представляет собой нерассуждающего исполнителя, говорят хотя бы те факты, что в 1952 г. на XIX съезде она восторженно одобрила деятельность Сталина и осудила «кровавую клику Тито», в 1956 г. на XX съезде внезапно и единогласно осудила деятельность Сталина и признала Тито «дорогим товарищем»; через год молча проглотила слова Хрущева, который заявил, что «в нашем понимании «сталинист», как и сам Сталин, неотделимы от великого звания коммуниста» (Правда, 13 января 1957 г.), и осудила «югославских ревизионистов»; летом 1957 г. внезапно (и опять-таки единодушно) осудила деятельность Молотова, Кагановича и др., которых более 40 лет подряд выбирала в состав ЦК, в 1962 г. осудила Албанскую партию труда, фактически осудила Китайскую компартию и вновь помирилась с Союзом коммунистов Югославии. За последние 30 лет ни один коммунист не выступил публично с критикой деятельности ЦК или его отдельных членов до того, как их деятельность была осуждена руководством ЦК. И если после смерти Хрущева его деятельность будет объявлена вредной, ошибочной и на этом основании его труп будут перетаскивать из одной могилы в другую, то не подлежит сомнению, что Коммунистическая партия СССР на своих съездах и собраниях единогласно одобрит все эти решения нового ЦК во главе с новым первым секретарем. И в этом нет ничего удивительного, ибо «когда

граждане, впад в рабство, не обладают ни свободой, ни волей, тогда страх и месть обращают голосование в восклицания, обсуждений больше нет: либо обожают, либо проклинают» (*) (Ж.-Ж. Руссо. «Об общественном договоре»).

Именно однопартийная система сделала возможным существование в СССР «культ личности» со всеми связанными с ним преступлениями. В настоящее время бюрократия изменила методы своего господства (о причинах этого изменения говорилось в третьей главе). Однако это изменение — именно либерализация, а не демократизация бюрократического режима. Основные черты бюрократической системы, при которой вся власть в стране находится в руках неподконтрольного массам класса бюрократов, а фактически даже в руках высшего круга высшей партийно-государственной бюрократии, полностью сохранились в настоящее время. В силу наличия однопартийной системы у масс по-прежнему отсутствует не только возможность менять неугодных руководителей, но и возможность критики правительственной политики. О каких свободах может идти речь, если возможность безнаказанно рассказать в узком кругу политический анекдот расценивается как верх демократии. Как можно говорить о том, что народ распоряжается судьбами страны, а правительство выражает волю народа, если пролетариат (наиболее сознательная и организованная часть населения) вынужден прибегать к явно антиконституционным методам борьбы — забастовкам для отстаивания своих экономических интересов.

Правда, в настоящее время бюрократия (по указанным выше причинам) делает основной упор на демагогию и подкуп, а не на репрессии. Укрепив международное положение страны, ее экономику и свое господствующее положение в стране, бюрократия на базе «возросшего благосостояния трудящихся» может отказаться от применения массовых репрессий, которые во времена Сталина были не столько средством подавления врагов бюрократии (их среди огромной массы заключенных было немного), сколько средством запугивания народа. Отказ от политики репрессий облегчается для бюрократии и тем обстоятельством, что массы достаточно запуганы и, как говорил Энгельс о политике Николая I, «подготовлены к конституции», т.е. не питают никаких иллюзий относительно реальности предоставляемых им конституцией прав. Однако в тех случаях, когда бюрократия чувствует угрозу своему господству, она, не задумываясь, прибегает не только к самой беззастенчивой клевете и травле, как в случаях с Дудинцевым, Пастернаком, Эренбургом, но и к арестам недовольных. Подлинная цена фраз о единстве народа и правительства проявилась

в событиях, происшедших в стране в последние годы. Это широкие массовые волнения, имевшие место в ряде городов. Это события в Тбилиси в 1955 г. (стихийные митинги и демонстрации в годовщину смерти Сталина при попытке их разогнать закончились перестрелкой с войсками и попыткой взять штурмом дом радио). Это драка с милицией на стадионе в Ленинграде в 1957 г. Это захват здания обкома партии в Грозном в 1957 г., это разгром крайкома партии в Краснодаре в 1959 г. Эти события, зачастую начинавшиеся из-за мелкого столкновения с милицией и сопровождавшиеся рядом хулиганских эксцессов, тем не менее, свидетельствуют о взаимоотношениях народа и правительства значительно лучше, чем результаты выборов в Верховный Совет.

Эта накопившаяся в массах ненависть к бюрократическому режиму при благоприятных условиях может привести к его быстрому и бесславному падению, как это было в Венгрии в 1956 г. (Надо заметить, что, возможно, нами перечислены не все события подобного рода, т.к. советская бюрократия, пользуясь преимуществами однопартийной системы, успешно скрывает такие факты). Наиболее ярким примером подавления бюрократией интересов трудящихся являются события в Новочеркасске в июне 1962 г. Когда рабочие крупнейшего в городе завода в ответ на повышение цен и снижение расценок объявили забастовку, бюрократия, не задумываясь, применила войска для подавления недовольных и вывела танки на улицы города.

Почему же бюрократия снова не переходит к прежним, террористическим, формам своего господства, и возможен ли такой переход? Помимо того, что было изложено в третьей главе, надо сказать, что одной из основных причин отказа от прежнего курса является страх самой бюрократии и ее верхушки перед своими собственными органами подавления, страх перед тем, что, если дать этим органам слишком большую власть (а это неизбежно в случае перехода к террору), от этого пострадает сама бюрократия. Кроме того, необходимость активизировать деятельность средней и низшей бюрократии вызывает необходимость дать ей некоторые права и дать ей возможность «рассуждать». Однако очевидно, что все эти факторы не могут дать сколько-нибудь надежной гарантии от возвращения бюрократии к террористическим методам управления. Цену же тем демагогическим гарантиям, которые преподносятся официальной прессой и, в частности, новой программой КПСС (разделение функций первого секретаря ЦК и председателя Совета Министров между разными лицами, о чем говорилось в докладе Хрущева на XX съезде, регулярный созыв пленумов и съездов, периодическое обновление

состава руководящих органов и т.п.), можно увидеть хотя бы из того, как легко и незаметно исчезла первая из этих гарантий и Хрущев сосредоточил в своих руках партийную и государственную власть. Точно так же могут исчезнуть и остальные гарантии, если они начнут мешать бюрократии. Демагогический метод не может существовать в условиях острых классовых противоречий сколько-нибудь длительное время. Как только в демагогию перестанут верить (а это происходит на наших глазах) и недовольство народа примет опасные для бюрократии размеры, бюрократия неизбежно вернется к террору. Только страх перед ответной реакцией масс, а отнюдь не добрые намерения бюрократии, могут гарантировать стране невозможность повторения событий 1937–1938 гг.

Однопартийная система губительно сказывается и на развитии в стране философии, науки и искусства. Бюрократия на словах клянется в верности марксизму с его диалектическим методом. Однако фактически перед общественными науками ставится задача защищать существующий порядок, объявляя самым справедливым и совершенным не только порядок в целом, но и каждое данное мероприятие бюрократии. Это приводит к тому, что на практике место диалектического материализма неизбежно занимает прагматизм, обильно сдобренный демагогией. Бюрократы, непосредственно стоящие у власти и «делающие политику», руководствуются отнюдь не положениями марксизма, а собственными бюрократическими интересами. Это видно из всех фактов и цитат, приводимых в данной книге. Общественные науки в этих условиях вырождаются в схоластику, пережевывание наиболее безопасных (на данный момент) тезисов классиков и в прямое холуйство. Даже сторонники Советского Союза, такие, как известный борец за мир Дж. Берналл, вынуждены признать, что «как это ни парадоксально, но с того времени, когда у власти стали правительство и партия, руководствующиеся марксизмом, философия, тесно связанная с политикой, проявляла гораздо меньше оригинальности и слабо развивалась, чем в то время, когда марксисты находились в оппозиции к существовавшему тогда строю» (*) (Берналл Дж. Наука в истории общества. М., 1956, с. 630).

Правда, Дж. Берналл считал, что с ликвидацией культа личности положение кардинально изменится, но мы видим, сколь сомнительную ценность имеют философские построения Хрущева, сформулированные в программе КПСС. Для философов рангом ниже основным движущим стимулом по-прежнему является страх не угодить начальству. Повторение тезисов марксизма, не угодных нынешнему начальству, объявляется догматизмом, критика марксистских тезисов, угодных начальству, —

ревизионизмом. Право на «творческий марксизм» имеет только самая высшая бюрократия, а практически один первый секретарь ЦК. В настоящее время высшей свободой, дарованной общественным наукам после XX съезда, является возможность вести дискуссии по тем вопросам, которые еще не были освещены в соответствующих высказываниях Хрущева или других крупных бюрократов. Страх перед новым в области общественных наук ведет к страху перед новым вообще (особенно если это новое идет со стороны Запада). Наглядным доказательством банкротства советской официальной философии и в области диалектического материализма является длительное непризнание ею крупнейших достижений науки XX века (теории относительности, генетики, кибернетики). Немалую роль при этом сыграло и то обстоятельство, что частное мнение отдельных ученых, провозглашенное со страниц партийной печати, становилось «линией партии» в данном вопросе и тем самым ставилось вне критики. К упорствующим — инакомыслящим — применялись меры, наглядно продемонстрированные в борьбе со сторонниками так называемого «вейсманизма-морганизма» (публичная травля, начатая на сессии ВАСХНИЛ в 1948 г., удаление с научных постов и прямая ссылка, изъятие из продажи и библиотек их научных трудов). К счастью, дело не всегда доходит до такого идиотизма. Бюрократия поняла, что полная ликвидация возможности всякой дискуссии между специалистами данной отрасли обрекает науку на застой. И если в области общественных наук бюрократия вынуждена предпочесть застой, то в области естественных наук, развитие которых необходимо для укрепления государства, бюрократия готова допустить некоторую свободу. Однако и здесь специалисты должны склоняться перед официальной линией. Нынешняя борьба с «травопольщиками», вернее, ее методы, когда печатаются только статьи, осуждающие травополюе, и не публикуются никакие статьи его сторонников, когда сторонники травополюа увольняются со всех должностей, свидетельствует о том, что основные позиции бюрократии в вопросах науки остались прежними.

Аналогичное положение сложилось в литературе и искусстве, которые низведены просто до роли аппарата пропаганды. Однопартийная система приводит к тому, что всякая критика деятельности партии (а следовательно, и правительства) расценивается как сознательное или бессознательное вредительство. А так как вся современная действительность наглядно демонстрирует массу темных сторон бюрократизма, то само ее правдивое изображение неминуемо становится опасным для господства бюрократии и потому преследуется. Примерами таких преследований

могут явиться уже упомянутое «дело Пастернака», кампании, поднятые по команде Хрущева всей официальной прессой против Дудинцева (1956 г.) и Эренбурга (1963 г.). Однако чаще бюрократия просто не пропускает такие произведения в печать, пользуясь своей монополией в этой области. Конечно, «нормы дозволенного» могут несколько суживаться или расширяться в зависимости от методов господства бюрократии на данном этапе, личных вкусов крупнейших бюрократов и тому подобных факторов. Однако подлинно правдивое отражение существующей действительности (без чего немыслимо настоящее художественное произведение) возможно лишь в том случае, когда автор избирает узкие рамки, позволяющие не касаться острых политических вопросов, а тем более не будет обобщать. В результате этого советская литература вместо того, чтобы ставить действительно наболевшие вопросы общественной жизни (как это делала русская классическая литература) и этим освещать обществу путь вперед, в лучшем случае способна освещать уже пройденный путь и бичевать уже осужденные сверху недостатки.

В период культа личности бюрократия регламентировала не только содержание, но и форму произведений (например, постановление ЦК в 1948 г. об опере Мурадели «Великая дружба»). В конце 1962 г. подобный же административно-идеологический подход начат Хрущевым под лозунгом борьбы с формалистическими тенденциями. Все вышеуказанное неизбежно накладывает отпечаток и на мораль советского общества. Наши друзья и даже наши враги за рубежом исходят из того положения, что народ Советского Союза (в противоположность «растленному Западу») весь охвачен единым трудовым порывом, что в СССР имеется огромный моральный подъем и какая-то всеобъемлющая национальная цель. На самом деле это не так. Если и можно говорить о каких-то общих настроениях, то ими является прежде всего разочарование в бюрократической системе, что приводит к политической пассивности и равнодушию к общественной жизни. Кому не известно, как проходят у нас всевозможные собрания и как люди относятся к общественным поручениям. Причину этого (над которой ломают себе голову многие честные активисты) вскрыл еще Руссо: «В хорошо устроенной гражданской общине каждый гражданин стремится на собрание; при дурном правительстве никто не хочет сделать и одного шага, чтобы пойти на собрание, т.к. никто не интересуется, что там делается, а не интересуется потому, что заранее предвидит, что общая воля не будет там господствовать, и потому, наконец, что домашние заботы поглощают все внимание» (*) (Ж.-Ж. Руссо. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998).

Люди не ходят на собрания, потому что они устали от чудовищной лжи о всеобщем энтузиазме, демократии, изобилии и т.п., прикрываясь которой бюрократия хозяйничает в стране. Эта ложь не столько оболванивает советских граждан, которые все равно не верят ни в демократию, ни в изобилие, сколько развращает их. Немаловажную роль в развращении масс играет пресловутый принцип материальной заинтересованности. Исходя из этого принципа гардеробщики, официанты и шоферы такси берут «чаевые», колхозники вздувают цены на рынке, рабочие требуют выписки фиктивных нарядов и таскают с завода разную мелочь, средняя и мелкая бюрократия берет взятки, совершает приписки, а высшая бюрократия видит в рекламе этого принципа лучший способ сохранить свое собственное материально-привилегированное положение. «...Несчастье постигает народ, когда те, которым он доверился, стараются его развратить, желая этим скрыть свою собственную испорченность. Чтобы он не заметил их властолюбия, они говорят ему о его величии; чтобы он не заметил их алчности, они постоянно потакают его собственной алчности» (Монтескье Ш.Л. О духе законов / Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955, с. 255).

Это развращение, естественно, охватывает и правящую бюрократию. Некоторые наивные люди удивляются, почему у нас среди власть имущих всяких степеней так много проходимцев и жуликов. Между тем тот же Монтескье писал: «Государство не может быть несправедливым, не имея в своем распоряжении рук, посредством которых эти несправедливости совершаются. Но невозможно допустить, чтобы эти руки не порадили и о самих себе» (Монтескье Ш.Л. О духе законов / Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1955, с. 255).

Эта забота не ограничивается высокими окладами и другими привилегиями, получаемыми бюрократами официально. Введение законов об уголовной ответственности за взятки и очковитительство говорит о том, насколько широко эти действия практикуются. Советская пропаганда объявляет о каких-то особенно выдающихся моральных качествах советских людей и чудодейственной силе советской общественной системы. Однако этому резко противоречат такие факты, как систематический рост потребления водки: если в 1913 г. производилось 118,9 млн дкл, то в 1960 г. — 138,1 млн дкл (см.: Народное хозяйство СССР в 1960 году. М., 1960), и то положение, что преступность в стране по-прежнему велика, причем наблюдающийся в послевоенные годы рост преступности среди молодежи характерен для СССР так же, как и для капиталистических стран. Попытки свалить всю вину за это на пережитки капитализма

или влияние Запада не выдерживают критики. Что касается пережитков капитализма, то известно, что подавляющее большинство советского населения воспитывалось в условиях чудодейственной советской системы, и не случайно такие фрондирующие апологеты бюрократизма, как Евтушенко, вынуждены говорить уже о «пережитках нового». А что касается растленного влияния Запада, то известно, что в течение многих лет контакта с Западом вообще не было, да и сейчас он достаточно ограничен. Кроме того, отсюда бы следовало, что хваленая советская мораль не выдерживает столкновения с буржуазной моралью. Все эти факты гораздо вернее и проще объясняются марксистским тезисом о том, что бытие определяет сознание.

Рассмотренное выше развращающее влияние бюрократизма усиливается тем, что, экономя на детских садах, школах и интернатах, бюрократия фактически отказывается от общественного воспитания, о необходимости которого писали все социалисты-утописты и классики марксизма, и передает дело воспитания в руки семьи. А советская семья зачастую не может справиться с воспитанием в силу следующих обстоятельств. Во-первых, родители заняты как работой, так и ведением домашнего хозяйства (социализм не только не облегчил ведение домашнего хозяйства, как это предсказывал Ленин, но до известной степени усложнил его, ибо очереди в мирное время стали известны только при бюрократизме). Во-вторых, при бюрократизме основой семьи во многих случаях является не любовь, которой или вообще не было, или она прошла, а экономические соображения, страх перед общественным мнением и т.д. Не случайно в стране восстановлены бракоразводные процессы, взыскание алиментов и т.п., об отмене которых Ленин в свое время говорил как о крупном достижении советской власти (см.: Ленин В.И. Соч. Т. 30, с. 99). Не случайно даже в программе партии в разделе «моральный кодекс строителя коммунизма» говорится не о том, что основой семьи должна быть любовь («нравственным является только брак, основанный на любви», — Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства»), а говорится лишь о взаимном уважении, заботе о воспитании детей и т.д. Подобное положение в ряде случаев приводит к нездоровым взаимоотношениям в семье, которые сказываются и на детях. Школа также не в состоянии взять на себя функции воспитания, т.к. перегрузка учителей превращает их, в основном, в преподавателей, а не в воспитателей. Этому способствует также большое количество случайных людей в среде педагогов. Общественные же организации, прежде всего комсомольская и пионерская, также не справляются с задачей воспитания.

Во-первых, в силу свойственной бюрократизму казенщине и шаблону в их работе. Хорошо сказал по этому поводу В.Овечкин: «В США молодежь развращается голливудскими фильмами, а у нас многие ненормальности в среде молодежи от канцелярской скуки в комсомоле» (*) (Овечкин В.В. Трудная весна. Л., 1957, с. 321).

Во-вторых, вследствие того, что подростки и молодежь особенно чувствительны к разрыву между словом и делом, который характерен для их воспитателей и является характерной чертой всей бюрократической системы. Все вышеуказанное приводит к тому, что среди молодежи образуется большая прослойка неустойчивого элемента, часть которого встает на путь преступлений. Однако в настоящее время мы наблюдаем, что недовольство бюрократической системой захватывает все более широкие слои молодежи. Это недовольство, вначале возникшее как недовольство хозяйничаньем лжи, усиливается следующим обстоятельством. Несмотря на декларативные заявления, что всякий труд в СССР есть дело чести, доблести и геройства, вся бюрократическая практика говорит о том, что наиболее почетным является труд бюрократа. Между представителями различных слоев общества при бюрократизме остается резкая грань, которая усугубляется разницей в материальном положении. «Товарищ директор» не является товарищем рабочему не только на заводе, но и в частной жизни. Поэтому перспектива по окончании школы стать простым рабочим не может быть слишком привлекательной. Однако здесь есть и другая сторона вопроса. При бюрократизме наблюдается резкий рост культуры населения и, соответственно, увеличение его духовных запросов. Этим возросшим запросам должно отвечать изменение в характере трудовой деятельности, которая обеспечивала бы человеку применение полученных им знаний и его дальнейшее всестороннее развитие. (Маркс доказал, что этого же требуют интересы современной промышленности). Сохраняемое бюрократизмом разделение труда, при котором «человек оставался рабом своих средств производства, получив только право выбрать, какое средство производства должно поработать его» (Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг»), вступает в конфликт с этими новыми запросами молодежи <...> (Здесь пропущены две строки. — Ред.) ...бюрократия ищет выхода не в том, чтобы обеспечить полное использование имеющегося культурного потенциала, а фактически пытается искусственно понизить этот потенциал. Именно таким средством является последняя реформа школы, означающая отказ от курса на обязательное десятилетнее образование. Именно поэтому громадная часть молодежи, в том числе и те, кто кончил вузы, не находят в труде источника радости

и тем самым своего места в жизни. В результате этого имеет место огромная, бесполезная для общества растрата энергии на такие развлечения, как регулярное посещение вечеров, преферанс, флирт, попойки и т.д. Это положение приводит к стремлению уйти от решения общественных вопросов в спорт, в науку, в личную семейную жизнь и т.д. В конце концов, большинство как-то приспосабливается к существующему положению, однако такое приспособление не делает человека ни возвышеннее, ни прекраснее. Этот конфликт между бюрократической системой и молодым поколением все время усиливается. В настоящее время ему вынуждена уделять все большее внимание даже советская художественная литература (изображая его зачастую неверно). Этот конфликт, так же как и все остальные противоречия бюрократизма, является частью назревающего общего кризиса бюрократической системы.

Рассмотрение только внутренних противоречий бюрократизма является недостаточным для полного анализа бюрократической системы. Капитализм, как известно, нес бедствия трудящимся не только вследствие эксплуатации, кризисов и безработицы, но и потому, что приводил к мировым войнам между государствами-конкурентами и порабощению отсталых стран. Рассмотрим, что дает в этом отношении бюрократизм.

Глава 5

Одновременное существование на нашей планете бюрократических и капиталистических государств породило ряд новых международных проблем. Прежде всего, это взаимоотношения СССР, а ныне всего лагеря социализма, с капиталистическим миром. В те годы, когда в СССР действительно существовала диктатура пролетариата, эти взаимоотношения характеризовались вооруженной борьбой. С одной стороны, капиталисты всех стран старались путем интервенции задуть первый очаг диктатуры пролетариата с другой стороны, пролетариат России, рассматривая пролетариев других стран как братьев по классу, всячески стремился помочь им в их классовой борьбе, вплоть до вооруженной поддержки революции в других странах. Не случайно самым популярным лозунгом тех лет был лозунг: «Да здравствует мировая революция!» Однако в силу своей военной и экономической слабости Советская Россия не смогла оказать серьезной помощи ни венгерской, ни баварской советским республикам. В условиях временной стабилизации капитализма на Западе лозунги «мировой революции» и «вооруженной поддержки зарубежного пролетариата» утратили свою актуальность. С перерождением диктатуры

пролетариата в диктатуру бюрократии положение коренным образом изменилось. Бюрократия СССР не может рассматривать рабочих капиталистических стран как братьев по классу (а растущую бюрократию на Западе она вообще рассматривает как возможного опасного конкурента), поэтому она не заинтересована непосредственно в освобождении зарубежного пролетариата. Однако, поскольку советская бюрократия заинтересована в ослаблении капиталистических государств, она поддерживает революционное движение в капиталистических странах и национально-освободительное движение в их колониях и полуколониях. (Точно так же в свое время абсолютистская Франция поддерживала вооруженную борьбу американских колоний против английского господства, а кайзер Вильгельм пропустил Ленина и других руководителей большевиков через территорию Германии в Россию в надежде на то, что пораженческая агитация облегчит ему успехи на русском фронте). При этом основной целью борьбы советской бюрократии с капиталистическим миром является не освобождение трудящихся всех стран, а победа во всем мире бюрократической системы советского образца; лучшим путем к достижению этой цели является создание и поддержка в других странах про-советских бюрократических режимов.

Естественно, что советская бюрократия рассчитывает сохранить за собой роль лидера в будущем «социалистическом мире». Во имя этих целей она, не задумываясь, изменяет делу пролетарского интернационализма и не отличается разборчивостью в выборе средств. История этой политики блещет грязными страницами. Так уже в 1921 г. мы помогали Ататюрку золотом и оружием, закрывая глаза на его расправу с турецкими коммунистами. Однако наиболее ярко сущность бюрократической внешней политики СССР проявилась в 1939—1941 гг. В августе 1939 г. советская внешняя политика развернулась на 180°, и был заключен знаменитый «Пакт о ненападении» с гитлеровской Германией. Вся официальная печать до сих пор расхваливает его как блестящий дипломатический ход, хотя и признает его вынужденный характер. При этом стыдливо умалчивается, что в сентябре того же года этот пакт был дополнен «Договором о дружбе и границах» между СССР и Германией. В.И. Ленин в работе «Детская болезнь левизны в коммунизме», говоря о Брестском мире, указывал, что бывает договор с бандитами о сохранении жизни и бывает договор о дележе добычи. Брестский мир, безусловно, попадает под первую категорию, но пакт 1939 г. в том виде, в каком он проводился советским правительством, относится ко второй. Через неделю после заключения пакта началась Вторая мировая война; только заключив этот

пакт, Гитлер смог на нее решиться. В обмен на обещание Гитлера не нападать на СССР советское правительство фактически обещало закрыть глаза на все гитлеровские захваты, оказать ему помощь сырьем (согласно договору о дружбе), прекратить активную антифашистскую пропаганду и развернуть мировое коммунистическое движение вместо борьбы с фашизмом на борьбу с западным империализмом.

Все эти пункты были выполнены, и, в то время как гитлеровские орды наводили в Европе «новый порядок», покрыв ее десятками концлагерей, в то время когда дымились печи крематориев, когда Геббельс объявлял об арийской расе господ и о расах рабов, а фашистские генералы осуществляли эти идеи на практике, тогдашний глава советского правительства Молотов на заседании Верховного Совета 31 октября 1939 г. заявлял: «Идеологию гитлеризма, как и всякую другую политическую систему, можно признавать или отрицать — это дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за “уничтожение гитлеризма”, прикрываемая фальшивым флагом “войны за демократию”» (Коммунистический Интернационал, 1939, № 8). В угоду новым союзникам советское правительство не постеснялось поддержать геббельсовскую ложь о миролюбии фашистской Германии. В том же докладе Молотов говорил: «Известно, например, что за последние несколько месяцев такие понятия, как “агрессия”, “агрессор”, получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл. Не трудно догадаться, что теперь мы не можем пользоваться этими понятиями в том же смысле, как, скажем, три—четыре месяца тому назад. Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира». (Верховный Совет не только одобрил этот доклад, но и проводил Молотова с трибуны «бурными, долго не смолкающими аплодисментами»). Эта чудовищная точка зрения была навязана Исполкому Коминтерна, и с августа 1939 г. из всех воззваний Коминтерна исчезает слово «фашизм», а ЦК французской компартии прямо заявил, что «война затушевывает второстепенные различия между буржуазной демократией и фашизмом» (*) (Коммунистический Интернационал, 1939, № 11). Вместо старого призыва бороться за «...решительный отпор фашистским агрессорам, за применение санкций экономических, политических и военных по отношению к ним» (*) (Первомайское воззвание

Коминтерна в: Коммунистический Интернационал, 1939, № 5) после заключения пакта и договора о дружбе СССР и Германии появляется новый лозунг: «Боритесь за немедленное прекращение грабительской несправедливой империалистической войны» (Воззвание Коминтерна к XXII годовщине Октябрьской революции в: Коммунистический Интернационал, 1939, № 8–9). Эренбург в своих воспоминаниях пишет, как затруднялся выход антифашистских произведений, как советские граждане за «антигерманские настроения» подвергались репрессиям. Платой за это пособничество гитлеровскому фашизму явились крупные территориальные приобретения, сделанные как раз в это время советской бюрократией. Сразу же после заключения договора с Гитлером были заключены договоры со странами Прибалтики, находившимися под сильным немецким влиянием, эти страны предоставили СССР военные базы на своих территориях, право разместить там советские гарнизоны и право вмешиваться во внутренние дела, эти договоры сделали возможным в дальнейшем аннексию этих стран Советским Союзом. Был произведен очередной раздел Польши — «...оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора...» (Доклад Молотова, указанный выше).

Затем сателлит Гитлера — Румыния — уступила СССР часть своей территории (Бессарабия и Северная Буковина). Следующим этапом этой же политики была агрессивная война с Финляндией, направленная на захват чужих территорий. Бюрократия совершенно не думала о народах этих стран. Если захват Прибалтики и восточной части Польши осуществлялся под лозунгами «восстановление исторической справедливости», «осуществление народных чаяний» и т.п., то война с Финляндией носила открыто захватнический характер и велась под лозунгом укрепления границ, излюбленным лозунгом всех агрессоров. (Заметим, что все тогдашние заявления советского правительства об угрозе СССР со стороны трехмиллионной Финляндии, ее недружественной политике, провокациях на границах и т.д. почти дословно позаимствовал Кеннеди, выступивший с аналогичными обвинениями в адрес Кубы). Защитники политики тех лет обычно говорят, что, в конечном счете, все это оказалось оправданным, т.к., с одной стороны, пошло на пользу советскому социалистическому государству, а с другой — народы присоединенных территорий также выиграли от этого.

Порочность такой точки зрения понять нетрудно. Во-первых, это была лишь часть политики договора с Гитлером, за полученные

приобретения советская бюрократия хорошо заплатила Германии, проводя политику, которая и привела к катастрофе в июне 1941 г. Именно эта политика и привела к тому, что в руках Германии оказалась промышленность захваченной Европы, сделала для страны и армии внезапным нападение Германии, дискредитировала СССР в глазах мировой общественности. Этой политикой и объясняются наши неудачи 1941–1942 гг., которые стоили Советскому Союзу стольких человеческих жизней. Во-вторых, насильственное присоединение Прибалтики и захват части финской территории делали невозможным существование там никакой другой власти, кроме режима военной диктатуры бюрократии, что неизбежно приводило к усилению реакции во всей стране.

Позднее продолжением той же политики явился торг с Западом по поводу стран Восточной Европы, что наглядно видно из переписки Сталина с Черчиллем и Рузвельтом. Здесь вещи называются своими именами: «Интересы безопасности СССР требуют создания в пограничных странах дружественных СССР правительств». А этому требованию лучше всего, разумеется, отвечают бюрократические правительства, искусственно созданные с помощью советских войск и целиком зависящие от политической и экономической поддержки СССР. В настоящее время изменение соотношения сил на мировой арене позволяет советской бюрократии перейти в наступление на капиталистический Запад и проводить все более активную экспансионистскую политику, искусственно подогревая международную напряженность. Занимаясь безудержной демагогией о разоружении, защите мира, осуждая на словах политику с позиции силы, на деле она проводит именно политику с позиции силы, для чего в стране ведется гонка вооружений, в военную промышленность бросаются все новые средства. Безудержные военные угрозы Хрущева, периодическое раздувание Берлинского вопроса — все это отнюдь не способствует делу мира.

Истинную цену пропагандистским фразам о разоружении показало принятие в августе 1961 г. решения о возобновлении испытаний водородных бомб. В надежде оказать давление на Запад в Берлинском вопросе и вообще продемонстрировать свою военную мощь советское правительство первым возобновило испытания, тем самым сорвав мораторий. Это лицемерно оправдывалось тем, что США тоже готовятся возобновить испытания. Но почему СССР не предоставил США проявить инициативу в этом вопросе и тем самым не разоблачил американскую агрессивную политику? Неужели широко рекламируемое военное превосходство СССР было бы поставлено под угрозу этой отсрочкой? Кроме того, известно, что

советские взрывы раздались на следующий день после правительственного заявления, учитывая, что для подготовки испытаний нужно длительное время, неясно, кто первый начал подготовку испытаний. В 1962 г. при проведении очередной серии советских испытаний были осуществлены взрывы в космосе, хотя перед этим правительство не раз заявляло о недопустимости такого рода испытаний и их опасных последствиях. Надо отметить, что, в отличие от правительства США, правительство СССР даже не считает нужным информировать советских граждан о проведении испытаний и их количестве. Объяснять это необходимостью соблюдения военной тайны нельзя, т.к. всем известно, что любое испытание (кроме небольших подземных взрывов) надежно фиксируется.

Проявлением той же экспансионистской политики является помощь СССР различным реакционным и антидемократическим режимам, если только они готовы проводить внешнюю политику, отвечающую интересам советской бюрократии. Это наша дружба с полуфеодальным Афганистаном, являющимся одной из самых отсталых стран Востока, дружба, которая помогает его полуфеодальной верхушке подавлять всякую оппозицию, это наше неудачное заигрывание с иранским шахом, дружба с Эфиопской монархией. Это наша активная помощь режиму Насера, который в былые дни сотрудничал с Гитлером, а ныне развернул в стране террор и антикоммунистическую истерию под флагом самого махрового национализма. Характерно, что при этом Советский Союз действительно не вмешивается во внутренние дела этих стран, какой бы произвол и насилие там ни творились. Этот принцип невмешательства, однако, полностью отбрасывается, как только речь заходит о необходимости защитить интересы советской бюрократии. Примером этого является инцидент с Финляндией в конце 1961 г., когда в ответ на угрозу нашему влиянию советское правительство фактически потребовало от правительства Финляндии согласия на ввод советских войск на финскую территорию. Эта угроза сыграла не последнюю роль в благоприятном для нас исходе выборов в финский парламент.

Однако последовательному проведению политики экспансии мешают серьезные продовольственные трудности, вызванные кризисом сельского хозяйства во всем социалистическом лагере, а также финансовые и хозяйственные трудности советской бюрократии. Этим и объясняются такие миролюбивые жесты, как систематическое откладывание решения Берлинского вопроса, поведение советского правительства в Кубинском кризисе. Советская бюрократия до настоящего времени не хотела и не хочет войны, зная ее разрушительный характер и не будучи до конца

уверенной в ее благополучном исходе, но ведущееся с 1956 г. активное наступление на внешнеполитическом фронте чревато военной опасностью. Усиление международной напряженности нужно бюрократии и для раздувания военного психоза внутри страны, что помогает бюрократии расправляться с оппозицией, изолируя ее путем спекуляции на патриотизме, и облегчает поддержание в стране антидемократического режима. Возможно, что с усилением внутривнутриполитического кризиса бюрократии будет мало и этого, и она будет вынуждена искать выход из него на пути военных побед. История, однако, показывает, к чему иногда приводит этот путь.

Могущество бюрократии как класса зависит не только от устойчивости ее классовых позиций внутри страны, но и от могущества данного государства на международной арене, поэтому бюрократия заинтересована в проведении экспансионистской политики, и если ее приходится обеспечивать не только демонстрацией силы, но и применением ее, то бюрократия не останавливается и перед войной (Война СССР с Финляндией, конфликт между Китаем и Индией). Таким образом, дальнейшее усиление бюрократии и могущества бюрократических государств должно привести к попыткам вооруженного разгрома капиталистических государств, сколько бы ныне Хрущев ни отрекался от экспорта революций. Экспансионистской тенденции бюрократизма в современном мире противостоят империалистические устремления капиталистических стран. Наличие бюрократического лагеря сглаживает их внутренние противоречия, и в настоящее время капиталистические страны готовы при подходящих обстоятельствах развязать мировую войну в надежде разгромить социалистический лагерь. Однако при изменившемся соотношении сил эти надежды не оправданны. Именно этим объясняется тот факт, что империалисты до сих пор не развязали войну, хотя поводов для нее было более чем достаточно. Поэтому есть возможность, во всяком случае теоретическая, что капитализм, разложенный внутренними противоречиями, не примет боя, считая военное столкновение безнадежным для себя. В этом случае капиталистический Запад будет сосуществовать с советской бюрократической системой на положении Финляндии.

Однако во второй главе мы говорили о том, что и в капиталистических странах Запада растут бюрократические тенденции, что бюрократизм и там закономерно приходит на смену капитализму. При этом могут быть два варианта: либо бюрократизм восторжествует там путем революции справа (или эволюционным путем), и тогда с точки зрения советской бюрократии это будет все тот же западный империализм, который она

будет стараться сокрушить, но который в силу реорганизации системы производства станет гораздо более опасным противником; либо там победит революция слева и к власти придут коммунистические партии. О том, как сложатся взаимоотношения СССР со странами Запада в этом случае, можно судить по опыту взаимоотношений внутри социалистического лагеря. Социалистический лагерь можно разбить на две группы стран. Страны, где местные бюрократические правительства пришли к власти главным образом с помощью советских войск и народ не прошел через революцию (это Польша, ГДР, Венгрия, Румыния, Корея, с некоторыми оговорками Болгария и Чехословакия), и страны, где победила национально-освободительная революция, основной движущей силой которой явилось крестьянство, благодаря чему власть попала в руки возглавлявшей движение интеллигенции, сформировавшейся затем в класс бюрократии (это Монголия, Югославия, Китай, Вьетнам и Куба).

В первой группе стран бюрократия, полностью зависящая от поддержки СССР, послушно выполняет волю советской бюрократии, и поэтому все «прелести» бюрократического режима усугубляются там на первом этапе оскорблением национального достоинства (очень часто совершаемого бессознательно, в силу тупости бюрократии, ее стремления подогнать все под один шаблон) и попранием национальных интересов. Реакцией на это является народное возмущение с националистической окраской, которое при благоприятных условиях выливается в восстание (Венгрия, Познанское восстание в Польше в 1956 г.). В этих восстаниях наряду с защитой национальных интересов и традиций проявилась и классовая борьба. Причем против местной бюрократии выступала не только свергнутая ею буржуазия и неустойчивые мелкобуржуазные элементы (реакционная сторона восстания), но и пролетариат, о чем свидетельствует создание на заводах рабочих советов — формы диктатуры пролетариата (революционная сторона восстания). Такая сложная расстановка классовых сил и облегчила советской и национальной бюрократии подавление этих движений в указанных странах. Эти движения, несмотря на их поражение, заставили советскую бюрократию отказаться от вызывавших наибольшее возмущение форм и методов господства (смотри заявление советского правительства от 30 октября 1956 г.).

Иное положение сложилось во второй группе стран. Здесь почти не встает вопрос об ущемлении национального престижа и национальных интересов. Бюрократическая верхушка этих стран, чувствуя свое положение более прочным, позволяет себе некоторую самостоятельность, и всякое покушение на национальные интересы и традиции рассматриваются

ею как ущемление и ее интересов. Поэтому здесь основной конфликт происходит между советской бюрократией и национальной бюрократической верхушкой этих стран. Конфликты принимают то более или менее скрытую форму партийных разногласий, то выливаются в крупные международные скандалы и приводят к разрыву по государственной линии (конфликт с Югославией в 1948 г. и конфликт с Албанией и Китаем в настоящее время).

Экономические взаимоотношения стран социалистического лагеря также далеки от идеалов пролетарского интернационализма. Эти взаимоотношения в основном определяются экономической мощью СССР по сравнению с остальными социалистическими странами. Пользуясь этим, советское правительство при всех политических конфликтах в лагере социализма тотчас применяет экономические санкции к непокорным (отказ в займах, прекращение экономической помощи, срыв поставок и т.д.), что неизбежно влечет за собой подрыв экономики и ухудшение положения трудящихся в этих странах. Экономическое и политическое превосходство СССР сказывается во взаимоотношениях внутри социалистического лагеря и при нормальной обстановке. С одной стороны, ввиду противоречий между лагерем социализма и капиталистическими странами советская бюрократия стремится к форсированному развитию стран социалистической системы, оказывая им широкую экономическую и техническую помощь. С другой стороны, советская бюрократия стремится извлечь из этих стран возможную выгоду для собственных нужд. Например, советская нефть продается чилийским капиталистам в два раза дешевле, чем братской Болгарии (За рубежом, 1960, № 17), известно также, что до Познанского восстания СССР покупал у Польши уголь по ценам, значительно более низким, чем среднеевропейские. В настоящее время возобладала первая тенденция, тем более что она ведет к полному экономическому поглощению этих стран и созданию единой экономики для всего бюрократического лагеря. Эта политика смягчает и полностью уничтожает конкуренцию между бюрократией различных стран, сливая ее в один класс. Результатом этого процесса может быть даже вхождение некоторых стран народной демократии в состав СССР на правах союзных республик.

Однако внутри бюрократического лагеря действует и противоположная тенденция. Как уже указывалось, для бюрократии характерна тенденция к созданию сильных национальных государств, поэтому она должна неизбежно стремиться к господству над малыми и отсталыми странами, конкурируя за них с другими сильными державами. С ростом

экономики Китая у Советского Союза впервые появился серьезный политический конкурент и внутри социалистического лагеря. И тотчас же возник конфликт, который резко обострился в настоящее время. В результате этого конфликта и социалистические страны оказались поделенными на сферы влияния (в зону влияния Китая вошли Албания и Северная Корея). Следует отметить, что до сих пор на борьбу внутри бюрократического лагеря смягчающее влияние оказывает угроза со стороны лагеря империализма. Тем не менее, уже по той форме, которую принимали наши разногласия с Албанией и Югославией, можно судить, как могли бы развиваться события, если бы руки советской бюрократии не были связаны. И если противоречия между СССР и малыми странами бюрократического лагеря могут быть устранены, как это было показано выше, то противоречия между ведущими бюрократическими странами в принципе неустранимы. А так как бюрократия имеет в своем распоряжении военный аппарат своей страны и организованная политическая оппозиция там отсутствует, то логика событий может привести и к военному конфликту. Этот конфликт станет тем более вероятным при отсутствии угрозы со стороны лагеря империализма. Возможно, что растущая мощь оружия, страх перед последствиями войны и т.п. окажут сдерживающее влияние, однако из самой сути бюрократизма вытекает тот факт, что человечество и после полной ликвидации капиталистической системы будет стоять перед опасностью войн, вызванных конкуренцией бюрократии различных государств и их блоков. (На это обстоятельство правильно указывал Кардель в своей книге «Социализм и война», но он приписывал это социализму, в то время как речь идет о бюрократизме; об этом Кардель, сам типичный представитель югославской бюрократической верхушки, предпочел умолчать).

Это необходимо иметь в виду. Эра бюрократизма сулит народам новые страшные войны, избежать которых можно только с переходом к коммунистической системе.

Глава 6

Выше мы рассмотрели причины возникновения бюрократической системы в СССР и присущие этой системе антагонистические противоречия. Однако как когда-то буржуазии удалось убедить некоторую часть общества в невозможности ликвидации частной собственности, так и бюрократии, несмотря на пропагандистские разглагольствования о коммунистическом обществе, удалось убедить часть народа в незыблемости

принципа личной материальной заинтересованности и бюрократической иерархии. Поэтому многие, справедливо возмущаясь пороками бюрократизма, не делают отсюда вывода о необходимости ликвидации самой бюрократической системы и принципов, на которых она базируется. Для того чтобы устранить все недостатки и противоречия бюрократической системы, необходима ликвидация самой этой системы, т.е. коренная революционная перестройка общества на основе принципов марксизма-ленинизма, ныне совершенно забытых или сознательно извращаемых. Каковы же эти принципы? Когда социалисты-утописты (их коммунистическое крыло), а затем марксисты рисовали картину общества будущего, они совершенно справедливо указывали, что отсутствие эксплуатации и подлинная власть народа возможны только при осуществлении следующих двух принципов:

- 1) Распределение материальных и духовных благ между всеми членами общества по потребностям.

- 2) Уничтожение государства и замена его системой коммун.

Отход от любого из этих принципов неизбежно должен приводить (и приводит) к возрождению эксплуатации в той или иной форме. Эти положения сейчас настолько извращены, что их придется изложить заново. В настоящее время кажется естественным принцип «каждому по его труду», предусматривающий неравную оплату различных видов труда. Этот принцип, как известно, был впервые провозглашен Сен-Симоном и положен им в основу государства с ненаследственной аристократией способностей, о котором классики марксизма-ленинизма отзывались резко отрицательно (смотри, например, Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг»). Маркс, Энгельс, Ленин и их последователи (Бebelь, Благоев) смотрели на этот вопрос совершенно иначе. В работе «Государство и революция», разбирая высказывания Маркса о первой фазе коммунистического общества, Ленин писал, что социализм означает осуществление «...равенства всех членов общества по отношению к владению средствами производства, т.е. равенства труда, равенства заработной платы...» и далее «...все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного государственного «синдиката»». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну» (Ленин В.И. Соч. Т. 25, с. 455). Отсюда видно, что лозунг «оплаты по труду» Маркс и Ленин понимали как плату, зависящую не от вида труда, а от количества отработанных данным трудящимся рабочих часов, ибо, согласно марксизму, «естественной, адекватной и абсолютной мерой труда» является рабочее время. Подробнее вопрос о разной оплате за простой и сложный труд

разбирается в работе Энгельса «Анти-Дюринг». «Как же в целом разрешается важный вопрос о более высокой оплате сложного труда? В обществе частных производителей расходы по обучению работника покрываются частными лицами или их семьями; поэтому частным лицам и достается в первую очередь более высокая цена обученной рабочей силы... В обществе, организованном социалистически, эти расходы несет общество, поэтому ему принадлежат и плоды, т.е. большие стоимости, созданные сложным трудом. Сам работник не вправе претендовать на добавочную оплату» (Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг»). Это положение особенно подчеркивалось в отношении оплаты труда высших государственных чиновников. Все классики марксизма неоднократно подчеркивали, что оплата высших чиновников не выше средней оплаты рабочих является одним из основных принципов социализма.

Таким образом, мы видим два совершенно различных способа распределения. Но, как писал Маркс, «...всякое распределение предметов потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Распределение же последних выражает характер самого способа производства» (Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 2, с. 16) (*Так у авторов. — Ред.*). Как когда-то на основе частной собственности могли существовать различные способы производства (рабовладельческий, феодальный и др.), так и на основе государственной собственности могут существовать разные способы производства — бюрократический, с соответствующим ему распределением, выделяющим бюрократию в привилегированный класс, и социалистический, с соответствующим ему пролетарским принципом распределения, о котором писали Маркс, Энгельс и Ленин. История всех пролетарских революций показывает, что принцип уравнительности и пролетарской оплаты чиновников немедленно проводился в жизнь победившим пролетариатом. (См., например, предисловие Энгельса к работе Маркса «Гражданская война во Франции» и материалы третьей главы данной книги). Именно охрана этого принципа уравнительности и является основной задачей государства диктатуры пролетариата в эпоху социализма. Вот что писал по этому поводу Ленин в работе «Государство и революция»: «“Кто не работает, тот не должен есть”, этот социалистический принцип уже осуществлен; “за равное количество труда равное количество продукта” — и этот социалистический принцип уже осуществлен. Однако это еще не коммунизм, и это еще не устраняет “буржуазного права”, которое неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда дает равное количество продукта... Государство отмирает, поскольку капиталистов

уже нет, классов уже нет, подавлять поэтому какой бы то ни было класс нельзя. Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана “буржуазного права”, освящающего фактическое неравенство» (Ленин В.И. Соч. Т. 25, с. 449). Каковы же должны быть основные черты этого государства? Диктатура пролетариата, которая должна была прийти на смену капитализму и которая неизбежно придет на смену диктатуре бюрократии, будет представлять собой советскую власть. Диктатура пролетариата будет оружием в борьбе против бюрократии, против людей, по тем или иным причинам оставшихся на старых постах, против самих этих постов, еще не ликвидированных пролетариатом. «Но советская власть не есть государство в полном смысле, это уже полу-государство. Каковы же его основные черты?

- 1) Замена постоянной армии вооруженным народом.
- 2) *Уничтожение бюрократии*, судей в том числе:
 - а) прогнать... «высших государственных чиновников»;
 - б) свести остальных на чисто исполнительскую роль;
 - в) сменяемость;
 - г) плата обыкновенного рабочего.
- 3) ...Замена парламентского народного представительства... “коммунальным”... т.е. и законодательным и *исполнительным* в одно время...
- 4) ...*Местное самоуправление* без надзора и опеки государства сверху...
- 5) ...*Полная демократия вообще*...

Условия всего этого: сокращение рабочего дня до 8—6—4 часов, соединение производительного труда всех с участием всех в «государственном» управлении» (Ленин В.И. Марксизм о государстве. М.: Госполитиздат, 1958, с. 91—92) (*Так у авторов. — Ред.*).

Немного поясним эти положения. Даже если в результате появления сложной военной техники невозможна полная замена армии вооруженным народом, то возможна замена таковым милиции и войск КГБ. Даже в армии основные ее части: пехотные соединения, артиллерийские, танковые и др. — могут быть заменены вооруженным народом, т.е. каждая производственная единица представляет из себя одновременно и войсковую часть. Все эти части объединяются через обычные выборные органы управления. «Сущность советской милиционной системы должна состоять во всемерном приближении армии к производственному процессу, так что живая человеческая сила определенных хозяйственных районов является в то же время живой человеческой силой определенных воинских частей» (Резолюция VIII съезда партии в: КПСС в резолюциях... Т. 1, с. 504).

А оставшиеся централизованные ракетные части не смогут уже служить орудием внутреннего подавления.

Когда Советы превратятся не в «парламентские», а в работающие учреждения, когда места чиновников и министров займут люди, избираемые и обязательно сменяемые, тогда и осуществится тезис Ленина «прогнать высших чиновников». Говоря о Парижской Коммуне, Энгельс писал: «...Против этого, неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах, превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства. Во-первых, она назначала на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отозвать этих выборных в любое время... А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получают другие рабочие» (Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 6, с. 448). Непосредственно из второго и третьего пунктов Ленина вытекает вопрос о местном самоуправлении. Снова процитируем Энгельса: «Полное самоуправление в провинции... уезде и общине через чиновников, избранных всеобщим избирательным правом; отмена всех местных и провинциальных властей, назначаемых государством» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16, ч. 2, с. 107). Ленин разъясняет эту цитату так: «Чем объединить, связать общины? Ничем, говорят анархисты. (а). Бюрократией и военной кастой, говорит (и делает) буржуазия. (б). Союзом, организацией вооруженных рабочих (“Советами рабочих депутатов”!), говорит марксизм» (Ленин В.И. Марксизм о государстве, с. 29) (*Так у авторов. — Ред.*). Все предыдущие положения останутся на бумаге, если не будет соблюдаться пятый пункт — демократия. История показала, что однопартийная система и демократия несовместимы. Вводил ли пролетариат однопартийную систему для защиты от буржуазии, вводила ли ее буржуазия для защиты от пролетариата — в обоих случаях партия отрывалась от своего класса, а партийные чиновники превращались в новый класс — бюрократию. Нас долго пугали многопартийной системой, заявляя, что она вызывает хаос и анархию, подрывая диктатуру пролетариата. Да, многопартийная система вредна для привилегированного класса, и буржуазия иногда готова лучше примириться с фашизмом, уступить кое в чем бюрократии, чтобы не быть ликвидированной пролетариатом. Но когда у власти будет стоять большинство, когда то, что осталось от государственной машины, будет служить большинству, тогда право на объединение в любые группировки, издание любых органов, высказывание любых взглядов

и выдвижение любых кандидатов будет также служить на благо этого большинства.

Исходя из всего вышеизложенного, можно набросать некоторые черты социалистического общества: «Каждая фабрика, каждая деревня (до полной ликвидации различия между городом и деревней. — В.Р., С.Х.) является производительно-потребительской коммуной, имеющей право и обязанной по-своему применять общие советские узаконения (“по-своему” не в смысле нарушения их, а в смысле разнообразия форм проведения их в жизнь), по-своему решать проблему учета производства и распределения продуктов» (Ленин В.И. Соч. Т. 25, с. 443).

В дальнейшем коммуны станут индустриально-аграрными. Распределение продуктов потребления между коммунами вначале проводится в зависимости от выпущенной ими продукции. Стоимость продукции исчисляется в зависимости от количества вложенного труда. Деление труда на простой и сложный отпадает, и единицей измерения труда становится время. Поправка при оплате вводится лишь на климатические зоны и вредность труда. Эти поправки вводятся высшим экономическим органом страны. Распределение внутри коммуны равное и регулируется только советом коммуны. В дальнейшем равным станет и распределение между коммунами. Во главе коммуны стоит совет, выборный, сменяемый через определенные промежутки времени, ведающий всеми делами коммуны (экономикой, бытом, вооруженными отрядами). Материально члены совета не выделяются из других коммунаров. Если в коммуне и будут должности, на которые люди будут назначаться, то, во-первых, люди на них не будут обладать административной властью, а во-вторых, общее собрание коммуны всегда может их сменить. «(Фабрично-заводской. — В.Р., С.Х.) Совет является орудием революционной борьбы, создающим возможности для самостоятельного развития коммунистической экономической организации, которая от фабрично-заводского совета доходит до Высшего совета народного хозяйства, вырабатывающего планы производства и распределения... Фабрично-заводской Совет, как самостоятельная организация производителей в области промышленности... создает условия, при которых общество, разделенное на классы, уничтожается и становится “материально” невозможным всякое новое деление на классы» (Грамши А. Избранные произведения в 3 т. Т. 1. М., 1957, с. 185—186). Коммуны объединяются в советы коммун в масштабе нынешних районов, областей и республик до высшего совета народного хозяйства. Советы коммун не вмешиваются во внутренние дела коммун и организуют только взаимоотношения между коммунами,

планируя их производство и распределяя между ними продукты потребления. Республиканские советы и высший совет занимают такую же позицию по отношению к советам коммун. Из средств каждой коммуны отчисляется определенная часть средств в распоряжение совета коммун, совет коммун отчисляет часть средств в республиканский фонд и т.д. Высший совет финансирует строительство объектов государственного масштаба, советы республик — республиканского, советы коммун — местного. Нормы отчислений на расширение производства путем централизованного и местного капитального строительства утверждаются высшим советом и доводятся до сведения всего населения.

Все, что мы только что описали как будущее общество, советская бюрократия объявляет и будет объявлять утопией точно так же, как феодалы объявляли утопией идеи энциклопедистов, а капиталисты — идеи национализации. Однако высказанные здесь идеи не более утопичны, чем то, что давно уже осуществлено. Прежде всего, это относится к принципу равного распределения. Не осмеливаясь отрицать возможность такого распределения вообще, советская бюрократия (в полном противоречии с марксизмом-ленинизмом) предпочитает говорить о нем как о неопределенно далеком будущем, когда будет достигнуто полное материальное изобилие. Между тем это не более как обман. Основным движущим стимулом развития человечества является то, что его возможности все время отстают от потребностей. Это вполне естественно, и как только человечество удовлетворило бы все свои потребности, хотя бы в материальной области, оно пришло бы к упадку и застою. Весь предшествующий опыт человечества говорит о том, что этого бояться нечего. Отсюда следует, что ожидаемого изобилия, достаточного для удовлетворения всех и вся, никогда не будет. И тот, кто предлагает отложить уравнилельный принцип распределения до этого времени, занимается мошенничеством.

В настоящее время бюрократия не мыслит иного способа оплаты, кроме «оплаты по труду», заявляя, что это единственно возможное средство скорейшего развития производительных сил и всякий другой способ оплаты дезорганизует производство, т.к. нарушает принцип материальной заинтересованности. При этом иногда ссылаются на то, что кризис сельского хозяйства при Сталине был в значительной степени вызван именно недооценкой значения материальной заинтересованности колхозников. Однако ясно, что между принципом уравнилельности и полным изъятием продукта труда (а именно это и имело место) существует громадная разница. Фактически же и сама бюрократия вынуждена признать, что прямая личная заинтересованность при современном развитии

производительных сил является тормозом дальнейшего прогресса, о чем свидетельствует ликвидация системы сдельной оплаты труда (Процент рабочих, оплачиваемых по всем видам сдельной оплаты, упал с 75% в 1953 г. до 60,5% в 1963 г., причем она преобладала преимущественно в малоавтоматизированных областях (см.: Вестник экономической статистики», 1963, № 6).

Об этом же свидетельствует метод работы на один наряд и т.д. Но введение уравнительности сверху, самой бюрократией, невозможно, т.к. это затронет, прежде всего, ее интересы. Именно поэтому бюрократия и пытается всячески дискредитировать принцип уравнительности, заявляя, что он выгоден только лодырям и бездельникам, что экономическое принуждение в форме неравной оплаты необходимо. Мы знаем, что многие сейчас готовы увильнуть от полезного труда, но ошибаются те, кто думает, что эти люди будут процветать при равном распределении. Так как от труда каждого человека будет зависеть благосостояние коммуны, то будет уничтожено не всякое принуждение. Однако место государственного принуждения займет общественное. Ни один коллектив не потерпит, чтобы часть его членов бездельничала или работала спустя рукава, тем самым нанося ущерб остальным. Может показаться, что этой уверенности противоречит практика советских колхозов, где честные колхозники зачастую оказывались бессильными. Однако это объясняется тем, что в данном случае им надо было бороться не столько против рядовых нарушителей трудовой дисциплины, сколько против бюрократической политики, проводимой сверху.

Еще одним возражением против возможностей общества, основанного на самоуправлении, являются ссылки на пассивность масс. Никто и не говорит, что это общество можно построить сверху, и бюрократическая верхушка, идя на создание народных дружин, групп содействия контролю и т.д., уверена в этой пассивности (иначе она побоялась бы дать низам хотя бы минимальные права). Но в данном случае речь идет о массах, которые сами завоюют власть, которые пройдут через революционную борьбу и революцию. Как известно, именно в этих условиях класс становится достойным самого себя. Эти массы смогут построить и построят общество будущего. Другим обывательским возражением против нового общественного устройства является заявление о том, что никто не согласится работать на руководящих постах за равную с рабочими плату. Но мы знаем, что сотни и тысячи людей во все времена и во всех странах совершенно безвозмездно и бескорыстно боролись за те или иные идеалы (не говоря уже о том, что многие люди любят руководящую работу

не столько из-за материальных выгод, сколько из-за того, что она дает возможность провести свои взгляды, решать большие вопросы и т.д.). Этих людей хватит, чтобы укомплектовать все руководящие посты, тем более что в связи со сменяемостью руководящая работа не будет профессией. А если на высокие посты не полезут люди, жадные до материальных благ и работающие только ради них, а не ради дела, то общество от этого только выиграет. Такое государственное устройство позволит превратить государство из орудия господствующего класса в действительно общенародное государство. В самом деле, все известные до сих пор принципы распределения (за исключением первобытного коммунизма) были основаны на выделении привилегированного класса, поэтому все государства, охранявшие эти принципы, неизбежно должны были быть (и были) орудием этого привилегированного класса против недовольного таким распределением большинства. В бюрократическом государстве мы тоже имеем выделение материально привилегированного класса, поэтому говорить об общенародном характере этого государства нельзя. Только уравнильное распределение позволит ликвидировать классовый характер государства, превратить его в общенародное. Только уравнильное распределение ликвидирует класс, заинтересованный в разделении труда и извлекающий выгоду из этого распределения.

Это, однако, еще не коммунизм. При социализме для каждого члена общества труд остается, прежде всего, источником средств существования, остается разделение труда, сохраняются различия между умственным и физическим трудом, между жизненными условиями различных групп производителей (прежде всего, города и деревни). Основной задачей победившего пролетариата и будет решение этих проблем. Под уничтожением противоположности между городом и деревней марксизм понимает не только и не столько строительство в деревне жилых зданий городского типа с водопроводом, канализацией и т.п., к чему сводятся все положения новой программы КПСС по этому вопросу (и что уже осуществлено в некоторых капиталистических странах), а уничтожение как города, так и деревни и создание промышленно-сельскохозяйственных коммун, члены которых занимаются и сельским хозяйством, и промышленностью. Энгельс писал: «...Уничтожение разрыва между городом и деревней не представляет собой утопию также и с той стороны, с которой условием его является, возможно, более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране. Правда, в лице крупных городов цивилизация оставила нам такое наследие, избавиться от которого будет стоить много времени и усилий. Но они должны быть устранены — и будут устранены,

хотя бы это и был очень продолжительный процесс... гибель больших городов непременно осуществится» (Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг»). «Только возможно более равномерное распределение населения по всей стране, только тесная внутренняя связь промышленного и земледельческого производства... в состоянии вырвать сельское население из изолированности и отупения, в которых оно почти неизменно прозябает в течение тысячелетий» (Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 1, с. 570). «Одни и те же люди будут заниматься и земледелием, и промышленным трудом, вместо того, чтобы предоставлять это делать двум различным классам. Это является необходимым условием коммунистической ассоциации уже в силу весьма материальных причин» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. М., 1957, с. 336). В число главнейших мероприятий правительства победившего пролетариата Энгельс включал и «...сооружение больших дворцов в национальных владениях, в качестве общих жилищ для коммун, граждан, которые будут заниматься промышленностью, сельским хозяйством и соединять преимущества городского и сельского образа жизни, не страдая от их... недостатков» (Там же, с. 339). А вот что пишет по этому поводу Бебель: «...население тогда переселится, наоборот, из больших городов в деревню, образуя там новые общины... и соединяя свою промышленную деятельность с сельским хозяйством» (Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959, с. 508). Возможны ли такие преобразования и основываются ли они на «весьма материальных причинах»? Да, возможны. Осуществление их после победы коммунистической революции произойдет двумя путями: во-первых, все новое строительство будет вестись с учетом создания индустриально-коммунистических коммун, а во-вторых, немедленно начнется постепенное рассредоточение существующей промышленности. Великая Отечественная война показала возможность такого перемещения, и если эвакуацию населения и промышленности удалось провести в условиях войны, бомбежек, нехватки транспорта, рабочих рук и неимоверной спешки, то, следовательно, в мирное время такая переброска в течение, скажем, 20–25 лет может быть успешно осуществлена без особых неудобств для населения. Затраты на это окупят себя как с точки зрения улучшения жизненных условий трудящихся, так и с экономической точки зрения. Ибо, во-первых, смена труда (промышленного на сельскохозяйственный и наоборот) повысит его производительность, а во-вторых, отпадет необходимость в дорогостоящем маневрировании рабочей силой, которое осуществляется в США армией сезонных рабочих, а в СССР посылкой в колхозы и совхозы трудящихся города (которую не в силах остановить даже ЦК КПСС).

Ликвидация противоположности между городом и деревней позволит раз и навсегда разрешить аграрный вопрос, прекратить отлив сельскохозяйственного населения в города, который наблюдается и в СССР, и в капиталистических странах, заставляя задавать вопрос: «Кто же будет кормить город завтра?» Такое объединение может рационально использовать технику. Так, например, ремонтная база сельского хозяйства занята в основном зимой, а ремонтные цеха на заводах летом; можно будет полнее загрузить транспорт, утилизировать промышленные отходы и т.д. Кроме того, сама переброска предприятий повлечет за собой их модернизацию, а наличие техники в промышленно-сельскохозяйственных объединениях даст толчок механизации сельского хозяйства, которое в техническом отношении всегда значительно отставало от промышленности. В заключение заметим, что идеи о слиянии промышленного и сельского хозяйства выдвигались не только в марксистской литературе. О возможности и желательности такого слияния говорят Генри Форд в своей книге «Моя жизнь, мои достижения», Дж. Неру в книге «Открытие Индии» и некоторые другие буржуазные деятели (При этом процесс рассредоточения промышленности уже идет в США, см. Кузнецов А.Д. Трудоресурсы СССР и их использование. М., 1960, с. 160).

Теперь остановимся на уничтожении противоположности между умственным и физическим трудом. Как понимает его программа КПСС: посадить землекопа за рычаги экскаватора, дать ему диплом техника или инженера, и вопрос будет решен. В таком плане этот вопрос, действительно, решается, и решается не столько благодаря социализму, сколько благодаря техническому прогрессу, доказательством чему служит то, что к аналогичному решению приходят и в капиталистических странах. Марксизм решал, а коммунистическое общество решит этот вопрос совершенно в другом плане. Вот что писал по этому поводу Энгельс: «Способу мышления образованных классов... должно казаться чудовищным, что настанет время, когда не будет ни тачечников, ни архитекторов по профессии и когда человек, который в течение получаса давал указания как архитектор, будет затем в течение некоторого времени толкать тачку, пока не явится опять необходимость в его деятельности как архитектора... Хорош был бы социализм, увековечивающий профессиональных тачечников» (Энгельс Ф. «Анти-Дюринг», с. 188). Превращение тачечника в экскаваторщика немногим меняет дело, ибо речь идет не об облегчении физического труда, а об отсутствии людей, всю жизнь занятых только управленческим или только производственным трудом.

Уничтожение противоположности между умственным и физическим трудом мыслится в двух аспектах. Во-первых, это уничтожение противоположности между трудом управляющего и трудом производителя. Этот вопрос мы уже разобрали там, где говорили об основных чертах государства пролетарской диктатуры. Во-вторых, это вопрос о противоположности между трудом творческим и трудом исполнительским, разница между которыми не может быть стерта никакими достижениями техники, по крайней мере, в обозримом будущем. (Последнее не отрицается и официальной литературой: в книге «Сигнал», посвященной вопросам кибернетики, мы читаем: «Стрелок, крановщик, водитель транспорта и любой другой оператор... выполняет свою задачу тем лучше, чем меньше он проявляет свои разнообразные человеческие способности, чем больше его работа напоминает работу автомата, чем меньше он рассуждает и отвлекается» — Полетаев И.А. Сигнал. М., 1958, с. 281). Поэтому уничтожение этой противоположности Энгельс представлял себе так: «...пока действительно трудящееся население настолько поглощено своим необходимым трудом, что у него не остается времени для имеющих общее значение общественных дел — для руководства работами, ведения государственных дел, для отправления правосудия, занятия искусством, наукой и т.д., — до тех пор неизбежно было существование особого класса, который, будучи свободным от действительного труда, заведовал указанными делами; при этом он никогда не упускал случая, чтобы, во имя своих собственных выгод, взваливать на трудящиеся массы все большее бремя труда. Только громадный рост производительных сил, достигнутый благодаря крупной промышленности, позволяет распределить труд между всеми без исключения членами общества и таким путем сократить рабочее время каждого так, чтобы у всех оставалось достаточно свободного времени для участия в делах, касающихся всего общества, как теоретических, так и практических» (Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 2, с. 141).

Современному читателю может показаться нецелесообразным использовать «архитектора» в качестве «тачечника». Но, не говоря уже о том, что смена труда является отдыхом и обеспечивает всестороннее развитие человека и что только участие всех «архитекторов» в действительном труде позволит и «тачечникам» выделить время для труда умственного, только такое совмещение профессий явится гарантией от восстановления классовой структуры общества, со всеми ее отрицательными последствиями. Не случайно в резолюции X съезда партии «О мерах по оздоровлению партии» было сказано: «Необходимо начать систематическое

осуществление постановлений еще VIII съезда партии об откомандировании к станку и плугу работников, долго бывших на советской или партийной работе, причем они должны быть поставлены в обычные условия жизни рабочих... каждый член партии обязан изучить ту или иную простейшую фабрично-заводскую или другую, указанную в предыдущем пункте, работу» (КПСС в резолюциях... Т. 1, с. 521). Из приведенных цитат видно, как решали вопрос о ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом классики марксизма и коммунистическая партия Советского Союза, когда она была еще партией пролетариата, а не партией бюрократии.

Вопрос о ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом, между городом и деревней является частью более общего вопроса о ликвидации старых форм разделения труда. Энгельс писал: «Общество в целом должно стать господином средств производства лишь для того, чтобы каждый отдельный член общества оставался рабом своих средств производства, получив только право выбирать, какое средство производства должно поработать его» (Энгельс Ф. «Анти-Дюринг», с. 281). Прогресс техники приводит к тому, что для каждой данной профессии исполнительского труда требуется все больше общего развития и все меньше специальных знаний. Например, Форд указывает, что на его заводах для выполнения разного рода работ 43% работников достаточно одного дня обучения, 36% — от одного до восьми дней и т.д. Что касается творческих профессий, которые требуют все более длительной подготовки, то сам элемент творчества, призвания делает здесь неприменимым понятие «раба средств производства». Ликвидация материальных пут, затрудняющих в настоящее время смену профессий, позволит освободить человека от подчинения средствам производства, и разделение труда останется лишь постольку, поскольку оно будет выражать различие в интересах и склонностях равных людей. Только вышеизложенное позволит резко изменить характер труда, сократить часы общественно-необходимого труда, позволит создать условия для того, чтобы труд действительно стал не бременем, а потребностью.

Современный уровень развития техники, видимо, исключает возможность полностью отказаться от какого-либо нормирования труда, так как непрерывно идущие процессы и общественные нужды требуют, чтобы на данных участках все время находилось определенное количество работников. Поэтому каждый член общества будет заниматься определенное время и определенные часы обязательным трудом, причем это может быть не только производительный труд, но и наука, искусство,

управление и т.п., однако его небольшая продолжительность, легкость и возможность его смены позволят отказаться от всяких иных способов регулирования, кроме морального воздействия остальных членов коммуны (О том, насколько можно будет сократить часы обязательного производительного труда, можно судить хотя бы по тому, что в СССР производительным трудом занято менее 50% трудоспособного населения). После этого «обязательного труда» работник может заниматься любым видом деятельности, возможно, это будет та же самая деятельность, которой он занимался в «обязательные» часы, т.к. и ее работник выбрал добровольно как наиболее удовлетворяющую его склонностям (в этом случае само понятие «обязательного» труда становится чисто формальным). Понятие «необходимое рабочее время» не будет абсолютным, и пребывание трудящегося на данном рабочем месте будет регулироваться нуждами производства, поэтому станет невероятным отбывание рабочих часов во имя дисциплины труда, когда работы нет. Распределение же материальных и духовных благ становится совершенно независимым от отбывания этого «урока труда», и их количество будет определяться возможностями общества на данном этапе его развития и потребностями данной личности. Только в результате решения всех указанных задач полностью отмирает государство, так как исчезает необходимость в специальном органе для защиты данного способа распределения, а общество превращается в добровольную ассоциацию коммун.

Было бы наивной утопией пытаться нарисовать во всех деталях и тонкостях будущее общество, которое придет на смену бюрократизму. Жизнь неминуемо вносит поправки в самые хитроумные схемы. Ясно одно: построить это общество можно только с помощью диктатуры пролетариата, т.е. такой республики, о которой говорил Ленин в отрывке, взятом нами эпиграфом к этой книге.

Глава 7

Диктатура пролетариата может утвердиться только в результате коренной ломки бюрократической системы, основные принципы которой несовместимы с пролетарскими принципами управления и распределения. Диктатура бюрократии в СССР, как было показано, давно перестала быть прогрессивной и все более запутывается в своих противоречиях. Следствием этого является рост недовольства широких народных масс и усиление в стране оппозиционных настроений. Давно прошло то время, когда о пороках бюрократизма говорили единицы, теперь все

большее число людей присоединяется к хору, критикующему «социализм». Все больше и больше людей стараются понять причины этих пороков и способы их устранения. На какие же течения распадается современная оппозиция?

1) Реакционная оппозиция — видящая только отрицательные черты бюрократизма, мечтающая о возврате к старым буржуазным порядкам. Этим взглядам придерживается незначительное число людей. Практическим осуществлением этих взглядов являются спекуляция, фарцовка, бегство в капиталистические страны, сектантство (иеговизм), вплоть до службы в иностранных разведках. На словах эта оппозиция проявляется в рассуждениях типа «как хорошо на Западе», восхвалении буржуазных пороков, рассуждениях о пользе конкуренции и восхвалении буржуазной демократии. Эта оппозиция, безусловно, враждебна рабочему классу. Задавленная сегодня государственной машиной, эта оппозиция в случае крупных общественных потрясений может развернуться, пытаясь восстановить капитализм, как это имело место в Венгрии в 1956 г. Поэтому наряду с борьбой против бюрократического строя необходима борьба с этим видом оппозиции.

2) Бюрократическая оппозиция — это течение, мечтающее сохранить современный бюрократизм без его пороков. Эта оппозиция полностью признает основные принципы бюрократизма (иерархическую систему с ее подчинением масс неподконтрольным им вышестоящим руководителям, принцип личной материальной заинтересованности, однопартийную систему и т.д.), но не понимает, что именно из этих принципов вытекают все недостатки бюрократизма. Представители этой оппозиции, чаще всего это честные комсомольские, партийные или хозяйственные работники, обычно считают, что причины недостатков заключаются в деятельности отдельных местных или центральных руководителей и мечтают исправить и укрепить бюрократизм (не выходя из его рамок) такими методами, как чистка госаппарата, развитие критики, более правильное воспитание молодежи.

3) Утопическая оппозиция — также отлично видящая все пороки современного строя, понимающая необходимость его ликвидации и замены его более прогрессивным, но возлагающая надежды на деятельность Хрущева, его преемников, на то, что правящая бюрократия будет честно выполнять все положения новой программы КПСС. Однако самоликвидация правящего класса — вещь хотя очень заманчивая, но несбыточная. Все обещания программы КПСС о сменяемости руководства, о передаче функций государства в руки общественности и т.п. являются демагогией.

Ведь страной руководят не те рядовые трудящиеся или мелкие бюрократы, которые безропотно голосуют за все идущие сверху предложения, на сессиях Верховного Совета и съездах партии и которые являются только ширмой для махинаций других, «особо выдающихся», деятелей. А ведь как раз на этих деятелей и не распространяются разговоры о сменяемости. Точно так же несостоятельны надежды всех тех, кто пытается исправить положение путем личной активной работы в партии или советах. Пока его предложения касаются сбора металлолома и т.п. мелочей, их будут выслушивать и иногда приводить в исполнение, но как только предложения станут более существенными, к нему прикрепят ярлык демагога и примут соответствующие меры. Некоторые надеются исправить ошибки и недостатки с помощью печати. Но, во-первых, печать находится в руках бюрократии, а во-вторых, «...ни один господствующий класс нельзя убедить доводами, если сила обстоятельств не принуждает его к пониманию и уступчивости» (Бебель А. Женщина и социализм. М., 1959, с. 434). А силой обстоятельств всегда были и могут быть либо полный экономический, политический и военный крах государства, либо революционная активность масс.

4) Коммунистическая революционная оппозиция – придерживающаяся марксистско-ленинской теории классовой борьбы и пролетарской революции. Представители этой оппозиции (к которым причисляют себя и авторы данной книги) считают, что:

а) Все недостатки существующей системы являются не случайными, не вызванными преждевременной смертью Ленина, дурным характером Сталина или глупостью Хрущева, а органически присущими ей.

б) Понять эти недостатки можно только с позиций классового анализа, признав, что правящая в стране советско-партийная бюрократия является классом, классом эксплуататорским, интересы которого противостоят другим классам общества, пролетариата и колхозного крестьянства.

в) Система бюрократизма является не случайной, она закономерно сменяет капиталистическое общество (при определенных условиях), она прогрессивна в начале своего развития и реакционна в конце.

г) Единственным способом переделать эту систему является классовая борьба за новое бесклассовое общество – коммунизм. Борьба революционная, имеющая своей непосредственной целью установление диктатуры пролетариата.

Однако известно, что попытка установления диктатуры пролетариата в 1917 г. не увенчалась успехом. Что же позволяет считать, что в настоящее время в СССР такая возможность имеется? Когда речь заходит

о коммунизме, многие в качестве доказательства его невозможности ссылаются на низкую сознательность масс, говорят о необходимости переделать человеческое сознание, а потом уже ставить вопрос о переходе к коммунистическим формам бытия. Эти положения полностью противоречат основному положению марксизма о том, что не сознание определяет бытие, а, наоборот, общественное бытие определяет сознание. Следовательно, не коммунизм может быть результатом высокой сознательности масс, а сознание масс будет формироваться коммунистическими отношениями. Согласно марксизму, определяющим при переходе от одного общественного строя к другому является развитие производительных сил, т.е. материально-технической базы общества. «Все до сих пор существовавшие в истории противоположности между эксплуатирующими и эксплуатируемыми, господствующими и угнетаемыми классами находят свое объяснение в той же относительно неразвитой производительности человеческого труда» (Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг»).

Именно этим объяснял Энгельс (как мы уже цитировали в шестой главе) разделение труда на производительный и управленческий. Первобытный коммунизм был возможен именно потому, что тогда управление не требовало ни особого времени, ни особых знаний (Расставив охотников, вождь мог и сам принять участие в охоте). Усложнение работы по управлению и вызвало первоначальное появление «родовой аристократии». В настоящее время мы видим обратный процесс. Достижения науки и техники ведут к тому, что время, необходимое для производительного труда, может быть сведено к трем часам (при условии, что им будут заниматься все граждане СССР), о чем уже говорилось в шестой главе. Таким образом, имеется объективная возможность совмещения «...производительного труда всех с участием всех в “государственном” управлении». Но материально-техническая база современного общества изменяется не только количественно, но и качественно. Мы присутствуем при второй технической революции — появлении и внедрении в науку и промышленность кибернетики. Кибернетика не только может резко увеличить производительность труда и сократить часы необходимого труда, но кибернетические машины, которые без участия людей смогут управлять заводами и фабриками, координировать деятельность всех отраслей промышленности, планировать все народное хозяйство, делают бюрократию излишней и ненужной. Все сложные задачи управления, для которых сейчас вынуждены содержать специальный класс бюрократии, будут решаться покорными воле человека машинами, и задачи управления будут сведены к чисто инженерной задаче программирования.

В настоящее время весь ход общественной жизни человечества говорит о том, что производительные силы в большинстве промышленно развитых стран переросли капиталистические производственные отношения, о чем свидетельствует постепенное перерождение капитализма в бюрократизм, но и начинают перерастать бюрократические производственные отношения (как это было показано в четвертой главе). В настоящее время производительные силы достигли того уровня, когда бесклассовое общество становится не только желанной мечтой, но и необходимым условием дальнейшего развития общества. Но прогресс техники, кроме того, изменил характер основных классов общества, и прежде всего, пролетариата. Рассматривая современный пролетариат, мы видим, во-первых, важные количественные изменения. Если в 1913 г. рабочие и служащие вместе составляли 17%, причем значительная часть рабочих были сезонники, то к 1959 г. только промышленный пролетариат составлял 32% трудоспособного населения страны; этот пролетариат является кадровым пролетариатом, в основном сконцентрированным на крупных предприятиях. Еще больше изменился он качественно — почти 50% промышленных рабочих имеют высшее, среднетехническое и среднее образование.

Изменилось и само понятие «пролетариат». Если раньше к пролетариату относились только наемные рабочие, занятые физическим трудом, а инженерный персонал по своему социальному происхождению, материальному положению и положению в обществе относился к буржуазии, то в настоящее время вся техническая интеллигенция, занятая в сфере материального производства (за исключением той части, которая занимает административные посты), относится к пролетариату как по своему месту в производстве, так и по своему материальному положению. Если в прежнее время рабочий считал инженера своим врагом, видя в нем барина, то теперь они стоят с ним по одну сторону баррикад, обоих давит государственная бюрократическая машина. Бюрократия пытается противопоставить инженерно-технический персонал рабочему, навязывая этому персоналу административные функции и выделяя его мелкими подачками, однако в большинстве случаев это ей не удается.

Большие массы инженерно-технических работников сконцентрированы во всевозможных научно-исследовательских и проектных институтах. Они тоже являются представителями пролетариата, т.к. продают рабочую силу и создают прибавочную стоимость (проект завода является такой же материальной ценностью, как станок или машина). Этот новый пролетариат, включивший в себя техническую интеллигенцию,

давно стал решающей экономической силой современного общества. Ему непереносим застой и косность бюрократических методов руководства, для его всестороннего развития необходимы широкие политические свободы и полная демократизация в управлении производством. Именно этому классу история предназначила роль могильщика бюрократии. Он сочетает в себе рабочую спайку и дисциплинированность с широким кругозором и политической активностью интеллигенции. На революционную борьбу с бюрократией его неизбежно толкнут недовольство своим экономическим положением (по сравнению с материальным положением крупной бюрократии), недовольство отсутствием демократических свобод, бездарным хозяйничаньем бюрократии, ее «начальствованием» и политикой окрика, опасность войны, в которую может ввергнуть страну советская бюрократия, причем это может быть война не только с США, но и с Китаем. В настоящее время пролетариат только подходит к осознанию своих классовых интересов в советском государстве, классового характера этого государства и непримиримости своих интересов с интересами бюрократии. Рост пролетариата и его классового сознания позволяет говорить о возможности диктатуры пролетариата.

Взять власть пролетариат смог даже в 1917 г., но в силу своей малочисленности и неразвитости он не смог ее удержать. Пролетариат сегодняшнего дня сможет выполнить эту задачу.

Теперь мы рассмотрим другую часть трудящихся — колхозное крестьянство. Мы видели, что мелкобуржуазный характер страны роковым образом сказался на ходе пролетарской революции, ибо форсированная ликвидация мелких крестьянских хозяйств могла быть проделана только бюрократическими методами. Современное колхозное крестьянство, созданное бюрократизмом, утратило свой характер мелкой буржуазии и в значительной степени собственническую психологию. В настоящее время даже в сельском хозяйстве решающую роль играет пролетариат (совхозы). Рост технической оснащенности сельского хозяйства также подводит аграрное население страны к восприятию коммунистической идеологии. Сейчас крестьянство уже не является резервом реакции. Являясь наиболее эксплуатируемым классом современного общества, крестьянство по своей идеологии может подняться до уровня революционного пролетариата.

Таким образом, мы видим, что в настоящее время пролетарская революция может привести к построению бесклассового общества. Однако часто приходится слышать разговоры о невозможности ликвидации бюрократической системы революционным путем. Основные доводы

при этом заключаются в том, что, с одной стороны, в стране не видно сколько-нибудь массового движения против существующего строя, а бюрократии с помощью экономических подачек и демагогических фраз удается удерживать оппозиционное настроение в рамках брюзжания, и экономическое положение масс далеко не столь плохое, чтобы толкнуть их на путь решительной борьбы; с другой стороны, мощь аппарата подавления столь велика, что он кажется всесильным, а борьба с ним невозможной. Здесь надо иметь в виду следующее:

1) Как мы показали, бюрократическая система, даже учитывая ее возможные перестройки, в принципе не в состоянии обеспечить нормальное развитие производительных сил в стране, она становится их тормозом. Объективные экономические законы требуют ее ломки, и поскольку именно эти законы определяют развитие общества, бюрократическая система будет сломана, как бы это ни казалось невозможным на первый взгляд.

2) История показывает, что на революцию людей не всегда толкали голод и нищета. Как известно, буржуазии при феодализме жилось неплохо, а до голода и нищеты ей было очень далеко. На революционную борьбу ее толкнули не голод, а ее классовые интересы (в том числе, конечно, и материальные). В Октябрьской, Китайской и Кубинской революциях, а также в национально-освободительном движении различных стран огромную роль сыграла интеллигенция, которая и при старом режиме находилась в материально-привилегированном положении. Другое дело, что эти силы были численно невелики и могли что-либо сделать, лишь опираясь на народные массы, которых действительно толкали и голод, и нищета. В настоящее время, как было показано, положение изменилось. Фактически значительная часть современного пролетариата находится на уровне интеллигенции по своему развитию и запросам. Поэтому она может пойти на войну и без плетки голода. Экономическое же положение современного пролетариата, далекое от состояния нищеты, все же является неудовлетворительным. Что же касается мощи государственного аппарата и органов подавления, то мы видели, как режим в Венгрии, являвшийся точной копией советской системы, рухнул под напором масс, как картонный домик. Кроме того, известно, что ни режим Диаса в Мексике, ни режим Муссолини в Италии, ни режим Чан-Кай-Ши в Китае, ни режим Батисты на Кубе не отличались мягкостью и разборчивостью в выборе средств подавления, но, тем не менее, все они были разгромлены изнутри. Рост же военной техники, как показывает весь ход революций в XX веке, не является непреодолимым препятствием для

победы революции уже потому, что революционное брожение неминуемо захватит и армию (в противном случае революции терпели поражения уже в эпоху ядер и мушкетов).

Таким образом, мы видим, что революция в СССР возможна и необходима. Но для того, чтобы эта возможность стала действительностью, нужно, чтобы революционный класс страны овладел революционной идеологией, осознал свои классовые интересы. В силу этого подпольные организации, ставящие своей целью ниспровержение бюрократического строя и осуществление подлинно коммунистических принципов построения общества, должны быть готовы к тому, что им придется выдержать в условиях полного отсутствия демократических свобод, террора и преследований длительную идеологическую борьбу за массы с официальной пропагандой и разлагающим влиянием системы в целом. Исходя из этого, необходимо начать работу с революционной пропаганды, устной и письменной, среди всех слоев населения, прежде всего, среди пролетариата. Надо систематически разоблачать всю фальшь и лицемерие бюрократической пропаганды, учить людей понимать, что за отдельными выходами некоторых бюрократов кроется классовая сущность системы, разрушать иллюзии относительно возможности постепенного устранения всех недостатков, веру в отдельных титулованных представителей бюрократии, веру «в доброго царя и злых помещиков». Учить людей думать над теми фактами показухи и дезорганизации, которыми так богата наша действительность и которые являются неизбежным следствием господства бюрократии.

Надо агитировать за отказ от вступления в ряды КПСС, объясняя, что рядовой коммунист ничего не в силах ни исправить, ни изменить, а пройти «наверх» человеку с оппозиционными взглядами невозможно. Партия же использует авторитет честных низовых членов для укрепления существующего порядка. На примере «своей» парторганизации необходимо всячески разоблачать вырождение партии, превращение ее в послушное орудие бюрократии. Необходимо пропагандировать бойкот демонстраций и митингов, которые используются для фальсификации воли народа, для заявлений о единстве народа и правительства и т.п. Однако, если есть возможность, необходимо использовать эти митинги для революционной пропаганды. На всех собраниях, занятиях в сети политического просвещения, лекциях и семинарах по общественным наукам, просто в коллективах рабочих, студентов и др. поднимать и обсуждать важнейшие вопросы текущей политики и теории марксизма, используя для этого такие работы, как «Анти-Дюринг» Энгельса, «Государство

и революция» Ленина и другую подобную литературу. Для пропаганды можно использовать такие коллективы, как кружки художественной самодельности, спортсекции, народные дружины, литературные объединения, различные клубы и т.д. Необходимо добиваться на профсоюзных, комсомольских, колхозных и других собраниях избрания на все посты людей, действительно отражающих волю избирателей, а на выборах в советские органы вычеркивать всех кандидатов, про которых заранее неизвестно, что они будут принципиально и до конца отстаивать интересы трудящихся.

Надо организовывать полулегальные кружки для действительного изучения марксизма. Наконец, необходимо организовывать на заводах, в колхозах, в вузах и т.д. нелегальные революционные кружки, которые должны брать на себя более серьезные задачи: организацию забастовок, выпуск листовок, организацию митингов и демонстраций, руководство стихийным недовольством масс. Как только на данном участке (заводе, колхозе, институте, воинской части и т.п.) будет иметься достаточно сильный кружок политических единомышленников, подпольная организация должна начать спланировать вокруг себя массы путем борьбы против наиболее вопиющих безобразий, порождаемых бюрократизмом в данном месте. Факты забастовок в различных городах страны против снижения расценок говорят о том, что в этих случаях почти всегда удастся добиться успеха, хотя ценою известных жертв. Переходом борьбы с чисто экономических рельсов на политические может явиться забастовка с требованием освободить арестованных товарищей. Путем личных контактов или любым другим необходимо создавать такие организации в органах подавления, прежде всего в армии, а также в милиции и в войсках КГБ. Необходимо использовать систему выборов для того, чтобы проводить в соответствующие органы лиц, связанных с организацией, что совершенно необходимо для сбора информации, нужной для систематической разоблачительной пропаганды и для агитации с делегатских трибун. Эти кружки должны устанавливать связи между собой, превращаясь, таким образом, в костяк революционной партии, охватывающей всю страну. Когда страна будет охвачена сетью организаций, связанных между собой единой программой и руководством, когда эти организации ясно докажут массам, что интересы народа несовместимы с интересами правящей бюрократии, когда армия будет достаточно революционизирована, тогда на повестку дня станет вопрос о взятии власти пролетариатом — о пролетарской революции. Такова программа коммунистической революционной оппозиции.

Может показаться, что такая перспектива еще очень отдаленна, учитывая небольшое количество сознательных революционеров в стране. Вспомним, однако, что в 1890-х годах во всей огромной стране было едва ли несколько десятков сознательных революционеров, что (как пишет в своих воспоминаниях Драбкина) одна из первых листовок ленинского «Союза борьбы» была разбросана Бабушкиным на фабрике Семянникова всего в четырех экземплярах, два из которых попали в руки сторожей. (См.: Правда, 2 января 1963 г.). Факты об экономическом положении страны и политических выступлениях масс, приведенные в четвертой главе, говорят о том, что революция неизбежно станет совершившимся фактом.

«Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией!» (Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии).

1962–1963

6. «КОЛОКОЛ»

Под таким названием наша подпольная группа в 1965 году начала выпускать самиздатский политический журнал. Удалось выпустить только два номера — за апрель и май. Для третьего, июньского, был подготовлен материал, но 12 июня к нам пришли с обыском, последовал арест. В «Колоколе» был предусмотрен цикл «Кто управляет страной». Две статьи для этого цикла были написаны мной под псевдонимом «Шельга».

В. Ронкин

Из цикла «Кто управляет страной»

«Колокол». Апрель. 1965.

Косыгин А.Н.

1904 г. рождения. Член КПСС с 1927 г. Свою бюрократическую карьеру начал, как и большинство его соратников и сверстников, в 1937 г. После разоблачения «вредительства» в текстильной промышленности и проведенной там чистки его переводят с должности начальника цеха ленинградской ткацко-красильной фабрики им. А.И. Желябова на освободившееся место директора прядильно-ткацкой фабрики «Октябрьская». Являясь одновременно членом комиссии по чистке партии при Выборгском райкоме, он зарекомендовал себя «как верный сын партии Ленина—Сталина и способный оратор» (биография Косыгина, опубликованная в сборнике «Наши депутаты», 1946 г.). Поэтому в июле 1938 г. он был утвержден заведующим промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома партии, а в октябре того же года Косыгин был «избран» председателем Ленгорисполкома, сменив на этом посту И.Ф. Кодацкого, члена партии с 1914 г., разоблаченного как «врага народа» и погибшего в 1937 г.

1939 г. принес Косыгину новые повышения. Он на XVIII съезде партии избирается в ЦК и в том же году назначается наркомом текстильной

промышленности. Отлично понимая, что своим возвышением он обязан мутной волне террора, которая, сметая старых партийцев, поднимала к вершинам власти проходимцев, подобных ему, Косыгин не только не пытался бороться с нарушением «ленинских норм», но всячески по-творствовал этим нарушениям.

Свой доклад на XVIII съезде он начал проклятиями в адрес «врагов народа» и кончил здравицами в честь его «вождей». «Невыполнение плана второй пятилетки по текстильной промышленности, — говорил он с трибуны съезда, — это результат вредительства, которое осуществляли всякие Любимовы и их сподвижники» (*) (Любимов И.Е. — член партии с 1902 г., делегат нескольких съездов партии, нарком легкой промышленности, разоблаченный как «враг народа» и расстрелянный в 1937 г.). Конец доклада не менее характерен.

«Нами повседневно руководит соратник товарища Сталина, товарищ Молотов, соратники товарища Сталина Микоян и Каганович. Нашей коммунистической партией руководит наш любимый вождь, учитель и друг — великий Сталин» (*). Вот уж поистине, скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты.

В 1940 г. Косыгин получает очередное повышение — становится заместителем председателя Совнаркома СССР, пост, который он сохранил за собой до 1964 г. (с перерывом с марта по декабрь 1953 г.). В марте 1946 г. он становится кандидатом в члены Политбюро, а в 1948 г. по 1952 г. — членом Политбюро. В те же годы, к 70-летию Сталина, Косыгин пишет книгу: «Нашими успехами мы обязаны Сталину».

Если говорить лично о нем и его друзьях, это действительно так.

После смерти Сталина любовь к нему Косыгина значительно охладела, и он с легким сердцем приветствовал разоблачение «культ личности». Но, поскольку положение было неопределенным, нового кумира он выбрал не сразу. На XX съезде¹⁷⁰ он уже громил своих прежних руководителей — Молотова и Кагановича, громил с тем большим основанием и энтузиазмом, что их разоблачение и его правильный выбор позволили ему снова попасть в кандидаты, а затем и в члены президиума ЦК. И только на XXII съезде, окончательно убедившись в правильности своего выбора, Косыгин заявил: «Партия единодушна и сплочена вокруг ЦК во главе с верным ленинцем Никитой Сергеевичем Хрущевым».

¹⁷⁰ Здесь у автора ошибка. В действительности — на Июньском (1957 г) пленуме ЦК КПСС. (Прим. ред.)

Это заявление не помешало, однако, через некоторое время свалить на Хрущева всю вину за все неполадки и, в частности, за фактическое невыполнение семилетнего плана, совершенно игнорируя тот факт, что, являясь с 1959 г. председателем Госплана, он сам несет ответственность за его составление и выполнение.

Но об этом мы услышим, очевидно, из уст очередного победителя гонки за лидерство, когда Косыгин окажется не в выигрыше.

Шельга (псевдоним В. Ронкина)

«Колокол». Май. 1965.

Суслов М.А.

1902 г. рождения, член КПСС с 1921 г. С 1928 г. вел преподавательскую работу в Московском университете. Выдвинулся благодаря активной борьбе с оппозицией. С 1931 года работал в Центральной Контрольной комиссии ВКП(б), в 1933–1934 гг. — в Уральской и Черниговской комиссиях по чистке партии. Эта чистка, которой руководил Каганович, бывший председателем центральной комиссии, предшествовала и во многом способствовала репрессиям 1937–1939 годов. В 1937 году Суслов становится секретарем Ростовского обкома, а в 1939 году — первым секретарем Ставропольского крайкома партии. На посту первого секретаря Ставропольского крайкома ВКП(б) Суслов проявил себя не только как член военного совета фронта. В 1943 году в Ставропольском крае проводились массовые репрессии против калмыков и карачаевцев, последовавших вслед за ликвидацией в 1943 году Калмыцкой АССР и в начале 1944 года Карачаевской автономной области и включением этих территорий в состав Ставропольского края. Местное население этих территорий было сослано в восточные районы страны в специальные поселения с полулагерным режимом.

Очевидно, благодаря своему «опыту» Суслов в конце 1944 г. назначается председателем Бюро ЦК по Литовской ССР, где действует теми же методами. Известно, что целые эшелоны местных жителей выселялись на восток «в 24 часа», известно также, что очень большая часть старой литовской интеллигенции (в том числе и члены партии с подпольным стажем) была уничтожена или заключена в концлагеря.

В марте 1946 г. Суслов переходит на работу в ЦК партии (на этом же пленуме в состав Политбюро ЦК вошли Берия и Маленков, а Булганин и Косыгин стали кандидатами в члены Политбюро). В 1947 г. Суслов

становится секретарем ЦК, а с 1949 по 1950 гг. является одновременно редактором «Правды». Под его руководством «Правда» продолжает кампанию борьбы с космополитизмом, борьбу с новыми направлениями в биологии и кибернетикой; именно в эти годы «Правда» начала разворачивать антисемитскую кампанию, закончившуюся в 1952 г. арестом профессоров-медиков.

В ноябре 1949 г. Суслов возглавляет советскую делегацию на заседании Коминформа, на котором была единогласно принята резолюция: «Югославская компартия во власти убийц и шпионов».

Правда, в 1964 г. он писал: «Если исходить не из субъективистских взглядов, а из объективных законов, из учения Марксизма-Ленинизма — нельзя отрицать, что Югославия является социалистической страной» (*).

На любом посту, куда бы ни бросала его партия, Суслов честно выполнял указания своих хозяев, которые, очевидно, не расходились с его желаниями. В этом отношении он напоминает нам чеховскую Каштанку, которая делила весь мир на хозяев и нехозяев, считая, что перед первыми нужно вилять хвостом, а на вторых можно и нужно лаять. Однако к чести Каштанки надо сказать, что она меняла хозяев с большим трудом. Суслов подходил к вопросу о верности более диалектически.

Выступая на XIX съезде, Суслов говорил: «...трудно назвать такую отрасль науки, культуры и искусства, такой участок идеологического фронта, где бы не ощущалась вдохновляющая и направляющая роль нашего вождя и учителя, корифея науки, родного и любимого товарища Сталина, благотворное влияние его гениальных идей» (*). На следующем, XX съезде он несколько изменил свою точку зрения: «Поклонники культа личности, — принципиально возмущался Суслов — приписывали развитие марксистской теории отдельным личностям и целиком полагались на них. Теория культа личности приводила к бесконтрольности и даже произволу отдельных лиц, мешала развитию критики и самокритики и порождала одностороннее, а подчас ошибочное решение вопроса» (*).

На XXI и XXII съездах Суслов продолжал бороться с культом личности (Сталина), одновременно отдавая должное уважение новому хозяину: «В тезисах и в докладе товарища Хрущева дана не только величайшая программа практических дел партии... но и научно освещен наш дальнейший путь... развит целый ряд важнейших положений марксизма-ленинизма о переходе от социализма к коммунизму».

И уж совсем трогательно говорит он о Хрущеве на пленуме ЦК 14 февраля 1964 года: «Именно Никита Сергеевич стоит во главе тех

замечательных процессов, которые возникли в нашей партии и стране после XX съезда и обеспечили успешное продвижение советских людей к коммунизму... Тов. Хрущев с его неиссякаемой энергией, с его подлинно большевистской страстностью и принципиальностью — признанный руководитель нашей партии и народа. Он выражает сокровенные думы и чаяния советских людей. Ленинскую линию, которую проводит наша партия, нельзя отделить от ЦК, от Никиты Сергеевича Хрущева» (*).

Особенно трогательно эти слова звучат сейчас, когда мы знаем, что не прошло и девять месяцев, как у Суслова родился новый доклад, где уже говорилось о безответственности, хвостовстве и авантюризме бывшего ленинца, а ныне пенсионера Н.С. Хрущева.

Нам неизвестно, какие доклады готовит сейчас Михаил Андреевич. Но мы твердо уверены, что они будут столь же научны и принципиальны, как и его предыдущие работы, как он сам, как его соратники, уже мертвые и еще живые.

Шельга (псевдоним В. Ронкина)

«Колокол»¹⁷¹

(Выступление В. Ронкина на конференции)

Наш архив, «взятый на хранение» в 1965 году самыми компетентными в мире органами, я еще не получил, поэтому минувшее мне приходится восстанавливать по памяти.

Это имеет и свои плюсы, и свои минусы: память зачастую искажает обратную перспективу, но, с другой стороны, память человеческая выделяет, как правило, самое важное и существенное.

Рассказу о журнале «Колокол» надо предпослать краткую историю возникновения нашей «подпольной антисоветской организации», по формулировке все тех же компетентных органов, а если говорить нормальным человеческим языком, — дружеской компании, связанной

¹⁷¹ Самиздат. (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–1980 годы». Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.). — СПб.: Научно-информационный центр (НИЦ) «Мемориал», 1993, с. 64–69.

Немецкое издание: Valerij Ronkin. «Kolokol» (Die Glocke) // Samizdat. Materialien der Konferenz «30 Jahre unabhängige Presse. 1950–80er Jahre» St. Petersburg, 25–27. April 1992. St. Petersburg, WIZ «Memorial», 2001. S. 76–80.

общими взглядами, взаимным доверием и взаимными симпатиями. Сегодня эти взаимные симпатии насчитывают уже более тридцати пяти лет, тогда, в 1965 году, наше знакомство и дружба отмечали свое десятилетие.

Основное ядро этой компании образовалось, как это ни покажется странным сегодня, в комсомольском патруле Ленинградского Технологического института.

Знаменитая «ворошиловская» амнистия, проведенная после смерти Сталина, и общий идеологический стресс, вызванный «десталинизацией» общества, начавшейся, хотя и не так явно, сразу же после смерти «великого кормчего» и корифея всех наук и открыто заявившей о себе на XX съезде КПСС, — все это вызвало резкий рост уголовной преступности. Обеспокоенные власти решили обратиться за помощью к населению. Возможно, у властей были и другие резоны — «приблизить к народу» органы принуждения, изрядно дискредитированные разоблачением и деморализованные казнью Лаврентия Берии и некоторых его подчиненных.

Как бы то ни было, где-то «наверху» было принято решение об образовании на предприятиях и в институтах рейдовых бригад комсомольского патруля, призванных помогать милиции в наведении порядка. Те задачи, которые первоначально были поставлены перед комсомольским патрулем, требовали безусловной добровольности, что первоначально и соблюдалось властями. Но к середине пятидесятых годов в нашей стране было очень мало людей, которым когда-нибудь приходилось участвовать в действительно добровольных общественных организациях или хотя бы наблюдать таковые. Начальство растерялось, не встретив среди молодежи на этот счет энтузиазма. Прошло около пяти лет, пока на смену комсомольским патрулям пришли полностью подконтрольные властям народные дружины.

Наши студенческие годы как раз пришлись на это пятилетие. Кроме участия в патруле, нас связывали летние студенческие стройки, в те времена практически неоплачиваемые, поездки на целину, турпоходы.

Мы пытались реализовать себя в сотрудничестве с существовавшим режимом, но, поскольку за нашей деятельностью никаких карьерных и рваческих мотивов не замечалось, наиболее дальновидные представители властей начали усматривать в самом существовании нашей компании некую крамолу. Особенно усердствовал в этом отношении редактор нашей многотиражки «Технолог» — М. Кулаковский. Вышестоящие «товарищи» к нему тогда не прислушались, им нужно было отчитываться и отвечать за уровень комсомольской активности, а мы эту активность проявляли.

Во время патрульных рейдов, на стройках, целине мы начали сталкиваться с фактами, не укладывавшимися в схемы, предлагавшиеся нам на лекциях по истории КПСС и передовицами газет. Наша действительно бескорыстная деятельность не могла сводиться к тупому или показушному выполнению указаний свыше. Мы начали обсуждать и анализировать увиденное. А тут еще знаменитый XX съезд, на котором было заявлено о том, что страна, по сути, все прошлые годы жила в условиях мрачной диктатуры. И почти сразу же после этого съезда произошли события в Венгрии.

После XX съезда перед нами встал вопрос: как могли наши отцы допустить то, что именовалось «культом личности», и еще: что должны сделать мы, чтобы мрачное прошлое не повторилось вновь. Эти размышления поставили нас перед проблемой: как могло случиться, что самое разумно организованное общество в человеческой истории, каким мы мыслили социализм, оказалось не защищенным от злобности одного прохвоста, получившего неограниченную власть, почему эта власть оказалась неограниченной и почему существовавшая в стране социально-политическая система допустила к власти именно Сталина.

Ответ, который я до сих пор считаю правильным, нам подсказал марксизм: то, что советская пропаганда тех лет назвала «культом личности», на самом деле была диктатура партийно-государственной бюрократии, «нового класса», по выражению Милована Джиласа. Позже, на следствии, нам было предъявлено большое количество чуть ли не текстуальных совпадений с этим автором, но мы опровергли обвинение в плагиате — действительно, к моменту написания нашей книжки «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата» книгу Джиласа «Новый класс» мы еще не читали.

Исходя из классового анализа общества, мы считали необходимым создание партии, защищающей интересы рабочих, вернее, работников наемного труда, к которым мы причисляли, кроме собственно рабочих и инженеров, учителей, врачей, противопоставляя их классу бюрократии, выразителем интересов которого была КПСС.

Диктатуру работников наемного труда мы представляли в виде многопартийной системы, так как считали, что партия не авангард класса, а инструмент, которым класс пользуется в политической борьбе. Авангардом же пролетариата мы считали наемную интеллигенцию, так как выделяли те или иные группы не по идеологическому, а по социальному признаку.

Вокруг обсуждения, а затем и размножения (фотоспособом) этой книги и начала складываться наша группа, большая часть которой, как уже было сказано, познакомилась и подружилась еще в комсомольском патруле.

Затем было распространение этой книги, листовки, развешанные в университете, на туристском слете, в районе, кажется, Репина и розданные пассажирам студенческого эшелона, отправлявшегося на целину.

В начале 1965 года мы решили начать выпуск журнала. Остановились на названии «Колокол». Связь с герценовской традицией подчеркивало не только слово «колокол», но и то, что клише для названия (его изготовила Валя Чикатуева) было скопировано с герценовского журнала. Начали мы свой журнал прямо с № 23. Такая нумерация вовсе не преследовала цели обмануть «рядового» читателя, придав нашему журналу большую значительность; наша хитрость была рассчитана на «компетентных» читателей — по нашему мнению, расчет КГБ должен был отнести первые номера издания к тому времени, когда меня еще в Ленинграде не было, а Сергей Хахаев находился в длительных командировках. Журнал должен был выходить раз в два (или в три — точно не помню) месяца.

С тех пор прошло более четверти века, история нашей страны сделала крутой поворот, но от большинства того, что было опубликовано в «Колоколе» или готовилось к публикациям, я не откажусь и теперь.

Всего вышло два номера журнала — № 23 и № 24; для третьего номера материал был уже готов.

Некоторые названия статей говорят сами за себя: «О подлинном и мнимом величии Ленина», «Первые шаги нового правительства», «Лавирование или поворот».

Первая из названных статей, написанная В. Смолкиным в соавторстве со мной, разоблачала официальные славословия в адрес «основателя и организатора партии и государства» В.И. Ленина; мы говорили и о том, что многие ленинские положения замалчиваются, что не идеология государства делается «по Ленину», — наоборот, ленинизм подгоняется под нужды бюрократического государства и очередные речи его лидеров. Сегодня я усилил бы акцент на том, что Ленин был трагической фигурой русской истории, трагической не только для народа и страны (об этом в 1965 году мы не думали), но и сам по себе, — его деятельность привела не к осуществлению тех идеалов, за которые он ратовал, а к результатам прямо противоположным. Впрочем, сегодня об этом уже много написано и без меня.

Вторая статья, анализировавшая выступления Косыгина и некоторых других идеологов антихрущевского переворота, доказывала, что этот

переворот был сделан бюрократической верхушкой в интересах всего класса бюрократии, на которые Хрущев посягал.

Третья статья касалась восхвалений в честь «генералиссимуса Сталина», сопровождавшихся «бурными, долго не смолкающими аплодисментами» собравшихся на кремлевском камлании, посвященном двадцатилетию победы в Великой Отечественной войне. Статья анализировала те плюсы и минусы, которые получила бы бюрократия в случае реанимации идей «Отца народов». С одной стороны, это позволило бы бюрократии ужесточить идеологический контроль и усилить репрессии против оппозиции, с другой — сделало бы вновь опасным пребывание на высоких постах, с которых в оные времена бюрократы попадали либо в лагерь, либо в небытие, пройдя предварительно пытки.

Была в нашем журнале и рубрика «Они управляют страной», в которой мы успели поместить биографии Косыгина и Суслова. Все материалы для их биографий мы брали из официальных источников. Наш криминал состоял, во-первых, в том, что мы пользовались «идеологически устаревшей» литературой, и, во-вторых, в компоновке — некоторые высказывания наших вождей, идеологически приемлемые сами по себе, приведенные рядом, недвусмысленно указывали на их полнейшую беспринципность. Конец статьи о Суслове: «советские граждане могут быть уверены, что Суслов и впредь будет столь же принципиален, как и ранее», мой следователь Елесин расценил как, безусловно, клеветнический. Сам Суслов был такого же мнения: ознакомившись со своей биографией в нашем изложении, он вмешался в ход процесса, который ленинградские власти хотели «спустить на тормозах», и обеспечил по крайней мере «главарям» срок «на полную катушку» (так нам рассказывали во время процесса некоторые адвокаты). В статье о Косыгине перечислялись люди, погибшие во время «чисток», чьи посты после их гибели последовательно занимал Косыгин, двигаясь вверх по иерархической лестнице.

Среди неопубликованных материалов, приготовленных для третьего номера «Колокола», была статья В. Иофе о руководителях промышленности и сельского хозяйства, получивших в последние дни правления Хрущева некоторую экономическую самостоятельность. Он фактически предсказал судьбу таких людей, как Худенко, погибшего в лагере.

Я подготовил статью под заголовком «Куда ведут следы?» — статья эта была реакцией на опубликованную то ли «Известиями», то ли «Литературкой» статью «Следы ведут в заповедник». В ней рассказывалось о местном начальстве, не только превратившем государственный заповедник в свое личное охотничье хозяйство, но и стрелявшем в егеря,

пытавшегося охранять народное добро от его, народа, корыстных и нерадивых слуг. По моему мнению, следы вели в недра бюрократической системы, при которой класс бюрократов считал все достояние страны своей коллективной собственностью, и если иногда и разрешалось газетам обличать некоторых зарвавшихся низовых чинуш (суда над бандитами, пытавшимися в открытую убить человека, так и не было), то делалось это исключительно для того, чтобы отвести подозрение от бюрократии в корысти и подставить народному возмущению очередного «управдома».

В статье, подготовленной С. Хахаевым, анализировалось положение в так называемых слаборазвитых странах, выбравших «некапиталистический путь развития». Автор анализировал соотношения социальных сил в этих странах и доказывал, что полуфеодальная бюрократия, еще недавно не знавшая самого слова «социализм», со временем поняла, что та система, которая будет реализована под этим названием, позволит ей не только сохранить свою прежнюю власть и привилегии, но и сделать то и другое абсолютными. Она понимала также, что утверждение капитализма в их странах отодвинет бюрократическую верхушку на второй, а то и на третий план.

Возможно, кое-какие материалы, подготовленные к публикации или опубликованные, я не упомянул, а кое-что и напутал. Ничего страшного — живы те, кто может меня поправить, да и материалы эти, надеюсь, скоро станут доступными.

С объявлением гласности мы полушутя обсуждали проблему возобновления выпуска «Колокола», но, не имея ни средств, ни организационных талантов, на сем и успокоились.

И сегодня социалистические идеалы братства, равенства, свободы и бескорыстия дороги и мне, и некоторым моим друзьям. Однако это общество должно быть построено не теми методами, к которым призывают вернуться сегодняшние национал-большевики, и вовсе не для того, чтобы они вновь стали хозяевами страны.

Ронкин Валерий Ефимович

Сочинения
Наблюдения, исследования, размышления
Книга 2

Под ред. А.Н. Алексеева и И.Т. Ронкиной

Оригинал-макет подготовлен издательством «Норма»

Технический редактор — Фофанова Н.М.

Корректор — Капитонов Д.М.

Художник — Куршева Ю.Н.

Компьютерная верстка — Гургуца М.Б.

ISBN 978-5-87857-205-7

9 785878 1572057

Сдано в набор 18.04.2012. Подписано в печать 31.07.2012.

Формат 60×90/16. Бумага газетная. Печать офсетная.

Гарнитура NewtonС. Усл.-п.л. 37,0. Тираж 350 экз.

Заказ № 0302.

НОРМА

Издательство «Норма»

192102, г. Санкт-Петербург, ул. Салова, 37

Тел. (812) 712-67-73

Первая Академическая типография «Наука»

199034, г. Санкт-Петербург, 9 линия В.О., д. 12/28

Тел. (812) 323-5027